

САМЕД
ВУРГУН

САМЕД ВУРГУН

БИБЛИОТЕКА
ПОЭЗИА

Советский
издатель

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор), И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан,
В. Г. Базанов, А. Н. Болдырев, П. У. Бровка, А. С. Бушмин,
Н. М. Грибачев, А. В. Западов, К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис,
С. С. Наровчатов, В. О. Перцов, В. А. Рождественский, С. А. Рустам,
А. А. Сурков, Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-заде*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

САМЕД ВУРГУН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья Б. М. Вагабзаде

Составление и примечания

А. С. Гусейнова

Редактор поэтических переводов

Г. Г. Регистан

Общая редакция

Ч. Г. Гусейнова

Выдающийся азербайджанский поэт Самед Вургун (1906—1956) на всем протяжении своей литературной деятельности выступал как вдохновенный певец социалистического преобразования своей Родины. Автор эпических поэм, посвященных героической борьбе родного народа против национального и социального порабощения, С. Вургун был одновременно и тонким лириком, глубоко отразившим внутренний мир нового человека, пропагандистом идей советского патриотизма и интернационализма.

В настоящую книгу вошли все наиболее значительные произведения С. Вургунa, представленные в переводах видных советских поэтов-переводчиков.

© Издательство «Советский писатель» 1977 г.

САМЕД ВУРГУН

1

«Он был очень хорош собой — статный, ловкий и складный человек, с черной шапкой волос, неистово влюбленный в жизнь, веселый и общительный в доброй и дружеской компании, не слишком усидчивый в труде, но легко и скоро одолевающий любую работу»,¹ — вспоминает Павел Григорьевич Антокольский о молодом Самеде Вургуне, соредакторе первой «Антологии азербайджанской поэзии».

В этом отзыве большого русского поэта верно схвачены основные черты характера и человеческого облика его будущего нежно любимого друга. Да и не только Павел Антокольский, но и Владимир Луговской, Константин Симонов прониклись столь же прочной симпатией к бакинскому коллеге, симпатией, переросшей в высокое духовное и душевное родство. Их сдружили поэзия и молодость, благородное и единое стремление служить сближению наших культур и народов. Кто, как не Самед Вургун, умел влюбить друга в свой край, в свою землю, в духовное достояние и благородные свойства родного народа. «Недаром он был признанным знатоком и хозяином раскрывшегося перед нами богатства азербайджанской классики и народного эпоса».²

Прошли годы, и «черная шапка волос» превратилась в седое облачко, окутавшее его голову, как туман — горную вершину (он сам светло и с грустью скажет в одном из стихотворений: «Поэт, как рано постирел ты...»), но осталась та же молодая влюбленность в жизнь, отяжелевшая распаханность души, жажда узнавания и зоркий интерес к свершениям страны, к бурям планеты.

«Дорогой Самед, чудесный друг мой, — писал ему А. А. Фадеев 10 января 1954 года. — Прочел я сегодня в «Правде» подвал, посвя-

¹ П. Антокольский, Самед Вургун. — Собр. соч. в 4-х томах, т. 4, М., 1973, с. 102.

² Там же.

щенный пуску первой очереди Мингечаура (Мингечаурской ГЭС.— Б. В.), вспомнил, как мы были там вместе в те времена, когда все там было еще в начале... вспомнил, с каким естественным гостеприимством принимали нас — Тихонова, тебя и меня — азербайджанские колхозники, с какой любовью к тебе и твоей поэзии относились они...»¹

Николай Семенович Тихонов, участник той памятной осенней поездки 1947 года, впоследствии вернулся к этим же дням в «Страницах воспоминаний», где с удивительным лирическим проникновением, в живом, подчас неуследимом динамизме запечатлены драгоценные штрихи характеров, душевных движений его друзей-спутников. Так же, как и Фадеев, став свидетелем всенародной любви к поэту, Тихонов с высоты опыта и памяти точно определяет значение и место своего азербайджанского собрата по перу в его родной литературе: «В Азербайджане, стране поэтов, где народ чтит такие имена, как Низами, Хагани, Вагиф, не так легко завладеть сердцами, чтобы получить высокое признание народного поэта. Самед Вургун — певец народа, сам вышедший из его рядов, сам деливший с ним все его беды и его трудный революционный путь».²

В натуре Самеда Вургуня, в мире его душевных привязанностей и духовных интересов ярко выразился темперамент патриота и интернационалиста. Личность и творчество этого художника нерасчленимы. Он был столь же искренен и правдив в поэзии, как и в жизни. Он умел не только заставить полюбить свою землю, — он жадно впитывал сердцем и разумом многоцветные краски мира, всматривался в «душ золотые россыпи» (В. Маяковский), проникал в глубинную суть общечеловеческих нравственных и духовных ценностей.

Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших,
Чем те, где не встают на якоря.

(«Я не спешу...»)

Пристальное, влюбленное внимание к сокровищнице братских национальных культур — будь то «Евгений Онегин» или эпос «Давид Сасунский», «Витязь в тигровой шкуре» или творчество Мусы Джалиля — определяло горизонты его творческого и гражданского виде-

¹ Александр Фадеев, Письма (1916—1956), М., 1973, с. 494.

² Николай Тихонов, Страницы воспоминаний. — «Знамя», 1963, № 1, с. 47.

ния и поведения. Дружба Самеда Вургуня с мастерами художественного слова, необычайно щедрая и широкая по географии, — это не просто личная привязанность, это единение и солидарность товарищей по оружию-слову, по идее, по борьбе.

Мой брат Амаду, бразильянец смелый!
Чрез океан мне руку протяни.
.. Пусть Арагон рассказом про Тореза
Одушевляет храбрый свой народ.
.. Пусть торжеством и радости, и света,
Назым Хикмет, звучит нам голос твой.
.. Пусть римский друг, и пражский,
и московский —
Поэты мира — строятся в ряды!
Наш командарм — Владимир Маяковский.
Так будем же отважны и тверды!

(«Читая Ленина»)

Выходец из сельской народной среды, не обласканный судьбой на заре своей жизни, молодой Самед Вургун прошел суровую жизненную школу, прежде чем прийти в литературу, и, начав писать, не сразу нашел свой истинный путь, свое поэтическое назначение, возвысившее его до уровня художника — классика советской многонациональной литературы, яркий образ которого запечатлен П. Антокольским: «...вспоминая сейчас тот декабрьский день 1954 года, когда он говорил с трибуны Колонного зала Дома Союзов в Москве, под лучами прожекторов и иссиня-белых «юпитеров», подтянутый, смуглый, рано поседевший человек, взволнованный сознанием высокой своей ответственности за все хозяйство нашего трудного искусства, — мы вспоминаем это не только как заслуженное им торжество, но и как его трудовой подвиг — последний из предстоявших ему в короткой и блестящей жизни». ¹

2

Самед Вургун (Самед Юсиф-оглы Векилов) родился 21 марта 1906 года в селе Гыраг-Салахлы бывшего Казахского уезда. Детство будущего поэта было омрачено лишениями, сопутствовавшими жизни семьи обедневшего бека, и невозможной утратой — смертью матери, Махбубы-ханум. Шестилетний Самед остался под призором бабушки

¹ П. Антокольский, Самед Вургун. — Собр. соч., т. 4, с. 100.

Айше. Юсиф-ага, переживший и сословные ущемления, и личные невзгоды, был человеком ярким, недюжинным, с творческой жилкой и трезвым умом. Часто Самед упивался шемящими звуками саза в руках отца, слушал ашугов, любовался сельским привольем и голубыми далями реки Куры, оваянной легендами. На всю жизнь запало ему в душу искрометное народное слово, песни, сказания, нерасторжимые с людьми, с картинами природы. Сызмала он вбирал в память стихи — народные и классические, черпая в них неизъяснимую радость. Позже он скажет с гордым достоинством:

Я чеканил слова не за хлеба кусок —
У народа их брал, чтоб народу отдать,
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю исписал я тетрадь.

(«Свободное вдохновение»)

После окончания так называемой русско-татарской школы в Садахлы отец определил сына во вновь открытую учительскую семинарию в городке Казах. Подросток Самед активно включился в общественные начинания учащихся-энтузиастов, выступал на самодеятельных концертах. В семинарские же годы он музицировал на скрипке — инструменте необычном для местных молодых людей, а на сазе играть ему, как говорится, сам бог велел. Свидетельствуют и о том, что к этим любимым инструментам прибавился и тар. Самед декламировал классиков, играл в любительских спектаклях, сразу же обратив на себя внимание зрителей. Есть сведения, что он тогда уже писал «гошма» (форма народной лирической поэзии), помещал стихи в стенгазете семинарии. Эти пробы пера не дошли до нас. Печатный дебют С. Вургунa относится к 1924 году, когда в газете «Ени фикир» («Новая мысль»), издававшейся в Тбилиси, появилось его стихотворение «Молодежь», написанное в связи с окончанием учительской семинарии.

После окончания семинарии он несколько лет учительствовал в Казахском, Кубинском районах, в Гяндже (ныне Кировабад). Коллеги отмечали некоторую отрешенность, углубленную сосредоточенность молодого учителя, не очень строго придерживающегося учебного графика и в то же время воинственно ополчавшегося на застывшие догмы педагогики.

Поэзия все более и более овладевает его существом. Первое известное нам стихотворение, «Письмо к Шикесте»,¹ написано в том же

¹ Шикесте — поэтический псевдоним Шарифа Багирзаде, учителя Самеда Вургунa.

1924 году, когда он учительствовал в селе Шихлы. «Письмо к Шикесте» написано в духе традиционных сетований на судьбу, на личные невзгоды, принятом в старой ашугской и классической поэзии.

Характерно, что эти традиционные поэтические мотивы облечены в форму «гошма», — факт, говорящий о художественных пристрастиях, которые со временем, оплодотворившись новым содержанием, составят устойчивую стилевую доминанту в поэзии С. Вургун.

Впоследствии поэт писал о своих ранних опытах: «Вспоминаю начальный период моего творчества, до тридцатых годов. Меня как поэта сильно влекла к себе новая жизнь с ее великими переменами в экономике, в быту, в психологии народных масс. Меня вдохновляла героическая борьба народа за социализм. Меня пленяли новые образы людей рабочего класса и крестьянства, ставших вершителями истории. А в то же время в моем творчестве тогда преобладали мотивы одиночества, печальной любви и идиллического воспевания «безмятежной» и «счастливой» природы с ее «вечной» и «хладной» красотой.

Отчего это происходило? Оттого, что надо мной, как и над другими моими сверстниками, все еще тяготели устаревшие, классово чуждые нам представления о поэзии, о том, что достойно воспевания, что «поэтично» и «непоэтично» в жизни». ¹

Стихи, написанные до 1928 года, по преимуществу выражают личные, интимные переживания и чувства. В них, наряду с унынием, печалью, вызванной неразделенной любовью и отчасти инерцией старой отвлеченной романтики, уже пробиваются, хотя поначалу глухо и подспудно, мажорные, волевые интонации. Первые опыты при всем том привлекают непосредственностью, естественностью тона и чувств. В возвышенной гармонии «безмятежной» и «счастливой» природы поэт хочет видеть связь с духовной и нравственной красотой человека.

Трепетная любовь к природе с ее неисчерпаемыми красками пройдет через все творчество поэта. У него нет ни одного широкого полотна, где бы не слышался рокот раздольных рек, не белели бы ослепительные снеговые выси родных гор или не ощущалось бы дыхание родных полей и нив.

Позднее об этой любви к природе, чувстве живого, кровного единства с ней вспоминал Н. С. Тихонов, совершивший поездку по республике с А. А. Фадеевым в обществе радушного хозяина:

«И вот сейчас, идя по лунным полянам, вдыхая железистый воздух предгорий, настоящий на осеннем лесном экстракте, я думал

¹ Самед Вургун, Держа равнение на Маяковского... — «Дружба народов», 1950, № 2, с. 112—113.

о том, что для таких людей, как Фадеев и Самед Вургун, жизнь без большого внутреннего общения с природой, глубокого и им одним понятного, невозможна, что никакие городские радости не заменят им вот такой сладостной осенней ночи с ее горькими запахами и тревожной тишиной». ¹

Картины природы, окрашенные яркими личными переживаниями, предстают в стихотворениях «Горы», «Фиалка», «Весна и я», «Курá» и других. Примечательно, что в пейзажной лирике появляется со временем новый оттенок: природа, сельский уклад противопоставляются городу, который порой тяготит поэта, городу, где нет привычного дыхания родной крестьянской земли, песенной речной воды, всего того мира запахов, звуков, красок, которые несет он в памяти души.

Мотив противопоставления города и села, природного и урбанистического начал, был слышен, да и поныне слышится в той или иной трансформации в творчестве многих поэтов, выходцев из деревни. Достаточно вспомнить тревожно-драматический голос Есенина («Вот сдавили за шею деревню каменные руки шоссе»). Конечно, речь идет не о тождестве, а о некотором соприкосновении поэтов в осмыслении современности и постижении диалектики жизни. Для Есенина закономерен путь к осознанию благотворности «индустриальной мощи», к признанию, пусть не буквальному, и все же характерному: «Но я готов поклясться чистым сердцем, что фонари прекрасней звезд в Баку». Столь же логично постижение Самедом Вургуном поэзии труда нефтяников, всего рабочего класса (вспомним экскаваторщика Сарвана в «Мугани», поэму «Старые друзья» и т. д.). Это — один из аспектов общей эволюции к гражданственности, социальной активности искусства.

Требовалось время, чтобы самовыражение уязвленной, безответно и пламенно влюбленной души (псевдоним «Вургун» означает — «влюбленный») сменилось голосом личности, осознавшей свое активное место и назначение в той всепроникающей социальной буре, имя которой — Революция. Конечно, такие слова, как «волевое усилие», «самоопределение», «интуиция», сами по себе еще ничего не объясняют. Требовался непосредственный гражданский опыт, острое соприкосновение с большой правдой живой действительности.

До Казаха докатилась революционная волна. Части 11-й Красной Армии, вступившие в город, накал борьбы за переустройство деревни, вести из Баку — съезд народов Востока, погребение праха двадцати

¹ Николай Тихонов, Страницы воспоминаний. — «Знамя», 1963, № 1, с. 55—56.

шести бакинских комиссаров, создание в Казахе комсомольской ячейки (Самед — в ее рядах), поездка по селам с агитбригадами — весь этот вихрь событий впоследствии даст обильные ростки, поможет выйти на магистраль гражданских тем.

Мариэтте Шагинян принадлежит замечательная мысль, раскрывающая роль художественного примера, роль первопроходцев в движении литературы: «Когда одному художнику удастся сделать что-нибудь настоящее, всем другим собратьям становится легче работать. Почему? Потому что подлинное художественное произведение — это всегда обобщение, а значит и вывод. Сознательно или нет, мастер в нем подводит итог до него еще неясно воспринимавшемуся общественному опыту и типовыми характерами, образами, конфликтами выводит наблюдения века из мира частных на большую магистраль исторических закономерностей. А вслед за ним, за вожаком, начинают видеть эту магистраль и другие художники».¹

Слова эти сказаны о драме С. Вургуня «Вагиф», созданной почти десятилетие спустя после его печатного дебюта. Такая высокая оценка, характеризующая исключительную стремительность творческого роста художника, вместе с тем возвращает нас к тому литературному опыту, благодаря которому стало «легче работать» начинающему, молодому С. Вургуню.

Какие примеры были перед поэтом? Каковы были фон и строй новой литературы, призвавшей его в свои ряды?

Азербайджанская литература переживала в ту пору, как и все советское искусство, сложный процесс ломки старых представлений, переоценки ценностей, может быть, не при таком обилии всплывших «измов», течений, группировок, как, скажем, в русской литературе тех лет, но в столь же бескомпромиссной и острой идейно-эстетической борьбе. Некоторые художники старшего поколения (Гусейн Джавид, Г. Саньлы, А. Назми) трудно и сложно шли к осмыслению свершившегося исторического перелома. Если иные ультрасовременные литераторы, как бы вторя футуристической запальчивой фронде («Сбросим Пушкина с парохода современности!»), провозглашали: «Мы обращаем свое лицо не к Физули, Насими, Вагифам... а к Верхарнам, Уитменам, Жюльям Роменам» (Микаил Рафили), то пионеры нового социалистического искусства в лице Джафара Джабарлы, Сулеймана Рустама, Микаила Мушфика и других талантливейших творцов упрямо прорубали себе путь сквозь различные поветрия и трескучие декларации.

¹ М. Шагинян, «Вагиф». — «Литературная газета», 1940, 15 мая.

Сулейман Рустам издает книгу «От печали к радости» — полнозвучную увертюру революционной поэзии Азербайджана. На сценах театров с огромным успехом шли пьесы Джафара Джабарлы «Севиль», «Алмас» (в 30-е годы их число умножится). Революционное художественное слово производило подчас незамедлительное, в буквальном смысле моментальное воздействие: на спектаклях «Севиль» зрительницы разделяли порыв героини, сбрасывая с себя чадру, которая мрачной и попранной тенью лежала в опустевшем зале театра. . .

В Баку приезжают М. Горький, В. Маяковский. Могучие голоса творцов пролетарского, революционного искусства слышны на всю страну. Самед Вургун — студент Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина, а затем Второго Московского университета (1929—1931) — не мог оставаться безучастным наблюдателем в грандиозной эпопее строительства новой жизни.

Время написания большинства стихов, составивших две первые книги, «Клятва поэта» (1930) и «Фонарь» (1932), приходится на годы учения во Втором Московском университете и в аспирантуре Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина. Приобщение к знаниям, к новой среде, к кипучей атмосфере социалистического города, к революционному энтузиазму рабочего класса — все это оказало благотворное влияние на миропонимание поэта. Учение в университете, как и позднее в аспирантуре при Азербайджанском педагогическом институте им. В. И. Ленина, не было завершено по одной и той же причине. Причина эта — поэзия. Жадный до знаний, пытливый по натуре, чуждый какого бы то ни было верхоглядства, Самед Вургун продолжал впитывать знания, приобщаться к духовной сокровищнице мира в живой и непрерывной работе мысли и сердца.

Строки «Клятвы» уже не похожи на слезные жалобы в «Письме к Шикесте»:

Я клятву дал не унижать пера —
Жеманницы меня не вдохновят.
Настала просветления пора —
Не омрачит изменница мой взгляд.

Клятва поэта оказалась нерушимой. Он решительно повернулся лицом и сердцем к распахнувшейся кипучей панораме будней молодой республики. Он вооружается знанием подлинных законов бытия и истории:

Я устремляюсь к жизни настоящей,
Чтоб не увлечься призрачной опять.

Смотрю я в книги Ленина всё чаще,
Чтоб от друзей в походе не отстать.

(«Голос поэта»)

Невольно вспоминаются есенинские слова: «Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем...» Многие поэты 20-х — начала 30-х годов приходили на этот перекресток эпохи, к осознанию гражданской, революционной миссии искусства, отвергая мелкотемье, камерность, заплесневелый реквизит отвлеченной романтики (каждый по-своему).

Ночь спросила: «Пароль?» —
«Ленин», — я говорю.
С тем паролем вся Родина встретит зарю...
Я вдыхаю летящие капли светил.
Пробуждайтесь, запасы невиданных сил!

*(Сулейман Рустам,
«Романтика ночи». Перевод В. Державина)*

Если для Сулеймана Рустама — сына пролетария-кузнеца, зачинателя азербайджанской революционной поэзии, выступившего с программным стихотворением «От печали к радости», — путь этот начался раньше и сразу в его поэзии зазвучал мощный наступательный пафос, то Микаилу Мушфику, пережившему, подобно Самеду Вургуну, раннее сиротство, испытывавшему влияние старых мотивов уныния и печали, пришлось преодолеть эту инерцию камерности, прежде чем твердо провозгласить:

Я мощный мост. Я смелый переход
Из прошлых тяжких лет в грядущий год.
Из тьмы развалин к цветникам весны,
Из увяданья в молодые сны,
Из смерти в жизнь, от рабства к мятежу...

*(Микаил Мушфик, «Мост».
Перевод П. Антокольского)*

Новая тема, выбор героя и жизненного материала завоевывались в борьбе, полемике с консервативными представлениями о назначении искусства, о том, что «поэтично» и что «непоэтично». В поэзию властно вторгались рокот тракторов, гул станков, ритмы всенародной страды:

А сегодняшний день обращается к нам:
— Дайте, — требует, — хлопок ударным станкам...

*(Расул Рза, «Большевицкая весна».
Перевод Л. Гинзбурга)*

С. Вургун, тяготившийся «пыльным красем», «мутящим душу», провозглашает отныне:

Я —
 поэт
 миллионов,
пропахших
 бензином и серой.
Я — враг
 буржуазных салонов,
одетых
 в драпри
 и портьеры. . .

(«Рапорт»).

«Рапорт» можно назвать манифестом поэта-гражданина, осознавшего свой истинный путь. Это, вместе с тем, патетическая исповедь художника, который «позабыл туманные сны», «распознал (постепенно, не сразу!) живущих в крови бактерий, несущих романтики старой заразу», решил, что «обязан камни класть в фундамент социализма».

Во взвинченных, вздыбленных ритмах «Рапорта», а также «Фонаря» и некоторых других стихотворений, в размашистой поступи строк нетрудно уловить отзвук поэзии В. Маяковского. «Рапорт» и «Фонарь», как вспоминал позднее С. Вургун, «возникли под непосредственным влиянием Маяковского. Эти стихи были переломными в моем творчестве тех лет». ¹

В поэзии С. Вургунa не прижился раскованный, ломающий традиционную метрику стих, но он был творчески освоен другими азербайджанскими мастерами слова — Расулом Рзой и поэтами последующих поколений.

3

Мы уже говорили, что ранние опыты поэта написаны в форме ашугской, народной поэзии — «гошма». Эта форма, помимо изощренной и неукоснительно соблюдаемой рифмовки — редифа, связывающего все строфы, предполагала особый лад, мелодию стиха, струящегося, плавного, не терпящего выпененей, громоздкой лексики, строящегося на прозрачном, сочном, образном слове.

«Гошма» достигла высочайшего совершенства и философской глубины у таких мастеров прошлого, как ашуг Курбани (XVI век), Аб-

¹ Самед Вургун, Держа равнение на Маяковского. . . — «Дружба народов», 1950, № 2, с. 114.

бас Туфарганлы (начало XVII века), ашуг Сары (XVII век), Алескер (1821—1926) и другие. Надо ли говорить, что Самед Вургун, с детства окруженный щедрым, звонким песенным миром народного творчества, сказаний, дастанов, впитал его живительные соки, что называется, с молоком матери.

Участие в комсомольской работе, учительство, непрекращающееся до конца дней общение с жизнью народа — все это было источником духовной энергии, питавшей творческий мир поэта. Влияние ашугской, народной поэзии, шире — фольклора ощущается во всем творчестве поэта. Сюжеты многих поэм заимствованы из народных сказок и преданий (поэмы «Легенда о Луне», «Скала Аслана», «Девичья скала», «Погибшая любовь»). Не случайно на этой ниве народной поэтической фантазии вырос такой корифей, как Молла-Панах Вагиф — уроженец тех же Казахских краев, еще в середине XVIII века спустивший поэзию с небес отвлеченной романтики и круто повернувший ее лицом к народу, к трудовым низам. И не случайно именно Вагиф стал любимейшим поэтом, можно сказать, кумиром Самеда Вургуна, восхищавшегося народной чистотой языка великого предтечи, постигающего уроки его проникновенного лиризма. Вагиф для Самеда Вургуна — не только мастер поэзии, но и гражданин, патриот, самоотверженно отстаивающий интересы народа. Образ Вагифа вызвал к жизни одно из ярчайших созданий С. Вургуна — одноименную драму в стихах, ставшую классикой советской литературы.

На формировании Вургуна-художника благотворно сказался великий эпический опыт Низами, блестящая образная лирика Физули, яркая гражданственность сатир Сабира. В «Свободном вдохновении» перед нами как бы предстает блистательная поэтическая родословная поэта:

О звезда на заре, мастер наш Насими,
Дальнозоркий стрелок, заглянувший в века!

... По сей день Физули безутешно скорбит
У распахнутых в мир озаренных ворот.

... И курлычут Вагифу вослед журавли,
Его песенный плач повторив наизусть.

Тема «С. Вургун и классика» требует отдельного исследования, и мы здесь далеки от мысли дать исчерпывающую картину творческого взаимодействия разных поэтов, так же как от желания искать во всем некое эмпирическое и механическое влияние.

Подлинная творческая индивидуальность — это не сумма

влиятий, а талантливое развитие опыта предшественников, его переплавка, синтез в соответствии с насущными задачами эпохи, исторической действительности, современного народного бытия. Индивидуальность не всеядна, а избирательна в отношении предшествующего опыта; она осознает себя, не подражая, а отталкиваясь, не копируя прошлое, а прислушиваясь к природе своего таланта. Поучительно в этом отношении признание Самеда Вургун, написавшего в тридцатые годы ряд сатирических стихов («Единственное яйцо рябой курочки», «Карьерист» и другие):

Мой читатель, признаюсь тебе не тая,
Что сатира — стихия совсем не моя. . .
. . . Если б только на свете Сабир еще жил,
Я б тогда эту тему ему предложил! . .

(«Единственное яйцо рябой курочки»)

Трезвая самооценка, верность своей творческой натуре — свойства истинного таланта. Самед Вургун был прирожденным лириком, поэтом-романтиком, — понадобились время, опыт, чтобы осознать эту истину, бесспорную для нас теперь. Самед Вургун вырос в мастера эпических полотен, поэтической драматургии. Надо было прикоснуться к опыту предшественников — поэтов разных эпох и народов, чтобы, говоря словами Мариэтты Шагинян, стало «легче работать».

Самед Вургун, блистательно переведший «Евгения Онегина», позднее отмечал благотворное влияние этой работы в статье «Наш друг и учитель»: «Только впоследствии я осознал полностью, что мне дала работа над переводом. . . Это произведение как жанр открыло широкие художественные возможности для претворения. . . моих замыслов в таких произведениях, как «Комсомол» («Комсомольская поэма». — Б. В.), «Вагиф», «Ханлар». Переводя «Онегина», я поверил в то, что и в стихотворной форме можно создавать широкие, эпические, реалистические произведения, отображающие народную жизнь во всем многообразии». ¹

Дальнейший творческий путь С. Вургун тесно связан с формированием его романтического метода. Пока же, подытоживая сказанное, можно заключить, что источники, традиции, послужившие питательной почвой для его таланта, были достаточно многослойны, разнообразны и емки, — это и фольклор, и национальная классика (прежде всего Вагиф), и эпический опыт русской поэзии (Пушкин),

¹ Самед Вургун, Собр. соч. в 6-ти томах (на азерб. яз.), т. 5, Баку, 1970, с. 176.

и молодая революционная поэзия во главе с «командармом» советских поэтов, как скажет потом С. Вургун о В. Маяковском.

Самед Вургун становится одним из лидеров литературы нового Азербайджана, избирается ответственным секретарем Союза писателей республики (1932). Впоследствии он не однажды возглавлял Союз писателей Азербайджана.

4

1931—1941 годы — необычайно плодотворная, насыщенная страница биографии Самеда Вургун, создавшего произведения, этапные для всей нашей поэзии и драматургии. Нельзя не удивиться этому стремительному и щедрому расцвету его таланта. Только в 1935 году С. Вургун создал семь поэм и около ста стихотворений.

В эти годы С. Вургун не только пишет замечательные стихи, в том числе хрестоматийный шедевр «Азербайджан», широко известный в русском переводе А. Адалис, но и осуществляет блестящие переводы пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» и части эпоса «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, отмеченные соответственно Пушкинской медалью и почетной грамотой ЦИК Грузинской ССР. В 1937 году Вургун создает драму в стихах «Вагиф», два года спустя — пьесу «Ханлар» и, уже в разгар войны, завершает драму «Фархад и Ширин», удостоенную Государственной премии. Эти сценические произведения увидели свет ramпы не только в республике, но и во многих городах страны — Москве, Ленинграде, Киеве, Душанбе, Тбилиси, вызвав широкий общественный резонанс.

Тема социалистического переустройства деревни стала одной из основных не только в творчестве С. Вургун, но и во всей азербайджанской литературе.

В «Комсомольской поэме» (основные части написаны в 1931—1935 годы) поэт создал эпическое полотно со сложным и драматическим переплетением классовых и личных мотивов, сочетающее историческую достоверность с лиризмом и романтическим воодушевлением. Эта поэма как бы предопределяет главные художественные свойства дальнейшего творчества С. Вургун.

«Комсомольская поэма» повествует о первых годах Советской власти в деревне, ожесточенных классовых конфликтах, борьбе коммунистов и комсомольцев с озлобленными бандитами-контрреволюционерами — бывшими господами и их приспешниками, не гнушавшимися любыми средствами для нанесения ущерба молодой Советской власти.

Поэму можно назвать дастаном народной жизни. Характеры, события, традиции, обычаи, обряды, могучая красота природы —

с крутыми утесами, ущельями, с гулом стихий — во всем этом Азербайджан, его национальный быт и колорит.

Это прежде всего поэма характеров, можно сказать — драма характеров. На полюсах ее стоят, с одной стороны, Герай-бек и его подручные, с другой — комсомольцы двадцатых годов Бахтияр, Джалал, Мирпаша, наконец, дочь Герая Умай, которая оказывается в трагическом разладе с отцом из-за своей любви к Джалалу.

Социальный срез произведения весьма широк: это и бывший помещик Герай-бек, и мусаватский министр Эльхан, и посланник «всевышнего» Шейх, и обладатель «голубой крови» Сабирпаша и иже с ними. Это представитель низов — крестьянин Имран, комсомольцы — трезво-рассудительный Бахтияр, и пылкий, мятущийся Джалал, и затесавшийся в ряды борцов изворотливый анархист Мирпаша.

В 1931 году, когда Самед Вургун начал работу над произведением, поэма как жанр не имела значительных образцов в азербайджанской советской литературе. «Хороший товарищ» Сулеймана Рустама появился год спустя, «Бессмертный герой» Мамеда Рагима — в 1934 году. В 1932 году появились поэмы Расула Рзы «Чапей» и «Останови палачей!», затем, в 1933—1934 годы, его «Германия». Это были первые значительные опыты создания поэмы в новой азербайджанской поэзии.

Мы уже приводили высказывание С. Вургун о вдохновляющем влиянии пушкинского опыта на его творчество. Не случайно С. Вургун определял жанр своего эпического повествования как «роман в стихах». «Самым крупным моим произведением, — писал он, — я считаю роман в стихах о комсомоле. . .»¹

В поэме аккумулировался и переплавился опыт молодого Самеда Вургун — участника социалистического переустройства в деревне; вместе с тем опыт целого поколения, народа, опыт, который он впитал своим горячим сердцем и разумом в непрерывном общении с родным сельским бытом, с советской новью. Юный Самед не раз вместе с комсомолом своего родного села выступал на агитконцертах, спектаклях или, оставив скрипку и смычок, брался за лопату и мастерок, строил дома для нуждающихся одиноких людей. Позднее, задумав поэму, С. Вургун ездил в родной Казахский район с уже осознанной творческой задачей, жадно вбирал все увиденное и услышанное. Неприкрашенная и горячая, угловатая жизнь властно входила в поэму. Главная героиня поэмы Умай — натура сложная. Она искренне и горячо любит Джалала, но вместе с тем не может не считаться с мне-

¹ Самед Вургун, Что дал мне комсомол? — «Вышка», 1938, 29 октября.

нием отца — врага новой власти, врага Джалала. Умай мечется в поисках невозможного компромисса. Она предлагает Джалалу послать сватов к отцу и испросить согласия, как велит обычай. Романтичный, мечтательный, доверчивый до прекраснотушия Джалал идет к своему врагу и гибнет от его руки. . . Понадобился этот жестокий трагический урок, чтобы Умай прозрела и осознала всю бездну, отделяющую ее от еще недавно любимого ею отца.

В сюжетном поэтическом повествовании, наверно, всегда таится опасность преступить грань, отделяющую его от рифмованного рассказа. Поэзия как высшее концентрированное выражение значительных страстей и идей приподнимает факт, деталь, случай над прозаической достоверностью, над житейскими подробностями, отбирая из их груды самое характерное, самое весомое.

Гибель Герай-бека — это гибель не одного человека, а крушение класса в неудержимом потоке революции. Очевидно, и о психологизме в поэзии можно говорить в известных пределах, — ей нужен простор для полета, лирического размаха, образности, символики, метафор, за счет которых она добивается удивительной емкости слова. В этом смысле поэзия немногословна. В есенинской «Анне Снегиной» на вопрос крестьян:

«Скажи,
Кто такое Ленин?» —

следует ответ:

«Он — вы».

Под пером прозаика, быть может, герой произнес бы пространную разъяснительную речь. Но обаяние есенинской искренности в этом предельно образном лаконизме. В «Комсомольской поэме» (глава «Кровавый шатер») С. Вургун одним-единственным словом сообщает нам о состоянии двух людей — врагов: Герай-бек «внимает *сердитому* голосу вод» (дословно). Через страницу, повествуя о душевном мире Джалала, автор повторяет последнюю строку, но с противоположным эпитетом: Джалал «внимает *спокойному* голосу вод».

Дух народности пронизывает всю поэму — будь то традиционные лукавые и озорные выходки кёса (ряженого) под новруз байрам, песня ашуга Вели или картины родной природы в неповторимом своеобразии красок и настроений, переданных меткой, прозрачной, образной речью.

«Комсомольская поэма» публиковалась частями в периодике. Разрозненные фрагменты и неопубликованные главы были собраны едино многие годы спустя и обработаны автором. С. Вургун не успел завершить грандиозное здание поэмы. В этом здании остались недостроенные «колонны» и «перекрытия». Резец мастера не успел отко-

лоть последние куски с ожившего мрамора... Бережные усилия поэта Османа Сарывелли по композиционной реконструкции в определенной степени сгладили эту незавершенность в издании 1958 года.

Динамизм произведения, острая событийность и психологизм коллизий стимулировали развитие поэмы как эпического жанра в азербайджанской литературе. Эти же свойства дали благодатный материал для инсценировки и экранизации «Комсомольской поэмы», снискавших широкое признание зрителей.

Следующий исторический этап в жизни азербайджанского народа, когда деревня уже твердо стала на рельсы коллективизации и социалистического развития, воплощен в поэмах «Слово о колхознице Басти» и «Талыстан», которые по замыслу автора должны были войти в дастан «Азербайджан», оставшийся незавершенным. Поэма, посвященная знатной труженице хлопковых полей Басти Багировой, вырастает в гимн труду, в романтическое повествование о раскрепощенных творческих силах женщины-азербайджанки. Здесь утверждается еще одна магистральная тема в творчестве С. Вургуну — раскрепощение сознания женщины-азербайджанки и приобщение ее к активному творческому труду. В галерее женских характеров — Умай («Комсомольская поэма»), Басти («Слово о колхознице Басти»), Мания («Мугань»), Айгюн (одноименная поэма) — воплощаются различные аспекты и стадии этого исторического процесса.

Особое место в творчестве С. Вургуну принадлежит поэме «Двадцать шесть», опубликованной в начале 1938 года. Это яркий образец революционного искусства, дышащий несокрушимой верой в торжество новой жизни и ненавистью к интервентам, расстрелявшим славных коммунаров в песках Ахчакума.

Тема 26-ти нашла громкий отклик в произведениях В. Маяковского, Н. Асеева, Д. Бедного, С. Есенина, А. Акопяна, позднее С. Кирсанова, Е. Чаренца, А. Вштуни, Г. Эмина, М. Бажана, П. Тычины, П. Хузангая, Я. Насирли, В. Лукса.

В азербайджанской литературе образы бакинских комиссаров предстали в творчестве М. Мушфика, С. Рустама, А. Фарука, позднее М. Дильбази, Г. Гусейнзаде и многих других.

Вургуну удалось самобытно решить эту ответственную тему. Лирическая проникновенность, романтический пафос в сочетании с достоверностью метких деталей создают широкое многоплановое полотно. Патетический реквием по павшим героям — интернациональной когорте борцов за Советскую власть — завершается просветленными, решительными аккордами, утверждающими мысль о бессмертии дела коммунаров:

Иль колеса истории движутся вспять?
Или солнце погасло, устав сиять?
Нет, героев недаром взрастила страна,
И в истории ваши блещут имена.
Пусть истлели тела — мощный дух не погас, —
Мы героями быть научились у вас!

Эта тема отзовется спустя многие годы в цикле «Воспоминания о Европе» (стихотворение «Банкет»), в поэме «Негр говорит», написанной под впечатлением Вроцлавского конгресса деятелей культуры в защиту мира.

С антиимпериалистической темой тесно смыкаются антифашистские мотивы, впервые громко зазвучавшие в «Ротфронте» (1932) и последовательно развивавшиеся на протяжении всей предвоенной и военной поры творчества поэта.

В поэме «Скамья смерти» (1934), отклике на позорное лейпцигское судилище, учиненное над славным сыном болгарского народа Георгием Димитровым, поэт показал духовное превосходство героя-коммуниста, превратившегося из обвиняемого в обвинителя фашизма. Вообще, предельное заострение идей, представляемых персонажами-антиподами, доведение конфликта до драматических и трагических высот — характерная черта ряда эпических полотен С. Вургунa, в том числе и его поэтической драматургии.

В 1937 году С. Вургун написал драматическую хронику «Вагиф», воскрешающую одну из этапных страниц национальной истории — конец XVIII столетия, когда в пределы Азербайджана вторглись полчища иранского завоевателя Каджара и в борьбе с ними решалась участь народа.

Через два года появилась историко-революционная драма «Ханлар», посвященная борьбе бакинского пролетариата против царского самодержавия и местной реакции. Следующее сценическое произведение С. Вургунa — драматическая поэма «Фархад и Ширин», написанная по мотивам классического создания Низами «Хосров и Ширин».

Главные герои этих драм — художник и народный предводитель Фархад, поэт и дипломат Вагиф, революционер-рабочий Ханлар — воплощают народные судьбы и национальный характер в его эпохальных гражданских, патриотических проявлениях. В далеко отстоящих по времени исторических пластах и событиях поэт обнажал главное, имеющее непреходящее значение для современности и будущих судеб человечества, — идею свободы личности, общественной гармонии и справедливости, идею нравственной красоты и благородства.

Тема борьбы против тирании и бесчеловечности с особой силой звучала в поэме «Фархад и Ширин», работу над которой поэт завершил в первый год смертельной схватки с фашизмом.

5

В первые же дни Великой Отечественной войны С. Вургун написал строки, достойные стать программными для всей азербайджанской поэзии:

Услышьте, родные твердыни, меня,
Считайте солдатом отныне меня.

*(«На страже Родины».
Перевод А. Адалис)*

Это была клятва поэта в верности Родине и народу. Интересы всенародной борьбы требовали максимального сближения художественного слова с нуждами фронта и тыла, немедленного отклика на стремительно развивающиеся события. Это слово призвано было вооружить сражающиеся массы «наукой ненависти», как назвал М. Шолохов свой знаменитый рассказ.

В могучем многоязычном хоре советской литературы громко и пламенно звучал голос С. Вургуна — поэта, публициста, глашатая мужества и веры в победу. Антифашистская, патриотическая тема, начатая еще в 30-е годы, обрела новый накал и звучание в его творчестве. Не случайно в военный сборник «Во имя счастья» (1942) он включил и антифашистскую поэму «Скамья смерти». В стихотворении «На страже Родины», написанном на второй день войны, понятие Родины обрело особую емкость и сокровенную силу. Если в ряде довоенных стихов поэт обращался к воинам с призывом беречь священные рубежи страны, то теперь вопрос стоял о защите всех завоеваний революции и социализма, о самом существовании социалистической отчизны.

Стихи, посвященные героям Великой Отечественной войны, бойцам и партизанам, составляют целый цикл — «Красные соколы», «Подвиг героя», «Храбрые соколы», «Сыну Азербайджана», «Партизану Бабашу», «Знаменосец» и другие. Эти стихи вызваны к жизни реальными примерами ратной доблести и мужества, проявленными сапером Кямалом Касумовым, летчиком Мазаиром Аббасовым, Героем Советского Союза снайпером Исрафилом Мамедовым, партизаном Бабашем Дадашевым, бойцом Гусейном Аждаровым, первым водрузившим знамя в освобожденном Орле.

Конечно, в стремительном ритме военной страды, звавшей потрясенное сердце к слову-действию, трудно было осуществить детальную, обстоятельную разработку характеров, как это возможно в относительно неторопливое мирное время. Тем не менее художественный опыт расширялся от эскизности, очерковости к полнокровному наполнению, к воплощению индивидуальных черт людей и неповторимости судеб, от частного к общему, от эпизода к панораме, от момента к перспективе. В стихотворении «Подвиг героя» повествуется о боевых действиях Кямала Касумова, подорвавшего мост, — факте, известном уже из печати того времени:

Ты славен по всему Азербайджану,
Тобой гордятся склоны гор крутые,
И распевают о тебе дастаны
В степях муганских турачи седые.

(Перевод П. Железнова)

В «Красных соколах», написанных в первые дни войны, звучало обращение ко всем защитникам советского неба. Вскоре рождаются стихи о мужестве конкретного летчика — Мазаира Аббасова, разгромившего военный объект, но подбитого и шесть дней проведенного в открытом море. Эти стихи уже приближаются к балладе.

Необходимая полнота художественного решения требовала живого накопления наблюдений, осмысления психологических, моральных, социальных факторов, формирующих героическую личность.

Интересен один мотив в военной лирике поэта — мотив материнского наказа, напутствия. Мать-земля, мать-Родина — образы традиционные для нашей поэзии. Наказ, наставление сыну — мотив столь же давний для азербайджанской литературы, от Низами до Сабира. Стихотворение «Материнское напутствие» Самеда Вургунга по образному строю ближе к народному творчеству. Вместе с тем это совершенно новый по существу поэтический строй. Героиня поэта — советская женщина-патриотка.

Смотри за боевым конем, винтовку береги свою.
Мой сын, тебя я родила, но воспитала не одна,
Ты вскормлен Родиной, сынок, тебя взлелеяла она.
Она взрастила Кер-оглы и жизнь Чапаева дала...

Идея советского патриотизма во весь голос звучит в стихах, посвященных столице нашей Родины — Москве:

Москва! Непреложно твое бытие,
Отрада моя, любованье мое.

.. Москва! Лучше слова не слышал нигде.
Родные роднее бывают в беде.

(«Москва»)

Испытывая естественную гордость за героев-земляков, поэт видит в их ратных свершениях высокий исторический смысл, вклад в дело борьбы с общим врагом. Он обращается к партизану из отряда Ковпака Бабашу Дадашеву со словами: «Ты Белоруссии-сестре спешил помочь издалека». Поэт сопоставляет доблесть народных мстителей братской земли с доблестью легендарного героя азербайджанского эпоса:

Как Кер-оглы, вы входите в былины,
Родные партизаны Украины!

(«Партизанам Украины»)

Это и есть «чувство семьи единой», по крылатому выражению замечательного украинского поэта Павло Тычины, с которым Самеда Вургун связывала личная и творческая дружба.

В тяжелые годы войны С. Вургун побывал на Крымском фронте, в Моздоке, в Грозном, встречался с бойцами на позициях, читал стихи, черпал вдохновение из живого и раскаленного источника фронтовых будней, неоднократно ездил в Москву. 30 января 1942 года он выступил по Московскому радио с призывом к бойцам громить врага до победного конца.

«Мы были с Самедом Вургуном в красноармейской аудитории в дни, когда враг был недалеко от Москвы, — вспоминал критик А. Деев. — Поэт читал свои военные стихи и по-русски, и на родном языке.

Спокойный, с плавными жестами, он лишь иногда повышал голос, чтобы подчеркнуть свои чувства. Но, может быть, именно эта скупость жеста в сочетании с хорошей простотой и живым поэтическим словом и яркими образами создавала глубокое впечатление.

Среди слушателей оказалось несколько азербайджанцев. Надо было видеть их бурную реакцию, чтобы понять всю силу поэтического слова Самеда Вургун». ¹

Эта сила слова и была продолжением традиций Маяковского, призывавшего, чтоб к «штыку приравняли перо». Если говорить о минувшей войне, увенчавшейся победой советского народа, то она представляла поэту героической батальной, схваткой добра и зла в их ши-

¹ А. Деев, Поэзия Самеда Вургун. — В кн.: Самед Вургун, Избранные произведения, М., 1948, с. 4.

роком историческом и философском смысле. В суровом 1942 году поэт размышлял о многовековом тернистом пути человечества:

С сотворения мира две силы —
Свет и тьма — в вековой войне.
Тьма — зияющая могила,
Солнце — к воле взывает извне.

(«Философия жизни»)

Через год, в «Слове о грядущем», он утверждает, что «сила солнца победит убийственную силу зла» и «в едином храме красоты на празднике сойдутся все».

В сентябре 1945 года состоялась премьера трагедии в стихах «Человек», проникнутой болью только что перенесенных советским народом великих испытаний и в то же время обращенной к горизонтам завтрашнего дня. Эта трагедия является как бы философским эпилогом военной темы в творчестве С. Вургуня и в то же время прелюдией новых песен. Действие переносит нас от трагических картин войны на тридцать лет вперед, в будущее, то есть в наши теперешние дни, когда предсказание: «В едином храме красоты на празднике сойдутся все» — становится явью; нам предстают сцены, где посланцы разных народов встречаются на месте бывших сражений и с благодарностью чтят память отдавших жизнь за безоблачное небо над планетой.

«Человек» — одно из произведений С. Вургуня, вызвавших наибольшие споры. Здесь была предпринята смелая по замыслу и размаху попытка воплотить пережитую войну в мировом историческом контексте извечной борьбы добра и зла, света и мрака.

Серьезный замысел — осмыслить глубокие общечеловеческие проблемы — не был осуществлен на должном художественном уровне. Позднее сам автор признавался: «В моей пьесе «Человек» есть абстрактные философские элементы, случаи чрезмерной романтизации положительных героев, оказавшихся в отрыве от подлинной жизни». ¹

6

Что можно сказать о драматургии С. Вургуня в целом? Эти страницы его творчества знаменуют собой этапные явления в национальном искусстве азербайджанской драматургии. У своих истоков она имела таких мастеров, как Мирза Фатали Ахундов, и в советское

¹ «Коммунист» (на азерб. яз.), 1946, 10 октября.

время пережила поистине революционное преобразование, в первую очередь благодаря ярким творениям Джафара Джабарлы (1899—1934), современника Самеда Вургун, успевшего за свою короткую жизнь создать щедрую галерею новых характеров, новый социалистический национальный репертуар. Если соотнести драматургию С. Вургун с творческими свершениями его предшественников в советской азербайджанской драматургии, наибольшие точки соприкосновения мы увидим в сфере историко-революционной, историко-героической и романтической драмы.

Характерная, пожалуй, главная черта в интерпретации материала, взятого из близкой или далекой истории, — стремление освободить изображаемые события и личности от бытовых наслоений и подробностей (конечно, в пределах, позволяющих сохранить известную достоверность и пластическую осязаемость). Подчас при этом смещались акценты документальной исторической основы, обнажалось противоборство характеров и идей. В «Фархаде и Ширин», например, автор вывел в центр повествования человека из низов, оттеснив царственного Хосрова, главного героя драмы «Хосров и Ширин», созданной его великим предшественником Низами. В драме С. Вургун Фархад уже не просто каменотес, а военачальник, предводитель народа.

В «Вагифе» примером такого же сознательного смещения исторических акцентов может служить трактовка отношений между Ибрагим-ханом — правителем Карабаха и главным героем — поэтом и государственным деятелем Вагифом. Из исторических источников известно, что отношения между главой ханства и вазиром Вагифом не были столь непримиримы и враждебны, как это мы видим в пьесе. С. Вургун преследовал эстетическую и общественную задачу — Ибрагим-хан у него не копия исторической фигуры, а обобщенный образ деспота, власть имущего, так же как духовное, творческое начало характера Вагифа шире его реальной биографии.

Мехти Гусейн в свое время отмечал: «Драма «Вагиф» — это не историческая драма в узком смысле слова, то есть автор не создал произведение, построенное на хронологической основе. «Вагиф» прежде всего художественное отображение исторических событий...»¹

Суждение П. Антокольского о том, что С. Вургун «с доверчивостью настоящего художника смело следует истории и легенде — большего ему и не надо»,² — можно принять лишь с известными

¹ Мехти Гусейн, Героический дастан. — В кн.: «Вопросы литературы и искусства» (на азерб. яз.), Баку, 1958, с. 17.

² П. Антокольский, Самед Вургун. — Собр. соч., т. 4, с. 105.

оговорками: характер соотношений «факт и образ», «историческая реальность и подход художника» в данном случае представляется нам не столь однозначным. Что же касается конечных художественных результатов этого процесса, здесь замечания большого русского поэта, интерпретатора и блестящего переводчика многих произведений С. Вургуня, гораздо резоннее: «Поистине это краски народного театра. Тут нет сложных оттенков, нет светотени, ретуши... Все впрямую, резко, неприкрыто». ¹

В этом ярко сказалась романтическая установка С. Вургуня, которая стала для него магистральным творческим принципом, художественно осуществленным и в дальнейших произведениях. «С. Вургун пристрастен к широким гиперболическим картинам. Его увлекает мощное движение больших человеческих страстей, их борение. Наподобие сказочного Фархада, С. Вургун рубит огромные куски человеческой жизни, легко и непринужденно несет их. Романтизм С. Вургуня — романтизм ищущей и борющейся мысли, романтизм характера, взятого крупно, масштабно, с намеренным отсечением всех подробностей, всех деталей быта». ²

Советская литература в конце 30-х годов широко обращалась к историческим фигурам прошлого: «Рыцарь Иоанн» И. Сельвинского, «Фельдмаршал Кутузов» В. Соловьева, «Богдан Хмельницкий» А. Корнейчука, «Емельян Пугачев» В. Луговского. В те предгрозовые для страны годы, когда над Европой уже полыхали первые зарницы второй мировой войны, благородное дело и доблесть героев национальной истории вооружали зрителя и читателя духовно и нравственно, вновь и вновь убеждая в силе добра, правды, справедливости, в силе человека, преданно любящего свой народ и отчизну.

В азербайджанской литературе до «Вагифа» С. Вургуня был создан ряд драм на историческую тему («Надир-шах» Н. Нариманова, «Ага-Мохаммед-шах Каджар» А. Ахвердова, «Насреддин-шах» и «Невеста Огня» Дж. Джабарлы). Драма А. Ахвердова, осмысляя сходный исторический материал, существенно отличается по решению от «Вагифа» С. Вургуня. А. Ахвердов сосредоточил внимание на раскрытии и развенчании образа тирана. С. Вургун же вывел на первый план тираноборца и патриота, может быть сознательно пожертвовав художественной разработкой образа его антипода. Здесь «отсечение всех подробностей, всех деталей быта» нельзя объяснить одним лишь следованием определенной поэтике. Художественная пластика и достоверность, зримость образа остаются необходимостью

¹ Там же.

² Г. Ломидзе, Единство и многообразие, М., 1960, с. 129—130.

и при романтическом воплощении жизни. Без этих качеств нельзя завладеть умом и сердцем зрителя и читателя.

Дж. Джабарлы обратился к далекому периоду (начало IX века), к борьбе народных масс во главе с Бабеком (в пьесе он выведен под именем Эльхана), воссоздал в трагедийных образах конфликт враждебных идей — идеи насилия и идеи свободы личности, явственно отразившийся в борьбе народных масс против ислама, который насаждался огнем и мечом. «Невеста Огня» — одна из первых пьес-трагедий в советской литературе. Интересно, что Джабарлы, оттолкнувшись от исторической основы, значительно осовременивает ее, смещая разновременные пласты, факты, события. В патетическом предсмертном монологе Эльхана слышится бунт не только против ислама, а против всякой религии, закрепощающей дух и разум. «Нет бога! Бога нет! . . . — восклицает он. — Бог во мне!» В уста героя автор вкладывает страстный манифест гуманиста, заимствуя образы и формулы средневекового суфизма, противостоявшего ортодоксальному исламу и подвергавшегося жестоким гонениям. (Известно, что в том же IX веке мракобесами в Багдаде был повешен Мансур Халладж, провозгласивший еретический лозунг: «Бог — это я!») Напомним, как остро стоял вопрос борьбы против шариата в первые советские годы на Востоке, в Азербайджане. Таким образом, Дж. Джабарлы решал историческую тему в соответствии с политической, революционной задачей. Обнаженное, страстное декларирование отстаиваемых идей, присущее ведущим героям Джабарлы, позднее станет отличительным свойством и вургуновского театра.

В «Вагифе» борение идей-страстей, «скрещивание копий» пронизывает многие сцены. Такова, например, словесная «дуэль» Каджара и Вагифа:

К а д ж а р

Ты не склонился предо мной, Вагиф.

В а г и ф

Я — статуя, тяжелая, как совесть.

А статуи не кланяются, шах.

К а д ж а р

Какая совесть? Ха! К боям готовясь,

Я знал, что меч содержится в ножнах.

А совесть — в чем? На что она похожа?

Где обитает? Чем живет? Молчи.

Смирись, не рассуждая. Совесть тоже

Должна молчать, коль говорят мечи.

Конечно, трудно представить такую картину в реальной исторической жизни — жестокий тиран вступает в полемику с пленником.

«При оценке центрального образа, его героической целеустремленности, — отмечал П. Антокольский, — вспоминаются герои шиллеровского театра, Маркиз Поза и Карл Моор, идеальные правдолюбцы, чьими устами открыто говорит сам автор, — создания души молодой и возвышенной, беспредельно верящей в правду и добро, присущие человеку... Усматривая в стихах Самеда сходство с шиллеровскими героями, я не хочу сказать, что оригинальный, идущий своим путем азербайджанский поэт был как-то зависим от великого немецкого классика. Речь идет о другом. В разных культурах, в разные исторические эпохи строй души оказался родственным. Революционная стихия породила потребность в одинаково возвышенных, благородных характерах. Имя этому — романтизм. Недаром Самед Вургун так часто и с такой последовательностью возвращался к вопросу о революционном романтизме в нашей поэзии».¹

Тяготение к предельной поляризации образов, идеализация положительных и неперемное разоблачение (не без сатирического гротеска, шаржирования) отрицательных восходят, по верному замечанию П. Антокольского, к традициям народного театра.

Обращение С. Вургуну после «Вагифа» к революционной истории — не случайно. Драма «Ханлар», в известном смысле, продолжала героическую гражданскую линию «Вагифа» в новом историческом контексте революционной эпохи. Вместе с тем здесь автор не избежал влияния ошибочных представлений о роли личности в истории, допустив некоторые смещения в художественной характеристике главных исторических фигур.

Третье драматургическое произведение — «Фархад и Ширин» — Самед Вургун создал уже в 1941 году, в тяжелые дни военного лихолетья. Пьеса написана по мотивам классических поэм Низами «Хосров и Ширин» и «Шахнаме» Фирдоуси, который воплотил этот мотив в четвертой части своей драмы. Персидский классик запечатлел правление Хосрова Первиза, его войны, женитьбу на Ширин и смерть, причем акцент сделан на деяниях венценосного владыки.

Политический конфликт в пьесе переводится в план философско-эстетический, представляя как столкновение нравственного, духовного, творческого (Фархад) и разрушительного (Хосров) начал. Крах Хосрова в финале — крах бездуховности, жестокой, слепой силы.

¹ П. Антокольский, Самед Вургун. — Собр. соч., т. 4, с. 106.

Сущность Хосрова — тирана и поработителя — раскрывается в его отношении к Ширин. Любовь Хосрова ставит перед ней дилемму: родина или чужбина, независимая жизнь или «золотая клетка». Таким образом, Ширин становится как бы символом похищенной свободы, святыни, на которую посягнул враг. Фархад-воитель и Фархад-творец, сражаясь за Ширин, сражается за достоинство и честь родной земли.

«Любовь каменотеса Фархада к армянской царевне Ширин внешне не имеет никакого отношения к событиям великой освободительной войны, — отмечал критик П. Скосырев. — Однако «Фархад и Ширин», как и все творчество С. Вургун, прямо служит делу сплочения советских народов, делу обороны Родины. Пьеса насыщена такой неиссякаемой любовью к народу, такой ненавистью к угнетению, несправедливости и рабству всякого рода, такой пламенной уверенностью в негиблемости народной правды, что многие сцены ее звучат как прямой боевой призыв к борьбе с Гитлером, как торжественный гимн далекой победе».¹

Есть в этой драме образ придворного живописца Шапура — прямого антипода Фархада — творца-патриота. Шапур — временщик, поставивший свое искусство на службу сильным мира сего и потому обреченный на разрушение как личность.

Фархад же посвящает свой гений высокому идеалу любви, борьбе за благо народа. Гибель его, как и гибель ряда положительных персонажей, напоминает финал античных трагедий, осмысливается под определенным нравственным углом зрения, как утверждение непобедимости человеческого духа.

7

В 1947 году в составе советской парламентской делегации поэт совершил поездку в Лондон, попутно побывав в Берлине. Итогом этой поездки явился цикл «Воспоминания о Европе», заверченный в 1950 году. Впервые в азербайджанской поэзии предстали картины капиталистического мира, запечатленные с живой достоверностью, в высоком художественном осмыслении советского поэта-патриота. Достоинство цикла — убедительность конкретных наблюдений. В стихотворениях «Берлин», «Рейхстаг», «Статуя матери», «Баллада об Исламе Мамедове» развернута художественная панорама противостояния двух социальных систем.

Характерные страницы цикла — стихотворения «Банкет», «Лон-

¹ Петр Скосырев, Самед Вургун. — «Новый мир», 1942, № 3-4, с. 240.

донская старуха», «Могилы Маркса». В «Банкете» С. Вургун обнажает лицемерие благочинного фасада буржуазной действительности. В связи с этим же эпизодом Константин Симонов написал известное стихотворение «Речь моего друга Самеда Вургунна на обеде в Лондоне».

Выступление Самеда Вургунна перед английскими политиками отнюдь не традиционно вежливый спич, а гордая речь сына свободного Азербайджана, представляющего Страну Советов.

В памяти поэта всплывает злодейская расправа английских интервентов над коммунарами в ахчакумских песках. . .

«Баку! Баку!» — он процедил сквозь зубы,
И дрогнула слегка густая бровь.
А у меня по жилам, как сквозь трубы,
Бьет огненная нефтяная кровь!

Да, я, бакинец, на твоём пути!
Да, я — наследник Двадцати Шести!

В цикле «Воспоминания о Европе» ощущается биенье горячего сердца поэта-патриота, осознающего себя полпредом социалистического мира.

К этому циклу по пафосу и направленности близка поэма «Негр говорит», написанная после Вроцлавского конгресса деятелей культуры в защиту мира в 1948 году, в котором участвовал поэт. В образе американского негра-художника поэт раскрывает богатый духовный мир человека-творца, чьи права и достоинство попираются в условиях капиталистического общества, культивирующего дискриминацию национального меньшинства и расистскую идеологию.

Мы видим, таким образом, преемственность основных тем и мотивов, проходящих через все творчество С. Вургунна. Одной из таких тем является безрадостная судьба народа Иранского Азербайджана. Эта тема обозначена в самом начале творческого пути стихотворениями из цикла «Врата Востока» (1929) и «Красный Восток» (1931). После войны он вновь возвращается к поэтическому воплощению этой темы в стихотворении «Тоска моста» и других произведениях, а также в публицистических выступлениях.

Произведения Самеда Вургунна, созданные в послевоенный период, свидетельствуют о неистощимой творческой энергии и неизменно остром ощущении пульса времени. Среди них поэмы «Мугань»

(1948—1949) и «Старые друзья» (1949), «Читая Ленина» (1950), «Айгюн» (1950—1951), «Знаменосец века» (1952).

В первой из этих поэм воссоздана вдохновенная картина преобразования родной земли руками ее славных сынов и дочерей. Щедрый и благодатный жизненный материал позволил поэту создать многоплановое, полифоническое произведение с широким изобразительным регистром: лирически проникновенные картины живой природы, напряженные ритмы вдохновенного созидания, раздумья о далеком прошлом (может быть, ценные археологические открытия на месте стройки были дополнительным внешним импульсом к созданию поэмы), крылатые романтические мечтания о творимом будущем.

Поэма родилась из гуши самой жизни, она достоверна в самых главных моментах, в художественных деталях и подробностях. В архиве поэта сохранилась такая запись: «Старый горец перегонял стадо к Мугани перезимовать. По дороге у него спросили: «Удвоится ли у тебя поголовье?». . . Он отвечал: „Будь Мугань Муганью — три на свет. Будь ураган — и трех на нет“». Позднее наблюдения вплелись в художественную ткань:

Не знаешь ты, сынок, своей Мугани:
Утроит единицу в добрый миг,
А тройку уничтожит в урагане!

Поэма, при всей конкретности жизненной первоосновы, не возведена на цельном сюжетном каркасе, — здесь нам предстают как бы контуры сюжетного реального действия, эпизоды и моменты из жизни героев — труд, соревнование, штрихи быта и т. д. «Крупный план» сменяется то и дело лирическими отступлениями, конкретные картины — раздумьями о судьбах родной земли. Проникновенная любовь к природе ощущается на протяжении всего произведения. С большой силой выражены чувства трепетной, благоговейной любви к живому и сущему на земле, например к джейрану (косуле), не однажды воспетому символу красоты:

Будь добр, охотник! В эту степь — ни шагу,
Убийством не пятнай свою отагу. . .

Поэт сопоставляет своего героя-строителя с легендарным Фархадом:

Как Фархад, он привык уже горы крушить.
Но Фархад — лишь туманной мечты торжество. . .
Тот — легенда. А этому — подлинно жить.

Самой лучшей и самой желанной мечты
Нам дыхание жизни дороже, родней!

Размышляя о недоброй памяти завоевателе Хосрове, утверждает великую силу любви к отчизне:

Разбить и уничтожить рать Хосрова
Ты жителям землянок помогла. . .

Славит благородный труд пахаря и сеятеля:

И плоды и побеги даст каждый побег, —
Ты на землю Зардушта с любовью взгляни!

В утверждении непреходящего характера духовных ценностей поэт проявляет свойственную ему широту художественной мысли, умение обозреть пространство истории и вглубь, и вширь, и вдаль.

Нам предстает в поэме еще один герой — это сам автор, с его вдохновенным жизнелюбием, творческим оптимизмом и крылатой романтичностью, завершающий повествование чеканным торжественным гимном бытию:

. . . Не зная дней рожденья, дней ухода,
Под тысячей имен в родной стране —
Жить, вечно жить — в бессмертии народа,
В зерне и слове, хлебе и вине! . .

В «Айгюн», в отличие от «Мугани», поэме с четко очерченным и психологически разработанным сюжетом, С. Вургун показал благотворное влияние новой морали и нового отношения к труду.

Если в «Мугани» и «Старых друзьях» в центре повествования положительные характеры (Манья, Сарван, уста Мурад), то в «Айгюн», наряду с людьми новой формации (Айгюн, Немат), показан характер-антипод, трудное нравственное выпрямление его через драматическое столкновение с жизнью (Амирхан). «Айгюн» — многоплановое произведение, по построению напоминающее «Комсомольскую поэму». Судьба этого произведения сложилась негладко. Вскоре после опубликования (1952) поэма была подвергнута предвзятой, тенденциозной критике. Критиков не удовлетворял сам факт появления в поэме отрицательного персонажа, каким вначале предстает

нам агроном Амирхан, муж Айгюн — натуры цельной, волевой, творческой. Главнейшее достоинство этого произведения — решительный отказ от черно-белых тонов, психологическая нюансировка и достоверность в обрисовке героев. «Айгюн» относится к числу завоеваний азербайджанской поэзии, мы находим в ней новые черты воплощения семейно-бытовой темы.

В «Старых друзьях» Вургун вернулся к теме, частично затронутой в неоконченном «Дастане Баку», — к жизни и труду нефтяников. «Дастан Баку» был задуман как широкое эпическое полотно, воссоздающее многогранную жизнь большого нефтяного города, столицы республики, картины прошлого и сегодняшней день ее рабочего авангарда.

Вскоре после войны, в конце мая 1945 года, была опубликована первая песня из поэмы, затем через два года появились еще четыре песни. Замысел не был осуществлен в полной мере. Написанное же, за исключением отдельных фрагментов, носило на себе печать отвлеченной риторики, которая, по словам видного критика и литературоведа Мамеда Арифа, «снижает поэтическую впечатляемость», и читатель «ощущает зияющие провалы»¹ между отдельными частями.

Поэмы «Читая Ленина» и «Знаменосец века» — образцы лирико-эпического творчества. Поэма «Читая Ленина» — это проникновенное раздумье о многострадальных путях человечества, разобщенного классовым антагонизмом и упорно идущего к достижению социальной справедливости. Произведение дышит неподдельной революционной патетикой, верой в неодолимую силу солидарности людей труда во всем мире, людей — борцов за дело коммунизма:

Вперед, поэты! Сильными руками
Раздвинем шире занавес времен!
В грядущее войдем большевиками
Под славной сенью ленинских знамен!

Этот мажорный, энергичный призыв подготовлен всем дыханием поэмы, удивительно естественной по интонации, по публицистическому накалу и лирической силе.

В «Знаменосце века» поэт обозревает историю человечества, которая открывается ему как борьба идей. В основе поэтического повествования динамика самой истории, пути революционной партии. Обращенность в будущее, особая романтическая окрыленность, соот-

¹ М. Ариф, Лирика в азербайджанской советской поэзии. — «Эдебият газети» («Литературная газета»), 1946, 20 мая.

несение сегодняшнего с прошлым и будущим — характерное свойство художественной манеры С. Вургуна.

Эпический талант Самеда Вургуна, автора многих поэм, творца поэтической драматургии, год от года обогащаясь новыми красками, представляет редкостный сплав проникновенного лиризма и высокой патетики, обнаженной публицистики и психологической нюансировки, острой событийности и философских медитаций. Эти качества, в той или иной степени, обозначились уже в «Комсомольской поэме». От драматизированного действия в главе «Театр на селе» протягивается логическая нить художественного развития к «Вагифу»; от психологизма обрисовки Умай — к созданию сложного характера Айгюн; от проникновенного, одушевленного пейзажа («Весна», «Гибель Умай», «Кровавый шатер») — к широким живописным краскам «Мугани». В свою очередь обретенный творческий опыт не мог не сказаться на позднейшей авторской редакции «Комсомольской поэмы».

9

В последние годы жизни поэт написал немало лирических стихотворений. Среди них — «Радуйтесь, мои дети», «Весенние раздумья», «На чужбине» и др. (1949—1955 годы). Все они вызваны к жизни конкретным впечатлением, переживанием, значительным душевным импульсом и по четкой зримости, пластичности письма напоминают стихотворения из цикла «Воспоминания о Европе». Особое внимание привлекают «Телогрейка», «Поэт, как рано постарел ты...», «Я не спешу...», мастерски переведенные К. Симоновым. Последнее стихотворение дышит неистребимой жаждой жизни, благодарным чувством человеческой дружбы, гордым сознанием честно исполненного творческого долга перед народом и Родиной. Тяжелобольной поэт в предчувствии неотвратимо приближающейся развязки, когда каждый прожитый день, каждый миг обретает великую ценность и значение, обращает свой взор к жизни, как бы бросая вызов нависшей черной тени смерти:

Пока любить и петь я мучим жаждой,
Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновенье каждом, —
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

(«Я не спешу...»)

Знаменательно, что в этом стихотворении, написанном тяжелобольным поэтом, нет ни одной нотки трагизма, надрыва, безнадеж-

ности, нет даже упоминания о возможности скорого исхода. Тем сильнее драматичный, напряженный подтекст, сокрытый за спокойным мужеством строк, полных светлой нежности к живому, сущему миру.

Стихотворение «Я не спешу...», в котором поэтическое воодушевление опирается на пластическую зримость образного строя, можно смело причислить к вершинам философской лирики Самеда Вургуня и всей современной азербайджанской поэзии.

Последний период творчества С. Вургуня, необычайно многоцветный по темам, по охвату сфер жизни и по формам воплощения, стал как бы, говоря языком музыкантов, кодой, вобравшей в себя магистральные линии его художественного опыта. Борьба за мир, за безоблачное небо над планетой, творческий труд советского человека, интернациональная солидарность, осмысление путей революционного движения, утверждение новой морали, — эти темы, несущие в себе высокий общечеловеческий и гражданский смысл, стали предметом глубокого лирического самовыражения поэта.

10

Самед Вургун оставил большое литературно-критическое наследие. Его выступления на писательских, общественных форумах, статьи всегда затрагивали самые животрепещущие вопросы развития советской литературы, были проникнуты заботой о ее совершенствовании, высокой идейности и социальной миссии. Эти работы привлекали внимание высоким научным и теоретическим уровнем, эрудицией, широтой взгляда. Особую ценность представляет его содоклад о советской поэзии на Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954), затрагивающий кардинальные вопросы литературного процесса и науки о литературе.

В содокладе была охвачена грандиозная панорама развития многонациональной советской поэзии за двадцать лет, обобщен ее опыт, очерчены магистральные темы и перспективы.

О четком марксистском подходе к литературному наследию свидетельствуют статьи и доклады об азербайджанских, русских и европейских классиках. С. Вургун обозревал это наследие с высот современного эстетического опыта и передовых идей современности. Его авторитетное мнение помогало нацелить литературу на решение важнейших задач, определить значение многих поэтических произведений. Круг теоретических интересов С. Вургуня широк: социалистический реализм, революционная романтика, положительный и идеальный герой, сатира и юмор, комедия и комическое, театр и драматургия, форма и содержание, народное творчество, эпическая и лирическая

поэзия, современная и историческая тема и т. д. Суждения по всем этим вопросам отмечены печатью самостоятельности, глубины и остроты взгляда. Особый интерес представляют суждения С. Вургуня о революционной романтике в многонациональной советской литературе.

Общие принципиальные основы метода советской литературы находят оригинальное художественное преломление в творчестве ее самобытных мастеров. Социалистическая действительность, ее динамика и диалектика, оставаясь главным предметом литературы, предстают в разных сферах, темах, жанрах, стилях, национальных и социальных срезах в зависимости от индивидуальности художника, его жизненного и гражданского опыта. Речь идет о разных стилевых течениях в рамках одного метода: лирическом, психологическом, романтическом, сатирическом и т. д.

Особое значение в творческой практике и теоретических суждениях Самеда Вургуня придается революционной романтике.

«Мне кажется, — писал он, — наш творческий стиль порой череват изъязном в том отношении, что мы недооцениваем революционную романтику. По-моему, без такой романтики невозможен социалистический реализм, каким его утвердил великий Горький». ¹

На «Страницах воспоминаний» Н. С. Тихонов, говоря об отношении С. Вургуня к революционной романтике, отмечал солидарность с ним А. А. Фадеева. Обращаясь к азербайджанскому другу, Фадеев говорил: «Конечно, ты имеешь право на свой высокий подход, на большой масштаб. Ты и сам такой характер, что годишься в пьесу высокой поэзии». ²

И действительно, природа яркой индивидуальности поэта позволяет постичь глубинные причины этой горячей приверженности революционной романтике, исполненной огромного оптимистического зряда и веры в человека, в преобразующую миссию социалистического общества. Самед Вургун творил, как жил, — окрыленно, светло, крупно. Он умел «за деревьями видеть лес», требовал от собратьев по перу видеть лучшее в жизни человека, говорить и писать о тех чертах и качествах, за которыми будущее.

Пристальное рассмотрение ряда отрицательных персонажей в произведениях С. Вургуня обнаруживает неоднозначность и сложность их характеров. В них сталкиваются противоречивые личные качества и социальные, классовые черты (Герай-бек в «Комсомольской поэме» и Хосров в «Фархаде и Ширин»), косные представления

¹ «Эдебият ве инджеснет» («Литература и искусство»), 1947, 18 июня.

² «Знамя», 1963, № 1, с. 59.

и здоровое творческое начало (Амирхан и Айгюн). При создании персонажей «сплошь отрицательных» осязимо стремление автора к социальной мотивировке их нравственной деградации (Шапур, Хураман и другие). Создавая образы современников, поэт отбрасывал все преходящее, наносное, шел от положительного к идеальному герою.

Подытоживая свои раздумья по поводу положительного и идеального героя, С. Вургун говорил: «За последнее время возникли горячие споры вокруг этого вопроса. Нужен нам идеальный герой или нет? По-моему, и я это говорю с убежденностью, идеальный герой нам нужен. Бесспорно, не все положительные герои могут и должны стать идеальными, ибо идеальный герой, по моему мнению, — синтетический образ положительного героя, воплощающий в себе высокие человеческие, духовные качества...»¹

Высокие требования, предъявляемые поэтом к мастерам художественного слова, распространялись и на литературную критику. От критика он требовал активной аналитической мысли, широкой творческой эрудиции и гражданского чутья: «Наши критики должны быть философами. Они должны хвататься не за отдельные внешние факты в литературе, а за исторический мотив, мечты и деянья, желанья и чаянья, идеи, живущие в ее большой внутренней сути. Дух критики должен жить в органической связи с прогрессивным течением нашей литературы».²

Эти принципы С. Вургун последовательно проводил и подчеркивал во многих работах, статьях и выступлениях. В этом пафос и суть его отношения к творчеству, к критике.

Говоря о многогранном наследии нашего большого поэта, его тридцатилетнем творческом пути, надо еще раз подчеркнуть его кровную связь с родной почвой, с народной жизнью, с Азербайджаном — его прошлым, настоящим и будущим.

Мирза Ибрагимов образно выразил эту необычайную объемность творчества художника слова: «Наибольшую признательность мы испытываем к живописцу, отобразившему всю небесную панораму... Когда мы думаем о художнике, создавшем такую панораму сложного народного бытия и действительности, невольно в нашем воображении оживает Самед Вургун».³

¹ Содоклад Самеда Вургуня «О советской поэзии» на Втором Всесоюзном съезде советских писателей. — «Литературная газета», 1954, 17 декабря.

² «Эдебият газети» («Литературная газета»), 1943, 18 июня.

³ М. Ибрагимов, Жизнь и литература (на азерб. яз.), Баку, 1947, с. 32.

Высокое совершенство, достигающее классических высот, в сочетании с глубокой партийной убежденностью, лирическая проникновенность, национальная форма в органичном единстве с интернационализмом и общечеловеческой сущностью снискали творчеству Самеда Вургуну всенародную, всесоюзную славу. Его произведения вошли в золотой фонд советской многонациональной литературы.

Выдающееся дарование С. Вургуну достойным образом оценили выдающиеся мастера слова советской страны — А. Фадеев, Н. Тихонов, П. Антокольский, К. Симонов, П. Тычина, Г. Гулям, Г. Леонидзе, Р. Гамзатов, К. Кулиев и многие, многие другие.

Велики заслуги П. Антокольского, А. Адалис, К. Симонова и других мастеров русской поэзии, блестяще переведивших произведения С. Вургунa.

Слова всенародной любви и признания с особой силой прозвучали в юбилейные майские дни 1956 года. Сам поэт не мог присутствовать на торжестве — он был прикован к постели. Через несколько дней, 27 мая 1956 года, его не стало. Он ушел из жизни в ореоле народной любви и памяти, благодарно сохранивших его вдохновенные слова:

Можно ль песню из горла украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

(«Азербайджан»)

Бахтияр Вагабзаде
(Перевод с азербайджанского С. Мамедзаде)

АВТОБИОГРАФИЯ

Я родился в 1906 году¹ в селении Салахлы, Казахского района, Азербайджанской ССР. Вургун — мой псевдоним, «влюбленный».

Детские годы я провел в родном селении. Двенадцатилетним подростком поступил в учительскую семинарию в Казахе.

В 1920 году, когда в Азербайджане была установлена Советская власть, я вступил в комсомол и активно участвовал в создании первых комсомольских ячеек в селах Казахского района. Окончив учительскую семинарию, я ряд лет был преподавателем в школах родного селения Салахлы, а затем в Кубе и Кировабаде.

В 1929 году я переехал в Баку, а затем направился в Москву, где продолжал свое образование во 2-м МГУ.

По возвращении в 1931 году из Москвы в Баку поступил в аспирантуру Азербайджанского государственного научно-исследовательского института по отделению языка и литературы.

Начало своей литературной деятельности я веду с 1926 года, когда мне было двадцать лет.

Впервые выступил в печати со стихотворением «Синее озеро», напечатанным в газете «Гянджи ишчи» («Молодой рабочий») на азербайджанском языке.

С этого времени я систематически и серьезно пишу стихи: «Клятва поэта», «Будьте готовы» и др.

Стихи мои 1926—1929 годов, написанные под сильным влиянием фольклора, печатались тогда в газетах и журналах. В них я воспевал неповторимую красоту родного моего края. . .

¹ Самед Вургун родился 21 марта 1906 года.

Первое свое крупное произведение — поэму о комсомоле — я посвятил Ленинскому комсомолу, бывшему для меня первой школой сознательной общественно-политической жизни.

В 1930 году вышел мой сборник стихов «Клятва» на азербайджанском языке. Спустя два года вышел второй сборник — «Фонарь», а затем «Стихи» (1935), «Книга сердца» (1938). Тема родины и народа становится основной темой моих книг.

Большим событием в моей жизни было (в 1934 г.) участие в работе Первого Всесоюзного съезда советских писателей, где я слышал речь А. М. Горького.

Я ставлю своей творческой задачей раскрыть поэзию нашей действительности, дать философские обобщения важнейших тенденций нашей жизни. Я знаю — это трудный путь, но меня поведет по нему моя совесть, моя верность советской литературе, великая любовь к нашей современности.

Настоящий поэт не имеет права, страшась недругов и всякого рода «осложнений», приглушать свой голос. Если поэт ощущает глубокую внутреннюю потребность говорить со своим читателем, он должен говорить с ним голосом сильным и честным, смелым и ясным. Нельзя любить вполсилы, нельзя ненавидеть вполсилы. Поэт в полную силу должен выражать свою любовь к великим делам народа и свою ненависть ко всему отсталому, косному, фальшивому, что мешает нашему движению вперед.

Будучи секретарем ССП Азербайджана, я настойчиво боролся против буржуазно-националистических тенденций в азербайджанской литературе, призывал к правдивому отражению жизни народа.

В многочисленных поэмах, стихотворных драмах, среди которых можно назвать «Комсомольскую поэму», «Легенду о роднике», «26 комиссаров», «Слово о колхознице Басти», народно-героические драмы «Вагиф», «Фархад и Ширин» (удостоенные Государственной премии), драму-поэму «Ханлар», поэмы «Мугань» и «Старые друзья», я хотел воссоздать незабываемые картины далекого и близкого прошлого азербайджанского народа.

В октябре 1938 года на сцене Азербайджанского государственного театра имени Азизбекова в Баку была поставлена поэма «Вагиф» — о замечательном патриоте-поэте XVIII века, который героически боролся за независимость Азербайджана. Пьеса эта в 1948 году была показана во время гастролей Азербайджанского театра в Москве.

В 1939 году поставлена была моя пьеса в стихах «Ханлар» («Восходит солнце») — о революционной борьбе бакинского проле-

тариата, а через три года — героическая драма «Фархад и Ширин» (1941) по поэме Низами «Хосров и Ширин».

Эта драма в переводе Т. Стрешневой в 1946 году появилась на сцене Московского театра им. Станиславского и Немировича-Данченко.

После драматической поэмы «Фархад и Ширин» я приступил к работе над новой большой драматической поэмой «Человек» («Инсан»). В ней мне хотелось показать героизм и морально-политическое величие советского народа, его гуманизм и веру в победу человеческого разума, а также духовное братство народов Советского Союза и прежде всего дружбу между азербайджанским и русским народами.

Одновременно с работой над этой пьесой я трудился над большой эпопеей в стихах «Дастан Баку» («Поэма о Баку») — о прекрасной столице моего народа.

В связи с празднованием 15-летия Советского Азербайджана я в составе азербайджанской делегации был на приеме в Кремле и читал свои стихи. Это были незабываемые минуты в моей жизни.

В годы Великой Отечественной войны я написал ряд произведений, где, воспевая героизм советских бойцов, я обличал колонизаторов и поджигателей войны, призывал к борьбе за мир и свободу. Теме борьбы с фашизмом, с реакцией, с англо-американским империализмом посвящены многие мои произведения, среди которых я выделяю поэмы «Скамья смерти» — о Г. Димитрове и «Негр говорит».

Я перевел на азербайджанский язык «Евгения Онегина» Пушкина, «Девушку и Смерть» Горького, «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Лейли и Меджнун» Низами...

Советская многонациональная литература — передовая литература мира — сильна и прекрасна не только тем, что несет в себе новое, социалистическое содержание, одухотворенное благородными идеями коммунизма, но и богатством, многообразием национальных художественных форм, воплощающих это содержание, эти идеи.

Метод социалистического реализма, единый для всей нашей литературы, вовсе не обязывает советских писателей всех наций художественно раскрывать и обобщать процессы и явления нашей действительности в рамках какой-то одной общей для всех национальных литератур формы. Так понимать сущность метода социалистического реализма — значит, понимать его догматически, узко, вступая в полное противоречие с правдой жизни. Ведь жизнь проявляет себя многообразно, а это обуславливает многообразие форм в искусстве, в том числе и национальной формы. У каждой нации свой исторический путь развития, свой уклад быта, свои традиции, которые выковыва-

лись веками, свой язык, свои обычаи, навыки и привычки, свой склад мышления и душевный склад.

Мой первый сборник стихов на русском языке «Стихи и поэмы» вышел в 1935 году, затем в 1939 году — сборник стихов «Утренняя песня», в 1942 году — сборник стихов «За счастье», в 1948 году — «Избранные произведения», в 1949 году — «Избранное», в 1950 году — «Поэмы и стихи», «Пою коммунизм», «Пьесы».

Многие элементы русской классической поэзии стали (в творчески освоенном, конечно, виде) органическими элементами азербайджанской поэзии. Так, полноправным хозяином вошла в азербайджанский стих онегинская строфа. На вооружение нашего стиха принята и боевая ритмика Маяковского.

В 1945 году меня избрали действительным членом Академии наук Азербайджанской ССР, а в 1946 году мне было присвоено звание заслуженного деятеля искусств. В 1947 году в составе делегации депутатов Верховного Совета СССР выезжал в Англию.

В 1948 году я был участником конгресса деятелей культуры во Вроцлаве (Польша), а в 1950 году был избран членом Советского комитета защиты мира, затем депутатом Верховного Совета СССР.

Я член ВКП(б) с 1940 года.

В 1956 году в связи с 50-летием мне было присвоено почетное звание — народный поэт Азербайджанской ССР.¹

Баку, 1956 г.

¹ Поэт умер 27 мая 1956 года (*ред.*).

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПИСЬМО К ШИКЕСТЕ

Боль души твоей я перейму, Шикесте.
Друг, послушай, каким удрученным я стал:
Горек хлеб мой, измучено сердце мое —
Испускающим скорбные стоны я стал.

Много бедствий пришлось пережить мне в былом.
Я пятнадцати лет повстречался со злом.
Корень жизни моей подсечен топором
С той поры, как несчастным влюбленным я стал.

Перебили крыло, чтоб летать я не мог,
Чтоб, плененный любовью, бежать я не мог,
О страданье своем рассказать я не мог.
От печали больным и смятенным я стал.

Рвет мне сердце на части подруга моя.
Я хочу тебе счастья, подруга моя.
Знай, истерзаный страстью, подруга моя,
Гнет безмерный терпя, разоренным я стал.

Взор орлицы, но ангельски ласковый лик,
Кудри выются, уста — животворный родник.
Легконогий джейран мой, весенний кеклик,
Ты поэта сожгла, опаленным я стал.

1926(?)

Здравствуй, родина-мать!
 С благодарностью я:
 Ты открыла мне путь, ты — надежда моя.
 Почему же не спросишь: «Какие края
 Посетил, мой поэт, путешествуя, ты?»

Соколиная высь просветлела в горах,
 Навсегда улеглись недоверье и страх.
 Как зажегся огонь вечной дружбы в сердцах,
 Черный ветер поник и не стонут хребты.

Видел я Арарат, чья вершина грустна,
 Постоял у скалы, что звенит, как струна.
 Уходила зима — наступала весна,
 Пыль смывали ручьи, грохоча с высоты.

Видел Грузии дочь на широком лугу,
 Пела с нами она и плясала в кругу.
 Черных кос на груди я забыть не могу.
 Не могу позабыть я такой красоты.

Пусть полюбит меня, став моею весной,
 Пусть смеющимся маком цветет предо мной.
 А умру — стану пусть родниковой волной,
 Что и жниц напоит, и хлеба, и цветы.

1927

«Воспламенись!» — я говорю душе.
 Вчерашнюю красавицу уже
 Сегодня не узнать — она устала,
 Как будто никогда и не блистала.
 Цвела, да скоро выцвела она —
 И взгляд померк, и горбится спина,
 И волосы в унылом беспорядке —
 Свисают неприласканные прядки.
 Мне этого достаточно. Вполне.
 Ты бросила меня?! Гори в огне!

1927

Всё! Хватит мудрым докучать, выпрашивать, что значит
жизнь,
Ты сам найди пример живой, что идеалом должен стать.

«Чья совесть подлинно чиста, тот дуралей», — твердят
одни,
Твой спор о смысле этих слов для них провалом должен
стать.

Пустые звуки — стон и вопль, пустое дело — слезы лить,
Не будь потоком слабых слез, ты мощным валом должен
стать.

Кто хочет мудрым стать, пускай не обижается на нас —
Кто о бывалом говорит, тот сам бывалым должен стать.

Вургун, влюбленный я Вургун, — не пораженный,
не Душгун,
Я победителем-борцом в большом и малом должен стать.

1927

Душа, чье волнение всегда через край,
Мятежность твоя урагану подобна;
Вскипишь на Кавказе, плеснешь на Алтай —
Безбрежность твоя океану подобна.

Мне тесно, мне тяжело, тоскует мой дух,
Не видно дороги — то снег или пух.
Пока не исчезли границы вокруг.
Действительность самообману подобна.

Шпион беспощадный, холодный, как змей,
Мир алчный богатства, замри, онемей.
Пока не воротится братство людей,
Деянье любое — туману подобно.

2 декабря 1927

Меня постигла сызмала беда —
 Тебя зарыли в землю навсегда.
 Птенцом без крыл я выпал из гнезда,
 Без матери и воля как темница.

Ты светлые лелеяла мечты,
 Великой ты достойна высоты.
 Ищу тебя глазами, где же ты?
 Взгляни, как сын твой в пламени томится.

Взошла, как солнце, ты и вдруг ушла,
 Оставив мне печали без числа,
 Чего достичь за столько лет смогла, —
 Так что же было в землю торопиться!

Поднимет бурю вздох горячий мой,
 Открой глаза, хотя б на миг открой —
 Сейчас пора иная, век иной,
 К добру над миром вспыхнула зарница.

Тебя обнять, поцеловать хочу,
 Сполна понять, что значит мать, хочу,
 Чтоб свидеться, я смерть принять хочу —
 Как по-другому мне к тебе пробиться!

1927(?)

7. КОГДА?..

Я жалок сегодня, измотан вконец,
 Я полностью выжат, я полумертвец.
 Сегодня бессилен вчерашний герой —
 Свирепые вихри свистят надо мной.
 Мне ветер печали виски леденит,
 В объятых унынья невзрачен мой вид.
 Ничтожное тело в низине ползет,
 Но дух мой высокий стремится в полет,
 Летает, витает в густых облаках,
 Порой отдыхает на синих лугах.

Он рыщет, он ищет, отчаянный мой,
Приволья, простора в теснине земной,
Такого простора, что воли оплот,
В котором забудусь от прежних невзгод.
Забуть этот узкий, бесчувственный мир —
Раскрашенный густо неверный кумир.
Пусть пляшет беспечно, не помня, что ждет
Пустая пучина, провал, а не взлет.
Пусть рухнет, пусть канет в пучину, во мрак
И скоро увянет, как сорванный мак...
А славное племя железных людей
В трудах и бореньях пусть станет сильней,
Сплотит трудовую, большую семью.
И я просветлею, и бодро спою,
И всё позабуду, что было вчера...
Не знаю, придет ли такая пора!..

1927(?)

8. ЦВЕТОК

Колышется горный подветренный склон:
Зеленое море колеблет цветы.
«Души моей пламя,
ты явь или сон?
Сожжен я сияньем твоей красоты.

Касаются робко тебя облака,
В жару притеняет чинара слегка».
— «Меня трепетать заставляет тоска,
Удел мой печален», —
промолвила ты.

Я выпил бы нежность единым глотком,
Но холод осенний подкрался тайком,
Расстаться пришлось мне с прелестным цветком:
Прощайте, прощайте, любовь и мечты!

1927(?)

9. ТОИ

Пойми меня, ты всё должна понять!
Я так устал надеяться и ждать,
Увидеться с тобой опять желая.
Стремился к встрече я душою всей,
Чтоб голосок, который всех нежней,
Вновь зазвучал, меня испепеляя.

Помилосердствуй, выслушай слугу:
Тебе сказать я многое могу —
Я в разлученье трудном пропадаю.
Умерить свой сердечный жар хотел,
Но от любви ослаб и побледнел
И, как хмельной, к коленям припадаю.

Мой скорбный дух разлука потрясла.
Мечты бессильны хрупкие крыла
Преодолеть земные расстоянья,
Надеждой утешаюсь я одной,
Что встречу вдруг с красавицей иной
И с ней забудусь в сладостном тумане.

Земля укроет мой несчастный прах...
Иль, как Фикрет, приют найду в горах.
Там заживу без прошлого, земного.
Но в небесах, припомня всё остро,
Схвачу я одержимое перо,
И «Гамлет» будет мной написан новый.

1927(?)

10. КРАСАВИЦА САЛЬЯНА

Ты из окошка смотришь на меня,
Глаза полны тревожного огня...
О, как ты совершенна и желанна,
Любимая, красавица Сальяна!
Скажу открыто:
«Выйди, покажись!
Мечтою зримой предо мной явись».

Хочу, чтоб наше сердце в лад забилося,
Чтоб время для двоих остановилось.
Единственная, знай, я одинок.
Душа моя кружит, как мотылек,
Преследуя цветок в степи песчаной. . .
Сияешь ты, красавица Сальяна,
Вся розовым наполнена огнем.
Ты, говорят, мечтаешь о другом,
О юноше. . .

С тех пор я не покоен,
Забудь его — тебя он недостойн!»

1927(?)

11. КЛЯТВА

Я клятву дал не унижать пера —
Жеманницы меня не вдохновят.
Настала просветления пора —
Не омрачит изменница мой взгляд.

Я долго по-мальчишески страдал —
Меня ты предал, ложный идеал,
И я тебя забвению предал —
Не возвратится прошлое назад.

О люди! Как посмел я жить без вас!
Вы — сила сердца, вы — отрада глаз,
Не будет о пустом брэнчать мой саз,
Он с вечностью обнимется, как брат!

7 января 1928

12

Как же скоро ты забыла, нежась в клетке золотой,
Что за сердце изнывает, уязвленное тобой.
То застенчивое сердце, что впитало горечь бед,
То, что с молодости первой посвятил тебе поэт,

То, что, ввергнуто в сиротство, утопало молча в нем,
То, что народилось в пору ранней схватки ночи с днем.
И когда меня душила вереница черных бед,
Я искал в глазах любимых хоть надежду на просвет.
Но — увы! — ты не вздохнула, упорхнув под пышный
кров,

О поэте неимущем, обладателе миров.
Сердце, что отмщенья жаждет, никогда не напою,
Если пригоршнями даже стану пить я кровь твою.
Выходи же из-под крова и открыто кровь пролей —
Или ты моей окрасься, или я выпьюсь твоей!

31 мая 1928

13

Пускай цветники и луга улыбаются,
Пускай увяданья не знают они!
Воспрянь, как стихи мои, жизнь обновленная
И стань затаенным мечтаньям сродни!

О счастье! Приди, небывало высокое,
И каждого здесь, на земле, осени!
В заботах простых отразись человеческих
И в хлебных колосьях, святых искони!

Как может тоска по одной привереднице
Все радости мира оставить в тени!
Не дай же, чтоб снова нахлынуло прошлое, —
Утопят Вургуна тоскливые дни!

1928

14. ВЕСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

(Малышам)

Добрый солнечным огнем
Всё разбужено кругом.
Улеглась в горах метель,
Соловьев рокочет трель,

Мак цветет, бурлит река,
Окрылились облака,
И, несмелая сперва,
В буйный рост пошла трава,
В пене розовой сады,
Нарастает звон воды,
Мир гудит, бурлит, поет,
И обрадован народ.

1928

15. НА БЕРЕГУ

Душа опять с мечтой наедине...
И я, тоской влюбленности измучен,
Гляжу на берег,
 так знакомый мне,
На грозно набегающие тучи.
Поспешно
 надвигалась темнота,
Волна мрачнела,
 пенюю вскипая,
Моя неутоленная мечта
Томилась,
 от любви изнемогая.
Мерцали свечи
 на пути моем,
В воде метались огненные тени.
И мысль,
 желая всё объять кругом,
Не знаю,
 что искала в то мгновенье.

1928(?)

16. КУРА́

Реки сошлись к тебе! Будто бы гор хребты,
Волны до самых туч гордо вздымаешь ты;
Веселы в тихий час, нежны твои черты.
С давних пор у себя ты не сочтешь гостей!

Берег падает вниз, будто ветер ночной. . .
Солнцем ты вся полна, вся омыта луной.
Образы жизни всей вижу в тебе одной.
Края, где ты течешь, нет, не найти славней!

Здесь Тбилиси — твой друг, земля Казаха — твоя,
Много жителей здесь! Люди — твои друзья;
Воды к тебе спешат, гонит струю струя, —
Много есть у тебя родников-друзей!

С неба глядят на тебя очи иных миров,
Недруги прочь бегут, слыша твой грозный рев.
Там, где проходишь ты, зелен ковер лугов,
Распустились цветы под легкой стопой твоей.

В каждом году весна ищет к тебе пути.
Кто увидал тебя, в силах ли тот уйти?
В сердце моем всегда можно тебя найти!
Издавна о тебе шла молва средь людей.

Вот луна, восходя вновь над твоей волной,
Так говорит: «Без тебя свет не радостен мой».
Вот пастух, выходя снова на берег твой,
Будит весной луга свирелью своей!

(Январь) 1929

17. МАТЕРИ

Мне говорят, что ты глядишь, родная,
На пыльный путь с утра до темноты. . .
Я дни прошедшие припоминаю, —
Сыновье сердце лаской грела ты.

Когда друзья мне пожимали руку,
Когда «прости» я говорил друзьям,
Ты, в скорбном сердце подавляя муку,
Приникла с нежностью к моим глазам.

С тех пор я не беседовал с тобою;
Ты только в памяти моей жила.
Не в силах сердце позабыть бывшее.
Разлука тучей позади легла.

«Ступай, мой сын, — твои твердили взоры, —
Разлука наша будет недолга.
Суровы будни зимние, но скоро
Ковром цветов покроются луга».

Твои слова мне снова силу дали.
Уехал я, свою печаль гоня.
Невиданные распахнулись дали,
Морозный ветер освежил меня.

Здесь дни бегут. Не описать словами
Движенья, устремленного вперед.
Мир не живет бесплодными мечтами:
Он соки жизни у земли берет.

Тут нет разлук, нет горестного вздоха,
Любви Санана ты не встретишь тут.
Тут мысль кипит, творящая эпоху,
Тут гении бессмертные живут.

Скажи, родная, спеть какую песню?
Сердца свободны, чувства без цепей.
Поэт — преображенной жизни вестник —
Припомнит ли печали прошлых дней?

Глаза ясны, душа тоски не знает,
И радость жизни в сердце глубока.
Мне молодость моя напоминает
Весеннее обилье цветника.

Моя весна пытлива и упорна.
Средь мудрых книг проходит жизнь моя.
Я часто вспоминаю гребень горный. . .
Я к вам вернусь, родимые края!

26 ноября 1929

ВЕЧЕР

Когда за горный гребень солнце село
И сумрак был на землю водворен,
Подумал я:

«Смелей берись за дело,
Пиши, поэт, — ты жизнью окрылен».

Я прочитал доверье в каждом взоре.
Ожег меня высокой страсти жар.
Я стал велик в раздумьях, словно море —
Неторопливо плещущий Хазар.

И, очарован нежностью природы,
Счастливей становлюсь я с каждым днем.
Люблю мой век всё больше год от года,
Его поэт,
нашедший место в нем.

ДВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

Ночь ленивою истомой зной сменила наконец,
Месяц, тучу разрывая, мир улыбкой озарил.
Словно явленное чудо предо мной предстал дворец,
Речь живую обретая, внятно он заговорил.

О войне в Афганистане голос диктора вещал,
Перламутрового саза я услышал перебор,
Шикесте звенело нея, тар призывно рокотал,
И напевы повторяло голубое эхо гор.

Во дворце веселом этом враг таился, говорят.
Правил суд зимой и летом воцарившийся злодей.
Рвались бомбы и гранаты, бушевал железный ад,
Хладнокровно убивали правды жаждущих людей.

Говорят, что страшно вспомнить те глухие времена:
Душу нищего народа сжали крепкие тиски,
От насилия и казней кровь рекой текла, красна,
И сердца изнемогали от страданья и тоски.

Славься, мир преображенный!

Мы сломали царство тьмы,

Нет в помине мусавата, нету белого царя.

Здесь фундамент новой жизни заложили прочно мы,
Встало утро молодое, мир улыбками даря.

4

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

В пластах глубинных нефтяных твои и мощь и сила
скрываются,

Недаром воспитала ты сынов — героев знаменитых.

В тебе великий смысл сокрыт, как небеса, необозримый,

Ты революции очаг, огонь свободы негасимый.

Застыли снежные хребты, они свидетельствуют ныне,

Что ты правителей былых слыла бесправною рабыней.

Но всколыхнулся весь простор в моем краю

высокогорном,

И солнце пробудило мир, взглянув на землю добрым

взором.

Но не забудь, о, не забудь, живут враги, они притихли, —
Неосторожной красоте грозят губительные вихри.

Ты — остров в океане бед, там волны мрачны и кровавы

И выжидают только срок для черной мести и расправы.

Чудесна ты, моя страна, прекрасна гордыми делами,

Цвети свободно, мирный край, когда-то скованный

цепями.

Ты слово выслушай мое, дыша привольно и широко:

Твое предназначенье — быть Вратами Древнего Востока.

1929

22. НОВЫЙ МИР

Прносятся тучи,

как будто шая,

Волнуется море,

шумя и бурля.

В свободном движенье
навек воплощен
Бессмертный и мудрый
природы закон.

И думы,
и чувства,
и времени бег
Стремится себе подчинить человек.
К высокому счастью стремятся сердца, —
Нет жизни начала
и нет ей конца.

1929

23. ДВИЖЕНЬЕ

Назыму Хикмету

Движенье!
Движенье,
ты — крови кипенье,
Вчерашнего
бурное преодоление.
Вновь в мыслях спускаюсь
в глубины ночей,
Без крова скитаюсь,
кричу я:
«Эгей!»
Мной движет не страсть,
не беда,
не разлука,
А жажда познания,
счастливая мука.
Движенье!
Движенье!
Извечная сила,
Всё сущее в мире
преобразила.
Красавица,
ты угадать не стремись,

Тобою и мною
 сотворено,
Движенье,
 движенье —
 бессмертно оно!

1929

24. РАПОРТ

Рабочим бакинских промыслов

ВСТУПЛЕНИЕ

Я —
 поэт
 миллионов,
пропахших
 бензином и серой.
Я — враг
 буржуазных салонов,
одетых
 в драпри
 и портьеры...

ОБРАЩЕНИЕ

Бей!
Я кричу: бей!
Крепче бей,
не робей!
От всей души
 я желаю тебе,
чтоб свежеею силой
 руки твои налились,
чтоб руки твои
 переделали жизнь,
чтоб изменили
 наше село,
чтоб люди забыли
 о нищенской жизни былой.
Привет!
 Горячий привет
 в песнях своих и речах

шлет тебе твой поэт,
новый поэт,
 который
фразы-моторы
 несет на плечах!
 Привет!

Брат мой, крестьянин!

Мы
 хлеба с земли
на пропитанье
собрать
 не могли...

Но я
 никогда, ни на мгновение,
не прикрывал, как насадка, крылом
то, что могло с прямого пути
в сторону нас увести,
и — не искал спасенья
 в былом.

Время —
 придирчивый командир —
меня учило не раз
очки,
 затемняющие мир,
очки,
 искажающие мир, —
сбрасывать с глаз.
И — тайной окутанный,
 как пеленой,
наш мир
 в новом виде
 предстал предо мной.

Я позабыл
 беспомощный бред,
которым кормил меня дед
в дымной хибарке,
 в селе, где я рос,
вечно оборван и бос.
Я позабыл туманные сны,
грустные, пьяные сны.
Не помню, о чем родники,
 звения,

пытались со мной говорить...
Но время
 не отняло у меня
жажду
 жить
 и творить!..
Я распознал
 (постепенно, не сразу!)
живущих в крови бацилл,
несущих
 романтики старой
 заразу.

Распознал
 и — убил!

У-
 бил!
И, с чувством торжества,
сказал:
 «Мы — истории творцы!»
(Это великие слова
величайшего гения.)
Мы пашем поля, строим дворцы,
выигрываем сражения...
Я — твой поэт,
 рабочий класс!
Признан я иль не признан,
я тоже обязан камни класть
в фундамент социализма!

Слава!
 тем,
 чьи могучие руки
возводят
дворцы,
 обрекая лачуги на слом!
Смерть!
 тем,
 кто, надев очки лженауки,
прекрасное ищет
 в ничтожном былом!

Слава!

ударникам,
в первых рядах
идушим под стягом алым,
растящим хлопок
в пустынных степях,
прокладываящим каналы!

Позор!

тем,
кто голову прячет, как страус!
Позор торговцам с жадною хваткой!
В их душах бессильная злоба и хаос,
их жизнь
жидка,
как яйцо всмятку!

Бей!

Я кричу: бей!

Крепче бей,

не робей!

От всей души

желаю тебе,
чтоб свежеею силой
руки твои налились,
чтоб руки твои
переделали жизнь,
чтоб изменили
наше село,
чтоб люди забыли
о нищенской жизни былой!

Гей,

гей,
с лучами в очах,
новую жизнь
подымай на плечах!

Я видел

идуших впереди
с пятиконачным огнем на груди,
людей, не знающих страха,
сбросивших страх вместе с грязной рубахой...

Я видел:

сопротивляясь напрасно,

шагай вперед веселей!
Скоро зажгутся в селе
лампы Ильича!
Я
посвящу им
тысячи строк!
Я в песне скажу:
электрический ток
нам власть народа дала!
Вот он — рабоче-крестьянский блок,
блок
города и села! . .
Пусть —
от нас уйдут навсегда
темнота и нужда!
Пусть —
к нам придет по каналам вода,
по рельсам придут поезда!
Пусть —
будут водителями электровозов
ударники наших колхозов!
Пусть —
расцветает радостно юность,
прогнавшая прошлого тень!
Пусть —
ударники, соревнуясь,
приветствуют завтрашний день! . .
Это время не за горою!
«Сегодня» станет «вчера»,
и, завтрашний день,
как сегодняшней,
строй,
мы
воскликнем:
«Ура!»

1930

25. ГОЛОС ПОЭТА

Микаилу Мушфику

Во мне ненастье закипает снова.
Пускаюсь сквозь ночную бурю вплавь.
Мечтанья — слишком зыбкая основа,
Пусть мудрость мне свою откроет явь.

Волнение нарастает, плещет море, —
Я обнимаю искренне прибой
И размягчаюсь так, как будто вскоре
Расстаться предстоит с самим собой. . .

Порою крылья дум вздымает ветер,
Повыше в небо норовя взметнуть.
Гоню во весь опор коней столетья,
Ведь этот путь иной — не прежний путь.

Я устремляюсь к жизни настоящей,
Чтоб не увлечься призрачной опять.
Смотрю я в книги Ленина всё чаще,
Чтоб от друзей в походе не отстать.

1930

26. ДВА РЕБЕНКА

Гляжу я на мальчика.
Он шаловлив,
Но добрым характером радует всех.
В глазах его — живость,
в движениях — порыв
И будто бубенчик — залиvistый смех.
В поступках и мыслях от злого далек,
Движеньем он полнит свое существо.
И зорок мальчонки орлиный зрачок,
Он вырастет —
вьюги не тронут его.
Другая — девчушка.
Резва и мила,

Румянец ей утренний мак подарил.
Печаль стороною ее обошла.
В объятия детишек наш век заключил.
Я в эту минуту поверил в одно,
И твердо и искренно в том убежден:
Им видеть счастливые дни суждено,
Героям грядущих
великих времен.

1930(?)

27

Я вновь проснулся до рассвета, прервалось чем-то
забытье.
Как птица, что свободно реет над широтой степей и гор,
Летает целый день повсюду, а к ночи — вновь в гнездо
свое,
Моя душа опять трепещет, и вновь слеза туманит взор.
Кавказ! Когда твой облик гордый возникнет вдруг передо
мной,
С улыбкой горькой будто кто-то мне говорит: «Проснись,
очнись».
И я под стать тому ягненку, что тянется к груди родной.
И немила иная радость, и не нужна иная высь.

Я знаю, что меня осудят за этот стих. Печален он.
Я должен радоваться ныне, что многих я лишен цепей,
Но, с жизнью узы укрепляя, благодарю невольный стон —
Я не хочу освобождаться от чувства родины моей.

1931

28. ГОРЕ АШУГА

Тебя пятнадцать лет тому назад
Я на эйлаге повстречал, мой брат.
С гошмою и газелью на устах
Погостевал во многих ты шатрах.
Я ощутил тогда с тобой родство —
Не понимали горя твоего.
Струились слезы у тебя из глаз —
Во тьме дорог светильник твой угас.

И ту, что ты любимой звал своей,
Прельстил другой, бездельник-богатея.
Как я, остался одиноким ты
И только сазу поверял мечты.
Дорогами предгорий и равнин
Из края в край скитался ты один.
Едою горе было и пьем,
Тебя никто не спрашивал о нем.

Утесам петь о горе ты привык,
И понимали горы твой язык.
И честь, и юность растоптав в пыли,
Тебе нагайкой крылья подсекли.
Не глас народа ль в голосе твоём,
Который брали изредка внаем?
И на пиру у беков ты в углу
Пел о Меджнуне и о Кер-оглу.
Да бедным людям в этом прок каков —
Не уменьшалось горе бедняков.
И, как богатый край, опустошен,
Из пепла к небу воздымал ты стон.

Смотрела с неба на тебя луна,
Тебя чуждалась, кажется, она.
Печальный саз, что слышался окрест,
Воспламенял и женщин, и невест.
Как говорится, твой тяжелый вздох
Лед растопить в горах высоких мог.
«Натуры утонченные» порой
Похваливали голос грустный твой.
Любили вроде б напоказ они
На тихом склоне тусклые огни.
А ты? .. В тисках тоски сжимался ты,
С тобою вместе плакали цветы.
Напрасно ты от ветров ждал вестей
Об измененье участи своей.
Тебя, твой саз хвалили — и не раз,
Но для приличья, для отвода глаз.
Как тяжелы былые времена!
Под этим грузом горбилась спина.
Меджнуном, одержимым, звался ты,
И плакал, и рыдал до хрипоты.

Не одному тебе такой удел —
Трудился бедный, а богатый ел.
Ты только сазу поверял мечты,
И с ним из края в край скитался ты.
Ночь как-нибудь, а утром снова в путь.
И так всю жизнь. А в том ли жизни суть?

Я помню, как-то вечером на той —
На свадьбу — приглашен ты был весной.
И, в песню превратив свои стихи,
Ты брал на удивление верхи.
Боялся я, что голос ты сорвешь,
И было бы за что — за лишний грош!
Ты с вечера завел старинный сказ
И за полночь закончил, в поздний час.
И люди ожидали, осовев,
Чтобы раздался снова твой напев.
Ах, люди, люди! Молвили б они:
«Ты утомился. Хватит, отдохни. . .»

С той поры как над горами солнце новое взошло,
По лицу мне видно это — на душе твоей светло.
Грудь твоя под стать тетради — белых много в ней листов,
И сердечными словами ты заполнить их готов.
О героях новой жизни ты по-новому поешь.
О крестьянке, что достойно возглавляет молодежь,
Что сняла с себя повязку под названием яшмаг
И, собранья открывая, не смущается зевак.
На колхозные концерты ты готовишься с утра,
Позабыл шальные свадьбы, где шабашничал вчера.
И по радио, бывает, раздается голос твой.
Саз твой радостно послушать — обновлен его настрой.
Это — творчество, искусство, это — самый лучший труд.
Но порою на подъеме, что и вправду очень крут,
Оступаешься, товарищ. Дух наживы — ушлый черт —
Вдруг с пути тебя сбивает, на обочину влечет.

Ты ловко время выкроишь и, глядь,
В базарной чайхане торчишь опять.
Случайный встречный тут — приятель твой,
За деньги унижаешься порой.
А где же соколиная душа?

Что скажешь, против правды не греша?
Не помнишь, что играешь, что поешь
И чей хвалебный слушаешь галдеж.
Торговец — спекулянт и шарлатан —
Заказывает песни, полупьян,
И музыкой, что слушал старец Ной,
Ты ублажаешь ныне сброд хмельной.
Опомнись, что ты делаешь, очнись!
Да кто ж в былой могиле ищет жизнь!

Товарищ мой, искусством ты живешь,
Ты — мастер, оттого-то мне и горько.
Тот, кто себя не ставит ни во грош,
Холодный камень, а вернее — горка
Сухого праха. Ветер и вода
Его снесут неведомо куда.
Отринь печаль о призрачном былом,
Пойми, что жизнь течет неудержимо,
Как вешние потоки, напролом.
Очнись, не то она промчится мимо.
Пойми, что жизнь течет неудержимо.

1932

29. ВОСПОМИНАНИЯ

Я помню, как ты лет пятнадцать назад
Чужого ребенка ночами качала.
Я помню твой темный испуганный взгляд:
И за косы драли тебя, ты молчала.

Я помню, рассвет не сгонял темноты, —
Ты масло сбивала и печку топила.
Чего только в жизни не вынесла ты!
Ты помнишь? А может, уже позабыла?

Порою, прищурясь, твоя госпожа
Язвит, насмехается, мучит, мытарит.
Заплачешь в ответ, от обиды дрожа, —
Хозяин еще и ногою ударит.

Ты знала о том, что рыдал я тайком,
Что горькую жизнь твою понял мальчишкой.

Тебе не писал я о горе таком:
Слова мне казались бессильными слишком.

*

Я помню, ты в бедности горькой, ты в горе жила
постоянно,
Ты в горы родные с кочевьем уйти не могла из долин,
А мимо тебя с бубенцами далекие шли караваны.
Цвет жизни твоей обрывая, тебя не увез ни один.
И душною ночью однажды глаза ты закрыла со стоном,
В сарае повесилась темном на пыльной веревке крученой.
Но в памяти близких живешь, ты навеки живою осталась,
Глаза твои, не закрываясь, светильниками расцвели
Для тех, кто идет неустанно, кого не сломила усталость,
Для них твоя кровь воплотилась в горячую правду земли.
Скажи мне, ты помнишь? Тринадцатилетней девчонкой
Играла с подружками в мяч в зацветавшем саду.
Вдруг всадник промчался, копыта зацокали звонко,
Увидел тебя — и поводья сдержал на ходу.
Как мяч, подхватил он тебя и сквозь ветер дурманный
Привез он в придачу к жене (видно, мало одной!),
А утром высокий кази над суровым Кораном
Обряд совершил, и ты стала второю женой.
Быть может, ашуг увидал, как ты плакала в страхе.
С далекой горы отозвался рыдающий саз,
Не падаешь ты, а стоишь под ударом папахи, —
Венчанья обряд совершился в тот горестный час.
Ты скоро смирилась, утешась игрою алмазов,
Блистаньем пленительных яхонтов и жемчугов.
Ты нежилась в облаке тюля, в прохладе атласов,
В цветении пестром душистых шуршащих шелков.
Тебя подкупили игрушкой, пустою забавой,
К тебе обращались с поклоном, с улыбкой лукавой.

*

Бедняжка! Недолгое счастье твое пролетело.
Дни с мужем немилым и старым казались веками.
К тебе подойдет он, и дрожь пробегает по телу.
Увяла душа. Разлетелась душа лепестками.

И ночи твои — словно тучи. Рассветы — как тучи;
При виде его всё вокруг покрывается тенью.

А он всё мрачнее. И нрав нестерпимей и круче,
В обиде, что чужд ему цвет твоей жизни весенней.

В нем совесть молчала, лишь злоба кипела глухая;
Он быстро привык говорить кулаками с тобою.
И в жизни твоей огонек задрожал, потухая.
И, может быть, правда, что ты умерла от побоев.

*

К счастью дорогу однажды нашла ты сама,
Ночью из дому сбежав с молодым пастухом.
Шли через горы. В ущельях вас прятала тьма,
Скрылись от гневной погони во мраке глухом.
Дальше бежали! В селенье за горным хребтом
Остановились. Остались. Нашли вы уют.
Дни пролетали. . . В сиянии их золотом
Солнце судьбы поднимается, птицы поют.

Вы Чужестранцем-Герибом назвали сынка.
Хлебом и солью питаясь, Гериб подрастал.
Взор подняла ты на утренние облака:
В красках живых над тобою рассвет расцветал;
Прыгал, как рыбка, твой сын у тебя на руках,
К солнцу тянулся, вбирая и свет и тепло.
Сердце твое, словно сокол паря в облаках,
Крепло в любви к бытию и, мужая, росло.
В жизни твоей и такая минута была. . .

*

Пронесся над тобой суровый ветер
(За встречей вслед приходит к нам разлука).
Пастух убит в ущелье на рассвете,
Убит. . . А ты обречена на муку.

Не слышишь голоса его отныне,
Но слушаешь малютки лепетанье.
Так что такое жизнь? Сплетенье линий,
Начертанных на карте испытаний.
Они запутать могут человека. . .

*

В бездомных скитаниях сына растила,
Поденно батрачила в поте лица,

Годами ты тяготы переносила.
Ребенок подрос. Поглядишь — весь в отца!
И лоб словно месяц; ресницы как стрелы;
И брови как лук. И здоров и умен.
Правдивым его воспитать ты сумела.
Беседы внимательно слушает он.
Он так увлекался беседами взрослых,
Что спать не уложишь и в поздний час!
Тебе задавал он такие вопросы,
Что пела душа, словно радостный саз.

*

Тревогой и тоской сжималась грудь,
Ты видела — героев кровь текла,
Они в горах прокладывали путь.
Гериба удержать ты не могла.
Прощаясь с сыном, слезы ты лила,
Но ты гордилась: стал большевиком!
Ты боль разлуки не превозмогла...
«Не уходи!» — бежала за сынком.

Но он ушел. И слава шла вослед.
Утихла буря, и гроза прошла.
Нет ханов больше! Беков больше нет!
Их трон сметен! И родина светла!

*

День наступил, горячих песен полный,
Катился песен радостный прибой,
Толпа шумела, словно в море волны,
Знамена поднимала над собой.

Там и Гериб. Твой сын вернулся знатным.
Он комиссар, отвагой всем знаком.
И расцвела тюльпаном ароматным
Твоя душа под свежим ветерком.

Ты, словно ласточка, взлететь готова!
Ты именем его озарена.
И слышишь, как запела в жизни новой
Звонящая, счастливая струна.

Судьба твоя стала счастливой отныне;
Чуть свет на коне подъезжаешь к плотине:
Поишь ты колосья колхозных полей,
На соревнованье сзываешь друзей.
Как всё изменилось! Ты больше не плачешь.
Стоят пред тобою большие задачи.
И, когда на собрании слышу тебя,
Я тобою горжусь! Восхищаюсь, любя.

*

Ты вышла на улицу прошлой весной —
Утихли снега и мороз,
Весна улыбалась голубизной,
И каждый росток пророс.
Ручьи зазвенели и разлились,
У гор на ладонях — цветы,
Луга призывают: «Приди! Оглянись!»
Цветут по надгорьям кусты.
Март в самом разгаре: восьмое число,
Природы и жизни расцвет.
И дерево вдруг во дворе зацвело,
Тебе посылая привет.
Я радуюсь ясной улыбке твоей,
Я так твоей гордости рад!
Подруг созвала ты, подруг и друзей,
И смело ведешь на парад.
И праздника радостное торжество
Навеки войдет в бытие,
Ашуги на сазах прославят его,
Прославят имя твое.
Свободная женщина, славен твой труд!
Свирели и дудки звенят.
И девушки с юношами идут, —
Сердца их забились в лад.
Любуясь, ты смотришь на молодежь,
Приветствуешь день живой.
Свободная женщина! Ты идешь,
Я слушаю голос твой:
«Мы празднуем радостный женский день!
Утихли метели, прошли;
Наш путь не закроет постылая тень!
Мы путники новой земли —

С религией больше нам не по пути
Растаял холодный лед!»
Я слышу тебя, и легко мне идти,
Душа моя птицей поет.
Я слышу тебя, и радостно мне,
С ашугами песню пою.
На струнах стихов я пою о весне,
Судьбу прославляя твою.

1932, 1933

30. О ВЕСНЕ

Гляжу на тебя, весна, разгорается взгляд:
Ты зеркало юности вольной моей, весна.
Облака твои легкие нежно на землю глядят,
Остановятся что-то сказать, только речь неясна...

Ты зеркало юности вольной моей, весна.
Я с тобой неразлучен, хоть годы лежат позади...
Жизнь сурова была, жизнь великой борьбе отдана,
Но привольно и сладко вздохнула родная страна.

Весь я в будущем, в новом, и все мне открыты пути.
Горячо и стремительно кровь моя в жилах поет.
Много в сердце желаний, и все они сбыться хотят...
Кто мне скажет: «Любовь лишь пустая забава» —
солжет!..

Есть и верность, и честь — их живая любовь бережет.
Ничего не скрывая, я первой скажу это ей.
Целым миром хочу я владеть, всем, что есть на земле!
Буду петь и твердить, как поет и твердит соловей:
«Жизнь — великое счастье, что может быть жизни живей?»
Целым миром хочу я владеть, всем, что есть на земле!»

1933

31. КАВКАЗ

Над тобой поднимаются думы мои,
Режут небо они пополам.

То спускаются вдруг до ползущей змеи,
То возносятся снова к орлам.

Хлещут ветры тебя с четырех сторон,
Облака залегли кругом.
И Эльбрусом седым заслонив небосклон,
Ты молчишь, Кавказ, о былом.

Да, века не удержишь в арканах тугих! . .
Феодалы, абреки и ханы —
Все ушли в небытье! Не расскажут о них
Ни орлы, ни снега, ни туманы. . .

Но ты помнишь, Эльбрус, ты еще не забыл,
Как в далекие, темные годы
Здесь изгнанник-поэт, размышляя, бродил
И слагал свои песни свободы?

Через сумрак былого я тоже прошел
И поэтому понял сегодня,
Что надежно построен в грядущее мол
И разрушены к прошлому сходни.

Я взволнованным голосом славлю Кавказ,
Обновленный, горячий и строгий,
В рудоносной горе поднимающий пласт,
Возводящий мосты и дороги.

Всё бодрее, всё радостней годы идут,
И мужают дела молодые. .
Всё иное теперь: чувства, думы и труд,
Чудеса и науки иные! .

Разольется ли знойными красками день —
Он в труде застаёт человека,
Ночь ли бросит на горы прозрачную тень —
Эта тень не скрывает абрека. . .

Но оружие — кирка — по ущелью гремит,
Бросив гулкое эхо в просторы;
Вижу: вот под скалу подвели динамит,
Чтоб дорога легла через горы.

Не слышать караванных теперь бубенцов
Под кавказским полуденным небом.
По дорогам идут не товары купцов,
А обозы колхозные с хлебом.

Наливаются яблоки в наших садах,
Умываются росами зори,
И тучнеют на пастбищах наши стада,
Словно тучи, спускаясь с предгорий.

Даже следа былого, разбитого в прах,
Не найти на траве и камнях! . .

О, Кавказ! Как отратно почувствовать
вдруг —

В новый мир мы вступили с тобою.
Я — поэт, и строитель эпохи, и друг
Замечательных наших героев.

Так запеть, чтоб зажечь, — о сегодняшнем дне,
О Кавказе, о пафосе этом. . .
Вот поэтому только и хочется мне
Быть большим, настоящим поэтом! . .

1934

32. МАТЬ

Когда о ней я думаю порой,
Я сотрясаюсь, как от ветра взгорий.
Да, веткой, что висит над пустотой
И рвется вдаль в своем глубоком горе,
Я сотрясаюсь, как от ветра взгорий.

Что было ей судьбою суждено?
Латать да стряпать, отдыха не зная.
Так в доме исстари заведено!
Должна она, еще до зорь вставая,
Латать да стряпать, отдыха не зная.

Отец лежал — был им покой любим, —
Хоть солнце высоко уже сияло,

А мать всегда робела перед ним
И всё трудилась, рук не опускала,
Хоть солнце высоко уже сияло.

Затем она, вздыхая тяжело,
Печалилась, судьбу свою корила.
Припомня юность, всё, что уж прошло,
Обиды жизни помянув уныло,
Она печалилась, судьбу свою корила.

Был взор ее черней ее судьбы.
Она глядела в облачное небо.
Шепча горам о горестях рабы,
Она глядела в облачное небо.

Дрожа от холода, на утренней заре
Однажды шла она с сосудом по горе,
Водою ключевой сосуд наполнив. Что же
Преградой на пути явилось ей? Прохожий.

«Остановись! Постой! Откуда родом? Стран
Каких нагорных ты, стремительный джейран?»
Движенье чистых чувств звучало в этой речи,
Как в песне о любви, излившейся при встрече.

Не отвечала мать, стремясь скорей домой,
Дрожа, как веточка под бурей ветровой.
Когда ж вернулась в дом, сама смеясь немало,
Всё, не скрывая, мужу рассказала.

«Корова не мигнет — не прыгнет бык», — и, яр,
На голову ее обрушился удар.
О землю головой ударилась... Родная!
Она упала ниц, спасения не чая.
А в чем была вина? Вот, дорогая, вот
Как ревность черная порою сердце жжет!

Улыбки с этих пор она уже не знала,
И сердце мучилось, и сердце изнывало.
Подбитой пташкой в томительном плену,
Обиду помнила всё ту же, всё одну.

Вздыхала тяжело грудь, струились слезы в горе,
И вздохам тягостным внимали молча горы.
И счастья никогда она не знала, нет!
Так жизни молодой закатывался свет!

И женщина, скорбя, терпя вседневно муку,
От жизни отошла на вечную разлуку.
Безмолвно, не дыша, стоял наш старый дом,
И над живыми смерть торжествовала в нем.

И стал другим отец, он изменился странно;
Все мысли путались в уме его туманном.
На ложе матери он взглядывал порой,
Всем телом вздрагивал и никнул головой.

Он молча сожалел о ней, о всем, что было...
Утраты боль его мучительно томила,
И на виски пал снег — седела голова.
Играть он страстно стал, и пить он стал тогда,
Чтоб только позабыть о той, что на погосте.

Без устали бродил, ходил к соседям в гости.
Болезненной была привычка эта. Он
Порою был тогда в безмолвье погружен,
Ища прощенья, молитвам сердце предал,
И радости с тех пор до смерти он не ведал.

.. Подумай, милая, подумай ты, ведь вот
Как ревность черная порою сердце жжет!

1934

33. МОРСКОЕ КАТАНЬЕ

Любимая, взгляни — какие ночи!
Мерцают звезды, как живые очи,
Луна ковер простерла над водою,
И шепчется волна с густой травой,
Маяк мигает проходящим мимо.
Он бурной ночью — друг незаменимый.
Взрывающая волны, пароход уходит.
Стучит машина — и на пароходе

Мне виден капитан седобородый,
Упорно подчиняющий природу;
С тех пор как встал он за штурвал впервые,
Не устают ладони трудовые.

Морского дна не различить, подруга,
Качает лодка люлькою упругой,
Волна взлетает, падает. . . и снова
Плывет дыханье холодка морского.
Как хороша прогулка ночью лунной,
Пока вдали оркестр играет струнный,
Пока мечта зовет уйти в просторы,
Где водяные вырастают горы.
И лодка между волнами — змеєю,
И ты, мой друг, беседуешь со мною! . .
Возлюбленная, как прекрасна полночь!
Покачивая лодку, мчатся волны
В седую даль. . . И им напев слагает
Певец, что край родимый прославляет.
Пусть умолкает голос птицы дальней —
Ты песен ждешь о жизни беспечальной.
Взлетают волны черными буграми,
И лопается пена за бортами,
И лодка между волнами — змеєю,
И ты, мой друг, беседуешь со мною! . .

1934

34. НА ФРОНТЕ

В ущельях горных снова отозвался
Призыв в атаку, боевой сигнал.
Под сенью ночи конный полк собрался.
Моих бойцов вокруг меня собрал
Призыв в атаку, боевой сигнал.

Тревожен конь, испариной покрытый,
Не иней белый — пена на груди,
И мечут искры острые копыта.
Вперед, мой конь, не вздрагивай, иди!
Как белый иней — пена на груди.

За нами пулеметчиков колонна,
Стук колеса, и снова тишина.
Нам кровь и смерть не диво. Неуклонно
Дивизий грозных движется волна.
Стук колеса, и снова тишина.

Когда в долину солнце заглянуло,
Мы встретились лицом к лицу с врагом.
Бой вспыхнул шквалом грохота и гула,
Снарядов взрывы слышатся кругом.
Мы встретились лицом к лицу с врагом.

Гремят разрывы, вьется пыль сухая.
Полк развернулся и пошел в штыки.
Над головами нашими, сверкая,
Взлетели к небу острые клинки.
Полк развернулся и пошел в штыки.

Враг пошатнулся под моим ударом
И на землю сползает тяжело.
Встал конь его как вкопанный. Недаром
Горячей кровью залито седло,
И враг сползает набок тяжело...

Спустился вечер, звезды засветились.
Врагов сегодня отогнали мы,
В смятенье вражьей орды откатились,
Не вспыхивают выстрелы из тьмы.
Врагов сегодня отогнали мы.

*

Шальная пуля всё же прилетела...
Удар, я падаю, слабеет тело,
Кровь залила глаза, и я поник.
О, человек! Что ты в последний миг
Переживаешь? Мир перед тобою
Окутался кровавой пеленою,
И на голову падают холмы.
Деревья, огоньки летят из тьмы,
И к сердцу тяжкий камень подкатился,
Последний вздох в груди остановился,

И в этот миг, бесстрашна и крепка,
Коснулась шеи теплая рука.
И, голову подняв мне с нежной лаской,
Бинтует рану марлевой повязкой.
И шепчет: «Жив! Ты жив! В себя приди!
Всё страшное осталось позади. . .»
Дошло до сердца теплое участие,
Я голос твой узнал, я полон счастья.
Мой верный друг, любимая! С тобой
Мы вместе выиграли этот бой.
Я знаю, милых рук прикосновенье
Ускорит вдвое срок выздоровленья!

1934

35. ГОРЬКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Опять, опять мне вспомнились невольню
Страницы жизни невозвратных дней.
Поет в душе всё время соловей,
Но вас я вспомнил, мне так больно, больно,
Страницы жизни невозвратных дней.

Друзья мои, читатели родные!
Пусть детства мир нам кажется смешным —
Не расстается мысль с пережитым,
И в памяти мелькают дни былые,
Хоть детства мир нам кажется смешным.

Мне девять лет. Припомнилась картина:
На палочке скачу, как на коне,
По горным тропам я и по долинам.
Сосредоточенно, с серьезной миной
На палочке скачу, как на коне.

Земля моя, огромная, живая,
Обычай свой имеет каждый век.
Мальчишек дружных кучка подвижная,
Мы проводили целый день в игре, —
Привольно летом сельской детворе.
Мы ежедневно собирались стайей, —
Привольно летом сельской детворе.

Взяв удочки и червяков, бежали
Рыбачить часто к берегу Куры.
В глухую ночь мы кость порой кидали,
И были строги правила игры.

Глаза друг другу завязав платками,
Мы начинали эту кость искать.
Как быстро игры распростились с нами.
Любимая, я вспомнил их опять.

В Новруз байрам, что приходил весною,
Мы надевали войлочный колпак,
За данью шли веселую гурьбою,
Не пропуская ни один очаг.

Набивши сумки всяческой снедью,
Бежали взапуски под свист и крик.
Домой примчавшись, к радости соседей,
Как сноп валились, засыпая вмиг.

А иногда, фиалки собирая,
Бродили долго в поле без границ
И возвращались, вечер обгоняя,
В свои дома на спинах буйволиц...

О дни весны, о детские забавы!
Нахлынули картины прежних дней!
Мне вспомнился вдруг вечер величавый,
В закатном небе — стая журавлей.

А в комнате лучина догорает...
Когда бы мог быть вместе с ними я!
Мне так хотелось долететь до стаи
И унести в далекие края!

Но человек — без крыльев. В то мгновенье
Впервые горечь жизни я познал.
Уткнувшись в материнские колени,
Я долго-долго глаз не открывал.

Курбан байрам настал веселый вскоре.
Барана приготовил наш сосед,

И мать в тот день заплакала от горя, —
Так скуден был наш праздничный обед.

Отец сидел печально у порога.
Что время? Только старость принесло.
Кизилковый мундштук дымился. Строго
Нахмурил он и брови, и чело.

Нет дыма в трубах. Пред пустым казаном
О чем задумались вы, бедняки?
Бог обманул вас призраком туманным,
И от надежд остались черепки.

Здесь — свадебная песнь. Там — погребенье.
Века неслись сквозь это бытие.
Поэт, внимай сердечному волнению,
И будет вечным творчество твое.

Волнений детских много я изведаль.
Из памяти моей не выпал этот день:
Гарцует предо мною сын соседа,
Заломлена папаха набекрень.

Я ж, голову всё ниже опуская,
Смотрю на то, как бедно я одет,
И думаю: «Судьба не всех ласкает,
И справедливости на свете нет...»

Мать из окна всё это увидала,
Всё поняла по согнутой спине
И в тот же день из верха одеяла
Парадную рубашку сшила мне.

О, незабвенная, родная мать!
Тебя пришлось мне скоро потерять!

Дни проходили быстрой чередой,
Тринадцать лет я скоро насчитал
Тринадцать зим я прожил! А весной
Еще одно несчастье испытал

Был у меня галчонок. С ним играя,
Всё остальное я позабывал,

Забавный клюв и крылышки лаская;
Как я, он был беспомощен и мал.

Из рук его на волю выпуская,
Я не сводил с него тревожных глаз.
Пространствовал и крыльями сверкая,
Ко мне он возвращался всякий раз.

К нему я привязался всей душою;
Меня мой птенчик тоже полюбил,
Безмолвно разговаривал со мною;
Дороже жизни для меня он был!

Смотря на голубеющее небо,
Любимого птенца я сам кормил
Разжеванным во рту ячменным хлебом...
День завтрашний ничем мне не грозил.

Однажды ранним утром, по привычке
Галчонка собираясь приласкать,
Я не нашел нигде любимой птички
И тотчас кинулся ее искать.

Три долгих дня искал, три ночи,
Я все дворы обшарил хорошо,
Искал в окрестностях что было мочи,
Но милой птички всё же не нашел.

Да, не нашел! Что оставалось делать?
Мне свет не мил, всё падает из рук.
Душа мертва, и сердце опустело, —
Меня покинул мой любимый друг.

Раз вечером — о, горечь не уснула! —
Я шел с глазами, влажными еще,
Вдруг птичка милая легко вспорхнула
И опустилась на мое плечо.

От счастья слова вымолвить не в силах...
С души свалился камень! Жив птенец!
Мать магарыч с улыбкой попросила,
И улыбался, кажется, отец.

Но не прошло и часа, как, ругаясь,
Ворвался к нам соседа сын Нияз,
С ним трое слуг и черная борзая;
Пред ней от страха птичка затряслась.

«Верни мне галку! Наша это птица!»
Дневной затмился свет в моих глазах.
«Прочь, — крикнул я, — не то придется
биться!» —

Схватившись моментально за чомах.

И разразилось жаркое сражение...
Всё — как в тумане... помню об одном:
Увы, не отразил я нападения
И растянулся на земле пластом.

Вдруг я услышал писк, дрожащий, слабый,
И слезы бурно полились из глаз.
От ярости в ожесточенной свалке
Головку птичке оторвал Нияз.

Мир облаком поплыл перед глазами:
Как поднялась на птенчика рука?..

Какая боль! Покрылись лапки пылью...
На перьях кровь, головка в стороне,
Безжизненные распростерлись крылья.
Утраты боль сдавила сердце мне.

Впервые душу обожгло страданье,
Глаза внезапно заволок туман,
Жжет сердце скорбное воспоминанье,
И горек след неизлечимых ран.

Летели дни и быстрые недели,
Росла со мною ненависть моя,
И сдерживал ее я еле-еле,
Но никому не признавался я.

Но час настал — суровый, долгожданный,
С моим путем его столкнулся путь.
В глухих горах, где водятся джейраны,
Он от меня пытался ускользнуть.

Но... силу ненависти он изведаль,
Горяч ее неутоленный жар.
Как полководец, празднуя победу,
Нанес чомахом памятный удар.

Потом, как ветер, как гроза, бушуя,
Я к матери примчался с торжеством,
Но позабыть галчонка не могу я,
И месть кипит, лишь вспомню я о нем.

Так мне судьба на жизнь глаза открыла,
Восстало сердце против богачей.
Меня волна иная захватила —
События больших, великих дней.

Мир стал иным. Как горные туманы,
Ушли, уплыли детские года.
Я пересек моря и океаны,
Передо мной мелькали города.

Знал горечь я и радостные чувства.
Мой новый друг, ты знаешь хорошо:
С тех пор как отдал я себя искусству,
От всех забав любимых отошел.

В моем любимом цветнике искусства
Пунцовых маков, роз пахучий строй.
Мобилизован я приказом чувства, —
И с каждой песней громче голос мой.

Ведет перо с бумагой разговоры...
Я звук рояля слышу за спиной,
И мысленно я обращаю взоры
К любимой, разделившей жизнь со мной.

Дышу уже тридцатую весною,
Исчезла ясность детского лица,
Но в памяти проносятся порою
Лик матери и мертвый клюв птенца.

(30 мая) 1935

36. МОЙ КОНЬ

Без окрика срывайся в лёт, как птица,
Остерегись о камень оступиться, —
На полпути нельзя остановиться,
Мой баловень, гривастый мой товарищ,
Не конь — огонь, бесценный мой товарищ!

Надеждой будь в горах, долинах — всюду,
Лети, как буря, мчись, подобно чуду,
Сам недоем — тебе ячмень добуду,
Мой друг в невзгодах, старый мой товарищ,
Помощник первый, верный мой товарищ!

Серебряным седлом тебя покрою,
На раздорожье встретимся с зарею...
Ищи врага — он сеет семя злое, —
Опознавай в селеньях, мой товарищ,
Во всех краях, бесстрашный мой товарищ!

Еще не все, о конь, собрал ты силы,
Грудь напряги, кровь разгони по жилам;
Тебе укажет голубь сизокрылый,
Где враг наш притаился, мой товарищ;
Прижмись к земле и внемли, мой товарищ!

А ночь сойдет — уздечкой не звени ты,
В слух обратись, неслышно ставь копыта,
Пусть люди скажут: «Конь ведь знаменитый!»
Ты мне души дороже, мой товарищ,
И чуток и сметлив ты, мой товарищ!

Ты весь из стали. Сердцем — тверже даже.
Когда ж солдатам командарм прикажет, —
Прянь на врага, топчи, рви тело вражье,
Скакун крылатый, добрый мой товарищ,
Мой богатырь, надежный мой товарищ!

(7 июня) 1935

37. ПЕСНЯ

Любимая! Жизнь человека не вечна.
Умчится, как будто вспорхнувшая птица.
И с нами так будет. Мы тоже, конечно,
Земному закону должны покориться.

Стань рядом со мною, послушай журчанье —
Струящихся вод колыбельную песню.
Из мира должны унести на прощанье
Мы юности песню... Нет дара чудесней!

Не бойся труда, одолеешь преграды!
Ты в лучшей поре своей юности смелой.
Всю ночь над ребенком склоняться не надо,
Как мать над моей колыбелью сидела.

Когда на трибуне стоишь ты, волнуясь,
Как мил мне твой говор и голос твой юный!
Горячему сердцу всегда повинуюсь,
Нам весть о грядущем неси ты с трибуны.

Любимая! Вместе давай неустанно
Трудиться с народом, к вершинам идущим.
Мы будем работать, напишем дастаны, —
Бездушными не назовут нас в грядущем.

13 октября 1935

38. ПАМЯТЬ

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Много лет прошло с тех давних пор,
Много раз тебя искал мой взор;
Если рассказать про всё, что было,
На бумаге выцветут чернила.
Да и как сказать, про что начать?
В книге жизни — мелкая печать.

Города меня в объятья взяли,
Но цветут у памяти вначале

Ручейковых струек повторенье,
Веянье акаций и сирени,
Золотого колоса поклон,
Муравою выстеленный склон,
Вешних трав туманное куренье,
Вешних звезд неясное горенье, —
Всё бежит передо мной гурьбою,
Что могло бы стать моей судьбою.

Да еще глаза мои влекли
Тянущие к югу журавли. . .

Треск огня и дым родного дома —
Как всё это близко и знакомо!
Сырость пола, теснота тахты —
Бедной жизни мелкие черты.
Нежный перезвон родного саза,
Как тебя узнать я мог бы сразу —
Тихую столетнюю судьбу,
Легшую на материнском лбу?
Эту жизнь я бросил за собою,
Что могла бы стать моей судьбою.

Ты мне говорила, расставаясь:
«Не вернуть в гнездо тебя, мой аист!»
Долго-долго, много лет подряд,
Те слова в груди моей горят.
С губ твоих они мне раздаются,
С губ твоих то плачут, то смеются,
С губ твоих, горячих и поблекших,
Прямо в сердце, прямо в душу легши.
Песню, сердце, силу, жизнь бодрят
Много весен, много зим подряд.

Матери остывшее объятие,
Нет, не мог с тобою потерять я
Звона песни, сердца чистоты,
Если в сердце оставалась ты!
Буря, прочь от этого порога!
Вот гляди, как я запомнил много,
Как сквозь боль, и скорбь твою, и тьму
Я стремился к сердцу твоему.

Мой привет летит к тебе с дорогй,
Мой привет тебе поклоном в ноги.

Мой привет струится по ночам
По скользящим месяца лучам.
Мой привет тебе, моей любимой,
Мой привет летит к тебе сквозь дымы,
Мой привет, тебе без слов понятный,
Той, кого времен не тронут пятна.
Мой привет — веселью этих дней,
Жизни светлой, совести моей!
Ты же, эти видящая дни,
Голос свой с моим соедини.

Подмети наш двор и домик бедный.
Не пропал я, не погиб бесследно.
Пусть соседи к нашим льнут воротам
Поздравлять тебя с моим приходом,
Говорить, что матери примет
Много носит на себе поэт!
Ты — моя природа и искусство,
Без тебя бы сердце было пусто;
Будь благословенно молоко,
Брызнувшее песней далеко!
Будь благословенна навсегда
Давшая мне силы для труда.
Сядь со мною, мать моя, поближе,
Пусть нам будет шелестящей крышей
Дерево любимое одно —
Дерево страны моей родной. . .
Чтоб под этим густолистым скатом
Новый день смеялся над закатом.
Пусть читают всё, что напишу,
Всё, что в сердце с детства я ношу,
Чтобы встал до самых легких облак
Твой высокий, драгоценный облик.
Чтобы быть последним злomu дню,
Дню, в который клятве изменю.

16 октября 1935

39. ЛЕЙЛА

Первой летчице Лейле

Имя Лейла в стихах воспето давно.
Ночь поет, полон слез роковой рассказ...
Мне не осталось слов, слез не дано!
Но Лейла и в наши дни родилась.
Жесток ты был, Физули! Хмуря бровь,
Медждуна лишил ума — и не спас!
Лейлу любил Меджнун, смерть — любовью!
Об этом и в наши дни поет саз.
Меджнун молод был, сильным рос!
В пустыню бежал в черный час!
Птицы застряли в чаше его волос,
Смерть помутила моря Лейлиных глаз!
Два сердца одной любви бились врозь,
Вываться б им из клеток. Нет сил!
Любящим пить желчь любви пришлось,
Их черный занавес друг от друга скрыл.
Эту историю сказочной не зови,
Трудно ее понять — годы не те.
В ней — человек, гибнущий от любви,
В ней — человек, плачущий в темноте.
Позже Лейлу нашел поэт Кемаль,
На руки взял, вынес на лунный свет...
Тюркскую девушку разве ему жаль?
Телом нагим тешил себя поэт.
Лейле пришлось умереть. Стон смолк.
Горсточкой слов стала она теперь,
Старый поэт смаковал ее смерть... Волк!
Песням его, сердце мое, не верь!
Я не Меджнун. Здесь и пустынь нет!
Лейла, ты не умрешь в темноте!
Наша судьба — юношеский расцвет.
Звонок наш смех, песни у нас не те.
Птица ли ты? Птица не так смела!
Вижу — летишь, но не кричу: «Постой!»
Звездочка Марс Лейле моей мила
Сходством своим с красноармейской звездой.
Пусть косматые с проседью облака,
Как разбойники, ждут поперек пути.
Твердо, решительно правит твоя рука,

Женской робости им в тебе не найти.
Если качнется, дрогнет твой самолет —
Пожелтеет лицо твое чуть-чуть,
Ослабеет рука твоя вот-вот. . .
Вдруг, опомнившись, выправляешь путь.
Вспоминаешь, плачет ли твой малыш.
Он не спит, спрашивает, где мать.
Мать высоко — в облаках! Что не спишь?
К ней отсюда голоса не подать!
Прорезайся же из туч на простор!
Радуетя наш народ, поет вслух!
Если путь твой над острями гор, —
Страх шевелит луга, строг пастух. . .
Слава твоя гудит, как гроза!
Разреши познакомиться с тобой, друг!
Разреши познакомиться, краса!
В каждом селе про тебя поет ашуг. . .
Губы твои не назову цветком.
Сжат рот. Взор у тебя строг.
Рукой заслонив глаза, как щитком,
Следит за тобой седой Восток.

Ноябрь 1935

40. «МАСТЕР ПЕРА»

«Дайте денег! Да побольше! Я поэт!
Или буду я сердит на белый свет.
Я указываю путь своей стране,
Не мешайте вы творить свободно мне.
Размножайте мою книгу. Пусть по ней
Все великие герои наших дней
Будут знать меня, оказывать мне честь,
Стоит им одно заглавие прочесть. . .
Написал я, правда, пару тощих книг.
Я раздвоен. . . и раздвоен мой язык.
Тесен рот мой, даже зайца не вместит,
Но пускай меня оценят, Я — пиит!
У людей великих путь тяжел и крут;
Их при жизни за талант не признают.
Что ж поделывать! Зло судьба со мной творит —
В наше время я безвременно забыт.

Дайте денег! Да побольше! Я поэт!
Или буду я сердит на белый свет.
Ближе к жизни! Я герой, иду в народ» —
Так сказав, он гонорар свой заберет. . .

А вернувшись из поездки, наш пиит,
Издеваясь, так о жизни говорит:
«Ты не слушай. . . это сказки. . . это бред. . .
Ни работы, ни людей там новых нет.
Благородство душ не мог я. . . уловить,
Нет героев, что способны вдохновить.
Разговоры. . . лишь подкраска, тарарам.
Но к чему же класть на краску краску нам?
Если вдуматься в жизнь глубже, до корней,
Все рассказы. . . только вымыслы о ней. . .»
Не терзает его совесть. Врет поэт.
Да в нем совести, сказать по правде, нет!

Зло смеется он, ехидно скошен рот,
Из кармана профбилет свой достает:
«Я негодный, неугодный. . . сплетник, трус? . .
Оскорбили вы писательский Союз».
Повторяет это мастер пышных фраз
И клеймит своих противников сто раз.
Применяет слово хлесткое, как плеть,
С той поры, как начал «ячеством» болеть.

Вот он! Вот! Из парикмахерской идет.
Как напыжился и выставил живот!
Посмотрите на него со всех сторон, —
Продушил его насквозь одеколон,
Запах резкий от него за три версты.
«Эх, пожить на славу!» — вот его мечты.
Так, давно в себя болезненно влюблен,
Важной птицею разгуливает он.

Ночь. Наш мастер вдохновенный утомлен.
Как мучительно рифмишку ищет он:
«Вот, проклятая, запряталась, как тать.
Ну зачем напрасно голову ломать?
Те слова, что написал я без прикрас,
Вдруг окажутся великими как раз.

Ведь ценителей искусства ныне нет».
Горе-мастер свой покинул кабинет;
Сбросив разом жернова забот, пиит
Средь подушек безмятежно, сладко спит.

Утро. Встав от сна, к окну подходит он.
Взгляд поэта на светило устремлен.
Под лучами всё в природе расцвело,
Вдохновенье же иссякло как назло.
«О вселенная! . . .» А дальше не идет.
«Эй, товарищ солнце! . . .» Творческий полет
Не доходит у бедняги до колен,
Потому что в сердце вместо жара тлен,
Не поэзия, а склад бесстрастных слов.
Как ничтожен, беден творческий улов!
О природа! Как ты в творчестве смела,
Для чего ж людей ты лишних создала?

Я рассказ свой не заброшу на ходу
И еще пример наглядный приведу:
Мой герой журнал внушительный берет,
Всё желает в нем понять наоборот.
Вот поэма. Как написана она?
В ней зима бушует, плещется весна,
Как волна к волне, стихи проходят в ряд,
Словно армия, что вышла на парад.
Вдохновенное поэта мастерство,
Труд и дар видны во всех строках его. . .
Мой герой вскочил, как раненный стрелой,
Он журнал бросает, ходит злой-презлой,
Сердце ноет, боль вонзилась, как бурав.
Все эпитеты в поэме разобрав,
Говорит он: «Всё истертые слова».
Мучит зависть. Справедливость в нем мертва.
Как богата и щедра природа-мать,
Но зачем людей завистливых рождать?

С горькой миною идет он сам не свой,
Повстречав его, подумает иной:
«Верно, умер у него отец иль брат,
Верно, в жизни знал немало он утрат».
Взглядом сразу не проверишь, не поймешь,

Что в сердцах людей фальшивых скрыта ложь.
Но, читатель мой, послушай до конца.
Зависть высушила тело подлеца,
Он со злобой ходит, желт и нездоров.
Если в склянку влить его гнилую кровь,
То червей хвостатых всяк увидит в ней.
Нет болезни черной зависти страшней! . .
Он собрал вокруг себя лихой отряд, —
Что друзья его в поэзии творят?!
Задержите, дайте хищнику отпор!
Он — как туча саранчи, несущей мор,
Даже солнце затемнит потоком лжи.
Эй, милиция, прохвоста задержи!

1935

41. СМЕРТЬ ПОЭТА

А теперь расскажу я для чистых сердец
О трагедии давней, о горькой потере. . .

*

Древний город Шуша. Величавый дворец.
День и ночь громяют тяжелые двери.
Залюбуешься яркою росписью стен:
Вот охотник увидел гнездо куропатки,
Вот иранские воины, взятые в плен,
Копья, копья, мечи, рукопашные схватки.
Кровь на смятой траве, кровь на мертвом лице,
Смерть за каждым углом начеку, наготове. . .
Венценосный тиран в золоченом дворце
Вспоминает о крови, мечтает о крови.
Всякий день он в седле, необуздан и дик,
Замышляющий козни, свершающий казни.
А в гареме дворца бродит евнух-старик
И красавицы вянут в тоске неотвязной.
Изнаывает народ, разоренный вконец,
И молитвы творит, не надеясь, не веря. . .
На горе возвышается ханский дворец,
День и ночь громяют тяжелые двери.

*

Здесь в горестные годы жил поэт.
Он славил жизнь, ее тепло и свет,
Пленительную тень садов зеленых,
Красавиц гордых, юношей влюбленных,
Зеленоперых журавлей полет,
Природу родины, ее народ. . .
Он вспоминал в стихах кипучий Терек,
Стремительной Куры скалистый берег,
Фиалки всех оттенков синевы
И куропаток средь густой травы.
Увидев пери в шелковой косынке,
Он брал перо из тоненькой тростинки
И песнь слагал, чтобы неслась она
По дальним взгорьям песней чабана,
Чтоб медлила у детской колыбели,
Чтобы звучала, пламени полна,
В часы печали и в часы веселья.

*

О Вагиф, спутник сердца, бессмертный певец!
Знал ли цену тебе золоченый дворец?
Еще прежде о войске иранского шаха
Ты сказал: «Не видать чужакам Карабах!
Эти реки прохладные — Азербайджан,
И сады виноградные — Азербайджан».
Ты сказал, что создания мысли народной
Не уступим врагам, чтоб исчезли бесплодно,
Что сказания наши, и песни, и речь
Будут жить и звучать — мы должны их сберечь.
Что творения зодчества — память былого —
Защитим, оградим от захватчика злого. . .
Но нанес Карабаху нежданный удар
Кровожадный владыка иранский — Каджар.
Разорял, выжигал города и селенья,
К обездоленным людям не знал сожаленья.
И приспешники хана шныряли окрест,
Стариков убивая, позоря невест.
И не эти ль ущелья, и реки не эти ль
Кровью полнились. . .

Бедствий народных свидетель,

Вспомни, бедный Вагиф, как дымился пожар,
Как над выжженным краем глумился Каджар,
Как от выстрелов рушились древние стены,
Как сердца разъедала отравя измены,
Как несли Мухаммеду Каджару дары —
Золотые кувшины, цветные ковры,
Всё, что внукам досталось в наследство от дедов...
И писал ты, жестокою горечью изведав:
«Справедливости нет, губит лозы гроза,
На изменчивый мир не глядели б глаза!»
Но не ты ли тогда же, Вагиф, говорил,
Что в самом злодеянье — источник возмездья.
Тот насильник, что столько беды натворил,
Стал полуночной жертвою праведной мести:
Средь придворных нашелся простой человек,
Он пробрался к властителю в опочивальню
И змеиную голову напрочь отсек,
Чтобы родине милой жилось беспечальней.
Ты поверил, Вагиф, что беда позади,
Ты стихи написал и отправил их другу,
Ты хотел, чтоб столетний поэт Видади
В этот радостный день протянул тебе руку.
Видади обратился лицом на восток,
За твое избавление славил аллаха...
Но грядущий твой день был стократно жесток, —
От кровавой расправы иранского шаха
Спасся ты лишь затем, чтоб злодей Джаваншир,
Захвативший престол карабахского хана,
Опасаясь тебя, знаменитый вазир,
Руки кровью твоей обогрил невозбранно.
О Вагиф, спутник сердца, бессмертный певец,
Сокровенная песня твоя недопета.
Знал ли цену тебе золоченый дворец?
Не умолкнут проклятья убийце поэта!

*

С тех пор минуло полтора года лет,
На родине твоей бесправных нет,
И если б жизнь ты мог начать сначала,
Действительность тебя б очаровала.
Набеги, ханы, рабство, голод, страх —
Развеянный могучей бурей прах.

Погасли свечи в сумрачной мечети,
Не голосит молла на минарете,
Нет ни святош, ни жалких простаков.
Наш век не тот, наш воздух не таков.
Вот мальчик в красном галстуке. Он жадно
Стихи твои читает, и отрадно
Почувствовать ему — ты здесь, ты жив,
Наш собеседник, спутник наш, Вагиф!

1935

42. АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издали выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход. . .
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.

Можно ль душу из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Преодо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака,
Над тобою без счета промчались века,
От невзгод поседела твоя голова. . .
Как ты много терпела — и снова жива!

И невежды порочили имя твое,
И безумцы пророчили горе твое,
И надежды измучили сердце твое,
Но пришла благородная слава твоя, —
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полуночные горы ведут разговор. . .

Можно ль мать у ребенка украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Преодо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные темечки уток блестят...
Пусть влюбленные путники нас навелят,
В Шемахе и в Шамхоре пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!

Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегаёт олень, олененок вослед,
И зовет, и под камнем находит приют,
А быки на эйлагах молчат и жуют... .

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Пред тобой Астара, пред тобой Ленкорань.
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вышли на волю из рук палача!

Здесь желтеют лимоны колхозных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матушки старой моей.

В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,
И прекрасны, как женщины нашей страны;
И амбары колхозные хлебом полны;
Белый хлопок сияет, как снег на горах;
Сок лозы виноградной кипит в погребах.

Выпей утром, когда еще море темно,
Этот сок, еще не превращенный в вино, —
Будет силою всё твоё тело полно!
Сила солнца — наш верный союзник в борьбе,
И в работе она да поможет тебе!

Сядь в Казахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесет мимо шумного дня
На вершины Капеза, где холод остер:
Погляди на Гейгёль, королеву озер!

О страна моя, родина музыки ты!
Твои песни — как летом плоды налиты!
Ты — серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки — тысячи наших сердец,
В каждом малом селе есть любимый певец.

Не умрет Насими, не умрет Физули —
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звезды, мерцают вдали...
Но родится здесь много таких, как они:
Это — близкие, это — земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан, Азербайджан!

1935

43. Я ВСПОМНИЛ

Не устану в дастанах тебя воспевать.
Жизни ранней начало в волненье я вспомнил.
Ты великих поэтов великая мать, —
Вольных соколов в небе паренье я вспомнил.

Прочитай мою душу среди строчек письма,
Там стучит мое сердце, в них правда сама.
Как возлюбленной груди, кругла шамама, —
И баштаны порою осенней я вспомнил.

На бумагу заветное слово излей.
Вспомни отчий очаг, трепетанье углей,
И джейрана прыжок, и глаза журавлей.
Материнской руки мановенье я вспомнил.

Скрылось время, когда средь мятущихся вьюг
Сто земель я объездил, влюбленный ашуг.
Веселил я на свадьбах друзей и подруг, —
Молодецкие пляски и пенье я вспомнил.

Был полночной луною хребет осиян —
Обнаженной казалась гора Гейазан.
Поднесла мне невеста прохладный айран,
И улыбку ее и смущенье я вспомнил.

Дух свободного края пойми и воспой!
Не обиженным будешь, наш друг дорогой, —
Встретят девушки гостя шумливой толпой,
Их косичек тугое плетенье я вспомнил.

Пред глазами Вургуна равнинный простор,
Снова вьюга кипит у подножия гор, —
Он объятья родимому краю простер.
Дорогие навеки мгновенья я вспомнил.

Май 1936

44. СВОБОДНОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Вдохновенье, лети в поднебесную высь,
Проложи в облаках неисхоженный путь.
Если пущена метко стрела, то промчись.
Издавна повелось, что тебя не вернуть.

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя.
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор,
Да не буду лишен этой милости я!

Говорил Насими, наш певец дорогой:
«Если праведно жил, то и речь хороша.
Но правдивую речь душат петлей тугой —
В этой петле барыш для мощны торгаша.

Тронь мизинец моллы — завопит этот шут,
Отречется при всех от аллаха молла.

А с ашуга несчастного кожу сдерут, —
Что ему эта боль и людская хула!»

О звезда на заре, мастер наш Насими,
Дальнозоркий стрелок, заглянувший в века!
И осталась в веках, и пошла меж людьми,
Не состарилась мысль, и она нам близка!

По сей день Физули безутешно скорбит
У распахнутых в мир озаренных ворот.
Незабытая боль его давних обид
Заставляет рыдать весь восточный народ.

В сединах Физули — та морозная стынь,
Тех пронзительных лет еле видный канун,
Где прошел караван по заносам пустынь,
Где блуждали без крова Лейли и Меджнун!

И приходит еще к нам Вагиф издали,
Чей оборванный саз — как народная грусть.
И курлычут Вагифу вослед журавли,
Его песенный плач повторив наизусть.

От фарсидских писем, от арабских прикрас
Он навек излечил нашу чистую речь.
И, ширяя крылами, та речь понеслась,
Чтоб народ молодой воспитать и увлечь.

Горемычный певец! Будто в камни стены
Ударялся твой стон о людские сердца.
Только эхо пошло по ущельям страны,
Откликалось навзрыд между скал без конца.

Ты нам мать и отец, нашей песни родник,
Вольный сокол в плену у ручных лебедей.
И я в песню твою, опечаленный, вник,
Чтоб вернуться к своей и сказать о своей!

Вдохновенье мое! Ты опора опор,
Ты охрана охран и порука моя!
Я дышу, я с тобой заодно до сих пор,
Да не буду лишен этой милости я!

Над моей головой нет угрозы ничьей.
Стонем лопнувших струн не прославится саз —
Не сковали мне рук, не лишили речей,
Не нужны небеса для живых моих глаз.

Мне сказали: «саг-ол!» Это значит: «живи!»
Орден Ленина грудь украшает мою,
Комсомолец-поэт, всем пожаром в крови,
Всею жизнью — живу! И об этом пою.

Вдохновенье мое! С того самого дня
Выше гор, дальше туч мою песнь понесли
И курлычут опять надо мной, для меня
Облетевшие мир трубачи — журавли.

Мать, качая дитя, пусть меня назовет,
Как приветственный звук, как приятную весть.
Колыбельная снова ко мне доплывет —
Значит, друга нашел. . . Но и недруги есть!

Зорче молнии будь! Оглянись на тихонь,
Тех, что мух на лету превращают в слонов.
Истребителем будь! Под обстрел, под огонь —
Двоедушных друзей, прописных болтунов.

Что за умники, глянь! Оцени их сполна.
Их пустые слова — как кимвалы и медь.
Если честного сына любила страна,
Ей за эту любовь не придется краснеть!

Так бичуй, не жалея шулеров-подлипал,
Кто, меняя лицо, не меняет души,
Кто жену продавал, и со всякою спал,
И, вползая ужом, навредил нам в тиши.

Есть еще и такой, что парит в облаках,
Отрешенный от «будничных» наших забот.
Есть другой, что торчит день и ночь в погребках,
Подпеваает любому и с каждым он пьет.

Прочь их с наших путей! Я в работе своей
Был подручным весны. Я природу любил.

О любимая! Шею мне крепче обвей!
Я живые слова, как огонь, раздобыл.

Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
Ибо кончилась боль и рассеялся мрак.
Мое сердце! Не хмурь своих тонких бровей,
С малых лет я ночам ненавистник и враг.

Я чеканил слова не за хлеба кусок —
У народа их брал, чтоб народу отдать.
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю исписал я тетрадь.

Человек — это всё. Он властитель земли.
Без него и заря не горит с вышины.
Цель искусства — душа. Только тронь, и вдали
Откликается мир звону каждой струны.

Что мне злая зима, что мне клетка ее?
Спутник милой души, я как птица лечу.
Прочь насмешку и злость! Я веселье свое
Добываю трудом, как могу и хочу.

Не отрекся от мира, не ныл: «Пощади!»,
Не назвался нулем на родимой земле.
Чайльд Гарольдом, с ничтожной обидой в груди,
Не уплыл за моря на чужом корабле.

Тот бесчестен и лжив перед родиной, кто
Отречется от нашей любимой страны.
О друзья! Наше небо зарей залито.
Вы в нарядные платья одеться должны.

Птичий гомон в листве, испаренья росы,
Упоение пчел над пыльцою цветка!
О, свободы моей молодые часы,
О, ведущие в даль молодые века!

О скользящая в зыбь стайка уток речных,
Будь спокойна за свой сизокрылый наряд.
О земля матерей, что родят семерых,
Вот охрана твоя — юной поросли ряд.

О, весенняя рань, о, моя детвора!
Как светлы эти личики ранней весной!
Веселись же в садах, разгорайся, игра!
Каждой матери люб ее птенчик родной.

Громыхание туч и струение вод!
Не мутней, половодье, гори, как хрусталь.
Человек на земле свое счастье кует,
А не в смутных мечтах, заплывающих вдаль.

Раскрывайся, цветок! Все твои лепестки
Я целую подряд, благовонный апрель.
Пой, бюль-бюль, в цветнике. Мы с тобою
близки, —
Пьет дыханье мое упоенная трель.

Встаньте, девушки, в ряд! Вы — невесты земли.
Не смущайтесь своих заалевших ланит.
Вы на солнечный свет заглядеться пришли.
Этот мощный огонь вас легко опьянит.

О родная земля! Свет очам твоим, мать!
О счастливых знамен, ярко пышущих, жар!
Если б не было вас, я бы должен сломать
Эту краткую жизнь, мне врученную в дар!

Пограничник-боец! Свет очам твоим, брат!
Зоркий сокол, прими мой привет издали!
Мы с тобою в строю. Мы не знаем преград.
Наше имя — Весна и Свобода земли.

2 августа 1936

45. А. С. ПУШКИНУ

1

Жемчужины пота на лбу. Я провел
Два года в горячем труде. Наконец
На азербайджанский язык перевел
Поэзии русской нетленный венец.
Влекут меня новые силы вперед,
И вместе со мной торжествует народ.

Я много бессонных ночей пережил,
В труде своем видел тебя наяву,
Тобою дышал и с тобой говорил.
И если счастливым себя назову,
То это — лишь песни взволнованный звук,
Лишь честного сердца отчетливый стук.

2

Я слил воедино и ночи и дни.
Пусть звезды не гаснут, не меркнет луна,
Пусть встретятся в поле искусства они, —
Славянка Татьяна, турчанка Умай.
О мастер великий! Краснел я порой
За промахи песни моей пред тобой.
Что делать? Слаба еще песня моя,
И путь поэтический торен и крут.
Учитель мой! Понял я с этого дня,
Что звание «мастер» дают лишь за труд.
Что это — великое звание, но
Взыскательный долг налагает оно.

3

«Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!»
Поведай, поэт, отчего же весна
Тебе, живописцу природы, грустна?
Зачем опускаются крылья ресниц
И слезы мерцают в их пасмурной мгле,
И вместе с тобою склоняются ниц
Орлы в небесах и сердца на земле?
Мне больно, мне горько от песни твоей,
От черной эпохи, от хищных царей.

4

Проснись и на нас, на счастливых, взгляни,
Свой лоб под горячее солнце подставь,
Прославь вдохновенно великие дни,
Мечту, воплощенную в песне, прославь.
Твой стих не забудет народ никогда,
Твой стих — это голос борьбы и труда.

Мы славим героев, мы подвиг поем.
Поэтам повсюду открыты пути,
И слово, рожденное жарким трудом,
Навеки у нас остается в груди.

5

Тебя полюбил я с младенческих лет,
К твореньям твоим, как к ручью, я приник.
Я счастлив и горд, мой великий поэт,
Когда говорят, что я твой ученик.
Я счастлив, я сын моей дивной страны,
Стихи мои силой народа сильны.
О Родина, гордых певцов колыбель,
Ты славою Пушкина озарена,
Онегина имя знакомо тебе,
Сынам твоим заповедь твердо дана:
У нас есть искусство, поэзия есть,
Твореньям поэтов — и слава и честь.

Август 1936

46. В ЧЕСТЬ САБИРА

Листает ночь страницы дум моих.
Встают века. Сквозь мглу я вижу их.
Пора далекая проходит предо мною,
Пора страданий, тяжких и немых.

Она, как облачная ночь, темна.
Невестой в трауре скорбит луна.
Там вся природа в черное одета.
Течет устало к берегу волна.

Там рвут на части, душат край родной,
Покрыты люди ранней сединой.
Там лютый меч сверкнет — и покидает
Борец за правду наш предел земной.

Не радуется людей ни солнце дня,
Ни на лугу цветы, ни в поле зелена.

Там первая любовь в безмолвных взглядах гаснет,
Там все поют: «Есть горе у меня!»

Стучась из двери в дверь, входя в дома,
На губы блеклые садится смерть сама.
И бродят думы грустные поэта
По родине, что полонила тьма. . .

Сабир, не надо вспоминать те дни.
Мир не забыл тебя. В года взгляни:
На грудь твою кидались волны злые,
Но как разбить утес могли они?

Свободы ветер утренний — поэт!
Души твоей не сломят гордость, нет!
Своих сынов отважных не забудет
Страна, хотя прошли бы сотни лет.

Пусть перешел ты жизненный рубеж,
Созрело дерево твоих надежд:
Свободны мы! Певец, ты — в каждом сердце.
Где ж как не в сердце жить Сабиру, где ж?

Весной народов дышим в первый раз,
Куру, Аракс мы слышим в первый раз.
Весне слагают тысячи дастанов
Поэта лира и ашуга саз.

Цветет отчизна, радуя сердца.
Вся жизнь — грядущее, ей нет конца.
Так, словно солнце в небе, не угаснет
В столетьях жизнь великого певца!

27 декабря 1936

47. ПЕСНЯ СЧАСТЬЯ

Взгляни, земное утро настает,
И переливы теплого рассвета
Похожи на душевный строй поэта,
Который жизнь в стихах воссоздает. . .

Утесы сдвинув головы стоят.
До их вершин не долетают птицы.
Но выше гор моя мечта стремится,
В земные недра проникает взгляд.

Пусть явится великий Рафаэль,
Мир — выставка,
искусство —
всенародно.

Свободна птиц ликующая трель,
И творчество прекрасно и свободно.

Я изведу чернильные моря,
Лес превращу в отточенные перья,
Пусть прочитавший стих
поэту верит,
Что он писал, волнуясь и горя.

Мне не излить восторженной души:
Так девушки-невесты хороши —
Зимой в платках,
а летом в платьях алых!

Застолье длится с блеском небывалым.
Устанешь ты,
кругом твердят: «Пляши!»
Невеста выплывает, как кеклик,
Нарядна,
весела и величава.

Под свадебной фатою юный лик
Смеется и маняще, и лукаво.

Красавица пленительней газели
Ашуга просит:
«Друг, играй и пой!»

Вагифа сладкозвучные газели
Из старины доносятся седой.

Наполнясь солнцем,
кровь бурлит моя.
Есть у меня один герой любимый.
Вновь Кер-оглы садится на коня
И вдаль летит,
как вихрь неукротимый.

48. ВЕСНА И Я

Весна пришла. Как для родной сестры,
Я настезь сердце для нее раскрыл.
Да славится поэзия вовеки!
Наш мир без песен что орел без крыл.

Весна пришла, в наш край пришла весна.
Я раньше пробуждаюсь — не до сна, —
Затем что в сердце всем желаньям тесно,
Они зовут туда, где даль ясна.

Весна моя, благословенна будь!
Как хорошо пуститься утром в путь!
Привольно на груди горы ягням,
Фиалка примостилась мне на грудь.

Весною, человек, не умирай!
Что, если даже попадешь ты в рай?
Послушай только клекот соловьиный —
Покинуть не захочешь милый край!

Весна пришла. Мир заново она
Творит. Земля тепла и зелена,
И мы цветам, как детям в день рожденья,
Хорошие находим имена.

Вон муравей детей своих в саду,
Наверно, учит с первых дней труду.
Я сына вывел из дому впервые —
Навстречу счастью первенца веду.

Природа любит, словно мать, людей,
Их наделяя мудростью своей.
Но ведь она стара, нам надо сделать
Всё, что отныне не под силу ей! . .

(1 мая) 1937

49. АКСАКАЛ НАШЕЙ ПОЭЗИИ

В своем краю ты жил, Джамбул,
Но ты несчастлив был, Джамбул,
Ты сиротлив бродил, Джамбул,
Под сильным ветром черных дней.

Ты на домбре играл тогда,
И соловей смолкал тогда,
Но радости не знал тогда
Никто из братьев и друзей.

Желтел и вял цветник в саду,
И ты главой поник в саду,
Ты к скорби лишь привык в саду,
О старый, мудрый соловей.

Под гнетом жили мы в те дни,
Мир был мрачней тюрьмы в те дни,
Блуждали среди тьмы в те дни
Сыны и дочери степей.

Во тьме глухих годов твоих
Суров был взор очей твоих,
Но на крылах стихов твоих
Ты к солнцу рвался всё сильней.

Конец тоске былой теперь,
Век наступил иной теперь,
Я, слыша голос твой теперь,
За тарюю тянусь моей.

Лишь две струны — домбра твоя,
Но как светла игра твоя!
Ведь песнь полна добра твоя,
И родину я слышу в ней.

Прекрасная пришла весна,
Бессмертье нам дала весна,
Когда друзей свела весна,
Домбра и саз поют звучней.

Теперь труда не жаль, мой друг,
Звенит стихов хрусталь, мой друг,
Стремятся песни вдаль, мой друг,
Как вереницы журавлей.

В сердцах любовь горит навек,
А вероломству — стыд навек.
Вургун вам говорит: «Навек
Да здравствует весна людей!»

19 мая 1937

50. ФИАЛКА

О вестница весны в стране родной!
Ты лепестки сочти свои, фиалка.
Тебя я вешней полюбил порой,
И сердце отдал я любви, фиалка.

Цветущая среди долин и гор,
Тебе вверял я тайны с давних пор.
И я грущу, к земле склоняя взор,
Когда ты никнешь в забвенье, фиалка.

Дышал бы век твоею красотой.
Красавица в мечтах полна тобой,
Завидуя, что ты в тиши ночной
Даришь мне лепестки свои, фиалка.

Какой тоской, фиалка, ты полна?
Вагифа ль тайна в той тоске видна?
Ты не грусти о нем, — теперь весна, —
Иль сердцу потонуть в крови, фиалка?

Так не клони головку ты свою.
Тебе я песню нежную спою. . .
С твоею красотой в родном краю
Вургун стих всё оживит, фиалка! . .

Июль 1937

51. АШУГУ ГУСЕЙНУ

Ашуг Гусейн, возьми настрой жемчужный саз,
Рассказов много набралось, — поговорим.
К друзьям пойдем, речь заведем и саз возьмем,
И о любви, о паре кос — поговорим.

Хочу невинные уста я вопрошать.
От зависти огнем горит врага душа,
Когда любимая идет, накинув шаль.
О легкой шали цвета роз — поговорим.

Вургун поет: «Подруги лик небес ясней,
Как тучи — локоны, а грудь — белей, чем снег,
И в светлый день, и в черный день ты будешь с ней».
О тех, кто свет любви пронес, — поговорим.

Август 1937

52. СПОР ВЕСНЫ И ЗИМЫ

Моя крылатая мечта, тебя опять направлю ввысь.
В просторы мира устремись,
Смотри вокруг, даю наказ,
Будь верный друг, даю наказ,
И зову жизни отзовись.

Пред нами две горы, внизу тропинка пролегла, пряма.
Но слева обнимает тьма,
А справа так земля ясна,
Что миру видно: здесь весна,
А там холодная зима.

Весна сказала: «У меня благоухает юный сад,
Вдохните розы аромат!
Кто мне доверится душой,
Тот вечно будет молодой,
Тому метели не грозят.

Я молодости колыбель, земля — мой сад, цветник — мой
дом.

Душой свежа, ясна лицом.
Звенят мне песню родники,

Луга и доли широки,
И сердце не покрыто льдом.

Меня зовут весна, за мной шумит могучих рек разлив,
Стремится с гор к просторам нив.
Цветет земля в лучах весны,
Трудом поля оживлены,
И каждый куст в саду красив.

Я наполняю вольный мир цветением багряных роз.
Когда стучит в окно их гроздь,
Приветственный счастливый зов
Колосьев, лилий, соловьев
Приносит вам желанный гость.

Я как невеста в кумаче, чудесны праздники мои!
Мои — могучие орлы.
Все лебеди земли — мои,
И в небе журавли — мои
Летят, кричат курлы-курлы.

Померкнет легендарный рай перед цветущей весной.
Богат ковер нарядный мой:
Фиалки, розы, лес, и луг,
И стаи пестрых птиц вокруг,
Как бы окрашенные хной.

Друг солнца, и луны, и звезд, благоуханная пора,
Я — счастья милая сестра.
Я — сердце снежных твердых гор.
Царица наших гордых гор,
Я непреклонна, как гора.

Меня зовут весна. Когда примчусь, жемчужный
дождь стеля,
Смеется радостно земля,
И солнце в гости к нам идет,
И птичий хор в ветвях поет,
Ладони листьев шевеля.

Весенний праздник — вешний май — встречают люди
каждый год,

К нему выходят без забот.
Цветут колонны, словно мак,
Над ними реет алый флаг, —
Весну приветствует народ.

Орлов и соколов полет стремлю высоко в воздух я,
Играю свадьбы всюду я.
Не место грусти в этот час, —
Беседам отвечает саз,
Танцует каждая семья.

Меня зовут весна. Весной нет места бурям и снегам.
Мой вздох — целительный бальзам.
Обласкан мною человек,
Я приношу прохладу рек
Цветущим клеверным лугам.

И если туча иногда, досады полная, пройдет,
Седая молния пройдет,
Весна — дневного света дочь —
Отгонит мрак зловещий прочь, —
Завеса черная пройдет.

Я — солнца пламенная дочь, в моей крови огонь живет
И греет лоно вешних вод,
И пажитям несет привет.
И мною окрылил поэт
Дастана соколиный взлет.

Я по долинам прохожу, в немых ущельях слышен зов,
И снежный плавится покров.
Передо мной джейраны мчат...
Раскройте окна в белый сад,
Освобожденный от оков!

Не омрачен мой ясный взгляд, мои глаза как васильки!
Снега и вьюги далеки,
Зеленый на горах атлас.
«Мы молодеем, кровь зажглась!» —
Седые молвят старики.

И в сумерки и по утрам кругом беседуют, поют.
Искусство! Счастье! Доблесть! Труд! —
Пути могучих вольных сил.
Великий друг освободил
Весну страны от зимних пут.

Былого черное лицо перечеркнул приход весны!
Да здравствуют мои сыны!
Я — счастье! Я — земли расцвет,
Я — крови жар, я — солнца свет,
Я — молодость моей страны!

Меня зовут весна. Моей судьбе печаль не суждена.
Я — утренней росы алмаз,
Я — сердце, я — жемчужный саз!
Спросите снова: „Кто весна?“
Скажу:
„Советская страна!“»

Зима сказала: «Я — фашизм, я — леденящая зима.
Я — гитлеровская тюрьма.
Народам гибель я несла,
Мои безжалостны дела,
Со мною холод, ночь и тьма.

Меня зовут зима, давно я волку лютому сестра,
Я беспросветная пора.
Мой саван бел, черна душа,
Живу, морозами дыша
В глухие дни и вечера.

Я злобы дочь и смерти мать, уничтоженья торжество.
Мир снова чувствует его.
Передо мной померк Нерон,
Жестокий — был бы изумлен
Злодейством сердца моего.

Меня зовут зима, меня всё человечество клянет,
Лишь воронье со мной живет.
Я свет закрыла черной мглой,
Немолчно воеет ветер злой,
Замерзшие деревья гнет.

Ты птицу сердца моего, где б ни был я, влечешь к себе.

Сыновнюю любовь храня,
Перед тобой склоняюсь я.
Отчизна! Шелк твоих знамен,
Как солнце, озарил меня.

Тебя, крепка и высока, хранит кремлевская стена.

Ты человечества маяк, вселенной первая весна.

Набеги, битвы и пожар. Как много испытала ты!

Текли томительно года и гасли лучшие мечты.

Как беспросветный зимний снег,
За веком шел жестокий век,
Томился долго в кандалах,
Терпел насилье человек.

Москва! Твоей рукой был меч освобожденья занесен.

Пред ним знамена в пыль склонил смирившийся

Наполеон.

Священна родина! Хранит свободу доблестный народ,

Он сам творит свою судьбу и к солнцу вольности идет!

Вслед за кровавою войной
«Авроры» выстрел громовой
Ударил по дворцам владык.
Народ свободен трудовой!

Великий Пушкин был вскормлен твоим, отчизна,

молоком.

Сыны и дочери твои тебя приветствуют стихом.

Над площадью горит звезда алей весенних ярких роз.

Твоя Татьяна, о певец, не проливает горьких слез.

Былого летопись прочти!
Какие пройдены пути!
Ликует родина, цветет,
И вечно ей дано цвести!

О площадь Красная, скажи, какая тайна есть в тебе?

Ты птицу сердца моего, где б ни был я, влечешь к себе!

Постой. Тебе отвечу я... Весна, и жизнь, и сила здесь.

Борца, учителя, вождя священная могила здесь.

На солнце блещет Мавзолей, сверкают грани, как рубин.

Бессмертен вождь. Он нас повел к сиянью солнечных

вершин.

Звучит в веках его призыв.
Не умер Ленин! Вечно жив!
Стоят народы на часах,
Его гробницу окружив.

О Ленин! Мы в сердцах храним к тебе сыновнюю любовь,
И имя славное твое гремит над миром вновь и вновь.
Азербайджанец с древних гор, из южных цветников

грузин,
Бурят из северных лесов, с эйлагов бархатных лезгин,
Туркмен, гарцуя на коне, с клинком, сверкающим в руках,
С каспийских золотых степей свободный песенник-
казах, —
Со всех сторон идет народ, все к Мавзолею держат
путь.

У всех стремление одно — на площадь Красную
взглянуть,

Где вечно Ленина хранит
Державный мрамор и гранит,
Где имя славное его
Как солнце яркое горит.

Великий Ленин! В честь тебя поет ашугов звонкий саз.
О Ленине старик Джамбул слагает вдохновенный сказ.
Малютка в доме есть у нас. Он в пору светлую рожден.
И орден на моей груди разглядывает часто он,
Лепечет радостно: «Бабá!» И вспоминаю я о том,
Кто счастье родине принес, кто всем народам был
отцом,

Раскрыл грядущего цветы
И наши воплотил мечты.
И до небес, до ярких звезд,
Искусства знамя поднял ты.

Обвит цветами Мавзолей, цветет родимая земля.
Горит лучами Мавзолей от звезд рубиновых Кремля...
Победно рейте в высоте, знамена алые Кремля!
Под сенью ленинских знамен цветы, Советская земля!

21 января 1938

55. КАРЬЕРИСТ

Не выдает коварных дум его холодный взгляд.
Ошибке друга он всегда, как выигрышу, рад.

На лестнице служебной он всё выше что ни день.
Ошибка друга для него — лишь новая ступень.

Готов на подлость он всегда. Ты спросишь: «Но постой,
Есть сердце в нем?» — «Да, есть, — скажу, — оно —
сарай пустой!»

Нет за душою у него хороших, славных дел.
От зависти он пожелтел, от злости похудел.

Его встречаем каждый день мы все то тут, то там.
Он ходит словно злая Тень за Светом по пятам.

Он любит пыль пускать в глаза. Спроси — и в тот же миг
Он приведет пятьсот цитат из знаменитых книг.

Свои улыбки, как цветы, он раздает. Но злой
Кинжал подлейшей клеветы он прячет под полой.

И, как соломина, суха душа клеветника,
Он хочет нашей жизни дом поджечь исподтишка.

*

Завистлив, подл, хитер, свиреп и льстив — вот он каков!
И если слава о другом гремит до облаков,

Он зависти не может скрыть — на это силы нет,
А если знаменитым стал талантливый поэт,

Ему, как все, он руку жмет и лезет с ним дружить,
А сам от зависти готов его со света сжить.

Когда прославленный боец в шинели фронтовой
Из дальних странствий наконец воротится домой,

Завистник подлый — рядом с ним, как будто сам герой,
Как будто шел и он сквозь дым в шинели боевой.

Пословица в народе есть как будто бы о нем:
«Пусть жаба пыжится весь век, но ей не стать слоном!»

*

Когда ашуг свой звонкий саз прижмет к груди сильней,
Чтобы воспеть отраду глаз — весну страны своей,

И люди дарят старику цветы за верный стих —
Завистника как будто жжет огонь цветов живых.

И если девушка-пилот взовьется ввысь стрелой,
И славу ей поет народ — завистник этот злой

Ехидно шепчет про себя: «Будь женщиною я,
Ко мне бы тоже снизошли сановные друзья».

Иные думают, что он болтун и фанфарон.
Нет! Страшен тем он, что на вид совсем не страшен он!

Его оружие — ложь и лесть. И знайте, у него
Искусство подленькое есть, есть злое мастерство.

Походкой, выраженьем глаз, осанкою своей
Он может обмануть не раз доверчивых людей.

Из вороха цитат две-три он ловко отберет,
Чтобы оратору-врагу заткнуть вернее рот.

Собрания любит он. На них при помощи речей
Трескучих, пышных, но... пустых и мелких, как ручей,

Он «выделяется из масс». А если молодой
Вдруг ошибется, карьерист уже стремится в бой.

Он речь ведет исподтишка. На лапах мягких слов
Крадется тихо. И юнца он проглотить готов.

Он так кончает речь свою: «Я всем сказать могу,
Что этот юноша — наш враг. Пощады нет врагу!»

*

Но мы его разоблачим! Мы скажем: «Ну-ка стой,
Великую эпоху ты мараешь клеветой!

Твоя душа черней угля и совесть словно ночь.
Светла Советская земля! А ты, презренный, прочь!

Тебе ли с нами по пути? Ты ядом нас травил,
Но в сторону тебя смести у нас достанет сил!»

7 февраля 1938

56. ЕДИНСТВЕННОЕ ЯЙЦО РЯБОЙ КУРОЧКИ

Мой читатель, признаюсь тебе не тая,
Что сатира — стихия совсем не моя.
Не хватает таланта, иль дело не в нем,
Но стихи я пишу чаще в стиле ином.
Если б только на свете Сабир еще жил,
Я б тогда эту тему ему предложил!
С лавиной смелостью взялся бы он за нее —
Показал бы искусство большое свое.
Мы с восторгом читали б творение то,
И узнал бы, пожалуй, себя кое-кто. . .

1

Для начала я предупреждаю тебя:
Не в обиду поэтам пишу, а любя.
Имена их у нас не порочны, и есть
У поэтов и сердце, и разум, и честь.
А поэзия — воин великой страны,
Чьи победы для общего дела нужны.
Вся прекрасная родина наша цветет,
Одаренных, могучих певцов создает.
И вскипает, и ширится в сердце у нас
Новый мир, созидаемый нами сейчас!
Всё прекрасное, чем обладает народ,
Стало крыльями песни, летящей вперед.
Эта сила — в делах и твореньях любых,
Эта сила дыханьем наполнила стих. . .
Но задумываюсь неспроста всякий раз
Над иными стихами, где множество фраз,
Мало мыслей, слова так неточны порой,
А стихи так похожи один на другой!
Всё в них скучно, знакомо, на что ни взгляни. . .
Утра нового не пробуждают они.

Стережет нас еще и другая беда:
Забываем мы с вами про смех иногда.
И поэтов-сатириков много ль у нас?
А читатель их ждет с нетерпеньем подчас!
Надо помнить, что в смехе нуждается мир,
Что учителем нашим был славный Сабир!

Нынче детство мое снова вспомнилось мне,
 Проносились былые года как во сне...
 Зимний вечер... И всё потемнело окрест,
 Наша курочка ряба нашла свой насест.
 Мы закрыли глаза, убаюканы тьмой...
 Ночь долга, утро поздно приходит зимой.
 В теплом доме уснула вся наша семья.
 В зимних снах есть особая прелесть, друзья!
 За окном завывала протяжно метель,
 С головой забрались мы поглубже в постель,
 Крепко спали, объята ночной тишиной,
 И лишь кровля скрипела над нами порой...

Ровно в полночь «беда» помешала нам спать:
 Стала курочка наша рябая кричать!
 И начав: «Куд-куда, куд-куда!» — под конец
 Раскудахталась так, что проснулся отец!
 «Замолчи ты, проклятая! — крикнул он зло. —
 Что тебя среди ночи такой развезло?»
 А она продолжала свое «куд-куда»,
 Так расхлопалась крыльями — просто беда!
 А потом постепенно затихла опять.
 Погружаясь во тьму, стали мы засыпать...
 Но к утру поднялся настоящий содом
 И подвергся нашествию бедный наш дом!
 За версту нашу курицу слышно вокруг,
 Словно стать петухом она вздумала вдруг...
 Вслед за нею все куры орут: «Куд-куда!» —
 Словом, выглядят наши дела хоть куда!
 Та на бубне играет, а та на зурне,
 И всё это на свадьбу походит вполне...
 До упаду мы все принялись хохотать:
 Вот так счастье бедняцкое, вот благодать!..
 Нож готовит отец, — ведь примета плоха,
 Коль услышишь от курицы крик петуха.
 Но взмолился я: «Папа, не тронь ты ее!
 С ней управлюсь я сам, это дело мое,
 Я люблю эту курочку, мне ее жаль, —
 Ведь вторая такая найдется едва ль:
 И красива, и в драке любую побьет,
 Петухам она спуску и то не дает!»

«Погляди, как я красива!» — говорит лукавый взгляд.
Как весна, она капризна —

то смеется, то в слезах.

Нарисованы две мушки симметрично на щеках,
Зубки жемчуга ровнее,

ротик — розовый коралл.

На ее ужимки глянешь — и готов.

В силки попал!

А когда случайно встретишь журавлиный, томный взгляд,

Ветер, молния и буря поразят тебя подряд.

У других сердцебиенье, кровь бросается в виски,

И влюбленные поэты посвящают ей стишки:

«Ай Инджа, Инджа-ханум,

Пощади, теряю ум!

Поглядел в твои глаза —

А в груди любви самум».

*

Я сознаюсь беспристрастно —

удивительна она.

На щеках пылают розы, улыбается весна.

Стан ее, глаза и брови

хвалят дружно все уста,

Жаль, она не понимает, что такое красота.

«Птичка, я должна летать,

От цветка к цветку порхать.

Я беспечный мотылек,

И меня не удержать».

Целиком владеют ею пустота, самообман,

Кружит бедную головку легкомыслия туман.

Опьяненная успехом, грош которому цена.

Всех сражает на мгновенье красотой своей она.

Но, читатель, не подумай, будто ей знаком разврат,

Злые сплетницы напрасно языком ее чернят.

Жаль мне бедного джейрана,

ведь ее дразнящий вид

У любителей дичинки разжигает аппетит.

Жаль, что искреннего друга у красоти нашей нет...!

Ох, Инджа-ханум, я знаю, ты сейчас в расцвете лет,
Красота твоя сияет, только это не навек,
Удержать ты не сумеешь дней стремительный разбег,
Не давай себя дурачить,

легковерный мотылек!

Ведь со временем поблекнет

нежный бархат юных щек.

Губ рубиновое пламя будет гаснуть, остывать,

В волосах неумолимо заблестит седая прядь.

Словно деревце под ветром,

гибкий стан согнут года,

И поклонники мгновенно разбегутся кто куда.

Кто умильно вздыхает, за букетом шлет букет —

Поспешит своей дорогой,

не оглянется вослед.

Долгом я своим считаю это высказать тебе!

*

А ведь ты, ханум, могла бы благодарной быть судьбе.

Ведь не только ты прекрасна,

нас пленяет голос твой,

Он как звон ручьев прозрачных карабахскую весной,

С нежных губ твоих слетает

песнь народа — шикеста,

Сердце наше окрыляет этой песни красота.

Не давай таланту гибнуть!

Говорю как старший друг.

Посмотри, на сцену вышел уважаемый ашуг,

Он приносит людям радость,

под рукой рокошет саз...

К сожалению, на сцене мало девушек у нас.

Ты должна идти на сцену, там тебя признание ждет,

Мы хотим, чтоб ты запела песни, что сложил народ.

Дай нам голос твой послушать, ты пленишь нас

мастерством.

Браво! Мы тебе букеты с уваженьем поднесем.

24 февраля 1938

58. НИКЧЕМНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Известно, разными людьми наполнен этот свет,
А я хочу нарисовать для вас один портрет.

Своим пером, своим трудом я родине служу,
И если сам я ошибусь — себя не пощажу!

И верность правде для меня в искусстве дорога!
Ни богу свечка этот тип, ни черту кочерга.

Почище девушки любой кокетничает он,
Всегда любит себя и сам в себя влюблен.

Немоден галстук — он ворчит и в зеркало глядит,
Он перед зеркалом, ей-ей, полжизни проторчит!

Он статен, чернобров, всегда с иголки одет,
До остального же всего ему и дела нет.

Небрежно девушку свою он под руку берет.
Не знаю, смел ли он в бою, но ей он смело врет.

Он что ни вечер, то с другой. Он тридцать раз любил.
И льется речь его рекой. . . И он про всё забыл.

Что дома верная жена и мать его детей
Сидит до полночи одна и всё не спится ей.

Всё счастья ждет, а счастья нет. А ей немало лет,
А муж на ласковый привет не отзовется, нет.

Веселье — вот цель жизни всей, он в этом убежден,
И чтоб не стало жить сложней, со всем согласен он.

Пусть скажут: «Солнце в небесах черней угля всегда», —
Он, не входя в конфликт ни с кем, спокойно скажет:

«Да!»

Пусть скажут: «Не блестит алмаз, а ночь светлее дня,
А солнце меньше, чем луна, лед горячей огня», —

Согласен наш герой со всем, на всё махнул рукой.
Он безмятежен, глух и нем, он ценит лишь покой.

Он думает: «Что лезть мне в спор? Пусть скажут вздор
любой
Мой сослуживец, иль мой друг, иль собутыльник мой —
Мне нужды нет! Ведь спорь не спорь, спи иль бросайся
в бой —
Дни жизни всё равно бегут обычной чередой».

*

Бывает, враг разоблачит себя в пылу речей,
И всё собрание кипит, что час, то горячей.

Герой, войдя, в последний ряд садится у дверей.
Со стороны глядишь — он рад вмешаться в бой скорей.

Но только разыгрался шквал, стал громче споров гул, —
Герой наш незаметно встал и тихо улизнул,

Сказав: «Мне лично ни к чему здесь ввязываться в спор,
Всем время вынесет само свой верный приговор».

И, приосанясь; он пошел, как победивший лев.
Всем невдомек, что вид его, осанка — всё в нем блеф!

Он мертвым не воздаст хвалы, не выручит живых,
И польза от него лишь та, что он попал в мой стих.

*

Неужто, прочитав мой стих, ты не опустишь век?
Ведь это — зеркало твое, никчемный человек!

Но в зеркало души взглянув, скажи, хорош твой вид?
Ты в стороне, когда кругом горячий труд кипит.

Ты только с виду человек. Работы не любя,
Ты уподобился скоту, ты любишь лишь себя.

На пышном дереве ты — ветвь сухая без плодов.
Но если б искупить вину ты был сейчас готов,

И, видя, как цветет страна, расшевелился ты,
И вдохновился бы, как мы, огнем большой мечты,

И, чтобы хлеб насущный есть, ты сам топил бы печь,
И в новых ножнах не ржавел ты, словно старый меч, —

Тогда ты стал бы с нами в ряд!
Иначе не простит
Тебя народ за жизнь твою, за твой мещанский быт!

Взгляни на солнечную жизнь, на подвиг светлых сил!
Жизнь на передний край зовет! Покинь глубокий тыл!

1938

59. ДУШОНКА

Говорят, ты способен, талантлив. Но нет!
Коль с пустою душою, какой ты поэт?!
Ведь не зря нам отцы дали добрый совет:
Верным в слове не будет злодей никогда.

Ты всегда улыбаешься мне, как родной,
Но, завистник, юлишь за моею спиной,
Взгляды, словно пластинки, меняешь порой.
Средь лжецов не искал я друзей никогда!

Как на крыше петух, ты хвастливо поешь,
Но твой голос смешон. В сердце злоба и ложь.
Брось свою трескотню и людей не тревожь!
Не заглушит лягушка людей никогда!

Я встречал аферистов окраски любой,
Подлецов, что готовы пойти на разбой.
Засиял моей юности день голубой,
А весной без цветов нет полей никогда!

Если в сердце моем туч осенних гряда,
Ты не думай, что я замолчал на года.
Будь умней, и тогда ты поймешь без труда —
Там, где сокол парит, нет грачей никогда.

Уходи с глаз долой! И пойми с этих пор:
На земле и на небе — поэту простор!
Ты, как раньше, стоишь у подножия гор, —
Ты не будешь поэтом, пигмей, никогда!

1938

60. НИЗАМИ

Из надежды и мудрости ты сотворен,
Песней-молнией ты прорезал небосклон.
Словом каждым своим, каждой меткой строкой
Ты будил погруженных в глубокий покой.
Низами дорогой! Ты для родины жил,
Для вселенной слова золотые сложил.
Поколенья вдохнут запах свежих лугов —
Вдохновенных, тобою рожденных стихов.
Тот бессмертен, кто мира познал красоту,
Кто свой долг исполнял и не предал мечту.
Ты — поэзия! Чудо, с которым живу,
Что своею возлюбленной втайне зову.
От луны или солнца твой свет? Из чего?
Ты прозренье народа! Ты сердце его.

24 августа 1939

61. ВЕРОЛОМНЫЙ

В твоих глазах прищуренных нет жизни, чувства нет,
И на лице твоём застыл зимы студеной след.
Весною яркой, солнечной ты мрачен, как всегда,
Как будто счастье потерял и ждет тебя беда.
Открыто нам в глаза взгляни, к чему твой хмурый
вид?
Таков закон: ослепнет тот, кто косо, зло глядит.
Пройдет во мраке жизнь твоя, ты слышишь, лиходеи!
Поит источник мудрости лишь искренних людей!
Молчишь, юлишь: не радуется счастливая пора.
Хоть сотню лет еще живи, но умер ты вчера!

5 сентября 1939

62. ДВАДЦАТАЯ ВЕСНА

Развернуты мечтаний паруса,
Прошедшего открыты чудеса.
И сотен лет не хватит наглядеться
На этот мир, где воля и краса.

На небе звезды синие горят,
А люди счастье на земле творят:
Из мертвых глыб, из глины, из руды

Дворцы мы строим. Мы растим сады.
С природой мы сдружились в добрый час,
Наследство драгоценное у нас.
Мир много бедствий испытал в былом, —
Героям славу вечную поем.
О человек, издревле славен ты.
Твой ум и труд, крылатые мечты,
Усилье твердой творческой руки
Руины превратили в цветники.
Земля твой пьедестал, но, сердцем смел,
Навстречу солнцу, в небо ты взлетел.
Раскат грозы, морского утра тишь —
Всё в жарком сердце бережно вместишь.
Тебе земля широкая дана,
Простор морей и кряжей крутизна.
Ты сам — поэт, художник и творец.
Всего начало и всему венец.
Как творческих усилий торжество,
Стучат удары сердца твоего.
Но тот, кто сам не разбивал преград,
Своим твореньям никогда не рад,
Померкнет для него надежды день,
Зарю мечты покроет ночи тень.

1

Весь город у открытого окна,
Под ним Хазара пенится волна.
Зажглись рассветной кромкой небеса,
Сейчас и утро разомкнет глаза.
Ты слышишь ли рояль издалика?
Как песнь его могуча и легка!
И миготом от меня уходит сон,
Я в песни эти издавна влюблен.
Поет над мирной улицей рояль,
И девушка задумалась, и вдаль
Ее глаза сейчас устремлены,
Любовью и мечтой опьянены.
Давайте назовем ее Бахар,
Всего лишь ей двадцатая бахар.
Свежа, светла, как майский день, она,
Ее игрой заслушалась страна.

И двадцать лет собрав в букет, Бахар
Несет народу первомайский дар.
По клавишам летит ее рука,
И песнь о счастье слышится, легка.
Как над сердцами властвует она,
Каким очарованием полна!
И в каждом звуке говорят без слов
Поэта сердце, юность и любовь.
И в каждой песне слышен свой напев —
Весна, победа, радость или гнев.
Заставит камень говорить она,
И может зверя покорить она.
И каждая влюбленная душа
Ту песню слушает едва дыша.
Мотив ее то нежен, то суров,
Мечта достичь не может берегов.
Порой, как ветер, пролетит она,
И, как мечта, поднимется волна.
Любовных песен нежная тоска
Сердца волнует многие века. . .
Играй, Бахар! Кругом шумит весна,
И песня соловьиная слышна.
Ведь песни — наши верные друзья.
И ненавидят грусть они, как я.
Ты дочь свободной молодой страны,
Ты дочь весны, и ты творец весны,
Тебе всего лишь двадцать весен, ты
Приносишь в мир дыханье красоты.
Волшебница, играй, открой байрам,
Чтобы войти с платочком в танец нам.

2

Согрета солнцем тишина,
Бахар в одежде золотой.
Пришла двадцатая весна
Ее республики родной.
Прекрасный наш Баку одет
В шелка и кумачовый цвет.
С балконов льется шелк знамен
И над дорогами встает.

Потоком праздничных колонн
Свободный движется народ,
Цветут улыбки на губах,
И солнце ясное в глазах.
И крепнет мощь сердец и рук,
Веселый смех звенит струной,
И пляшут девушки вокруг
Яллы — весенний танец свой.
Баку! Весельем, торжеством
Пусть музыка звучит кругом.
О армия! Парад начни,
Своим могуществом блесни!
Пусть скажет родина: «Сыны,
Которых выкормила я,
Мои просторы берегут
И охраняют мирный труд!»
Гордится армией народ,
И славит воинов страна,
Сияет солнцем небосвод,
Команда четкая слышна...
Под облака знамена взвей,
И пусть гремит салют побед.
Мы кровью красили своей
Свободы знамя в красный цвет.
Пусть слышит твой могучий шаг
И навсегда притихнет враг.
Мир слышит гром твоих шагов.
Крепка отчизна и сильна,
Вдоль черноморских берегов
Стоит гранитная стена.
Народ могуч, Союз велик,
И в этот майский светлый миг
Припомни славных Двадцать Шесть.
Их подвиг славы — наша честь!

13 апреля 1940

63. МОЯ МЕЧТА

Все прелести мира мне дай до одной,
Дай жить средь красавиц весь век мой земной,
Но все-таки самое высшее счастье
Найду я под этой чинарой густой.

Б. Адил

Поэт! Как твои вдохновенны слова!
Твой саз в мои чувства смятение внес!
Вовек не увянут цветы и листва
В саду, что на почве родимой возрос.

Упавшая ниц тень чинары густой —
Священная Мекка стиха моего.
Отчизна Огней, ты повсюду со мной —
Рассвет красоты и любви торжество.

Пройди бесконечным простором родным,
Где камень любой чудный образ таит.
Здесь мастера сердце не будет чужим,
Когда свет любви в нем к Отчизне горит.

Поэт! Ты орла из гнезда помани,
На крыльях орлиных взлетай в небеса.
И с первой любовью на землю взгляни.
Пройди ее реки, поля и леса.

Уж время! С любовью дастан начинай!
Для тысяч сердец в нем страницы открой.
Край дедов и прадедов ты прославляй,
Подобно Вагифу над быстрой Курой.

По имени — травы зови и цветы.
Жизнь каждого — книгой отдельной считай.
И вдаль — чтобы смысл отыскать красоты —
Ведомый большою мечтою шагай.

С Землей откровенный веди разговор —
Пусть помнят его через тысячи лет.
Пусть солнцем твой разум осветит простор —
Тот свет бесконечен и вечен, поэт!

Душой вдохновенье стиха раскрывай,
Ведь стих без души — это фальшь, мишура.
Ты — сын для Грядущего. Так не считай —
За дальнею далью, мол, эта пора.

Любовь свою будущим дням подари,
И разум в просторах тебя окрылит.
Грядущее светом ума озари —
К нему только смелость дороги торит.

Лети же! Лети за мечтою своей!
Пусть камень любой окрылит твой полет.
Есть тяга особая ввысь у людей —
Ведь жизнь нас сама к возвышенью зовет!

1939—1940

64. НОВЫЙ ГОД

Время нам, друзья, поднять бокалы!
Выпьем за грядущий Новый год.
Новая весна в одежде алой
С радостью и счастьем к нам идет.
Выпьем же, друзья, за Новый год!

Издавна подобна жизнь поэме,
Мир ее читает с древних лет.
Все мы смертны, вечно только время,
В нем лишь доблесть оставляет след,
Мир о ней читает с древних лет.

Тысячу не проживу я весен,
Всё же жаждой жизни грудь полна,
Жаждой, что хвалы достойна, песен:
Удлиняет нашу жизнь она.
Жаждой жизни вечно грудь полна.

С тридцать пятой расстаюсь весною,
Вновь на пройденный гляжу я путь, —
Мало сделано на свете мною!

Что ж, зато я в завтра смог шагнуть!..
Вновь на пройденный гляжу я путь.

Встань, рассвет чудесный, солнце, выйди —
Станьте здесь, в один со мною ряд!
В каждом деле — целый мир нам виден,
С вами чувства пусть мои горят!
Станьте здесь, в один со мною ряд!

Утро нежное со взором синим!
И тебе любовью жизнь дана!
Вас, младенцев, в мир пришедших ныне,
Встретила прекрасная страна,
Ведь и вам любовью жизнь дана!

Вашими не будут близнецами
Ни печаль, ни слезы прежних лет,
Счастье лишь одно родится с вами!
Сгинули за камнем гнета вслед
И печаль и слезы прежних лет.

Всё — и трепетание листков;
И журчанье звонких родников;
И веков ровесница — земля;
И искусство — радость бытия;
И желанье сердца твоего;
И весна — всей жизни торжество;
Край родимый, край седых громад,
Чьи вершины зори золотят;
Снежная гора, чье острие —
Словно сердце гордое мое;
Мне кивающий цветок полей;
В траурном наряде соловей;
Мать с младенцем, спящим в тишине,
Чья вся жизнь видна ей в сладком сне;
Край поэзии, что всеми чтим;
Низами, любующийся им,
Его сердце — бурный океан;
Солнечной Лейли улыбка, стан;
Смелый след Фархадовой кирки;
Сказки дивные, что старики
Донесли из глубины веков;

Новый смысл прекрасных старых слов
И симфония счастливых дней,
Что звучит всё ярче, всё сильнее, —
Вот что в жизни счастье нам дарит!
Так о чем всё это говорит?

Что подобна наша жизнь поэме —
Мир ее читает с давних лет.
Все мы смертны, вечно только время,
В нем творенья оставляют след,
Мир о них читает с давних лет. . .

Так подыдем же, друзья, бокалы!
Выпьем за грядущий Новый год.
Новая весна в одежде алой
С радостью и счастьем к нам идет.
Выпьем же, друзья, за Новый год!

28 декабря 1940

65. МАТЕРИНСКОЕ НАПУТСТВИЕ

В красноармейской форме сын идет, готовый в славный
путь.

Как много сил, как много чувств вместила пламенная
грудь,

Постой! И утро, подойдя, на нем остановило взор,
И ощутил он на щеке знакомое дыханье гор.

«Я ухожу. . . Ну что ж, прощай!» — целует он старуху
мать.

И мать героя обняла, как только может мать обнять.
Целует в губы и в глаза, и хочется подольше ей
Глядеть на сына своего, на сына родины своей.
Сказала:

«Свет очей моих, сынок мой милый, жизни цвет,
Седые волосы мои — свидетели великих лет.
Я вижу: ты не трусишь, нет! — тебя моя вскормила
грудь!»

Запомни же мои слова, вовеки их не забудь:
Иди, мой сын, разить врага! Счастливого тебе пути.
Пусть меток будет твой удар, чтоб враг живым не смог
уйти.

Врага нещадно настигай! Бесстрашным, зорким будь
в бою.

Смотри за боевым конем, винтовку береги свою.
Мой сын, тебя я родила, но воспитала не одна,
Ты вскормлен Родиной, сынок, тебя взлелеяла она.
Она взрастила Кер-оглы и жизнь Чапаеву дала,
Парить в безбрежной синеве удел могучего орла.
Идешь... Будь счастлив, мой родной... Иди дорогою
побел.

Вождя увидишь — передай от сердца матери привет.
Созреют персики в саду — тебе пошлю я тотчас их,
А от тебя я жду вестей о боевых делах твоих.
Иди, мой сын, рази врагов! Бесстрашным, зорким
будь в бою,

Смотри за боевым конем, винтовку береги свою».
Сияло солнце в вышине. Ушел он — сильный, молодой,
Мать, поглядев ему вослед, плеснула чистой водой...

23 июня 1941

66. КРАСНЫЕ СОКОЛЫ

Горных соколов краше, над тучами, над облаками,
Мчатся летчики наши, туман рассекая крылами.
Небосвод сотрясает пропеллеров гулких круженье,
Мощь земля обретает, услышав их гордое пенье.

Мчатся красные соколы, крыльями блещут стальными,
Пишут в небе высоком Отчизны священное имя.
Знает красный пилот, что, в боях защищая свободу,
Он в легенды войдет и останется в сердце народа.

Мчитесь, красные соколы! Небом владейте просторным,
Смело крылья рубите немецким стервятникам черным!
Мчитесь, красные соколы! В небе парите высоком!
Наша Родина смотрит за вами внимательным оком!

Как на зверя, на танки охоту ведут самолеты,
Истребляют врагов беспощадно герои-пилоты.
Не задернутся мглой небеса нашей родины милой,
Враг к нам шел за землей, и земля ему будет могилой!

Кровь прольется за кровь! Наша сила в сраженьях
окрепла,
Уничтожим врагов, чтоб от них не осталось и пепла!
Мчитесь, красные соколы! В небе парите высоко!
Наша Родина смотрит за вами внимательным оком!

25 июня 1941

67. ПЕСНЯ ПОЛЕЙ

На рассвете даль становится алей,
Будит розу на рассвете соловей,
Принимаются колхозницы за труд,
Не снопы в объятых — золото несут.
Если всё собрать до малого зерна,
Победит любого недруга страна.

Дивом дивным степь Муганская лежит,
Шелком, золотом ковер ее расшит,
Человек земли трудами знаменит.
Если хлеб получит родина сполна,
Победит любого недруга она.

Лейся ж, лейся в закрома, зерно, рекой
Полноводной, бесконечной, день-деньской!
Мы хлеб-солью сыновей проводим в бой!
Ты звени, мечтой высокой завладев,
Нашей юности торжественный напев!

Утром станет даль небесная алей,
Розу ласково разбудит соловей,
В поле примутся колхозницы за труд,
Щедрый дар земли прилежно соберут,
По-хозяйски, до единого зерна.
Всех богаче ты, родимая страна!

30 июня 1941

68. РУССКОЙ АРМИИ — СОВЕТСКОЙ АРМИИ

На челе твоём — славы немеркнущий свет.
Это след знаменитых в истории лет,
Это знак предначертанных новых побед!
Мир давно уже русскую славу узнал,
Красной Армии грозный он видит закал!

Наша армия! Так же, как наша страна,
Ты в жестокую бурю была рождена, —
В зной и в холод, повсюду себе ты верна!
Мы в степях Закавказья весной голубой
Побратались, о красное войско, с тобой!

Мы единой и общею волей сильны,
Мы единой и общей отчизны сыны!
Наша воля — единое сердце страны.
Этой силой всегда побеждаешь в боях,
Обращаешь противника в пепел и прах!

Красной Армии в битвах не дрогнет рука.
Не сбивают с пути ни туман, ни пурга.
Русский штык ужасает и губит врага!
Всенародно встаем, как титаны сильны,
На защиту взлелеянной нами страны!

Веет ветер полей над родимой страной,
Гладит руку бойца, уходящего в бой
За родные поля и за воздух родной!
И лежит на руке поцелуй ветерка,
И сжимает оружие грозно рука! . .

Будь упорен в бою, звездоносец-джигит!
Бой тяжелый, кровавый тебе предстоит,
Быть вершителем славы тебе предстоит.
Ты — надежда истории, красная рать!
Мир глядит на тебя, — ты должна побеждать!

Знаменитая Армия, гордость времен!
Много сложено песен у разных племен,
Как тобою был сам Бонапарт побежден!
О тебе, принимавшей ключи от столиц,
В старых книгах написано много страниц. . .

Русской славе, советскому войску — хвала!
Войску вольных советских народов — хвала!
Да прославятся Армии нашей дела!
Я запел эту песню, зовущую в бой,
Чтоб допеть ее после победы с тобой!

3 июля 1941

69. ПИОНЕРСКИЙ МАРШ

Всем ты, родина, богата:
И рассветом, и закатом.
Чтоб мой край в горах вознесся —
Вдохновеньем помогла ты.

В маках грудь твоя, багряна, —
Не весна ль пришла к нам рано?
В каждом камешке, в травинке —
Труд народа-великана.

Я, как птица над садами,
С малых лет дружу с цветами,
Запою, бывало, песню —
Звезды вспыхивают сами.

Что ж стряслось теперь с природой?
Взвился сокол к небосводу —
Человек штурмует недра,
Синеву небес и воды!

Не берут еще в солдаты...
Проводил в поход я брата.
Горячо трудиться буду,
Чтоб врага нашла расплата.

Мне покой отчизны дорог.
Как орел, я буду зорок!
Всех изменников и трусов
Пригвоздим к столбу позора.

Выйдут на поле отряды —
Собирать колосья рады.

Припасем родным героям
Мы корзины винограда!

Слышит небо, горы эти
Клятву нашу на рассвете.
Красный галстук — обещанье
Помогать во всем победе!

14 июля 1941

70. ДЕТСКИЙ САД

Румянцем утренним горят небеса,
И веет ласково морской ветерок.
Открыло утро голубые глаза:
Прекрасен мир — и светел он, и широк,
И веет ласково морской ветерок!

У самого у моря — маленький сад
И ярко-белый дом, обвитый плющом.
Там звонкий смех ребят, там песни звенят,
Весельем светится щебечущий сад,
Сияет белый дом, обвитый плющом.

Когда до пены спорит море с собой,
Поэт с волнением слышит голос мечты.
Выходят дети посмотреть на прибой,
Смеется солнце с голубой высоты —
Поэт с волнением слышит голос мечты.

Когда же снова день безоблачный тих,
Ребята водят хоровод и поют.
Душа оркестра озаряет для них
Необозримый мир, что нежен и лют.
Ребята водят хоровод и поют.

О воплощенье наших солнечных дней!
Их лица веселы, глаза их ясны.
Сквозь игры мир для них понятней, родней,
Сердца их бьются, вторя сердцу страны.
Их лица веселы, глаза их ясны.

Сражающиеся на фронте отцы!
В сердцах детей — непокоримая кровь!
О детях ваших не печальтесь, бойцы!
Их зорко охраняет наша любовь.
В сердцах детей — непокоримая кровь.

Пускай пока шалят, играют, поют,
Придет пора — увидим сильных людей.
И превратится в вольный, радостный труд
Былое волшебство ребячьих затей.
Придет пора — увидим сильных людей. . .

Мои малышки! Звонкие соловьи!
Да не погасит злая мгла ясных глаз!
Да будут радостью вам песни мои!
Да будет счастьем каждый день, каждый час!
Да не погасит злая мгла ясных глаз! . .

16 июля 1941

71. МОСКВА

О гордость моя и отрада моя,
Красою твоей налюбуюсь ли я!

О древний мой город, такой молодой,
Как ты напрягался, объятый бедой,

Как было от бури внезапной темно,
И сердце твое — как боролось оно!

Душа твоя — как побеждала она! . .
Закон неизменный на все времена:

Один на один против сонмища туч
Летит побеждающий солнечный луч.

Аркан не удержит стремительных вод,
И правда, как с нею ни бейся, — живет.

Сокровищница неустанных чудес,
О город мой, гордость земли и небес,

Москва! Непреложно твое бытие,
Отрада моя, любованье мое,

Воительница против рабства и лжи,
Как светел твой разум и чувства свежи!

С тех пор как с тобою хлеб-соль разделил,
Мне каждый твой камень заветен и мил.

Москва! Лучше слова не слышал нигде.
Родные роднее бывают в беде.

О мать моя — правда и доблесть, — я твой.
Москва моя, вечности образ живой!

Недаром глаза твои, русский мой брат,
На родину с гордостью ясной глядят.

Отчизна! Ты Ленина миру дала
И Пушкину милою музой была,

Здесь разум и сердце навеки слились,
Как с далью степною небесная высь.

Москва! Лучше слова не слышал нигде,
Чем это, подобное алой звезде!

Не ты ли в отчизне, как сердце в груди!
Столетия не старят, твой день — впереди.

Пусть кровью взывает родная земля,
Отмщением наши сердца распая,

И пусть каждый сын ее, каждая дочь
Бьют насмерть врагов, гонят со свету прочь,

Чтоб замертво в русскую землю легли,
Чтоб жгло их проклятие русской земли!

23 октября 1941

**72. СЫНУ АЗЕРБАЙДЖАНА, ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ИСРАФИЛУ МАМЕДОВУ**

Ты сын страны, родившей Низами,
Где небо так приветно в крупных звездах.
Ты рос, обласкан многими людьми,
Тебе раскрыл объятия чистый воздух.
И ледники Гошгар и Хач-Булаг,
И озеро Гейгёль, и тень в долинах,
И горных пастбищ голубой эйлаг,
И там, на кручах, — щели гнезд орлиных,
И тень чинары стройной у ручья,
И песни пастуха — всё было рядом.
Всё обнял ты, родной язык уча,
Своим живым и дальнзорким взглядом.
Ты приходил на празднества, к столу,
Где сердце каждое, взлетев высоко,
Песнь заводило, воспарив как сокол,
Когда ашуг, распахивая мглу,
Рассказывал деянья Кер-оглу
И конь его Гыр-ат по скалам цокал.
Прошли года, и вырос ты, мужая.
Уж не одна красавица чужая
На стройный стан заглядывалась твой.
Но беспокойный нрав и дух живой
Увлек тебя к наездникам-джигитам.
И в состязаньях не был ты побитым,
И брал призы на свадьбах у друзей.
И старики в виду деревни всей
Предсказывали будущее внуку:
«Героем будет, впрок пошла наука».

В одной деревне рос лихой бугай,
Он всех бодал и окрика не слушал,
Как ни ласкай его и ни пугай,
Всем надоел, у всех покой нарушил.
Однажды на дороге вечерком
Ты встретился с отчаянным бычком
И говоришь: «Брось глупую привычку,
Брось, лиходей, тиранить наш народ,
Брось буйствовать». Но дерзкий бык-урод
Остервенел и, сам вступая в стычку,
Загривок вздыбил, опустил рога,

Помчался на тебя, как на врага.
Тогда вся кровь в лицо твое вступила,
Схватился с ним, прижал бычка — ага! —
Рванул — и вырвал дикие рога. . .
Читатель спросит, вправду ль это было?
Что ж! Может быть, и сказка. Всё равно.
Народ ее сложил давным-давно,
И родина героя полюбила.

И час настал, когда железный шквал
Загрохотал от края и до края,
Над родиной твоей забушевал,
Змеиное дыханье извергая.
И стал ты Красной Армии бойцом.
И мать, целуя в лоб, сказала сыну:
«Ступай, сынок. Будь смелым удалцом,
Рази врага железом и свинцом.
А если ты врагу подставишь спину,
То не являйся пред моим лицом».
Ты стал аскером. И в ушах твоих
Всё, что сказала мать, не отзвучало.
Ни дождь, ни выюга, ни свинцовый вихрь,
Ни вражья хитрость, темная сначала,
Ни хоботы орудий полевых,
Ни воронье в ненастных серых тучах,
Что смерть несло на лопастях скрипучих,
Тебя не утрашили ни на миг.
Осталось твердым сердце, торжествуя.
Свинец не оцарапал грудь живую.
И слава о тебе из уст в уста
Пошла по свету и росла всё выше.
Родные все проведали места,
Турач в Мугани о тебе услышал
И стаи птиц на озере Гейгёль.
Седой ашуг, твое воспевший имя,
И мать, качая сына колыбель, —
Гордились все деяньями твоими.
Прими же, Исафил, и мой привет
В залог того, что я еще успею,
Покуда жив, покуда вижу свет,
Сложить тебе, как должно, эпопею.

Январь 1942

73. ПАРТИЗАНАМ УКРАИНЫ

Кто может молнии грозою бросить в ночь,
И даль и высоту, как сокол, превозмочь,
Крылатым подвигом республике помочь?
Кто в бой идет сквозь ветры и туманы?
Всё это вы — герои-партизаны!

Чьим тайным голосом леса кругом полны?
Кем дети наши так восхищены?
Чей дом — леса, поля и валуны?
Кто мужество сберег в походе неустанном?
Всё это вы — герои-партизаны!

Кто, словно лев, идет на бой с врагом,
Кто с робостью и страхом не знаком?
Кто гонит вражьи полчища штыком?
Чья слава птицей облетает страны?
Всё это вы — герои-партизаны!

Кому Шевченко самый близкий друг?
Чей соплеменник славный Кармелюк?
И кто врага не выпустит из рук?
Всё это вы, друзья по жизни бранной —
Украинские наши партизаны!

Чья родина — большой вишневый сад?
Кто день и ночь бандуру слушать рад?
У чьих красавиц с поволокой взгляд?
Кто любит их любовью несказанной?
Да, это вы — герои-партизаны!

Кого товарищем до гроба я признал?
И в радости и в горе с кем бывал?
Кого всегда я братом называл?
Как Кер-оглы, вы входите в былины,
Родные партизаны Украины!

30 января 1942

74. ВСТРЕЧА С МОСКВОЙ

Восемь месяцев я не видал тебя.
Смертоносный к тебе приближался шквал.
Он подкатывал к сердцу, гремя, слепя...
Я тебя никогда не позабывал.

С ночью звездной твоей, с ясным днем твоим
В годы юные был неразлучен я.
Светлолицая, взор твой неомрачим,
Улыбающаяся мечта моя!

Вот и свиделись, и отошла тоска,
И томящего одиночества нет.
Как манил мое сердце издалика
Твой единственный, вечный, счастливый свет.

И любимые улицы вижу вновь.
Как ты юн, древний город, и как хорош!
Наша мысль и душа, наша плоть и кровь,
Вдохновенный, как ты горячо живешь!

Я встречаю моих дорогих друзей, -
Обнимаемся крепко и руки ждем.
Лица наши суровей, слова скупей,
Но сердца зажжены боевым огнем.

Зданья, гордо касающиеся туч,
Величавы, как грозное торжество.
Под ударами молний стоял, могуч,
Вечный город, — бесстрашны люди его.

Вижу Красную площадь и свет земли —
Древний Кремль, он — как сказочный великан!
Здесь пройдут поколения, как прежде шли, —
К сердцу солнца стремящийся караван.

Здесь великого Ленина Мавзолей,
Здесь бессмертная сила затаена,
И в лучах ее солнечных всё светлей
Человечества радостная весна.

Но сейчас выслал в битву снега и мрак
Верный русский мороз — наш надежный друг.
Как лютует он нынче! И знает враг —
Нет спасенья ему от штыков и вьюг.

Вижу девушку... Облик знакомый! В нем
Я Татьяну Ларину вновь узнаю.
Как она изменилась! Каким огнем
Эти дни озаряли ее в бою!

Свет высокой души неизменен в ней,
Но мечтается ей человек иной,
Человек наших ясных и грозных дней —
Он в шинели, с винтовкою за спиной.

Грозен бронзовый Пушкин в метельной мгле.
Он спокоен, под вьюгами поседев.
Вольнокрылый орел на крутой скале,
Чутко слушает он буревой напев.

И сквозь слезы невольные вижу я,
Что стоит он, задумавшись, как живой,
Словно слышит, волнение затая,
Гром орудий, грохочущий за Москвой.

И внимает поэту его страна.
Неразрывных созвучий вольный полет
Достигает до звезд, до морского дна,
Движет горы и сердце людское жжет.

Затихает вдали громовой раскат.
И как радостно людям поверить вновь,
Что в борьбе с темной злобою победят
Разум, истина, мужество и любовь!

5 февраля 1942

*

75. ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлет, —
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьет.

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная, и человек.

Всех нас счастье влечет изначала,
Но, над нами смеясь искони,
Подпускало к себе, ускользало
И звало на бегу: «Догони!»

О безумная, дивная пери,
Брось негодную, злую игру.
Я свидетельствую и верю:
Всё живое стремится к добру.

Этой тяги таящейся ради
Окажи свою помощь живым.
Смерть — проклятое ада исчадье,
Жизнь — сияющий серафим.

С сотворения мира две силы —
Свет и тьма — в вековечной войне.
Тьма — зияющая могила,
Солнце — к воле взывает извне.

Зло досталось вселенной в наследье
В незапамятные времена,
Но, дыханье зимы обезвредя,
Настает в наших душах весна.

Между горестями и весельем
Нет похожего ничего.
На два мира особенных делим
Мы уныние и торжество.

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня,
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Утро счастья, таинственный гений,
Перелей благодать через край.

Осчастливь и направь поколение,
Руку помощи людям подай.

Чем ты радовать станешь, стихия,
Если будешь, как камень, гола?
Как бездетности недра сухие,
Беспользные гибнут дела.

Не сойди же со сцены в бесплодь,
Стань за новую правду, герой.
Дай победу над рабством свободе,
Славой сторону нашу покрой.

Божество прошлых дней — угнетенье —
Нами вдоволь натешилось встарь.
Отжила и становится тенью
Эта подлая старая тварь.

Счастье — детище нашего века.
И, как истинное дитя,
Улыбается человеку,
Солнцем будущего света.

22 марта 1942

76. ГОРОД В ОГНЕ

Город вольных людей, город славных дел
Еще с вечера смертным огнем объят.
Пламенеющий траур его одел,
Волны дыма, как вздохи, к луне летят.

Рад безжалостный ветер огню помочь,
И кидается в пламя он вновь и вновь,
Ослепленная, громко рыдает ночь, —
О как жжется, как жжется родная кровь!

Сравнятся ли самые страшные сны
С явью этой, что сердце мертвит во мне?
За дымом багровым — ни звезд, ни луны,
Как будто они растворились в огне.

Бьются красный огонь и огонь голубой.
Удержаться ли миру на волоске?
Облака перешли в рукопашный бой,
Это сердце вселенной рвется в тоске.

Дивный город сгорает, огнем одет...
О, безумье, чем виноват человек?
Прославлением жизни вставал рассвет,
А ведь радости миг — это целый век!

Там в пламени — благоуханный цветник,
Рыдание женщин летит до небес.
Или мир этот разума не достиг?
Или он, одряхлев, не видит чудес?

Но нет, душа мирозданья светла,
Глаза ее ветры закрыть не смогли,
Глаза ее тьма потушить не смогла.
Человек был и будет красой земли!

Клянусь я рассвету — да верит он мне!
Клянусь я тебе, отчизна моя!
Я детям клянусь, погибшим в огне,
Клянусь их безвестным могилам я:

Всё невоплощенное ваше — в земле,
Но мы на земле — воплощенная месть!
Вперед, поколенья, в огне и во мгле!
Вперед, чтобы в мир избавленье принести!

На недругов, острым сверкая клинком,
Обрушимся молний лихих горячей.
Мы утру земному не траур несем,
Но солнце в расцвете победных лучей!

20 октября 1942

77. ПАРТИЗАНУ БАБАШУ

Пусть эта весть издалека словами точными бедна, —
Нет расстояний для любви. . . Мы — кровь одна и плоть
одна!

Ты партизан, передают, снега глухие твой приют,
Дыханьем жарким этот снег ты растопил, передают. . .
Ты Белоруссии-сестре спешил помочь издалека,
О, пусть ей счастье принесет Востока братская рука!
Там вьюги, холод — я слышал, — заиндевелый край

лесной,
Твоя подушка и постель — земля да камень под сосной. . .
Штыком, ногтями — я слышал — ты прорываешь толщу
тьмы,

И светятся твои глаза сквозь полночь западной зимы.
Когда отряд усталый спит и ночь как будто бы тиха,
Когда чуть слышен хвой звон и слабое дыханье мха,
Угадываешь в тишине, где спят спокойные снега, —
Звериный, крадущийся шаг и тайный замысел врага;
Его петлистые следы прочитываешь на полях,
И сводит хищника с ума преследованья вечный страх!
Ты целишься не торопясь, таясь, не вздрагиваешь ты. . .
Тебе на плечи добрый снег ложится тихо, как цветы. . .
Твоей папахи завитки мороз в сосульки обратил,
И небо искрится всю ночь игрой негреющих светил;
Сковало щеки и уста мороза колкое стекло,
Но слово «родина» в устах как майский полдень
расцвело!

Теперь ты снежным вьюгам брат; бурана леденящий вал,
Коль не сумел тебя сломить, — богатырем тебя признал!
Вдруг слышу, кажется, тебя: «Кровь Кер-оглы не мерзнет,
брат!»

Я отвечаю: «Счастлив тот, кто честью смолоду богат!»
Я слышу снова: «Клындж-мисри сшибает головы врагов,
Тела валяются вдали от покотившихся голов. . .»

— «Ты муж и воин, — я шепчу, — живым останешься
в огне».

— «Пусть наши сестры, — шепчешь ты, — цветут
в родимой стороне».

— «Отчизны теплый ветерок, — хочу сказать, — к тебе
летит

И пальцы твердые твои целует, о родной игид!»
Твой слышу зов: «Азербайджан, вставай, всех воинов
собрать!»
Я отзываюсь: «Не лежат — стоят от века горы Каф!»
Ты говоришь: «Когда в лесу, настроив радио, лежу,
Мне слышен родины напев, я за руку ее держу. . .»
— «Народа сердце, — говорю, — в твоей груди живет
теперь!
Хлеб-соль, которыми клялись, мы не унижим, брат,
поверь!»
Я сердцем слушаю тебя, ты сердцем слушаешь меня,
И мыслей молнии летят во мраке стрелами огня! . .

*

Ждала известий о тебе, терпела стойко до поры,
Молчала знающая жизнь старуха мать Тамам-гары.
Теперь, по радио узнав — о славе сына говорят,
Седая в старом сундуке находит свадебный наряд. . .
Одежду юности надев, сидит, и в доме тишина. . .
И книгу памяти своей читает медленно она,
И в книге памяти цветут картины прошлого. . . На них,
О сын, о взрослый богатырь, — сиянье детских дней
твоих!
Гордится, радуется мать, что вырос сын богатырем,
И страха нет в ее душе, ты неразлучно с ней вдвоем.
Я твердо знаю — у любви таинственная сила есть.
Ты к нам вернешься, милый брат, и принесешь победы
весть!
Не ты ль, далекий партизан, творишь историю?
Не ты ль
Во имя солнца клятву дал зло обратить в золу и в пыль?
И звезды — зерна бытия — тебе сопутствуют в бою.
Они всем сердцем за тебя и держат сторону твою!
От плоти Солнца — плоть Земли. И, Землю милую любя,
Большое Солнце, верь, мой брат, всем светлым
сердцем за тебя!

21 декабря 1942

78. ГОРЫ

Средь ваших царственных шатров
Бродил я в упоенье, горы.
Для новых строф, для верных слов
В вас черпал вдохновенье, горы!

Олень пугливою стопой
Спускается на водопой;
Где б ни был — рвусь за ним душой!
Как жить мне в отдаленье, горы?

Кочевью ширь лугов нужна,
Орлу степному — высота,
А мне скитаться б дотемна
Меж круч порой весенней, горы!

Вершины скал, одна к другой,
Застыли солнечной грядой. . .
Поют нас силою живой,
Дарят нам дней продленье, горы!

Пусть в этом мире гость поэт,
Но им стоять миллионы лет,
И верь: любви твоей, Самед,
Не предадут забвенью горы!

1942

79. ТОВАРИЩАМ ИЗ ДАШСАЛАХЛЫ

*Колхозникам колхозов имени
Ленина и Коминтерна селения
Дашсалахлы Казахского района*

Всё от сердца рассказать поскорей я шел сюда,
Седовласых матерей шел поцеловать сюда,
Потому что молодым остаешься навсегда,
Видя родины своей постоянство и покой. . .
Мне земли моей душа открывается опять,
Мудрость ясная отцов, доброй жизни благодать. . .
Был бы счастлив человек, не старея, возмужать!
Что дороже и милей прочной верности такой?

Каждый камень этих мест память храброго хранит.
О трава, не покидай склонов вековой гранит!
Будь бессмертною, весна! Нежно воздух твой звенит!
Вечной свежестью овей край преданий дорогой!

Я хотел бы, мой народ, чтоб светильник твой горел
Бесконечные века, не чадил и не хирел,
Чтоб до каждого дошла слава незабвенных дел,
Песня доблести твоей, доброй славы трудовой!
Чтоб дороги и пути от села и до села
Засверкали, не пыля, как большие зеркала,
Чтобы праздник ты встречал, будней выполнив дела.
Вечно радостью владей, жизнь заслужена тобой!
Чтобы струи Дамджили в каждый дворик потекли, —
Виноградники вблизи, виноградники вдали. . .
Чтобы медленно горел тихим пламенем земли
Жар гранатовых аллей сине-красно-золотой!
Не пребудут без гостей наши пышные сады!
Не пребудет добрый гость без питья и без еды, —
Не сухи и не жестки медом полные плоды.
Что ж, хозяин, не робей, двери страннику открой!
Пусть наш дом со всех сторон окружит фруктовый сад,
На айванах гроздь роз — связки яхонтов — висят, —
Пусть прохожие певцы нашу славу разгласят,
Хвалят тысячи людей это скромное село!
Окна рано поутру пусть раскроются весной, —
Хлынет воздух золотой, всё заблещет новизной.
Выпьем браги молодой, выпьем свежести лесной,
Сладкой свежести полей, зеленеющих светло!
Пусть болота не грозят, злые корни не растут,
Пусть не знает человек лихорадок и простуд.
Пересуды, клевета пусть зачахнут и замрут. . .
Стены выбелим белей — заблестают, как стекло!
Пусть, владея красотой, недоступною врагу,
Каждый думает: «И я перед родиной в долгу».

Был поэт в Дашсалахлы и сказал, благословив:
«Каждый час и каждый миг будь для жителей
счастливы!

Шелк и бархат для садов, шелк и золото для нив,
Разделенную любовь для влюбленного достань!
Вновь у озера газель пусть найдет себе приют,

Плющ и дикий виноград рамы окон обовьют. . .
Здесьних девушек красу пусть ашуги воспоют,
По соседям вновь и вновь повторяют свой дастан!

Те да здравствуют навек, чей великий вижу труд, —
То, что создал я в мечте, люди въяве создают!»

28 декабря 1942

80. ГЫЗХАНЫМ

Теребя черный головной платок, она вышла вперед.

— Вношу на танковую колонну две тысячи рублей! — сказала она, но вдруг смутилась, застенчивая молодая крестьянка, и опустила глаза, окаймленные длинными изогнутыми ресницами.

Я узнал от соседа, что она из колхоза «Коминтерн», селения Дашсалахлы, Казахского района, и что ее муж на фронте.

Гызханым очень молода. Содержит семью с того дня, как муж ушел воевать за родину. Она щедра и великодушна. Эта щедрость свойственна нашей колхозной молодежи. Я долго думал об этом и радовался, что молодежь наша унаследовала лучшие, благороднейшие черты предков. Щедрость была свойственна азербайджанскому крестьянству и тогда, когда жизнь его была тяжела.

Счастлив народ, сумевший передать в наследство молодежи все лучшее, что у него есть. Он приобретает, не теряя. Сокровища его души растут. Народ, умеющий любить, побеждает.

Я сказал ей:

— Сестра моя, Гызханым! Я напишу в вашу честь стихотворение.

— Спасибо, если напишете! Спасибо, если не напишете! — проговорила она так же застенчиво.

Может быть, она прочтет в газете мои строки, посвященные ей! . .

Пусть она пошлет их, вложив в письмо, своему мужу!

Такие брови, как поэтам надо,
Чтоб воспевать кавказскую красу! . .

Не этому сегодня сердце радо,
И не за это в песнях вознесу...
Она молчит... Не в легком слове сила.
Рот приоткрыт: смущается она,
Вдохнула воздух — выдохнуть забыла,
И грудь невысказанных слов полна!..
В тоске о друге до зари не спится
Ей, как другим... Но только рассвело,
Когда еще спросонья спорят птицы,
Уже умыто ясное чело.
Она выходит на работу... Тише!
Не вмешивайся, друг, не прекословь.
Взглянула в дали, за холмы, за крыши:
Летит, как сокол спущенный, любовь!
Она как будто сокола спускает
И направляет сокола полет, —
Ее посланник друга приласкает
И вражеское сердце прокляует!
О нет, мой друг, не может жить в неволе
Моя благословенная страна,
Где для свободной и счастливой доли
Дочь гордого народа рождена!
Не знающей уныния и лени,
Ей сделаться начертано в веках
Праматерью великих поколений,
Грядущая судьба в ее руках.
Сама она не ведает об этом,
Приснилось бы — не верила бы сну.
Лишь песня, посвященная поэтом,
Пророчит ей бессмертную весну!
Но не было еще такого мига,
Чтоб замечталась понапрасну та,
Чей разум — ненаписанная книга,
Чья молодость, как летний день, проста.
Хлеба в полях, ей кланяясь, кланутся
Дать урожай... Она войдет ли в сад —
Румянцем счастья персики зальются,
Плоды граната доспевать спешат!
Ее, простую, степи полюбили.
Но, вечной силой для трудов полна,
Что «вдохновенье» имя этой силе,
Спокойная, не ведает она!

Когда грустит, садясь за ужин скромный
В родимом доме, полном тишины,
Ей смутно слышен океан огромный,
Кровавый, грозный океан войны. . .
Там — друг ее, там — бой сегодня жаркий. . .
Но верит в счастье верная душа.
Шлет женщина поклоны и подарки,
Далекого порадовать спеша.
Упрямо пересиливая горе,
В ней светлое предчувствие живет:
Недолго пировать шакальей своре, —
Год львиной славы — сорок третий год!
О да, мой друг, должна цвести на воле
Моя страна среди свободных стран,
Где с Гызханым зарею выйдет в поле,
Вернувшись победителем, Аслан!

2 января 1943

81. ПРИВЕТ, МОЙ ДРУГ!

Посвящаю другу Мустафе Топчибашеву

Жизнь — как шербет: чем дольше, друг, живешь,
Тем больше нам на свете жить охота!
И каждый день с утра на храм похож,
Где вечный свод — лазурь и позолота.
Всех, всех привычек слаще и сильнее
Привычка жить! Но свойство жизни странно:
Пусть человек успел привыкнуть к ней —
Она ему, как в первый день, желанна.
Во славу жизни человек-творец
Трудиться хочет без конца, без меры!
Но вдруг в мозгу проходит звон: «Конец!» —
И льется в очи сумрак черно-серый.
Так, не успев порою расцвести,
Незримые таланты гибнут часто.
Живое сердце просит: «Отпусти!»
Но смерть смеется: «Я права — и баста!»
Мздоимец беспощадный и скупой,
Смерть требует с лихвой за жизнь расплаты. . .

Так вечный спор ведут между собой
Ночной урод и гений дня крылатый.
И в нынешние грозные года
Противостало войску смерти черной
Святое войско жизни и труда
В борьбе кровопролитной и упорной.
Мы победим! И ты, мой славный друг,
Ты тоже воин армии священной!
Во власти этих добрых, мудрых рук
Родник народной крови драгоценной!
Любовь и нежность к жизни и к живым
Тебе когда-то в песнях мать внушила, —
Так наш народ, историей храним,
Давно постиг: бессмертна жизни сила!
И, чистому дыханью жизни рад,
Ты знаешь правду об ее законах;
Твой светлый лоб и твой открытый взгляд —
Наследство предков, жизнью умудренных.
И трезвую науку новых лет
Соединив с любовью изначальной,
Ты вносишь мир в обитель мук и бед —
Под свод больницы — светлый, но печальный.
И родине и матери своей
Ты верен, друг, и побеждаешь этим!
Ты радуешь безвестных матерей,
Жизнь возвращая их любимым детям.
Кто сердцем слышал твой призыв: «Живи!» —
Тот хочет жить. Ты ободряешь взглядом
И девушку, не знавшую любви,
И воина, что спал со смертью рядом.
Твой нож хирурга в любящей руке
Не ранит, брат, а заживляет раны.
Опять с врагами бьются вдалеке
Спасенные тобою пехлеваны.
Мать-родину ты радуешь свою,
Ей витязей отважных возвращая,
Горда сегодня, что они в строю,
Страна огней — отчизна дорогая!
Народ живет, предания храня,
Он всё запомнит — подвиги и муки...
Но встанет вновь из крови и огня
Высокий и прозрачный мир науки.

Там только тот останется живым,
Кто в бой открытый против смерти вышел. . .
Азербайджану мы принадлежим!
Чем круче путь, тем слава будет выше.
Мыслителей, певцов, богатырей
Рождал народ. Но, чем в преданьях краше
Седая древность родины моей,
Тем больше спросят с нас потомки наши.
Придет пора!
На празднествах наук
Меж первыми ты будешь — не иначе!
Мир — вечное ристалище, мой друг,
Да не споткнется конь твоей удачи!
Всё, всё течет. . . Умчатся вдаль года,
Кровавый след с лица земли смывая. . .
Верь одному: останутся всегда
Творящий разум и любовь живая!

(28 февраля) 1943

82. МНЕ РАССКАЗАЛИ. . .

Мне рассказали об одном
Безвестном друге, но родном.
Я прежде знать его не знал
И не заботился о нем. . .
Рассказ казался прост и мал,
Но с каждой ночью, с каждым днем
Всё глубже в душу западал. . .

Сказали:

«Наш аскер один,
Родной земли родимый сын,
Отважный, из числа бойцов,
Не посрамивших край отцов,
Недавно умирал от ран. . .
Вдруг он воскликнул: «Врач! Аман!
Останови свой нож на миг! . .
Я смело смерть встречать привык!
Я знаю — мне спасенья нет,
Но, покидая белый свет,

Хочу исполнить — разреши —
Одно желание души!
Мне перед смертью не мешай
Прославить мой родимый край,
Окликнуть жизнь издалека
Стихом поэта-земляка! . .
„Можно ль душу из сердца украсть?

Никогда!

Ты — дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!“»
И смерти медленный туман
Покрыл сиянье черных глаз. . .»
Аман! Останови рассказ!
Летит, как птица, злая весть,
Чтоб тяжело на сердце осесть,
Гнездо незыблемое свить
И память песнями язвить. . .
Я был певцом счастливых дней,
Сын гордой родины моей,
Я пел: «Ты мне навеки дан,
Азербайджан, Азербайджан!»
Я окликал издалека
Аскера, брата, земляка!
Недели, месяцы прошли,
Но душу, душу мне прожгли
Рассказа тихого слова.
Мечта тревожная жива. . .
Куда я взор ни устремлю,
На землю, в небо ль устремлю,
Дневную иль ночной порой,
Храбрец безвестный предо мной.
Не отдален и не забыт,
Он зорко мне в глаза глядит,
Не отрываясь ни на миг, —
Он взглядом в грудь мою проник!
Со мной бок о бок он идет,
Чего-то требует и ждет. . .

Мой друг дорогой! Пусть земля и народ,
Пространство и время, веков бытие
Услышат, как в песню мой вздох перейдет, —

Пусть клятвою будет дыханье мое!
Любовь с человеком содружна навек:
Вдвоем родились — от начала начал...
На миг прекратилось движение рек,
Когда, умирая, ты родину звал!
В любви ты сгорел, нашу верность храня, —
Я вижу, ты вышел живым из огня!

Я вижу твою потемневшую грудь
И добрые, чистые вижу черты...
И если бы звезды твой метили путь
И карту чертили, как движешься ты!
Но звезды, о нашей земле не скорбя,
Не впишут в пространство, как звали тебя...
Земля одинока, и только на ней
Звучит человечья горячая речь!
Мы память любимых земли сыновей
Должны, как венец нашей славы, беречь.

Мой друг! На зеленой гористой тропе,
На пыльных дорожках меж ровных полей,
Твой след угадав, я грущу по тебе...
И всё ты становишься ближе, милей...
Красавицу вижу... Не ты ль ее друг?
Старуху встречаю — не мать ли твоя?
Глядит с безнадежной надеждой вокруг,
Печалась, но гордо печаль затая...
Заря улыбнется — она говорит...
К ней, будто невеста, опять и опять
Надежда-волшебница с лаской спешит,
Чтоб ярче дорогу во тьме озарять,
Чтоб мать не упала на скользкий гранит...

Сегодня я руку аскеру пожал, —
Он с фронта вернулся... Остались вдвоем.
Я жадно о славе твоей вопрошал.
И видел: о мужестве помнят твоим.
Иду вечерами домой не спеша, —
Ты снова со мной на дороге моей...
Я сына целую — открыта душа, —
Мне в душу глядишь ты из детских очей!
И годы пройдут, и вернется покой,

И счастье вкусит мой родимый народ,
И встретятся добрые люди с тобой
И скажут, как я говорю: «Он живет!»

Грядущее вижу почти наяву,
Там памятник передо мною предстал:
И вижу высокий фонтан и траву,
Цветами украшенный пьедестал. . .
Был он простой безымённый герой,
Недолго он прожил кровавой порой, —
Теперь он пространством и временем стал. . .

Хвала тебе! Твердой и верной рукой
Ты славу добыл для народной семьи.

На мраморе — надпись строка за строкой. . .
Чьи строки? Твои, безымённый, твои!
«Можно ль душу из сердца украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты мой хлеб и вода!
Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!»

26 мая 1943

83. ЗНАМЕНОСЕЦ

*Посвящается Гусейну Аждарову —
верному сыну Родины, который первым
водрузил знамя в освобожденном
городе Орле*

Когда не пламя в очагах трещало,
А сами очаги пылали ало,
И мир покрыли пепел и зола,
И пролитая кровь во тьме пылала,
К святому отомщению звала,
Когда слова казались слабы, ложны,
Клинки, казалось, не вмещались в ножны.
Мы дали клятву. . . Позднею весной
В глубоком горе, в муке невозможной
Клялись красой и радостью земной!

Мы поклялись зелеными лугами,
Снегами гор и предков очагами,

Цветеньем трав и пеньем пенных вод,
И в путь мы вышли твердыми шагами
И слышали, как родина зовет.
Земля очнулась, кровью залитая,
Земля сказала: «Нет, не сирота я,
Хозяин у меня, защитник есть».
И нас благословляла, оживая,
На ратный труд, на праведную месть.
И наши реки в радостной тревоге
Шумели, всадникам целуя ноги.
И в сердце отдавались всякий раз
Подземные удары, и в дороге
Не смерть, а жизнь сопровождала нас!
В тот день и ты забыл о милом детстве,
Вдруг возмужал среди народных бедствий,
И эхо повторило голос твой,
Когда ты произнес с другими вместе
Слова присяги твердой и простой.
В кровавый год, весенним утром рано
Ты уходил безвестною тропой,
Во всех боях ты, сын Азербайджана,
Хранил святую честь земли родной...

И скрыл туман ночные переходы.
И месяцы уже сложились в годы,
И потерял я твой случайный след...
И вдруг вдали яснее образ гордый
В дыму боев, в сиянии побед...
Да, это ты! Ты мне предстал воочью
Густой, глубокой августовской ночью...
Гул наступленья... В шрамах грудь земли...
На стан врагов, на эту свору волчью
Лавиною войска Советов шли...
Земля в огне стояла — не лежала,
Разбитая орда врагов бежала,
И визг металла взрывы заглушал,
И тяжело, хрипло грудь земли дышала,
И тяжело небосвод седой дышал...

Еще в ту ночь томился в клетке тесной
Старик Орел. В своей тюрьме железной

Он погибал, унижен, одинок.
Земля в огне вздымалась и дрожала,
И тяжело, хрипло грудь земли дышала,
И тяжело небосвод седой дышал. . .
Такого не бывает в море шквала,
Какой метался в этом небе шквал!
Эх, немец, немец! Черный, обреченный,
Как цепкий паразит слепорожденный,
Ты над смертельной пропастью повис. . .
Взлетает кверху только окрыленный,
Бескрылого судьба — паденье вниз.

Палач, палач! . . Беда — его подруга,
И смерть ему прикрутит руки туго;
Лицом он сер, как долгая зима,
Не выйдет он из рокового круга:
Он — жизни враг, жизнь — враг ему сама!
А бой кипит. . . Тяжелых бомб разрывы,
Вой мелких мин мучительно-тоскливый,
Гигантских танков тяжкие скачки,
Коней железных огненные гривы,
Пылающие брызги и клочки. . .
И многие легли на поле чести;
Вкусившие блаженство правой мести
Навечно спят. . . И раненые есть,
Но, боль преодолев, с друзьями вместе
Опять кричат: «За родину, за честь!»
Один погиб от первой пули. Рядом
Другой еще обводит небо взглядом.
А третий ранен, оттирает кровь, —
Четырежды сражался с целым адом,
И в пятый раз к атаке он готов!
«Не бойся за меня! — кричит кому-то. —
Когда остановлюсь хоть на минуту,
Враг, торжествуя, широко шагнет. . .
Не упаду! Врагу придется круто!
Вперед за мною, соколы, вперед! . . .»
. . . И враг бежит. Враг убежит едва ли,
Пред ним закрыты утренние дали.
Постой, палач! Таким спасенья нет.
Здесь даже камни мстителями стали,
Обидчикам земля стреляет вслед!

Мечь матерей, всё в жизни потерявших,
И мечь младенцев, жизни не узнавших,
Горою огнедышащей встает!
Пусть враг сгорит. Казня детей рыдавших,
Он был холодным, как змея, как лед! ..
Поджег дома немецкий варвар низкий.
Как скорпионы или василиски,
То ползали, то прыгали враги,
Предчувствуя, что дни расплаты близки,
И оскверняя наши очаги.
В пожарах гибнут памятники славы,
И тонут города в грязи кровавой,
И желтым дымом даль заволоклась.
Здесь улицы текут, как реки лавы,
Темно-красным пламенем клубясь...
Скорей на помощь старикам и детям!
Скорей, скорей к родным селеньям этим.
К пылающему городу скорей!
Сейчас детей мы на руинах встретим,
Измученных утешим матерей!

Уже как вихрь боец к Орлу стремится,
И рвется ввысь плененный город-птица,
Предчувствуя, что близятся орлы...
И рушится железная темница...
Жизнь вырвалась из пламени и мглы!
О вздох людей, так терпеливо ждавших,
Освобожденных, из могилы вставших,
Кого ни голод не сломил, ни страх!
Румянец счастья на щеках запавших,
Улыбки на запекшихся устах.
Стоят войска... Родной народ толпится...
В истории навеки да святится
Сынов России праведная кровь!
Освещены туманным солнцем лица,
На лицах ярко светится любовь...
Смуглей других меж русыми друзьями,
Черноволосый, с черными глазами,
Вперед танкист выходит молодой,
Чтоб водрузить святое наше знамя
Своей испытанной в боях рукой.
Ты! .. Это ты! .. Прохладным утром рано

Ты выплыл из кровавого тумана.
Всем близок ты, всем дорог ты до слез.
Ты в русский город честь Азербайджана
Как братский дар, сын родины, принес!
С младенчества в горах родного края,
Под скалами орлиными играя,
Ты слушать сказки об орлах привык. . .
И старая мечта, мечта простая,
Людских сердец коснулась в этот миг.
О если есть ребенок молчаливый
Среди толпы, притихшей и счастливой,
Пусть правнукам расскажет сказку он:
«Орел не птица — город горделивый,
Людьми-орлами был освобожден! . . .»

1 сентября 1943

84. ГОЛУБЬ

Украинская осень, ты темна. . .
Дождь моросит всё холодней и чаще.
Рябит глаза сырая желтизна
Опавших листьев, у корней шуршащих.

Морщинистую почву оголя,
Взметнулся, словно сабля, острый ветер.
Земля скорбит. Черным-черна земля.
И нет ни одного цветка на свете.

И мертвый город мокнет под дождем,
И облака плывут над ним сутулясь.
И, путаясь в развалинах, с трудом
Проходит тень их вдоль пустынных улиц.

Мне кажется, что вся земля глуха:
Нет даже травки в вырубленном парке,
Ни голоса, ни пенья петуха,
Ни очага, пылающего жарко.

И эта темнота, что, как свинец,
Вдвойне страшнее грохота обвала, —

Как будто в мире нет людских сердец,
Как будто жизни здесь и не бывало.

Свистит снаряд — и вздрагиваю я
От яростного грохота и воя, —
Разящей стали острая струя
Сверкает над моею головою.

То в книге бедствий пламя и металл
Выводят строки каждую минуту,
И небосвод измученный устал,
Дымящимися тучами окутан.

*

Безмолвие. . . Одни провалы крыш
И черных балок сломанные ребра.
О город мой, в какой великой скорби
Ты с дружественным сердцем говоришь!

Как никогда, печален облик твой.
Услышишь ли ты голос мой живой?
Мне сквозь молчанье кажется: навзрыд
Ты плачешь от мучений и обид.

Мое богатство солнечное, где ты?
Земля моя в крови. Огонь и прах.
Темно в глазах. Черны домов скелеты.
И только пыль седеет на стенах.

*

Вот дом полуразрушенный. К нему
Я подхожу и двери открываю.
Горячий пепел в сумрачном дыму
Еще дымится, к мщению взывая.

В обломках двор. Всё обгорело здесь,
И деревцо — в ветвях худых и голых.
И — чудо! — пылью запырошен весь,
Сидит на ветке одинокий голубь.

О голубь! птица мира, ты в тоске,
Ты пролетел сквозь черный вихрь и ливень.

Ты Расскажи на птичьем языке,
Зачем ты шею выгнул сиротливо?

Скажи мне, голубь, где она теперь,
Та, что, встречая утренние блики,
Шла на крыльцо, распахивая дверь,
В запутанной и влажной повилিকে?

Вот здесь она платок вязала свой —
Сверканье спиц отсчитывало миги, —
И здесь, в слезах и в радости живой,
Она склонялась над раскрытой книгой.

И был платок узорчатый к лицу. . .
Так где ж она, о ком горюешь, птица?
Как случилось, что высокому крыльцу
Пришлось в холодный пепел обратиться?

Ей больше не прийти сюда назад,
Ей больше не увидеть этот сад,
И не ходить ей по тропинке здешней,
Не увидеть ей этот полдень вешний,
Рука не тронет спелые черешни,
И девичий не озарится взгляд. . .

Ее, как лепесток, грозой сорвало,
Ее во тьму глухую унесло.
Неотвратим огонь, и время зло,
И стынет мрак, где буря бушевала.

Не плачь, мой голубь! Как нам быть с тобой,
Как заpastись нам силою большою,
Чтоб слиться с каждой горестной судьбой
И с каждой опечаленной душою?!

Как верить, что не выйдет поутру
Та девушка в своем платке узорном,
И не пройдет по тихому двору,
И другу своему не бросит зерна?!

И голубь вдруг заговорил со мной:
«Ты знаешь ли, как жжет огонь разлуки!

Там, у камней, под рухнувшей стеной,
Она лежит, легко раскинув руки.

Она лежит, повита темнотою,
И кровь ее в земную глубь струится.
Смешался пепел сердца с пеплом той
Последней, недочитанной страницы.

Погибла та, что, как цветок, росла. . .»
Я голубю в ответ: «Не надо плакать!
Вокруг тебя руинам нет числа,
Немало бед увидел ты во мраке,

Немало чистой крови пролито,
И кто ушел — тому не возвратиться.
Но жив народ. И новое гнездо
Ты свить себе должна, родная птица!

Есть сила, не подвластная мечу, —
Любовь живых! И в скорби не перечь ей,
Мой голубь! Птица мира! Я хочу,
Чтоб ты внимала речи человечесьей:
Настанет день — великий день, когда
Придет черед для нашего суда.

В тот день предстанет мир в иной красе,
Он никого в надеждах не обманет!
Все заживо зарытые и все
Безвременно погибшие — восстанут!
Восстанут все убитые во мгле.
«Отмщенье!» — закричат они земле.

В тот день убийцу захлестнет петля.
И больше не бывать кровавой буре.
Слезами вся омытая земля
Увидит солнце в радостной лазури!

И будут зло и мрак погребены,
Земля отбросит черные одежды
Во имя человеческой весны,
Во имя человеческой надежды.

Отчизне справедливости — почет!
Опять цвести твоей бескрайней шири,
К тебе всё человечество придет
На светлый праздник разума и мира!

Ты будешь петь, свободою дыша,
Мой голубь! Ты увидишь, как живая
Воспрянет снова девичья душа,
Забвение и мрак одолевая.

И на рассвете, раннею весной
Она, летя над плодородной нивой,
Увидит этот мир — совсем иной,
Неопалимый, мирный и счастливый.

И, увидав иные времена,
Грядущий мир в бессмертном озаренье,
Забыв печали, вся в цветах, она
Ему пошлет благословенье. . .»

13 ноября 1943

85. СЕРДЦЕ

1

Как добрый друг, что не сумел стерпеться,
С обидой, нараставшей каждый миг,
Не выдержало этой ночью сердце,
И мне сказала сердце напрямик:

«Уж двадцать лет, как ты слывешь поэтом,
И небом вдохновляясь, и землей,
Пленяешься и ранним первоцветом,
И молнией — плясуньей грозовой.

Ты воспевашь красоту природы
И человека, что светло живет,
Хрустально-целомудренные воды
И чувства, что прозрачней этих вод.

И озаряли стих, и омрачали
Воспоминанья многотрудных дней,
Насущные заботы, и печали,
И верность, и достоинство людей.

Из прошлых лет, из сумрачных трагедий
Ты устремлялся в даль грядущих лет,
Ты шел с мечтою об одной победе
Сквозь множество больших и малых бед.

Но мой поэт! Скажи-ка мне по чести,
Неблагодарный, не забыл ли ты
О друге, что всегда с тобою вместе
В твои труды вникает и мечты.

Ни днем ни ночью, ни зимой ни летом
Неведом другу этому покой,
И разве не из-за него поэтом
Ты, собственно, и стал, мой дорогой?

И алой кровью, золотою кровью
Он всё твое питает существо,
Весь век с тобой, как с первой любовью,
И ты не рано ль позабыл его?

Находишь имена всему на свете
И в замыслах, как встарь, неутомим,
Стихотворенья для тебя, как дети, —
Одно назвал бы именем моим!

Я первый друг твой с самого начала,
Я верный друг до самого конца,
Иль для тебя я сделало так мало,
Что и сказать не стоит ни словца! . . .»

Договорило сердце еле-еле,
И я, его представив, увидал
Лицо с глазами, что отяжелели,
Луну, что в тучах светится едва.

И плохо стало мне. И заломило
В висках, как будто обруч их сковал,

И, боль преодолая, через силу,
Стараясь не осечься, я сказал:

«Дружище-сердце! Это — суд жестокий
И, мне поверь, несправедливый суд.
Когда б твои услышала упреки
Гора, и та не выстояла б тут.

Забуть тебя? Да так ли это просто?!
Такие не изгладятся следы.
С тобой перемогали мы сиротство
Порой и без еды и без воды.

Терпели холод и нужду терпели,
И степь и горы исходив пешком,
Под саз печали песни горя пели,
Но не склонялись перед чужаком.

А наступило время — оседлали
Лихого, с красной искрою коня,
И первыми на дальнем перевале
Встречали утро памятного дня.

Я бережно пронес тебя сквозь годы
И если буря била не щадя,
Оберегал тебя от непогоды
И обнимал, как первое дитя.

Я без тебя.— ни в хижину, ни в терем,
Случись какой совет иль пир какой.
Что написал я без тебя, проверим, —
Не ты ль стоишь над каждою строкой?

И разве я похож на отщепенца,
Чтоб отречься от твоих щедрот?
Кто вздумает творить и жить без сердца, —
Такой урод без родины умрет.

Ты осеняешь славою своею
Всех, кто стремится к правде и добру,
И в честь тебя сложить бы эпопею,
Да не такому, как мое, перу.

Но если ты свою диктуешь волю,
Без оговорок повинуюсь ей.
Я мудрости седой не прекословлю;
Без сердца человек — мешок костей.

2

Ты — только мышц клубок да мяса клок,
Но в том природы истинное диво,
Что без тебя никто бы жить не мог —
Так ты всеильно, так жизнелюбиво.

Наслышан свет о щедрости твоей,
Об изобилье чувств прямых и добрых,
Ты — колыбель возвышенных страстей,
Неукротимых, молниеподобных.

Не близнецы — печаль и торжество,
Но оба в равной мере твои дети,
И знает человек, что у него
Ты самый близкий из друзей на свете.

Ты летопись живая, для людей
Копящая рассветы и закаты
И дней минувших, и грядущих дней,
И скорбные, и радостные даты.

Твое гнездо во мраке — ну, так что ж,
Когда ни в чем не отстаешь от солнца!
Пусть на твоём пути преграды сплошь,
Ты — словно конь, что напролом несется.

Ущелье — прочь! Утес нависший — прочь!
Лед не сковал, метель не закрутила.
Ты растопило сумрачную ночь
И в солнечное утро превратило.

Не поглотил овраг, что был глубок,
И не свалила с ног тебя засека.
Не просто мышц клубок да мяса клок,
Ты — воплощенье сути человека.

Ты — целый мир, невидимый в тиши,
Сосуд, что тоньше всех и филигранней.
В тебе — слиянье тела и души,
Бесценный сплав желаний и деяний.

Как птица семендар, и ты в огне,
Когда обступит человека горе.
Когда земля — как лодка на волне,
Тогда и ты волнуешься, как море.

Когда изменит женщина иль друг,
Отходишь долго ты от потрясений,
Ударит ветер времени — и вдруг
Ты пожелтеешь, будто лист осенний.

Пушкой не смеют трогать струн твоих
Все те, кому неведома сердечность.
Ты — средоточье помыслов больших,
Твой каждый миг похож на бесконечность.

Нам маяком надежным служишь ты,
В житейских бурях устали не зная,
И светишь, словно солнце, с высоты,
Людей к высотам бóльшим призывая.

Есть птицы — в клетках ноют нараспев,
Ты реешь всюду, ты — иная птица.
Великая любовь, великий гнев
И мощь в тебе великая таится».

3

Какая жалость, что и в чистом сердце
Гнездиться может злоба иногда.
И змеи, эти скользкие пришельцы,
Друг друга выживают из гнезда.

Вползет в обличье ангелоподобном
Вражда, и зависть с нею заодно,
И завладеют сердцем слишком добрым,
И медленно изводится оно.

Как плавится свеча, мерцая тускло,
Так тает сердце от неясных дум,
Гнетут годами тягостные чувства,
И вешний ветер горше, чем самум.

Мы сами сердца иногда не ценим,
Решив, что писан не для нас режим,
И тянемся к бокалам с нетерпеньем,
Пристрастью сердцем жертвуя, грешим...

Без сна вся ночь. Бутылок батарея.
И сердце увядает, как цветок,
Как птица в клетке, мечется, слабея,
И так жесток забвения итог!

Жизнь без того короткую мы сами
Укоротить стремимся, как назло.
Пьем по ночам с заздравными речами,
А по утрам болеем тяжело.

А иногда от малости случайной
Обида разрастается в душе,
И бродишь, одинокий и печальный,
Ни в чем не видя радости уже.

Пусть, как родник, пребудет сердце чистым.
Ты, человек, его не будоражь!
Очнись, не увлекайся винопийством,
Иль жизнь твоя растет, как мираж.

Источник жизни славится веками,
Цени же сердце собственное ты,
Ведь сердце — не железо и не камень,
Есть у него желанья и мечты.

С годами тяга к жизни всё острее,
Несбывшихся желаний страшен выюк.
Пусть сердце раньше срока не стареет,
Не знает преждевременных разлук!

От сердца и о сердце строки эти,
Меня услышьте, отчие края:

От сердца всё питается на свете, —
Пословицы верней не знаю я.

Огонь, зажженный в доме не от сердца,
Не станет благодатным очагом,
Не превратятся в сад густой деревца,
Что равнодушно сáдятся кругом.

Доверься смело собственному сердцу,
И взгляд, как мост, в столетья перебрось.
Когда и что холодному умельцу
Оставить для потомков удалось?

На гребень века только крылья сердца
Возносят человека в наши дни.
Пред сердцем — полновластней нет владельца —
Сокровищницы настезь распахни.

А вы, дельцы, торгующие сердцем,
Чтоб из расчета выгадать почет,
Любой из вас предстанет погорельцем,
Когда народ возьмет и пропечет.

4

Друзья! Давайте так стучаться в двери,
Чтоб от души к душе дорога шла.
Останутся народу без потери
Одна любовь да добрые дела.

Давайте речи долгие забудем,
Научимся выслушивать сердца.
Делами люди помогают людям —
Нам это надо помнить до конца.

Войдем в дома к собратьям и соседям,
Любой очаг с любовью навестим,
Любое сердце доброе приветим,
У всех сограждан наших погостим.

Тогда, ответной ласкою согреты,
Услышим мы сердечные слова,

У стариков найдутся самоцветы,
В которых мудрость вечная жива —
Простые, человеческие слова.

Поэту — без народа не годится!
Малец, игрою увлечен подчас,
Бесструнной деревяшкой гордится,
Воображая, будто это саз.
Так и у нас случается подчас.

За книжкою порой печется книжка,
Но автор, хоть давно уже не юн,
По сути вовсе не приготошишка,
А с той же деревяшкой без струн —
Мальчишка, хоть давно уже не юн. . .

Устал я, сердце. И рассвет забрезжил.
Возьми и эту рукопись проверь.
Меня неблагодарным и небрежным,
Как прежде, назовешь ли и теперь?

Заря цвела во всем великолепьи,
И я светлел, и шел в объятья дня,
В любимые мои джейраньи степи,
Что и в стихах, и в сердце у меня.

Какое счастье, что и я — частица
Земли и взгорий, неба и степей,
Какое это счастье — сердцем слиться
С великим сердцем родины своей!

20 декабря 1943

86. СЛОВО О ГРЯДУЩЕМ

О Красной Армии бойцы! Вы — сила света и добра.
Жизнь будет жить, а смерть умрет. . . Придет весенняя
пора.

Стократ пышнее расцветет всё пережившая страна,
Желаний добрых и простых взойдут живые семена!
Опять научатся живой, чуть слышной музыкой звучать
Сердца, где выжжена была печали черная печать.

Сотрется злого зверя след — след поступи его кривой,
И шрамы на груди земли весенней зарастут травой,
И новой нежностью души, первоначалом новых лет
На хмурых лицах заблестит улыбки медленный рассвет...
Птенцы, которых ураган закинул в дальние места,
Домой вернуться, обретут тепло родимого гнезда.
Войдя в уютное жилье, боец обойму разрядит,
Жену обнимет горячо, как прежде, лампу засветит...
И снова встретятся друзья, и песня песню поведет,
И снова юность на земле узнает, как любовь цветет...
О, жгучи слезы матерей, страшны сиротские пути,
Но всё же многим суждено детей потерянных найти!
То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
По Украине вновь пойдет волшебной славы бандурист,
В долинах Крыма виноград, как солнце, станет

золотист... .

Почти прозрачные плоды, медовым соком налиты,
Оттянут ветви до земли в краю цветущей полноты.
Набухнет вымя у коров... Затянет песенку свирель,
Старик садовник до зари покинет теплую постель...
И смех вечерний зазвучит в садах приморских городов,
Украсят бархатную ночь огни янтарные портов;
Над пеньем пенящихся рек опять протянутся мосты,
Опять пойдет круговорот полетов, плаванья, езды,
И горы двинутся опять, гуденьем радости полны:
Заставят землю заплясать машины мира — не войны!
То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
Земля, что враг хотел убить и превратить в глухой

погост,

Поднимет гордый кипарис и стройный тополь выше звезд!
И вспомнят грозные моря о доле истинной своей:
Лазурной лаской исцелять и блеском радовать людей!
Грузинка на заре споет о счастье жизни молодой,
Кубань расстелет, разольет моря пшеницы золотой,
А вдалеке степной старик с лукавой мудростью

в глазах

Накосит тысячи стогов — колхозник Азии, казах!..
То будет новый, добрый день, одетый в новое народ,
То будет мир, где больше нет голодных, слабых

и сирот,

То будет новая весна, совсем особая весна,
Невиданная красота, неслыханная новизна!
Там, где пожарища теперь, там снова зодчие-творцы
Подымут белые как снег, великолепные дворцы. . .
Приди, строитель, начинай! Живой узор восстанови!
Здесь даже камень камню брат, здесь даже камень —
друг любви!

Десятилетия пройдут. . . И будет в мире всем дано
Не отрываясь пить и пить свободы чистое вино!
О счастье жить и счастье знать напишут сотни тысяч

книг.

Тем будет счастлив человек, что небо разумом постиг!
От века чистая душа стремилась к солнцу, к солнцу шла.
И сила солнца победит убийственную силу зла.
В едином храме красоты на празднике сойдутся все.
От звука кеманчи одной, вздыхая, улыбнутся все!
Со всеми будет жизнь щедра, для всех окажется родной,
И все поймут закон добра, природой вскормлены одной.
Былой забудется разлад в сердцах и помыслах людей,
И станет другом человек свободной совести своей!
И преждевременную смерть, как нищенку, отгонит прочь
От охраняемых дверей, от окон освещенных — в ночь! . .
В музеях пики и штыки задремлют, крови не ища,
И башни танковой модель, и первобытная праща. . .
Когда-то верил наш народ и песня шла в уста из уст,
Что под землей и в небесах есть Ахриман и есть Ормузд.
Бог зла был черный Ахриман, Ормузд — весенний бог
добра.

Та сказка кончилась давно, та вера детская стара. . .
Но в мире есть добро и зло! И смысл разумному открыт,
Что будет смерть побеждена, а солнце жизни победит!
Не на таинственном коне, не в ткань волшебную одет, —
В иных доспехах человек направится в межзвездный планет!
И будет путник-астроном, плененный дальнею звездой,
Внимать гармонии миров безмерно сложной, но
простой! . .

О сила солнца и добра! О Красной Армии бойцы!
Вы океана жизни соль, прославленные храбрецы!
Вперед, наследники веков, надежда будущих времен!
Свобода — родины призыв. Победа — родины закон.
Враг похвалялся и бряцал, — ничто ничтожных не спасло.

О сила правды и добра! Уничтожай творящих зло!
И всеобъемлющ будет мир. . . В сокровищницу книг
Сказанья многих тысяч лет. . . Наш пламенный Деде ^{войдут}
Вновь оживет! Прославит он Страну огней — Коркуд
Азербайджан,
Для новых правнуков создаст о нашем времени дастан. . .

1943

87. ЧЕТЫРЕ СЛОВА

Полнозвучное чудо — людская речь,
Половодьем шумит она сквозь века,
Может горы сдвигать, может сердце жечь,
Быть нежнее цветка и острее клинка.

Путь от сердца до неба привычно прост,
Вновь мечта в облаках мне гнездо совет,
Сколько блеска в бесценной россыпи звезд,
И у каждой свой ответ и свой полет.

Нет, не звездным сиянием я объят,
Но звучаньем горячей речи людской.
Есть такие слова, что звездой горят,
Излучая смятение и покой.

Есть в божественной речи слово *любовь*,
Непорочнее горного родника.
Это слово рождается вновь и вновь,
Каждый миг возникая на все века!

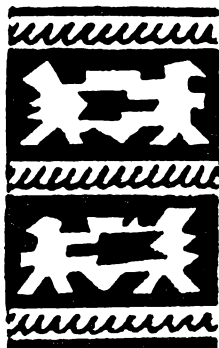
Только лишь улыбнется любовь-весна —
И желанья крепнут, силы растут,
На геройство тебя вдохновит она
И на медленный, на каждодневный труд.

Ни сомнений, ни зависти, ни тоски
Не изведает любящий человек,
И года, и невзгоды ему легки,
Если сердцу он верен навек, навек.

САМЕД, ВУРГУН

Сегодня
и завтра

ОГИЗ ● Гослитиздат ● 1944

На могучих крылах, что нежны, как шелк,
Любовь поднимает над временем нас,
Чтобы голос ее соловьев не умолк,
Чтобы в розах ее огонь не угас.

Любовь — человек. Это высший закон,
Которому радостно верят сердца,
И может быть мир до конца озарен
Лишь словом, рождающимся без конца.

С ним слово другое мы в сердце родним,
Нам *счастье* звучит, словно смех молодой,
Идут поколенья за ним лишь, за ним —
За вечной своей путеводной звездой.

Пространство и время сливаются в нем,
Оно не имеет ни мер, ни границ.
Мы утром для нового счастья встаем,
Разбужены солнцем и пением птиц.

Нас каждое утро всё громче зовет,
И близкое счастье всё дальше манит,
И сердце торопит вперед и вперед...
Не я говорю это — жизнь говорит.

И ты, слово *родина*, в душу вошло.
Как ты хороша, ненаглядная мать!
Нам только с тобою тепло и светло;
Тебя потерять — как себя потерять.

Дыханье твое — вдохновенье труда,
О родина счастья, любви и весны!
Во имя твое и во славу всегда
Со славой великою жить мы должны.

Со славою павших в бою сыновей
Ты к сердцу прижмешь, поцелуешь в уста...
Горды твои дети любовью твоей,
И в битве жестокой душа их чиста.

Ты совестью неомраченной сильна,
Великий, единственный наш судия!

Живет приговор твой на все времена, —
Божественно мудрая воля твоя.

А слово *победа* — основа основ!
Нам знамя ее — как поутру заря.
От подвигов неустрашимых сынов
Кровь родины крепнет, всё жарче горя.

Живет семендар в смертоносном огне,
И только в огне ей привольно дышать...
Есть в Азербайджане, в горячей стране,
Легенда, гласящая: жить — побеждать!

Кто лишь для победы родился и жил,
Всегда будет счастлив и всеми любим.
Покорность, безмолвие — участь могил,
Идет победитель — склонимся пред ним!

О сердце победы! В биенье твоём
Сливаются вольных народов сердца.
Мы в подвигах наших героев живём,
В сказаньях, которым не будет конца.

Победа! Вздвигается знамя твое,
Чтоб мучить отчизну враги не могли.
Живём для нее и умрем за нее.
Победа! Бессмертная слава земли!

Январь 1944

88. ВЕСНА И Я

Опять улыбкой блещет луг, в зелёный шелк одет,
Воркуют голуби, — земля весной вдохновлена.
Из изумрудных глаз небес лучами льётся свет,
И песнь о красоте своей уже поет весна.

Из недр природы чистый бьет поэзии родник.
Он человечество зовет в счастливые года.
Свет солнца, мудрый, как Логман, к моей земле приник, —
Всему дыханье он дает, не гаснет никогда.

Седобородый Бахтияр, познавший всё старик!
Скажи, богат ли урожай в родимой стороне?
Ты в тайны неба и земли проник, ты их постиг.
И, старую косу держа, ты правду скажешь мне. . .

Так слава старику и честь упорству старых рук!
Ты бодр. С природою дружа, ты сердцем молодой.
Склоняясь перед твоей косою, лежит зеленый луг
Рядами скошенной травы, душистой и густой.

Твои снопы лежат вокруг, твои стоят стога,
Твое всё поле, труд кипит и утром, и во мгле.
И скалы радостно глядят, забравшись в облака,
На гордое твое чело и радость на челе.

Читая эпос о делах моей родной земли,
Я вижу счастья новый день, неведомый векам.
И, если бы мы со свечой вселенную прошли,
То лишь у нас одних нашли б почтенье старикам.

Наш Бахтияр — отец семи отважных сыновей.
И каждый поднял меч и путь захватчикам пресек.
Семь львов, и каждый поклялся родной стране своей:
«Свободным будет край родной, где счастлив человек!»

И клятва выполнена, — бьют снаряды всё сильней.
С фронтов известия пришли о радостях побед.
И верю я, что изведем мы ядовитых змей,
Чтоб не осталось на земле ни горестей, ни бед.

Весна! Тебе враждебно зло, и сердцем ты пряма.
И так великолепен твой священный чистый лик.
Будь зеркалом и красоты, и ясного ума.
Когда бы мудрости такой достиг я хоть на миг!

Отечество! Родной очаг! Счастливый человек!
Орлиные — твои крыла. И я, на них паря,
Прославлю жизнь, мою страну, мою весну, мой век.
Я сердце песне отдаю лучистой, как заря.

Восходит солнце, рассвело, и на душе светло.
Душа прониклась силой слов твоих, страна моя!

И вдохновение опять на лиру снизошло.
Отныне как сестра и брат вовек — весна и я.

13 апреля 1944

89

Лекарства мне, лекарства мне! Нет больше сил терпеть
в огне!

Пускай не светятся стихи с лучами солнца наравне!

Ничком я наземь упаду, заруюсь в землю, словно змей.
Ты, сокол сердца моего, не смей мечтать о вышине!

Творить и жить! Две тыщи бед в привычных этих двух
словах.

Кто сам того не испытал, тот пусть пока не верит мне!

Я жить устал из-за глухих наветов недругов моих.
Пусть жизнью подленькой своей они насытятся вполне!

Пускай охапки новых слов берет соперник у меня,
Но только моего пера пусть не хулит на стороне!

«Давайте в честь родной страны напишем гимны», —
говорю.

Молчат товарищи мои, вот что печальнее вдвойне.

Но не умолкнет мой призыв и не угаснет пламень мой,
Бессильным стоном этот стих пусть не покажется
стране!

16 апреля 1944

90. ЕСЛИ ДАЖЕ ВЫ И НЕ ПРИДЕТЕ!..

Давайте, друзья, у меня соберемся в саду
Без водки и прочего — просто за чаем.
С душою, как с книгой, ни разу не читанной, жду, —
И многое в ней обойти бы молчаньем.

Но — нет! Прочитаем как следует всё и подряд,
Ловчить да выгадывать я не умею.
Мне разные там недомолвки и тайны претят, —
Вы сами знакомы с натурой моею.

Давайте, друзья! Мой тутовник разросся сейчас.
Забылись обиды — увидите сами.
Не верю, но жду. И раскрыта калитка для вас,
И сердце мое нараспашку пред вами.

10 июля 1944

91. НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Моя душа поэзией живет,
Поняв ее святое назначенье.
В страну вступает сорок пятый год
В сиянии, в военном облаченье.

Торжественно его встречаем мы.
Вином вскипают звонкие бокалы.
Взойдет заря из поредевшей тьмы,
Она на горы кинет отблеск алый.

И на заре пригрезятся мне вдруг
Не древние богатыри сказаний,
А ты, далекий, незабываемый друг,
И дымное от боя поле брани.

Быть может, снег занес твою шинель
На дальнем и тяжелом перегоне...
А может быть, беснуется метель
Вокруг тебя на снежном горном склоне.

То снится мне — в свинцовом ливне путь,
И ты, изнемогающий от боли,
Немецкой пулей пораженный в грудь,
Лежишь один в опустошенном поле.

То вижу я, как пламя лижет дом
И всё вокруг испепеляет яро,
И ты один сражаешься с огнем,
А небо в мрачном зареве пожара.

Но, может быть, среди разбитых стен,
Закатными лучами озаренных,
Теперь ведешь ты немцев, взятых в плен,
Тобой в жестокой битве покоренных.

О небесах своей родной страны
Ты вспоминаешь часто на чужбине.
Но дни разлуки нашей сочтены,
Я ожиданьем буду жить отныне. . .

Мы за столом. . . Померкли блески звезд.
Заря на мир кидает отблеск алый.
И за тебя провозгласили тост,
И пенятся высокие бокалы.

Потухнет мимолетной страсти жар,
И только дружба в мире неизменна.
Ее тебе я посылаю в дар,
Запечатлев в поэме сокровенной.

28 декабря 1944

92. СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Баку в печали. Молчаливо море.
На облаках вечерних отблеск крови.
И в каждом взгляде затаилось горе.
Скорбит народ, сурово сдвинув брови.

Сын родины! Печаль страны едина,
И скорбно отуманены просторы.
Отчизна-мать оплакивает сына.
Недвижны и темны леса и горы.

А за горами, на фронтах далеких,
Там произносят клятву перед гробом.
Мчат танки, и войска идут потоком,
Священный гнев ведет их по сугробам!

Промчатся годы. Возмужают дети.
С тобой из поколения в поколение
Пойдет легенда в глубину столетий,
Храня эпохи нашей вдохновенье.

Возьмет художник кисть. Увидят люди
Твой светлый облик, что весны лучистой.
Потомкам дальним о герое будет
Рассказывать язык пера и кисти.

Бабек и Джаваншир сквозь даль столетий
Свои мечи склоняют пред тобою.
Покуда мир стоит и солнце светит —
В сердцах нетленна память о герое!

2 февраля 1945

93. МОЙ ГОЛОС

Материнскою лаской отчизны согрет,
Я влюблен в наше счастье с младенческих лет.
За сиянье весны, за торжественный свет
Нашей истины — солнце веков — голосую!

Заискрились снежинки, простор серебра,
И восходит над миром живая заря,
И душе моей вторят хребты и моря, —
Я за милый отеческий кров — голосую!

Я всю жизнь мою пел в благодатном краю,
И сегодня я снова о братстве пою.
За тебя, мой народ, за отчизну мою,
За обилье осенних плодов — голосую!

Не бродил я в тумане, не жил в забвении.
В коммунизм устремляются взоры мои!
Верный сын нашей радостной, дружной семьи,
За искусство, за силу стихов — голосую!

Вечно молод в отчизне моей человек —
Так вершина горы не стареет вовек, —
Он величием правды — неправду поверг!
За грядущую светлую новь — голосую!

Как я счастлив, друзья, что живу я в года
Вдохновений, исканий, открытий, труда!
О народ мой, я верен тебе навсегда,
За твоих благородных сынов — голосую!

Для свободного сердца нет в мире преград.
Мы сдвигаем седые хребты, как Фархад.
И дана мне свобода — отрада отрад,
И за нашу свободу я вновь — голосую!

Мы сражались, из тьмы вырывая рассвет.
В битве пали друзья, но забвенья им нет.
Над могилами павших — незыблемый свет...
Я за мужество наших бойцов — голосую!

8 февраля 1946

94. ОДИНОКАЯ ЗАБЫТАЯ МОГИЛА

Сегодня быстrokрылая мечта
Меня с реальным миром разлучила.
Туда, где вечный сон, молчат уста, —
Меня в миры иные устремила.

Там нет веселья и ничто не греет,
Земля горька там, а в воде — печаль.
Изведать кто, скажите мне, сумеет
Загадочную, роковую даль?

Никто на голос твой не отзовется,
Тот древен мир, как древен этот мир,
И кладбищем он издавна зовется.
Надгробный камень — вот его кумир.

Задумчив камень, словно человек,
Под звездами стоит,
 слепой
 навек.

Передо мною стройные чинары.
О чем они друг другу говорят?
И памятники — молодой и старый, —
Все мраморные, выстроились в ряд.

И даль вокруг безбрежная видна,
От облаков ложится тень на камень.
На кладбище — куда ни глянь — весна,
Надгробия украшены венками.

И если б верил я в миры иные,
Сказал бы: «Поглядите — это рай!»

Но вот мечта меня остановила:
Передо мной

забытая
могила.

Стоит одна.

Стоит, как горб земли,
Без памятника.

Без друзей.

Чужая.

С песком и ветром сорняки, играя,
Пристанище на ней себе нашли.

Ее живые на земле забыли,
Видать, она — жилище для червей.
Надгробный камень не лежит на ней,
И неизвестен адрес той могилы.

Стоял я, будто громом пораженный,
Стоял я долго, в мысли погруженный,
И сторожа кладбищенского я
Спросил, с трудом волнение тая:

«Старик, меня мечта сюда вела,
Не скажешь ли мне, чья могила эта?
Она ничьей заботой не согрета,
Тропинка к ней травую заросла».

Взглянул он, сторож, на меня в упор,
В глазах его мне чудился укор:

«Твоя та одинокая могила!
Поэт — он не поэт, коль не творит,
Поэт не тот, кто много говорит, —
Тебя твоя эпоха позабыла».

Домой меня моя мечта примчала,
И книгу жизни я перелистал,
С начала до конца, опять с начала —
Я в этой книге смысл ее искал.

Где, покажи, бессмертный твой дастан,
Бессмертные твои стихотворенья?
Где чувств размах и мыслей океан? . .
Ты прав, старик, достоин я забвенья!

Подруга жизни, хватит праздных дней,
У праздного ведь жизнь всегда короче.
Подруга жизни, дверь закрой плотней
И печку растопи, продрог я очень.

Дай мне перо, бумаги дай, прошу,
Писать, писать, чтоб в жизни всё осталось,
Чтобы из уст в уста передавалось
Всё, что отныне я ни напишу.

(11 мая) 1946

95. МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Не думай, что иссякло вдохновенье,
Сто новых нот в одной нашел певец!
Вели сказать, что вновь раздастся пенье, —
Пускай людей обрадует гонец!

Мои стихи земля усыновила,
Встряхнула горы песенная сила,
Нежданный листопад остановила
И окрылила тысячи сердец.

Мечта моя взлетит, как соколица,
Молниеносно с бурей породнится,
Вас в небо увлечет, как проводница,
Но в край родной вернется наконец!

Лучи люблю, как флаги на рассвете.
Как счастливы влюбленные на свете!
Подсказывает жизнь мне строки эти
И раскрывает мудрости ларец.

В моей груди — дыхание народа,
Мой верный саз настроила свобода,

Простой напев достигнет небосвода —
Распахнут гулкий голубой дворец.

Отчизна-мать! И в радости, и в горе
Мы помнили о нашем уговоре,
И если сердце родины — как море,
То в нем Вургун — испытанный пловец.

(16 ноября) 1946

96—102. ВОСПОМИНАНИЯ О ЕВРОПЕ

1

РЕЙХСТАГ

И капитан воскликнул: «Вот рейхстаг!»
И я увидел битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень.

Всё в копоты, в известке и в пыли...
Без всякой злобы к этой черной груде
Я думаю: как точно разнесли
Свою мишень тяжелые орудья.

Гнездо убийц, садистов и шпикив
Недавно угрожало всей вселенной.
Ну что же тут прибавить! Вот каков
Конец у всей империи растленной.

Здесь Гитлер хвастал, пыжась и кичась,
Что целый мир ему под ноги ляжет.
Нет Гитлера! Молчит о нем сейчас
Фугасами распаханная пажить.

Избавлена Европа от змен,
Спасли весь мир советские солдаты.
В сырой земле товарищи мои,
В сердцах живущих — память славной даты.

Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.
Пускай придут иные времена,
Ваш подвиг будет жить не умирая.

Вот он стоит, разрушенный рейхстаг, —
Проломы, бреши, битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень...

И падают снежинки на рейхстаг,
Ткут саван для железного скелета,
И внятно говорит картина эта:
«Любой завоеватель кончит так!»

1947

2

СТАТУЯ МАТЕРИ

И мрамором, и бронзовым литьем
Любой из городов земли украшен.
Людская мысль в парении своем
Вздыхает арки, строит своды башен.

Подумай, — от каких-то серых скал
Ваятелем отторгнутый осколок
Явился в мир, живым созданием стал,
И век его неисчислимо долог.

Гроза и буря, ураган и дождь
Шумят над ним. Проходят весны, зимы...
Ничто не потревожит эту мощь:
Красуется, как встарь, неотразимый!

Художник вырвал вечности кусок
Из первозданной каменной породы.
Да, человек воистину высок,
Любимый сын у матери-природы!
Я на берлинской площади пустой
Видал фигуру матери простой.

Среди развалин статуя стояла,
Не тронутая пламенем войны,
И материнством праведным сияла,
Все дали мира были ей видны.

На книгу положив спокойно руку,
В другой сжимая тонкое перо,
Она ко мне склонилась, словно к другу, —
Вся — нежность, вся — вниманье и добро.

Шли годы. Вырастали год за годом
Солдатские могилы без числа...
А эта мать, мужавшая с народом,
Быть может, миру Тельмана несла.

Ни серых пятен пороха, ни вмятин
От сплюснутых свинцовых пуль на лбу.
Она молчит. Но женский голос внятен:
Зовет он поколение на борьбу

За новый мир — без гнета и насилья!
Недаром проходили времена,
Недаром люди беды выносили —
А все-таки не старилась она!

И вот в Берлине новом и суровом
Колонны демонстрантов перед ней
Проходят с нашим знаменем багровым, —
Пред матерью, — что может быть родней!

И кажется, та женщина большая
Идет в рядах народа своего,
Как сыновья-борцы, провозглашая
Непобедимой правды торжество!

1947(?)

СМЕРТЬ ЭДУАРДА МАЗЭ

1

Небо приморское хмурится.

В Бресте

толпа за толпой

Смело выходит на улицу,

Словно волна за волной.

Гневное это движение

Траурным трудно назвать.

В грозных глазах

тем не менее

Вижу печали печать.

Ветром иссушена досуха

Влага сверкающих глаз. . .

Воина

или философа

Город хоронит сейчас?

Нет.

Это с гробом рабочего

Строго проходит народ.

Черной каймой оторочено,

Красное знамя плывет.

2

За что убили Эдуарда?

За то, что часто бастовал,

За то, что правящую клику

Продажной кликой называл.

Страсть боевого патриота

Огнем сердца французов жгла,

Когда жандарм переодетый

В него стрелял из-за угла.

Но Эдуард Мазэ не дрогнул

И головою не поник.

Он брови черные нахмурил,
Как бы задумавшись на миг.

В глазах его зарницей вспыхнул
В последний раз лучистый свет.
Он перед смертью ясным взором
Взглянул на ленинский портрет.

3

Люди по улицам тесным идут,
Дети и матери смотрят с балконов,
Скорбным безмолвием выражен тут
Мощный протест миллионов.

Солнце свои золотые лучи
Сыплет на хмурые улицы снова.
Не умолкая в народе звучи,
Друга сраженного слово!

Жертвовал кровью своей он не зря:
Пышно поднимутся майские всходы
И загорится на небе заря
Мира, труда и свободы!

Слово героя у всех на устах,
Мысли правдивые не позабыты. . .
Окна распахнуты настежь в домах,
Двери, как сердце, открыты.

Что так волнуется город большой —
Умер философ иль доблестный воин? . .
Это французский рабочий простой
Чести такой удостоен.

(1950)

ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

Очнулся он в темной камерке в ту ночь.
Стучал еще сон в воспаленные веки,
Потом, затумясь, рассеялся прочь,
А следом надежды исчезли навеки.

Три шага всего от стены до стены.
Куда ж там идти? Да и сил не осталось.
И ноги как вата. И дни сочтены.
Ну что же, прощай, бесполезная старость!

Но старость пустяк. Сколько дней, сколько лет
Он голоден в Лондоне, черном и черством,
Без хлеба сидел, отощал как скелет,
Цеплялся за жизнь с бесполезным упорством.

Куда обратиться, кому рассказать,
Зачем еще холст набивать на подрамник,
Кто сможет художника за руку взять?
И впрямь, видно, в землю ложиться пора мне!

Просить подаянья, как нищий? Нельзя!
Недаром стоят на посту полисмены.
Зачем же светает, глаза мне слезя?
Зачем этих суток всегдашняя смена?

И бедный художник с тоской поглядел
На бледно-зеленое небо, на землю,
И сердцем бывалый восторг овладел,
Волнением творческим сердце объемля.

Есть верные кисти, и в ящике есть
Последние краски, еще не сухие!
Он кончит с последней картиною — в честь
Всей этой ликующей, вечной стихии!

Он вышел на площадь. Асфальт засверкал,
 Дождями омытый и светом облитый.
 И тут же, под блеском витринных зеркал,
 Кладет он мазки на блестящие плиты.

И красками ярко залит тротуар,
 Асфальт закипает закатом горячим,
 Художник швыряет свой творческий дар
 Всем этим зевакам, незрячим и зрячим.

Не стой равнодушно, всмотрись хоть на миг,
 Как гибнет сегодня искусство в Европе.
 Британское небо в туманах немых
 Его окончательно в бездну торопит.

Смотри, как пестро размалеван обман,
 Как молодость чья-то на миг воскресает!
 . . . Льет ливень. Сдвигается плотный туман.
 И мелочь художнику кто-то бросает.

(27 сентября 1950)

БАНКЕТ

Готические, стрельчатые арки.
 Гербы и алебарды без числа.
 Струится свет, бескровный и неяркий,
 В огромные, как башни, зеркала.

На мраморных полах — богатства мира,
 Ковры невыразимой красоты.
 Ковроткачи древнего Кашмира
 Здесь огненные выткали цветы.

Огонь из мрака высекла индуска.
 На этих кровью крашенных коврах
 Жмет руки нам и, усмехаясь тускло,
 За нами наблюдает зоркий враг.

Их много — важных заправил из Сити.
Нетрудно их намеренья постичь,
Когда, желудки медленно насытив,
Произнесут витиеватый спич.

И кажется, что в редкостные вина
Кровь чернокожих медленно течет,
Что всей планеты нашей половина
Здесь миллиардный предъявляет счет.

А нам — вниманье! Нам почет особый!
Нас, делегатов мира и труда,
Знатнейшие приветствуют особы,
Нас вражеская чествует орда,

Так льстиво изгибаясь, так искусно
Повадку волчью спрятав под крахмал...
Не может быть, чтобы игры их гнусной
Советский человек не понимал!

Перед коварным мертвенным оскалом
Мне стало тошно. Друг, не обессудь, —
Мне хочется не чокнуться бокалом,
А всё вино в лицо ему плеснуть!

И вот подходит сухонькая леди.
С ней рядом муж, сам Черчилль. Это он
Готов к дипломатической беседе,
Поддерживает легкий, светский тон.

Стоит кабан, расставил ноги, тучный,
Разглядывает, лоснится в жиру,
Густые брови сдвинул, и беззвучно
Вдруг усмехнулся, дьявол, не к добру.

«Баку! Баку!» — он процедил сквозь зубы,
И дрогнула слегка густая бровь.
А у меня по жилам, как сквозь трубы,
Бьет огненная нефтяная кровь!

Да, я, бакинец, на твоём пути!
Да, я — наследник Двадцати Шести!

Ты помнишь всё, конечно, старый дьявол!
Так пристальной, пожалуйста, гляди!

. . Мы разошлись — налево и направо.
Клокочет ярость у меня в груди.

(27 сентября 1950)

6

БАЛЛАДА ОБ ИСЛАМЕ МАМЕДОВЕ

Город Вроцлав опоясан
Серебристою рекой.
Одер вьется. Тихо льется
Песня радости людской.
В воду с берега деревья,
Словно в зеркало, глядятся.
Время звездам загораться,
Время сердцу восторгаться
Вечером,
 почти бесшумным,
И покоем многодумным. . .

*

Шелест сада слышат люди,
Слышит смех весны народ.
Вечер ярок. Свой подарок
Вольная весна несет.
Как поэт, коснулся лиры
Ветерок — в лесах зеленых,
На холмах, на ближних склонах,
На бульварах, на балконах. . .
Признак польских городов:
Нет балконов без цветов!

*

Долгий срок — четыре века
Город Вроцлав был в плену.
Новой Польше возвращенный,
Он приветствует весну!
Над простором улиц гулких —

Неба чистого сиянье.
Город весел. Каждой гранью
Рад он своему названью!
И сердца и окна смог
Распахнуть он
на Восток...

Но на время чувство это
От меня умчалось вдаль.
В радостной груди поэта
Поднялась горой печаль:
Я на кладбище увидел
Ряд могил перед собою.
Сколько воинов-героев
Здесь засыпано землею...
В этой вот и в той могиле
Земляки мои почили.

*

Низко голову склоняю
Перед вами, дорогие.
Пусть и над моей могилой
Высятся слова такие,
Как на этих скромных плитах!..
Надпись говорит так ясно,
Что отважный воин красный
Жил на свете не напрасно.
Имя павшего в походе
Будет вечно жить в народе!

*

Солнце сияло, светила луна мне, —
Долго я кладбище мерил шагами.
Кто-то украсил надгробные камни
Свежей травой, живыми цветами.

Я любовался цветочной грядой.
Видел я вроцлавских девушек милых,
В утренний час поливавших водою
Каждый цветок на священных могилах.

Что же брожу я по тропкам упрямо,
Трепет волненья душою изведав?

Вижу на камне я имя Ислама!
Кто он такой? Не Ислам ли Мамедов? . .

Вспомнились тут предвоенные годы,
Теплые встречи в отеческом доме.
Друг мой большой был любимцем народа,
Секретарем был в Казахском райкоме.

Мне не забыть его юного взора,
Крепкой руки волевого пожатья. . .
Сердцем друг друга мы поняли скоро,
Стали друг другу роднее, чем братья.

Стройный как тополь и широкогрудый,
Черноволокный, с глазами, как звезды,
Он на полях появлялся повсюду
И на рассвете, и вечером поздно.

Благодарил он колхозных героев,
Издаেকে молодым улыбался,
У стариков он всегда о здоровье
С добрым поклоном учтиво справлялся.

Был он приветливым, бодрым, веселым.
Люди походку его узнавали,
Знали по голосу. . . Всюду по селам
В гости Ислама колхозники звали.

Как вожаку, доверяли открыто
Радость и горе, успехи и беды.
«Он разберется во всем деловито!»
«Верный совет даст товарищ Мамедов!»

Вникнет в заботы о здании новом,
В нужды читальни, больницы и школы.
Рад сироту он поздравить с обновой,
Свата и сватью со свадьбой веселой.

Рад бесконечно дорогам и скверам,
Новым садам и побегам растущим,
Рад комсомольцам и пионерам,
Песни весеннего счастья поющим. . .

Памятен день сорок первого года:
Небо отчизны объято грозюю.
Звали Ислама бои и походы,
Он попрощался с весной и Курюю.

Видел он ужас и кровь не однажды —
Нежности сердца и там не утратил:
Светлой мечтою и помыслом каждым
Он устремлялся к тебе, мой читатель.

Ради тебя проходил он сквозь стены
Снежной метели и огненной вьюги.
Спрашивал в письмах Ислам неизменно
О земляках — о знакомом и друге.

К берегу Одера смог он пробиться,
Бил из орудий по вражьему стану.
Каждый удар по фашистской столице —
Это поклон его Азербайджану. . .

Время стихать боевой канонаде,
Мирной поры наступает начало!
Праздник победы подходит. . . Но за день,
Но накануне. . . Ислама не стало.

Пал он геройски в великом походе
И не успел увидеть ликования
Силы весенней в сердцах и в природе,
Там, где родились мечты и дерзання.

Берег Куры не успел повидать он,
Скатерть не мог расстелить там с друзьями. . .
Сад надевает весеннее платье,
Зори рассвета горят над цветами.

Вечером свет Ильича зажигают
В каждом окне.
Седовласая мама
Вместе с отцом-стариком вспоминают
Сына-бойца, дорогого Ислама.

Через Куру по железному мосту
Сельские люди идут или едут,
Помня, что мост появился не просто:
Ты его создал, товарищ Мамедов!

Саженцы те, что деревьями стали,
Вместе с тобой мы недавно сажали.
Славно шумят они зеленью пышной,
Имя твое в тихом шелесте слышно. . .

Звезды бледнеют и гаснут под утро,
Даль голубая всё чище, всё ближе.
Девушек польских золотокудых
У незабвенной могилы я вижу.

Холмик они поливают водою —
И поднимаются яркие всходы.
Ветер весны напевает герою
Светлую песню любви и свободы.

Белые бабочки вьются, вбирая
В крылышки первых цветов ароматы.
Жизнь закипает вокруг молодая,
Мир принесли сюда наши солдаты.

Будет весна: все поборники мира,
Радость всесветной победы изведав,
Грянут хвалу в честь бойцов, командиров —
Ратников правды, таких, как Мамедов.

(Октябрь 1950)

7

МОГИЛА МАРКСА

Есть в Лондоне кладбище, старый Хайгет.
Там Маркса могила простая.
Над черной плитой изваяния нет —
Лишь слава живет, вырастая.

Плита оседала, мерцала сквозь дождь,
Чернела под снегом и градом.

Почиет в земле наш учитель и вождь
С любимую дочерью рядом.

А слева студеной водой родников
За холмиком озеро блещет.
Над озером тем, у его берегов,
Древесная зелень трепещет.

Когда-то брала его за руку дочь.
По этой вот длинной дороге
Они уходили из города прочь
Отвлечься от дум и тревоги.

Влюбленный в природу, он мог без конца
Смотреть на источник журчащий.
Под ветром весенним порхала пыльца,
Шумели приветливо чащи.

Учитель был рад, что зеленый листок
Так нежно касается пальца.
И мудрая дума была как итог
Всей жизни борца и скитальца.

Мелкий дождь моросит. И склоняемся мы,
Снявши шляпы, над черной плитою.
И без шапок склонились леса и холмы.
Еще холодно поле пустое.

Но недолго, недолго зиме пировать
Под обугленным небом Европы.
Настежь старые окна пора открывать,
Прорубать неоткрытые тропы!

Ибо тонет в жиру Капитал, одряхлев,
Не надеется даже на льготы.
А наш старый учитель, гривастый наш лев,
Продолжает свой путь и работу!

Он сражается с ордами черных теней,
Гонит прочь их, клеймя и позоря.
И всё ближе и ближе, ясней и ясней
Коммунизма рассветные зори!

(29 октября 1950)

103. ЛЮБОВЬЮ ПРОДИКТОВАННЫЕ СТРОКИ

И снова зеленеют наши горы,
И родники светлеют, словно взоры,
И тают снежно-белые узоры,
И дождь идет по вешней целине,
И в новый путь пора пуститься мне.

Не остудил я сердце огневое,
Слова, как войско, вновь готовы к бою,
Взаимная любовь сильнее вдвое:
Я знаю — дорог я родной стране.
Любовь моя велит трудиться мне.

Я вижу — небо занято рассветом,
Иду к посевам, радостью согретым,
Поля встречают путника приветом.
Благословляю жизнь в любом зерне,
Но всех отрад милей пшеница мне.

Я возмужал, не в облаках витая,
И честь моя — земля моя святая.
Богатства сердца людям раздавая,
Я одарил не всех и не вполне,
И надо впредь щедрей делиться мне.

Кто гору сокрушил взрывным зарядом,
Кто знамя укрепил с собою рядом?
Историк, новый мир окинув взглядом,
Обязан написать об этом дне —
Заветная видна страница мне.

Грохочут в отдаленье буровые,
Кружась, долотья греются стальные.
Не знают сна урочища степные,
Раскатист гул в полночной тишине,
И мощь передает зарница мне.

Идут, идут отряды комсомола,
Ведут каналы там, где ныне голо,
Год урожайным будет — знайте, села, —
Примета есть в муганской стороне...
Но дальше надо торопиться мне.

Чиста вода в Мингечаурском море,
Чинары, шелестя, встречают зори.
И широки раздумья на просторе,
Летает чайка, ластится к волне,
Подругой стала эта птица мне.

Просторны застекленные веранды,
Что и восходам, и закатам рады.
Здесь и тепла хватает, и прохлады,
И солнце в каждом светится окне.
От радости большой — частица мне.

Колышутся деревья на Ширване,
Тут свадьба, там — иное пированье...
А что творится в этом котловане?
Ученый ищет клады в глубине.
Вот так же бы упорно рыться мне!

Вода идет — и станет Миль прекрасней,
Мечта идет — трудились не напрасно,
И весь народ стекается на праздник,
И я в народе как в большой родне, —
Отрадно с земляками слиться мне.

Не остудил я сердце огневое,
Слова, как войско, вновь готовы к бою,
Взаимная любовь сильнее вдвое:
Я знаю — дорог я родной стране,
Любовь моя велит трудиться мне.

(4 июля) 1948

104. СЛАВА ТВОРЦУ!

На смерть Узеира Гаджибекова

Повисли крылья у орла, что вечно был в паренье,
Не пронесется он, шумя, над горною грядой.
Встает заря, цветет земля — но жажду песнопенья
Не утолить ему отчизны чистой водой.

Он больше не откроет глаз, чтоб видеть щедрость мира,
Своим друзьям не скажет он приветливо: «Салам!»

Сломалось гордое перо, навек умолкла лира,
Он с новой песней приходит не будет больше к нам.

Но только, смерть, не торжествуй! Кто жизнью жил
чудесной,
Любил отчизну, свой народ, тот прожил жизнь не зря!
Он будет петь у нас в сердцах немолкнущею песней,
Он будет нами век любим: он жил, любовь даря!

Как прежде, дышит и живет в нас песня Узеира,
Глаза великого певца глядят, смеются вновь.
Мне в душу пламень слов его струит, вливает лира, —
Своею лирой окрылил он тысячи стихов.

Творцу, герою — слава! Он опять с лицом открытым
Идет на бой за светлый мир, за правды торжество.
И, полон дум, как вал морской, по-прежнему кипит он,
И наше знамя к солнцу, ввысь, вздымает песнь его!

Бойцы поют из «Кер-оглы» — врагам страны грозит он,
И завтра с нами он пойдет дорогою одной.
Стихов бессмертных Физули, о брат и композитор,
Ты славишь именем своим наш милый край родной!

Так, злая смерть, не торжествуй! Кто жизнью жил
чудесной,
Любил отчизну, свой народ, тот прожил жизнь не зря!
Он будет петь у нас в сердцах немолкнущею песней,
Он будет нами век любим: он жил, любовь даря!..

Слезами горькими пишу я стих свой небольшой:
О лучшем друге дорогом скорблю я всей душой.

24 ноября 1948

105. ТОСКА МОСТА

Перед нами Арак! Виден мост впереди.
Поезд стал. И на миг всё померкло вокруг...
Сердце будто бы остановилось в груди,
Показалось — весь мир обрушится вдруг!

На тот берег мы с грустью из окон глядим;
Повторяет любимая рядом в слезах:
«Ах, Аракс! Ведь сестра моя где-то за ним,
Двадцать лет мы живем в разлученных краях...»
Мчится бурный поток по ущельям глухим
И гремит и бушует в крутых берегах.

Рассекает он скалы по сторонам,
Как бегущее время, стремителен он.
Лбы утесов склонились к могучим волнам,
Будто горы к Араксу пришли на поклон.
Но как жалки домишки с другой стороны!
В них мне чудится нашей планете укор...
И люди так редко в селеньях видны,
Словно прошел там неведомый мор.

Там, не глядя один на другого, дома
Повернули фасады к подворьям пустым;
Каждый наглухо заперт — глухая тюрьма!
И совсем не клубится над кровлями дым.
А на самом краю лишь могилы видны,
Что омыты слезами угрюмых дождей,
И глаза мои влагой горячей полны,
Видят глыбы упавших надгробных камней...
И «Скалистая высь», молча глядя туда,
Головой в облака поднялась во весь рост...
О, не сотни ли мертвых за эти года
Проводил ее взор на огромный погост?..

Как стремится туда и души моей взор!
Стал привычен к страданью жестокому я,
Город сердца пожаром охвачен с тех пор...
(Быть поэтом — немалое горе, друзья!)

Но отбрось эти скорбные мысли, поэт!
Время мчится вперед... и раздумье — не в срок.
Подари ты народу, тем гневом согрет,
Стих про каменный мост через бурный поток.

Был рукой архитектора мост возведен,
Над Араксом раскинуты своды его,
На столпах мирозданья покоится он:
На фундаменте гор, на основе всего.

Сколько лет он, кто знает, уже простоял,
Видел тысячу весен и зим этот мост?
Но с него даже камень простой не упал,
Так он тверд, и устойчив, и сказочно прост! . .

Шли войска, и орудия были на нем,
Но стоит над Араксом он, горд и суров,
И давно всё на свете ему нипочем,
И как лев он с волнами сражаться готов.

На него устремляются солнца лучи.
И в иные погожие летние дни,
Будто яхонты, светятся все кирпичи!
А в тумане сереют, как скалы, они. . .

Говорят, и такая бывает пора,
Когда снег одеваает пролеты моста,
Как шакалы, кругом завывают ветра
И на землю нисходит с небес темнота.

Без конца я смотрю на него издали,
Долго-долго у берега поезд стоит. . .
Здесь верблюды, звеня колокольцами, шли,
А теперь даже птица сюда не летит. . .

С гор спускается вечер к усталой земле,
И ущелья томлением смутным полны,
Там Аракс, то блестя, то тускнея во мгле,
Разрывает рыданьем покров тишины.

Я смотрю неотрывно. А поезд стоит,
Как нарочно решил нас удерживать тут.
Старый камень плющом и травой повит,
Ни следы, ни тропинки к нему не ведут.

Ах, кто знает, с каких не ступали времен
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской смотрит, кажется, он. . .
Но дорога — пуста.

Кто же там, у воды? Как явился в наш век
Этот старец, покинувший древнюю даль?

Но не миф, не мираж, он — живой человек.
Я в глазах его вижу печаль.

Хмурия брови, на мост он сурово глядит
И несет свою боль с незапамятных пор,
Вся в мозолях рука, в сердце — горы обид,
И туманом одет его взор.

Кто взглянул, как натружена эта рука,
Тот поймет: архитектор стоит перед ним!
Он давно у Аракса, быть может века,
Над созданием униженным плачет своим. . .

Ах, кто знает, с каких не ступали времен
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской старца взор устремлен,
Но дорога — пуста. . .

1948

106. РАДУЙТЕСЬ, МОИ ДЕТИ!

Расправив крылья над Баку,
Усталый вечер задремал.
Клубящиеся облака
Сгустились в небе тяжело.
Цвет голубых прозрачных вод,
Цвет юных трав темнее стал.
И вдохновение домой
Меня сурово повлекло.

Машин короткие гудки
Всё реже мой тревожат слух,
На улицах и площадях
Толпа рассеялась давно.
Велик наш город,
И широк вечерних развлечений круг:
Кто в клуб спешит, а кто в театр,
В Дворец культуры иль в кино!
Машин короткие гудки
Всё реже мой тревожат слух.

И я, склонившись над столом,
Что целый месяц сиротел,
Поэзии высокий мир
Приветить словом захотел.

Чтоб горький ветер не вздыхал,
Пустынным мой увидев дом,
Я строфам сердце отдаю,
Вливаю в них живую кровь, —
Поэзии высокий мир
Хочу приветствовать трудом.
Как долог путь!
Когда б я мог разбить застоя цепи
вновь!

Мне сердца не опорожнить,
И жажды мне не утолить.
Творить — вот радости венец!
Извечная моя любовь!
Когда бы мог я наконец
Разбить застоя цепи вновь!
Опять в раздумий светлый мир
Погружена моя душа.
Прислушивается Баку
К биению сердца моего.
Опять по целине листа
Влачится плуг карандаша, —
К столу приникнув, я пишу,
Пишу, не слыша ничего...
Прислушивается Баку к биению сердца
моего.

Как тихо в комнате моей!
Прервался звонких слов полет!..
Как тихо в комнате моей!
Прервался детский милый смех,
Уснула громкая гармонь,
И скрипка больше не поет, —
Никто не сможет без помех
Проникнуть в чуткий мир детей.
Прервался звонких слов полет!..
Как тихо в комнате моей!

Юсиф, палитру взяв и кисть,
Малюет где-то в стороне,
Перебирает мой Юсиф
Свои забавные листки.
К рассказам бабки в полусне
Прислушиваясь, Айбениз
Уселась в уголке тахты,
Уткнув головку в кулачки.
И, как котенок,
На руках у нежной матери Вагиф
Свернулся ласковым клубком
И в дреме сладостной притих.
Но почему они молчат,
Мои веселые друзья?
И вдохновенья бурный ток
Не наполняет их сердца?
Мать шепчет им: «Шуметь нельзя,
Мешаете труду отца!
Когда стихи читает он,
Для нас цветет отрады час.
Его неутомимый труд
Пусть вдохновляет, дети, вас!»
Нет, нет, любимые мои!
Отрада ваша так светла, —
Не умолкайте, я хочу
Вас слышать каждый день и миг.
Ведь лег бы на сердце мое
Злой камень, тяжкий, как скала,
Когда б я слышать перестал
Веселый смех детей моих!
Играйте, милые мои!
Веселью вашему хвала!
Я в детстве видел много бед,
Голодных, нищих видел я,
В лачуге, жалкой и сырой,
Слезами обливалась мать,
В слезах явился я на свет.
А вы не знали тяжких лет,
Да и представить трудно вам,
Как грустно юным умирать!
Невесту не видали вы,
Которая в предсмертный миг

Протягивала мне сквозь бред
Объятья рук своих худых. . .
Ведь вы пришли в прекрасный мир,
Вы в светлом доме родились,
Свобода — вот ваш первый клич,
Большое счастье — ваша жизнь!
И галстук на груди у вас
Пылает — он алей огня.
Я знаю — радостно прожить
Вы сможете и без меня.
И если завтра я умру,
Не станут ваши дни темны:
Полны заботою о вас
Сердца людей моей страны.
Народ могуч, и глубока
Его величья красота,
Богат и добр наш светлый край,
Никто у нас не сирота!
Сдалась проклятая зима
На милость благостной весны, —
Нужды и голода теперь
Не знают родины сыны.
И не стесняйтесь вы меня!
Ведь я не погружусь в покой,
Ведь я покоя не искал,
О жизни не мечтал такой!
Я птицей урагана был,
Забывшей чистую лазурь,
Я в мир пришел под блеск зарниц,
Под злое завыванье бурь.
И, услыхав за цепью гор
Тяжелых жерл угрюмый гром,
Я песней сердце окрылил,
Неукротимым стал орлом.
Шел сквозь огонь подобно льву,
Цвел надо мной пожар, багрян:
Тот не игит, кто не покрыт
Горячей кровью свежих ран.
Лишь тот, кто сердце, на огне
Расплавив, превратил в снаряд,
Уверен будет, что как сталь
Его слова заговорят.

Шумите, милые мои!
Я враг покоя, тишины, —
Дни, промелькнувшие в тиши,
Для сердца моего страшны.
Не сдерживайте голосов!
В ладоши бейте веселей!
Мне видеть хочется всегда
Счастливых, радостных детей!

25 февраля 1949

107. ВЕСЕННИЕ РАЗДУМЬЯ

Весна! Я люблю тебя, вестница света,
Бессмертной природы счастливая дочь.
Года созиданья тобою согреты,
Твой пламень таится в созданных поэта,
В сияющий день превращаешь ты ночь.

Ты родственна юности кровью кипучей,
По воле твоей расцветают цветы,
Ты пламенно мыслишь, ты любишь созвучья,
Ты родственна юности жаждою жгучей,
Свободе и радости родственна ты.

Ручьи твои мчатся в ликующем гимне,
Не любишь в полях тишины неживой,
Враждуешь со снегом, со стужей зимней,
Луга одеваешь ты свежей травой.
Воюешь с ненастьем, с угрюмой тоскою,
Не терпишь, не знаешь, не хочешь покою.
Мгновенный клинок вырываешь из ножен, —
И молнии блещут, и, громом встревожен,
Тебе откликается гулкий простор,
И эхо вздыхает в расщелинах гор.
Пусть реки скорее, шумнее проснутся,
И пусть по груди моей волны несутся,
Пусть грозы гремят над моей головой!
С твоими врагами бороться и мне бы,
Мне взвиться бы соколом в ясное небо,
Кружить и кружить, и устать в синеве,
И рядом с тобою — с отрадою, с другом —

Спуститься, дыша расцветающим лугом,
Прилечь на траве голова к голове.

Как зерна, мы скроемся в пашне до срока
И встанем колосьями нивы широкой,
Раскинем платанов просторную сень
И в Мильской степи, и в песчаной Мугани.
Пусть путник, уставший от долгих скитаний,
Вдыхает прохладу в томительный день.
Иль бросимся с кручи, как два водопада,
Чтоб в горной теснине дышала прохлада,
Иль в плавном и вольном течении рек
В полях и лугах не иссякнем вовек.

Везде только вместе, всегда только вместе
Тесать будем камни, слагать будем песни.
Одна у нас цель и забота одна:
Служение людям во все времена.
За счастье людское бороться мы будем, —
Пусть в мире привольнее дышится людям.
Давай еще тысячу лет проживем —
Два сердца, сращенных в порыве одном.
Хватает работы на этой планете,
Давай будем жить, не считая столетий,
Давай переплавим на песню сердца, —
Поющее сердце живет без конца.

22 апреля 1953

108. ЕСТЬ И ТАКИЕ

С виду он всегда спокоен,
Словно пруд, заросший тиной.
Молчалив, благопристоен,
Как барашек тихий, чинный.

Но случатся в доме беды —
В дверь войти не пожелает.
Загорится у соседа —
Он в сторонке наблюдает.

Он подолгу ищет брода
Даже в собственном стакане,

И в любое время года
Он не держит обещаний.

Трус, каких на свете мало,
Осторожнее шакала.
Он слова сквозь зубы цедит,
Он в сердца вонзает жало.

Говорит он об отваге:
Я, мол, бдительный, я зоркий!
Только это на бумаге:
Чуть опасность,
шмыг — и в норке.

Губы в сладенькой улыбке,
Но глаза его — как льдышки.
Чует деньги без ошибки,
Ест и пьет без передышки.

Он кривая шашка в ножнах,
Чуть посмотришь — умолкает.
За спиной зато безбожно
Честь чужую он пятнает.

Не творит он и не строит,
Судит он творцов с пристрастьем,
Им ловушки, ямы роет,
Разбивает жизнь на части.

Но из пламени и дыма
Он выходит невредимым.
Говорят: «Он заколдован,
Стал таким неуязвимым».

(Апрель) 1953

109. ПОЭТ, КАК РАНО ПОСТАРЕЛ ТЫ...

Поэт, как рано постарел ты...
Ты, говорят, счастливый самый,
Хотя всю жизнь ты горем сыт;
Как снег в горах, оно висит

Над головой твоей упрямой.
И скольких бы других ни грел ты,
Ни влек бы к сердца очагу,
Вся голова твоя в снегу!
Поэт, как рано постарел ты...

Вчера, когда окончил ты
Читать... Когда, в руках цветы,
Безмолвная, перед поэтом
Стояла девушка с букетом,
Как долго на нее смотрел ты,
Читая у нее в глазах
Наивное по-детски: ах!
Поэт, как рано постарел ты!

Охотой увлекался ты,
Под буркой ночевал в пустыне
И за козлами по стремнине
Спускался с горной высоты.
Как прежде, брал их на прицел ты,
Но пули мимо них прошли
И только свистнули вдали:
«Поэт, как рано постарел ты!»

Ты был жесток в житейских схватках,
Был друг друзьям, был враг врагам.
Но тот, кто в жизни только лгал,
Кто дружбу предлагал, как взятку,
Кто с лестью лез, чтоб подобрел ты,
Сейчас, скрывая торжество,
В твой дом вползая, шепчет: «О
Поэт, как рано постарел ты...»

Да, голова твоя седа,
Поэт. Но это не беда:
Ни женщина, что ты любил,
Ни родина, чьим сыном был,
Те двое, для кого горел ты, —
Пусть голова твоя седа, —
Тебе не скажут никогда:
«Поэт, как рано постарел ты!»

1953

110. Я НЕ СПЕШУ...

Всё в звездах небо, с моря дует ветер.
Мы встретим со стаканами зарю.
Не говорю: «Забудем всё на свете!»
«Согреемся немного», — говорю.
Пусть длится ночь, пусть опоздает утро —
В объятьях дум сижу я у огня.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня!
Пока любить и петь я мучим жаждой,
Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновенье каждом, —
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Любовь моя! Чтоб лет моих не выдать,
Не говори, что я устал и стар.
Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших,
Чем те, где не встают на якоря.
Звезда ль меня лучами с неба тронет,
Иль сам звезду на небе погашу,
Пусть радость и печаль своих коней не гонят,
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

И ты, мой друг, охотник, всю округу
Облазивший со мною на веку,
Давай пройдемся медленно по лугу
И «здравствуй!» скажем каждому цветку.
Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать.
Они раскроются по доброй воле
На час, на день, на сколько попрошу.
Куда спешить мне? Я не ветер в поле!

Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Пусть туча медленней пройдет над нами,
Пусть медленней течет река. И пусть,
Весь мир на капли разделив глазами,
Я каждую запомню наизусть.
Не думай, я не постарел, я просто
Хочу, чтоб всё в нас оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие до ста,
Прожить умели за день десять лет.
Пусть не спешит перо в руке поэта
Скорее книгу жизни завершить,
Пусть длится день! Пусть вертится планета!
Я не спешу.
Мне некуда спешить.

1954

111. НА ЧУЖБИНЕ

Безвременная смерть, посторонись,
Я с жизнью не расстанусь на чужбине.
Напрасно свой клинок взметнула ввысь —
Я вновь пером вооружился ныне
И с жизнью не расстанусь на чужбине.

11 ноября 1955
Пекин

112. ДРУЖЕСКИЙ ДАР

*Дорогому другу и товарищу по перу
Осману Сарывелли в честь 50-летия*

Мой добрый брат, мой друг, душа твоя —
Как горная кристальная струя,
Чей путь среди теснин порою труден,
Звучит, отраду звонкую струя,
Чтоб приносить добро и благо людям.

Полвека ровно — этот срок не мал —
Седым преданьям горькой старины,
Простым сказаньям горной стороны .
Ты затаив дыхание внимал,

И жар Страны огней тебе светил,
И дар поэта ей ты посвятил.

Стихов твоих сердечен слог и склад,
В груди твоей — тепло земли родное,
И неспроста в народе говорят,
И я тебе сказать сегодня рад:
Звучанье в них свое, не показное,
Лугов, эйлагов вешний аромат
И чистота заснеженных громад, —
Народ считает их своей казною.
И это ль не награда из наград?

Друг друга зная чуть не с колыбели,
Мы с первых же шагов с тобой пошли
Туда, где гор вершины голубели,
Почти неразличимые вдали.
И были мы тверды в стремленье к цели,
Пусть выли по-звериному метели,
Пусть вихри по-змеиному шипели, —
Мы шли плечом к плечу. . . Мы шли и пели. . .

Не верь обмолвке. Есть еще мечты,
Не сожжены мосты, и есть дорога,
И, если я остановлюсь, то ты
Не останавливайся у отрога, —
Пускай вершится твой полет орлиный, —
Пусть песнь твоя обнимется с вершиной.
Еще такие дали впереди,
Еще так много в мире сделать надо,
И строки, что не сложены, в груди
Таятся, как ненайденные клады.
А жизнь не ждет и требует: найди
Слова, что вдохновенны и крылаты!

Когда поэта чествует народ,
Душа поэта — море в час прибоя,
И, горд счастливо-горькою судьбою,
Он с новой силой устремлен вперед,
И, свято веря в мощь родной земли,
Встречает он грядущие рассветы,

И видит весны, что еще вдали,
И слышит песни, что еще не спеты.

17 декабря 1955

113. ТЕЛОГРЕЙКА

Ты помнишь, друг, как я, назад три года,
В Москве с утра к тебе ворвался в дом?
И сколько б мы ни пили в ту погоду,
Дай бог, чтоб чаще было так, вверх дном!

Южанин, был я в ту метель простужен,
И как же ты ругал меня, корил!
Что даже пусть я сам себе не нужен,
Тебе я нужен! — так ты говорил.

Сняв телогрейку, теплую от тела,
Ее мне по-солдатски подарил.
«Простуженный поэт — дрянное дело!
Не смей болеть!» — так мне ты говорил.

И голос твой, как огонек за вьюгой,
Не позабуду я, пока живу.
Пусть будет щепкою подарок друга, —
С той щепкой я моря переплыву!

Когда теперь с ружьем в степи шагаю
И зимний холод режет, как стекло,
Я сразу телогрейку надеваю,
Хранящую еще твоё тепло.

Когда в Баку ударит норд весенний,
И с легкими опять вдруг канитель,
И все родные хором — нет спасенья —
Зовут врачей, чтоб класть меня в постель,

Я надеваю телогрейку эту
И в ней сижу упрямо у огня.
Каких врачей еще искать по свету,
Когда ты взялся вылечить меня!

1955

ПОЭМЫ

114. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПОЭМА

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Зимний вечер, мороз и стужа.
Семь товарищей вышли в поле.
Над сугробами вихри кружат,
Рвется ветер, почуяв волю. . .

Шли в глубокие снежные дали.
А равнина — в дыму, у края
Свечи неба, чадя, мигали.
Нас вела тропа непрямая.

Впереди — Бахтияр как птица,
Вслед за ним — Мурад с папиросой,
Над Джалалом песня кружится,
А над степью ветер морозный.

Шахсувар, недугом измотан,
Тяжко дышит, отстал — нет мочи.
«Подождите, стойте! — зовет он. —
Мне не вынести этой ночи. . .»

Остановка. Все — к Шахсувару:
«Ты ослаб? . . .»

— «Отдохни немного. . .»

— «Он озяб. . .»

— «Да не было б жару —

Ведь еще далека дорога!»

Кровь застыла... Согреться б снова! . .
Но тепло покидает тело.
Нет уж силы вымолвить слова. . .
Что с больным среди ночи делать? . .

Тьма, и поле, да снег, да ветер.
Но под снегом бурьян нашли мы, —
Всё для друга найдешь на свете! —
И в ночи костер разожгли мы.

Хоть неяркое было пламя,
Но согрело оно больного —
Стал он ветки трогать руками,
Бормотать слова бестолково. . .

Ветер стих. Небо — в звездной пене.
Заиграли искры, взлетая.
Закачались седые тени,
Где-то там, в степи, пропадая. . .

Вдруг оттуда, из снежной дали,
Приближается конский топот:
Видно, наш огонь увидали
И пожаловал «в гости» кто-то.

Кто он, скачущий среди ночи,
Друг иль враг? По какому делу?
Ты как хочешь умом ворочай,
Лишь бы сердце узнать успело. . .

Потому не бахвальства ради
Бахтияр ружье поднимает,
Ищет цель невидящим взглядом,
Первой пулей в воздух стреляет.

«Эй, опомнись! Не надо драки!
Ты спросил бы сначала, кто я! . .» —
Прокричал незнакомец в страхе,
Словно трус, не принявший боя.

Мы смешались. Поверить, что ли?
Кто же он, в темноте орущий?

Кровь пролить без причины в поле? ..
Бахтияр опустил оружие.

Тот пришпорил коня да плетью
Хлестанул по бокам — и снова
Никого... Проскакал сквозь ветер,
Не сказав ни о чем ни слова! ..

ПЕРЕСТРЕЛКА

Разомкнула ночь ресницы.
Встало утро в дымке снежной,
Из-за гор взлетело солнце,
Под его лучами птицы
Кувыркались и резвились
Над равниною безбрежной. . .

Наш больной согрелся, ожил
У огня костра степного.
И немного подремали
Мы по очереди тоже.
Чтоб до сумерек к Дикдашу
Нам добраться, встали снова.

До чего ж она крутая,
Та гора, что так зовется!
Камни остры, как железо.
Слава черная, худая,
Редких путников пугая,
Над расщелинами вьется.

Жертв невинных кровь и слезы
Эти камни окропили.
Эти скалы еженощно
Слышат выстрелы, угрозы. . .
От убийц спасались редко
Те, кто пленниками были.

Люди правы, называя
«Чашей крови» место это, —
Проклят исстари Дикдаш!
Есть особая примета:

Здесь нигде цветы и травы
Не растут. Сгорело будто
Всё живое. Люди правы,
Обходя кругом Дикдаш!

И одно всему виною:
Здесь путей скрестилось много, —
Днем еще туда-сюда,
А пройди-ка темнотою
В Пейкянлы — село дурное!
Ведь одна всего дорога
Под скалою. . . Вот беда.

Бахтияр: «Скорей, ребята!
Осторожнее, тропинка
Камениста и узка».
А Джалал: «Бежим куда-то. . .
Словно гонят нас дубинкой. . .»

— «Что? Взгляни на смельчака!»
Бахтияр осекся. Тени
Словно выросли из мрака.
«Кто идет? Ни с места! Стой!»
— «Путники. Идем в селенье».
— «Не пройдете! Стой, собака! . . .»
— «Не твоей идем тропой!»
— «Есть оружие? Бросайте!»
Бахтияра кровь вскипела:
«Кто издал такой закон?»
— «Всех зарубим!»
— «Не пугайте!»
— «Что пугать, коль плохо дело! . . .»
— «Нас немало — миллион! . . .»

Но Герай винтовку вскинул. . .
Эхо выстрел повторило. . .
Руку правую свело. . .
Кто-то бека опрокинул. . .
Кровь бандита оросила
Драгоценное седло, —
То Джалал, спасая друга,
Метко целил из нагана!

Бек свалился на коня.
Вынес конь его из круга,
Но прозвали атамана
Одноруким с того дня! . .

Под покровом тьмы и дыма
Нияз-бек бежать пытался. . .
«Не сбежишь на этот раз!»
Шахсувар стреляет — мимо. . .
Снова выстрел!
«А! Попался!»
Наземь грохнулся Нияз.

Час пришел его кончины. . .
Но собрал он всё же силы, —
Где живучести предел? —
На краю своей могилы
Шахсувару прямо в спину
Дважды выстрелить успел!

Бахтияр с Джалалом рядом
Бились яростно и смело. . .
Лишь один, страшась коней,
Мирпаша, подобно гаду,
Прятал вьющееся тело —
В страхе ползал меж камней. . .

Перестрелка долго длилась.
Жажда жизни в жилах билась,
Множа силы храбрецов.
Обезумев, смерть носилась,
Ненасытная, слепая,
Над папахами бойцов!

Вдруг: «Ура!» Ты помнишь, помнишь
Этот крик, подобный грому?
Сабли-молнии взвились:
В тыл бандитам, к нам на помощь,
Краснозвездные герои
На конях своих неслись!

СМЕРТЬ ДРУГА

Он знает — гибель впереди,
Наш Шахсувар, наш друг и воин.
Не страх, а ненависть в груди —
Так умирать герой достоин.
И он, собрав остаток сил,
Почти беззвучно говорил:
«О мать, теперь не ожидай,
Тебе меня уж не дождаться. . .
Не плачь, родимая! И знай:
Должна ты твердою казаться.

. . . О Гюльджамал, о радость глаз!
Взглянуть бы мне в последний раз!
Так рано смерть пришла ко мне. . .
Еще фронты нас жгут огнями,
Еще враги в моей стране
Хлеб жизни топчут сапогами!
Как рано умираю я,
Не отомстив, сгораю я. . .

'А вы, друзья мои, вперед!
Идите, силы не убудут, —
Земля моя и мой народ
Своих героев не забудут. . .»
Сказал — и головой поник,
И, вздрогнув, навсегда затих.
То был его последний миг,
Но он в сердцах друзей своих
Живой! . . Он не оставит их. . .

НА БЕРЕГУ

Один над речкой Герай-бек,
Нет никого вокруг.
По гребням волн гуляет стек,
Как бы по спинам слуг.
Бек словно шепчет: мсти, казни,
Бьет по волнам глухим,
Как будто в чем-то и они
Повинны перед ним.

Три месяца прошло с тех пор,
Как он кочует здесь.
В лесу, в лощинах, между гор —
Вынашивает месть.

Всё будто невдомек ему:
«Как я не обуздал зверье?
И тот, кого сажал в тюрьму,
Кому швырял мое тряпье. . .
Кто верно пас мои стада,
Мои объедки ел. . .
Как смел загнать меня сюда?
А вот загнал, посмел!

Порушил честь моей семьи,
Селенья отобрал мои,
Поля мои, стада мои.
Владенья отобрал мои! . . .»

*

На берегу Куры стоит
Старинное село —
Совсем невзрачное на вид,
От века не цвело.
Все Салахлы его зовут,
В нем бедняки живут.

Боками бьет о берега
Ворчащая вода.
Дома смывает здесь река —
Здесь каждый год беда.

Худая о Куре молва.
За вздорный непокой
Прозвали — верные слова! —
Опасною рекой.

И вот в неладный этот край,
В вечерний смутный час,
Забрел сегодня бек Герай,
Как забредал не раз. . .

В глазах недобрые огни
Зажглись как угольки —
Стал вспоминать былые дни
На берегах реки, —

Здесь он резвился на коне,
Охотой увлечен.
«Всё тут принадлежало мне!» —
Сквозь зубы цедит он.

БЕГЛЕЦ

Вскоре небо помутнело.
Берега покрыло мглой.
В медной дымке солнце рдело,
Встречу праздную с луной.

Словно волк перед отарой,
Герай-бек из-за ветвей
Всё глядит на облик старый
Жизни чуждой, не своей.

Третий день голодный рыщет,
С перебитою рукой,
Без воды, без сна, без пищи,
Над бурлящею рекой.

Гнев и стыд — души смятенье!
Не осилить эту тьму,
И одно теперь спасенье:
В волны броситься ему.

Или чудится, иль снится —
Кто-то берегом идет.
«Эх, Бахман!»

Остановиться

Тот решил:
«Ну, кто зовет?»
— «Эй, сюда иди, каналья!
Узнаешь ли ты меня?»
— «Ты? .. По голосу признал я...
Не узнал бы среди дня! ..

Ты зачем сюда, хозяин?
Здесь кругом твои враги. . .»
— «По привычке. . . Шел с окраин. . .»
— «От привычки убеги! . . .»
— «Убежать, старик?! Попробуй
Убежать с земли своей! . . .»
Затуманен разум злобой.
Раны ноют всё сильнее.
«Ты, видать, задумал что-то?»
— «Да, задумал, не таюсь.
Будет всем еще работа, —
Всё верну и сам вернусь!
Говорили наши деды:
„Правду ищущий найдет!“»
— «Так-то так. . . Да наши беды
Не простит тебе народ. . .
Море крови в этой мести. . .»

Зло взглянул на старика:
«Это дело бекской чести,
Я живой еще пока!
А сейчас, аллаха ради,
Перебрось на берег тот. . .»
. . .«Стой! —

раздалось рядом, сзади. . . —

Стой! Мертвец не оживет:
Ты — мертвец!»
И Герай, застыв на месте,
Обезумев, ждет конца. . .
Бахтияр с Джалалом вместе
Всё ж догнали беглеца,
Шли по следу двое суток! . . .
Не сгибал Герай колен. . .
Да, теперь уж не до шуток —
Он впервые сдался в плен.

УМАЙ

Умай! Это имя в душе оживляет
Печаль, затаенную с давних времен. . .
И кажется мне, будто память не знает
Татьян и Офелий — известных имен.

На свете таких, как она, незаметных,
Порою веселых, порою — в слезах,
Узнаешь по взгляду, по доброму свету,
Что тихо струится в девичьих глазах.

Я знаю, мне кажется, в чем ее горе:
Уходит дряхлеющий мир из-под ног. . .
Пусть новый, еще неизведанный, вскоре
С хорошею вестью взойдет на порог! . .

Ни разу и книги в руках не держала!
Не слышала шума больших городов,
Железной дороги и той не видала, —
Жила как травинка заглохших садов. . .

И только летящих из дальних разведок
Таинственный слышала зов журавлей,
Да вопли и стоны детей и соседок,
Да грубые крики отцов и мужей.

Страшилась вечернего неба багрянца
И молний, секущих небесную медь.
Спешит она в угол подальше забраться,
Решая на жизнь лишь оттуда глядеть.

Пастушеской дудки печальная песня
И страстного саза тревожный напев
На миг прорывались к ней вестью чудесной,
Но вновь улетали, души не согрев.

И мрак наплывает из сказочной дали
И тушит, как искры на быстром лету,
Наивные страхи, мечты и печали —
И сон застигает небес пустоту. . .

Я знаю, мне кажется, в чем ее горе:
Уходит дряхлеющий мир из-под ног. . .
Пусть новый, еще неизведанный, вскоре
С хорошею вестью взойдет на порог! . .

Умай просыпается раньше, чем птицы. . .
Идет она легкой походкой такой!

Склонилась у речки напиться водицы.
К холодному камню прильнула щекой.

А время настанет садиться за ужин —
И есть меньше всех она будет, и пить
(Таков уж обычай: мол, в доме у мужа,
Быть может, придется по-всякому жить).

Когда же за горы заходит светило
И движется с поля вечерняя тень, —
Постель постелила, одежду сложила,
Замок на сундук — и кончается день.

Пустеют двory. Все под крышу уходят.
В кругу стародавних знакомых своих
Мужчины рассказы о битвах заводят,
О прежних игитах и подвигах их.

Одни — о Рустаме, не знающем страха;
Игит Кер-оглы на устах у других. . .
О дальних морях, о садах Карабаха
Услышишь в народных легендах живых.

А вот анекдоты Моллы Насреддина!
С тех пор как бытуют они на земле,
Такие смешные рисуют картины,
Что каждый хохочет у нас на селе. . .

А женщины? Тоже ведь заняты делом,
И сплетня за сплетней сорокой летит.
Уж это считается женским уделом:
«Послушайте, ужас!»
«Послушайте, стыд. . .»

«У той Гюльджамал и стыда не осталось —
Накрасилась, серьги какие висят! . . .»
А та, что судачит, сама не стеснялась
Намазаться ярче в свои шестьдесят!
Поводит бровями, глазами сверкает:
«Не замуж ли метит идти Гюльджамал?»
А утром о собственной лжи забывает
И клясться готова — другой, мол, солгал.

Пусть нервы чуткие твои
Не отдыхают никогда!
Где Байрон нынешнего дня?
Коль силы есть — создай его.
Где сладкогласный Физули
И где Вагифа мастерство?
Не угасай, не затихай,
Неужто время и дела
Порвать сумели нить стиха
И муза гордая ушла?

Так и весна — пришла, ушла...
А тайна, что хранит цветок,
Необходима, хоть мала,
Мала, как воздуха глоток!
Коль силы есть — пиши, лети
От всех помех, от всех погонь,
Пусть не оступится в пути
Тобой разгоряченный конь!
Но вот уже немалый срок
Сажу в гнетущей тишине...
О, если б показать я мог,
Как мысли плавятся в огне!

★

Чьи руки трудятся с зари —
Под ливнем, на морозе, в зной?..
Чьи воспаленные глаза
Горят опять передо мной?
Кто ошибался и упрек
Как боль, как рану принимал?
Идя дорогою побед,
Кто оступался, но шагал?
Кто потом поливал поля?
Кто сна и отдыха не знал?
Руками черными, как вар,
Мои ладони пожимал?
Да, это имена моих
Друзей — тех сказочных людей,
Чья речь, и дом, и добрый саз
Зовутся родиной моей!

Тех, кто дает мне хлеб и соль...
Для них рождается весна.
О них, о них пиши, поэт.
Пиши без отдыха и сна!
Смотрю на стройные ряды
Звонкоголосых сыновей —
Вот поступь сильной и прямой
Надежды родины моей.
Я верю — будет вечно жить
Творенье гордой чистоты,
И ты в веках отметь, поэт,
Тех современников черты!

В МЕЧЕТИ

Всё селенье в удивленье...
Говорят, случилось что-то.
В каждом доме — голоса.
Только выпадет роса,
Старики гудят, старухи:
«Комсомольская работа!»
— «Мирпаша — доходят слухи! —
Привязал в мечети... пса».
— «Святотатство!»
— «Преступленье!»
— «Вере изменил и богу!»
И поэтому сейчас
Как бы дьявол шулки ради
Нам не перешел дорогу!..
Говорят одно, заладив:
«Отвернулся бог от нас!»
Ширали — ахунд почтенный, —
Хоть и долго жил на свете,
Правды не успел сказать...
Но теперь нашел он случай
Голосить на минарете:
«Пес в мечети!» Повод лучший
Комсомол проклясть опять!
Видят люди слезы правды
На глазах ахунда лживых.
«Комсомол всему виной!
Где же вера, мусульмане?»

Бог накажет нечестивых!» —
И клянется на Коране,
Руки вскинув над чалмой. . .

ЗАКРЫТОЕ СОБРАНИЕ

Юность! Сердца клокотанье!
Называли нас «юнкомы» —
Год двадцатый предо мной. . .
Бахтияр ведет собрание.
Мой читатель! Вы знакомы:
Бахтияр — душа поэмы,
Боевой товарищ мой.

Первый голос

В бой идти? Пойдем без страха
Революцию спасать! . .
Но зачем же дом аллаха
Нам позорить, так сказать? . .
Мирпашу на самом деле
Надо строго наказать. . .

Второй голос

Мы виновны. Не сумели
Негодяю указать!

Третий голос

Брось ты! Что не знают люди?
Он собаку сам привел,
Пусть один в ответе будет:
Нянька, что ли, комсомол?
Мне так вовсе нету дела
До делишек Мирпаши.
Совесьь подлого истлела,
Не спасти его души! . .

Четвертый голос

Пес в мечети — шутка только!
Сделал это Мирпаша
Ради смеха. . .

Г о л о с а

- Шуму сколько!
- Тоже шутка — хороша!

П я т ы й г о л о с

Тут, по-моему, иное, —
Любим каяться порой:
Если сделал друг дурное —
Коллектив у нас дурной.

Ш е с т о й г о л о с

Объяснили, отругали —
Хватит, что ли, приставать!
После этого едва ли
Так он будет поступать!

М и р п а ш а

Я, товарищи, считаю,
Поступил неплохо я —
Я моллу не почитаю. . .

Г о л о с

Тоже мысль глубокая! . .

М и р п а ш а

Я нечестного не сделал —
Не украл, не обманул. . .

Г о л о с а

- Молодец!
- Вот это смело!
- Вот как ловко повернул!

М и р п а ш а

Вы словами не играйте.
Мне с моллой не по пути!
Я виновен? Покарайте!

Г о л о с а

- Разошелся!
- Не крути! . .

Мирпаша

Но, клянусь, моллу прихлопну —
Всё равно ему конец!

Голоса

- Хулиган!
- Уж больно злобно!
- Успокойся!
- Молодец! . .

Бахтияр

Не шумите! Послушайте, что я скажу!
Люди верили в бога веками,
С этой верой от юности к зрелости шли.
За семью как мир стариками.
И доверились люди и шли не таясь
За религией. . . Страшное рвенье! . .

И молились они,
И прониклись они
Этой ложною верой в спасенье. . .
Может, жили, как мы, Магомет и Иса
И по свету ходили, как все мы!
Но когда говорят,
Что вознесся Христос в небеса,
А другой — Магомет —
К нам на землю сошел

из Эдема, —

Это ложь! Это черная выдумка молл!
Если жили, то умерли вскоре.
Говорю, как и думаю:
Трудно людей отучить —
Легче выпить соленое море!

Потому и скажу я тебе, Мирпаша,
Ты затеял неверное дело:
Недозревшее яблоко
Палкой сбивать — не борьба!
Ведь бороться-то надо умело.
Глупой палкой людей не заставить сейчас
Отвернуться от буквы Корана!
И не силой будить нам сознание масс.
Люди видеть должны в каждом,

В каждом из нас
Комсомольца, а не хулигана!
А сегодня тебе — хулигану — позор!

Мирпаша не ответил ни слова.
Что ответить он мог? Справедливый укор!
Он молчит, опустив затуманенный взор. . .
Знает: правда, а правда сурова.

ВОСКРЕСНИКИ

Землянка трехметровой глубины —
Лачуга, не впустившая весны, —
Сырые стены, как в могиле тесно. . .
Витают здесь безрадостные сны.

Тоска! Тоска! В глазах извечный страх,
И паутина цепкая в углах,
Задымленный очаг черней, чем уголь. . .
Входя, согнись в приземистых дверях.

«Но кто могилу нищего найдет?» —
Так говорят. Здесь Қызетар живет.
Живет? О нет, влачит существованье!
Старухе той восьмидесятый год.

Увяла сила ловких рук ее.
Кто перенес бы сотни мук ее?
Бессильной жизни далеки истоки. . .
Забрало время всех подруг ее.

Бездействует ее веретено.
И маслобойка высохла давно,
Остыл очаг — лежит холодный пепел,
В углу хурджин — залатанное дно. . .

Ходила шестьдесят бездолжных лет
В чужих домах (работа за обед)
За малыми детьми ленивых женщин,
А сытости, покоя нет и нет!

Река ее судьбы замутнена,
Добра нигде не встретила она.

Стоит под дверью: «Дайте заработать! . . .»
Душа служанки выпита до дна.

Читатель мой! Хочу я рассказать
Всё до конца. И мог бы я назвать
Трагедией безрадостною повесть.
Кто Кызетар? Несчастнейшая мать.

Гордилась сыном. Именем его
Клялась она! Был бог, очаг, тепло.
Но сына увели как «добровольца» —
И не осталось в жизни ничего. . .

С тех пор минуло много сотен дней,
Но как ушел, так нет о нем вестей,
А мать глядит на пыльную дорогу,
Печаль и муку доверяя ей.

«Если б розе не пылать,
Не пылать, не отцветать,
Если б можно было смерть
И разлуку миновать» —
Так повторяла с горечью она. . .
Ужели жить еще обречена?
Безрадостная, нищенская доля. . .
Но всё живет. . . То не ее вина!

*

Утро. Солнце встает из-за горных хребтов.
И туманы плывут по ущельям и рекам.
День восходит над миром и к битве готов
За мечту, за грядущую жизнь человека!

У порога землянки убогой своей
Кызетар в полусне дожидается света,
Бьются мысли, как стиснутый в скалах ручей,
В них смятенье, и нет им пути и ответа. . .

Разве кто-нибудь знает все тайны души? . . .
Безнадежно на небо взирает старуха —
Верно, ищет всевышнего в синей глуши,
Но прекрасное небо и немо и глухо.

Снова горе что камень в груди у нее, —
Снова бог не услышал! . . . Обет не нарушив,
Всё ж молилась она. И пришло забвенье,
Напоило смирением душу. . .

Вдруг теплый ветер с высоты
Весь зазвенел веселой силой,
Сухие дрогнули кусты,
И рокот голосов густых
Слетел к душе ее застылой. . .

«Свободная песня, лети в облака —
Победа великого дела близка!
Мы силою мускулов мир обновим.
Мы счастье народам несем на века!

О счастье народа поет Комсомол!
Сдавайся, природа, идет Комсомол!

За мир и за волю мы вышли в поход.
Пусть красное знамя над миром плывет!
Ничто нам преградой не станет в пути!
Одна лишь дорога — вперед и вперед!

О счастье народа поет Комсомол!
Сдавайся, природа, идет Комсомол!

Взвивайтесь, знамена, в небесную высь!
Крылатая песня, над миром несись!

О крови, о горе забудет земля.
На благо народа, товарищ, трудись!

О счастье народа поет Комсомол!
Сдавайся, природа, идет Комсомол!»

. . . Читатель мой, в потоке голосов
Узнал ли ты своей весны цветенье? . . .
На битву с нищетой повел бойцов
До полного ее уничтоженья
Наш Бахтияр! Вот слышен крик его:

«Сюда, друзья! Вы видите лачугу?
Снести ее долой и ничего
Не оставлять. . . Иди на помощь другу!
Довольно вам, мамаша Кызетар,
Скитаться, ничего не зная, кроме
Чужих кусков. . . Теперь примите дар —
Начните жизнь в большом и светлом доме!
Тепло, светло. . . Вы подружитесь с ним!
Все беды были до поры, до срока.
И назовем мы вас в пример другим
Раскрепощенной женщиной Востока!»
Разрушили лачугу в тот же день. . .
Смели с земли. . . И снова в путь-дорогу!
Один очаг — чернеющая тень —
Беззубой пастью жалуется богу. . .
И подняли пожитки нищеты
Пять юношей, к хозяйским воплям глухи,
И понесли, смеясь, без суеты
В какой-то дом. . . Не верится старухе!
. . . Но что это? Мой друг — поэт Джалал
Стоит один, глядит себе под ноги. . .
Так в первый раз он от друзей отстал —
Товарищей, идущих по дороге.
Лицо бело. Тяжелый взгляд суров.
Всю ночь не спал. Нелегкое искусство
Любить, мой друг! . . Тебя гнетет любовь,
Но нет. . . Любовь — совсем иное чувство!
А та любовь, что разума сильней,
Она, поверь, угрюма, словно камень. . .
Не радость, нет, а тяжесть дум о ней
Тебя в дороге разлучила с нами. . .

Да ничего, надежды не теряй,
Судьба твоя тебе же улыбнется, —
Быть может, от отца уйдет Умай.
Любимая к тебе придет Умай,
Твоей женой по праву назовется. . .
Наступит утро и твоей любви. . .
И вновь — друзья, и вновь — труда кипенье!
В борьбе ты силы обретешь свои,
Любовь вернет и труд и вдохновенье!

А если всё пойдет наоборот?
Опять тоска. . . К чему приложишь руки? . .
Какой еще подарит поворот
Изменчивой судьбы водоворот? . .
Любовь и радость не живут в разлуке. . .

Так, стоя у дороги, думал он.
Всё не решить с налету, сгоряча.
А мысли несуразные стучат. . .
Он тает, догорая, как свеча,
Он — раб любви, которой напоен. . .

А я печалюсь, видя твой удел,
Поэт Джалал, мой верный друг Джалал!
Так быстро ты к победе охладел,
Как будто в воду брошенный металл,
Дотоле раскаленный добела.
Ты вдохновеньем долго ли владел?
Как скоро сила гордая ушла!
И я печалюсь, видя твой удел. . .

Я понимаю, что это — любить!
Ведь на любовь у нас запрета нет,
И счастье каждый думает добыть,
Как некогда в ночи тепло и свет
Прапращуры искали, может быть. . .
Но разве жизнь в одной любви, друзья?
Нет, мой Джалал, так поступать нельзя!
Ты понимаешь, что это — любить?
Читатель мой, ты не суди меня!
Я уважаю молодость и страсть.
И я сгорал от первого огня,
Но та любовь мне не дала упасть.
А наш Джалал стал жертвою мечты.
Его любовь — не сила, не броня!
Мне жаль его. . . Мои слова просты. . .
Читатель мой, ты не суди меня.

Дом поднялся на горе,
Окна выстроились в ряд.
Солнце в праздничной игре
Новый выткало наряд!

Словно снова родилась
Кызетар — седая мать.
Вот что значит наша власть —
Это молодость опять!

Беднота всего села
Схоронила горе там —
Силу наша власть дала
Ослабевшим их рукам.

Немного времени прошло,
Как Бахтияр пришел в село.
Собрал товарищей, друзей,
И дело весело пошло.

Огонь в работе — Бахтияр,
И что ни день, то новый дом,
Бригадой созданный, встает!
А всё отжившее — на слом.

То на арбе везут траву,
Поднявшись раньше первых птиц.
То рубят лес, то камень бьют. . .
В работе — до ночных зарниц!

Он — сын бакинских промыслов.
Труду отдался всей душой,
Чтоб знали бедняки в селе —
Он свой для них, а не чужой.

В нем воля гордая живет,
В нем — силы воинской огонь!

На нем — солдатская шинель.
Богатство всё — ружье да конь. . .

Но жизнь как меч в его руках.
Его мечта — для всех добро.
Таков товарищ Бахтияр.
Ему служи, мое перо!

*

Восход оттесняет небесную мглу.
Зари очертанья нечетки. . .
Сидит Қызетар по привычке в углу,
И цокают старые четки. . .

До смысла свободных и радостных дней
Она доискаться не в силах. . .
И думы туманом витают над ней —
О днях вспоминает постылых. . .

И думает: «Есть еще всё-таки бог
И есть всемогущие духи. . .
Спасибо за то, что есть крепкий порог
И дом у несчастной старухи! . . .»

*

Ночь. Село, сомкнув ресницы,
Спит без звука, без огня. . .
Лес невидимый теснится,
Тайну древнюю храня. . .

Вот затаивали собаки
И затихли до утра. . .
Шелестит волной во мраке
Быстротечная Кура. . .

Берега — в тумане рваном.
Дождик вырвался из тьмы. . .
Под небесным океаном
Спят ленивые холмы. . .

С неба огненные строчки
За порог летят земной. . .
В темноте подобной ночи
Путь лежал и предо мной. . .

СТРАЖА

Тяжкий груз туманов серых,
Точно горе, обнял горы, —
Ночь тесна и глубока. . .
А внизу о голый берег
Тихо плещется река. . .

В этой темени ползучей
Притаилась наша стража —
Боевой охранный пост.
В тишине лежат под кручей
Водоем, дорога, мост. . .

Потому стоят ребята,
Чтобы не было повадно
Притаившимся врагам
В наши мирные селенья
Пробираться, как волкам!

Сон смыкает людям веки:
Тяжела ночная вахта —
Тьма, усталость, тишина. . .
Сколько силы в человеке,
Что добру служить должна!

Караулы проверяет
Сам Керем перед рассветом,
Не до сна ему пока,
Многие селенья знают
Коммуниста-вожака.

По душе Керему с лета
Бахтияр! Великой верой
Верит в парня комиссар.
И гордится дружбой этой
Комсомолец Бахтияр.

Над горами тучи кружат. . .
Зорко всматриваясь в темень,
Комсомол с ружьем стоит, —
Ни туман, ни страх, ни стужа
Не проймут живой гранит!

Каждый миг на бой кровавый
Комсомол готов. А кто же
Безмятежно, крепко спит?
Кто худой доволен славой? —
Мирпаша, забывший стыд. . .

Бахтияр затвором шелкнул —
Испугать бы дурня, что ли?
Выстрел грохнул над горой.
Мирпаша во сне причмокнул. . .
«Подымайся! Эй, герой!»

ТЕАТР НА СЕЛЕ

. . . Вот самый живой из живых, величайший
Из самых великих, скромнейший из скромных!
Жизнь будет для жаждущих полною чашей,
И домом становится мир для бездомных!
Вот Ленин. . .

Вот, руку подняв на трибуне,
С портрета он смотрит, к борьбе призывая. . .
И время стремится к всемирной коммуне. . .
. . . Уж месяц, как отняли дом у Герая. . .

И весь этот вечер при лампочке скудной
Старуха глядит на портрет неотступно;
В глазах огонек еще теплится смутно,
Морщины как тропы судьбы многотрудной
На лбу вспоминающей горе старухи.
Но теплым пальто ее плечи одеты,
И шалью покрыты. . . И годы разрухи
Забудет, ей грезятся счастья приметы!
Ей отдал комбед из имущества беков
Трех дойных коров, и лошадка досталась!
И видит в себе Кызетар человека —
Легка и крылата, забыла усталость,

Глядит неотрывно весь вечер, весь вечер...
Лицо на портрете... Так вот оно, значит...
Коммуны пророк!.. И бессмертен и вечен!..
Ведь не было б горю скончанья иначе.

Пролог

... А сумерки в полную темень сгустились...
И клуб освещенный наполнился снова.
На сцене дощатой не в пляску пустились
Герои спектакля, а к мукам готовы!
В костюме нукера мы видим Джалала,
А бек — Бахтияр. Каково превращенье!
Джалала он в шею колотит — всё мало!
Тот валится наземь и просит прощенья —
Он трус, он безволен, как жалкий калека...
«Ты вор!»
— «Я невинен... Всевышнего ради!»
— «Ишь, скот! Умоляет мой раб о пощаде?..»
— «Бей крепче!» (Вот слово приятеля бека.)
— «Бей крепче!» (Стихают рыданья бедняги.)
Лежит бездыханный... Хозяйское право.
Отходят, бормочут о боге, о благе,
О милости — всё очевидцы расправы...
«Бей крепче! Сумей же хоть слова добиться!»
Вдруг плеть обрывается у рукояти,
И камень хватает, нагнувшись, убийца...
Готов «обреченный». И — занавес кстати.

Акт первый

Гостей Герай-бека приятная встреча...
Гляди-ка, и лица у них не суровы,
И щурятся очи, и сладостны речи!
Бокалы — и те улыбаются словно,
Светясь золотистым и алым накалом,
Когда выступают с торжественным словом
Желанные гости, — и лестно бокалам!
Никто не бормочет, никто не горланит.
Не спорят и не задираются спьяну...
«Да здравствуют нация и парламент!»

И первое слово — министру Эльхану.
«Вы знаете! Ныне времен перемена,
Меняется всё и проносится мимо. . .
Как палуба, зыблется жизни арена, —
Тончайшая бдительность необходима!
Хотя двадцать шесть комиссаров замолкли,
В Баку у рабочих творится такое,
Что вешаем им на уста не замок ли
Железный? И всё-таки нет нам покоя!
Уж в села и то проникает брожение. . .»
— «Прибавили жрущим ячмень аппетита?
Крестьянам земля, мол, дана от рожденья
Природой. А кто им хозяин — забыто?» —
Встает Герай-бек разъяренный и с силой
Об стол кулаком. . . И от злобы немеет. . .
«О друг! Успокойтесь! Зачем же, о милый,
Земля батраку? Он быка не имеет!»
— «Быка ему надо, корову, барана. . .»
— «И лошадь?»
— «И лошадь!»
— «А женщину хочет?»
— «И женщину!»
— «Ну а подохнуть не рано?
Пусть всё это к смерти своей приурочит!»
— «А слышал я, гибель помещикам скоро. . .
Бессилен парламент. . .

Он власть не удержит. . .

Он сдаст ее большевикам!

Где опора?

Нет! Нация ждет возрожденья и славы.

Где сила? Безволие нацию режет! . .

Великая Турция — вот где спасенье,

О ней и легенды, как раны, кровавы. . .

Увы! Наступила пора невезенья. . .

Давно уже древним народам несладко,

История не улыбается туркам. . .

Граница — вот нашего горя разгадка,

Нам накрепко надо обняться друг с другом!» —

Так, глядя на саблю свою, заявляет

Паша — представитель сверкающей знати,

Кушак дорогой на себе поправляет,

И синее пламя дробится в карате.

Паша говорит по-турецки красиво:
«Мечта нефтяным океаном дохнула,
Вот-вот нефтепровод протянут на диво
Могучий — от Каспия до Истамбула. . .»
Эльхан продолжает:

«Да сбудется скоро!
Клянусь, что парламент несет нам победу;
Кровавых кочи, словно гончую свору,
Мы пустим за бунтовщиками по следу!
Поскольку затишье неделя-другая,
Используем время и тайное жало!
Армяне и турки, друг друга пугая,
В конце-то концов подерутся, пожалуй. . .
Погромы, пожары — того нам и надо!
Прекрасное для голытьбы развлечение:
Полезно для этого скотского стада
Железом и кровопусканьем леченье!

Резня без пощады — мужская услада,
Больных успокоит леченье такое,
Помещиков, беков оставят в покое. . .»
— «Эльхан! Молодец! Заживем на Востоке», —
Хмельной Герай-бек восклицает в восторге.
Герай от вина и от радости пьян,
Неверной рукой опрокинув стакан,
По-русски бормочет: «Стакан, ничиво. . .»
Мол, пусть продолжается пир, торжество.

А к т в т о р о й

«Приветствуйте шейха!» — хозяин велит.
С Кораном в руках, не смущаясь нимало, —
Посланец аллаха, чалмою повит.
Посланец греховных и черных деяний
На слуг Магомета выходит взглянуть,
О чем говорилось, смекает заране
И, взор закатив, наставляет на путь:
«О цвет правоверных! Пора наступила
Отдать ради нации жизнь и добро.
И рук и сердец ваших зрелая сила
Нужна ей, как золото и серебро!
Кто кровь своих жил расточает без страха,

Тех ангелы, не призывая на суд,
Умоют росой и к престолу аллаха
На крыльях зеленых своих вознесут!»
Так черный посланец бесстыдно болтает. . .
А взглянешь — как будто почтенный старик!
Он срама нигде уже не испытает —
Сызмальства испытывать стыд не привык.
Но странно, кого он увидел? Имрана!
«Имран!»

Но поникла слуги голова,
И сердце горит, как глубокая рана,
От вечной печали. . . Пропали слова. . .
«Простите! — он просит. —

Собраться недолго —

Бог видит правдивую душу мою:
Могу ли святого не выполнить долга?
Да как я оставлю большую семью?»
Но вот подымается сам Герай-бек:
«Моя это будет забота в дальнейшем!
Запомни, такой уж я есть человек!
Мы ценим в тебе храбреца и игита,
Еще поднатужься для нации, друг!
И богом не будет заслуга забыта,
И сам я твоих не забуду заслуг!»
— «А дети?»
— «Оставь! Не кручинься без толку:
Не кто-нибудь — я их к себе заберу!»
Один из гостей ухмыляется тонко —
Слугу, мол, в опасную тянешь игру. . .
И только Керем Золотая Папаха
Сквозь окна вечерние взглядом следит,
В усы усмехнулся. Он смотрит без страха
В лицо Герай-беку, а тот не глядит. . .

*

Ночь. Душная темная летняя ночь. . .
Желтеет, желтеет луна.
Орудья гремят до зари напролет,
Трясется земля. . . Недолет, перелет. . .
Как дыня, когда переспеет она,
Желтеет, желтеет луна. . .

А в доме Герая веселье опять.
 Веселье, и смех, и вино.
 «О, нация будет весь век ликовать:
 Так туркам одним суждено!»
 Ослабился снова министр Эльхан,
 Кумир собутыльников он.
 Здесь каждый сверх меры и сыт и пьян...
 Бокалов серебряный звон...
 «Вы сами, о бек, герой в борьбе!
 Какой-нибудь месяц пройдет —
 Своею решительностью себе
 В парламент откроете ход».
 — «Спасибо, почтеннейший гость! Чох саг-ол
 За добрую речь обо мне!
 Я счастьем бы, друг, для себя почел
 Отдать свою жизнь стране!
 Всѐ, честное слово, отдать готов!..»
 — «Простите меня, дорогой,
 Но где же тот главный из наших скотов,
 Отнявший у нас покой?
 Куда запропал?.. Коммунист... Керем?..
 Обложен со всех сторон,
 В папаше своей золотой между тем
 На воле гуляет он?
 Еще не схватили его, говорят?..»
 — «Ушел он на промысла?»
 — «В селеньях дружин у него, говорят,
 Без числа».
 — «Пока не поймали его, говорят?»
 — «... А как на фронте дела?»
 — «Как, не знаете вы? Настоящий ад —
 Грохот, огонь, зола!»
 — «Убивать, умирать — это долг солдат!»
 — «Лишь не знать бы другого зла...»
 — «Убивать, умирать легко, говорят!
 Нас такая война спасла».
 — «В чем политика — никому невдомек!»
 — «Вам хвала, Герай-бек, хвала!»
 — «Восхищаемся мы, как твой дух высок!»
 — «К славе нация вас привела!»
 — «Вода и земля наших милых стран
 Да пойдут тебе впрок, дорогой!»

- «Ах, оставь, оставь, дорогой Эльхан:
Я солдат, как любой другой!»
— «Да, вы долгу верны!»
— «Да, сказать я могу. . .»
Что и впрямь перед долгом я не в долгу. . .»
— «Так что выпьем, Эльхан дорогой!»

Акт третий

. . . Зал, притихший в черный миг, смотри.
Залилась горячими слезами
У коптящей лампы Гюльпери,
Просит бога: «Смилуйся над нами!»
Мечется по комнате — рывок
К двери и обратно. . . Постояла,
Выдернула старой шерсти клок
Из матраца, клок из одеяла. . .
Завтра постарается продать,
Может, хватит на кусок чурека? . .
Такова уж нищета, — видать,
Голод истязает человека!
Вдруг в глазах от ужаса туман. . .
Герай-бек вбегает в полумраке,
Плеть в руке, у пояса наган,
Красный блеск в глазах, как у собаки. . .
Щеки Гюльпери белей холста.
На челе, как тучи, тени горя. . .
«Ну, салам! Что скажешь? Неспроста
Ты не спишь, с глубокой ночью споря!
Новости какие? Дети где?»
— «Дети спят. . .»
— «А ты ждала кого-то?» —
Спрашивает бек, как на суде.
«Что ждала? Легка твоя забота!»
Покраснела, голову склонив. . .
Бек Герай в восторге.
«Вот так диво!
Розочка раскрылась! . . Я чуть жив. . . —
Хлопает в ладоши:
— Ай, красива!
Новость Расскажи погорячей. . .»
— «Что сказать? Живем, хозяин, худо. . .»

— «О, как томен взор твоих очей!
Право, красота такая — чудо,
Шахской спальни стоишь ты, ей-ей!»
Замирает Гюльпери от страха.
Грозный гость в сторонке хмурит бровь.
«Ради всемогущего аллаха,
Бек, не оскверни мою любовь! . .
Мне ли до утех? Сидим без хлеба,
Дети голодают, бек Герай!
Стонув бедняков не слышит небо! . .»
Герай-бек смеется:

«Ай-яй-яй!

Быть не может!»

— «Мне аллах свидетель. . .»

— «Так бери мешок, когда не лень.
Приходи — я сам за всё в ответе, —
Получай пшеницу и ячмень,
Вреден голод красоте!»

Он ближе,

Ближе подступает. . . От стыда
Вся в поту, она молчит. . .

«Приди же.

Будет для детей твоих еда!»

Снова исподлобья, смерив взглядом
Женщину, полез к себе в карман,
Вынул деньги: «Знаю ведь, что надо!»
— «Как возьму? Рассердится Имран!»
— «Ты дитя! Кто сообщит Имрану?»
— «Бек! Ведь я детей Имрана мать!

Пусть умру, а мужу лгать не стану,
Нашу честь не дам я растоптать!»
— «Не вернется он живым из драки. . .»
— «Что?!»

— «Погибнет. Брось его, забудь!»

— «Бек, уходите! Ночь. . . Аллах во мраке
Видит нас, аллах — не кто-нибудь!
Господу не нравится такое:
Вы — чужой».

— «Да ты кривляться брось!
Шерсть продать задумала?!

Пустое!

Ночь пробудем вместе, а не врозь!

Лучше уж сама побойся бога,
Не упрямясь! Радость подари!
Пять ночей, пять дней — совсем немного
Длится жизнь, красotka Гюльпери. . .
Нам даны пять суток жизни этой. . .
Отдохни у бека на груди —
Лучше ведь, чем, в рубище одетой,
Голодать! Сама ты посуди.
Слышал я, что ты умеешь даже
Говорить на птичьем языке?
Что же ты, колдунья, беку скажешь?»
Бьется у него в руках в тоске. . .
Крепко обнял и в глаза целует. . .
Отпустил. . .

«Ну как? Забудешь стыд?»

Крутит ус. . . Уже в душе ликует. . .

Гюльпери, как статуя, молчит.

Но глаза пылают. . . «Вон отсюда!»

— «Что сказала?!»

— «Убирайся прочь!

Прочь, бесчестный! Слышишь? Будет худо!»

— «Что сказала?»

— «Честных не порочы!

Слыхано ли где такое зверство?»

— «Эй, молчи! Изрежу, разорву! . . .»

— «Угрожать иди в другое место —

Есть жена! Соседей позову. . .»

Задохнулся Герай-бек от гнева,

Снова к ней. . . Она кричит, зовет,

Умоляет. . . «Люди, люди, где вы?»

Вот уж собирается народ. . .

В дверь соседи ломаются напрасно. . .

«Не входите! Нельзя!» — кричит Герай.

Но не может не помочь несчастной

Гейвели, огромный, как гора. . . .

Дверь плечом высаживает. . . Снова

Озверелый бек рычит: «Нельзя!»

Обнажил кинжал, глядит сурово

Гейвели и бросился, грозя:

«Вот наш бек — без совести, без чести!

Вот он, сын бесчестного!»

— «Вы! Прочы!

Кто такой? И все долой с ним вместе!
Смерти захотел? Могу помочь.
Застрелю. . .»

И свой наган хватает. . .
Видно, Гейвели того не ждал,
Отступил, застыл. . . И выпадает
Из руки защитника кинжал.
Бек вскочил, ощерился по-волчьи. . .
Но ему на голову она
В этот миг обрушивает молча
Тяжесть своего веретена. . .
Отрезвев, сжав голову руками,
Опрометью убегает бек,
В ужасе, что ночь кишит врагами!
Жалкий, унижительный побег. . .

*

Всё темнее лик весенней ночи,
Войско облаков ряды сомкнуло,
Спят равнины, вьются тени ночи. . .
Сердце ночи бьется, не уснуло.
Войско облаков ряды сомкнуло,
Изредка вдруг небо огласится
Запоздалым криком журавлиным,
В свежести ночной душа стремится
В небеса, к неведомым глубинам. . .
Снова человеку счастье снится. . .
Только Гюльпери стоит уныло
На пороге бедного жилища,
Низко-низко голову склонила
На пороге нищего жилища. . .
В теле и в душе иссякла сила.
Слез горючих огненная горечь
Выжигает очи. . . Где любимый?
«Ты услышишь о моем позоре,
Ты найдешь меня в беде, любимый!
О Имран, вернешься ли? . . О горе!
Друг, вернись! Поверь своей подруге —
Я не уступила воле зверя. . .
Но молва пойдет по всей округе. . .
Ты меня покинешь, мне не веря;

Скажут — я забыла о супруге! —
Плачет, стоя у своей лачуги. . . —
Как меня узнаешь в этом виде?
Где же та, которой ты гордился?»
Так зовет и слезы льет в обиде. . .
Но горами друг загородился,
За полями правду не увидел. . .

ДЖАЛАЛ И УМАЙ

Помню, помню, помню и другое. . .
В облаках луна плыла высоко.
Кто? — Джалал, Умай у поворота,
Хмель в глазах, не плакавших до срока:
Не дошел суровый вестник рока. . .
«Ты одна, Умай, на целом свете
Мною так любима! Не измеришь. . .
Если есть божественная сила
Для меня, то это ты! Не веришь?»
— «Верю я тебе, что не изменишь!»
— «Ежели ты только на мгновенье
Скроешься из глаз, меня покинешь,
Тут же я погибну, я ослепну.
Черную фату на мир накинешь!
Правда, было дело, дорогая,
Я и твой отец врагами были,
Скрещивали в битвах наши сабли. . .»
— «Что там вспоминать о прежнем пыле?
Прошлое пусть спит в своей могиле!
Ветер не упомнит ветхой пыли.
Ветры грозовые ведь ослабли. . .»
— «В годы становления героев
Толпы многотысячные в сборе.
Надвое история их делит.
Грозные фронты сближают в споре,
Каждая рука приносит горе».
— «Бьющая рука приносит горе!»
— «Горы зла эпоха перемелет».
— «Может быть, ты прав, Джалал, не знаю. . .
Присылай же ты сватов скорее!»

— «Нет, Умай, нельзя еще, пожалуй, —
Твой отец узнает о затее.
За другого выдаст поскорее. . .
Так уж водится всегда на свете —
Любящие сходятся не часто. . .»
— «Что же делать?»

— «Что? Бежать отсюда!»

Нам в других краях не будет худо,
Сердце там не может быть несчастно:
Лишь в разлуке двум влюбленным худо!
— «Нет, Джалал, такое невозможно!
Знают все — отец мне даже снится:
Комкаю во сне платочек, плачу,
Чувствуя, что надо с ним проститься!
Нет, не только навсегда, на годы,
А на месяц или даже на день
Я отца покинуть не могла бы
Для любви, для счастья, для свободы!
Лучше смерть! Найди его скорей!
Слышишь! Убеди его скорей!
Чтобы не могли ни друг, ни враг
Высмеять родного — сделай так!»
— «Жертвою тебе пусть буду я!
Как мне пред тобой не преклониться?
Как же твой приказ забуду я?
Как мне пред судьбой не преклониться?
Лучше мне и солнца не видеть,
Нежели твой свет меня покинет!
Чем возлюбленной не обладать,
Лучше пусть любовь со мной погибнет!
Я найду, найду его сейчас, —
Мне бояться смерти не пристало.
Пусть убьет меня его отказ.
Ожидать душа моя устала!»
— «Нет, отца жестоким не считай!
Он простит, он не убьет отказом!»
Улыбаются глаза Умай. . .
И Джалал уже теряет разум. . .

Как ашуги, свадьбу воспевая,
Словно в час восхода соловьи,

До зари друг друга обнимают
Милые влюбленные мои.
Время длится, и луна уходит.
Им отрадней света темнота. . .

★

Юным я давно уж не чета.
И вино воспоминаний бродит
В памяти, что прошлым занята. . .
И моя любовь была крылата,
Вдохновлялась женской красотой. . .
О любовь, не понятая той,
Кем поработан я был когда-то!
Темной, с ограниченным сознанием,
Всё ей оказалось нипочем.
Забавлялось глупое создание
И играло сердцем, как мячом.
И его о камне била, била. . .
Эту муку сердце не забыло!

друзья

Они распрощались уж за полночь, поздно. . .
Задумавшись, шел он знакомой тропой.
И в небе мерцали мохнатые звезды —
Чужие светила над нашей землей. . .

А дома, шинель порыжевшую скинув,
Портретик Умай прижимает к груди.
Всё думает, брови широкие сдвинув. . .
Вдруг кто-то стучится.

«Э! Кто? Заходи! . .

А, ты, Бахтияр? Вот и солнце восходит!»
— «Да ладно, Джалал, не до шуток сейчас.
Без дела по сонным жилищам не бродят.
А время четвертый уж, видимо, час. . .
А ну, мой дружок, погляди-ка в глаза мне.
Ну, что приключилось? Ты мрачен опять. . .
Хочу, чтобы ты обо всем рассказал мне! . .»
— «Оставь, Бахтияр!»

— «Нет. Ты должен сказать!»

— «Узнаешь. . . Потом. . . Расскажу, не скрывая».
— «Я горе твое по тебе уж узнал.
Скрывай не скрывай, а улыбка кривая. . .»
И, словно ребенок, краснеет Джалал.
И боль и смятение у парня во взоре.
«Ловушку тебе смастерила судьба.
К лицу ль комсомольцу сердечное горе?
В любовной горячке забыта борьба? . .
Я молод, как ты, но развязаны руки,
И жизнь моя вечно проходит в боях, —
Не знаю любви, ни тоски, ни разлуки. . .
Любовь — это ревность, мученье и страх!
А ты? Ты попался. . . Бредешь на аркане?
Подумай, куда за любовью идешь. . .»

— «Ну что же? Я — горстка земли или камень,
Как можно живому не чувствовать? Ложь!
Мне хочется жить, как другие на свете.
Любить, разлучаться, терзаться, любя. . .
Любовь — это жизнь! . .»

— «В этом пылком ответе

Сегодня узнать трудновато тебя. . .
Поверь мне, всё это порыв, и не боле,
По юности лет . . . Всё промчится как дым».
— «Пойми, Бахтияр, ведь влюбленный не волен
Над бедным рассудком, над сердцем своим!»
— «О том ты не думал, кого избираешь?»
— «О, это нежнейшая песня, слеза. . .»
— «Постой-ка, поэзией с толку сбиваешь! . .
Ты молод, умен, так открой же глаза!»
— «Раскрой в ее сердце незримые двери,
Ведь время такое. . . Она поклялась!»
— «А ты, размазня, ее клятве поверил?
Откуда наивность такая взялась?
Ты помнишь последнюю битву в ущелье?
Тогда не ее ли ты ранил отца?
Года пробегут, отбушуют метели,
Но мстить тебе будет Герай до конца!
Подумай немного спокойно и здраво:
Идеи иные у нас и у них!
Он жив, а за ним и отцовское право.
Ему по душе ли подобный жених?»

Джалал содрогнулся. Бывает, что зримо
Горчайшая правда мечту заслонит...
Увидел, какая меж ним и любимой
Глубокая, мрачная пропасть лежит...

Жестоким морозом повеяло в душу.
Он муку пытается скрыть, да невмочь...
А друг Бахтияр продолжает:

«Послушай,
Довольно терзаться! Кончается ночь.
Запомни: безволие — болезнь роковая.
Стыдись скороспелых решений своих!
Вперед погляди, — горизонт открывая,
Там жизнь призывает, но только живых!
Нет. Ты увлечен, зачарован любовью...
Она, словно камень с горы, тяжела.
Ударит — одной не отделаться кровью.
Вся жизнь молодая на карту легла.
Ты кто? Комсомолец — и главное в этом!
Пойми — это трудный, но радостный путь!
Ты сам выбирал между тьмою и светом.
Уже не посмеешь с него повернуть!
Умай — лишь рабыня в сверкающем платье.
И может быть, в самый ответственный час
Жестокою, горькою мерой отплатит —
И честь и достоинство наши предаст!
Дочь злого врага — комсомольца подруга?
Нашел — ничего себе... Плохо искал!
Тебя оплетут они мягко, но туго...»

...И словно очнулся притихший Джалал:
«Нет, нет, Бахтияр, ты ошибся, дружище!
Умай — это роза весенних полей.
Богатою будет она или нищей,
Но всё-таки — верю я — станет моей!
На блеск и на славу, на груды богатства
Отца-кровопийцы не зарится дочь!
Я всё же за дружбу, за мирное братство.
Любовью своей озарю эту ночь.
И злоба и страх, что в душе притаились,
Должны испариться, как злая роса!

Огнем растоплю этот лед, чтоб светились
Теплом и доверием милой глаза! . . .»
Взглянув на товарища с болью во взоре,
Ему перестал возражать Бахтияр.
Берет инструмент — это лучше, чем спорить, —
И, вздрогнув, заплакал трепещущий тар,
И звуки летели из комнаты тесной. . .
А где-то за домом, прижавшись в углу,
Умай вдохновенную слушала песню
И, вторя ей сердцем, глядела во мглу. . .

Друзья засиделись почти до рассвета. . .
И шутка на смену унынию пришла.
Сердца успокоились, песней согреты. . .
О дружба, как много ты людям дала!
Однако Джалал временами мрачнеет.
Глядит и глядит в предрассветную мглу.
То вспыхнут глаза его, то потускнеют. . .
В раздумье ладонью провел по стеклу.
Он думал о жизни, о смерти, о людях,
Чьи души как книги. . . О, тысячи слов! . . .
Он думал о том, что ушло и что будет,
О судьбах влюбленных с древнейших веков.

Но нету покоя на сердце Джалала:
«А любит ли? Будет любить до конца?
Ну как мне не верить, коль ты обещала,
Несчастливая дочь кровопийцы-отца?
Но женщина всё же. . . Коварство? . . . Измена? . . .
Судьба, не казни, пощади, не терзай!
Что будет со мною? Как вырвусь из плена,
Почувствовав сердцем неверность Умай?
Бескрайние степи, угрюмые горы,
Где путник еще не бродил никогда,
Мне станут постылым приютом позора, —
Лишь там навсегда схоронюсь от стыда. . .»
Так думал поэт. О, сумбурная сила!
О, юности мука, чье имя — любовь!
Она и тебя допьяна напоила,
Хозяйка хмельных, сумасшедших рабов. . .

Бормочет Джалал:

«Для чего мне сомненья?

Ведь клятва любви — неразрывная связь.
А может быть, бросить? . . . Затихнут мученья. . .
Нет! Нет! Как подобная мысль родилась?
О ней, о чудесной, печальной и нежной,
Красивой и легкой, как серна, как мак. . .
. . . Красивые девушки все ненадежны. . .
. . . Да брось философию эту, дурак! . . .
Ну что я? . . . Зачем я терзаюсь, страдаю?
Пусть лучше отсохнет мой грязный язык!
То мыслью, то словом ее оскорбляю. . .
Люблю ведь! . . . О, сердца счастливый родник!
Откройся! Пусть спрячутся черные мысли!
. . . О, месяц, изваянный из серебра!
Слова мои вряд ли от здравого смысла —
В ней столько любви, красоты и добра!»
Глаза потеплели — печаль догорает. . .
Любовью из чаши плеснуло за край.
. . . Но вдруг перед взором из тьмы возникает
Коварный, навязчивый призрак — Герай. . .
«О дьявол! Еще не издох ты, собака?
Так снова — разлуки, походы, бои?
. . . Да, снова сражение света и мрака
За лучшее, светлое завтра земли!
Ты, грохот орудий, нам счастье подаришь. . .
Нас к миру ведет боевая стезя!»
Встает Бахтияр:

«С добрым утром, товарищ!»

И руки, как братья, пожали друзья.

РАЗДУМЬЯ УМАЙ

Огонь резвится в очаге.
Опять Умай сидит одна. . .
И ветер, точно поздний гость,
Стучится в двери. . .

А она. . .

От желто-алых языков
Не оторвет печальный взгляд.

И на ресницах, золотясь,
Вновь слезы, кажется, блестят. . .

«Зачем я женщина? Зачем
Я слабой рождена на свет?
О, вечный страх за честь свою,
О, вечной верности обет! . .

Мужчина — он всегда в делах,
Как выскажешь ему укор?
Меня же под ноги себе
Кто хочет бросит. . . Я — ковер. . .

Бессильна я. . .

Ты прав, Джалал,
Сумеешь — посылай сватов,
Женись на мне! . . Ты говорил,
Что свято любишь. . .

Но каков
Джалал? Случайный человек!
Чужой! Чужой. . . Не знаю я,
Чисты ль намеренья его? . .
О сердце, как страдаю я!
Зачем сказала: «Посылай!»?
О чем я думала?! Беда! . .
. . . А может, в нем судьба моя?!
Любовь и верность навсегда? . .
Когда Джалала на коне
Порой встречаю, вся дрожу.
Возьмет и силой увезет,
Коль вздумаю да откажу! . .
Я клятву страшную дала!
Отец! Отец, печаль моя!
Один со злобою своей
В горах скитается. . . А я?
Я вскормлена его рукой,
Отцовский хлеб меня взрастил. . .
Теперь бегу из дому вон!
Отец такого б не простил. . .
Все знают, кто такой Герай,
И гнев и нрав его крутой. . .
Ну, кто ему Джалал? Никто!

Отца чужого сын чужой. . .
Чужой? Но я его люблю!
Что ж делать — сердце отдала,
Любовь свою, судьбу свою,
Души сокровище нашла. . .
Другое не манит меня.
Богатство, слава — что они
В сравненье с пламенем любви?
Как звезд холодные огни! . . .»
Огонь пылает в очаге,
А ветер стих уже давно. . .
Умай на горные снега
Глядит в бездонное окно. . .

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

«Бахтияр!
Ты меня в комсомол запиши!»
Что за голос!
И кто так с тобой говорит?
Замер мой Бахтияр.
Как глаза хороши!
Это саз или тар в его сердце звучит? . . .
А Гюльзар наклонила головку свою.
Эти очи — озера! Чисты, глубоки. . .

Сновиденье окутало душу твою —
Слышишь волны незримой могучей реки?
Почему ты на месте застыл, Бахтияр?
Будто власть колдовская в девичьих глазах.
Не ушел от огня! . . . И прорвался пожар
К сердцу воина, что закалилось в боях. . .

И забилося отважное сердце в плену
У простой, у земной человеческой любви.
И любовь эта сдернула с глаз пелену!
Отзовись! И себя самого обнови!

*

Велика и прославлена сила любви!
Кто изведаль ее, тот и самую жизнь полюбил,

И широким и длинным житейским путем
Мы с пожизненным нашим запасом любви,
Как товарищи, за руки взявшись, пойдем...
На пути, моя милая, не пропадем —
Пешеходы с дорожным запасом любви!..
Проследи — ручейки, заплетаясь, текут...
Погляди — по равнине джейраны бегут...
Над дорогой дыханье душистой травы,
За дорогой — большая стена синевы... .

Посуди — нам обоим одно суждено:
У весны и у юности сердце одно!
Так идем же, идем!
И дыши, и гляди,
И рубашку свою распахни на груди!
Это тени от пшатовых длинных ветвей
На пути, на груди — на твоей и моей...
Скоро ветви дерев, и трава, и тростник
Обретут человеческий легкий язык,
А цветы окликают друг дружку давно...
У весны и у юности сердце одно!

Ты послушай — не стало на свете забот,
Ветерок усыпительный тонко поет.
Но нельзя нам дремать среди милых лугов.
Не отведал я воду лесных родников,
Не испробовал быстрой студеной воды,
Не успел прочитать на дорогах следы.
Не послушал я все голоса тростников.
Не узнал, каковы на деревьях плоды!
Не сменяла мой день первозданная тьма.
Не терзала сады моей жизни зима.
Ничего не узнал я о тайнах земли...
Пусть поет ветерок, ты иди, не дремли!
Мы с пожизненным нашим

запасом любви

По дороге идем —

отдыхать не зови!

Погляди, что за дерево,

что за пустое дупло!

Ствол, червями изъеденный,

будто в засохшей крови,

И стоит он упреком. . .

А всем и светло и тепло. . .

Погляди, дорогая, —

таков человек без любви!

Убегают века. Невозвратно бегут времена,

Всё меняется в мире —

любовь неизменна одна!

Человек человеком

не стал бы вовек без любви:

Человеку нужна,

как земля и как воздух, она. . .

О несведущий! Знай,

недостойно бежать от любви.

Лучшей музыки нет,

чем возлюбленной голос, нигде.

Первый плод благодатной любви —

жизнь земная сама.

Кровь дитяти, и плоть,

и заветное семя в плоде,

И зародыш в зерне! . .

Без любви — только холод и тьма! . .

Даже к царству могил нашу память приводит

любовь,

Человек без любви одичал бы, как зверь

в темноте!

Роковую страницу истории вспомнит любой —

О фашистском уроде, о волчьей, постыдной

мечте. . .

В книгах этого нет, но уверен я твердо в одном:

Он не стал бы собой, если б женщину мог

полюбить,

Он не стал бы собой, если б стал он отцом, —

Кем он, пагубный, был, тем не мог бы он быть,

Если б воздухом жизни дохнул он на миг,

Если б цену и сладость ее он постиг, —

Тех, кто жаждали жить, не сжигал бы живьем,

Закоснелый в холодном безумье своем. . .

Слушай, слушай, быть может, мгновенье одно

Мне природой для мудрости ясной дано!

Мир открылся в своей сердцевине простой. . .
Вот стена. . . Вот лицо на плакате. . . Пстой!
Это — Ленин! Ты знаешь, к родному лицу
Мы привыкли — дитя привыкает к отцу!

Это Ленину — слово, и песни, и стих, —
Это знаешь ты без восклицаний пустых. . .
Но взгляни — посветлело кругом отчего?
Я проник в глубочайшие мысли его.
Отчего? Для ответа любовь призови:
В сердце Ленина вечный источник любви.
Из грядущего века до этих минут
Животворный источник добрался — он тут!
Слава Ленина мир озаряет сейчас,
Пусть ему уподобится каждый из нас. . .

Ты послушай о том, что случилось вчера,
Я бродил, — так отрадны весной вечера! . .
И столкнулся я с неким ученым — из тех,
В ком и молодость невыразимо стара. . .

«Всё изменчиво — слезы, конечно, и смех. . .
Поэтических я не приемлю утех! —
Он гнусавил:

— Смириться, конечно, пора!»
— «Тьфу! Смириться. . .

И встретил же вас как на грех!

Всё изменчиво, знаю об этом без вас,
Всё уходит, но солнца огонь не погас!
Неизменна одна лишь любовь, и любовь,
И любовь! И на веки веков — не на час!
Не о ласках влюбленной четы говорю.
А о том, кто народной любовью храним:
Всякий раз — будто первую встретит зарю,
Всякий раз — будто сызнава жизнь перед ним!
Эх, философ, болтающий «против» и «за»,
В этой мантии больно ты, право, смешон!
О Бабеке хотя бы ты вспомнил! . .

В глаза

Погляди — неужели ничуть не смущен?
Для того был рожден в нашем крае Бабек,

Чтобы горю народному чутко внимать.
Он из плоти и крови — живой человек,
Погибал — и вставал невредимым опять!
Он народ полюбил и народом любим.
А счастливее этой взаимности нет!
Он с горами Кавказскими ростом своим
Поравнялся, их верной любовью согрет. . .
И хотя его копья пронзили и мгла
Заслонила сверкающий день торжества,
Наша Родина имя «Бабек» сберегла —
Повторяют его и вода и листва. . .»

Так напомнил — напрасно, быть может, — о нем
И расстался я с горе-ученым моим. . .
И, как будто овеванный легким огнем,
Шел по сладостно пахнущим травам сырым,
Бормотал: «Эй, несведущий! Что за вопрос?
Сам себя о любви допроси-ка потом. . .
Сам подумай!
Да мало ли пролито слез
О любви, что покинула чей-нибудь дом? . .
Запустенье унылое царствует там,
Отворяет скрипучие двери жилья.
Увяданье грозит запыленным цветам. . .
Чахнет сад, под кошму заползает змея. . .
Эй, несведущий! Были Фархад и Ширин
И Лейли и Меджнун — повелителя сын.
Кто несчастными их посчитает? Не я!
Ведь Фархад не один и Меджнун не один:
Жизнь попарно ввела их в цветник бытия! . .
Кровь Меджнуна сгорела и разум погас.
Но Меджнун — повелитель пустыни для нас!
Кровь и горе Фархада ушли от него,
Сокрушающим горы мы видим его!
Кровь героев пустыня впитала и спит. . .
Кровь героев в дастанах бессмертно кипит!
А пустыня обратно ползет по следам
Той любви, что покинула чей-нибудь дом. . .
Запустенье могильное царствует там,
Увяданье грозит запыленным цветам,
Чахнет садик, взлелеянный добрым трудом. . .»

Вот зари разлилось молодое вино,
Как рубин и как сердце, пылает оно! . .
Мне, быть может, всего лишь мгновенье одно,
Чтобы в мудрость природы проникнуть, дано. . .
А природа твердит: «Ошибиться не дам!
Лишь поэзии вечною быть суждено!
Если есть у поэта к поэзии страсть,
Если счастьем любви его сердце полно, —
Вдохновенье не может без вести пропасть,
Не состарится, юным пребудет оно!»
. . . А теперь начинается новый дастан:
Силой дочери утренний голос звенит. . .
Солнце утра приветливо к нашим местам —
Вот плывет, как в открытое море, в зенит.
Голос дочери — музыка детства, рассвет
Тихо дышащей, первоначальной весны. . .
Руки к солнцу — и солнце смеется в ответ!
А в окне — удивительный мир новизны!
Что предчувствуют дети? И как им легко!
Им простой представляется каждая вещь,
Смех их звонкий летит далеко-далеко
И разносит повсюду веселую весть!
И на что устремлен очарованный взор,
Неизвестно. . . К разгадке еще не пришли:
Ведь издревле ведется о том разговор. . .
Мало знает наука о ранних мечтах
Этих малых любимцев небес и земли,
Но бессонно следят ее очи впотьмах
И при солнце — когда их мечты расцвели? . .
Мало знает наука о первой любви
Этих маленьких солнечнооких существ:
Быстрым оком ты образ летящий лови —
Так таинственен взгляд его каждый и жест! . .
О Вагиф! Как не вспомнить сейчас о тебе?
Кто был полон любви к человечеству? Ты!
Кто и женскую верность прославил в борьбе
За свободу? Кто верил в отечество? Ты!
О Вагиф! Как никто на земле, ты любил!
Юных женщин словами ласкать ты умел.
Запевал — и к друзьям их подруг приводил.
Потому что любил, был и весел и смел!

Но гасят люди очаги
В натопленных домах. . .

Уже дожди пришли в луга.
Вздыхнул в воде камыш.
И стали горные снега
Подобьем белых крыш. . .

Подобно конским табунам
Несутся облака,
Подставив утренним ветрам
Вихристые бока. . .

Но тесен неба океан:
Столкнутся кони вдруг —
И гром гремит, как барабан,
И лес шумит вокруг! . .

Весна — что юноша на вид,
Чья пламенеет кровь, —
То вдруг обидеться спешит,
Потом смягчится вновь. . .

То, как волчонок, как щенок,
Завоет в тишине,
То, как ягненок-сосунок,
Зачмокает во сне. . .

То яркой молнией с небес
Метнется по горам —
Как будто острых шашек лес
Грохочет по камням. . .

То брызнет солнечным лучом —
И вот в поту земля.
То всех прохватит сквозняком —
И дети забегают в дом,
И хмурятся поля. . .

Весна! Весна! . .

Каков же новый год?

Всегда народ предсказывает это

И сообщает: с жеребцом идет.

А жеребец — хорошая примета!

Решили: будет урожай хорош, —

Земля напьется соком всласть фруктовым! . .

И рады старики и молодежь

Поймать надежду в предсказанье новом,

Веселье, шум, везде горят костры.

Алеет отсвет, по небу шагая.

И прыгает ватага детворы

Через огонь, лодыжки обжигая.

Огонь сегодня добр и говорлив,

Как будто сердце в пламени таятся.

Душа огня сегодня веселится,

Мечту о счастье людям подарив!

Сегодня не видать шахсей-вахсея —

Никто цепями не калечит тел. . .

Сегодня люди, сердцем молодея,

Иной, счастливый, празднуют удел!

Кеса папаху нацепил для смеху,

А колокольчик — шутнику слуга. . .

На все лады горланит кукареку!

Попробуй отличи от петуха!

То, как барашек, жалобно заблеет.

То ржет, как застоявшийся скакун. . .

В дома заходит — люди веселеют, —

И сразу близок четверга канун! . .

Когда подарков гору насыпают

И добр хозяин — слава от кесы,

Который важно пальцем расправляет
Не выросшие отроду усы. . .

Когда же к скряге в мрачный дом заходит,
Он, саблю деревянную достав,
С хозяином словесно счеты сводит,
Высмеивая жадного! И прав.

Кеса охоч до плеч красоток наших,
Он всех дарит щипками, не щадит!
Ну, пусть пощиплет ту, какая краше, —
Никто не держит на кесу обид.

Бывает, кто и сердится притворно,
А старшие смеются: что за грех?
Скороговорка у кесы проворна,
И вторит человеку добрый смех!

Вот малыши обновки примеряют —
У матерей счастливые глаза! . .
Все счастливы? Кто радости не знает?
На чьих ресницах вздрогнула слеза? . .

Вот девушки-невесты нарядились.
Наводят брови черною сурьмой. . .
А над селеньем звезды заискрились, —
И дальше катит старый шар земной. . .

★

Проходят дни. Умай одна, как прежде. . .
Булавки в воду бросила она
И всё гадает в радостной надежде,
А в сердце будто напряглась струна.

Булавки в вате словно жаждут встречи,
Гоняясь друг за дружкой по воде. . .
Что загадала в этот добрый вечер?
Ей о какой подумалось беде? . .

Когда булавки сходятся — известье!
Как будто солнце сходится с луной. . .

И в этот миг она с любимым вместе:
Опять с Джалалом встретилась весной!

Ей счастье улыбается! . . И утро,
Пронзившее лучами сумрак злой,
Заходит в сердце, по-хозяйски мудро
Беседуя с прозревшей темнотою. . .

Но вот одна булавка тонет. . . Тонет!
И в этот миг незримая рука
Сжимает грудь, и сердце тихо стонет,
И стынет крови жаркая река. . .

Тускнеет взор, глаза полны печали,
Дыханье — как холодная волна. . .
И вдруг темнеют солнечные дали.
И сдавливает горло тишина. . .

А по ночам уж не унять тревоги! . .
И, руки к небу кротко протянув,
По звездам хочет угадать дороги,
В ночное небо очи окунув.

Но вот мечта мгновенно покидает
Рассудок воспаленный. Всё узнай!
Услышать слово доброе желает —
К дверям соседским подошла Умай. . .

(Обычай есть: коль добрым будет слово,
Услышанное тайно у дверей,
То может сердце радоваться снова. . .)
И вот спешит, спешит Умай. . . Скорей!

Припала ухом и стоит под дверью.
Ни шороха, ни звука — видно, спят. . .
Забилось сердце, верное поверью.
А ноги сами далее спешат.

И снова дверь. . . Своей пугаясь тени,
Умай — к порогу, словно лист дрожит. . .
Холодный ветер бросился в колени,
Вот-вот подхватит и с собой умчит.

Какую весть услышать суждено ей?
Лицо мрачнеет и светлеет вновь. . .
Ведь место в жизни всё ж отведено ей? . .
Джалал, Джалал — и горе и любви! . .

И вот за дверью голос, — о, отрада! —
Отец, наверно, сыну говорит:
«Дожить бы мне до этой свадьбы надо. . .»
Свою судьбу Умай благодарит!

И словно птица, крылья расправляя,
Стремится взмыть над миром в вышину,
Умай, поверю свято доверяя,
Летит навстречу счастью своему.

И, обозрев с высот иные дали,
Счастливым взором озаряет ночь. . .
Она уже не чувствует печали
И страхи сердца отгоняет прочь!

Как легкий ветер, к скалам припадая,
Целуя камни, травы и цветы,
Она летит, не ведая, не зная
Предела необузданной мечты!

Перед глазами — реки и долины,
Лицо земли подернуто весной. . .
И горных шапок вечные седины. . .
Любимый край, о милый край родной!

Как будто бы она со дня рожденья
Не знала мук, печали и стыда!
Как будто солнца вечное горенье,
Как будто жизни буйное цветенье
В ее душе осталось навсегда!

КРОВАВЫЙ ШАТЕР

Среди лесов, как сон дремучих,
Среди скалистых диких гор,
Где в синей мгле рождаются тучи,
Людьми большой разбит шатер.

Остры, как пики, эти скалы —
Там горных соколов полет. . .
Там сон природе величавой
Назначен на века вперед. . .

Ни труд, ни голос человека
Не пробуждали эту глушь —
Она не ведала от века
Дерзання человеческих душ. . .

И там, как бы в старинных сказках,
Нарочно скрыто до поры
Среди других хребтов кавказских
Седое прошлое горы. . .

И гору ту, где нет тропинки,
Где каждый склон опасно крут,
Доныне люди по старинке
Горой разбойников зовут.

Сюда дорогою слепую
(Укромней места не найти)
Пришел Герай. . . Привел с собою
Таких, кому с ним по пути.

Он каждый день людей отряда
Под утро проверяет сам.
От испытующего взгляда
Ничьим не спрятаться глазам. . .

Того, кто лжет ему иль трусит,
Он, не колеблясь, в тот же миг
Убьет на месте, пулю пустит.
Герай к иному не привык! . .

И там, в разбойничьей берлоге, —
Джалал. Он, пленник чувств своих,
Пройдя нелегкие дороги,
Нашел Герая
и притих.

Он словно сжался, серой тенью
Предстал пред беком. . . Для людей
Он стал вдруг жалкою мишенью.
Молил отца Умай своей:
«Бек, сжальтесь! Ведь любовь святая
Меня вела сюда. . . Она,
Безвинно из-за нас страдая,
Не может быть обречена!
Нам жизнь она дарит и муку,
Она сжигает нашу кровь. . .
О сила вечная — любовь!
Огонь сердец. О, дайте руку! . .
(Герай в усмешке поднял бровь.)
Взгляните с дружеским участием,
Пред вами нет у нас вины.
Умай несчастна, я несчастен. . .
Сердца любовью сожжены.
Поверьте же, здесь нет обмана —
В страданье молодых сердец,
Я уводить Умай не стану
Без разрешенья. . . Вы — отец!»

Герай не слушает Джалала. . .
(Пред взором беглого отца
В далекой дымке проплывала
Умай. . . Черты ее лица. . .)

И в сердце камень брошен снова,
О горечь, острая как нож! . .
О память мира золотого,
Ты злобу свято бережешь! . .

Сады, луга, овец отары
И косяки гнедых коней —
Всё, всё, что было в мире старом,
Вновь стало ближе и видней. . .

Где прежний дом, веселье, свадьбы. . .
Теперь не бек, не господин!
О, только прошлое догнать бы,
Вернуть хотя бы день один!

Нет, всё ушло. . .

В нем закипает

Досада. . . Вся душа в огне,
И он Керема вспоминает
На том арабском скакуне,
Что был его конем когда-то. . .
(Папаха, лошадь и жена,
Ведь ты, читатель, знаешь, — святы!
В них честь была заключена.

У нас в краю свои законы,
Им наши старики верны:
Папахи, лошади и жены —
Дань неотступной старины! . .)

Зло усмехнулся бек Джалалу:
«Но двум мечам в одни ножны
Не влезть, Джалал. . . И толку мало. . .
Будь мужем, но другой жены!»

«Нет, бек, постой! Пускай с тобою
Сошлись в боях лицом к лицу,
Но мы бессильны пред судьбою, —
Я не к врагу пришел — к отцу!»

Зачем пришел? Народ раздвоив,
Под грохот пушек, сабель звон,
Родит история героев —
Родит на каждой из сторон.

Но мысли путаются снова. . .
И гаснет свет его очей, —
Он больше не сказал ни слова,
Вновь думой угнетен своей. . .

О чем он думает, так часто
Впадая будто в забытье?
О судьбах, о любви несчастной,
О жизни, о конце ее?

Он — комсомолец, а явился
К врагу и своему и всех!

Он с веткой хилою сравнился,
И тает, тает он, как снег! . .
И думает:

«Настанет время,
Врагов не будет и границ,
Войны, разрухи тяжкой бремя
Навек уйдет с твоих страниц,
История. И в мире новом
Взойдут — извечная мечта! —
Над этим временем суровым
Любовь, покой и красота!»
Он мыслей связь теряет снова,
Сидит, под нос себе бурча. . .
Уводят от всего земного
Напевы горного ручья. . .

А бек, довольный униженьем
Еще недавнего врага,
Даёт Джалалу наставленья,
Слова — шербетом с языка:

«Сынок! Влюбленные, я знаю,
Частенько губят жизнь свою.
Болеют, чахнут, увядают. . .
Нет, я за это не стою.

Страдали все в кипящей бездне,
Страдал и я — не ты один,
Ашугов сладостные песни
Влекли меня к моей Ширин. . .
Но что любовь? Она — мгновенье,
Увянет, не успев расцвести.

Мужчине ль плавать по теченью?
Любовь важнее или честь?»
— «Нет, Герай-бек, не говорите
Со мною так! Моя любовь
Во мне рождает, вы поймите,
Святую гордость вновь и вновь!
Отец, мне нет пути обратно,
Но благородные слова,
Что вы сказали, мне понятны.

Я знаю всё,
но голова
Теперь подобна камню стала.
В груди ни чувства, ни души. . .
И сердце бунтовать устало!»

«Себя хоронишь? Не спеши. . .»

«Нет, не знавал иных стремлений,
Когда с мечом над головой
Носился я в огне сражений,
На поединок шел любой.
Враги склонялись. . . Дни былые. . .
Любовь! — я побежден тобой,
И верно — годы боевые
Ушли. . . Я жалок, как слепой. . .
Печальных дней печальна повесть. . .
Поэт и воин, я устал. . .
Но мало! Душу гложет совесть:
Бойцом другого фронта стал! . .
О, жалкий голос оправданья —
Что писк мышинный под горой. . .
Кто я? Где мера наказанья?
Где оборвался путь прямой? . .»

Речь прерывает вздох глубокий. . .
Джалал встает. О, неба ширь!
Где сил нетленные истоки,
Слепого сердца поводырь?
Скажи!

Но строго и сурово
Природа хмурится опять.
Джалал молчит. Джалал ни слова
Не может сам себе сказать. . .

Слепая, горькая усталость —
Насмешка роковой судьбы.
Следа бывшего не осталось
От счастья, радости борьбы. . .

Что видит он? Перед глазами
То перы нежные плывут,

То призраки под облаками
Его манят, влекут, зовут. . .

И эти думы всё сильнее
Сжимают горло, давят грудь. . .
Джалал, Джалал! Очнись скорее!
«. . .Нет, больно. . . тяжело вздохнуть. . .»

*

Ночь под черною буркой небесного свода
Разлилась, словно море, от края до края.
Горы, головы спрятав в заоблачных далях,
Зашумели лесами. . . И зелень густая
Серебристой, холодной росой покрылась.
Словно птицы пугливые, тонко, протяжно
Засвистел над горою в расщелинах ветер. . .
И, казалось, качаются горные кряжи.
Ночь тиха и темна. . . Эти черные тучи
От луны схоронили шатры Герай-бека.
А в шатрах в темноте собираются люди.
Сон на землю бросает ничком человека. . .
Чуть поодаль, под черной скалою нависшей, —
Караульный. Сутулы усталые плечи.
От бессонницы режет в глазах, в полудреме
Мысли бродят. . . Тревожно в душе человеческой. . .
Но безмолвием накрепко сковано сердце. . .
Тридцать лет обездоленный он и бездомный,
Не нашедший покоя, в горах этих бродит,
Выбирая себе уголок поукромней.
Проходили безрадостно лета и зимы,
Но весна не настала. Сплелись воедино
Бесконечною цепью несчастные годы.
Уж давно в волосах проступили седины. . .
Где же ты, молодое, далекое время,
Окропленное алою кровью игида?
Кровь за кровь! За отца этой мезью кровавой
Он прославлен, гордится, — и то не забыто! . .
Уходил он из дому с винтовкой отцовской,
Мать сказала: «Тебя я не даром растила!»
Но с тех пор как молва разнеслась по селенью,
Он скрывался. . . А слава худая ходила. . .

Иногда он спускается к людям в селенье,
Весь изранен и дик, как подбитая птица;
Но законы земные ему непонятны —
С одиночеством диким не хочет проститься. . .
Вновь седлает коня, поднимается в горы —
Там к нему возвращаются давние силы,
Но суровые мысли о жизни, о смерти
В нем надежду на лучшую жизнь погасили.
И сейчас он вздыхает, и тяжестью ночи
Он подавлен, а сном он забыться не может. . .
Ослабевший рассудок взывает к аллаху —
И смыкаются веки. . .

«Аллах ли поможет? . . .»

В карауле сегодня, а завтра, с зарею,
По приказу он будет стрелять в человека? . .
Но, быть может, противника пуля быстрее?
Завтра — смерть? Или ранят его — и калека? . .
Что же делать ему? Несилен и немолод! . .
Мыслей путаных ворох, бессонные ночи. . .
И горит, угасая, усталое сердце.
Ночь глухая. . . И утро явиться не хочет! . .

*

Джалал тем временем устало
Глядит на черный потолок. . .
Джалала ночи покрывало
Укрыло с головы до ног.

Быть может, и ему дороже
Другой победы торжество? . .
Мурашки бегают по коже
От мыслей путаных его. . .

Что ж сердце, обретя свободу,
Теперь не хочет вольно жить?
Отдавшись до конца народу,
Оно посмеет изменить? . .

Умай — жена? . . Умай — невеста?
Герай — он враг или отец?
Каков-то будет, неизвестно,
Любви мучительный конец! . .

*

Утро. Нежнейшие краски природы! . .
Капли росы — миллионы алмазов.
Сокол парит. Открываются дали.
Туман белокрылый плывет над Кавказом.

Рано проснулся Герай. Одиноко
Подле шатра он шагает угрюмый —
Мрачные взоры, обвисшие плечи. . .
Душу объяли тревожные думы.

«Горе мое! О тяжелое горе!
Горы осядут под тяжестью этой! . .»
Скалы, услышав его, повернулись
Лысыми спинами вместо ответа.

Но перед взором Герая, как прежде,
Горы — как люди, живые солдаты
Гвардии старой, ряды боевые,
Верные, гордой отвагой объяты! . .

*

Ашуг, приглашенный вчера Герай-беком,
Достиг наконец этих мест потаенных.
Глаза его мутные скрыть неспособны
Ночную тоску размышлений бессонных.

Вокруг собрались уже люди Герая. . .
Давно уже песня у них не бытует
И саза родного дыханье не слышат,
А сердце о песне хорошей тоскует! . .

О, саз сладкозвучный, товарищ ашуга!
О, саз, воспевающий пери Востока!
В нем вечно дыханье горячее жизни:
Он, чистый, не знает ни лжи, ни порока!

Костры задымились, заблеял барашек,
Ожили угрюмые, сонные лица.

Вино и табак ароматом волшебным
Наполнили души:

«Напиться! . . .»

«Упиться!»

Шашлык, да вино, да напевы-ашуга!
Колено к колену, уселись теснее. . .
Краснеют глаза, голоса веселеют. . .
Такие пиры водопадов шумнее!

. . . Джалал тосковал, он чужой и ненужный
В компании этой, и пьяной и шумной. . .
Ашуг захмелевший ударил по струнам,
И песня под рокот пошла тонкострунный.

О чем он поет, сей певец хитроумный?
А голос как мед — и тягучий и сладкий. . .
Нет, это не голос, в природу влюбленный:
Ашуги народа с иною повадкой.

«. . . Горе! Надвигается стена. . .
Где же славных беков имена?
Кто остановить неверных может?
О аллах! Какие времена!

Мир не оценил господ сполна,
А народу плеть да плеть нужна,
Коль народ не хочет быть смиренным!
О аллах! Какие времена!

Где ты, жизнь, прекрасна и шумна?
Кравчий, мне не подноси вина!
Шахское добро разворовали!
О аллах! Какие времена!

Плачет саза моего струна,
Я рыдаю, боль моя слышна.
Где же руки помощи имамов?
О аллах! Какие времена!»

Ашуг завывает умильно, красиво. . .
Мрачнеет Герай, наливаются гневом
Глаза атамана. . . А в них — за туманом —
Разверстая пропасть с чернеющим зевом.

«Пять дней в этом мире пожить нам сулили,
Пять дней, да и те беспросветнее ночи.
Коня и оружие дайте мужчине,
Мужчина не раб! Он неволи не хочет!
Так пойте, пляшите! Безглазая птица
Настигнет любого и выключает очи.
Покуда мы живы — священны желанья.
Вина! Нам весельем насытиться надо.
Пусть жизнь коротка, тем дороже мгновенье.
А время настанет — исчезнет отрада.
Земля наша стала ристалищем смерти,
Кто смерть остановит, какая преграда?»

Герай в исступленье, жестоком и пьяном.
Всё громче кричит. Наливаются гневом
Глаза атамана. . . А в них за туманом
Разверстая пропасть с чернеющим зевом.

*

Загустела тревожная тьма над горами,
А луна — словно меч, рассекающий тучи, —
То уйдет в темноту, то взойдет над шатрами.
Примостившись удобней на облачной круче,
Спит тревожно Джалал. Он прерывисто дышит,
Пот густую росую лицо покрывает.
Бьет озноб. . . Даже бурку дыханье колышет. . .
Из груди его стоны и хрип вылетают.

Сон вокруг. . . Лишь Герай загадал — и решает. . .
Сон не в сон атаману, объятому думой.
Темной ночью сомненья его устрашают.
И не спится ему, и сидит он угрюмый. . .
«Нет, Джалал, ты надежду лелеешь напрасно!
Проиграть в этой сделке — беду не измерить. . .
Комсомольцу дитя Герай-бека подвластно?!
Не могу я в такое бесчестье поверить!
Дочь. . . Умай. . . Не хочу я постыдства такого! . .
А быть может, Джалал притворился
влюбленным?»

Может быть, выдает он себя за другого,
Подбирается к планам моим потаенным? . .

А в разгаре сраженья, пристроившись сзади
(Я и сам разбираюсь в подобной охоте!),
Он пристрелит меня! .. Нет! В бою ль,
на параде —
Для игида всегда осторожность в почете. . .»

Распаленный, тревожною злобой кипящий,
Он наган поднимает дрожащей рукою. . .
О, волнение убийцы над жертвою спящей!
Подлость черную мерой измерить какую? . .
Спит Джалал, разметавшись на жесткой
постели. . .

Бьет озноб. . . Сновиденья мгновенные выются,
И во сне грозный голос:
«Ты будешь расстрелян! . .»
.. Грянул выстрел.
Джалалу уже не проснуться.

*

Мой читатель и друг, не дыши учащенно,
Не жалея пожелавшего собственной смерти.
Если льется потоками кровь миллионов,
Как поверить врагу? Нет, о люди, не верьте!
Там, где в смертную схватку вступают народы,
Ничего не случается тихо и плавно. . .
Не забудет история славные годы!
Забывает история павших бесславно. . .

*

В этот час роковой,
в час последней потери
Страшный видела сон
дочь убийцы Джалала:
Смерть без стука прошла
сквозь закрытые двери
И на девичьей шее
петлю завязала. . .
Натянулась веревка —
в струну превратилась. . .

И Умай задыхается —
крикнуть не может.
Люди! Люди...
Сознание уже помутилось.
Мир людской отступился —
он ей не поможет!
А теперь уже ястреб —
свирепая птица —
Высоко поднимает Умай
над землею.
Подлетает к горам,
чтобы там примоститься
И горячее сердце
склевать под скалою...
Белоснежную грудь
он когтями терзает —
Жаждет девичьей крови...
Но, вскрикнув из мрака,
Вся в слезах просыпается
и замирает
В беспредельном отчаянье
дочь вурдалака...

ОЖИДАНИЕ

...И шестнадцатый день
подошел на закате к концу.
Нет в селенье вестей...
Всё гляди на дорогу, гляди...
Вспоминай и тоскуй...
Прежде слезы текли по лицу —
Не осталось и слез,
сердце — тлеющий уголь в груди.
И напрасно Умай
всё глядит в эту пыльную даль.
Смотрит, руки скрестив на груди,
всё туда — на закат...
Всё не спит по ночам...
Ей и гордости прежней не жаль —
Соколиная гордость!..
Нельзя оглянуться назад.

Погибает душа,
 умирает неслышно любовь,
Не надейся, Умай!
 К вечной ночи себя приготовь.
В этот вечер весны
 скольким девушкам счастье дано, —
Нарядились, смеясь! . . .
 Рядом — свадебный пир, зурначи. . .
Только сердце одно
 отозваться другим не вольно.
Погруженное в ночь,
 утонувшее в этой ночи. . .
Громко бубен зовет,
 то зовет, то вздыхает зурна,
Хороводом веселым
 кружится, бежит молодежь. . .
Гость придет, гость уйдет. . .
 Сколько этих гостей! Ты — одна.
Ты не выйдешь, Умай,
 ты к подругам своим не придешь!
Равнодушна к веселью
 и смеха не слышит Умай,
Не приветив друг,
 не завидуя радости их,
На пороге застыв. . .
 Ты предчувствиям только внимай
И моли небеса!
 Пустота. . . Или вечер затих?
Нет веселья,
 кругом темнота. . . Это кажется так. . .
Заколдовано всё
 и застыло. И нет голосов.
Нет ни ночи, ни дня —
 никогда не рассеется мрак. . .
Или сердце твое —
 это сердце поэта без слов?
«Не весна ли кругом?
 Снеговые вершины, скажите!
Вот безбрежное море —
 бесплодные слезы мои. . .
Кто разделит со мной
 беспредельное горе разлуки?

Никому не поведала
горькие думы свои.
Не открыла я тайну
смеющимся добрым подругам.
Стало каменным сердце.
О сердце мое, не таи:
Я под небом одна! . .
Неприметны летающим птицам,
Неприметны и людям
холодные слезы мои. . .
С каждым днем я мертвей.
С каждой ночью слабей и темнее, —
Нет страданью конца.
Нет конца безответной любви. . .
Над дорогами встали
угрюмые, черные тучи. . .
Вновь текут и текут
безысходные слезы мои!»

*

Миновали недели. . .
Вот месяц — один за другим. . .
Не вернулся Джалал —
не вернуться ему никогда!
Но закон бытия —
он один, и пребудет таким:
Время вечно течет. . .
И течет неизвестно куда.
Мир — арена борьбы
за достоинство и торжество, —
На упавшего. . . нет,
не оглянется передовой.
Но велик человек!
Он венец мирозданья всего.
Свой девиз повторит
и на плаху склоняясь головой!
Всемогущая жизнь
вновь течет и вскипает, спеша.
И журчат и шумят,
чтобы слиться в поток, родники.

Поскорее! Наверно, на светлой воде
Снова уток зеленоголовых полно?
Снова слышатся шорохи леса везде —
Это будет и было когда-то давно. . .
Вот сейчас поплывет по реке пароход —
Не махнуть ли тем людям далеким рукой?
Кто появится, добрую весть принесет?
Про Джалала поведает мне над рекой? . .
Вот седок! . . Всё исполнил аллах! Бахтияр! . .
Грудь реки рассекает он грудью коня. . .
Что везет он трепещущей девушке в дар?
Он. . . оглох? . . «Бахтияр, погляди на меня!»
Как он мрачен! Как будто бы весь посерел. . .
Что случилось? Какая беда у него?
Был всегда удивительно стоек и смел —
Не боялся нигде, никого, ничего. . .
«Бахтияр!»
И впервые, всему вопреки,
Что зовется «приличие, нравственность, честь»,
Добегают «невеста» до самой реки. . .
«Бахтияр! От Джалала? А весточка есть?»

ВЕСТЬ

. . . Бахтияр останавливает коня.
Приникает глазами
к глазам помертвевшей Умай,
Гневно брови сдвигает:
«Твердил ему день ото дня. . .
Я напрасно твердил:
«Оглядись! Это пропасти край!»
Он не слушал меня!
Он — безумец, он был обречен.
Э, несчастный Джалал!
Не ягненок, а волк пред тобой!
Мы ему говорили:
«Ты волку вверяешь себя. . .
Кровь бесплодно прольется
в какой-нибудь день роковой,
Комсомольская кровь!
Ты погибнешь, волчонка любя! . . .»

Он поверил тебе,
 твоему он поверил отцу...
Прочь с дороги, убийца!
 Спроси о Джалале отца!
О, какого ты юношу,
 юношу, будто овцу,
Повела на закланье,
 упорно вела, до конца!
Прочь с дороги, змея!
 Кровь в огне, голова... Не могу!
Это пламя, вулкан...
 Буду мстить за Джалала врагу!...»

*

Грохот, обвал...
 Мимолетная молния, гром...
Черный холод ее цепенит.
 Черный холод кругом.
Всё вертится — и тьма.
 Почему-то колени дрожат.
Почему на груди
 будто тяжкие скалы лежат?
«Бахтияр! Так и знай — волен ты
 кровь пролить старика,
Пусть...» —
 и падает навзничь,
 откинута странно рука.
Потрясен Бахтияр.
 Что, любила она?
Нет, не может любить!
 Но была влюблена?!
Быстро спешился он... И глядит, и глядит:
Вот Умай... Не волчица — невеста на вид!...
Может, жизнь и любовь от нее отошли...
О, печальная тихих рассветов звезда!
Вот лежит на груди у родимой земли,
Ей отрады уже не узнать никогда...

Начинает теперь Бахтияр понимать,
Что и этой... несчастной... знакома любовь.

Осторожно волос шелковистую прядь
От лица ее тихо отводит. . . И вновь
Он глядит. . . Он немного воды из реки
Набирает в армейскую флягу свою,
Обливает ей грудь, и лицо, и виски.
«Почему я так поздно ее узнаю?
Почему же? . . .» И катятся слезы из глаз. . .
«Не убил ли ее мой жестокий рассказ?
То не смерть ли была беспощадно быстра? . . .
Ты простишь ли меня, дорогая сестра?
Не убита ли мною живая душа?»
И опять за водою склонился к реке. . .

В этот миг пробегает, склонясь, Мирпаша,
Задержался — и дальше, с папашой в руке. . .

*

Шевельнувшись, вздохнула. . .
Приходит в сознание Умай.
Огляделась, припомнила. . .
Кладбище, кладбище — мир!
«Ты прости, о сестра!
Что простишь, хоть надежду подай! —
Слезы льет как дитя
Бахтияр, боевой командир. —
Был мне брата дороже
любимый тобою Джалал.
Я не верил. . . Любила?!
Простит меня верность твоя!»
— «Верю, брат Бахтияр!
Он палач — мой отец! Пожелал
Целый мир погубить. . .
Виновата, быть может, и я. . .»
— «Ты не бойся, сестра. . .
Провожу тебя лучше домой. . .»
Грустно в песне поется:
«Глядит, не заходит луна,
Горе спать не дает
невеселой весной, как зимой. . .
Нет несчастным покоя!
И ночь бесконечна длинна. . .»

... С той поры только в черной одежде она —
Дочь народа, незыблемой верности дочь...
Не отец ее предок родной, а страна!
И родные равнины хотят ей помочь.
Но ответить не могут на скорбный вопрос
Ни долины, ни горы — зачем, почему
Обошло ее счастье? И, горечью слез
Опьяненная, ночью уходит во тьму...
Лишь заснет ее робкая, старая мать,
Как с дверей она тихо снимает засов
И уходит, уходит до света блуждать.
Тщетно жаждет ответа от гор и лесов...
О Умай! Проникает до мозга костей
И в меня твою горе, и, весь потрясен,
Ужасаюсь я силе великих страстей!
Не идет и ко мне благодетельный сон.
Мир велик! Долг поэта сейчас, как и встарь,
Рассказать о величии правды и грез.
Ветер времени снова меня перенес
В те года, и гляжу я на поздний фонарь,
Над которым скучает январский мороз.
Ночь давнишней зимы... И Умай у ворот
Прислонилась к столбу... Мрак и в ней и
над ней...

В тучах скрылась луна... Всё вперед и вперед
Погоняют ветра своих быстрых коней.
Буйство этих ветров и жестокость зимы
Не тревожат ее ни на миг и ничуть!
Об одном лишь жалеет — не знаем и мы, —
Для чего родилась? И куда ее путь?
Ничего ей не надо от жизни теперь
И от смерти одно только надобно: смерти!
И... горда она всё же, о друг мой, поверь:
Всё ей можно отринуть и можно посметь!
Не могли ее скорбить тоска и зима...
Не унижат осанку ни холод тугой,
Ни порывистый ветер, ни снег на плечах...
Только, что с ней случилось, не знает сама,
Только имя свое забывает порой
И себя забывает в бессонных ночах...
Вспоминается первая встреча, весна...

Эта серна, блуждая, отбилась одна
От веселых своих легконогих подруг!
И чужое, бескрайнее поле вокруг...
«Я клянусь: если буду неверен тебе,
Непокорен, ослепнуть желаю себе!
Пусть моей больше солнце не светит судьбе —
Той судьбе, что меня осчастливить должна!
Я ослепну — и скроется солнечный свет.
Пусть исчезну — и мой не откроется след...
От Герая мне нужно услышать ответ!
Что мне смерть, если жизнь без тебя не нужна?..»
И опять ей звучат роковые слова...
С каждым словом ей голос любимый слышней...
Удержать бы! Но воля робка и слаба.
И, обняв ее, друг улыбается ей...
О, куда они будто бросаются вплавь?
О мой друг! Умирает любовь... погоди!
То в былом или в будущем? Сон или явь?
Нет ни слез, ни разлуки для них впереди!
Вдруг уходит, растаяв во мраке, Джалал...
«О, вернись!» И, смеясь, возвращается он,
Снова обнял и клятвы заветные дал
И уводит ее в удивительный сон...
Синей радугой луч золотой осенен,
И тюльпаны горят среди розовых скал...

ГИБЕЛЬ УМАЙ

Это утром случилось,
за тихим и снежным селом...
Снег на склоне горы,
и в долине как море снега...
Одинокая серна
как будто настигнута сном...
Люди, это Умай
здесь лежит, беспечально строга.
Тело тонкое — лед.
И лицо с белоснежным челом
Будто вырезал кто-то
из ставшего льдом молока...

Успокойся, поэт,
и обратно ее не зови!
Это — чистая смерть!
Это лучше, чем жить без любви!
Вот владыки просторов,
хозяева гор — чабаны,
Плотным, тесным кольцом
окужили ее... Тишина...
Говорят, что для смерти
все люди на свете равны.
Только молодость жаль.
Даже к ней беспощадна она...

Первый чабан

И богатство и честь —
Всё пустое теперь для Умай...
Поскорее сельчанам да матери
Надо сказать!..

Второй чабан

Драгоценное чадо свое
если б видел Герай,
Всё село бы поджег,
всех сельчан бы хотел наказать!..

Третий чабан

Герай-бек — живодер,
многим кожу спустил со спины!
Видно, дочка теперь
поплатилась за дело отца.
Ведь для смерти и вправду
все люди на свете равны,
Только жизнь Герай-бека
другого достойна конца!
И сироты и вдовы
сквитают дела с палачом —
Много жизней легло
под его беспощадной пятой!..

Четвертый чабан

Правду ты говоришь...
Только девочка тут ни при чем,—
Ведь ребенок она,
и неважно, от крови какой.

Старый чабан

Эй, друзья! Много слов,
много слов говорите... Слова...
Лучше бурку берите,
укройте бедняжку теплой,
Да костры разводите,
ведь девочка, верно, жива!
Да зовите людей...
Поскорее зовите людей!
Герай-бек не погиб.
Он живет, не посажен в тюрьму,
Да и, как ни крути,
повелитель он наш искокон...
Э, нелегкие дни
пересилить придется ему!
Он еще господин,
и не нами поставлен закон.

Спорить надо ль сейчас?
Пусть свое понимает старик...

Чабаны промолчали.
Несут осторожно Умай.
Где-то близко уже
материнский надорванный крик...
«Эй! Жена Герай-бека!
Замерзшую дочь принимай!»

*

Вот пылает очаг,
согревает жилище огонь,
В одеялах Умай,
еле дышит и, кажется, спит...

Ледяные виски
 материнская гладит ладонь.
Да старуха служанка
 с открытым Кораном сидит...
Отогрелась Умай...
 Ей казалось, заснула давно,
На локте приподнявшись,
 тревожно взглянула в окно...

*

Прошли недели, месяцы проходят.
Бредут в тумане по селенью слухи,
Всё об Умай... Умай умалишенной
Ославили... Но разговоры глухи.
Кто говорит — и не укажешь точно, —
Что по ночам она сползает с ложа,
Вниз головой с эйвана повисает,
На птицу полумертвую похожа...
Ей нипочем бураны, снегопады —
Босая, с непокрытой головою
На улицу выходит, долго бродит,
Беседуя одна — сама с собою...
И говорят: огонь руками ловит
Да бегаёт за солнцем в час заката.
Всё мечется, зовет, зовет кого-то...
Любовь, любовь, всё за тебя расплата!..
Любовь и смерть... Мечты как сон уходят...
Когда ж конец отчаянью и мукам?
Я не устану будущее славить,
Мне верится, что горю и разлукам
Придет пора сердца людей оставить.

*

Осенних дней унылый мрак отмерив,
Кипенье рек уже сковал мороз,
Ветра открыли запертые двери.
Зима! Всё мрачно от ее угроз...
Кипенье рек уже сковал мороз...

Трава лугов померкла, омертвела,
И куропаток смолкли голоса,

Короче дни. . . Нет мертвым розам дела,
Что льется соловьиная слеза! . .
И куропаток смолкли голоса. . .

Ночные звезды холодом мерцают,
Спешат куда-то стаи облаков,
Пригревшись в гнездах, птицы засыпают,
И тишина ютится у домов. . .
Спешат куда-то стаи облаков. . .

Задумчивы притихшие жилища,
Ночная мгла томит печалью нас.
Но грусть моя забвения не ищет.
Умай, Умай! Не открывает глаз. . .
Ночная мгла томит печалью нас. . .

Жизнь догорает, тлеет еле-еле,
Врачей не звали — да зачем они?
Уж семь недель Умай лежит в постели,
Плывут в бреду удушливые дни. . .
Врачей не звали — да зачем они?

Поэзия! Мой страж неутомимый!
Приди ко мне, газелла Физули!
Приди на помощь встретиться с любимой —
С открытым сердцем дочери земли!
Приди ко мне, газелла Физули!

Луна и звезды, солнце, небо, суша —
Свидетели! Уходит жизнь, — одна,
Без радости. . . Сковала сердце стужа, —
Вселенная бездушная полна. . .
Свидетели! Уходит жизнь, — одна! . .

Уж так заведено. . . Умри попробуй —
Друзья заплачут, засмеется враг. . .
Судьба моя такая же — до гроба, —
Когда сознание отойдет во мрак,
Друзья заплачут, засмеется враг. . .

А что Умай? Кто это имя знает?
Пусть в этот час стихи мои живут!

(Мне родина свои мечты вверяет.
А критики до завтра подождут...)
Пусть в этот час стихи мои живут!

А над Умай с дрожащими руками
Стоит, рыдая, старенькая мать
И шепчет пересохшими губами:
«Я смерти не могу тебя отдать!...»
Стоит, рыдая, старенькая мать...

Умай, дитя последнее, родное,
Как матери над нею не дрожать?!
Умай — ее сокровище земное,
Другого нет! И слез не удержать...
Как матери над нею не дрожать?!

И разве мать не видит? Плохо дело...
Как птица в клетке, мечется одна,
И жизни бы за дочь не пожалела,
Лишь знать бы, что излечится она!
Как птица в клетке, мечется одна.

«О всемогущий, мир, людей создавший!
Всё заberi, оставь мне только дочь!» —
Рыдает мать, боится — зарывавшей
Умай ее увидит в эту ночь...
«Всё заberi, оставь мне только дочь!»

О бедная! Ты не развеешь тучи,
И ветер бьет в глухонемую тьму...
А черный призрак, жадный и могучий,
Протягивает пальцы за кошму...
И ветер бьет в глухонемую тьму...

Джалал!.. Джалал бежит сюда, смотрите!
Но нет, конец мечте: не он — другой!
Герай! Отец — предатель и губитель —
Джалалу в спину мечет нож кривой...
Конец мечте — то не Джалал — другой!
Руками, перепачканными кровью,
Старается обнять свою Умай...

«Прочь, прочь, отец!
Что сделал ты с любовью?
Горит душа... Убийца! Отвечай!»
Отец идет обнять свою Умай...

Тогда, собрав оставшиеся силы,
Кричит Умай, звенит предсмертный крик:
«Вновь жаждет крови мой отец постылый!
Он черной смертью предо мной возник!..»
Кричит Умай, звенит предсмертный крик!

*

Настало утро. Дали зажелтели.
Бледна луна, зарей побеждена.
Снега в полях остались от метели.
Моя Умай мертва и холодна...
Бледна луна, зарей побеждена...
Укрыли тело черным келагаем,
Слез застыла на щеке худой.
Бледна Умай, задета белым краем
Невидимого облака... Покой...
Слез застыла на щеке худой...

И почему-то плачут, плачут люди,
Сердца живых горят в живом огне!..
Что жизнь? Что смерть? Кто знает?

Кто рассудит?

К чему разлуки, объясните мне?
Сердца живых горят в живом огне!..

*

Звезда насквозь пронизывает небо,
Седые тучи встали над горами...
Мечты мои остались с этой ночью.
Несется время с буйными ветрами...
Гляжу на землю, на сады, на реки.
Гляжу на небо — там предела нету...
Вселенная! Таинственна загадка
Чудесного создания планеты!..
Я вижу: вянет роза, распутившись...

Что умирает — оживает снова...
Мозг мыслящий становится золою...
В чем тайна обновления земного?
Уж, верно, так творит себя природа:
Мир — вечен, жизнь — его щедрот частица...
Мы умираем, не дожив до срока,
А мир живет! И человек родится!..

*

Пора приходит долгим размышленьям
О тайнах нераскрытых мироздания.
Не верь, поэт, беспомощным сомненьям!
Но накопил ты маловато знания
О тайнах нераскрытых мироздания...

Живое — то, что борется, дерется, —
По-моему, всё это всем известно!
В чем счастье, друг? Да в том, что нам
живется!

Жизнь — звук мгновенный, — отвечаю честно.
По-моему, всё это всем известно.

И надо, чтобы люди не губили
Красу души, воспетую поэтом,
И поколенья новые щадили
(Поэтов можно не щадить при этом)
Красу сердец, воспетую поэтом!

На небе туч тяжелых покрывало...
Луна вершит свой круг неотвратимо...
Но нет на свете бедного Джалала...
И нет Умай... Бегут дороги мимо...
Луна вершит свой круг неотвратимо.

КОМСОМОЛЕЦ ШАМИСТАН

...Время бури, время крови...
Мир, забывший о покое,
Много страшного свершилось
В это время роковое...

Весь он выпит, кубок бури,
До краев кипенья полный,
И священна эта память
Незабвенных гроз и молний! . .

... Солнце к западу клонилось.
Горы на небо косились.
У холма вблизи дороги
Конники остановились.

Командир сказал устало:
«Отдохните здесь немного. . .»
Сам к чинаре прислонился. . .
«Далека ль еще дорога?»

Вот бинокль к глазам подносит,
В горы всматриваясь зорко.
Карту вынул, сверил местность:
«Да, как раз вот эта горка. . .»
Значит, до моста неблизко. . .»
Командир нахмурил брови.
Вот глаза его закрылись. . .
Так дремать ему не внове.
А в глазах его — игиды,
А в глазах бегут дороги
И летят поля и реки
Коньям скачущим под ноги. . .

Скачка снится командиру,
Голос мнится: «Не догоним! . . .»
Пыль, дорога. . . Вновь проснулся
И скомандовал:
«По коньям!»

И отряд летит как ветер,
В седлах — верные игиды.
Топчут вновь тугую землю
Боевых коней копыта.

Отчего у командира
Часто сердце леденеет? . .
Почему теперь дороги
Втрое кажутся длиннее?

Про себя бормочет глухо:
«Где конец кровавым битвам?
Кто-то выдумал законы —
Отдуться нам, игидам...

А быть может, эти битвы —
В них природа человека?
Кто-то выдумал законы,
Непонятные от века...

Долго думал я об этом.
Что сказать могу? Не знаю...
Кто-то выдумал законы —
А бредем у жизни с краю...»

Перед ним плывет в тумане
Сонный сад весенней ночи,
Руки матери любимой
И тоскующие очи...

На груди письмо таится:
«Истомилась я... Устала...
Весть недобрая в народе
Сердце горем измотала:
Говорили, был ты ранен.
Говорят, ты невредимый...
Брось! Беги! Укрою, спрячу!
Хватит воевать, родимый!..
Есть другая — хуже — новость:
Поднялась в округе буча.
Наш отец схватил винтовку
И пошел угрюм, как туча...
Я просила, умоляла...
«Нет, слуга не станет шахом!» —
Так сказав, с толпой смешался
И ушел тяжелым шагом...
Что творилось! Грохот, вопли.
Стекла в окнах перебили,
Матерей несчастных крики
Всю мне душу растравили!
Твой отец — мне рассказали —
У людей просил прощенья, —
Умирая, прохрипел он,

Что поддался обольщению,
Что не раз он был обманут
Обещаньями богатых...
Говорили и другое...
Разве мало слов крылатых?
Мой язык не повернется
Рассказать, в чем он виновен...
Возвращайся поскорее!
Для меня ты — сын, не воин.
Без тебя что делать буду?
По дворам пойду я нищей...
Разве можно жить в разлуке?
Даже птица дом свой ищет!..»

Командир кусает губы...
Мыслям бросился вдогонку...
Сам себя жалеет воин,
Словно слабого мальчонку.

Перед ним долина, скалы,
Стены гор и мгла ущелий —
Растерялся он... Куда же
Дико скачет? Мимо цели?

Почему за холм высокий
Он коня упрямо гонит?
А отряд за ним по следу —
Будто страшная погоня...

Полночь. Облачное небо —
Всё черно... Туман сгустился...

Впереди раздался выстрел.

Подскакав, отряд сгрудился...
Командир упавший вздрогнул
И затих подбитой птицей —
Неподвижен и безгласен
Командир-самоубийца...

На распластанное тело
Не взглянул никто с тоскою,

Только конь его заплакал
Сиротливую слезою...

Рыжий Шамистан подходит.
Он обвел тяжелым взором
Сотоварищей. И к телу
Обращается с укором:

«Нет! Не ждали мы такого!
Время бедствий пронесется,
И грядущее настанет,
Но для тех, кто не сдается!
Жизнь — бушующее море,
Иногда в дугу сгибает.
Но сломить она не может
Даже тех, кто погибает
Ради правды, ради чести,
Ради нового, живого!
Сила духа — вот бессмертье! ..
Нет! Не ждали мы такого!
Крики скорби не умолкли,
Грохот войн рождает беды.
Но сражаются народы, —
Светит им заря победы!
Эй! Открой глаза, несчастный!
Ты боец или разбойник?
Проглядели человека —
Дезертировал покойник.
Нет, не ждали мы такого!
Время бедствий пронесется,
И грядущее настанет,
Но для тех, кто не сдается! —

Шамистан поправил пояс. —
Ну, пора за дело браться...
Под моей командой стройся!
Комсомольцы! Будем драться!..»

Вновь — извилистые тропки.
Вновь — пути да перевалы! ..
Ночь тревожная, глухая
Перед утром отступала! ..

ВОЗМЕЗДИЕ

А время шло. На месяц новый месяц
Нанизывали быстрые недели. . .
По склонам гор переливались реки,
То серебрились, то опять мутнели. . .
От грохота
Не раз дрожали горы,
Дыханье неба
Обжигало землю,
И, словно сила вешняя потоков,
Народа сила обновляла землю!
Шли всадники лавиной на гачаков.
Отряд Керема впереди, как прежде,
Закрыв пути, отрезал перевалы,
Последние в разбойничьей надежде.
«Эй, Герай-бек! Пришел конец, сдавайся!» ---
Гремел Керема голос над горами,
Подобный кличу Кер-оглы, могучий!
И отзывались эхом горы, тучи,
А он летел, подхваченный ветрами.
И всюду Бахтияр с Керемом рядом —
В окопах, рвах, на скалах, над рекою.
Горело тело от жары и жажды.
Нет ни минуты храбрецу покоя!
Во гневе Бахтияр кусает губы —
Встает пред ним Джалал с его мольбою:
«За кровь мою

ты отомсти Гераю!

И за Умай.

И за село родное. . .»

Вот перестрелка прекратилась. Полночь.
Ни шороха, ни звука, уголь тлеет. . .
Но погоди, пускай наступит утро!
И мы увидим, кто из нас сильнее!
А Бахтияр — в глазах застыли слезы. . .
(И критик поражен: «Зачем он плачет?»
Да сердце ведь не бронза и не камень!
Ты знаешь, критик, что такое пламень
Великой дружбы? Вот что это значит!)
Три месяца как Бахтияр женился.
Но он не муж — сейчас уют некстати.

Гюльзар еще фату не опустила
И не познала радости объятий.
Он клятву дал —
и клятве не изменит —
Не знать жены,
не отомстив Гераю
За друга своего!..
Кто как посмотрит,
Я ж Бахтияра очень понимаю!..
Делили честно радость и несчастье,
Пришли сюда в шинелях запыленных,
Мужали рядом,
бились и любили
Они как братья
среди гор зеленых...
Джалал любил открытою любовью
Свою Умай.
Но жажда жизни новой
Осталась навсегда неутоленной, —
Погиб, любя, еще один влюбленный, —
Судьбу рубеж пересекал багровый...

★

«...Скажи мне, кто ты, сказочная пери?
Что делаешь ты здесь средь волн хрустальных?
Смеешься? Боже, этот смех знакомый!..
Что за тоска в твоих глазах печальных?
Смеешься? Надо мною? Горы, горы!
И вы готовы разразиться эхом?
Не только люди тешатся над горем...
Я, верно, перестал быть человеком?..
Хотя бы ты не смейся надо мною!
Сознайся, кто ты — явь или виденье?
Куда спешишь? Откуда?.. А быть может,
Ты дочь моя? И этот взор — спасенье
Суровой жизни в час ее последний?..
Все бросили меня — друзья, родные;
Печаль, как волк, вгрызается мне в сердце,
Судьба моя — что косы смоляные,
Волос твоих черней. О дни былые!
Ведь жил же я и звался Герай-беком...

Ведь жил же! И поверь мне, был игидом,
В седле героем больше полувека
Держался я! Каким владел богатством!
А кто сейчас?
Все смейтесь надо мною!
Я мертв, я тень! Один лишь голос слышен —
Я кончился. . . Я поражен судьбою!
Но ты не смейся. . . если только можешь. . .»
И девушка свела густые брови,
И слезы потекли из глаз ручьями,
Окрасив воду цветом алой крови. . .
Молчит она. Быть может, это призрак?
А может быть, не призрак, а немая?
Но воды шепчут, отвечая тихо,
Волна к волне спешит, перебивая, —
То говорят мечты ее скупые,
Неволя их сковала вековая.
«Я не смеюсь. . .

Над чем же мне смеяться?

Ведь я. . . Ведь я. . .

Я — дочь твоя родная.

Ты — мой отец. И ты ж меня. . .»

— «Нет, хватит!

Мне эти слезы душу разжигают!

Иди ко мне, иди сюда поближе!

Поцеловать хочу. . .»

Но пропадает

Видение. . .

«. . .О, где же ты, откликнись!»

— «. . .В земле холодной,

под могильным сводом. . .»

А волны бьются.

Плещутся о камни.

Герай идет к воде. . .

Он входит в воду. . .

Туманится сознание. . .

«. . .Где ты, где ты? . . .»

А девушка всё дальше.

Он — за нею.

Пылают лоб и сердце, словно пламень,

Всё мечется в груди, глаза тускнеют. . .

Уж волны через голову...

«Откликнись!

О дочь моя, не уходи, не надо!
Уж такова судьба моя, наверно,
Что за любовь такая мне награда...
Иди, утешь тоскующее сердце!
Нет! Нет! Не утешай!

Пускай сгорает!

Пусть руки отнимаются! О боже!
Бог знает сам,

за что меня карает...

Джалал бы жил, и ты жива была бы,
Цвела бы ты, Умай! Теперь я знаю...
А я убил его, тебя убил я,
Но вот теперь и сам я погибаю...
Отец ли я?.. Убийца беспощадный!
А думал — внуком одаришь Герая.
И мой бы род продолжился. О небо!
Я всё разрушил, сам того не зная.
Взбесился я.

Поддался страсти дикой.

Один, как волк, метался...

Страх, сомненье...

Будь проклята моя судьба вовеки!»
Он бьет себя в жестоком исступленьи...
Вдруг снова голос возникает рядом:
«...Пусть ты убийца, но отец!..»

— «...Не надо!

Не заслужил я ласкового слова!
Будь проклят я!

Мне не уйти от ада...

Нет! Я не стану докучать аллаху —
Убежище искать себе не стану.
Я всё бы смог...

Но где моя опора?

Врагом, чужим я стал Азербайджану!
Что человек без родины? О, горе!
И без тебя, Умай, мне жизнь постыла...
О, грудь горит... Что это — море? Море...
О дочь моя, прими меня в могилу!..»

115. СКАМЬЯ СМЕРТИ

1

Председатель суда нажал звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Председатель внушительно произнес:
«Продолжается суд!
На повестке — допрос. . .
Обвиняемый, встать!»
— «Отвечать я готов. . .»
На скамье он один, он спокоен, суров,
И глаза его гневом горят святым,
Обжигая судьбу огнем своим.

«Перестаньте грубить,
Попадете в беду!
Я прошу на вопрос отвечать суду
Без утайки, всю правду. . . Итак —
Для чего подожгли вы рейхстаг?»
— «Ложь! Гнуснейшая ложь!»
— «Что сказали вы?»
— «Ложь!»

У людей нет доверия к вам ни на грош!
Вы посмешищем стали с вашим судом!
Не такими путями мы к цели идем!
Обвинение ваше — чудовищный вздор!
Наша партия нам запрещает террор!
Мы — за тех, кто терпит лишения и гнет,

Кто за черствый кусок
Проливает свой пот,
Умирает в нужде...»
— «Выбирайте слова!
Вы рискуете жизнью —
Слетит голова!»
— «Не запугивайте, господин судья!
До тех пор, пока мыслю и чувствую я,
Коммунизм и счастье грядущих дней
Несравненно дороже мне жизни моей!
Ни религия, ни ухищренья судей,
Ни закон, о котором печетесь вы тут,
Нашу правду и нас
С пути не сведут!»

Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Он кричит:
«Коммунист! Шпион!»
И в глазах его бешенство... Зал потрясен...

«Подсудимый» в раздумье...
Застыл часовой
Над приподнятой гордо его головой.
«Подсудимого» смерть ожидает... И вот,
Поправляя свой галстук, свидетель встает.
Показаний подложных он кучу принес,
Негодующе он задает вопрос:
«Почему же разгуливал варвар тот
По Берлину?»

Судья, промолчав, дает
«Подсудимому» слово...
На голос судьи
Непреклонный Димитров встает со скамьи,
На лице его — ясность,
В глазах его — гнев,
Говорит он, свидетеля оглядев:
«Здесь пытаются мне оскорбленье нанести,
Но мои не запятнаны совесть и честь,
Продаваться не стану, как это дрянцо!»
У свидетеля разом темнеет лицо...

К «подсудимому» голову он повернул, —
В зале хохот и говор сливаются в гул...
У свидетеля губы от злости дрожат,
На судью устремил он растерянный взгляд:
«Этот дикий болгарин шельмует меня!..»

«Подсудимому» злобно молвит судья:
«Перестаньте грубить!
Вам советовал я
И советую вновь —
Выбирайте слова!
Вы рискуете жизнью —
Слетит голова!»
«Подсудимый» смеется. Свидетель кипит:
«Никогда не терпел я подобных обид!»
В зале многие знают отлично о том,
Что свидетель тот куплен за деньги судом...
Вот защитник встает.
Вот очки протер
И заводит такой разговор:
«Мне сдается... Конечно...
Возможно, что так...»
Поперхнулся, запас его слов иссяк.
Понимает защитник, что вздор городит,
И смолкает, невольный почувствовав стыд.
«Подсудимый» срывается вдруг со скамьи
И кричит:
«Как ни плохи дела мои,
Я себя защитить попробую сам!
Пусть защитник простит мне — к его словам
Не питаю доверья...
Вынужден я
На себя уповать, господин судья!
И хоть знаю, что трудно придется мне,
Но народ трудовой на моей стороне!»
Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек.
Но, волнение свое под суровостью скрыв,
Он бубнит:
«Объявляется перерыв!»

В ресторане в ту ночь веселятся всласть,
 Полон зал — в нем яблоку негде упасть.
 Ресторан первоклассный — в огне золотом;
 На столах серебро говорит с хрусталем.
 В ресторане — счастливый полуночный час,
 Исполняет мелодии модные джаз,
 И под жалобы звуков, волнующих кровь,
 Голоса то взлетают, то падают вновь.
 До утра в ресторане веселье идет —
 Полуголые девушки пляшут фокстрот.
 Яркость губ, свежесть плеч, их мельканье сквозь
 мглу,

И — блуждание глаз от стола к столу. . .
 Раскраснелось лицо у судьи; он — в углу,
 Раскрывая объяття, бормочет: «Приди!»
 Чью-то голову чувствует он на груди,
 Чьи-то нежные пальцы касаются щек,
 Чей-то голос в крови вождеделение зажег.
 Всем знаком тот судья: здесь кутил он года,
 Не трезвей, чем сейчас, он бывает всегда.
 Вот ликер и коньяк он глотает опять, —
 Сколько раз «за здоровье» пришлось выпивать!
 Не трезвей, чем сейчас, он бывает всегда!
 В ресторане — счастливый полуночный час,
 Исполняет мелодии модные джаз.
 Захмелел судья, голова тяжела. . .
 Он никак не подыметя из-за стола,
 Тот, в чьих грязных руках — человечья судьба!
 «Маргарита!» — гремит восхищенно труба. . .
 То — Берлина красавица первая. . .
 Вот
 В платье газовом женщина тихо плывет.
 Усмехаются губы,
 Играют глаза,
 Ослепительно блещет в ушах бирюза.
 Через силу встает захмелевший судья,
 Перед женщиной гнется, волнение тая;
 Кровь к лицу прилила,
 Затуманился взгляд,
 И слова, как в бреду, на губах шелестят:
 «Пощади, Маргарита! Ты слаще вина!

Как ты дивно прекрасна! О, как ты нежна!
Пусть вдвоем нас машина умчит домой,
Эту ночь проведешь, Маргарита, со мной!
Как ты дивно прекрасна! О, как ты нежна!»
Прикоснулась к холодной щеке губа
Того, в чьих руках человечья судьба!

8

Ночь бледнеет,
Туманом рассвет возвещен.
Тих Берлин, погруженный в могильный сон.
По Берлину стремится великий поток,
Запах пороха крепнет. . .
Рассвет недалек. . .
Тих Берлин, погруженный в могильный сон.
Вон, к тюремным решеткам прикинув гурьбой,
Заключенные смотрят в простор заревой.
В самой крайней из камер сидит мой герой.
Он не сломлен:
Как прежде — горд и суров,
Воля в бурях окрепла, в тревоге боев
Закалилась. . .
Как прежде, горд и суров,
Он письмо материнское держит в руках:
«Знай, мой сын, что пока, презирая страх,
Ты за правду бьешься, храня ее стяг,
Всё прекрасней твой облик в моих глазах!
Многолетний благословляю свой труд!
Из души твоей век пускай не уйдут
Наставленья мои! На большие дела
Я тебя родила, молодого орла,
В дар свободе, мой сын, я тебя принесла!
Будь же стоек — гляди, чтоб на трудном пути
Ничего не могло тебя потрясти!
Пусть рука не дрожит,
Не мутится твой взгляд,
Пусть ни муки, ни гибель
Тебя не страшат».

Тишина заревая смутна и нема,
Он читает сердечные строки письма,

Словно книгу борьбы;
В каждом слове — завет!
Он читает, твердя:
«Суд не кончен! О нет!
Дни великие, дни возмездья придут —
Справедливый свершится суд!»

Где-то в парке рассветном трое ребят
На корявых сучьях, скорчась, висят:
Нищей матери нечем кормить было их.
Где-то в парке, на липовых сучьях кривых,
Мать повесила малых своих ребят.
Ночь не спал, неотступною думой объят,
Без работы оставшийся адвокат:
Никому не нужны его знания и труд.
«Попроситься — авось в солдаты возьмут», —
Размышлял отчаявшийся адвокат.

В шляпе выцветшей, пыльной, в одежде худой
По панели бредет инженер молодой.
Ни мысли, ни чувств не осталось в нем.
В шляпе выцветшей, пыльной, в одежде худой
По панели бредет инженер молодой.
Вот на площади свалены груды книг,
Пожирает огонь их за мигом миг,
Груды новые участи ждут в стороне...
Гибнут мысли в огне, чувства гибнут в огне.
Вдохновений великих сгорают миры.
Озаряя полнеба, пылают костры...

4

Начинается утро... Из синих глубин
Поднимается солнце... В волненье Берлин.
Вот на кафедру облокотился судья,
В остекленных глазах жестокость тая.
Рвется с улицы гул, ударяя в виски:
То под знаменем красным рабочих полки.
На судью надвигается гневная месть,
Слышны крики: «Свободы!»

Судье их не счесть...
В зале шепот...
Собравшимся не по себе...
Две враждебные силы столкнулись в борьбе.
Прозвучал революции клич боевой,
В этом кличе
Народного гнева прибой.
«Если будет невинный на смерть осужден,
Вся земля содрогнется», —
Пророчит он.
У Димитрова слезы стоят на глазах...
Председатель суда
Смутный чувствует страх...
В зале шепот... Собравшимся не по себе...
Две враждебные силы столкнулись в борьбе...
Вот уж слово свое берет прокурор:
«Я не скрою...
Суду говорю в упор,
Что Германия может погибнуть...
Ведь так!
Кто решился поджечь сегодня рейхстаг,
На правительство завтра пойдет войной...
Потому этих варваров — всех долой!
Я — за смертную казнь! Семя зла навсегда
Уничтожим, чтоб от него — ни следа!»

«Негодяи и варвары вы!» —
В тот же миг
Обвиняемого раздается крик.
Часовой оживает, засуетясь,
И на место его водворяет тотчас...
Председатель суда нажимает звонок —
Стала резче мертвенность дряблых щек...

5

Заседанья последнего день настал...
Старый мир нарядился, будто на бал...
«Подсудимого» облик стенами скрыт,
Но из рупоров речь его всюду звучит:
«Вид, что строите счастье свое на костях,

Пусть гремят мои речи у вас в ушах,
Я — болгарин; покинув родную страну—
Ту, которая у тирании в плену,
С тиранией всемирной веду я войну!
И живу лишь мыслью одной —
Победить!
Если суд оправдает меня,
Я надеюсь дожить до победного дня!»

6

Миновало два месяца...
Злобу тая,
Приговор наконец огласил судья:
«Не причастен к поджогу!
Виновен другой!»
Приговор разглашен был газетной молвой...
Еще будут об этом суде писать,
Возвращаясь к нему
Опять и опять!
Этот суд будет памятен миру вовек!
Трижды славься, грядущего человек!
Спутник солнца, за солнцем идущий в века!
Трудящихся армия! Жизни войска!
Пусть вам будут друзьями лазурные дни,
Пусть стремленье стальное крепят в вас они!
Вашей мощи и вашей отваге — хвала!
И героям грядущим — хвала!
Их дела
Я провижу в сиянии солнечных дней!
Если б дожил до них,
Всею силой своей
Я прославил бы их и воспел!
О грядущее!
Наш великий удел!
Спутник солнца,
За солнцем идущий в века!
Трудящихся армия! Жизни войска!
Знаем: черными пятнами мир богат
И в колониях цепи еще гремят.
Знаем: ужасом смерти

Дни полны,
Этот ужас — опасность грозящей войны!
Но народ неизменно на страже стоит —
Он дорогу войне преградит!

1934

116. ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

В тяжком горе Баку, на лице печаль,
Ждут чего-то глаза, устремленные вдаль.
На холодной стене — пуль свинцовых след,
Здесь людей убивают — пощады нет...
В переулке, истоптанном сталью копыт,
На палане потертом грузчик сидит.
Он в раздумье глубокое погружен,
Отдохнуть хоть немного хотел бы он.

Угрожали народу шахи бедой;
Он покинул Иран и расстался с семьей.
Заработать хотел бы он хлеба кусок.
Помутнели глаза, поседел висок,
Пролегли морщины на лбу бороздой,
И весна для него обернулась зимой.
Вырос горб на спине, согбенной всегда,
На ладонях мозоли — знаки труда.
Он в раздумье глубокое погружен,
Отдохнуть хоть немного хотел бы он.
Отирая пот горячий со лба,
Он припомнил всё то, что дала судьба,
И всё то, что любил, он припомнил теперь...
Вот младенец, цепляющийся за дверь, —
Он еще едва научился шагать...
Рядом с ним — его исхудалая мать.
Жизнь ее — ожидание лучших дней.
Да, бывает судьба — нет ее тяжелей!
Мать младенцу, припавшему к ней на грудь,
Указала рукой на далекий путь.

«Ты не плачь, мой милый, — вернется отец,
И над нами сжалится наш творец.
Вдоволь хлеба получим — не то, что сейчас,
Будет кровля над нами, будет садик у нас.
Я сошью тебе платье, и в платье цветном
Сладких лакомств отведаешь ты за столом».
Так задумался грузчик, в мечты погружен
Слаще меда — впивает их сладость он.
Голубая сияет над ним высота;
Это сердце, в котором живет мечта,
Бьется, верит, трепещет. . . И в тот же миг
Он вскочил. На губах его замер крик.
И тотчас же ударился он головой
О крутые булыжники мостовой.
Шум, волненье! За что этот грузчик убит?!
Проходил здесь случайно кочи — бандит.
Испытать захотел он револьвер свой —
И за это бедняк заплатил головой. . .
Мать младенцу, припавшему к ней на грудь,
Указала рукой на далекий путь. . .

В тяжком горе Баку, на лице печаль,
Ждут чего-то глаза, устремленные вдаль.
Люди молча идут от угла до угла.
Под лучами солнца горят промысла,
А высокие вышки от ветра дрожат.
Бледны лица рабочих, и гневен их взгляд:
Голод гложет их, гонит из дома вон,
Не накормят их ни бог, ни закон.
С двух сторон собираются армии в бой:
Партизаны — с одной, а враги — с другой.
В этом городе хлеб внезапно исчез,
Точно чудом «вознесся» до самых небес.
«Потерпите», — так «старшие» нам говорят.
Но не наши ли руки всё в мире творят?!
Накрываются женщины черной чадрой;
У гробницы имама, собравшись толпой,
Призывают на помощь духов они,
Но проходят, не внемля, за днями дни. . .
Спят калеки у края безмолвных дорог,
Под котлом прикорнул малыш, как зверок,
Он покрыт песком, всё лицо в пыли.

Вот повозка с рыбой едет вдали,
Поднимает облако пыли она,
И ночная скрывает ее глубина.
Муки голода переживает земля...
Вот проходит эсер, по дороге пыли.
Говорит он друзьям: «Поздравляю вас!
Я отличную новость для вас припас:
Через Каспий идет англичанин сюда,
Заживем хорошо, сгинет враг без следа!
Наше счастье лишь в этом, я думаю так».
А эсеру с надеждой вторит дашнак:
«Пусть скорей, пусть скорей англичанин идет!
Всё готов я отдать за его приход!
Пусть войска революции канут на дно.
Жить в землянках рабочим навек суждено.
Это наши и вышки, и промысла,
Наше счастье — им саван и вечная мгла!»
А теперь я скажу о бесславном «вожде»,
Как он звал себя, — о Расул-заде.
Он собрал мусульман, чтоб найти в них оплот,
Обещания жирные им дает.
Говорит: «Надо турок на помощь привлечь.
Пусть придут сюда, обнажат свой меч!
Отстоять свободу помогут нам!
Слава нации нашей взойдет к небесам!»
— «Шарлатан!» — «Браво, браво!» — «Долой!» —
«Гляди —
Он задумал продать нас — вот это „вожди“!»
— «Стойте!» — «Что ты сказал?» — «Это ясно
сейчас —
Он, болтая о нации, продал нас!
Слово «нация» для него — покров!»
Что тут было в мечети — свист, проклятия, рев!
Но бесстрашный рабочий, дитя промыслов,
Перекрыл нарастающий гул голосов:
«Эй ты, «вождь»! Нам довольно твоей болтовни!
Не кипи, не волнуйся и глотку заткни!
Под покровом твой нос торчит неспроста!
Погляди, пена бьет у тебя изо рта!
Не сдвигай же бровей и не щурь ты глаз;
Ты нас хочешь продать — это ясно для нас!
Ты болтал здесь от имени нашей страны —

Но ведь с голоду гибнут ее сыны!
Вы ограбили, вы разорили нас.
Но и вашему счастью остался лишь час!»
Окружили бандиты, прервали речь —
Голова смельчака покатила с плеч...
Много есть у истории горьких вестей;
Сколько было убито наших людей!
Но заполнены улицы толпами вновь, —
Взволновались сердца, и вскипела кровь!
Развернулись полотнища красных знамен,
Сердце гулко стучит, каждый шаг окрылен.
Вот шагает отряд, проходит вперед,
И, сжимая винтовку, каждый поет:

«Голод выдержим сейчас
И дождемся лучших лет.
Революция — за нас,
Без нее нам счастья нет.
Из землянок выходи,
Распрощайся с темнотой.
Всё, что видишь впереди,
Всё твое, товарищ мой.
Скоро трупы англичан
Бросит Каспий на песок.
В братской дружбе — счастье нам,
Жизни радостной залог».

Волны бьются о берег, уходят прочь,
Берега во мраке, волны черны.
Протянула руки к Каспию ночь,
Что за горькие вести нынче слышны?
Берега во мраке, волны черны...

В небесах не видать ни одной звезды,
В облака густые вонзилась луна.
Одинокая ночь — в ожиданье беды,
Облаков на нее налегла пелена;
В облака густые вонзилась луна.
Этой ночи так скорбен и странен вид!
Все разбиты надежды, и взгляд уныл...
Резкий ветер по склонам песчаным летит.
Помрачнел смертельно больной Баил,
Все разбиты надежды, и взгляд уныл.

Заключенные из темницы глядят,
И прощаются с жизнью они навек...
Шаумяна задумчив и горестен взгляд,
Небеса он мыслью своей рассек,
И прощается с жизнью он навек.

О, какая буря бушует в нем!
Как лицо его побледнело, гляди!
Взор пылает неугасимым огнем,
И стальное сердце бьется в груди.
Как лицо его побледнело, гляди!
Взгляд его в бесконечную даль устремлен.
Телеграмму Ленина вспомнил он.
Золотые слова он вспомнил сейчас —
Никогда их огонь в его сердце не гас!
«В вас я верил еще и в былые года.
Вы бесстрашны, как сталь ваша воля тверда.
Но вы знаете — жизнь сегодня сложна, —
Вместе с мужеством и осторожность нужна.
Вы — испытанный в жарких схватках боец.
Вскоре наша победа придет наконец».

Слушай, степь! Резкий ветер, уйми свой полет!
Сердце бьется в тоске и спасения ждет!
Среди ночи глубокой разносится шум —
Это поезд летит по степи Акчакум.
Никого на пути не заметит взгляд,
Лишь одни заключенные в окна глядят.
Как ясна, как бела эта ночь, погляди!
Поезд — точно клеймо у нее на груди.
Слушай, степь! Резкий ветер, уйми свой полет!
Сердце бьется в тоске и спасения ждет!
Вот выходит из поезда взвод солдат,
Их туркменское платье — плохой маскарад.
Этот ряд бесконечных песчаных зыбей,
Эти серые волны песчаных морей
Пробуждают укор в тишине ночной
Против целой вселенной и жизни самой.
Ночь в тревоге — несчастье ждет впереди.
Что еще ты, ночь, затаила в груди?!
Погляди на пустыни немой тоску!
Слышен посвист пуль, кровь течет по песку.

С бурей в сердце, не опуская глаз,
Говорит Шаумян в свой предсмертный час:
«Вы, владыки Европы! Пора вам знать,
Что истории ось не вертится вспять.
Вам теперь сродни и разбойник и вор.
Этим вы подписали себе приговор.
Наша кровь, наша смерть к отмщенью зовут,
Вас к ответу потребует грозный суд,
И за все преступления взыщет он!
Сотни красных взлетевших к небу знамен
Крикнут: «Месть!» — и куда б ни вели вас пути,
От суда истории вам не уйти!
И бескрайние земли, и море само,
И колонии, свергшие ваше ярмо,
Проклянут вас навек, отшвырнут вас пинком,
Разочтется история с вами плевком!»
И — уже изнемог, упадет сейчас —
Говорит Азизбеков в последний раз:
«Дорогой Баку, навсегда прощай!
Двадцать шесть нас умрут за родимый край;
Мы, оставшись навек средь бескрайних песков,
Станем памятью вечной о днях боев!»
На земле распростерся бесстрашный герой,
Весь оваян морозной, жгучей зимой.
И лицо его побелело как снег, —
Так замолкло великое сердце навек.
Нет, никто бы без трепета видеть не мог,
Как бежит его кровь на холодный песок.
О, великое сердце!.. Как скорбно чело —
Точно ясное солнце за тучи зашло...

Утром желтое солнце взошло над страной,
И покрылись края облаков желтизной.
Постарела вселенная за ночь одну,
И в пустыне, ничем не смутив тишину,
Спят товарищи наши — и встать им нельзя,
Наши лучшие люди, герои, друзья!
Будет Азербайджан над ними рыдать —
Самых лучших детей потерявшая мать!
Отвечай, Акчакум, и скажи одно:
Что за озеро кровью до края полно?
Или солнце погасло? Разбилась луна?

Или люди, какими гордится страна,
Стали пеплом, сгорев на великом огне? ..
Как печально рабочий идет в тишине!
Это черные вести услышал народ,
И оружие в руки он снова берет!
Вы — герои коммуны, герои-бойцы,
Вы — истории нашей эпохи творцы,
Вас убили в пустыне в былые года
Против всяких законов, тайком, без суда...
Иль колеса истории движутся вспять?
Или солнце погасло, устав сиять?
Нет, героев недаром взрастила страна,
И в истории ваши блестят имена.
Пусть истлели тела — мощный дух не погас, —
Мы героями быть научились у вас!
Не замолкло биение ваших сердец!
Пионер, комсомолец, рабочий, боец
Рукоплещут героям прошедших лет...
Видя памятник ваш, сдвинул брови поэт.
Погружаясь в мечты, он подумал одно:
Мир стареет, а вам молодеть суждено.

1935

117. СЛОВО О КОЛХОЗНИЦЕ БАСТИ

Отрывки из поэмы

Какая песнь доносится? — Басти!
Кто лучшая колхозница? — Басти!
Как нежно произносится — «Басти»...
Стальная воля, сердце золотое.
В твоих глазах я вижу тонкий луч,
Как будто бы кипит в них горный ключ —
Источник жизни, светел и могуч.
Хранишь ты в сердце всё пережитое!
Ты, как поэт, всегда глядишь вперед.
И, как поэта, чтит тебя народ.
Тебя любой ребенок назовет.
Толкуют старцы: «Время-то какое!»
Вокруг тебя клубятся облака:
То хлопок твой белее молока!
Его гора, как Эльбрус, высока!
Тобой гордится племя молодое!

Мать, плача, назвала тебя Басти,
Что значит: «баста», «хватит», «отпусти»!
«Зачем мне дочь? Зачем ей жить, расти?
О, почему аллах не дал мне сына?»
Обычай грустный был в стране моей —
Не праздновать рожденья дочерей.
Жена боялась мужа: стыдно ей —
О, почему аллах не дал ей сына?
У женщины, считалось, нет души,
Нет заработка. Проживет в тиши,

Чужие будет проедать гроши,
Служанкой будет у чужого сына!
Зажжет огонь чужого очага,
А молодость-то будет недолга,
И лишь одна мечта ей дорога:
Родить бы, милостью аллаха, сына!
На свадьбах пели: «Девка здорова,
Вся без изъяна! Сладкая халва!
Семь сыновей роди, пока жива,
Ты мне, гляди, роди не дочь, а сына!..»

Я вспоминаю
Черный мир былой...
Что за река
О скалы бьет волной?
То слезы матерей.
Ты плачешь, мать?
Века, века пришлось тебе страдать.
Бек и купец
Могли тебя купить,
Муж и отец могли тебя убить,
Коран тебе приказывал: «Молчи», —
И бекские наемники, кочи,
Бесстыдно издевались над тобой —
По шарияту ты была рабой.
С какой-нибудь попойки,
Зол, уныл,
Бывало, муж
С гостями приходил.
Он бил тебя при людях,
Пьяный в дым, —
Ты молча обмывала ноги им...
У женщины, считалось, нет ума...
Чадра была как саван, как тюрьма.
То в шелковой, то в ситцевой тюрьме —
В чадре своей — блуждала ты во тьме...
Был горек хлеб. Был безысходен ад...
Был страшен мир. Был крепок шарият.

Простые и чистые
Слышим слова от тебя!

Ткать богатый узор ковров,
У машины стоять и лечить людей,
Сеять хлопок, доить коров.
Трудовым и творящим рукам хвала!
Все нужны на земле дела.
Это Ленин сказал нам, что жизнь полна,
Это он научил понимать,
Что свободна и счастлива та страна,
Где свободна и счастлива мать!

Вчера вошел я в детский сад —
В цветник резвящихся ребят.
Им чужд Коран, неведом бог...
Свободен каждый детский вздох!..
Как мать в кругу своей семьи,
Играла девушка с детьми;
Она учила петь ребят...
Я помню этот светлый взгляд,
Как вспышки голубых зарниц,
И стрелы черные ресниц...
И я, склонившись перед ней,
Сказал:
«У родины моей
Нет пасынков!
В стране любви
Нет пасынков!
Тут все — свои!..»

Вот целый мир, и каждый дом, и сад
Колхознице Басти принадлежат!
Баку, Москва, Тбилиси, Ленинград
Поют хвалу колхознице Басти,
Желают ей расти, расти, расти!
И слава о Басти, как ураган,
Прошла за рубежи не наших стран:
В Арабистан, в далекий Индостан,
В Алжир и Фец, за толщу древних стен,
В Багдад, и в Тегеран, и в Йемен!..
Красавицам Востока страшен труд,
И гнезда их — гаремный их уют —

Лишь запахами тленья отдают. . .
Те женщины узнают образ твой,
Как выпуклые буквы книг — слепой!
Им даль еще страшна и неясна. . .
Завидно им, что наша жизнь — весна!
Им сбросить хочется оковы сна! . .
Они поймут. . . Да здравствует навек
Освобожденный чистый человек!
Басти, Басти! Стоишь высоко ты!
И первый цвет весны Востока ты!
Леса, поля, и степи, и хребты
Теперь твои!

Басти-ханум, ты солнца веселей,
Атласный ветер родины твоей
Колышет кромку хлопковых полей. . .
Они твои!

Бегут потоки с горных ледников,
Олени пьют из чистых родников,
Цветут эйлаги выше облаков. . .
Они твои!

И эти небеса, что так чисты,
С алмазной каплей утренней звезды,
И всех долин цветущие кусты
Теперь твои!

Я встретить тебя, как влюбленный, бежал,
Я руку твою, как товарищ, пожал,
Нам дружба и братство — судьба навсегда;
Коль это забудем — сгорим от стыда!
Другие пусть хвалят на сотнях страниц
Франтих, принимающих тысячи лиц;
Бездельниц, ведущих в бульварный поход
Домашних собачек заморских пород;
Красоток, похожих на скользких ужей,
Трещоток, умеющих мучить мужей!
О них, осудив их сомнительный вид,
«На скользкой подошве», — народ говорит,
Таких, кому страшен и тягостен труд,
Что свежесть лица своего продают,
О сладких и липких «ханум-мармелад» —
Об этих пускай дураки говорят! . .

Льстивые слова не для тебя.
Жизнь моя простая для тебя!
Умным вырастая для тебя,
Я тебя товарищем зову!
Прежде льстили женщинам у нас,
Клеветой казнили в тот же час.
Братскому почтению учась,
Я тебя товарищем зову!
Женщин в саван одевали здесь,
За долги их отдавали здесь,
Как рабынь, их продавали здесь! . .
Я тебя товарищем зову!

Я буду петь о днях твоих,
Твоей свободе рад!
Лети же, вдохновенья вихрь,
Как добрый конь Гыр-ат!
Для вольных я степей рожден,
В полях, где нет межей,
В краю серебряных ветров и розовых
дождей!

Мне в детстве не было светло,
Не ждал такого дня,
Но знамя красное взшло,
Как солнце, для меня!

Басти! Под утренней звездой,
Живую жизнь любя,
Идешь ты, глядя пред собой,
Надеясь на себя.
Так рано встала ты одна,
Заря с тобой встает.
В груди, как теплая волна,
Душа твоя поет.
Ты видишь гор воздушный строй,
Поля, скалу, цветник
И, словно крашенную хной,
Хохлатую кяклик!
И башмаки твои в росе,
И чистый пот на лбу. . .

Вместят ли эти песни все
Одну твою судьбу?
Еще в полях заря и тишь —
Твоя тропа долга.
Ты горы хлопком взгромоздишь,
Как русские снега!
На грузовозах и арбах
Лежат дары твои,
Сырые для множества рубах —
Моих, моей семьи. . .
По-детски помнить я привык,
Что я тобой одет. . .
Я твой должник! Я твой должник!
Я твой, Басти, поэт!

Наш долг один — священен он.
Наш путь один — другого нет.
Поэт вне жизни — не поэт,
Поэт вне жизни — пустозвон.
Поэт был всюду чужаком —
Без родины и без гнезда.
Теперь светла его звезда,
Вся жизнь — его законный дом!
Теперь свободен наш язык,
Мы петь научены борьбой.
Басти! И ты была рабой —
Без языка, без глаз, без книг!
Басти, хозяйка красоты,
Теперь поэт и соловей
Поют о юности твоей!
Не знаешь унижений ты!
Басти, сестра моей весны,
Хозяйка гор, воды, травы,
Не склонишь гордой головы
И сильной не согнешь спины!

Да сгинет враг, поклонник зла и тьмы!
Мы любим свет, и любим счастье мы:
У каждого порога сад посажен.
Цветут сердца, таланты и умы!

Пусть тысяча один цветок цветет,
С плантаций роз пусть аромат течет.
Большевики украсили природу,
Им от нее спасибо и почет.

Принадлежит нам каждый добрый день,
Светла дорога, нам идти не лень!
Пусть на дорогу стройные чинары
В полдневный зной отбрасывают тень...

Своей натуре волчьей вопреки,
Враги на вид любезны и мягки...
Коль в сад их пустишь, сразу расползутся
По нашим розам злые червяки!

Глядит фашист, и злоба в нем кипит!
Секреты наши хочет он купить,
Затеял, вишь, секретную торговлю...
Пора мерзавцу лавочку закрыть!

На всех фронтах труда, тверды, сильны,
Как кзыл-аскеры, мы стоять должны.
Нельзя нам быть беспечными, товарищ,
Не спи, моряк, нам бури суждены!

Враг не уйдет от нашего суда,
Но стыдно мне, что не был я всегда,
Как должно быть поэту, дальноржим!
Басти! Не знай ошибок и стыда!

Колхозница моя! Моя звезда,
Как ты тверда, как пламенно чиста!
Да буду я таким же благородным,
И ложь не осквернит мои уста.

Из тучи должен хлынуть дождь, —
Таков, природа, твой закон.
Негр говорит:

«Я — человек.

Не только человек — поэт.

Я черной матерью моей на свет художником рожден,
Искусства благодарный сын уж более чем тридцать
лет.

Америка,
мой милый край!

Мой старый дом!

Мой Новый Свет!

Твой воздух, небо и земля навеки мне принадлежат.
Там кости белые сложил давным-давно мой черный дед.
В твоих зеленых деревьях мои желания шумят.
Я родину свою люблю как живописец и как сын.
Влюблен я в каждую зарю и в каждый полдень и закат.
На каждом полотне моем американских далей синь.
Цветы Америки цветут, лучи Америки горят.
Ответь, отечество, ответь,

добыл ли я своим трудом

Святое право проходить по травам, тронутым росой?
Кто смеет у меня отнять мой отчий край, мой

отчий дом?»

И темный взор пересекло зигзагом молнии косой.

И я почувствовал: меня навек пронзил ее заряд.

Как буря, в сердце ворвалась чужая участь и любовь,

Твоя грозовая судьба в мою судьбу вломилась, брат,

Как будто бы в меня влилась твоя взволнованная

кровь.

Поэму горестной судьбы, как будто книгу, я листал.

«Когда мне замыслы картин указывают дальний путь,

Когда в скитаниях своих я голоден и я устал,

«Ты черный, — говорят глаза, — тебе нет места

отдохнуть».

«Ты черный», — люди говорят. «Ты черный», — говорит

закон.

И я на родине своей навеки с нею разлучен.

Я вижу родину тайком, в разлуке стал я стариком...»

Он задохнулся и умолк, и зал молчал ему в ответ.

Предчувствие большой грозы растет в молчании таком.
В глазах людей клубился гнев, которому пределов нет.
Казалось, он тугим жгутом людей, как сноп, перевязал.
А негр взволнованно дышал, сжимая руки в кулаки,
И, выступив из берегов, почти захлестывали зал
Почти что зримые валы его обиды и тоски.

Негр говорит:

«Я так люблю,
Америка,
твой первый снег.

Я так люблю твою весну, — она, как мать моя, добра.
О реки нашей стороны,

я так люблю ваш быстрый бег.

Моя богатая земля, край золота и серебра,
Ответь, дано ли право мне глядеть в глаза твоей весне,
А если нет, то дай ответ, что без отчизны белый свет?»

Негр говорит:

«Порою в путь

С утра я выхожу, готов
Глазами жадными взглянуть
На ликование цветов.

Иду и думаю в пути
Родную землю обойти,
Увидеть лета торжество,
Оттенки новые найти

Для вдохновенья своего:

Покуда осень далека,
Пока не умерла листва,

У родины моя рука
Узнает тайны мастерства.

Пусть утренняя тень вершин

Мне в изголовье упадет,

Пусть соловей моей души

Расправит крылья и споет.

Пусть это будет песнь о том,
Как счастлив на земле поэт,

Когда в мерцанье золотом
Встает безоблачный рассвет.
Пусть хлынет солнце в душу мне,
Растопит лед моих обид.
Пусть песнь моя на полотне
В чудесных красках зазвучит.
Пусть правда моего холста
Непримирима и нежна —
Его простая красота
В бою товарищам нужна.

Создания любви моей,
Вы повествуєте о том,
Что судьбы всех простых людей
Озарены одним огнем,
Одним стремленьем зажжены .
И братством связаны навек,
С великим знаменем дружны,
Одним для всех морей и рек.

Так будь же счастлив каждый час,
Откликнись, будь безмерно рад
Сиянью человеческих глаз
И звонкой радости ребят,
Как много у тебя друзей!
Они твоим огнем горят,
Черны они или белы —
Для вашей дружбы нет преград.
А расовой вражды валы
Лишь тот возводит, кто богат.
Моей бы песне быть о том,
Что вольно дышится кругом,
Что нет ни рабства, ни темниц,
Что слышен чистый голос птиц,
Что мир расправился с врагом,
Что враг навек повержен ниц.

О, черная земля весны!
О, лета яркая пора!
Как зори родины ясны!
Как смел и счастлив я с утра!

Как неоглядна и пестра
Дорога дальняя с утра.
Вперед!

Как счастлив я в пути!
Душе желанней доли нет.
Воображение, лети!
Гляди, влюбляйся в белый свет!
Чтоб, наслаждаясь и дыша
Теплом земли, прохладой вод,
Искусства вечного душа
Неслась, как ласточка, вперед.
Ей без свидания с землей
Ни радости, ни жизни нет.
Так в добрый путь! Ликуй и пой,
Земной художник и поэт.
О, мир, исполненный чудес!
... Но только лишь угаснет день,
Темнеет ясный лик небес
И на воды ложится тень.
Молчит остывшая вода.
И стынет жар моей души.
Горит вечерняя звезда,
Не слышно птицы из гнезда, —
Природа замерла в тиши.

Природа отошла ко сну, природа глуше и темней,
И в этой темноте Нью-Йорк раскрыл павлиний хвост
огней.

Огни домов,
огни дворцов,
огни реклам,
огни витрин.

Напевы скрипок и певцов,
полет смычков и балерин...

Шуршат банкноты и шелка...

А надо мною облака.

Приюта нет, ночлега нет, —

теперь ты негр, а не поэт...
Художник дышит тяжело, как будто нож в его груди,
Но он преодолагает боль и продолжает говорить,
Не в состоянье замолчать; пока преграды впереди,

Пока ему внимают мир, он будет думать и творить.
Горит костер его лица, он будет биться до конца,
Его огонь не догорит, пока он всё не досказал.
И вдохновение бойца грозой врывается в сердца,
И непреклонности его сурово рукоплещет зал.

Негр говорит:

«Я чернокож,

я с колыбели напоен

Голубоватым молоком несчастной матери моей.
Стократ чернее, чем она, поработителей закон,
Но чем бесчеловечней он, тем я люблю ее нежней.
Встречая каждую зарю, тебя я, мать, благодарю,
Ты подарила весь мир,

упорство,

силу рук и ног.

Глаза мне зоркие дала, — они почти как два крыла,
Они несут меня вперед вдоль всех моих больших дорог.
Великое спасибо, мать, за то, что сын твой так богат.
Лишь достоянием одним не одарила сына ты. . .
Свобода, в мире я живу как твой певец, как твой

солдат.

Но не видал в своем доме твоей могучей красоты.
И тем слышней я говорю:

„На свете дерево живет

Благодаря своим корням,

тебе, земля,

тебе, вода.

Мои друзья, мои враги,

нет, я не позабыл свой род.

Мой древний негритянский род я не забуду никогда!«»

И были гордости полны его сыновние слова,
В глазах его светился луч достоинства и торжества.
Стоял он, черен и могуч, откинута голова, —
И губы гордые его затрепетали, как листва.
И мне почудилось на миг: над головой его возник
Печальный темнокожий лик. . . О, мать, о, свет ее любви!
На миг над залом поднялось седое облако волос,
И женский голос произнес:

«Я родила тебя, живи!»

Кому из них рукоплескал глубоко потрясенный зал?
Как ветер, крепни и лети, сметай преграды на пути,
Людского дружества раскат. Художник благодарно ждал,
Чтоб в наступившей вновь тиши листать тетрадь своей
души.

Негр говорит:

«Мой бедный род
Не видел утра никогда...
Ты медлил, солнечный восход
Свободы, радости, труда.
Столетиями идут бои
И гибнут прадеды мои.
О Миссисипи, сколько лет
Ты сохраняла крови цвет.
Товар, идущий в оборот,
Как бессловесный черный скот,
Не жди, не смей, не прекословь!
Столетиями струится кровь.
И всё черней твоя судьба,
И всё тебе короче счет.

Америка!

Мой Новый Свет!

Я твой художник и поэт.

Столетия раздается стон, услышь, создай другой закон.
Пусть все народы на земле подымут голос мне в ответ.
Колонии, ваш час настал! Да будет гнев вооружен!
Нет в мире ничего сильнее семьи трудящихся людей.
Одной мечтой вооружась, как будто бы одним мечом,
Усилья слив в один удар, гнев разгорится, как пожар.
Такому пламени в пути моря и горы нипочем!
Пускай на всей земле падет мир угнетенных и господ,
Чтоб смысл людского бытия навеки был преображен.
Америка!

Мой Новый Свет!

Я твой художник и поэт!

Я для любви к тебе рожден, услышь, создай другой
закон!»

Оратор снова замолчал, в пространство устремляя взор.
... Как будто пленного орла товарищ вольный расковал,
Орел рванулся на Восток, всем рубежам наперекор.
Там солнце медлило зайти, в тебя влюбленное, Москва.

119. МУГАНЬ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

...Бывал ли ты, приятель, на Мугани?
Пешком ли шел, твердя старинный стих
О жителе высоких гор — джейране? ..
Дремал ли ты на травах луговых?

«...Вдруг оторвавшись от земли, как птица,
Как тетива напрягшись, он стремится
Трепещущей стрелой. . . Остановиться
Уже нельзя, — ты пролетел, джейран!

Ты полюбил от века наши земли,
С моим народом дружен не затем ли,
Что здесь — любовь? .. Ты нашей просьбе

внемли:

Не покидай родной предел, джейран!

Смысл поговорки дедовской понятен:
Турач в полете, говорится, знатен,
А на бегу — джейран. . . О, как ты статен!
Не я — народ тебя воспел, джейран».

Иду один Муганью неоглядной. . .
Над лужей дождевой склонились жадно
Дитя и мать — джейраны. Мне отраднo:
Тебя спугнуть я не успел, джейран!

Приходит осень... Вихри пыли выются,
Бушуют ветры, злые ливни льются...
Когда тесней в одну семью собьются —
Согрет меж сотен братских тел джейран!

Старейшему стоять на страже надо, —
Кто бродит в десяти шагах от стада,
Враг или друг?.. Не волчья ли осада?
Когда придется, будет смел джейран!

Будь добр, охотник! В эту степь — ни шагу,
Убийством не пятнай свою отвагу,
Вели не злу ей послужить, а благу!
Мне прямо в сердце поглядел джейран!

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

В степи недолги весны. Лето строже,
Суровее...

 Шаир, ашуг, певец,
Поэт, влюбленный в родину, настрой же
Старинный саз!.. Дней десять — и конец...
Восток — в багрянце, в розовых разливах.
Мугани нашей взором не обнять...
Весенней песней турачей ревнивых
Я растревожен, я пленен опять!
Зеленые скатерки под кустами,
Их вышивку, их бархат оцени...
Что будем жить не вечно, знаем сами, —
Гармонией наполним наши дни!
Поэзия и жизнь должны бы слиться...
...Но ветерок дохнул огнем — точь-в-точь
Из печки раскаленной... Пот струится,
Рубаха мокнет... И шагать невмочь.
О, всё нутро Мугани просит влаги,
И свежести весенней жаждет грудь!
Горячка, сушь — и снова степи наги...
В них добрый лекарь должен жизнь вдохнуть!
В Мугани — лето. Черен воздух тяжкий,
И мертвенно лицо солончака.
Сухая степь рвет на себе рубашку
В отчаянье... А было так — века.

Я про себя шепчу: «Бедняги деды!
Здесь вечно был пожар. . .» И странно мне!
Селенья, люди — все от пепла седы,
В уныло-сером, медленном огне. . .
Бедняги деды! . . Вы хлебнули горя,
Но ваша слава старая в цвету:
В пустынях серых пепельного моря
Воспели вы отчизны красоту!
Муганские и мильские становья
Любовь к отчизне строила в огне. . .
Ты мстила за отцов, любовь сыновья,
В грозе и буре мчалась на коне!
В степных палатках трудно и сурово
Ты воинов растила — сберегла!
Разбить и уничтожить рать Хосрова
Ты жителям землянок помогла;
Царя царей, скакавшего сквозь степи,
С кровавого пути свернула прочь;
Иранское его великолепье
И жадные глаза покрыла ночь. . .
Томрис его окликнула: «Потише!
Ты жаждал, царь? Напейся допьяна!»
. . .И голову владыки поглотивший
Бурдюк был полон крови — не вина. . .
Но прошлое скрывается в тумане. . .
Закат. . .
Вернемся к нынешней
Мугани.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Вновь солнце наряжается в багрец
И облака прозрачно-розоваты. . .
Земля и день простились наконец. . .
Что затевает рой теней крылатый?
В безмолвие вся степь погружена.
Так далеко до города! Селенья
Разбросаны так редко! Тишина
Такого одинокого забвенья. . .
По одному — деревца у канав.
И всадник-ветер в этом поле диком

Куст терна вырвал с корнем и, погнав
Незримого коня, умчался с гиком. . .
Сворачивают тропы вкривь и вкось
И пешехода путают. Но где-то
Гудит далекий поезд. . .

Поднялось

В груди тепло, вдруг сердце обогрето
Живым дыханьем шумных городов! . .
Кругом огни. . . Встает Мугань другая,
Мугань в алмазах, в роскоши садов,
Созвездиями частыми сверкая! . .
Стальные руки протянулись к ней,
Асфальтовые реки плавно льются,
Машины, поезда. . .

Шумней, сильней

Пусть люди говорят, поют, смеются!
Зеленые поселки-городки
Открыто улыбаются. . . Закаты
Блестят, как шемахинские платки,
Поля, как море, — чуть голубоваты. . .
Моторов рокот в синеве денной. . .
Людской поток стремителен и весел. . .
Земля — как исцелившийся больной,
Всего ей надо — шума, смеха, песен!
Игре подобна юная вода
Живой, артериальной, чистой крови,
И солнце радо не чинить вреда
Земле, обретшей силу и здоровье! . .

Эй, сердце! . . Не пьяней, в себя приди,
От сладкой чаши оторваться впору:
Тот день не наступил, он впереди. . .
И моему ли он предстанет взору?

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Стой, Толя, здесь! Я дальше — без забот,
А ты гони обратно и не сетуй. . .»
Водитель недоволен. Пешеход,
Романтиками издавна воспетый,
Далеко, говоришь ты, не уйдет? . .
А всё ж простимся у землянки этой!

...Отар овечьих сколько! Стар пастух,
Высокий, как чинара, в бурке пыльной,
Взор соколиный весел — не потух,
Но седина в бровях.

Сухой и сильный,
Он временем еще не утомлен.
Поднявшись с места с быстротою птичьей,
Весь просияв, встречает гостя он, —
Таков народный милый наш обычай!
Любуюсь стройным станом старика,
Блистаньем глаз...

Среди равнин пустынных
Пусть жизнь его скудна и нелегка,
Он — сын степей, хозяин, властелин их!
Зовет к себе в землянку... Воду льет
Из бурдюка...

С открытой речью деда
Былых князей радушие, почет
Сравнятся ли?

Короткая беседа:
«Кто ты, пастух, откуда?»
— «Я — лезгин,
Из Дагестана. Мы с Муганью вашей —
Друзья. Зимой среди ее равнин
Тепло и тишину пьем полной чашей!»
— «Но что тебе дает Мугань зимой?
Одна овца удвоиться не может,
Коль нет окота! Не пора ль домой,
Под теплый кров, где ветер не тревожит?..»

Но тонко усмехается старик:
«Не знаешь ты, сынок, своей Мугани:
Утроит единицу в добрый миг,
А тройку уничтожит в урагане!
Мугань сама себя не разберет:
Одно утроит, а троих пожрет!»

Слышал, читатель? Мудрость какова!
Спокойные и легкие такие,

Насмешливые светятся слова
Улыбкой превосходства над стихией...
А к нам — поэтам — ты по праву строг,
Когда коришь за ложные красоты
Искусственно лощенных, гладких строк,
За чуждые народу обороты...

Ужели я, о друг мой, ни в одном
Крестьянском доме песней не помянут?
Ужели и в селе моем родном
Стихов моих ашуги петь не станут?
Коль так, пусть пропадает мой удел!
Дар просторечья не нисходит свыше...
А то, что мой старик сказать сумел,
Пусть долго пребывает как двустигий:
«Мугань сама себя не разберет:
Одно утроит, а троих пожрет!»

ПЕСНЬ ПЯТАЯ
МУГАНСКИЕ НОЧИ

В Мугани — ночь... И слишком много звезд...
И слишком тяжко тишина повисла...
Нет, мир поэтов, право, слишком прост,
Им кажется: в природе бездна смысла!
Им чудится: старуха степь мудра —
Вот смотрит не мигая звездам в очи
И ждет от неба правды и добра,
Впивая откровенье чистой ночи.
Раскрылась книга... Тонкий свет струят
Небесные светильники на строки,
И белые столбы лучей стоят...

А всё же — тьма! И холодок жестокий
И путника в степи — ни одного.
И волчий вой. А воздух всё жесточе.
В безмолвии всё живо... Всё мертво.
Он дует мне в затылок, ужас ночи!
Он словно пролетел по волосам...
Но мой старик достал былья и щепок —
Разжечь костер.

Теперь я вижу сам,

Что значит степь!..

А он спокоен, крепок.

Из маленькой землянки, тьмой одет,
Гляжу я, затаясь, на мир пустынный;
Вот скатертью ложится лунный свет,
Глядится в небо зеркало равнины.
Лишь братское дыхание пастуха
Повинно в той волшебной перемене,
Что вновь Мугань мила, и не глуха,
И не слепа, и выглядит весенней!
Земля моя родная! Далеко
Ты вся раскрыта в ясности подробной!
Луна всё ярче. Небо — молоко.
Даль светится улыбкой детства доброй...
Я слышу вас, родные журавли, —
Курлычете, летя над головою;
Делили вы беду чужой земли,
Застигнутые бурей роковою.
В Багдаде было пламя, кровь и плач,
Ломила крылья смертная усталость:
Тот черный мир — он жертва и палач,
Там добрым птицам места не осталось...
Летите же! Летите же сюда...
Вы голодны? Спуститесь к полным чашам:
Мугань большая рада вам всегда.
Ни трав, ни зерен нет в Багдаде вашем!
А что Иран?.. Как полуденный свет,
С его земли померкшей, исхудалой
Сошел румянец, юной славы след —
Блеск Зороастра, золотой и алый...

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

.. Когда «грядущее» произношу я вслух,
Я вижу мир добра, там вольной воли дух
Не беззаконием — законом стал давно
И право каждому рожденному дано
На вдохновение свободное... Народ
Освобожден уже от множества забот

Хлеб вырастить, металл достать из-под земли
Там будто и не труд. Порядок навели

В стихиях, в климатах. . . И вечная весна,
Как осень южная, плодов полным-полна!
Здоровье, молодость — привычка долгих лет,
Лиц увядающих и тел нескладных нет.

В легендах — тысячи! Довольно и двухсот!
Двадцатилетие — вот самый верный счет:
Сомкнутся кронами плодовых рощ ряды,
Мугань наполнится дыханием воды,
Сухой костяк земли живая плоть зальет. . .
О, край грядущего! Он вдаль меня зовет.
Там будет застлана безводных склонов сушь
Зеленым бархатом. . . Ни засухи, ни стуж!
Убрался в прошлое болезней желтый рой:
Глядишь — с праправнуком плечом к плечу герой.
Там, крепость прежнюю и силу потеряв,
Смерть не бесчинствует — лишилась царских
прав.

Улыбка нежности, крылатый добрый смех,
Прогулки, чтения. . . Все рады видеть всех!
Но где скрываются грядущего творцы?
Где море музыки, плавучие дворцы? . .
Землянки вижу я сейчас перед собой,
Где змей, тарантулов полно в степи сухой. . .
Мелиораторов, ночующих в шатрах,
Слегка знобит еще пустынный, древний страх. . .
В палатках лагерных — невнятный, сонный бред
Лесорассадчиков. . .

Не так уж много лет
В края «грядущего» осталось им идти!
Зачем нам тысячи? Довольно двадцати.

Но здесь — простой пастух. . . Уже видений нет.
«Прощай. . . Спасибо, друг. И скоро ли рассвет?
И где Кура, скажи?»
Он смотрит в степь, потом
С улыбкой — на меня:
«Вон тем идти путем,
Где прямо пред тобой Полярная звезда!
Над самую Курой она горит всегда! . .»

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

.. Меж серых гор и в мареве степей,
В пустыне знойной вдаль она течет,
Но рвется, как мое, к любви своей
Неведомое сердце темных вод. . .
Молчать ему, мятежному, невмочь!
И стонет по ночам моя Кура. . .
Тигрицей, прорычавшею всю ночь,
Кладет на лапы голову с утра.
То мчатся белоконным табуном,
Разбив свои оковы, ей не лень,
То, стиснута в ущелье роковым,
Заплачет, как молоденький олень. . .
Но ты ее понять, поэт, сумей,
Виновны не русло и не вода:
Не сердце ли земли родной своей
Хранит в себе Кура — и тем горда?
В нем память всех событий и эпох,
В нем молнии живут, гремят грома. . .
Но слышится порой невольный вздох
Замолкшего певца, — и ночь нема.
Молчанию Куры тогда внимай,
Печальна и светла она течет,
А зеленоголовым уткам — рай,
Касаются крылом прозрачных вод. . .
И снова замутился, потемнев. . .
Фазаны разлетаются, крича,
И прочь бежит олень, почуяв гнев
Реки, сказавшей злое сгоряча!
О берег дорогой, зеленый луг!
Три дуба и дымящийся костер. . .
Затих и поседел ваш старый друг,
Но помнит вас и любит с давних пор.
О, кто вас так влюбленно воспевает?

Три девушки, родник в долине той,
И медного кувшина звон. . . И вброд
Куру там переходит конь гнедой.
Казалась мне кровавою река. . .
Поила, помню, девушка меня
Из медного кувшина. . . И дика

Бездумная Кура на склоне дня! ..
Однажды я едва не утонул,
Куру переезжая на коне. . .
А время всё идет, — и ровный гул
От вечного полета мнится мне. . .
Привыкли мы встречать и провожать
Смеющиеся весны. . . Мы уйдем,
Другие нас заменят. . . Мир опять,
Отцветши, расцветится бытием,
А старая Кура бежит, бежит
И крылья расправляет на бегу,
Не в силах к небесам взлететь — дрожит,
Грозя глухому камню, как врагу.
Меж серых скал и в мареве степей,
В пустыне знойной вдаль она течет,
Но рвется, как мое, к любви своей
Неведомое сердце темных вод. . .
И ты ее понять, поэт, сумей!
Виновны не русло и не вода:
Не сердце ли земли родной моей
Несет в себе Кура — года, года? . .

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Вновь берегом иду неторопливо. . .
На девичий родник держу я путь.
Он — здесь. Под одинокой старой ивой
Могу теперь немного отдохнуть.
Подрагивает берег мелкой дрожью;
Отсюда на луга спущусь, скользя. . .
Беда стряслась когда-то! . .
Праздной ложью
Прикрашивать рассказ такой нельзя.
Прошло немало лет с тех пор. . .

«На помощь!

Спасите! Разлилась Кура! Беда! . . .»
О сердце, ты мне каждый звук напомнишь,
Едва себе представляю те года! . . .
Стихию не упросишь — нет пощады, —
Разрушила во тьме, слепа и зла,
Все дамбы земляные, все преграды,
Ближайшие селения снесла. . .

Ночь... Звезды мчались редкие, как искры...
Но, по колени в ледяной воде,
Крича, бежала женщина так быстро,
Что каждому понятно — мать в беде.
Как обнаженный меч, вода свистела,
Деревья коренастые валя;
Как в пасти гидры, билась и хрустела,
Рекою пожираема, земля...
А в женском взоре — страх нечеловечий,
Страх первобытный...

Ты бессильна, маты!
Седые космы пали ей на плечи,
Ужасен крик — а крика не слышать.
«Аллах, услышь! О всемогущий, где ты?..» —
Рубахи ворот на себе рвала...

Маты! От аллаха долго ждать ответа.
Когда он помогал тебе? Валла!
И небо тверже всякого гранита,
Оно зовется «твердь». Оно молчит.

А буря затихает — сонно, сыто...
Вот рассвело... Тоскливый, страшный вид!
Всё это — в прошлом. Тех людей, событий
Следы исчезли. Те прошли миры...
...Плывет виденье девушки — глядите —
В качанье волн стихающей Куры...
И вижу, как сейчас, глаза и руки,
На пальце обручальное кольцо.
«Чего ты ищешь?»

Тень предсмертной муки
Ложится на застывшее лицо.

Как чернь на серебре — черты и тени...
«Ты ищешь друга? Он был здесь, поверь,
Спешил к тебе, искал тебя в смятенье,
Он приближался...

Где же он теперь?
Он руку протянул, побудь в надежде,
Теперь недолго. Жди его руки».

Плывет виденье девушки, как прежде,
В качанье волн стихающей реки...

Проходят дни, и месяцы, и годы,
И нет теченью времени конца...
Я вижу руки, пляшущую воду
И луч от обручального кольца.
Есть на пригорке две могилы рядом...

Читатель мой!

С далекой высоты
Скользнешь по этим строкам беглым взглядом.
«На выдумку похоже, — скажешь ты, —
Тень дерева и шар луны багровый —
Как сердце обнаженное в крови,
Два соловья...

Не свежи и не новы
Приметы романтической любви!»
Но если это правда и навеки
Запомнилось народу, что тогда?
Седые пастухи и дровосеки
Идут на поклонение сюда.
Порой здесь ищут путники приюта,
Уютного душе, среди лугов,
И даже отодвинулась, как будто
В раскаянье, Кура от берегов.
Охотники стекаются на отдых,
Отбросив ружья, под ракитой спят...

О городских утехах и невзгодах
Стремясь забыть, я здесь встречал закат...
Бродил и утром — вольно, без печали,
С отяжелевшим на плече ружьем...
Вставало солнце, и поля сверкали,
Я отдыхать садился над ручьем.
Там кажется могучей, темной чашей
Листва одной ракиты в знойный час,
Как там хорош кристальный ключ кипящий!
В нем слезы, шла молва... Я пил не раз.
В горячий полдень на лугу зеленом
И счастлив и печален я бывал...

Ты хмуришься. . . Блужданьем беззаконным,
Читатель, я тебя разволновал?
Ты рано судишь, дай-ка лучше руку,
И я тебя подальше поведу.
Держись за друга и доверься другу —
Он в памяти пока, а не в бреду.
А ежели доверился поэту,
Не бойся этих дебрей и не стой,
Шагай смелее!

Мы придем с тобой
В прекрасный мир, на новую планету!

**ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ
ДЕВУШКА МУГАНИ**

Равнина, равнина. . . Ни склона нигде. . .
Село Салманы выбегает к воде,
Всё ярко и зелено здесь над Курой —
И осенью поздней, и вешней порой.
Поля изумрудные здесь хороши,
Пусть редки деревья — густы камыши.
Веселье с нелегким трудом ужилося. . .
Нескучно скрипенье железных колес;
Здесь девушки воду берут для полей
Из мутных канавок — где хочешь полей!
Моторы гудят, а как будто мало —
Два ряда домов глинобитных — село.
Трясется от гула земля! Но и тут
Джейраны и птицы просторно живут, —
В степи раскаленной легко и светло!

*

Скоро звездам время выйти в вышине,
С поля женщины уходят в тишине.
«Оставляйтесь!» — кто-то добрый просит их —
То грудной, глубокий голос недр земных.
И земля почти как небо широка,
И поля темнеют, словно облака;
Месяц с краю выплывает и глядит
С тайным умыслом каким-то. . . Старый вид!

Но в широком, смутном поле, полном сна,
Только хлопок, хлопок, хлопок... Новизна!
Потерял я все дороги, все пути...
Где, в какой я части света? Разбуди!

Вот стою, почти поверив: это сон,
Я обманут, в царство детства унесен...
Никогда я полумрака не любил,
И особенно в безлюдье мучит он!
Но откуда новый образ? Как ты мил,
Образ юных устремлений, добрых сил!
Нет, не сказка, не из старых ты времен...
Это — девушка живая, это явь!
Почему одна так поздно среди полей?
Вот, нечаянно чужого увидав,
Словно лань, насторожилась, жутко ей...
Белый шелковый платок на голове...
«Кто ты, дядя?»

— «Не пытай, мое дитя.

Я — прохожий, а другой не верь молве:
Будет страшно!» — отвечаю ей шутя.
«Нет, зачем? Я не из робких! — говорит. —
Ты — охотник? Иль обманчив этот вид?
Где добыча? Ведь полно кругом села
Доброй дичи! Здесь охотник был бы сыт!» —
И смеется — как ребенок, весела...
Хороши сиянье взгляда, блеск чела!
«Повидал я, дорогая, всё окрест,
Я с утра на добрых землях ваших мест...»
— «На заре свежо спросонок и темно,
Птицы спят, — а мы не спим уже давно!
Мы даем посевам воду на полях!
Мы в любое время года на полях!
Даже в зиму из-под снега хлопок-снег
Выбирать велит погода на полях!
В зной осенний полуденный и в мороз
Хлопок — радость для народа на полях...
Неохота ни хворать, ни уставать —
Здесь здоровая природа на полях!
Уважает победительниц народ:
Нам раздолье и свобода на полях!»

Свет струится из смеющихся очей. . .
От джейрана я не ждал таких речей!
А джейран, передохнув и помолчав,
Вдруг лукавый обнаруживает нрав,
Добродушно и застенчиво корит.
«Почему, — она с упреком говорит, —
Городских вы только девушек пока
Наряжаете в особые шелка? . . .»

— «Неужели платья шелкового нет, —
Сокрушаюсь, — у царицы наших лет?
Неужели вечно в ситцевом, дитя?»
— «Я шутила! Вы не верьте. . . Я шутя. . .
То в одном — где как прилично, — то в ином:
Если праздник — в самом тонком шерстяном,
Пригласят меня на свадьбу — я в шелку!
Что глядите? Не тревожьтесь, не солгу».
Светлой жизни глубина в ее глазах. . .
Ей неведом тот холодный, древний страх. . .
Не знавала безысходных, черных дней,
Черной доли — доли матери моей!
Ей ведь не был колыбелью нищий край,
Не сгорал при ней отцовский урожай,
И при ней не становилась никогда
Беспощадным белым пламенем вода! . . .
Я гляжу, как потрясенный волшебством,
А слова — о повседневном, о простом!
Я в краю, где молодая красота
И одета, и умыта, и сыта!
Не миражей одуряющих угар,
Не взыванья громогласные фанфар:
В ясном море чистоты и тишины —
Безграничное величие страны. . .
Здесь и мыслям и словам не до игры, —
Проплывают сквозь сознание мира. . .

«К нам направили машину, есть молва.
Неизвестно, это правда иль слова?»
— «Трактор, что ли?»

— «Нет, получше, посильней!
Мигом хлопок соберет со всех полей!»

— «Есть такая», — говорю. . .

«А какова?»

Что ей руки заменяет? Чем жива?»

— «Неустанна! Ей на пользу каждый час!»

Вскоре будет, я уверен, здесь у вас».

— «Различает ли машина, дай ответ,
Где коробочки раскрылись, а где — нет?»

— «Только спелые снимает, отобрав.

Человечий у машины этой нрав:

Тонко чует — и ее не обмануть, —

Меж хорошим и дурным находит путь!»

. . . Как хохочет собеседница моя!

Звонко-звонко, силы сердца не тая. . .

Вот взлетит она от счастья, берегись,

Оторвется от земли — и прямо ввысь!

«Помни, дядя, понапрасну не суля,

Как обрадуются люди и земля!

Пусть машина приезжает поскорей,

Ловко, ловко здесь работать надо ей;

Нам подарит много времени она,

Вырабатывать ей надо. . . времена!

Дни, что хлопку постоянно мы должны,

Для другого, понимаешь ли, нужны:

Строить, красить будем новые дома,

Где и лето всем на радость, и зима:

Можно — цветом под сальянский абрикос,

Можно — крыши вырезные под укос!

Нам плодовые сады разбить пора

И дороги, что белее серебра;

По краям и на развилке — цветники,

Точно, в меру высоки и широки! . .

Та машина пусть подарит нам, как друг,

Время, время для познания наук!

Если б только каждый здешний старожил

Хоть один бы камень прочно уложил,

Быстро город выростал бы из села!

Ничего, что в городах я не жила. . .»

Мне в лицо взглянула пристально, и вдруг

Свел ей брови — крылья ласточки — испуг:

«Кто вы, дядя? . . Вы знакомы будто мне? . .

Ваш портрет у нас давненько на стене. . .

Вы — поэт! Вы подбираете слова...
Напишите вслух о том, что я права!
Вам нетрудно всё связать и развязать, —
Почему бы вам о хлопке не сказать?..»

★

Шли недели, шли месяцы, годы... Опять
Мне случилось в селе Салманы побывать.
Занимался рассвет... Средь осенних низин
Я прошел на знакомое поле один.
Соревнуясь, три группы работали там
Хлопкосборщиц, склонившихся к белым кустам.

Были сумерки утра и в смуглом огне
Горизонт... Но стихи о весенней луне
И вечерние сумерки вспомнились мне...
Я слышал — голоса молодые звенят:
«Скоро снег! Урожай небывало богат,
До последней коробочки должен быть снят!»

Встало солнце, и вскоре не стало росы...
Я добрел до синевшей вдали полосы,
Где бахчи... Не поймешь, как летели часы!
Возвращаясь, шагов не прошел тридцати —
Хлопкосборщиц опять повстречал на пути,
Что успели до этого края дойти!
Мне казалось, что теплый туман золотой
Завивался над огненной их быстротой,
Над кипеньем энергии их молодой!
А поля, уже зеленью ярко горя,
Позабыли, что скоро конец октября,
Что морозной была поначалу заря, —
Нет следов от осенней ночной седины,
Изумрудные факелы вновь зажжены!

Сели девушки завтракать дружно в тени,
А меня будто вовсе не видят они...
«Эй, красавица! Мельком хотя бы взгляни...
Невидимкою, что ли, пред вами стою?»

И внезапно узнал я знакомку мою!

А пропустишь на миг орошения срок —
Ее сумрачный лик и враждебен и строг!
Как останетесь вы с глазу на глаз одни?

Если засуха здесь — это мы ей виной:
Не ходили на огненный ветер войной,
Не садили сады, не дружили с волной,
Не хранили живые озера в тени. . .

Темно-желтым, как желчь, видишь солнце
В пыли. . .
Черно-желтой, как тигр, озверелой земли
Сердце — слышишь? — ревет то вблизи, то вдали!
«Где твой Мингечаур-р? Дай воды, не тяни!»

Но приходят великие дни для степей. . .
Ты — Мугани дитя, ты в отчизне своей!
Вот Кура и Аракс, сочетать их сумей, —
Отдадут свою воду каналам они!
Ты — Мугани дитя, ты хозяйка ее!
Речь едина у нас и одно бытие. . . .
Выводи комсомольское войско свое!
Ты — крестьянка простая — героям сродни!»
И замолкла. . . Опять она в общем кругу.
Я опять перед девушкой этой в долгу.
На Умай чем-то странно похожа она. . .
От каштановых кос взор отвести не могу!
Мы расстались. . . Но память о ней — не обман.
Станным чувством я был в этот день обуян!
Невеликая, в сущности, речка Кура,
Но припомнишь — и в сердце кипит океан!

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ
ПРАЗДНИК КУРЫ

. . . На карту мира трезво погляди —
Кура ничтожна. Где ее дары?
Но бурный океан в моей груди,
Когда внимаю голосу Куры!

Сдавайся, одержимая сестра!
Взгляни-ка на меня, на мне проверь,

Сообрази, коль разумом быстра:
Ведь землю не сохой пашу теперь!

Верблюжьих караванов нет у нас,
Кумирен и молелен ветхих нет;
Сбежал мулла, забыл допеть намаз.
А ночью на дорогах — яркий свет.
Убийств мы и природе не простим.
А прошлое твоё черно, Кура!
Трудом, а не смятением пустым
Прощенье заслужить тебе пора.
Не хочешь? С поля боя не беги,
А смело обнажи дикарский меч, —
Лицом к лицу мы станем, как враги.
Кого тебе щадить и что беречь?
Пусть ветхий «царь миров», творец стихий,
На стороне твоей! Со мной — народ.
Он строго подсчитал твои грехи,
Обдуманно в тиски тебя берет.
Мы — люди. Мы — не скованные сном.
Нам молнии обуздывать под стать.
А был бы в вышине всевышних сонм,
Пришлось бы и всевышних обуздать!
Моря соединяем, и в горах
В земные недра входим, как домой.
И горы, где гнезвился вечный страх,
Сгоняем с мест насиженных долой.
Но прошлое не узнано пока
С адамовых времен до наших дней...
Бывали безголосые века
Дурного сновидения смутней...
По светлой справедливости — для всех
Всё в мире возместить мы поклялись:
За каждое страданье — звонче смех,
За каждое паденье — дальше ввысь!
Мир рабства и насилия разбив,
Построили мы стройный мир труда...
И тех, кто не дошел до нас, призыв,
Как вечный звон струны, летит сюда...
Мы вырыли на свет из-под земли
Сокровища и тайны ранних лет;

Нам брезжил, как заря, в седой пыли
Пергаментного свитка желтый цвет.
К прапрадедам в забытый, темный дом
Нас жажда справедливости влечет:
Поставить их пред праведным судом,
Знать подлинно, кому воздать почет!
Мир ясного познания у нас —
Алмазный, в кристаллической красе...
Когда-нибудь проснутся в ранний час
Поэтами и гениями все!
Не будет никогда — сказали мы —
Бездомных, одиноких на земле,
Немеющих от холода и тьмы,
Тоскующих о хлебе и жилье!
При всем разнообразии судеб —
Сурова ли природа, иль кротка, —
Пусть люди произносят слово «хлеб»
Беспечно, как название цветка;
Пусть столько станет хлеба навсегда,
Что вспомнить не захочешь много дней...
Пусть просто, как «песок», звучит «вода»
На древнем языке Страны огней!
Обрызганные влагой цветники
Мы создали в пустынях и сады...
Болота осушили, вопреки
Заклятиям ночным больной воды!
Кура моя! Смирись и ты, служи
Народу, будь помощницей в делах, —
Не ведает народ лукавой лжи,
И он великодушней, чем аллах!
От мира не скрывающий лица,
Познавший столько тягот и обид,
Он выполнит великий долг творца:
Сознанием природу одарит!
Ты разум обретешь, моя Кура,
В системе этих шлюзов и турбин
Ты в мирные степные вечера,
Прозревая, пройдешь среди равнин.
И темного смятения года
На дне твоём осядут глубоко...
Да будет для людей твоя вода
Священна и чиста, как молоко!

Но лучшее, что было в старине,
Ты в памяти живой возобновишь...
Поднимутся леса в той стороне,
А в этой — в заповедниках — камыш,
Здесь миллионы птиц найдут приют.
Покроет темный бархат берега.
Стада оленей вновь к тебе придут
И воду станут пить, склонив рога.
И девушки затеют здесь игру.
А матери, с их щедрой добротой,
Раскинут дастархан, как на пиру,
Гостей сзывая к трапезе простой.
Кура, моя безумная сестра!
Подругой верной будь таким, как мы,
Без хитрых отговорок: «Я стара,
Озлобили меня века тюрьмы!»
И ты помолодеешь, ничего!
Мы тоже знали вечер бытия:
История народа моего
Не менее печальна, чем твоя...
Всё в мире исправимо! — говорю.
Вот за полночь, а воздух — золотой,
Ты видишь электричества зарю,
Ты кажешься из золота литой!..
Одно из суеверий — счет годов;
Что юность невозвратна — тоже ложь.
Средь новых, светозарных городов
Ты снова молодою потечешь...
Мне эти времена видать вблизи:
Я выпрямлен стою, сумей понять!
Влачась в солончаках или в грязи,
Как зверь, не можешь голову поднять.
А я теперь спешу, иди со мной,
Или, как приказали, на Боздаг!
Там трудится хозяин твой родной,
Там люди безотлучно на постах.
Не спорь, Кура, с хозяевами. В путь!
И злобу пересилишь ты и лень.
Когда-нибудь позволю отдохнуть...
...А завтра на Боздаге — трудный день.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ГЕРОЙ МИНГЕЧАУРА

Лязг железных колес, хриплый каменный рев,
Гул и гром созидания новых миров.
Дрожь моторов... И кажется слуху она
Дрожью бабочек — каждая крепче слона!
Трепет жизни, готовый взорвать изнутри
Эти сотни моторов!.. Без страха смотри.
Землю жрут экскаваторы пласт за пластом,
Их не морят хозяева долгим постом:
Пусть насытится этих гигантов тоска
Древним грунтом из глины, камней и песка!
Что за молния вдруг ударяет в Боздаг?
Это — сварка. И, значит, тут надобно так.
Мирозданье! Ужели божественный труд
Сотворенья порядка из хаоса тут?
«Отделением вод и небес от земли»
Это дело когда-то муллы нарекли.
Но кипит, будто грозно колдует, толпа,
По движениям, сразу видать, не слепа!
И гремящий, сверкающий труд осенен
Алым бархатом переходящих знамен.
Брось, поэт!.. Подойди-ка попроще к тому,
Кто приходу сейчас и не рад твоему.
В экскаваторной будке он занят, не вдруг
Появляется... Вот он — твой будущий друг!

Чистота, благородная ясность чела,
Изнутри озаренные счастьем черты,
И видать — ему добрая дружба мила,
Но работа сейчас интересней, чем ты.
К старику инженеру, чей дорог совет,
Подошел... Загорелись глаза. Не зови!
Не в таком ли огне увлеченья, поэт,
Изучал ты лицо своей первой любви?
Есть на свете открытые счастьем сердца.
Человека такого, однажды узнав,
Не забудешь и примешь душой до конца
Благородный, простой его жизни устав.

Будешь до смерти в памяти доброй беречь
Ясный, солнечный образ его и желать
Будто ветром весенним овечьих встреч,
Вместе с ним хоть денек пережить бы опять!
Хоть бы в гости приехал к тебе на денек,
Хлеба вместе с тобою поел твоего!
За него бы собой ты пожертвовать мог, —
Жаль, не нужно ему от тебя ничего. . .
Ничего ли? Ты должен быть счастлив, поэт,
Что калитку в сады открываешь ему —
В книгу песен, где будет он скоро воспет!

Я сказал на Боздаге себе самому:
«Вот твой дом и твой собственный первый цветник»,
Я себе самому на Боздаге сказал:
«Хорошо бы — твой гость к этой славе привык,
Хорошо бы — ты к дому его привязал!»
Но другая, не книжная, жизнь у него:
Как Фархад, он привык уже горы крушить.
Но Фархад — лишь туманной мечты торжество. . .
Тот — легенда. А этому — подлинно жить.
Самой лучшей и самой желанной мечты
Нам дыхание жизни дороже, родней!
Кто же он — кому братом становишься ты,
Кто становится спутником жизни твоей?

Третий год на исходе с той юной поры,
Как вступил он впервые на берег Куры.
Здесь равнина и дальних не видно вершин. . .
Здесь упрямый, загадочный говор машин. . .
Слишком резки железных колес голоса!
Где остались родные густые леса?
Где их свежесть? . . Лишь марево зноя вдали,
Грозно, дымно дыханье моторов в пыли. . .
С грустью думал о медленной жизни лесной,
Об оленях, что громко ревели весной,
О невесте, его призывающей там
Под инжиром, с корзиной плодов по утрам. . .
Он о матери думал седой, что пешком
Дальше всех провожала его с узелком. . .
Но, как день, вдруг становится память светла
Круг друзей, комсомольцев родного села,

Их напутствие, юная клятва при них,
Связка книжек и ворох цветов полевых. . .
«Далеко мы поднимемся — вверх и вперед!
Все высоты народная воля берет».

Стали братьями — не разольешь их водой —
Этот юноша и городок молодой.
Он прислушался — и полюбил наконец
Жизнь моторов — биение мощных сердец.
Механизмов вращение — всех и везде,
И движения тысяч рабочих в труде,
И разливы безумной Куры, и в ночи
Вечный шум и внезапного света лучи
Полюбил. . . Не осталось досуга мечтам.
Человек привыкает ко всяким местам,
Привыкает живая душа,
В разных климатах разно дыша! . .
Но обычай — душе перелетной приют,
Нам привычки доверие к миру дают.
Там, где сын человеческий сеет и жнет,
Там, где предки извели горе и гнет, —
Если даже все дни его жизни в огне —
Свеж и сладостен воздух в родной стороне!
Променять ли дыханье родного гнезда
На вселенную? Что до меня — никогда!

Было время, бранили меня мозгляки
Из таких, что под небом родным чужаки,
От народа, от жизни его далеки:
Всё равно для поэта, мол, родины нет!
Что бренчишь ты на сазе, пастуший поэт?
Да, на сазе! Я силу нашел у струны
Воспевать красоту моей гордой страны!
Мой народ героический славить в пути,
Чтобы с сазом в симфонию мира войти. . .
Не хочу я — певец своего очага —
Жар чужих очагов разгребать, как слуга!
Мне отцом и наставником был Физули,
Низами рассказал мне о тайнах земли. . .
Сердце Пушкина слушая сердцем своим,
Русским гением я от унынья храним!

Меж небесных, светила рождающих, сфер
Новый мир — молодая звезда СССР.
Без нее и вселенная мне не нужна,
Пусть звездой молодой озарится она!

Так в родном, но невиданном прежде дому —
На Боздаге — сказал я себе самому.

Но Сарван это собственным сердцем постиг,
И речей не пришлось ему слышать иных,
И, живя среди людей, для которых Баку
И Москва — это родина, взял он кирку.
И, живя среди людей, для кого колыбель и очаг
Наша родина — взял он машины рычаг.
Я Сарвану быть вечным товарищем рад.
Да, товарищ... Но правильной сказано: брат!

Что за кровное чувство родства у меня,
Когда вижу Сарвана среди пыльного дня,
Среди каменной серости гор и песков,
И свинцового зноя, и медных кусков
Развороченной глины? ..

Туман от жары

Над белесым, предательским блеском Куры...

Надо в общую стену сомкнуть две горы.
Дымной лавою белое небо горит...
Экскаватор с горою на «ты» говорит...
«Эй, цемент! Эй, бетонщики слева, пора! —
Это голос Сарвана... — Следите — Кура!
Обернитесь! Мутится, встает на дыбы...
Нет, не выпустим крепкой узды без борьбы!

Не теряться, в руке узда!

Дать запал под скалу, сюда!

О себе разговор потом...

Дать цемент, друзья... Лить бетон!

Сердце — камень у старой земли? Ничего, не беда!
Ведь железо и камень друг с другом враждуют

всегда.

Эй, немедля цемент! Бетон!

Напряжение! Выше ток!

Не задерживай... Спать — потом.

Вот еще один день истек,
Торопитесь! Зима близка.
Торопитесь! Бурлит река.
Не задерживай! Жизнь быстра:
Скоро снег и мороз, ветра.
Скалы, скалы взрывать пора!
Цементируй, бетон клади!
Закипает, шумит Кура...»

Это голос Сарвана гремит, мой Сарван впереди!
Он — твой сын, о родная земля, уступи, погляди!

ПЕСНЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

.. .Всё знаю о тебе, Сарван,
Читаю о тебе, Сарван,
Не устающий никогда,
Неунывающий Сарван!
Ты богатырствуешь в труде,
Не растеряешься нигде, —
Есть на земле богатыри,
И в небесах, и на воде!
Свои у каждого дела,
Всем слава добрая мила...
Переборю тебя, Сарван,
Уйду иначе из села!
Не муж, не брат и не жених,
Не знаю — боек или тих,
Но думы только о тебе,
Не покидаешь снов моих!
Я говорю своим рукам:
«Держитесь! Трудно будет вам.
Склонятся предо мной поля,
Добуду знамя, не отдам!»
Молва: Керимова опять
Стремится время обогнать.
Бежит из дому до зари,
А к ночи — дочку не кори —
Видать бригаду вдалеке:
В поля уносят фонари...
А я ту девушку знавал:
В степи Муганской я бывал...

На старом нашем языке нет имени, что дали ей!
Оно повеет на тебя прохладой северных полей,
На азери оно звучит, далекой дудочкой маня, —
Здесь «Маня» нравится на слух, а произносят
«Мания»!

Что жизнь Керимовой легка —
Не скажешь. Трудно ей пока.
В дорогу молодость зовет,
Но нет забвенья от забот...
За всё ответ держи сама:
За воду, землю, небеса, —
То слишком ранняя зима,
То слишком едкая роса...
То хлопок загрубел от гроз —
Так утверждают старики, —
То слишком редко он пророс,
Людским надеждам вопреки...
Растет, меняется она,
Немногословная, в глуши,
И то кристальна, то мутна
Большая жизнь ее души...

А я ту девушку знавал:
В степи Муганской я бывал!..

Бурна веселая вода,
Весенним бурям кто не рад?
Весну ты всё же никогда
Не называй лазурной, брат!
За взрывы силы молодой
Я полюбил весну степей...
И сердце девушки порой
Могучим таром вторит ей!
Спешит Керимова в поля,
Подружек будит по ночам...
Поет, прислушайся, земля,
В ней будто скрыта кеманча!..
И ветер утренний, и дождь,
И полуденных ливней шум —
Всё пробуждает в сердце мощь,
Всё стало пищей юных дум.

Я говорю своим рукам:
«Держитесь! Трудно будет вам.
Склонятся предо мной поля, —
Добуду знамя, не отдам!»

А я ту девушку знавал,
Я Салманлы не забывал!

ПЕСНЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Уже проходит ночь. Огни Мингечаура в черной мгле
Пылают звездной белизной... Покой недолгий на земле.
На красно-рыжем жеребце — я знаю — утро держит
путь,

Еще остался перегон... А здесь ты можешь отдохнуть.
На стройке, в «доме для гостей», негромкий, поздний
разговор:

«...Ты хочешь знать, сынок, зачем? Затем, что в недрах
этих гор

И на равнине, в глубине напластований, — древний клад:
Ты будешь вдруг перенесен за много тысяч лет назад...
Взгляни, сынок, на ржавый меч великой нашей
старины!..

Кувшины глиняные есть — гиганты в них погребены:
Их кости, пепел от костров... Есть копыта, трубы и
щиты, —

Не сказка это, и не миф, и не обман пустой тщеты...

Здесь крепость пращуров была...
Не гибнут прошлого дела:
И кровь, и пламя, и зола —
Твоя история, народ!

Ничто не канет в пустоту,
Любую правду и мечту,
Свечу погасшую — и ту
Отчизна в памяти найдет!

Я слышу ржание коней... Гудел тяжелый небосвод,
Но миру жадных пришлецов противустать сумел народ.
Здесь легионы вел Помпей... Но амазонок легкий строй
Угрюмых римлян отразил. Я слышу битву над Курой...
Но жили песня и любовь в дыму пожарищ и в крови,
И грудь, одетая в чугун, была убежищем любви...

О женщин-витязей страна, моя Мугань! Давным-давно
Их знаменитые шатры, их песни — всё погребено...»
Сарван внимает старику, он чтит его тревожный труд.
Восходит солнце, и вдвоем они вдоль берега идут.
«На склонах этих голых гор кипели чистые ключи,
Росли могучие леса, где в полдень мрачно, как в ночи.
Здесь тигр выслеживал косуль. К желанной крови
охладев,
По-царски медленно ступал тяжеловесный старый лев...
Но в серых крепостях с утра дымили трубы...
За стеной
Мешались крики, плач и смех... Здесь начинался
край степной.

Сынок! В обычае людском
Искать дворцы на дне морском
И занесенные песком
Забытых храмов алтари...»
— «Отец!.. Но людям наших дней
Земля грядущего родней.

Здесь будет ширь прохладных вод —
И эта сушь, за годом год
Питаясь влагой, оживет.
Отец! Я понял твой рассказ:
Вновь громоздятся по склонам скал,
Леса, что в сказках ты искал,
Расскажут правнукам о нас!..»

..И, мыслью созданный, на миг
В глазах Сарвана мир возник:
Чинары дивной высоты,
Кристалльной ясности родник.

Родник прохожего поит,
А склон фиалками покрыт...
С горы спускается герой.
«Привет!» — он встречным говорит.

С горы спускается герой.
Огромный город над Курой —
Хрусталь его веселых крыш
Сверкает утренней зарей!..

Пыль... Эскаваторы грызут и роют землю, сносят холм,
И пахнет тленом вековым их зачерствелый, грубый
корм...

«Сынок, не бойся за меня, я к духоте такой привык.
Хоть в самый ад меня веди! — Сарвану говорит старик. —
Путеводителем побудь, — всё глубже, под двадцатый
пласт!

Земля сокровища веков своим хозяевам отдаст.
Хоть в самый ад меня веди! Я — Данте, а Вергилий —
ты.

Для мысли — вольный океан среди этой тьмы и тесноты!»
Ученый роется в земле... Снаружи — ветер, дождь, гроза.
Глухая тяжесть давит грудь, песок запылил глаза!
Он собирает черепки, осколки утвари простой,
Изнемогает, весь в поту... «Не отрывай, сынок, стой!
Что это? Камешек! О нет, окаменел кусок коры...
Глаза песок запылил...» — «Учитель! Ветер бьет
с Куры!»

Старик торопится. Он прав. Теперь мгновения — года...
Лишь повернет Сарван Куру — край этот напоит вода...

Горжусь людьми моей страны. Хвала и слава им везде!
Сарван безумную Куру уверенно держит в узде.
Хвала и слава! Новый мир среди равнин родных и гор
Сын человеческий творит — строитель, землекоп, шахтер.
Послушны слесарям тиски. Покорны скульпторам резцы.
Художник старый на стене выкладывает изразцы,
О чуде гордого труда свидетельствует кто не слеп!
На бельмах злых солончака растут сады и зреет хлеб.
Гудки заводов будят степь... В нарядах ярких города...
Мингечаур, Мингечаур, степей счастливая звезда!

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ПОБЕДА ГЕРОЯ

Сцена, знамена, портреты, герб и цветы...
Я это знаю, товарищ. Знаешь и ты.
В громе оркестра гулкая музыка встреч
Вдруг обретает членораздельную речь.
Мощным потоком вливаются в праздничный зал
И молодые и старые... Кто их связал?

Чем их спаяли и сплавил, вместе свели?
Это — народ, величайшая сила земли.
С морем сравнить его можно ли, если народ
Море со всеми стихиями взял в оборот? ..
Он — справедливо решающий — ясен сейчас,
Светится детской радостью множество глаз.
Люди в проходах, за креслами, возле колонн...
Душно-горячим дыханием зал накален.
Скинуть платки ярко-белые с черных голов
Сразу приходится девушкам! .. Плеск вееров... ..

Вновь раздвигается занавес. Сцена светла.
Это Сарван и Керимова там, у стола, —
Близко, но чуть затуманенно, будто вдали...
Косы ее не волочатся, как у Лейли,
Он, как Меджнун, не таскается в мире

пустынь, —
Может, эстету покажется слишком простым? ..
«Утки зеленоголовые» старых стихов,
Право же, здесь не появятся, — мир не таков!
Бело-лиловым сиянием «юпитера»
Всех ослепили! Фотографам, значит, пора.
Старый нефтяник на кафедре. Все на постах! ..
Речь председателя: хлопок, Кура и Боздаг,
Хлопок, большое строительство... Он и она...
Новые люди, неслыханные времена! ..

Будто лавина обрушилась... Вздрыгнул герой.
Сердце растет, как у нас говорится, горой!

Радости мира желанные все назови —
Что утешительней счастья народной любви?
Ведал его знаменитый певец иль поэт,
Воин великий был пламенем этим согрет... ..

Честно трудящимся в новые наши года,
Как волшебство, открываются тайны труда —
Тайны искусства и дивная суть мастерства...
Всем победителям — праздники и торжества!

Перед народом стоит знаменитый Сарван...
Что он ответит? Как сердце доверит словам?
Алое знамя он видит теперь над собой...
Видит зрачки золотые орлицы степной... ..

Друг мой Керимова! Может, наследство от тех
Женщин-воительниц твой металлический смех,
Гордые губы и царские брови твои,
Сердце, не знавшее горестей женской любви?
Маня Керимова шумному миру видна —
В Мингечауре стоит на трибуне она.
Что она скажет, бывшая знакомка моя,
Маня Керимова (на азери — Мания)?..

«Что же, товарищи! Дело венчает конец.
Соревнованию — красное знамя венец.
Знамя бери. И открытому сердцу поверь:
Кровные брат и сестра мы с тобою теперь!
В чем вдохновение нашей борьбы — не игры?
Мы торопились готовить друг другу дары:
Хлопок — ему, а зарю электричества — мне!
Всё, что мы делаем, — братское в нашей стране.
«Кто победил?» — я себя вопрошала не раз.
В соревновании счет одинаков у нас.
«Он победитель, народу скажи не тая!» —
Так наконец мне ответила совесть моя.
Мингечаур — голубую звезду Азери —
Строит Сарван — и недолго теперь до зари!»

Перед Керимовой юноша стройный стоит,
Странною бледностью лоб его ясный покрыт...
«Знамя бери!» Но решиться ему нелегко...
Юноша медленно, крепко сжимает древко.
Смотрит в зрачки золотые орлицы степной,
Будто стеснен, отгорожен стеклянной стеной...
«Мингечаур, голубую степную звезду,
Строй, богатырь! И, клянусь, до тебя дорасту!
Строй, богатырь, в нашей старой степи города...
Кровные брат и сестра мы с тобой навсегда!»

*

...Когда с охоты тигр придет на отдых,
В тиши ложится у застывших вод,
Он, позабыв до завтра об охотах,
На лапы тяжело голову кладет...
Когда орел стремится в глубь лазури,
Борьба с ветрами зла и жестока;

Как буря сам, он прорывает бури,
Он с клетком пронзает облака. . .
На краткий миг соединясь с подругой,
Летит, свободный, к старому гнезду —
И на скале царит над всей округой
Застывшим изваяньем на посту:
Он не пленится в этот час добычей
И невеселым кажется. . . Таков
Семьи орлиной подлинный обычай,
И так бывало испокон веков.
И ты запомни — на года, не на день, —
Какой пример поэты привели! . .
Пусть этот образ был не мною найден,
Его нашел Осман Сарывелли.
Когда в горах, наткнувшись на преграду,
Поток весенний в ярости шумит,
Не говори, что нет с гранитом сладу, —
Он бьется в гневе грудью о гранит!
Он сносит камни, подрывает скалы.
Но вот нашел дорогу в степь поток:
Там он помедлит, хмурый и усталый,
И потечет, спокоен и широк.

Какой герой — спроси у полководца, —
Сквозь фронт врага прорвавшийся вперед,
Забыв друзей, с насмешкой отзовется
О том, кто ранен, том, кто отстает?
Какой боец советский в День Победы
Твердил высокомерно о себе?
Не замолкал средь праздничной беседы,
Грустя о друге и его судьбе?

Во все века любой мудрец и витязь —
Учители и вожаки людей —
Из мира уходили, не насытясь
Ни щедростью, ни мудростью своей!
Но себялюб, скупец ожесточенный,
Завистник жадный брата своего,
Мир покидал с душой опустошенной,
Не сотворив для мира ничего.
Кто не мечтал творить для счастья многих,
Кто был беспечен, где другой грустил, —

Тот не познал и за сто лет убогих
Своей весны, расцвета юных сил!
И хорошо в народе говорится
О гордецах, оставшихся в долгу:
«Он первым шагом вздумал похвалиться,
Зато споткнулся на втором шагу...»

Теперь, читатель, ты поймешь Сарвана!
Не ликовал на празднике своем...
И знало сердце: радоваться рано —
Крутой и долгий впереди подъем.
Он возвращался с торжества усталый,
С Керимовой простившись, как с сестрой...
И на Боздаге скоро ночь настала, —
Весь в белых звездах Мингечаурстрой...

**ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ
МЕЧТЫ ГЕРОЯ**

Окно открыто. Мир степной широк,
Весь вечер веет ровный ветерок...
А я подслушал... Позднею порой
О странном чувстве думает герой:
«Прекрасна жизнь, и в звездах небеса,
И цвет полей, и женская краса...
Певцы поют о женщинах своих...
Я ей не брат, не муж и не жених!
Так сильно сердце бьется отчего?
Мне от нее не нужно ничего!
Но пусть приедет в город у реки, —
На перекрестках будут цветники...
Дома большие, в десять этажей.
Но легкий воздух, горного свежей,
Большие парки, пышная листва...»

Есть близость — ближе кровного родства!..
Как будут люди праздновать в селе,
Она пройдет, как солнце, по земле,
Сюда приедет с тысячей родных...»

Я ей не брат, не муж и не жених...»

Напьется влаги черствая земля —
Азербайджана, Грузии поля...
Бывает дальний — ближнего родней...
Мой новый город встанет перед ней!»

Окно открыто, мир степной широк,
Упрямо веет ровный ветерок...
Письмо любимой пишет мой герой,
Ему далекий чудится упрек...

«Душа моя! У вас такая тишь...
Под деревом инжирным ты стоишь.
Когда же будем вместе наконец?
А может быть, меня ты наведишь?
Здесь будет у меня красивый дом
В три комнаты, с двором и цветником...
Когда же ты хозяйкою войдешь —
Красивейшею в городе моем?
А может быть, не стоит ожидать?
Я грусть свою не в силах передать...
Все трудности с тобой переживем!
Не надо сомневаться, рассуждать...
О трудностях не слушай ты молвы, —
Мы выдержим — две будут головы!
Я многое на свете повидал...
Есть девушки отважные, как львы...
Мне львица стала другом и сестрой,
А нрав ее — открытый и простой...
Поможет, посоветует тебе...
Приди ко мне на Мингечаурстрой!
Душа моя, жасминный лепесток!
Прости, я неразумен, я жесток:
Зову тебя в суровые места,
Где огненная буря и песок!

Как ветер шемесин моя тоска,
Как ветер с тучей знойного песка!
Душа моя, гранатовый цветок,
Я жажду, чтобы ты была близка!
В селе у вас прохладны вечера
И с вечера прохладно до утра,

Деревья там, советуясь, шумят,
А речка дружелюбна и добра.

Там диким голубям ты сыплешь корм,
Там алая заря горит, как горн,
Кричат олени, будто бы у них
Серебряные трубы вместо горл!..

Душа моя, у вас покой и тишь...
Под деревом инжирным ты стоишь...
Что чувствую — не в силах передать!..
Но, может быть, меня ты наведишь?..»

Не спит, я вижу, позднею порой,
Письмо любимой пишет наш герой.
Окно открыто, мир степной широк,
И чуть светлеет небо над горой.

★

Когда, читатель-друг, впервые на веку
Ты прилетишь в Москву из нашего Баку,
«Всё, скажешь, сон. Во сне мне увидеть дано
Места, что наш Сарван знал только по кино...»
Явь? Сновидение? Мечта? — попробуй взвесь.
Простая техника?.. Но главное — ты здесь!
На дивной скорости живем и я и ты, —
Ее намного ли быстрее полет мечты?
...Здесь каждый слушает, как молчалив гранит.
Молчанье общее здесь всех людей роднит.
Но кажется — не смерть здесь властвует, не сон,
А просто Ленин здесь, и очень занят он.

Но знать, что это всё не так, совсем не так!..
Два шага до него, еще последний шаг...
Широкий бледный лоб и орден на груди...
Не застывай, Сарван, заставь себя — пройди!
Воспоминание унес он, отойдя,
О сложенных руках уснувшего вождя...
Ильич — легко сказать — заставил повернуть
Руками этими весь мир на новый путь,
Руками этими он опрокинул трон,
Принес в своих руках свободы факел он!

Товарищ дорогой, нам отдохнуть пора,
Ведь завтра на Боздаг ты соберешься рано,
А я начну главу... И запоем мой стих
О красном знамени в родных руках твоих...

**ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ
ЗНАМЯ ГЕРОЯ**

Нет, уже не уснуть, ни за что не уснуть!
Подступает рассвет, тишиною звеня...
Вечно юное солнце отправилось в путь,
Оседлав своего золотого коня.

Всадник-солнце свершает свой путь, как всегда,
По дороге встречает отары, стада...
Здесь весна коротка, но, куда ни ступи,
Распускаются маки в Муганской степи,
Дикий голубь, воркуя, подругу зовет,
И шербетом простая вода отдает...

Зачернела земля, и над пашнями пар —
Этот чуть уловимый весенний угар.
Сенокосы под реку ушли с головой,
Напились деревья дождевою водой.
Вышел трактор в Муганскую степь, рокоча,
Плуг блестит трехлемешный, земля горяча,
Разбросать семена вышли в степь старики.
Верю, быть урожаю с их легкой руки!
Где Сарван в это светлое утро труда? ..
Он со знаменем снова пришел на Боздаг,
Он принес его вместе с рассветом сюда,
Как в боях освященный пылающий стяг.

Экскаватор раскроет гигантскую пасть —
И раздастся раскатистый грохот в горах...
Всё, что рухнуть должно, — перед тем как упасть,
Устрашает, скрывая свой собственный страх.

Вот трясется Боздаг — эта глыба-скала,
Всей громадой постигнув, что сдать пора.
И Кура, что себя безрассудно вела,

Уж теперь совершенно другая Кура!
Ты не думай, мой друг, что Сарвану легко, —
Вся пропитана потом рубашка на нем!
Из блистательных дел только то велико,
Что в труде родилось и дается с трудом.
Чтобы правду познать, нужно труд полюбить.
Крепкой волей пробит нашей вольности путь.
Нет на свете горы, что нельзя сокрушить,
Нет на свете реки, что нельзя повернуть.
То, что гением мы называем — пойми, —
Это воля созревшая — плод, а не цвет.
Волей выковал сто тысяч строк Низами,
Фирдоуси создавал «Шахнаме» тридцать лет!
Взял Гомер для своей «Илиады» гранит. . .
Горы Маркс поднимал — этот гений труда.
Всех великих мыслителей воля роднит,
Жизнь питается волей везде и всегда.
Из блистательных дел только то велико,
Что в труде родилось и дается с трудом.
Ты не думай, мой друг, что Сарвану легко!
. . . Но покинем Сарвана, по свету пойдём!

Старый Каспий седую стеною встает. . .
Подойдем. . . Буровые — в просторе морском!
Хоть Сарван далеко, здесь всё тот же народ,
Наше знамя над морем седым и песком.
Майский праздник в Баку, и народ-океан
Светел в утреннем зареве красных знамен.
Я героя труда узнаю. Он — Сарван!
Все знамена его, и везде — только он.
И куда ни поеду — в Сибирь, на Урал,
Где родит нам земля золотую руду, —
Я воскликну: «Сарван! Я узнал, я узнал! . . .»
И Сарвана, и алое знамя найду.

Это знамя — источник спасительных сил.
Вспомни друга по имени Жан Алезар, —
Об одном перед казнью подругу просил:
«Дай на знамя взглянуть, для которого жил,
Чтобы смерти взглянул я бесстрашно в глаза!»
Знамя, красное знамя! Ты слава и свет!

На просторе ты реешь в свободной стране.
Быть достойным тебя — мой священный обет
На земле, в небесах, и в воде, и в огне!

**ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ
БУДУЩЕЕ МУГАНИ**

...Смотрит вдаль запыленный старик инженер...
Летний полдень то огненно-черен, то сер,
Желтый вихрь на краю котлована возник...
Закрывает глаза на мгновенье старик.

А в степи, где ни каменных дамб, ни мостов,
В знойный полдень — чеканка хлопковых кустов.
Всё расплавлено в пламени. Будет гроза...
Лишь на миг Мания закрывает глаза...
Меж Боздагом и этим колхозом в пути
Задыхаюсь — и больше не в силах идти.
Изнемог, и в глазах у меня всё темно...
Закрываю глаза на мгновенье одно.

Тишина... Тишины несмолкаемый звон...
Нас троих посетил одинаковый сон.
Море, синее море, как новый Хазар,
У вулкана в груди, а не лава, не пар,
И у синего моря аллеи чинар...
Белый шелк парусов на лазури люблю,
Парк чинаровый в Мингечауре люблю!

Нет, не Каспий, не древний Хазар буревой
И не озеро счастья Гейгель предо мной.
В вулканическом кратере плещет волной.
Там, где не было исстари бури, плыву,
К новой пристани в Мингечауре плыву!

Будто скалы — такой здесь дома вышины,
И зеркальные окна лазурью полны,
А позднее — зеленым пожаром луны;
Бриллиантовым пламенем пышут в ночи,
На заре — винно-красные в окнах лучи!

На верандах красивых прохладно всегда,
И плывут они, кажется, будто суда...
И выходят веселые гости сюда, —
Их зовет изумрудной зари полоса,
И над ними — узорных шелков паруса!

Но когда ни пройдешь — хоть к заре приурочь, —
Льется музыка здесь день и ночь, день и ночь
Из открытых окон, так что сердцу невмочь.
Льется музыка здесь без конца, без конца —
Юной женщины смех, страстный голос певца!..

...А в степи мы в огне черно-сером стоим,
Желтый вихрь на краю котлована как дым...
Но сдаваться и время терять не привык, —
И мгновенно глаза открывает старик.
«Безобразие: стоя, как пьяница, спать!» —
И Керимова хлопок чеканит опять...

Меж Боздагом и этим колхозом в пути
Продолжаю, твердя свою песню, идти.

*

...И вновь проходят дни, уходят годы,
Мужает мир, мужает человек.
По-прежнему жесток закон природы:
Что некогда прошло — прошло навек.
...И падает столетний дуб со стоном,
А робкий поднимается дубняк
Могучим лесом, гордым и зеленым, —
Всё этим подчиняется законам,
И хорошо, что вечно было так!
А реки, изменив путям исконным,
Меняют русла. Чародей и маг
По диким долам и бесплодным склонам
Проводит ли жезлом заговоренным?
Он изменяет мир за шагом шаг.

С отважным сердцем, вновь неутоленным,
Он — человек: творец, податель благ.

Как хорошо, поникнув к ночи сонным,
Встать поутру с дыханьем обновленным! . .
И хорошо, что вечно будет так.
Любовь без меры, воля без предела,
Мечта, мечта — его душа и тело! . .

... Вот здесь была землянка, там — овраг.
Но встал дворец! И ты взираешь смело:
Он — рук твоих блистательное дело.
Свет ярко засверкал, рассеяв мрак,
Всё расцвело вокруг и всё запело.

О молодость моя! Подай мне знак, —
Ужель навек в былое отлетела?
Родная степь душою овладела,
Брожу в очках и с палкою, чудак.
Уходит жизнь, — но жизни нет предела,
И хорошо, друзья, что это так!

Хоть век пройди — он сердца не остудит.
Здесь родина моя — среди степей.
А первой клятвы сердце не забудет
И первой, ранней родины своей!

Сады и цветники в Мугани «дикой».
Селенья, города у ясных вод. . .
Ржут кони в табунах, и пахнет викой.
И мощным войском движется народ.

★

Мне слышится мужской знакомый голос. . .
Молчу, ему внимая, как немой.
А сердце будто на два раскололось:
Порою сердцу кажется: он мой!

Порою сомневаюсь: не себя ли
Я слышу в звукозаписи? Но нет,
То смутно он зовет из дальней дали,
То просто говорит со мной сосед:

«. . . Волнуется полей зеленых море. . .
Томят воспоминания опять:
Что хижин камышовых не видать
И низеньких лачуг в пустом просторе?

Окрашенных под утренние зори,
Блещающих домов — за рядом ряд.
Я вижу их мечтательному рад. . .
Обвили плющ и дикий виноград
Узорные террасы и балконы. . .

Раскидистых чинар приют зеленый,
Фонтаны и плодовые сады,
Гранаты на ветвях, и плеск воды,
И всюду на столах — плоды, плоды,
Горят цветные свечи на подносах. . .

На девушек гляжу темноволосых,
Из лейки поливающих, смеясь,
Аллеи улиц, где ни пыль, ни грязь
Не могут быть. . . и только поднялась
Цветочных лепестков метель живая!

Всем встречным, никого не узнавая,
Я кланяюсь почтительно. . . Со мной
Ни спутника, ни книги ни одной. . .
Но к сердцу поднимается волной
Тепло родной земли — и я как дома!
Знакомо это всё, но — незнакомо. . .
Вот клевер темнобархатный цветет,
И легкое вино куринских вод
Счастливая люцерна пьет и пьет. . .
Поля обведены каймой ковровой.

О, жаль, что не дождался жизни новой,
Печалась об отчизне, Низами!
Не встретился он с этими людьми. . .
Здесь утро каждодневное, пойми,
Похоже на свидание влюбленных!

Повсюду — на равнинах и на склонах —
Могучие леса. Блаженный край! . .

И сколько вечерами птичьих стай
Слетается в дубравы — сосчитай,
Вдыхая дуновение прохлады. . .

Под вечер путешественники рады
На берегах каналов отдохнуть. . .
Земли благословенной дышит грудь, —
Огонь ее душевный успокоен.
Земля Страны огней, как старый воин,
Не прочь поведать внукам о былом,
Но южные гранаты и чинары,
Березы и черемуха — не стары:
Здесь Севера и Юга общий дом —
Могучая, но юная дубрава! . .
Всё зелено — налево и направо,
Деревья впереди и позади. . .
Постичь бы их язык нечеловечий!
Свои у них мечтания и речи:
Ты веток выраженье разгляди. . .

Леса, леса, войска полезащиты!
. . . Томят меня во сне, полузабыты,
Объятия смертельной духоты:
Равнина беспредельной пустоты,
Горячкой истощенная равнина,
Ветрами истязается, ранима. . .
И первая лесная полоса
Когда-то поднялась ветрам навстречу, —
С холодной, насмешливою речью
Вы грудью их встречаете, леса!
Вам птички подпевают голоса. . .
Вы родине любезны и желанны. . .

Леса, да не сразят вас ураганы, —
Народу вы любезны и желанны!
Вы — родины прохлады и покой.
Не горбится крестьянин молчаливый,
Сгоревшие оплакивая нивы,
Оплакивая колос дорогой,
Рассыпавшийся прахом под рукой;
Не бьют себя старухи по коленям!

И весело живется поколениям,
Растущим в городах среди дубрав. . .

Ты требуешь бессмертия? Ты прав!
Ни памяти, ни чувств не потеряв,
Жить, вечно жить — желанье человека!
Его любовь, отцовская опека
Для всех стихий добра и хороша,
И тело драгоценно, как душа. . .
Жить, вечно жить в бессмертии народа,
Под тысячей имен в родной стране, —
Не зная дней рожденья, дней ухода,
Жить в доброй мысли, в воздухе, в зерне! . . .»
. . . Но сказанное в этих строках длинных
О вечной жизни — сказано не мной:
Неведомый потомок им виной,
Бессмертный очевидец лет старинных,
Блуждающий, как я, в родных долинах. . .

Заслушается криков журавлиных —
И вспомнит обо мне потомок мой!

эпилог

. . . Не зная дней рожденья, дней ухода,
Под тысячей имен в родной стране —
Жить, вечно жить — в бессмертии народа,
В зерне и слове, хлебе и вине! . .
Грядущих дней манящему призыву
Внимает степь. . . И верит мой народ,
Что каждый колос обратится в ниву
И ни одно зерно не пропадет!

Ты слышишь, друг? Зерно сознания — слово,
Моя душа — язык моей страны,
Поэту мил туманный край бывшего,
Но я ушел из плена старины. . .
И всё брожу по нынешней Мугани,
Любовью заключен в ее кругу. . .
Люблю ее лицо, ее дыханье,
Насытиться, как прежде, не могу! . .

Люблю людей моей Мугани новой —
Их золотые руки и сердца, —
Для них пишу, для них — мечта и слово,
Для них исполню я свой долг певца!
Как семечко, что лишь в посев годится,
Мою мечту прими, читатель-друг, —
Пусть в урожай безбрежный обратится
Трудом твоих благословенных рук!

1943—1949

120. ЧИТАЯ ЛЕНИНА

1

Не знаю, право что ж это — на ум
Нейдут стихи, исчезло мастерство.
Бредут понуро караваны дум,
Белы страницы сердца моего,

Как облако, повисшее меж скал,
Спит праздный ум, работы не найдя.
Он вдохновенных слов не отыскал,
Он даже не лепечет, как дитя.

«Я человек, — сказал мудрец один, —
Я долго жил и кончил все дела,
И мудрым стал, и дожил до седин,
Но мать меня не взрослым родила».

И в сумерках, и в предрассветной мгле
Мерцает сердце звездным серебром.
Мечта посадки ищет на земле,
Снижается на свой аэродром.

О чем писать? Что делать мне? И вдруг
Я вспомнил книгу между многих книг.
Мне руку протянул великий друг,
Учитель первый предо мной возник.

Немало разных книг на белом свете:
 Есть клеветницы, и уродцы есть,
 Язвят и жалят, расставляют сети,
 Возьмут за горло, если их прочесть.

Немало книг, вопящих, как кликуши,
 Слепящих взор и сеющих раздор.
 Так Ницше отравлял живые души,
 Так Гитлер бормотал зловещий вздор.

И Черчилль ведь скрипел пером когда-то,
 Чернильной черной злобой упоен.
 Читай: что ни страница — провокатор,
 Что ни строка у Черчилля — шпион.

Иная книга благо возвещает,
 Иная — проповедует добро,
 И кажется, весь мир она вмещает, —
 Но всё в ней, кроме автора, старо.

Иная в нашу память, словно гвозди,
 Вколачивает тщетные слова.
 Но не читайте этой книги, бросьте!
 Она — как лед, она мертвым-мертва.

Но есть на свете книга, от которой
 Всё мирозданье звездами горит.
 Она полна весеннего простора.
 Она о счастье людям говорит.

И эта книга, лучшая на свете,
 Здесь предо мной раскрыта на столе.
 Она не сказка, чтоб читали дети.
 Она прошла в знаменах по земле.

Она тонка, но праведный удар свой
 Обрушила на грузные тома.
 Читай на переплете: «Государство
 И революция». Она сама!

Попробуй не перевода дыханья
Прочешь ее. Нельзя. Остановись!
Тут ленинского гения сверканье,
Тут откровенья ленинского высь.

Рожденный революцией, он снова
Ее рождает в грозной книге той.
Нет отступленья. Нет пути иного.
Расчет проверен в каждой запятой.

Летят слова, нацеленные метко.
Их звездная дорога далека.
Такие книги создаются редко,
И жить им не мгновенья, а века.

Любая скобка в тексте — как блокада.
Любая точка — пуля по врагу.
Любое восклицанье — баррикада.
И я налюбоваться не могу,

Что эта книга, лучшая на свете,
Здесь, на столе, раскрыта предо мной.
Она не сказка, чтоб читали дети.
Она — итог всей мудрости земной.

4

И прошлых лет возникла непогода.
Без прошлого и будущего нет.
Встает сентябрь семнадцатого года,
Начало всех событий и побед.

Нелегкий час! Десятки лжеученых
Клевещут, лгут, грозят исподтишка.
Их слишком много, в званья облеченных.
Работа их уныла и тяжка.

Вожди, вчера кричавшие о мести,
Боятся света, избегают битв.
Меж тем с фронтов идут дурные вести,
Россия голодает и скорбит.

И в той ночи, промозглой, непроглядной,
Лежит земля в крови, в огне, в дыму.
И хищничает банда беспощадно
В наследье Маркса, как в своем дому.

Вот Каутский, истолкователь хилый,
Вот Шейдеман, вот безымянный «ман»...
Что ж! Великан не встанет из могилы,
Не привлечет к ответу за обман.

И что ни шаг — измена зреет снова.
И стены лжи всё выше и мертвей.
В ходу не смысл, не истина, а слово
У этих буквоедов и червей.

Нет, господа! Маркс не бездетен. Голос
Грядущего не будет заглушен.
Недаром человечество боролось!
Спор о грядущем — Лениным решен.

Пускай лжецы на Ленина клеветуют,
Пускай клянут с амвонов все попы.
Несет он знамя правды. Ярко блещут
Прожекторов разящие снопы.

5

Всё чаще толки, всё упорней,
Что болен старый, грешный мир,
Что червь незримо точит корни
Его чертогов и квартир.

Обрюзгший и обросший жиром,
Давно не дерзок и не бодр,
Ложится он, наскучив пиром,
На золоченый смертный одр.

И ждет кончины, еле дышит...
Но тускло теплится тоска,
Но волчья пасть отравой пышет,
Сверкают лютых два клыка.

Уже крыло над ним простерла
Смерть и поют «за упокой»,
А он готов схватить за горло
Костлявой, дряблою рукой.

А он, подобно старой шлюхе,
Еще румянится слегка,
Пускает всяческие слухи
И подкупает простака.

Иль назовется братом честным,
Доверчивостью паразит,
И где-то в закоулке тесном
Нам в спину острый нож вонзит.

Набиты тюрьмы до отказа.
Звенят в Сибири кандалы.
И от Камчатки до Кавказа
Законы беспощадно злы.

Законы злы. Сердца — как камень.
Казненных деспотом не счесть
Во мглу, в зловонье черных ямин
Забиты разум, совесть, честь.

А революция не шутит.
Ее работа нелегка
Она без промедленья судит,
И каждый час ее — века!

6

Проснулся пролетариат
Среди громов и молний.
Знамена красные горят,
Все площади наполнив.

Здесь воля каждого борца
Способна сдвинуть горы.
Пусть в окна Зимнего дворца
Ударит залп «Авроры»!

А в том дворце засел холоп
Породы меньшевистской,
Купцам обязанный по гроб,
Он кланяется низко.

Но Ленин сквозь огонь и дым
Зовет борцов свободы.
Дыханьем жарким, молодым
Разбужены заводы.

Он говорит, что в Октябре
Всю власть возьмет рабочий.
«Не верь кадетской мишуре,
Эсеровской и прочей».

Он говорит: «Борьба тяжка.
К оружию, к наступлению!
Сегодня каждый час — века», —
Так призывает Ленин.

7

Так на глазах менялась карта мира.
Так правый гнев трубил во все рога.
Так сила жизни насмерть разгромила,
Загнав насмерть лютого врага.

А в книге не дописана страница,
Недовершен могучий взлет ума.
Так рукопись для нас и сохранится, —
Допишет революция сама!

Так Ленин подводил итог. Такая
Уверенность наполнила его.
Так встал он, глаз горящих не смыкая
Над колыбелью дела своего.

8

Огромный мир открылся предо мною.
Здесь правда торжествует и царит.
Здесь творчество реальное, земное
Меня восторгом каждый день дарит.

Здесь каждая минута стоит века.
Мой первенец, любимый мой сынок,
Здесь вырастет в борца и человека,
Который на земле не одинок.

На всей земле, как под отцовским кровом,
Он вольно и счастливо проживет.
Приветом дружелюбным, добрым словом
Его борец за правду нынче призовет.

Один закон здесь царствует великий:
Честь человеку, честь его делам!
А старые законы, как мотыги,
Отправлены в музейный, пыльный хлам.

Не будет скоро крепостей и тюрем.
Свободный, сильный, зоркий человек
Диктует волю молниям и бурям,
Меняет мир, ломает русла рек.

И в час зари, и под ночью бездной
На страже правды бьются все сердца.
И с дисциплиной, точной и железной,
Слилась отвага каждого борца.

И в первых главах этого рассказа,
Друзья, прочтем мы наши имена!
Сбирает чай иль хлопок дочь Кавказа,
Но в Коммунизм войдет борцом она.

Нефтяник из Баку, шахтер Донбасса,
Ведя работу славную свою,
Стоят на вахте завтрашнего часа —
Как коммунисты, как бойцы в строю.

И каменщик, и врач, и археолог
Хранят в сердцах мечту об этом дне.
Читатель мой, да будет век твой долог!
Отдашь ты жизнь труду, подобно мне.

И, глядя в лица новым поколениям,
Я вижу правды ленинской красу.

Я чувствую: живет бессмертный Ленин!
И благодарность партии несу!

Не из каких-то выдумок чудесных —
Из кирпичей, из струганых досок
Милыоны рук, мозолистых и честных,
Построят дом, и будет он высок.

И партия, как зодчий величайший,
Вложила жаркий труд и мастерство
И в завиток орнамента мельчайший,
И в общий план строительства того!

Всё ближе Коммунизм! Он перед нами,
Не за горами где-то вдалеке. . .
Сражаются за правду во Вьетнаме,
На азиатском всем материке!

На улицах Парижа иль Каира
Его сияньем демонстрант согрет.
Дочь Индии, прядильщица Кашмира,
Хранит в лачуге ленинский портрет.

Всё ближе Коммунизм! Подходят сроки.
Что Ленин нам предсказывал — сбылось!
Зачем, зачем пишу я эти строки!
Зачем мне быть бойцом не довелось!

Нет! Неуместно это сожаленье!
Разит, как пуля, быстрая строка.
Нет для нее границ, нет отдаленья.
Она находит цель издалека.

Мой брат Амаду, бразильянец смелый!
Чрез океан мне руку протяни,
Чтоб наша песня общая гремела
В торжественные, боевые дни!

Пусть Арагон рассказом про Тореза
Одушевляет храбрый свой народ.
Пусть песни раскаленное железо
Клеймит проклятый реваншистский сброд!

121. АЙГЮН

1

Наряда свадебного будто не сняла,
Мир обняла своим счастливым взглядом.
Она приветствует весну и так светла,
Как будто солнце было с нею рядом.

Легенды мужества и гордости прочла
Она даво во взгляде Амирхана,
В него влюбленной не одна была
(Я о других рассказывать не стану).

Ах, как встает он, как садится он,
Как говорит, и как поводит бровью,
И как гостей встречает, как влюблен
Во всё непобедимую любовью!

И пусть упрям он с нею и с другими —
Ведь Амирхан, как это утро, юн, —
Его обычное, его простое имя
Так сладостно произносить Айгюн!

Вот тихо поднимается невеста,
И зеркало — свидетель красоты —
Глядит на эти ласковые жесты,
На девичьи движения мечты.

Отца не видел мальчик никогда,
Мать мальчика преподавательница в школе.
Не скажет «нет» на Амирхана «да»,
Не причинит ему и капли боли.

Со сверстниками вовсе не дружил,
Тянулся к тем всегда, кто старше вдвое.
Пусть он совсем еще подростком был,
А всё ж скандалил с матерью родною.

Вы видели б, как он часы носил
И как умел шикарно одеваться!
Он денег требовал, а не просил,
К обязанностям подходил с прохладцей.

Но всё же был талантливый. Хватал
Все мысли на лету, как сокол зоркий.
Он мог бы заниматься на пятерки,
Да только ведь цены себе не знал.

Он в жизни не пытался лгать, —
Пусть виноват, но не мирился с ложью,
И потому его любила мать
И говорила: «На отца похожий!»

Мать умерла. Пришла к нему беда.
О, как разлука с ней его томила!
И, как в народе принято всегда,
Он часто навещал ее могилу.

И сам на белом мраморе плиты
Он высек матери изображенье,
И там, где раньше не росли растенья,
Он всё же вырастил прекрасные цветы.

Он на четверки кончил институт,
И, хоть друзья его на пир зовут,
Хоть холостяцкий дух в нем сохранился, —
Он в то же лето на Айгюн женился.

И хоть любил свой дом, любил Айгюн,
Но жизнь его не покорила эта:

Он часто вспоминал напевы струн
На дружеских попойках до рассвета.

Все вечера он дома проводил,
Не мог своей жене солгать он,
Пусть прежний мир веселый невозвратен,
Он притворялся, что покой любил.

2

Отеческим прием был у министра,
И речь его была совсем проста:
«Вот слился тут Аракс с Курою быстрой,
Смотрите-ка, ну что за красота!

Взгляните, юноши, на древнюю Мугань,
Была она веками невеселой,
Но здесь, пугая утреннюю рань,
Возникнут города, возникнут села.

Друзья мои! Вперед на штурм природы!
Пусть плодотворны будут ваши дни,
И пусть в степи зазеленеют всходы,
Чтоб жизнь людей украсили они.

Друзья мои, победного пути вам!
Прекрасного, но трудного пути!
Ищите цель свою в труде счастливом,
Чтоб с полным правом славу обрести!»

Серьезные сидели пареньки —
Своих отцов надежнейшая смена...
Пусть дни большой победы далеки,
Они достигнут цели непременно!

Лишь Амирхан событиям не рад,
Ему в кругу друзей не быть счастливым.
Он неподвижен. Безразличен взгляд.
И он пошел домой неторопливо.

«Ну что поделывать! Дан приказ такой,
И мне нельзя не выполнить задание;
Забудь, Айгюн, о жизни городской,
Мы будем жить с тобой в степях Мугани».

...Всё кончено. Разлука впереди.
С тоской она глядит на Амирхана,
Стучится сердце у нее в груди,
Наполнено любовью несказанной.

«Раздумывать тут поздно. Соберись,
Не медли. Нам пора уже в дорогу.
Ну что Мугань, Айгюн? Там тоже жизнь.
Понравится — потрудимся немного».

С искусственной улыбкою она
Ответила сквозь слезы Амирхану:
«Теперь я просто мужнина жена?
Так, значит, я учиться перестану?»

— «Что институт? Пока я жив на свете,
Тебя всегда поддержат руки эти!
Мы всё, что надо, сами создадим...»
— «Нет, не могу я! Поезжай один».

— «Нельзя! Нас время навсегда свело,
Мы связаны с тобой одной судьбою.
И месяца еще ведь не прошло,
Как поженились мы, Айгюн, с тобою.

Ну что, родная, делать? Потерпи...»
Айгюн задумалась. Ей нестерпимо тяжко.
Вдруг ей представилось — он заболел в степи,
И кто подаст ему с водою фляжку?

Поехать? А учеба? А мечты?
А сверстники? А милые подруги?
Средь кухонной толкаться суеты?
Всю жизнь вертеться в этом тесном круге?

Как снег в горах, лицо ее бело,
И сведены нахмуренные брови. . .
Неужто счастье навсегда ушло,
И вот оно — прощание с любовью?

Молчание подругой стало ей,
Глаза как два потухшие вулкана. . .
«Я остаюсь!» — пусть скажет он скорей!
Она с тоской глядит на Амирхана.

Поймет ли муж ее тоскливый взгляд?
Он понял, кажется. . . Ах, нет, Айгюн,
ошибка —

Любовь не возвращается назад,
Слеза сменяет прежнюю улыбку.

«Ну разве я с тобой неласков был?
Скажи мне, милая, скажи мне, что с тобою? —
Он со своею юною женою
На языке любви заговорил:

— Нет! Это не любовь, когда разлука
Сердца переполняет через край.
Ты будь со мной, и протяни мне руку,
И никогда ее не отпускай.

Что делать на Мугани без тебя?
Меня еще по-прежнему любя,
Сегодня ты одна, а завтра — мать.
И как же мне всё это понимать?

Любовь не выживет без дома, без семьи,
И мы расстанемся навеки, ты пойми. . .»
— «Всё это устаревшие понятия,
Себя для кухни не могу отдать я.

Возиться по хозяйству каждый день
И за тобою следовать как тень,
Вертеться в этом беспросветном круге. . .
Меня, наверно, засмеют подруги».

«Ты что-то думаешь другое! Ты открыто
Признайся мне. . . Плюнь на своих подруг!
Они — болтуны! . . .» — Амирхан сердито
Повысил голос и поднялся вдруг.

Айгюн молчит, покорна, смущена,
И щеки у нее порозовели. . .
Она недавно замужем. сна
Не любит Амирхана неужели?

Нет, любит, любит! Потому молчит
И потому не говорит ни слова.
Но Амирхан. . . Он снова говорит,
Свою жену он укоряет снова:

«. . . Ты быть при мне должна! Мужское право
Ты у меня, Айгюн, не отнимай,
И горести мои, и честь, и славу
Со мною до могилы разделяй!»

С улыбкою — уже ей не обидно,
Ей даже нравится, что муж ее такой, —
Она сказала: «Как тебе не стыдно!
Ты мне совсем не веришь, мой родной!

Нет! Сердце пусть мое горит в разлуке,
Пусть буду я изнемогать в борьбе,
Я буду жить, протягивая руки
Лишь к одному тебе, к тебе, к тебе!

Ну, сколько ехать до Мугани? Сутки?
Ты сможешь каждый месяц приезжать.
Дай обниму тебя!» — «Оставь ты эти шутки,
Меня, Айгюн, не можешь ты понять!»

— «А как понять?»

— «Нет, ты меня послушай,
Пусть будет откровенным разговор.
Я ложью, милая, не опозорил душу,
И ложь, по-моему, предательство, позор.

Ты знаешь, сердце у меня какое?
Пусть верной будешь ты, пусть любишь ты
меня, —

В разлуке я не буду знать покоя —
Я без тебя не проживу и дня.

Пусть это мне не придает величья,
Пусть слабостей моих не перечешь,
Не обижайся, — я не безразличен.
Твоей любви я верю, верю в честь,

Но всё же буду думать я ревниво —
Парней так много! Город наш большой,
К тому ж, Айгюн родная, ты красива. . .
Что делать мне с ревнивою душой?»

В ответ на откровенное признание
Она растрогалась. . . Так сладко стало ей, —
Ведь женское большое состраданье
Упрямства женского нисколько не слабей.

Она подумала: «Бедняге одному
Что делать и куда деваться?»
Она всем сердцем предана ему,
Ей трудно будет без него остаться.

«Тебе, мой муж, я возражать не стану,
Мое решение будет таково!»
Горой поднялось счастье Амирхана,
Нет никого счастливее его!

Она согласна! Всё же, пригорюнясь,
Теперь она не может не понять:
Как книгу недочитанную, юность,
Увы, увы, вовек не дочитать!

4

Где живы до сих пор еще преданья,
Теперь живут «степные горожане».
Где вековечно не было воды —
Чинары выстроились в стройные ряды.

Остановись я с удивленьем глянь
На первый сад, украсивший Мугань,
На эту ширь, на весь простор далекий,
На красный флаг, дрожащий на флагштоке.

Волшебным переменам удивись,
Пред статуей, мой друг, остановись,
И ты почувствуешь в очарованье,
Что это Ленин ходит по Мугани.

Он смотрит вдаль. Как этот край широк!
Поднялись нивы, веет ветерок,
Труд человека ощутим вокруг —
Весь край возделан тысячами рук.

Часы в труде проходят, как минуты,
Здесь время укорочено как будто,
И с постамента статуя всегда
Приветствует богатырей труда.

Большевики пришли на целину,
Чтобы создать здесь вечную весну,
И все огни, зажженные в ночи,
Как ленинские мысли — горячи.

И звезды наши — нет! — не украшенья!
Они полны великого значенья,
Они сияют и зимой и летом
Нам ленинским неугасимым светом.

О Ленин! В этом имени для нас
С бессмертием любовь переплелась,
Его — великого — издалека
Приветствуют грядущие века.

Директор встал сегодня на заре.
Пред ним сияет небо в серебре,
Пред ним раскинулся простор, широк,
Пред ним развернут новый городок.

Пред каждым домиком раскинут сад,
В разгаре лета в них цветы пестрят,
Там, где камыш господствовал вчера,
Сегодня от цветов земля пестра.

И змеи ядовитые в степях
Исчезли — не видать, как меч в ножнах.
И под ногами девушек люцерна
Раскинулась ковром широким и безмерным.

Здесь вместо вереска сухого и полыни
Поднялся строй высокий тополиный,
Деревья все так схожи меж собой,
Как будто вскормленные матерью одной.

Грядущее рисуется вдали,
И мысли словно сотни лет прошли,
И кажется ему — идут века
По улицам степного городка.

С моим героем я давно знаком,
Под шквальным мы знакомились огнем,
И едкий дым из пушечного жерла
Сушил в сраженьи нам обоим горло.

Мороз пронзил кинжалом грудь земли.
В тот день мы в наступленье перешли,
Вслед за врагом вперед, вперед скорей!
Оглохли мы от гула батарей.

В бою мелькало полковое знамя,
На горизонте всё сгущалась мгла,
Как будто бы вселенная над нами
Свои одежды пышные рвала.

Сразив стрелка в бетонном мощном доте,
Под вой огня и под снарядов свист
Дорогу наступающей пехоте
Прокладывал герой артиллерист.

Замолк огонь. . . И воин пятилетки —
Он так же тверд, как в боевых делах,

Но карта, что в истерзанной планшетке,
Напомнила о пройденных путях.

И в этом городке его труды
Ночей бессонных и дневных усилий
Взрастили нивы, подняли сады,
Недвижные пласты расшевелили.
Он — мирный человек, но шрам косою
Напомнит нам о жизни боевой.

Что слава, деньги, сытость? Пустяки!
Без них уж как-нибудь да проживем мы!
О нем с любовью скажут земляки:
«Наш общий друг, не только наш знакомый!»
Пусть туговато иногда слегка,
Но что поделаешь, жизнь не всегда сладка.

Допустим — он бюджет не рассчитал,
И денег нет. Ну а зачем искать их?
Доволен, что семью он воспитал
В таких же точно, как свои, понятиях.

В груди его всегда царит весна,
Печали нет. Отсутствует она.
И пусть нужда — он к жизни не остынет,
Из зданья совести он камешка не вынет.

По темным тропам он, сгибаясь, не пройдет,
Бывает трудно, что ни говори там!
Пусть голод жмет, а он, наоборот,
Не сдастся и казаться будет сытым.

6

Зимы такой не знали много лет,
Дожди закрыли дальние просторы,
Обвалами серебряных монет
Засыпали дома, долины, горы.

И ветер дует, душу всю измаяв,
От холода — румянец у девиц. . .
Какое здесь блаженство для лентяев,
Для рассказней и всяких небылиц!

Снег появился за дождями вслед.
Хозяйка свой очаг не разжигала. . .
Найти дрова! Здесь миллионы лет
Не то что леса — щепки не бывало.

Лишь на Араксе изредка лесок
Вам попадетя, немощный и старый;
Здесь только ивы — жалкий сорнячок,
Здесь редко встретишь дуб или чинару.

Оскалив зубы белые, зима
Как бы над человеком издевалась,
И с напряжением — кругом сплошная тьма —
Машина до Мугани добиралась.

Куда ни глянешь — белые поля.
В тот год беспомощные гибли птицы,
Казалось, обеднела так земля,
Что ей теперь уж нечего лишиться.

Озерца скованы, совсем замерз камыш,
Всё намертво зажал мороз проклятый!
Здесь молока не много надоишь —
Тощают овцы, худ и скот рогатый.

Лед через реки протянул мосты,
Давно движенье замерло повсюду,
Душа в тоске, не улыбнешься ты —
Веселью, смеху взяться здесь откуда?

Безжалостно царила непогода
В разнузданном неистовстве своем;
Закрыв глаза, ослепшая природа
Терзала небо, землю — всё кругом.

Скакало время на своем коне,
И заунывным хором волки выли.
Ни гор, ни леса нет на целине,
Чтобы ветрам дорогу преградили.

Метель самумом через степь неслась,
Стонали облака, ревели небо,

Настал деревьям как бы смертный час,
И луч надежды людям виден не был.

И молодежи говорит Неймат,
Оглядывая снежные громады:
«Природы силы нас не пощадят,
Нам их смирить усилием общим надо!

Посаженное нами не умрет,
Деревья станут бесконечным садом.
Пусть буря мчится, ураган ревет, —
Нам их смирить усилием общим надо!

Аракс не будет покрываться льдом,
Как лебедей, качая пароходы:
Мы под защиту этот край возьмем,
Творя весну в любое время года.
Пойдемте, надо грудью защитить
Лес молодой, жизнь каждого побега!»
Машины двинулись сквозь бастионы снега,
Тугим рукам лопат не уронить!

Пурга отчаянно кидалась поперек;
Неймат забыл о сне и о покое:
Кому приказывал, кому давал намек,
Кого толкал безжалостной рукою.

Пускай пурга хлестала по лицу,
Никто, никто не потерял надежды!
И девушки любому деревцу
Любовно сшили теплую одежду.

Деревья, выстроившись в тесный ряд,
Вздыхают шеренгою одною;
Казалось, люди в бурках здесь стоят,
Задумавшись о чем-то под луною.

Машины двинулись по далям снеговым,
И этот штурм степи был так отчаян,
Что вновь природа покорилась им
И человек опять ее хозяин!

Утихла буря, лютый ветер стих,
И сердце радует спокойная работа.
Портретами героев молодых
Украшена теперь доска Почета.

7

Пока стоит хорошая погода,
Цветы не вянут, зелены поляны,
Прекрасны нивы, хороша природа. . .
Сильней стучит и сердце Амирхана.

И пульс земли, и громкий пульс воды
Его на труд и радость вдохновляли.
Посаженные юные сады,
Представьте, и Айгюн очаровали.

И в ярком блеске утренних сияний
Он счастлив был вдвоем с женою милой. . .
Но коротка ведь жизнь воспоминаний,
И память их, увы, не сохранила.

Замерзшее оконное стекло. . .
Лишь от Айгюн он ощущал тепло,
И сквозь пространства снега и мороза
К нему стекались городские грезы.

Он молча думал: «Я — и эти степи!
Что может быть глупее и нелепей!
Там счастье, *там* любовь, а я — терпи!
Как жалкий суслик, пропадай в степи!»

8

Приди, приди, капризная весна,
Зима на смерть уже обречена!
Приди скорее к другу своему,
Мне бесконечно трудно одному.

О, как страшна зима! Ну, словно плаха!
И поле обезумело от страха. . .
Весна! Мы давние с тобой друзья,
И быть в такой разлуке нам нельзя.

Давай же встретимся, дадим друг другу руки,
Дыханье общее развеет дым разлуки,
Стихи напишем, будем хлеб растить,
И станет нас земля благодарить.

Весна взнуздала пылкого коня
И понеслась небесною толпою,
Пустыня ожила, людей к себе маня,
И солнце грело каждого героя.

Поля привольем дышат, и цветы
Соперничают в красоте друг с другом,
И мелкий дождичек до самой темноты
Забрызгал то над садом, то над лугом.

Ночь уступает дню часть юности своей,
И дни растут, растет напор единый,
И по просторам вспаханных степей
Рассыпались и люди и машины.

Гиганты на колесах понеслись,
Дыша огнем, — свершают путь великий,
Лопаты в землю яростно впились,
Воде открыли светлый путь арыки.

Деревьев армию теперь не победить,
Их много так, что и считать не стану!
И взглядом их теперь не охватить,
Как и строкою моего дастана.

9

Сейчас Айгюн не отличишь от птицы —
Она в просторы вешние стремится,
Она в полях проводит целый день,
Мелькает ласточкой в руках ее кетмень.

И в подражанье девушкам Мугани
На голове ее цветной платок.
Пусть это только смутное желанье —
В душе ее бурлит мечты поток.

Вот тихо движется, а вот остановилась,
И личико звездою засветилось, —
Задумалась, и девушки полей
Посмеиваются над ней.

Она не покидала дум своих,
Ей степь была, как сказка, интересной,
В груди ее рождался новый стих,
Она беззвучно сочиняла песню.

Потом, из девушек организуя хор,
Она их петь ту песню обучала,
И ветер эту песню нес в простор,
И эта песня плыть не уставала. . .

10

Вот заботы новые пришли:
Вовремя сады не расцвели. . .
Почему же он не удручен,
Почему его спокоен сон?

Не цветут цветы его труда —
Для него не страшная беда!
К тем, кому успех в работе дан,
Зависти не знает Амирхан.

11

Пусть показалась ей Мугань чужбиной,
Айгюн — с народом, тянется к нему,
И каждый с нею словно друг старинный. . .
Она так рада счастьем своему! . .

Крепчал мороз, шел снег, дул ветер гневно —
Тепло ей с Амирханом всё равно!
Что драгоценнее улыбки задушевной?
На это счастье право им дано.

И всё ж Айгюн нередко вспоминала
Звучанье звонких музыкальных струн.
Она давно от музыки отстала,
Хоть возмужала юная Айгюн.

Когда становимся мы хуже что ни день,
То это от народа мы скрываем.
Нас эгоизм преследует как тень,
Мы в промахах признаться не желаем.

Когда бревна в своем глазу не видим,
А щепку замечаем мы в чужом,
То друга лучшего мы ни за что обидим
И с ним поступим словно бы с врагом.

Признай ошибки — нет пути верней!
Ты обретешь опять своих друзей,
Заслужишь вновь доверие отчизны,
Вернешь себя к счастливой, честной жизни.

Народа одобренье донесется,
Нет одиночества, и сердце вновь смеется.
Как много скажут дружеские взгляды!
А лучше этого нам ничего не надо!

Ты, как охотник, в камышах блуждал,
И вдруг равнина пред тобой предстала,
И кажется тебе — ты новый мир узнал
И солнце над тобою засияло.

В груди как будто родники бурлят...
Ты — человек! Ты ль этому не рад?
На крылья вновь мечты тебя берут,
Несут к народу, над землей несут.

Он доблести всегда не понимал,
Поэзию труда не понимал,
Он доблести поэзии не внял,
Не уставая, сладким сном не спал.

В себя не верил. Лишь начнет работу,
Ее он оставляет в тот же миг,
А коль начнут одолевать заботы,
Не просит помощи он у людей и книг.

Высокомерный, гордым быть дерзал он.
«Не буду кланяться я никому!» — сказал он.

О человек, не слишком зазнавайся!
От этого всегда сердца стареют.
Ты хочешь стать горой — на гору опирайся,
Иначе в пыль тебя ветра развеют! . .

«Давай уедем, — он сказал жене. —
Я не привык к пустыням невеселым,
Культура и не приближалась к селам,
Баку далекий снится мне во сне».

Айгюн обрадовалась. Этих мест
Ей, городской, не полюбить тоску. . .
И вот уже решен отъезд,
И вот уж приближается Баку.

Беспечность Амирханом овладела,
Он заниматься агрономией не стал,
Во имя низменных страстей, чуждаясь дела,
Страстишкам душу он свою отдал.

Он говорил: «Я не герой, не гений,
Пусть о великом думают они.
Нет никого меня обыкновенней,
Я жить хочу в оставшиеся дни».

Пока он сам себя не понимает,
Что в нем, не знает — лето иль зима. . .
Что нашего героя ожидает,
Что случится — покажет жизнь сама!

13

Айгюн включила радио. Гремела
Рапсодия и в сердце к ней врывалась;
Ее лицо то тучею темнело,
То радостью внезапно озарялось.

Жена со скорбью к мужу прикоснулась:
«Зачем от сверстников своих я отвернулась?
О музыка! Как я дружила с нею!
Как о разлуке нашей сожалею!»

— «Чего ты хочешь?»

— «Я хочу учиться!»

— «Где?»

— «Знаешь сам!

И нечего удивляться!

Мой друг, пойми — я жить хочу в искусстве,
И что, скажи, смешного в этом чувстве?»

— «Завиднее не знаю аппетита —

Была ты женщина, а стала — композитор,
Философ, музыкант. . .»

— «Но нет причины

Во всех делах нам уступать мужчинам».

— «Для наших женщин долга нет святей —

Всегда быть с мужем и растить детей,

Не расточать улыбки первым встречным. . .

Быть преданной семье должна ты вечно!

Чтоб, глядя на жену, я возмущался?

Нет! Муж тебе, Айгюн, не тот попался!»

Вдохнула, на ребенка посмотрев,

Молчит. . . Ее молчанье — гнев.

14

Заговорил рояль. И клавиш ряд
Звучит, как ветер, что срывает снасти,
И руки, словно бабочки, парят
И начали рассказывать о счастье.

По клавишам, как ветер, пробежав,
Глаза закрыв и вновь взмахнув руками,
Ушла в раздумье, новый мир создав,
Мир, озаренный алыми лучами.

Соседи вышли на балкон отдать
Дань уваженья светлому искусству.
Дастан о жизни рассказала мать,
И материнские все оценили чувства.

Рояль наполнен звуками свирели:
То нежными совсем они казались,

То грозным громом в небесах гремели
И, облака раскалывая, мчались.

Давно уже, наверно два часа,
Сидела женщина влюбленно у рояля,
Любви и благородства голоса
Под пальцами ее звучали.

Жену лениво слушал Амирхан:
Искусство для него ничуть не свято.
Ах, то ли джаз! Ах, то ли ресторан! . .
Насвистывая, он ушел куда-то. . .

Айгюн не видела ухода Амирхана,
Погружена в огромный мир любви. . .
Играй, прекрасная! Пусть руки не устанут,
Пой песни благородные свои!

15

Как бесконечно длится ночь зимой!
Как запоздавший гость, приходит утро,
Охвачен город белой тишиной,
Навеки запечатанный как будто.

Всё спит. Безмолвствует. Теплы постели.
Крепка у зимних сновидений хватка. . .
О, как они к концу отяжелели —
Последних радостей, последних дум остатки!

Все спят. . . Нет, нет! Всегда бывают
Бессонные минуты у кого-то. . .
Вот женщина рассвета ожидает,
Охваченная смутною заботой.

Как душно! Думы гирями нависли,
Увы, она сомкнет глаза едва ли,
Тяжелые ворочаются мысли,
И бесконечен океан печали.

Кто ожиданья муки превозмог?
Оно надолго душу искалечит;

Ты на желанья хоть повесь замок,
Они горят в душе твоей, как свечи.

Айгюн открыла темное окно.
Злодеем в комнату ворвался ветер;
Как холодно, безжизненно, темно!
Закреть окно! Айгюн одна на свете.

И снова в ожидании она
С собой о чем-то спорит и бормочет,
Как лист желтеющий, измождена. . .
Как душен воздух этой зимней ночи!

(Когда живет счастливо человек,
То каждый день проходит, как мгновенье,
Когда же ты в разлуке, в нетерпенье,
Минута каждая течет, как целый век.)

Гуляет Амирхан. Бокалом пенным
Кипит вино, и кровь играет в жилах. . .
Не опишу я этой грязной сцены —
Я оскорбить поэзию не в силах!

Опять окно открыла на минуту.
О горестях своих она забыла,
Но ненадолго. Снова грусть как будто
Ее тяжелой гирей придавила.

Звонок. Супруга открывает дверь,
И входит муж. Верней, подобье мужа.
Бессмысленно глядит, шатается. . . Теперь
Никто, никто ему уже не нужен.

Идут товарищи трудиться спозаранок. . .
Он на своей судьбе поставил крест:
Любитель кутежей и «доблестных» гулянок,
Ложится поздно, вовремя не ест.

Вот он разлегся поперек постели,
Храпит весь день, до ночи будет спать. . .
Айгюн, Айгюн! Мечты так постарели!
Трепещет сердце. . . Как его унять?

Она ребенка на руки берет —
Лишь он остался радостью единой!
Как дышит он? Как, маленький, живет?
Как не прийти в восторг перед такой картиной!

Вот глазки он открыл, а вот смеется,
И сердце матери наполнилось теплом,
И позади всё горе остается. . .
Как счастливы они теперь вдвоем!

Жаль, что недолго длится это счастье!
И снова тучи на ее челе,
И вновь гудит осеннее ненастье
Над ней, над будущим, на всей земле. . .

Был муж, любимым был, а стал бедою,
Дешевым наслажденьям подчиняюсь. . .
От горя тает сердце молодое,
И для нее он не родной сейчас.

Ее охватывает полное бессилье,
Душа как будто тело покидает,
Вот тельце дочери родной накрыла,
И вот она беззвучно засыпает.

. . . Кто мог бы так глаза Айгюн зажечь? . . .
И гордость вновь в свои права вступила,
И тьма пред ней трусливо отступила,
И чувства снова обретают речь:

Нет, нет! Всегда с любовью шутки плохи,
Он ею пренебрег. Пусть будет так!
Был яркий свет, остался только мрак.
Была любовь, остались только крохи.

Дешевые, пустые увлеченья
Им овладели. . . Их не одолеть!
И сердца женского кровоточенье
Никто, никто не может разглядеть.

«Да, я терпела молча до сих пор. . .
Его любовь вовеки не коснется.

Что ж, подожду. Как только он проснется,
Мы с ним начнем серьезный разговор.

И я уйду! Но трудно быть женою —
Всегда за мужа велика тревога. . .
Пусть ты права, но подожди немного,
Быть может, время к нам придет иное».

Необходимо матери терпенье,
Ведь слез потоки не всегда текут,
Твоих несчастий частые ступени
Лишь к высшей справедливости ведут.

16

Вот вечер наступил. Очнулся Амирхан.
Он снова как дитя. Быть взрослым надоело.
Но у него уже не юношеский стан,
А располневшее, откормленное тело.

Айгюн подумала: «Он стройным был когда-то. . .
За легкомысленность последует расплата.
О, если бы смести его пороки прочь!
О, если б я могла ему помочь!»

«Так вот, подруженька. Я говорю открыто:
Пусть жизнь моя тебе не по плечу,
Будь ты хоть трижды на меня сердита, —
Дай мне вздохнуть, дай жить, как я хочу!»

— «Не называй меня «подружкой». Я — мать.
Мне не подходит уличное слово.
И надо от привычек отвыкать,
Ведь можно жить, не разрушая крова».

— «О чем ты говоришь со мною? Что я, вор?
Быть может, ты меня считаешь подхалимом?
Давай оставим этот разговор!»

— «Пекусь я о тебе и малыше любимом».

— «Напрасно!»

— «Как, напрасно? Нипочем
Тебе жена, ребенок, этот дом. . .

Душа моя в крови от непосильной ноши,
Здесь муж мой не хозяин больше».

— «Хозяин кто?»

— «Ребенок наш родной,

И я, и эти вот четыре стены. . .»

И день и ночь мне быть всегда одной?

Жить в этом ужасе с любовью неизменной?

Не попрекай меня одеждой и едой.

Ты не мальчишка, ты уже мужчина. . .

Любовь была когда-то молодой,

На ней теперь глубокие морщины. . .

Как много сверстницы мои успели!

И если откровенен разговор уж —

Кто для тебя я? Просто только сторож? . .

Так будет продолжаться неужели?

Стоишь ты, ничего не понимая. . .

Так больше жить с тобою мы не будем,

Ты думаешь, что я глухонемая.

Что стала не нужна я людям? . . .»

Сказать по правде, в сердце Амирхана

Запыхали вновь любви огни,

И призраком встают пред ним туманным

Прошедшего очарованья дни.

Она права, и жизнь моя не та.

Пусть собственного дома теплота

Меня согреет «От тебя не стану

Я уходить . . Прости же Амирхану. . .»

Ты не сердись. Я виноват. Я знаю.

Теперь у нас наступит жизнь иная.

Спасибо за науку. Вывод ясен —

Путь легкомыслия, безделья так опасен!»

И он жену целует в упоенье,

Целует щеки и целует руки.

Ведь только для любви и есть разлука,

И после ссоры сладко примиренье.

Айгюн молчит и для того отчасти,
Чтобы не сразу обнаружить счастье
(Как может женщина счастливой стать,
Поэзия не может описать).

И вот ее покинула тревога,
Лицо ее светлеет понемногу,
Мечты ее заманчивы и сладки . . .
Ребенок просыпается в кроватке.

Глядит то на ребенка, то на мужа
Айгюн. Ненастье ветром унесло. . .
Он так хорош, и он не станет хуже!
И улыбаются глаза светло.

«Прощаю всё! Ты благороден, честен.
И снова мы с тобою будем вместе».
«Ты не ругай меня, я сам себя ругаю. . .
За всё тебе спасибо, дорогая!»

17

В доме, где так спокойно,
Где ребенок растет,
Вот уже несколько месяцев
Счастье живет.

День весенний так радостен,
Светел и юн. . .
Ты — подруга поэзии,
Дорогая Айгюн!

Чисто окна помыла,
Всё кругом прибрала
И цветам ароматы
Дыханьем дала.

И походка крылата,
И движенья легки,
И весеннюю радость
Несут ветерки.

Сшила светлое платье
Малышу своему:
«Ой, цветок или дочка —
Я никак не пойму».

Под мелодию тихую
Подчинившихся струн
Колыбельную песню
Напевает Айгюн.

18

Но вот однажды вечером супруги
Изъяны обнаружили друг в друге,
И разуму и счастью вопреки,
Они скрестили старые клинки:

«Мой милый Амирхан! Да что с тобою!
От своего упрямства откажись,
Скорей к благоразумию вернись!
Я не хочу быть вечною рабою.

Я так хочу с ровесниками вместе
Идти дорогою искусства, счастья, чести. . .
Опять часы считать мне? Я боюсь,
Что ты ревнивец, и к тому же — трус. . .»

— «Намного ты умней меня, допустим,
Допустим, ты талантливей, чем я,
Но ты подумай — кто тебя отпустит:
Ведь у тебя ребенок, муж, семья.

Всегда тебя я вижу по-иному. . .
Ты вдохновенье посвятила б дому».

— «Я вас люблю, ты видишь. . .» — «Ну, и что же?»

— «На что, скажи мне, наша жизнь похожа?

Скандалы, сцены, новые гастроли. . .
Такую жизнь покинуть не легко ли?
В своей любви к тебе я поклялась:
Пусть даже я б высоко поднялась —

Ты навсегда останешься со мною. . .»
— «Довольствуйся же истиной одною:
При тайной сделке дружбы не бывает. . .
Не знаменитость я, никто меня не знает,

Талантами, как видишь, не блещу я,
Но и дешевой славы не ищу я.
Пока я жив, давай рассудим просто —
Я не добьюсь в хозяйстве сельском роста.

А ты возвысишься, Айгюн. С годами
Вершиной ты поднимешься над нами.
Я ж буду уменьшаться, стану точкой
И жизнь окончу, видно, в одиночку.

И на меня с тоскою не гляди ты. . .
Ну ладно, ты — великий композитор,
Но, если нравится тебе наш дом,
Брось думать о величии своем.

Как муж я требую, и требовать я вправе, —
Брось навсегда свои мечты о славе!
А если ты уйдешь, то навсегда. . .
Не отменю решенья никогда!»

Вот женщина снова одна,
Заброшенная, больная,
Ревнивого мужа слова
С великой тоской вспоминая:

«„Пойдешь, я уйду навсегда. . .“
Как мог так сказать он! О ужас!
Сейчас только я поняла
Решенье ревнивого мужа».

Была б настоящей любовь,
Она б расцвела и окрепла.
Любви безграничной огни
С годами становятся пеплом.

Исчезло совсем молоко,
Ребенок ее едва дышит,

И бедная мать в забытьи
Дочурки голодной не слышит. . .

Встревожился Амирхан,
Ему пережить это трудно,
Казалось, что жизни его
На дно опускается судно.

О, как он себя проклинал!
Описывать это не станем.
Ревнивые люди всегда
Спохватываются с опозданием.

Читатель! Трагедий не жди ты —
Младенец и мать не умрут.
Поэтом банальной печали
Не стану. . . Как горный редут,

Живет материнское сердце,
И ветер бессилен пред ним,
Опять осветит ее солнце
Волшебным сияньем своим.

Я знаю, паденье героя
Тебя огорчает, поэт. . .
Поэзия встала над счастьем,
И фальши не может быть, нет!

Смотрите, люди, на лице больной
Румянец появился молодой.
Будто после налетевшей бури,
Потянулось дерево к лазури,

Тянутся зеленые листочки,
Лед растаял, появились почки
И ручьи журчат наперебой. . .
Радуйся и ты, читатель мой!

И на ноги встала Айгюн,
В ней жизнь забурлила нетленная,
И дочь улыбнулась, и ей
В душе улыбнулась вселенная,

Так здравствуй, стихия любви,
Рассвет над тобою поднялся. . .
С тех пор как я начал писать,
Я ею всегда вдохновлялся.

В свинцовые тучи небес
Я молнию кинуть мечтаю,
Я небо и землю зову,
Сто тысяч сердец ощущая.

Я светлый приветствую мир,
И жизнь, словно праздник, легка мне,
Дыханьем моим задышав,
Живыми становятся камни.

Я знаю, паденье героя
Тебя огорчает, поэт. . .
Поэзия встала над счастьем,
И фальши не может быть, нет!

19

Айгюн под вечер вышла на балкон,
Кипучей жизнью город напоен,
По улицам веселым там и тут
Веселые прохожие идут.

Гуляйте, радуйтесь, легко дышите, люди!
Успеха вам! Пусть жизнь счастливой будет,
Не остановится весны прекрасный бег,
Пусть с солнцем об руку проходит человек!

Вот девушка и юноша вдвоем
Глядят на пеструю толпу кругом,
И всей сумятице прохожий рад,
Как будто звезды на земле горят. . .

Да, трудно ей! Нельзя уже, как прежде,
Все силы отдавать своей надежде,
В ее глазах такое выраженье,
Как будто принято серьезное решенье.

И смех и разговор в душе Айгюн
Подобны переборам дивных струн.
Желанье радости, желанье быть с любимым
В ее груди живет неутомимо.

Вернуться в дом родной дано тебе ль?
Мгновенно собрала свою постель,
Младенца тихо на руки взяла,
Еще раз оглянулась — и пошла.

И вдруг ребенок громко закричал,
Как будто всю трагедию понял.
Ей, крошке, всё по-своему понятно:
«Уходим мы, но мы придем обратно!»

20

Где ж Амирхан? Как жизнь его течет?
Мне хочется узнать о ней подробно.
Он очень грустен иль наоборот?
Спросите вы — поэту неудобно.

Он шепчет что-то жаркими губами. . .
Да! Он один. Вдали жена и дочь.
Без них безумно длинной стала ночь. . .
Вот письмецо оставила на память:

«Когда-то радостно вошла я в этот дом,
Теперь я плача думаю о нем.
И мне воспоминанья говорят:
Ты был влюблен в себя. . . ты виноват!

Стремления мои, что сердце жгли,
В чудесный новый день меня вели,
А твой мирок так жалок и так тесен,
И нет в нем ни поэзии, ни песни.

«И если ты уйдешь, то навсегда!» —
Я это не забуду никогда.
Не знаю я, как дальше будешь жить —
По-прежнему бездельем дорожить?»

Года прошли, и мы уже не вместе.
О Амирхан! Будь человеком чести,
Упорнее старайся перед нами
Предстать с большими, славными делами».

Прочел ее посланье Амирхан,
Зевком протяжным на него ответил.
Вдруг стало холодно ему и, как в буран,
В лицо ударил беспощадный ветер.

Но гордость, как обычно, верх взяла —
Не следует мужчинам быть покорным!
Жена ушла, ребенка унесла. . .
А что бывает более позорным!

«Она ведь женщина. Она свой гнев забудет,
Она ко мне опять протянет руки.
Она ведь женщина! Пусть даже богом будет —
Где силы, чтобы выдержать все муки?»

21

Отчего ты лишился хорошего сна?
Захлестнуло житейское морюшко судно?
Без подруги тебе одиноко и трудно?
Почему твоя комната так холодна?

Отчего, Амирхан, ты, скажи мне, притих?
Это ты беспокойно блуждаешь в ночах?
Где убранство прекрасное комнат твоих?
Где балкон, утопавший в цветах?

Руки женщины украшают очаг,
Заставляют забыть все былые потери,
Всё послушным становится в женских руках,
Открываются даже закрытые двери. . .

Где твои убеждения — никак не пойму.
К тому ли мечты твои устремлялись?
Куда собутыльники подевались?
Исчезли куда-то по одному?

Жизнь — море. И любит она чистоту,
И к берегу мусор волна прибывает,
Пусть время над нами проходит и тает, —
Является утро и солнце сияет,

22

С тех пор Айгюн не видел я пять лет,
Что с нею? Сведений покуда нет.
Любила ли она кого-нибудь,
Или к любви закрыт ей светлый путь?

Чем занимается она, каким трудом?
Есть у нее свое гнездо, свой дом?
Те, кто утратил первую любовь,
Счастливыми бывают вновь?

.. Нет! Нет! Она для счастья родилась,
Ей дайте счастье — не потом, сейчас!
О, как любовь ее была огромна!
Она ни неверна, ни вероломна.

Людей хороших можем мы любить,
Мы можем их печали разделить,
Прокладываем вместе мы пути,
Чтоб к счастью, к миру и любви прийти.

Когда хороший человек нас покидает,
То наше сердце боль одолевает,
И кажется всегда, что тело
От этой боли вдруг запламенело.

Как надо быть в хорошее влюбленным!
Пусть станет всё хорошее законом!
Давно Айгюн в душе моей живет,
Пусть счастье наконец родная обретет.

23

Звуча на тысячи ладов,
Покой сердец оркестр нарушил.
И каждый, замирая, слушал
Течение многих голосов,
Переливающихся в душу.

То шелестя как ветерок,
То вновь ворочая громами,
Всплывала музыка пред нами. . .
То путником в пыли дорог,
А то — орлицей над горами. . .

То, как ученый о делах,
Оркестр ведет беседу ровно,
То засверкают звуки, словно
Эпохи солнечной размах,
Где всё могуче, полнокровно

И силой страстного ума
(Не похваляясь по-пустому,
Подобно крикуну иному,
Чья речь — бесплодные грома)
Ведет нас к веку молодому! . .

В потоке звуков — утра блеск,
Труда и славы упоенье,
Сердец бестрепетных биенье,
Знамен и крыльев свежий плеск,
Природы вечное цветенье! . .

Кипя волною штормовой,
Поет оркестр об ураганах,
О битвах прошлых, о буранах,
Кипящих над моей страной,
О незаживших наших ранах. . .

Но вот пустыни расцвели!
Так человеческая сила
Добром природе отплатила
И новый день моей земли
В прекрасный образ воплотила.

Победу празднует народ,
И мир ликует обновленный,
Цветеньем новым окрыленный,
Летит вперед, летит вперед,
Мечтою в дело претворенной!

А сердце мчится дальше, ввысь! . .
У храма разума затворов,
Решеток, стен, оград, заборов
Ты не найдешь, как ни трудись, —
Здесь вольность вдохновенных споров!

Великий Низами сказал:
«Мысль объясняет мирозданье;
Хоть есть рубеж ее исканью,
За гранью разума — провал,
Предел всесильному сознанию. . .»

Так почему ж на этот раз,
Подвластен музыке прекрасной,
Ведом ее заботой властной,
Мне разум вывел напоказ
Миров и солнц предмет опасный? . .

А потому, что здесь Айгюн
Играет и владеет нами,
Горами движет и морями,
И, вероятно, в этом храме
Большого праздника канун, —
Оркестр ворочает мирами!

24

Мне забывать нельзя об Амирхане.
А что сказать? Он вечно полупьян,
От кутежей сознание в тумане. . .
Но стал освобождаться Амирхан
От вечных мыслей о «большом» кармане:
Бывает так: дурман прогнал дурман.

Менялся мой герой, позабывая
Страсть к легким деньгам, к покупным благам.
Но мысль его к лазурным берегам
Еще не гонит пена штормовая.

Он редко у друзей своих бывал:
У них в домах — «благоуханье дома»;
Ту злую боль от сверстников скрывал,
Что самому давно была знакома.

О, как чиста детей к отцам любовь!
О, добрый лад, уютное устройство! . .
В нем поднималось и бурлило вновь
Отцовское глухое беспокойство. . .

Он пил на свадьбах в честь «семейных уз»,
В нем загорался прежний чистый пламень,
Но тяжких дум неистребимый груз
Таскал с собой, как свой надгробный камень.

Вино для сердца друг и врач плохой:
Чуть охмелев, он грустным становился,
В гостях сидел с тяжелой головой,
Противился дремоте и бодрился.

«Я одинок. Без дома, без семьи. . .
Куда ушло души моей призванье?
Мне год от года тяжелей бои
С самим собой. И не нужны признанья. . .»

Он корчился в досаде, он сгорал,
Он таял, сам того не замечая. . .
«Орел ведь тоже падал, но взлетал?» —
Так утешался, сердце облегчая.

Раз в год Айгюн на улице встречал
В сопровожденье вежливых друзей,
Подарки посылать не забывал
Ко дню рожденья дочери своей.

Имея место в жизни, человек
Гордится малым и большому рад.
(Планетам во вселенной ровный бег
Определен — и нет ему преград.)

Врач, инженер, учитель, агроном
В своих делах живут своей судьбой;
Другим победа на пути другом —
Тропой бы только двигаться прямой.

Свое же место отнял Амирхан
Сам у себя. Растерян он и мал,

Как будто без билета и незван
В глухом углу спектакль он простоял.

Его рассудок правды не таил:
Твои друзья давно в почет вошли,
Лишь ты свою судьбу не сотворил —
Свои же корни вырвал из земли!

Еще не поздно, к делу воротись,
К земле приникни — соки жизни в ней!
Труда и захолустья не страшись,
И ты узнаешь радость новых дней! . .

Так разум говорил ему в тиши,
Но луч надежды, просияв, угас.
Нет, поздно торопиться. . . не спеши.
Заглох и замер совести приказ.

Шли неуклонно месяцы, года. . .
Цвели сады, земля кругом цвела,
Стихия всенародного труда
Гудела морем счастья и тепла.

Уж сколько раз пытался Амирхан
Покончить с философией своей!
Что проку в том, когда зарок не дан?
Он вновь и вновь всё возвращался к ней.

25

Неправда, что, оставшись без него,
Айгюн не вспоминала Амирхана,
Что вырвала из сердца своего,
Что в сердце затянулась эта рана! . .

Нет! Не могла ни снова полюбить,
Ни заменить любовь игрою ложной,
Решала: можно без любви прожить
И жизни даже радоваться можно!

Но спрашивала дочка: «Где отец?» —
И в ней будила мысль об Амирхане. . .

И сердцу снилась радость двух сердец
В далеком прошлом, тающем в тумане.

Айгюн не знала радости с другим,
Да никого другого и не знала!
Дитя ей было самым дорогим,
И добрым словом мужа вспоминала.

Так почему ж не встретиться опять?
Что это — женское упрямство? Чванство?
Нет, нет! Не мог он главного понять:
В труде ее святого постоянства.

Дурная правда, — что ее таить? —
Жену ревнуя к славе и почету,
Признание скупился подарить
Ее таланту и ее полету! . .

Айгюн искусством радостно жила:
Ее друзья — перо, бумага, ноты;
Ей не забавой музыка была, —
Свершалось чудо творческой работы.

Любовью вдохновенной и святой
Она любила родины просторы,
Живого неба пламень голубой,
Моря и реки, ледники и горы.

Сидеть не в силах в четырех стенах,
Угадывала таинства природы
Не только средь полей — на промыслах...
И музыка свои давала всходы.

Так время шло, спешил за годом год,
Неся с собой и горести и славу.
Из мира звуков и живых красот
Она брала лишь лучшее по праву.

И, радуясь, что подрастает дочь,
Считала годы по зарубкам роста...
А в волосах, чернеющих как ночь,
Луч за лучом прочерчивали звезды... .

Сегодня шум, и шутки, и вино
 В твой дом, Айгюн, пришли по доброй воле,
 Сегодня стих и музыка — одно,
 Сегодня места нет тоске и боли!

Как весел композитор наш, взгляни!
 Пылают щеки. Рада каждой встрече;
 Забот и горя позабыты дни —
 Пусть не совсем... пусть на один лишь вечер...

Улыбкой юной озаряет всех
 И всех душистым пловом угощает,
 Вокруг нее — гостей беспечный смех,
 Вино в бокалах розовых играет...

Цветы, цветы! Снопам их нет числа,
 Им тесно в этих комнатах просторных.
 Весну и юность дружба сберегла,
 Рожденная в исканиях упорных.

Улькер глядит во все глаза на мать,
 Впервые видя торжество такое.
 Речей и тостов смысл воспринимать
 Чутье ей помогает молодое!

Дитя весны, дитя моей страны,
 Найдешь и ты свой путь в своей отчизне!
 За это с дней угрюмой старины
 Боролись предки, не жалея жизни...

В душе Айгюн счастливый непокой...
 Парит орлом над чистым небосводом!
 Награждена медалью золотой
 За музыку свою своим народом.
 И ты, Улькер, ее понять сумей,
 Достояна будешь матери своей.

Еще друзья ей поздравленья шлют
 (Счастлив, кто красноречием богат) —
 Там хлопают в ладоши, там поют,
 Да так, что стекла окон дребезжат!

Вот Алияр поднялся среди друзей,
Разгоряченный счастьем и вином, —
Наш карабахский юный соловей
Запел. И приумолкло всё кругом.

«Свет луны, луга и горы,
Солнца раннего лучи. . .
Нас приветствуют просторы,
И для нас журчат ручьи. . .
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи!

В черном небе — хороводы
Звезд, мерцающих в ночи.
Мы стареем. Мчатся годы. . .
Душу песней излечи!
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи! . .

Пусть в игре сверкают, споря,
Мыслей светлые мечи!
Пусть любовь не знает горя
Догорающей свечи! . .
Голос милой отзовется
В сердце звуком кеманчи! . .»

И певец свою песню на крыльях несет,
И слова, словно птицы морские, парят.
«Это сердце поет. . .
Этот сердцем поет! . .» —
Улыбаясь друг другу, друзья говорят.

Почему, о любви заведя разговор,
Он не сводит с Айгюн пламенеющих глаз,
Почему, не стесняясь, сияющий взор
Открывает он миру всему напоказ?

Вот краснеет Айгюн, вот бледнеет опять —
Верно, чувствует жаркие взгляды певца
И без слов понимает, что хочет сказать
Алияр. . . Хоть скорей бы допел до конца! . .

Громче шепот. (О женщины, как вас унять?)

«Посмотрите, влюбился в Айгюн Алияр!..»

— «Ах, какие ей взгляды бросает опять!..»

— «У Айгюн от любви начинается жар».

— «Ах, неправда, Айгюн хороша и мила!..»

— «У нее ведь ребенок».

— «Так что же?»

— «Пустяк?..»

— «Говорят, что недолго и с мужем жила!..»

— «Ах, неважно влюбленным, что было и как!»

Возвеличилась женщина!»

— «Нам не чета!..»

— «Полно сетовать! Иль жениха не найти?»

— «Мне уж тридцать — не малые, видишь,

лета!..»

— «Твой жених задержался, наверно, в пути!..»

— «Хватит камни в соседскую воду бросать!»

Но оставим компанию наших матрон:

Право, совестно слушать — не то что писать! —

Пересуды, достойные старых времен!..

Что, что случилось? В этот поздний час

Вдруг три звонка, забытые давно!..

Кто? Кто так поздно беспокоит нас?

Моя Айгюн бледна как полотно!..

В дверях фигура, будто тень черна,

Цветы поникли в каменной руке!..

И сердце застонало, как струна,

У женщины, забывшей о тоске.

Ей молча протянул букет цветов,

Но от людей сторонкою, как зверь,

Спеша уйти без слов и без следов,

Через секунду выскользнул за дверь!..

Притихли все, задвигались потом!..

Вновь тишина!.. Как в доме, где мертвец.

Вдруг вскрикнула Улькер: «Отец, отец!» —

И бросилась вдогонку за отцом.

В глазах Айгюн угас веселья свет,
Какой-то холодок пронял гостей...
В безжизненной руке дрожит букет...

Слезинок блеск в глазах у матерей:
Их всех печалит грустная судьба
Ребенка, не забывшего обид!

Бушует в сердце девочки борьба...

Ребенку безотцовщина грозит!..

Уж за полночь. Расходятся друзья.
Гость — птица перелетная. Прости!..
Покинуть ведь хозяйке лишь нельзя
Дом, где привыкла грезить и грустить...

Пылает рассудок, и сердце в тисках...
Не спит она всю эту ночь напролет.
Откуда смущенье, и трепет, и страх?
Встревоженной мысли неровен полет...

Поэзия горе украсит венцом, —
Будь это кантата, поэма, рассказ...
От радостной ночи с печальным концом
Осталась лишь новая песня у нас:

«Коснулся луч трепещущих ветвей.
Встречая солнце, мир на миг затих.
Запели соловьи души моей —
Воспоминанья юных дней моих!

Я безмятежно сердце отдала
Забывшему те дни, как старый стих...
Любовь моя дотла меня сожгла —
Воспоминанья юных дней моих!..

Он на коне, а я пешком брожу...
Забыл ли он сиянье зорь былых?
Но жар моей души не остужу!
Воспоминанья юных дней моих...»

Мелодия долго уснуть не дает,
А ветер мотив подхватил — и поет...
Вот с дочерью рядом Айгюн прилегла.
Над городом солнца тревожный восход.

27

В ту ночь у певца были думы свои,
Он комнату мерил шагами:
«Склоняется долг перед силой любви —
Так верилось людям веками!

А может ли женщины сердце остыть
К былому, увядшему рано?
Ей время поможет обиды забыть
И вылечит жгучую рану...»

Нет, нет! Такова ли голубка его,
Чтоб чувства таить и лукавить?
Надеялся он на свое торжество:
Ей тоже борьба не легка ведь!

Вчера он признался в любви наконец,
Мечтая о будущих встречах...
«Ведь голос и музыка, — верил певец, —
Единство. Попробуй рассечь их!

К тому ж Амирхан и забыл про любовь, —
Вино ему душу неволит.
Не может Айгюн полюбить его вновь:
Ей гордость того не позволит.

Пройдет у Айгюн, непременно пройдет
Сомнений бессмысленных мука...»
(Летит, как известно, не вспять, а вперед
Стрела, оторвавшись от лука!)

Он вспомнил вчерашнего вечера свет,
И тени, и сердцебиенье,
И песню, что пел он, и взгляд, и ответ...
И желчных завистниц шипенье...

Да, правда, открыто признал он при всех,
Признал, не смущаясь нимало, —
Он любит! Какой же в том может быть грех,
Что сердце любви не скрывало? . .

И песня, как радость, наполнила груди!
В мажоре летящие ноты,
Как птицы надежды, отправились в путь
В лазурного неба высоты. . .

Но где ты, где ты, Амирхан?
Во сне ль былое повторяешь?
Очнись, вокруг тебя буря!
Очнись! Ты счастье потеряешь!

Что ж — не мальчишка, не юнец —
По жизни не идешь, а бродишь,
Пусть ты не муж, но ты отец!
Что счеты с совестью не сводишь?
В расчете с честью — и конец?

Иди туда, где был твой дом,
Дай сердцу встречей насладиться,
Узнай у дочери о том,
Как по ночам Айгюн не спится. . .

Но Амирхан, как всем чужой,
Ушел с заветного порога,
Разбитый телом и душой.
(Трудна у гордости дорога!)

Он думал: «Люди не поймут. . .
Она — высоко, точно птица,
А я живу, как все живут. . .
И между судьбами — граница.

Я столько лет преступно спал,
В способности ее не веря,
Обидной ревностью терзал. . .
А ей открыла слава двери!

Какое время! Человек
В трудах и буднях стал поэтом.
Да, буйный времени пробег
Всё изменяет в мире этом.

Отстал я... Юность пронеслась...
Мне сила духа изменила,
А в душу женщины влилась
Достойная мужчины сила.

Жены боюсь я как огня,
Хотя прощенья сердце просит.
«В мою ты славу — не в меня
Влюблен», — она мне гордо бросит.

Нет! Не вернусь! Какой позор
Ползти ужом в лавровой чаше!
Ползти и прятать мутный взор,
О жалкой доле говорящий...

Перед женою «шапку мять»?
Уж лучше смерть — петлю на шею!
Айгюн мне лучше не встречать,
Не говорить, не знать с нею!..»

28

Айгюн, дитя моей земли,
Творила, не страшась просторов.
И ноты новые легли
В оркестры лучших дирижеров.

Улькер открылся школы свет,
А это не пустяк, не малость...
Улькер гордится — восемь лет
Недавно девочке сравнялось!

Чей звонкий голос по утрам
Волшебной теплотою дышит?..
Не каждая из многих мам
Для дочки музыку напишет!

В груди Айгюн горит звезда
И сердце счастьем расцветает...

(Мне тоже радостно, когда
Мой сын стихи мои читает...)

Улькер не знала до поры
Смятенья и душевной боли
(Хоть современные дворы —
Плохой оплот семье и школе).

Что толку на отца пенять?
Айгюн ей тайн не поверяла:
Еще пора придет понять,
Что в жизни горького немало...

Чтоб не таиться без конца,
Всё Амирхана ей хвалила...
(«Пусть любит девочка отца», —
Айгюн мне как-то говорила.)

Но что такое? Брови чьи
Изогнуты как лук? И стрелы
Глаза метать готовы чьи?
И слез горячие ручьи
Бегут из глаз на фартук белый!

Не хочет голову поднять...
«Улькер! Где злиться научилась? —
Ее спрашивает мать
Всё рассказать, что с ней случилось. —

Что ж ты молчишь? Ответ скорей!
Но что с тобой, голубка, зорька?
Ах ты, мой звонкий соловей,
Скажи, о чем ты плачешь горько?»

Улькер упрямая молчит...
Айгюн дочурку обнимает,
А та притихшая стоит,
Рук от лица не отнимает.

Но сердце детское как воск:
Его теплом живым смягчайте!
Природы чудо — детский мозг,
Ласк не жалеите, расточайте!

Заговорила вдруг Улькер:
«Я после школы по аллейке
Перебегала через сквер,
Вдруг вижу — папа на скамейке!

Меня он издали узнал,
Кричит. К нему я подбежала,
А он... К себе меня прижал...
А я его поцеловала...
Сидели долго мы вдвоем,
Мне палку вырезал из ветки,

Всё спрашивал, как мы живем,
Спросил про школу, про отметки,
Потом, как маленький, притих,
Расспросы всякие оставил,

«Воспоминанья дней моих»
Три раза петь меня заставил...
Уж пожалела я, зачем
Такая песня? Всё о старом!
Ведь он расстроился совсем...
И знаешь, мама? Плакать стал он...
Спросила я его тогда:
«Что ж не живешь ты с нами вместе?»
Ответил: «Мать твоя горда,
В чести... А я теперь без чести...»

Айгюн представила на миг
Всю обстановку этой сцены,
Нахмурилась: «Как тень возник!
Не вижу в муже перемены...
Но всё же очень хорошо,
Что так он к дочери привязан,
Путь к сердцу детскому нашел...
Ведь нам ничем он не обязан!...
Улькер любовь к нему хранит...»

О, сердце доброе ребенка!
Дочь подрастет — не обвинит,
От правды не уйдет в сторонку...
И для нее настанет срок
Узнать, как сердце с сердцем спорит,
Узнать, где истины исток,
Но правда вряд ли нас поссорит!
Вину возьму я на себя.
Пока пусть будет так, как прежде:
Ребенку надо жить в надежде,
Своих родителей любя!»

.. И, ленты в косы ей вплетая,
С улыбкою сказала мать:
«Уж я упрямая такая:
Свой гнев никак мне не унять!
Не плачь, Улькер, всё обойдется,
Печаль забудется потом,
Ты не горюй, отец вернется
Отцом и мужем в этот дом!
Вода русло свое сама
Найдет в положенные сроки...
Смотри, уж свет зажгли в домах, —
Садись-ка, дочка, за уроки...»

И вот печаль уже прошла,
Просохли на щеках слезинки.
Айгюн забыть о поединке
Спешит, и тень сошла с чела...
Надежда горе обошла,
Найдя заветные тропинки.

29

Ночь. Бледный сумрак снеговой
Сгустился в улицах унылых,
Окутав город с головой...
Айгюн опять заснуть не в силах.
Настало время ей узнать,
Что сердца суд нелицемерен,
Что женщина не только мать!
Ей жребий друга был доверен...
Душа черствеет без любви,

Без теплой веры в постоянство.
И в эти тридцать лет свои
Она — одна. Зачем убранство
Жилья уютного ее? . .
И красота ее напрасна,
И поцелуев забытье
Над чистотой ее не властно! . .
Не в силах мысли отогнать,
Айгюн встает, к окну подходит. . .
Себе самой не может лгать!
Она ответа не находит
Своим стремленьям и мечтам,
Ошеломляющим и сладким,
Призывам — «догадайся сам!»
И смутным собственным догадкам;
Мечтам о голосе мужском,
О силе смелой и суровой. . .
Она способна босиком
Идти к нему, на всё готовой, —
К тому, кто встретит и прижмет
К себе горячую рукою,
Кто на груди ее заснет. . .

Айгюн, опомнись! Что с тобою?
Уж время за полночь давно;
Улькер уж спит в своей кровати;
Швыряет ветер снег в окно.
(У нас в Баку заведено —
Всегда с ветрами непорядки. . .)

Айгюн, Айгюн! . . В ее мозгу
Всё прояснил морозный воздух.
Пусть утро тушит на бегу
Застрявшие в дороге звезды,
К себе самой пусть катит ночь. . .
Пора же, право, встрепенуться,
Прогнать ночные страхи прочь. . .
Пора, Айгюн, пора проснуться. . .

И прояснился женский взор,
И мыслей плавному теченью

Сдалась. Лишь в музыке — отпор
И объясненье искушенью.

Играла, думая о том,
Как трудно женщине живется:
«Пьяна я горьким тем вином,
Что одиночеством зовется. . .
Но сердце требует тепла
И радости, а не покоя. . .
Ах, если б я сама могла
Вершить судьбу своей рукою! . .
Наверно, мне поможет тот,
Кто сердце пламенем зажжет;
Я правды от него не скрою!
Аплодисменты, славу, честь
Не назвала б я счастьем полным, —
Еще любовь на свете есть,
Ее живительные волны. . .
Пора покою предпочесть
Любви и нежности дыханье!
Мечты мои — мое страданье. . .»
Играла. Вдруг звонок, и что же?
За ночь в смятенье и в тоске —
Награда, всех наград дороже:
Письмо дрожит в ее руке! . .

«Быть может, душу вам доверив,
Я в сердце вашем не найду
Сочувствия. Но вы, измерив
Мою тоску, мою беду,
Меня простите.
Я люблю!
Лишь это мне дарует право
Так вам писать! И я молю
Меня понять, обдумав здраво. . .
Как жизнь, любовь моя сильна,
Ее целительною силой
Моя душа напоена,
И я решаюсь, друг мой милый!
Вы та, которую давно
Сама судьба моя искала. . .

Любил я прежде. . . Всё равно —
В других того недоставало,
Что я нашел, увидя вас! . . .
Любовью мой талант питая,
Со мной — сиянье ваших глаз
И ваша чистота святая!
Я не боюсь людской молвы:
Моя любовь и гордость — вы!
Во мне чужого увидеть
Вам не придется! Верным другом,
Отцом, товарищем, супругом
Я стать готов и жизнь отдать!
Наш путь один, одни стремленья,
Мы дети музыки самой —
Победы, радости, сомненья
Нам разделять одной семьей!
Нам, верно, не бывать в разлуке —
Обоим дорого одно:
Сольются песен наших звуки
В любви и верности вино! . . .»

Айгюн очей не поднимает
От жемчуга скользящих строк,
Беззвучной музыке внимает. . .
Промчался теплый ветерок. . .

«Вот чувства честные, святые,
Вот правды ясные глаза!» —
За много лет летит впервые
С ресниц счастливая слеза.
Но что же тронутой в тревоге
Струной заныло: «Не спеши!»
Тень Амирхана на пороге
Ее семьи, ее души. . .

Кто память властною рукою
Ведет к давно ушедшим дням?
К другой любви тропой другою
Кто выбрать путь мешает нам? . . .

Не знаю, сколько дней минуло,
Досуг ли мне часы считать?

И русло жизнь не повернула,
Свой ход не воротила вспять.

«Письмо я получила ваше,
И вас за прямоту хвалю.
Нет благороднее, и краше,
И чище слова, чем «люблю»...
Но что я вправе вам ответить?
Клянусь, одну себя вина,
Что даже лучшее на свете —
Любовь — уже не для меня.
Не скрою... Труден путь искусства,
Но дочь — вот свет очей моих!

Не скрою... И другие чувства
Меня томят, как всех живых, —
Хочу и я тепла иного!
Но взгляд ребенка предо мной,
Напоминающий сурово
О первой жизни, о былой...
Допустим, друг, что дни печали
Мне с вами суждено забыть,
Что мы друг другу счастье дали...
Отца ребенку заменить
Вы не смогли бы!.. А любить
Чужого — я смогу едва ли.
Не обижайтесь, ведь скажи
Я вам не так, лгала бы льстиво,
Но всё же правда лучше лжи,
Хоть правда не всегда счастлива...
Вам верным другом остаюсь
И в том поклясться не боюсь!»

30

А время всё вперед летело,
И неся слухов суховей,
Как будто есть кому-то дело
До жизни чьей-то — не своей!

Судили люди и рядили,
Никчемный поднимаю шум...

Быть может, сами не любили,
А так — болтали наобум?

Один считал прогулки ночью
Айгюн с мужчиной под луной,
А кто-то уж видал воочью
Их спящих в комнате одной. . .

Уж будто от людей скрывают
Они союз постыдный свой,
Уже себя они считают
По праву мужем и женой! . .

И, если болтовне поверить,
Кругом — обман, кругом — беда! . .
(Когда же перед сплетней двери
Захлопнут люди навсегда?)

«Какая подлость! Ложь какая!
Кто первый смел предположить?
Айгюн — я это твердо знаю —
Бесчестно не могла бы жить.
Не выйдя замуж по закону,
Не даст руки поцеловать!
Кто повод дал пустому звону
Моей Улькер позорить мать? . .» —

Так в гневе Амирхан ответил
Врагам Айгюн — своим врагам. . .
(То голос чести! Лодку ветер
Погнал к лазурным берегам!)

31

Айгюн одна сидела дома
В раздумье хмуром и немом. . .
(Мне это хорошо знакомо —
Разлад меж сердцем и умом.)

Казалось, всё обдумав здраво,
Ей Амирхан свой гнев принес,
Считая, что имеет право
На самый тщательный допрос. . .

«Скажи мне правду, не скрывая,
В тебя влюбился Алияр?
И что ж, любовь его такая,
Что и в тебе зажгла пожар?»

Не лги мне! Я сегодня гостем
К тебе пришел. Не осуди. . .»

— «Ты любопытствуешь со злости,
Иль объяснение впереди?»

— «Зачем? Не то. . . А просто больно
Мне слушать от людей, поверь,
Что ты себя уж слишком вольно
С женщиной держишь! И теперь
Я как отец Улькер обязан
За честь вступить. . . Потому. . .
Пусть я с тобой ничем не связан,
Ты — мать ребенка. . .»

— «Не пойму! . .

К чему излишние тревоги?
Улькер тебе ли опекать?
Кто на моей прямой дороге
Меня посмеет упрекать?!
Как я веду себя — известно.

И только лгун или дурак
Меня бесславит повсеместно. . .»
— «Что ж, это лучше, коли так! . .
Но мне бы Алияра речи
Послушать — живо б он притих!
Я покажу ему при встрече,
Как разрушать дома других!»
— «На твой ли дом беду обрушил
Тот Алияр, отняв покой?
Нет, свой очаг ты сам разрушил
Своей же пьяною рукой.
Того, что не сберег, жалеешь?
Семья, жена, ребенок, дом? . .
Не надо говорить о том,
На что ты права не имеешь! . .»

— «Да, я гуляка, я смутьян,
Ты, может быть, и верно судишь,
Но трезв я нынче, я не пьян!
Понятно... Алияра любишь?»
— «Любовь? Но я ее не знала
С тех пор, как врозь мы стали жить...
Я слишком, Амирхан, устала
И вновь смогу ли полюбить?..»

Боль Амирхану сердце сжала.
Что толку говорить опять?..
Чем возразить? Айгюн молчала,
Он головы не мог поднять.
Так, головы не поднимая,
Не смея ей в глаза взглянуть,
Сказал: «Судьба... Я понимаю.
Разрушенного не вернуть...»
И, продолжать не в силах боле,
Он быстро вышел за порог...
(Так одинокий ветер в поле
Летит без цели, без дорог.)
Он шел, вокруг не замечая
Людей, и улиц, и домов.
Он думал: «Вот она какая,
Моя Айгюн... Как взгляд суров!..
Загадка — женская натура.
Быть может, слово уж дала
Певцу? Что ж — у него культура...
А у меня плохи дела...»

Надежды хрупкий мотылек
Сгорел... В огонь себя увлек!

В тот час Айгюн себя бранила:
«Была я, кажется, резка?..
О, если б вновь любить! Тоска
Гнетет... Жизнь без него уныла.
Обиды трудно позабыть,
Такие горькие к тому же...
О, если б мог другим он быть!
Мне только он, другой не нужен!

Была б счастливой жизнь моя —
Без этой скачки сплетен черных
На резвых языках проворных,
Коль были б вместе он и я! . .
Ах, что об этом говорить! . .
Коль наша жизнь не получилась,
За что ж ему меня корить?
Речами вздумал покорить?
Пришел сюда! Какая «милость»!
Моя защита — я сама,
Мне хватит своего ума! . .
К тому же много лет подряд
Один — не мальчик, а мужчина —
Прожить не мог он без услад. . .»

(О ревность — всяких бед причина
Для женщин сто веков подряд!)

32

Айгюн, сестра моя родная!
Давно уж мне твой образ мил, —
Жемчужной нежностью мерца, .
Он чистотой меня пленил.
Люблю тебя, твое искусство.
И скромность женская твоя
Давно сроднила наши чувства.
(И у меня есть сыновья!)
Ты — мать. Ведь матерям прощают,
Что другу, брату не простишь. . .
А что на сердце, дочь не знает:
Не благодать, не гладь, не тишь. . .
Но в путь! Несись ветрам навстречу —
Согреешь сердце на бегу!
Я в первый раз тебе перечу
И не вмешаться не могу! . .
Поверь мне, сердце Амирхана —
«Дельца», «философа», смутьяна —
Так долго не таило б зла, —
Волна страстей его несла.
Из штормового океана
На берег он давно б ступил:

Тебе признаться он боится
И в одиночестве томится,
Не может вновь набраться сил...
Поверь, Айгюн, он изменился!
Он честно ест свой скромный хлеб,
Хоть к новой мысли пристрастился:
«Судьба всевластна, случай слеп...»
Он не смутьян и не завистник,
В нем сердце живо — не мертво,
И человеконенавистник
Не получился из него.

Давай поможем Амирхану!
Настанет для него рассвет, —
В любовь я верить не устану
И в искупленье прошлых лет.
Так пусть же он в себя поверит!
Нельзя же дать ему упасть.
Пусть он забудет все потери,
Узнав добра и света власть!

Айгюн сдалась.
За вехой веху
Считая в розысках своих,
Нашла в них горькую утеху...
Об Амирхане слух затих.
«В Баку не значится. Уехал», —
Один ответ у нас двоих.

33

И мы решили вместе с ней,
Чтобы работы не бросала,
Я сам поеду для начала:
Так будет проще и верней.

Я Амирхана не нашел
В горах. Я миновал долины,
Мугань и Миль насквозь прошел,
Проделав трудный путь и длинный.

В Мугани видел я как раз
То, что не каждому поэту
Явит природа напоказ.
«Ильгым» зовут картину эту:

Там, на Мугани, в летний день
Земли пахучей испаренья
Текут, как облако, как тень,
Через поля, через селенья. . .

Задумай тот туман догнать —
Он точно сон без четких линий;
Начнешь поближе подбегать —
Исчезнет, как мираж пустыни. . .

Наш Амирхан — такой «ильгым»!
Но я — судьбы его спаситель —
Иду, иду, иду за ним,
Искусства ревностный слугитель. . .

В конце концов попал на след
В совхозе. . .
(Помни постоянно:
Искать — твой первый долг, поэт!)
И я увидел Амирхана.

Всю ночь беседовали с ним
Простыми, теплыми словами.
И караваны звезд над нами
Проплыли по путям своим. . .

Не прибавляя ничего,
Передаю рассказ его:

«Давно я спутал счет годов. . .
Здесь агрономом был я прежде;
Врачом, наставником садов. . .
К трудам и к трудностям готов,
С душой, открытою надежде,
Я жил.

Но что мне лгать теперь?
Ведь слишком часто так бывает,
Что люди сами счастья дверь
Перед собою закрывают! . .
По выраженью старых дней,
«Ко мне закрался в душу змей»,
Меня заставил сомневаться
В простой профессии моей. . .
Я знаю — будете смеяться. . .
Я денег, денег захотел. . .
Какая страсть? Где ей предел?

(Тут я, прервав его, заметил:
Отравлен-то не только он!
Не он один на этом свете
Гнуснейшей страстью побежден.
Есть, мол, немало «звезд науки»,
Что расточили свой талант,
Протягивая к деньгам руки. . .
Вот смерти духа вариант!
Своих уж мнений не имея,
Крадут открытия других,
Живут без мысли, без идеи,
И умирает гордость в них. . .)
Да! Страсть, чужая нашим дням,
Меня от жизни оторвала,
Гнала, как щепку по волнам,
Мной, словно мячиком, играла.
Свой труд забросив, я бежал,
Метался в этой страсти темной,
Глаза от правды отвращал,
Блуждал без толку, как бездомный. . .
Гулянки, пьянки, кутежи
И сцены мерзкие порою! . .
Жизнь проложила рубежи
Между семьей моей и мною. . .
Да, я разрушил свой очаг —
Терзаюсь собственной виною!
Вчера и завтра — полный мрак. . .
Семья пренебрегала мною!
Вчера и завтра — только ночь. . .
Лишь снятся мне жена и дочь. . .»

Вдруг побледнев, он замолчал,
Потом сказал, вздохнув глубоко:
«Я снова здесь, здесь мой причал,
Здесь мне легко, хоть одиноко. . .
Мне хлеб и соль дает земля,
Я занят плодотворным делом!
Со мной сады, со мной — поля,
Доволен я своим уделом. . .

Пусть у меня таланта нет,
Пусть прожил половину жизни —
Себе я сам даю обет
Растить сады в своей отчизне!»

Минула ночь, а утром ранним
Он показал мне новый сад. . .
Красуясь легким одеяньем,
Деревца хрупкие стоят
В сиянье солнечных лучей. . .

(Я знаю, что земля поможет,
Спасет, заставит стать моложе
Того, кто руку подал ей!)

34

. . . В степи, бывало, Амирхана
Давили ночи тишиной,
Он, словно зверь в плену капкана,
Метался, раненый и злой.

Казалось, звуки доносились
Нарядных улиц, площадей,
Бульваров. Голоса людей
Переливались и струились. . .

Любитель кутежей, гулянок
Не скоро к тишине привык. . .
Стал просыпаться спозаранок,
Заслышав летушинный крик.

Сначала он работал мало,
Бродил помногу и скучал, —
Ему чего-то не хватало,
Чего — он сам не различал. . .

Но вот знакомых больше, больше, —
С людьми сходилса он легко:
В селеньях стал гостить подольше,
В колхозы ездил далеко.

Его хвалили и ругали,
Порой злословили о нем. . .
Но звал он в гости дух печали
Всё неохотней с каждым днем.

И люди шли к нему с делами,
И приохотился к делам!
В библиотеке вечерами
Его учил Мичурин сам. . .

С небес мой садовод скатился
И кверху нос не задира!ль:
Чего не знал, тому учился
У тех, кто больше повидал. . .

Он вспомнил истину о славе —
Не вспоминал ведь столько лет, —
Что в нашей трудовой державе
Героя без народа — нет!

Теперь листок простой случайно
На размышленья наводил,
Природы умысел и тайну
В нем садовод мой находил. . .

Теперь земля питала всходы,
А впереди — привольный путь,
И чистым воздухом свободы,
Как в юности, дышала грудь. . .

Дивясь ему, гордясь его удачей,
С ним вновь сошелся старый друг Неймат.

Они в беседе дружеской, горячей
Открыты и просты, как с братом брат.

(Ведь уваженья даже признак малый
Упавшего возносит высоко!)
И поверял ему солдат бывалый:
«Я одинок, живется нелегко. . .»

А наш герой жену и дочку видит,
И к сердцу подбирается тоска. . .
Но на плече его лежит рука
Товарища, что словом не обидит.

Толкуя о победах Амирхана,
Неймат от удовольствия сиял.
Когда случались промахи, изъяны,
Спокойно и толково объяснял.

Принес ему газетную страницу
С портретами колхозников села:
«Смотри, дружок! Кто были эти лица?
И как теперь земля их вознесла! . . .»

Наш Амирхан глядел не отрываясь,
Растроганный, боясь заговорить. . .
А руки, новой силой нагреваясь,
Просились в бой, чтоб чудеса творить! . .

И кто поверит, ежели поведать:
Едва заснув под робкий свет зарниц,
Он вновь спешит сады свои проведать,
Он встрепенулся раньше птиц.

Быть может, ночью поздний ветер злился? . .
А вдруг ударил холод ледяной?
И каждый ли росток вчера напился
Ему отпущенной водой?

Готов к ветрам осенним и весенним,
Так зимний агроному нипочем, —
Своим деревьям, всем своим растениям
Он стал хирургом, стал врачом.

Случалось, правда, дерево какое
Вдруг заболает — тоже не беда!
Здесь для него лекарство дорогое
Есть у садовника всегда.

А тот, хотя, как прежде, деньги тратит, —
По-новому рука его щедра:
Своим порою заработком платит
Он ради общего добра...

Мы больше обижать его не будем,
Забудем черный день его стыда.
А если он и выпьет — не осудим:
Ведь выпить надо иногда!..

Уже с тех пор прошли три долгих года.
Растут, цветут его сады,
Растут, цветут для моего народа,
Приносят щедрые плоды.

Айва и груша с яблоками вместе
На дереве одном цветут!
Что сладостней, сочней — ответь по чести, —
Чем желтый персик, черный тут?

(Мугань, Мугань — богатая земля!
Здесь круглый год бушуют всходы,
Здесь круглый год зеленые поля
Хранимы добротой природы.

Реки Аракса воду вдоволь пьет
Клубника алая степная,
И в славе от нее не отстают
Люцерна — украшенья края.

Милы, добры муганские плоды:
В них сладость дивная такая,
Что им теперь завидуют сады
Моей Гянджи и Геокчая...)

И Амирхан дары садов прекрасных,
Взлелеянных его трудом,

Нередко посылал — и не напрасно —
Своей семье, в далекий дом. . .

Назвали «садом Амирхана»
Взращенный им чудесный сад.
Любовь людей — садам охрана. . .
(Я, автор, за героев рад!)

А мой герой — он автор сада!
Прославлен авторский талант!
Признать самим поэтам надо,
Что сад — зеленый фолиант. . .

Закон древнейший в мире есть:
В труде берет начало доблесть.
Трудом лишь завоюешь честь,
Борцам-гигантам уподобясь!

Как часто в сердце, в тесноте
Таится мужество полета!
Мечи могучие — и те
Ржавеют в ножнах без работы.

Со мной случалось: месяц, два
Я не пишу стихов. И что же?
Уныло никнет голова,
Душа найти себя не может. . .

Бездумью тысяча примет. . .
И сомневаться начинаю:
Ужели точно я — поэт?
Кому я нужен — сам не знаю!

Но стоит в стройные ряды
Строкам построиться, как снова
Мне кажется: цветут сады
Под солнцем неба голубого! . .

Сам Амирхан не ожидал
И самому себе не верил,
Что равен тем, о ком читал,
Чьи жизни мерой славы мерил!

Он сокам солнечным земли
Не дал лирических названий,
Но саженцы его цвели
Теперь уже по всей Мугами!

35

В один из дней на имя агронома
Пришел пакет. На нем сургуч, печать.
Что ж, Амирхану «честь» уже знакома
Из министерства письма получать...

Но что это? Глазам своим не верит:
Ему, чтоб пост ответственный занять,
Сады оставить? Чем-то прошлым веет...
В Баку приехать и дела принять?

Ответа ждут, теперь за ним решение...
Но что ответить? Как решить вопрос?
И новых чувств пошло круговращенье:
«Нет, мне не нужен в министерстве пост!
Я здесь познал любовь и уваженье
Простых людей. Пусть жребий мой суров,
Но заменило мне садов цветенье
Тепло семьи, уютной жизни кров...
Здесь для меня зажегся утра свет...»

И в министерство он послал ответ:
«Благодарю начальство за вниманье
К моей судьбе. Но мне и не поднять
Высоких дел. Простите за признанье,
Что предложенье не могу принять...
Я от земли не мог бы оторваться;
Сады совхоза — цель трудов моих,
Со мной деревьям трудно расставаться,
А мне прожить немислимо без них...
Пока здоров, не знаю страхов мнимых.
Число садов растет день ото дня...
У нас ведь нет людей незаменимых,
И город обойдется без меня».

Однажды эта новость, точно птица,
Айгюн коснулась праздничным крылом...
«Не мог мой Амирхан не излечиться,
Теперь он мой. И счастлив этот дом!»

36

...И вот на этот мирный дом
Письмо обрушилось как гром:

«Улькер, дитя мое родное,
Пишу, как в дальние края.
Я тяжело болен и не скрою —
Близка, быть может, смерть моя...
Но мать, я знаю, не захочет,
Чтоб мог я повидать тебя:
Я виноват пред нею очень,
Ей не могу писать, любя...»

Ты за меня проси прощенья!
Простит ли мать мою вину?
Мне ж перед смертью утешенье —
Увидеть дочку и жену...»

Айгюн сама прочла и скрыла
От дочери слова отца.
Но душу боль испепелила,
И сердце ноет без конца...

И тем же вечером, как птицы,
Вдаль устремились из столицы...
Летел состав, леса пугая...

Но это уж глава другая.

37

Вот ночь в степи. Электропровод
Зажег гирлянды фонарей.
«Да это ж город! целый город!

481

Асфальт, огни...
Идем скорей!»

Дома! И окон вереницы
Сияют пламенным стеклом...
Как мог совхоз преобразиться!..
Как изменилось всё кругом!

«Товарищ! Где же здесь больница?»
— «Сюда, направо, за углом.
Вон там, за «Амирхана садом»,
С десятилеткой школой рядом...»

«„Сад Амирхана“? Как сказал он?»
И словно юная заря
В душу Айгюн в сиянье алом
Вернулась, гордостью горя...»

И вот они уж видят сами
Его зеленое дитя.
Уже встают перед глазами
Деревья стройными рядами,
Листою буйной шелестя...

Улькер не в силах оторваться
От свежей прелести...
«Быстрой!
Сейчас не время любоваться...»
Они на месте... у дверей.

Какая тишь стоит в палате,
Где жизнь ведет со смертью бой...
Вот бледной тенью на кровати —
Отец и муж перед тобой...

Айгюн печальных глаз не сводит
С его поблекшего лица,
Улькер неловко, тихо водит
Рукой по волосам отца...

Как не назвать такого «тенью»;
Дыханье слышится едва...

Жар сердца слабому биению
Давно уж уступил права...

Но жизнь — она всего дороже —
Его покинуть не могла.
(Он глаз еще открыть не может,
Пред ним стеной ночная мгла...)

Но сквозь беспмятство больное,
Сквозь ночь сознания, сквозь туман
Дыханье чувствует родное
С собою рядом Амирхан
И слово ласковое «джан»...

(О, голос ласковый и милый!
Он мужество нам придает,
Нас в бой, и в бурю, и в полет
Ведет, даря чудесной силой!)

Но к цели движемся не прямо...
Судьба настигла на бегу
Стремленье жизни... Телеграмма
Пришла сегодня из Баку:

«Вас выехать немедля просят
В Москву...»
На сборы только ночь?
Но как же Амирхана бросить?
Кому и где оставить дочь?

Опять в душе Айгюн смятенье,
В глазах темно, тоска в груди.
Решений сложное сплетенье
Легло ей поперек пути...

Поцеловала Амирхана...
Перед отъездом вышла в сад,
Зеленых листьев аромат,
Прижавшись к ним лицом, вдыхала.

Улькер с отцом на десять дней
Осталась. И жила в больнице,

Спасибо старой фельдшерице:
Как мать, заботилась о ней!

И вот настал счастливый час.
За много суток в первый раз
Пришел в сознание Амирхан.
И слезы радости из глаз
Катились по худым щекам...
Увидел и к себе прижал
Улькер. Три года не видал!..

Осенний вечер над Москвой.
Зажег огни Колонный зал.
Оркестр грозой своей морской
Меня совсем околдовал.

И тут же сотни москвичей
Оркестром заморожены,
Снопом невидимых лучей
Сердца для счастья зажжены!

Сверкает вечер ярким днем,
А зал величественный тих.
Но дирижер грозу и гром
Выводит из пучин морских... .

О, сколько увлекло друзей
Искусство, рвущееся ввысь!
Искусство родины моей,
Перед которым — расступись!

Я, точно мальчик, присмирив,
Слежу за голосами струн:
Пой, Алияр! Звучи напев
Прекрасной музыки Айгюн!

«Я певец, в весну влюбленный,
Я рожден весной самой
И тебе, мой край зеленый,
Посвящаю голос мой!

Парки славятся гвоздикой,
Степи — рожью золотой!
Я тебе, народ великий,
Посвящаю голос мой!

Пусть свободные народы
Станут дружною семьей,
Песне братства и свободы
Посвящаю голос мой!

Расцветай, моя отчизна,
Под счастливою звездой!
Я победе коммунизма
Посвящаю голос мой!»

Рукоплесканья братских рук!
Прибой у скал и тот слабей. . .
Вся сцена точно майский луг,
Цветы как стаи голубей.

Не отпускал певца народ.
Айгюн не находила слов.
И сердце, улетев вперед,
Как бы коснулось облаков. . .

Счастливый голос ночи той
Волнами уплывал в эфир,
И вместе с нашею Москвой
Ему внимал огромный мир.

Пекин, Калькутта, Ленинград
Приветствовали голос наш,
Прекрасный Киев и Багдад
Туманно-белый, как мираж,
И волн Атлантики раскат,
И Дарданеллы, и Сиваш. . .

Под сенью пальмы вековой
Вздыхал о вольности араб,
И где-то плакал над собой
Закабаленный, нищий раб.

Казалось, Индия, Вьетнам
Через хребты, через моря
Пришли на этот праздник к нам,
«Москва» с улыбкой говоря.

Был Алияра каждый взгляд
Айгюн понятен и без слов:
Сердца безмолвно говорят —
Обычай у сердец таков. . .

Уже давно сердечных тем
Ни композитор, ни певец
И не касались.
Между тем
Разговорились наконец. . .

Вдвоем идут они, вдвоем,
Гуляя над Москвой-рекой,
И счастья полный водоем —
Душа Айгюн. . . Но где покой?
Пылают щеки, яркo взгляд. . .
Глаза что синий водопад,
Так искрометною волной —
Беззвучно пусть — но говорят!
Всё ясно.
Радостная весть
Пришла в Москву от докторов.
Всё просто.
Телеграмма есть
О том, что Амирхан здоров!

И Алияр сказал, смутясь:
«Айгюн, мне честь моя — броня,
О чем бы речь не повелась. . .
Но вы не любите меня?
И не любили никогда?
Ведь это так, скажите?»

— «Да.

Вы, Алияр, всегда правы. . .
Я с вами искренне дружу,

Большой любви достойны вы,
Я чувством вашим дорожу!
Но мне уже за тридцать лет!
Была нелегкой жизнь моя.
И женской верности обет
Нарушить не смогла бы я».

— «Но странно ведь звучат сейчас
Слова монахини, клянусь!
Такая ль жизнь достойна вас?
Я не пойму. . . Лишь преклонюсь. . .»
— «Нет, Алияр, своей судьбой
Довольна я теперь вполне:

Ведь Амирхан теперь иной!
Свою вину передо мной
Он искупил. К нему женой,
Подругой верною вернусь. . .
Всё для меня как в чудном сне! . . .»

Потупясь, Алияр стоит —
Лицо холодный ветер жжет, —
Печально на воду глядит,
Где волны водят хоровод.

(Айгюн не осуждаю я.
Артиста сердце не замрет,
Потерпит — убеждаю я, —
Придет любви его черед.
Кто тверд — так утверждаю я, —
Того любовь сама найдет!)

Он повернулся и взглянул
В глаза Айгюн в последний раз,
И взгляд прощальный потонул
Во взгляде чистом, как алмаз.

Ее он руку взял в свою.
О, как рука ее тепла!
Поцеловал. Не утаю:
Она руки не отняла.

Так благородство наших чувств
В других сердцах рождает свет!
И это краше всех побед,
Превыше всех земных искусств!

38

Довольно по путям разлук
Нам разъезжать, читатель мой!

Смертельный одолев недуг,
Вполне поправился больной.
Друзья не покладая рук
Трудились с огоньком, с душой,
В садах взлелеяли плоды:
В содружестве с землей родной
Его продолжили труды!
Так встретил осень край степной. . .

Он вспоминал Айгюн с тоскою.
И днем и ночью над рекою
Бродил и думал о своем. . .
Тревога бушевала в нем.

Себя вопросами терзал он:
О, для чего так долго спал он?
И почему да отчего
Айгюн не дождалась его?

Она, быть может, сомневалась,
Не веря в жизни торжество?
Бродил. . . И сердце разрывалось!
Она влюбилась. . . И в кого?
Ему с артистом изменила
Его Айгюн, его жена,
Искусство их соединило. . .
«О да! Наказан я сполна!»

(Эй вы, пустые огорченья,
Летите прочь, летите прочь!
Пусть смоем светлое теченье
Тревогу черную, как ночь!)

За книгой на своем диване
Сидит угрюмо агроном.
И вдруг он видит, как в тумане:
Кто? — Алияр заходит в дом.

Судите, как хозяин встретил
Приход соперника к нему:
«Зачем приехал, не пойму! . . .»
Взор Алияра чист и светел:

«Ну, разве так встречают гостя?
Меня вам не за что корить».
— «Мы с вами незнакомы. . .»

— «Бросьте!

О важном буду говорить. . .
И вы не думайте дурного. . .»
— «Что ж, познакомимся! Салям!»
— «Мое же имя вам не ново? . . .»
— «Садитесь. Не стоять же нам. . .»

— «Я вам хочу сказать, как другу,
Что вашу защищать супругу
Я к вам приехал, не тая,
Что в этом миссия моя.
Айгюн в плену своей свободы
Считает месяцы и годы. . .»

Тут Амирхан приподнял бровь:
«В плену свободы? Почему же? . . .
Ведь с ней у вас роман! Любовь!
И вы ей стали как бы. . . мужем. . .»

— «Нет, нет! Всё это сплетен дым!
Айгюн любил я — это правда,
Но ею не был я любим
Нисколько. . . Ни вчера, ни завтра. . .»

Я вам признаюсь: я мечтал,
Что и она меня полюбит.
Томился. . . Но умнее стал.

Она правдива. Прямо рубит:
«Мой друг! Обет другому дан.
Моя любовь — мой Амирхан. . .»
Мне не поверить — ваше право,
Прочтите же письмо одно:
Айгюн писала не лукаво
Мне самому в ответ. . . Оно
Откроет всё. . . Поймешь, читая,
Что значит чистота святая. . .»

Читает Амирхан. . . Слезами
Полны глаза. И вот с листа
Встает перед его глазами
Айгюн — прекрасна и чиста!

Нет, Алира он не судит:
«Мой гость, вчера соперник мой,
Сегодня — друг! . . Какие люди,
С душою чистой и прямой!»

Встают. И руки жмут друг другу,
Как братья, повстречавшись вновь.
(Так покоряют сердце друга
Мужская верность и любовь!)

«Я всюду слышал, — говорят,
Что есть у вас прекрасный сад?
Быть может, другу из Баку
Его покажете?»

— «Могу!

К нему я несколько причастен. . .
Дорогу гостю! В сад — так в сад!»
Душа, обласканная счастьем,
Запела в нем на новый лад. . .

«Ну вот и он, мой сад хваленый!
Смотри, любуйся, дорогой!»
Под золотистой луной
Пред Алиром — сад зеленый. . .

Но ты, садовник изумленный,
Но ты что скажешь, маловер?

В саду — не сон, а в самом деле —
Давно уж притаясь сидели
Твоя Айгюн, твоя Улькер!

Ты одолел страстей науку,
Тебя твой труд преображал,
И каждый новый день разлуку
К счастливой жизни приближал! . .

Бушуют ветви. . . Теплый ветер. . .
(Да, можно — если угадать,
Что чувство истинное встретил, —
Таланты чувств на этом свете
И не на сцене увидеть!)

Улькер кричит. . .
И к Амирхану
На грудь бросается она. . .
Айгюн описывать не стану —
Стоит, от радости бледна.

Смущен и слез не унимает
Наш Амирхан:
«А всё же. . . сон! . . .»
Смеясь и плача, обнимает
Семью вернувшуюся он. . .

Мы их оставим у порога
Счастливой жизни. Им — туда!
И предо мной опять дорога
Мечты, раздумий и труда. . .

1950—1951

122. ЗНАМЕНОСЕЦ ВЕКА

*Тысячелетия в оковах чахла
Жизнь человека, разум и любовь!
Смерть ликовала. Издевался нагло
Свирепый мир хозяев и рабов.*

ПРОЛОГ

Жрецы, султаны, кесари и шахи
Прошли по нашим скованным телам.
Сердца нам раздирали пополам
И шли по нашим скованным телам.

Молись, покорствуй, почитай, что свято!
Есть где-то рай, но есть и страшный ад.
Ты вечный раб и узник шариата,
Склони же долу потускневший взгляд. . .

А где-то сорок сороков трезвонят,
И сушит мозг потусторонний бред.
А где-то смертных на молитву гонят,
К небытию зовет их минарет.

Любовь грешна. Для сердца нет отрады.
В слезах Меджнун. В отчаянье Лейли.
Повсюду частоколы и ограды.
Закон грызет, как червь ползет в пыли.

Там пирамиды, тут сторукий Будда.
Они людских не слышат голосов.
Все боги, все священники как будто
Людское сердце взяли на засов.

И крылья мысли светлой и воздушной
Бессильно в землю врезались навек.
Безжизненный, бессмысленный, недужный,
В цепях плетется к смерти человек.

Шли божества над миром — сотни сотен
Воспетых в гимнах, в сказках для детей.
Но связан был с землей и был свободен
Отважный сын Фемиды — Прометей.

Украл он у Зевеса-громовержца
Живой огонь и людям дал его,
Любовью пламенеющего сердца
Хотел согреть живое существо.

Он повелел, чтоб стрелы мирных молний
Спустились наземь в ласковых лучах,
Благим огнем пещерный мрак наполнил,
И вспыхнул человеческий очаг.

Тираноборца боги невзлюбили,
И вынесли жестокий приговор,
И ржавыми цепями пригвоздили
Мятежника среди кавказских гор.

В груди его заледенела вьюга,
Дрожал Кавказ от голоса его.
Остался он без спутника, без друга.
И было всё безлюдно и мертво.
И тяжесть тысячелетнего недуга
Легла бессмертьем на плечи его.

Но что могло сломить сопротивление
И гордость Прометеева чела?
Прошли тысячелетья без числа.
Сменялось поколеньем поколеньем.
Он ждал свободы. С ним земля ждала.

Он всматривался в сумрак, и метался,
И тщетно расточал свою любовь.
Жизнь Прометея кончилась. Остался
Свирепый мир хозяев и рабов.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Мы шли года и сотни лет подряд, —
Мы, наше имя — Пролетариат!*

Рожденные в лачуге иль в подвале,
На мрак, а не на свет обречены,
Еще и слов людских мы не знавали,
Но с колыбели в муках изнывали.
И только стоны были нам слышны.
И были мы на мрак обречены.

Мальчишкам иль девчонкам — кто бы
ни был, —

А то и близнецам — грозит беда.
Всех этих бедных крошек череда
Узнает голод, нищенство и гибель,
Рахит, чахотку в ранние года.
В могиле мать. Отец без вести выбыл.

Оторванный от материнской груди,
Не вскормленный родимым молоком,
Любой из нас, едва он вышел в люди,
С одною нищетою был знаком.

А дальше что? Нужда, сиротство, голод —
Вот спутники твои, так повелось.
И будь ты трижды жив и трижды молод,
Тоска в груди да право горьких слез —
Вот спутники твои, так повелось.

Худым быком, сохой деревянной
Вписали деда в землю скорбь свою.
Их волосы седели слишком рано.
Гроза и дождь грозили их жилью.
Они вписали в землю скорбь свою.

Помещики нас избивали плетью.
В домах нет хлеба, на току — зерна:
Глухонемыми были мы столетья.
Пройдет зима, за ней пройдет весна —
В домах нет хлеба, на току — зерна.

Ташилась к смерти череда глухая.
Лихая ноша гнула нам хребет.
А господа, в чертогах отдыхая,
Наш пот кровавый пили, как шербет.
И снова ноша гнула нам хребет.

*

Огромен этот мир. Для нашей пашни
Людская власть и дюйма не дала.
Таков закон — звучит припев всегдашний,
Когда соху отнимут иль вола.

Калечили, пытали, избивали
По тюрьмам, по задворкам городским.
И сила рук, и сила дарований
По фабрикам пошла и мастерским.
Мы силу рук за деньги продавали,
Чтобы хоть дети выросли в подвале.

Мы строили заводы, города,
Как медь расплавясь в зареве багровом.
Зловещий дым сопровождал всегда
Наш день и нашу ночь под звездным кровом.
Меж тем как обрастали господа
Блестящим жиром, мрамором дворцовым,
Нас сторожила на земле беда,
Душила нас объятием свинцовым.

Калечили нас фрезеры и пилы,
Живьем сжигали в жерлах всех печей.
Мы воздвигали всех веков стропила,
Но не остались в памяти ничьей.

Росли машин железные сцепленья.
Чем больше их, тем меньше хлеба нам.
Так шли в ничто и гибли поколенья.
Нет солнца нам, не видно неба нам.
Все искры всех кузнечных наковален
У нас в глазах остались и горят.
Нас в прошлом веке чернью называли.
Но наше имя — Пролетариат.

Молчать нельзя! И мы не промолчали,
 Меч из ножен однажды обнажив,
 Бессильные и робкие вначале,
 Мы крикнули: «Откликнитесь, кто жив!»

По площадям, по перекресткам улиц,
 Восставшие, мы знамя пронесли.
 Мы бесконечным строем развернулись,
 В крови, в лохмотьях, в пламени, в пыли,
 Мы шли года и сотни лет подряд, —
 Мы, наше имя — Пролетариат!

Сапожник Пьер Тренго был коммунаром,
 Когда в Париже, в предрассветный час,
 Впервые встал в самозабвенье яром
 Над бандой торгашей рабочий класс.

Варлен, и Делеклюз, и сотни сотен
 Рабочих с красным стягом вышли в бой.
 Их лозунг прост, и прям, и благороден:
 «Мы в правой битве жертвуем собой.
 В огне погибнет, может быть, Коммуна.
 Но знаем мы в рассветный час кануна,
 Что после нас не кончен правый бой».
 Расстрелян был Тренго среди собратьев,
 И у стены, отваги не утратив,
 Сказал он: «Я бестрепетно паду.
 Я жил и вырос рядом с баррикадой.
 Прощаясь с жизнью, пожалуй мне надо,
 Что я не с баррикады в смерть иду. . .»

И скрылся в тучах призрак революций,
 Бродивший по Европе в те года.
 Рыдает время. Реки крови льются.
 История учена и седа.

*

И снова в неисчерпном становленьи,
Как волны, как зеленая трава,
Рождались мы. Рождались поколенья,
И жажда жизни в нас была жива.

Нам нет конца. Живые волны льются.
Мечты отважно в будущем парят.
Жить! Вечно жить! Усилились стократ
Мы, рядовые славных революций, —
Мы, наше имя — Пролетариат.

ВТОРАЯ ГЛАВА

*Рабочие, крестьяне и солдаты
Сломали мир хозяев и рабов.
Им Ленин дал и ярость, и любовь
И путь открыл. И с этой славной даты
Разрушен мир хозяев и рабов.*

На ранних зорях будущего века
Маркс огневые буквы начертал,
И, как призыв к отваге человека,
Он создал «Манифест» и «Капитал».
Раскрыл глаза нам, воспитал сознание
И поручил нам дело созидания.

Расплылся в ясных солнечных лучах
Туманный сумрак Гегеля и Беркли. . .
Кладбищенские призраки померкли.
Бесплотный дух святителей зачах.
Мы точным нашим знанием опровергли
Небесный рай в иконах и свечах.

Нам матерью родной была природа,
А власть богов была, как смерть, мертва.
Поэзия, и разум, и свобода
Не выдумка, не тщетные слова,
А хлебный колос на земле народа! . .

И мы росли, мужая год от года,
Как волны, как зеленая трава.
Мы шли вперед, чтобы добыть народу
Все революционные права.

*

Вот русская земля — леса и степи,
В снегу деревни, в дыме города, —
Она проснулась, разбивая цепи
Самодержавной власти навсегда.
И от Кавказа до Сибири снежной
На голос Ленина, на клич мятежный
Шли половодьем армии труда.

Но были мы одни в огромном мире,
Ни помощи, ни света не нашли.
Враги восстанье наше разгромили,
Пытаясь нас стереть с лица земли.
Но мы не захлебнулись в лютой муке,
И в кандалах мы простирали руки
К свободе, к жизни. Мы как волны шли. . .

*

Далекий день возник передо мною:
Шесть лет прошло, как век наш родился.
Байкал. Мороз. Молчанье ледяное.
Погаснет солнце через полчаса.
Не тени к фонарям метнулись тусклым
Под хлесткой плетью вьюги снеговой —
Шесть человек встают под небом русским,
Шесть храбрецов конец встречают свой.

Шесть коммунистов встали перед взводом.
Ни вдоха, ни отчаянья, ни слез.
Шести сердцам под мгlistым небосводом
В последний раз забиться привелось.

Спокойным шагом, верный сын народа,
Иван Васильич Бабушкин прошел.
Он жил всего тридцать четыре года,

Но шаг его так грозен и тяжел.
Так лоб изрыт морщин глубоких сетью,
Как будто он все книги всех столетий
В теченье краткой жизни перечел. . .
И вспомнил он о родине любимой,
И сердце бьется непоколебимо, —
Он знает, что прекрасный путь прошел!

В последний раз он посмотрел на землю,
На облака, на ледяной Байкал.
Проснулась жизнь, его дыханью внемля,
И свет от глаз лучистых засверкал.

И в сердце у него встают, как волны,
Все люди, все живые существа.
И, присягая знамени безмолвно,
Он знает, что история жива!

Вот шестеро идут. Вот застывает
Пар изо рта, метелью продышав.
Свинцовый воздух в горле застрекает.
Но шестеро идут. И грозный шаг,
Как грозный гул восстанья, назревает,
И в царских отдается он ушах. . .

Вот шесть живых — шесть кряжей снеговых,
Шесть человек — шесть полноводных рек.
Идут на казнь без трепета в груди,
И Бабушкин — как знамя — впереди!

И зеленея и желтея в страхе,
Заботкин, царский офицер в папахе,
Беснуется, выказывая прыть.
Он от усердья весел и неистов.
Он для шести мятежных коммунистов
Солдатам приказал могилу рыть.
И те глядят на офицера молча.
И раздается хриплый голос волчий,
И произнесена команда: «Пли!»
Задумались солдаты на секунду:
У них в глазах тревога брезжит скудно.
Вновь офицер командует им: «Пли!»

Да он совсем охрип от ночи вьюжной. . .
И вскинуты винтовки так недружно,
И так бессильно пули в снег легли. . .

То ли слепит глаза солдатам ветер,
То ли их пальцы стужею свело,
То ли фонарь на станции не светел,
А может быть, еще не рассвело?

Взгляд шестерых пронзал ночное небо
И пелену полуночного снега.
И взгляд их выражал не боль, не страх,
Он говорил: «Пусть наша кровь прольется,
Она и в вашем сердце так же бьется.
Наш смертный враг — и вам он тоже враг».

Заботкин крикнул «пли», и по приказу
Вновь вскинуты винтовки, да не сразу.
Вновь грянул залп «за веру, за царя»
Недружно, и нескладно, и нелепо. . .
Минут пятнадцать длился тот свирепый
Дастан о смерти, пировавшей зря.
Не знала смерть, что кровь шести казненных
В другое время, среди трав зеленых
Взойдет, цветами алыми горя. . .
В ту ночь, когда в сибирской лютой стуже
Кровь пролилась, шесть звезд померкло тут же,
Но загорелась все-таки заря.
В ту злую ночь январскую известье
В Санкт-Петербург летело с вьюгой вместе,
И крепок был спокойный сон царя. . .

А Ленин так и не уснул до света,
Пока всей страшной правды не узнал.
Пять лет прошло, — про злодеянье это
С горячим гневом Ленин рассказал:
«Когда бы не росли такие люди,
Как Бабушкин, — в холопстве, и бессудьи
Народ России вечно б изнывал».

*

Мы продолжали жить растущей мощью,
Как волны, как зеленая трава.
О светлом дне мечтали черной ночью,
Но солнце насыщало нас едва.
А жизнь была не точка — многоточье,
Так жажда жизни в нас была жива,
Так жаждал жизни молодой рабочий,
Так ждал борьбы, победы, торжества.

От наших грозных криков: «Дайте хлеба!» —
Тряслась громада Зимнего дворца,
Царь прятался, и, покидая небо,
Сгорали боги в нимбах багреца.

Потоки нашей крови непрестанно
Шатали тюрьмы, раздвигали тьму.
Живые строки нашего дастана
Понятны человечеству всему.

В дастане том, в любой главе обширной
Моей страны горящий почерк есть.
Пока летит земля стезей эфирной,
Ты можешь эти строки перечесть:
Останется в истории всемирной
Число народной славы — Двадцать Шесть.

*

Сто раз трава зеленая завяла,
Сто раз сгущались тучи, нам грозя.
Но солнце землю светом заливало.
Смотрели в завтра Ленина глаза.
В Сибири, в ссылке, в стуже небывалой
Сто погибало — тысяча вставала!

Как буревестник с выси небосвода
Бросается на грозный вал морской,
Так осенью семнадцатого года
На штурм земли и неба шла свобода,
На битву поднимался род людской.

Настал Октябрь семнадцатого года.
По улицам шли толпы без числа.
И Партия шла впереди народа
И наше Знамя Красное несла.

И бросил лозунг всей России Ленин:
«Для нас подобно смерти промедленья!»
И грянул гром «Авроры» над Невой.
Народ, ты поднял гневный голос свой:

«Здесь, в Питере, рабочий сбросит иго,
Великий совершив переворот.
Здесь Лениным написанная книга
Планету нашу к счастью поведет!»

И лили сталь для пушечных снарядов
В путиловских литейных старики.
И командиры боевых отрядов
Шли с песней в бой, отважны и крепки.
Когда же солнце встало над Россией,
Зажмурились, попрятались иные,
На мрак надеясь, солнцу вопреки. . .

Тряслись низкопоклонники Европы,
Им ненавистен был рабочий класс.
Та банда Марксом некогда клялась,
Но только ярость самой низкой пробы
Она швырнула на рабочий класс.
Тряслись министры. В недрах их утробы
Урчало: «Господи, помилуй нас!»
Тряслись «социалисты» мелкой пробы,
Что в руки власть берет рабочий класс.

То был Ноябрь семнадцатого года.
Шли к Смольному солдаты без числа.
И Партия шла впереди народа
И наше Знамя Красное несла.

Рабочие, крестьяне и солдаты
Сломали мир хозяев и рабов.
Им Ленин дал и ярость и любовь
И путь открыл. И с этой славной даты
Разрушен мир хозяев и рабов.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Мы продолжали жить и возмужали,
А время только мчалось нам вослед.
И с каждым годом, что мы провожали,
Мы обгоняли время на сто лет.*

Разрушен! Но и в судороге смертной,
Отчаяньем и злобой обуян,
Он шел на нас всей шатией несметной
Разбитых фабрикантов и дворян.

Кулацкие последыши недаром
Хлеб зерновой сжигали в закромах.
И тем сильнее в самозабвенье яром
Был наш ответ, наш праведный размах.

Босые, полуголые, без хлеба,
Мы грелись жаром гнева и любви.
Снег сыпался с безжалостного неба
И таял в человеческой крови.

Наш враг жирел от крови и, зверея
Несчитанными сотнями смертей,
На наших пепелищах руки грея,
Расстреливал старух, душил детей.

Высок наш подвиг на путях кремнистых, —
Мы помним всё, мы помним о другом —

О комсомольцах и о коммунистах,
Сожженных и замученных врагом.

Косил сypняк, косил свинец в окопе.
В любой душе утраты жгучий след.
До сей поры не меркнет память, копит
Железный счет давно минувших лет.

Четырнадцать нас армий обложили,
Душили нас тупым кольцом блокад.
Мы не сдались. Мы выжили. Мы жили.
Нас пушечный не оглушил раскат.
Мы нашей правде до конца служили,
Мы штурмовали небо с баррикад!

Мы шли сквозь пламя и сквозь дым пожарищ,
Сквозь вьюгу и сквозь орудийный шквал.
И падающий впереди товарищ
«За власть Советов!» — крикнуть успевал.

Глаз не сомкнув в течение долгой ночи,
Ждал Ленин срочных телеграмм с фронтов.
На Волге, в самом грозном средоточье,
Был Киров на последний бой готов.

Наш натиск нарастал. И всё теснее
Казался мир для белого зверья.
Шла Партия со знаменем. И с нею
Шел весь народ. И, над землей горя,
Росла, цвела победная заря!

А интервенты гибли, задыхаясь,
Четырнадцать держав текли назад,
Всё по дороге превращая в хаос,
В огонь, и пепел, и в кромешный ад.

Враг погибал, но в судороге смертной
Еще мечтал, что завтра обновит
Потрепанную силу, и усердно
Враг принимал иной, учтивый вид.

Враг ненависть припрятал и, живучий,
С оружием смертельным под полой,
Терпел и выжидал — на всякий случай —
Не брезгуя ни сумраком, ни мглой.

Сто раз готовый клясться нашей жизнью,
К людским сердцам дорогу он искал.
Он сытно ел и пил у нас в отчизне,
И подсыпал отраву в наш бокал.

Сто раз менял фамилии и маски.
Раздобывал фальшивый партбилет.
И столько раз он избегал огласки
И прятался от правды столько лет!

Вор, взяточник — как ни был он неистов, —
Но выглядел ягненком иногда,
И, тайно клеветца на коммунистов,
В своей личине прятался года!

*

Но есть закон в огромном мире этом,
Что, как бы подлость ни была подла,
Всё ж перед солнцем, перед ярким светом
Должна исчезнуть всяческая мгла:
Всем темным силам, всем глухим клеветам
Да будет наша бдительность ответом, —
Она нам зренье острое дала!

Подлец раздавлен. Вот он, на коленях.
Но нет! Последней, смертной лжи не верь!
В слезах, в паденье, в жалостных молениях
Как он себя ни обнажи, — не верь!

Той жгучей раны, что тебе нанес он,
Не забывай, она еще болит.
Да будет суд наш справедлив и грозен, —
Так совесть человечества велит!

Мы продолжали жить и возмужали,
 А время только мчалось нам вослед.
 И с каждым годом, что мы провожали,
 Мы обгоняли время на сто лет.

Горды трудом и трудовой славой,
 Мы продолжали к счастью полет,
 Не уклонялись влево мы, ни вправо,
 Смотря глазами Ленина вперед!

Народам, что судьбу свою связали,
 Миллионам рук, что серп и молот взяли,
 Ты знаменосцем, Партия, была!
 Ты в нас вдохнула мощь и благородство,
 Тебя благодарю я за народ свой, —
 Ты ясный лозунг каждому дала!

То рядовой, то полководец мудрый,
 То инженер над чертежом машин,
 Ты юность революции, ты утро,
 Ты взлет мечты над гребнями вершин.

Ты — как художник, чьи картины стали
 Красивейшим из всех земных убранств.
 Ты — как мудрец, чьи мысли заблистали
 Светлей и шире мировых пространств.

Ты — как поэт, чьи мощные поэмы
 Все люди, словно песню, затвердят.
 Твои глаза — и это знаем все мы —
 В далекое грядущее глядят!

Твоей мечты источник животворный
 Сулит нам новый, полный счастья век.
 Ты прорубаешь путь в теснине горной,
 В пустыне прорываешь поймы рек.

И снова молодое поколение
 Из края в край идет вслед за тобой,
 Осуществляя времени веленье.

И тот, кто чист и честен пред тобой,
Не поникает гордой головой!

В любом углу страны, в любом селенье,
На волнах, в бездне неба голубой
Клянемся мы тебе, склонив колени
Пред знаменем твоим, зовущим в бой!

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*Прошли года, не зная замедленья.
У нас в сердцах их легендарный след,
На всем краснознаменном поколенья
Ты узнаешь черты великих лет.
На всех на нас их легендарный след.*

Росли ребята, юноши старели,
И время старше стало и мудрей.
Земною славой небеса горели,
И в сказках, и в поэмах тесно ей.
И время старше стало и мудрей.

И каждый год, хоть он и не вернется,
Он вечен как создание наших рук,
Он в верности грядущему клянется,
Он песнями звучит, как верный друг.
Он вечен как создание наших рук.

Не на перинах нежились, жирея.
Не опочив на лаврах ни на миг,
Мы к старости становимся мудрее,
Как главы жизнью сочиненных книг.
Сухую степь дождями изменяя,
Меняя карту целых областей,
Мы жили, чтобы молодость земная
Не гибла от безвременных смертей.

Из камня, из песчаника простого
Мы строили волшебные дворцы,

Проснувшись раньше утра золотого,
На вахту мы вставали, как бойцы,
Искали нефть и скважины бурили
В объятьях шторма, среди волн морских,
В пустыне жизнь цветущую творили,
Растили новый хлеб, писали стих.

На лицах снежных зим и весен нежных
Сияла яркая заря.
В глазенках у младенцев безмятежных
Сияло солнце, радость нам даря,
Сияла яркая заря.

Так мужество цветами разблесталось.
Ни нищих, ни голодных не осталось.
Как вор-грабитель, черная нужда
Ушла с котомкой в ссылку навсегда.
Ни нищих, ни голодных не осталось.

Перо, ланцет, и молот, и кетмень,
Добыв богатство, создавали славу.
Казах, грузин, и русский, и туркмен
Плечом к плечу, как равные по праву,
Добыв богатство, создавали славу.

Под тем же солнцем ели хлеб насущный
И пили воду родины своей.
Поход был дальний, путь — земной,
воздушный,
В пролетах туч, по рытвинам морей.

Тепло одной любви соединило
Полярный лед и южные пески.
Одно родное знамя осенило
Все наши корабли и все полки.

С одной мыслью и с одной страстью
Творили миллионы наших рук:
Чужое счастье — это наше счастье.
Чужой народ — нам не чужой, а друг!

Честны сердца у «желтых» и у «черных».
Товарищ — лучше слова в мире нет!

В чужих морях, на дальних высях горных
Сиял нам славный ленинский завет.
Товарищ — лучше слова в мире нет.

Не зарясь ни на чьи права и земли,
Мы дальним странам посылали свет,
И, нашим песням о свободе внемля,
Запел колониальный мир в ответ.
Мы дальним странам посылали свет.

И каждый год, хоть он и не вернется,
Он вечен как создание наших рук.
Он в верности грядущему клянется
И песнями звучит, как верный друг.
Он вечен как создание наших рук!

ПЯТАЯ ГЛАВА

*Суровых дней знавали мы немало,
Когда всё гасло в окнах и домах,
И только сердце храбро поднимало
Свой огонек, трепещущий впотьмах.*

Гроза металась космами седыми.
Шла гитлеровцев черная орда.
Земля рыдала, задыхаясь в дыме,
Горели села, гибли города.
Шла гитлеровцев черная орда.

Колоннами шли танки, пригибая
Леса и рощи к выжженной земле.
Пять весен твердь скрывалась голубая.
Пять зим росли развалины в золе.
Леса пригнулись к выжженной земле.

Ввалилась грудь земли испепеленной.
Померкло солнце, звездный свет погас.
Шли «мессершмитты», грохотал фугас.
Суда тонули в кипени соленой.
Померкло солнце, звездный свет погас.

До сей поры печаль сердца терзает:
Как много гибло недочтенных книг,

Как много недописанных — кто знает!
Как много перьев, превращенных в штык,
Несозданных и непрочтенных книг!
Сгорали целые библиотеки
И памятники — нету им числа.
Но мать, осиротевшая навеки,
Достойно скорбь свою перенесла
Перед лицом погибших без числа!

Отрезанные напрочь друг от друга,
Мы знали боль бесчисленных утрат.
Нужда и голод выросли стократ.
Нет свадеб, нет семейственного круга.
Одна лишь боль бесчисленных утрат.

Мы не бежали, нет, мы отступили,
В крови, в огне, без отдыха в бою.
Одним терпеньем веру мы крепили
В победу неизбежную свою.
И снова бой! И снова мы в бою!

Страшны дороги. Тяжелы сраженья.
И в сердце и в глазах заледенев,
Горит один неутоленный гнев,
И весь народ, вся армия в движении,
И в каждом сердце ненависть и гнев!

Враг подорвал мосты, но переправы
На волны рек ложатся тем верней.
И каждый бой, кровавый бой и правый,
Вошел в дастан великих этих дней.

Шли танки и орудья шли недаром.
Со дна могил опять вставали мы.
Дыханье наше животворным паром
Растапливало смертный лед зимы.

Горячим телом доты затыкая,
В пучину рек бросаясь с головой,
Росла и крепла молодость такая,
Что в поколеньях след оставит свой!

Шли по земле, но штурмовали небо
Непобедимой армии ряды.
И пионер, и взрослый, кто бы ни был,
Ее работой праведной горды!

В крови оружие каждого солдата.
Свинцом нависла неба синева.
Но каждый миг, но каждой битвы дата,
Но каждый, в ком душа еще жива,
Всё говорит: «Есть Родина. Москва».

Горючий ветер в щелях мертвых зданий.
Несжатый хлеб. Пожухлая трава.
Бессонница напрасных ожиданий.
Но в полном мраке слышатся слова:
«Есть Партия родная. Есть Москва».

Три года длится черная блокада.
Ревет и бьется пленная Нева.
Обледенело сердце Ленинграда.
Но в сердце память Ленина жива.
Есть Партия родная. Есть Москва.

Враг отступает, стервенея люто.
Жизнь на земле затеплилась едва.
Всё небо в ярких заревах салюта.
Гордись, народ, достигший торжества,
Есть Партия родная. Есть Москва.

Горит рейхстаг, и Гитлер пьет отраву,
Пуста берлога хищников, мертва. . .
И все народы мирные по праву,
Все повторяют гордые слова:
«Есть Партия родная. Есть Москва».

*

Детей Европа больше не хоронит.
Выходит к свету Азия из тьмы.
А время вскачь коня лихого гонит.
И знаменосцы века — это мы!

И Азия под знаменем багровым,
Единственным, священным и для нас.
И Африка — в борении суровом —
Встает, тому же знамени клянясь.

И звезды Филиппин и Сан-Франциско
С тоской глядят на звездный свет Москвы.
И наше небо Индостану близко,
Как волны Ганга в блеске синевы.

Сожженный душным зноем и зовущий
Всю Африку в неотвратимый бой —
Вот абиссинец, знаменем несущий
Кровавую рубаху над собой.

Аравитянка дряхлая под пальмой
К аллаху, к небу возводила взор,
Но на земле, иссохшей и печальной,
Ткала с портретом ленинским ковер...

Сыны Дуная, венгры и румыны,
Низвергли мир хозяев и рабов.
За океаном выпрямляют спины,
Выходят в битву негры-исполины,
Чтоб свергнуть мир хозяев и рабов.

Могучий голос Робсона тревожит
И окрыляет пылкие сердца.
Простая песня путь себе проложит,
Услышат люди смелого певца.

Идут года, не зная замедленья,
У нас в сердцах их легендарный след.
На всем краснознаменном поколеньи
Увидишь ты черты великих лет.
У нас в сердцах их легендарный след.

*

Друг! Эти дни не пролетели мимо.
К родной земле всем сердцем припади,
Не верь божбе врага неутомимой,
Не забывай о бедах позади.

Ничто, ничто не пролетело мимо,
Так бдительно в грядущее гляди!

Не испытал любви в короткой жизни,
Погибший юноша-солдат встает
И говорит: «Не коршун там плывет.
Седой туман рассеялся в отчизне.
Не опускай лица на нашей тризне.
Гляди, товарищ, бдительно вперед!

Дастан написан нашей кровью славной.
Прочти его, все строки перечти.

Не дремлет враг, давнишний и недавний.
Встань на его извилистом пути,
Встань у порога родины державной
И бдительно в грядущее гляди!

Пусть каждый день отвагой новой блещет.
Пусть горный кряж, как крепость, он берет.
Пусть грудь стальная в страхе не трепещет.
Пусть каждый день в грядущее зовет,
И на груди, как голубь мира, плещет.
Гляди, товарищ, бдительно вперед!»

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Привет грядущим дням!

Читатель! Как поэму, ты листаешь
Грядущее народа день за днем
И с каждым днем прочтенным вырастаешь,
Едва увидел правду века в нем.

Сплелись, как руки дружеские, реки,
Слились, как реки, дальние моря,
Солончакам, исчезнувшим навеки,
Сулит расцвет неслыханный заря.

От Каракумов до Кубани хлебной
Перед глазами пахоты легли.

По глади вод стезей великолепной
Морские проплывают корабли.

От Балтики до Каспия — прямая
Легла дорога. Встретились моря,
Друг друга с полуслова понимая,
С Краснознаменным флотом говоря.

И Дон, и Днепр, и Волга загорелись
Гирляндами светильников живых.
Ты сам, читатель, создал эту прелесть —
Дозорный свет огней сторожевых.
В подземных шахтах, в их глубинных недрах,
В тоннельных трубах, на путях метро
Снопы лучей, столбы сияний щедрых
Раскинулись волшебно и пестро.

Электропровода рождают утро,
Жнут хлеб, доят коров, идут дождем, —
Как будто время выросло, как будто
Полна значенья каждая минута,
И свиток молний на земле рожден. . .

Жнецам и сеятелям-великанам,
Здоровой мощи их сердец простых,
Легка работа, как легка рука нам, —
Окончен век лопат и век мотыг.

Пир начался. Открылись чаши лилий,
Звенят цветов живые пиалы.
Мы пиром землю-мать развеселили,
Почтили словом нашей похвалы.

Не скудное творенье рифмоплета, —
То целый мир объятья нам раскрыл,
То гуси в снежном вихре перелета,
То вольный шелест лебединых крыл.

Кипенью рек, их озаренной пене
Завидуют и звезды и луна.

Дни и года стремятся в нетерпенье
Вперед и дальше, — чаша их полна!

Свет! Большой силы нет во всей вселенной!
Нет! Солнце — не украшенный кумир!
Свет — это мысль, дорогою нетленной
Мгновенно облетающая мир.
Мысль превращает засухи вселенной
В сиянье света, в каждодневный пир!

Мой край родной, земля моей отчизны
Звалась в былых веках Страной огней,
Но грустно, что тускнели очи жизни:
Ширван был беден, Миль — еще бедней...
Внутри себя горевшие без жизни,
Дни и года гостили здесь на тризне,
Не озаряясь вспышками огней.

В подземном мраке спавшие селенья
Не знали вдоволь света и тепла.
В руках Коран, а на устах моления —
Так старость деда моего прошла.
И спал он, и тахта жестка была.
Так бабка, так и мать моя жила.
Не знало свеч и лампы поколение, —
В Стране огней господствовала мгла.

Пойдем со мной, и разгляди сиянье —
Ширвана и Мугани яркий свет, —
То нашего народа достоянье,
То Ленина исполненный завет,
То Партии свершенное деянье.

Ушли под землю, спрячутся гадюки
На берегах Аракса и Куры,
И клевера зеленые ковры
Привольно расцвели на нашем юге.
Исчезли тростниковые лачуги,
Возникли полукруглых арок дуги,
Дома из камня, светлые дворцы.

Всё это — напряженный труд Востока:
Там, где росли колючие кусты,
Где солончак желтел и гнил жестоко,
Сегодня, как в саду, гуляешь ты.
Встают в равненье воинском чинары,
Как будто клятву родине дают.
И ветер, всадник взмыленный и ярый,
На славу отдохнул в тени чинары,
Среди листвы нашел себе приют. . .

Снег на вершинах горных не растаял.
Но как прекрасен по утрам Ширван!
Прохладной ночи долгий отпуск дан.
Старик Мороз, ледышками блистая,
Как путник, заблудившийся в буран,
Лишь покряхтит, об отдыхе мечтая,
Он разомлел, от воздуха он пьян. . .
Весна бежит по зелени полян.

Ты так же, как и я, вдыхаешь ныне
Прелестный воздух завтрашнего дня!
На Мильской зеленеющей равнине
Цветы пестреют, ласково звеня.
Ты вправе никогда не знать унынья.
Сегодня праздник в доме у меня.
Да будет вечный свет в Стране огня!
Мингечаур работает отныне.

Читатель! Ты почувствуешь сейчас,
Как древен наш Баку, веков свидетель.
Вот он, от норда не смыкавший глаз,
В объятьях волн каспийских чист и светел.
Песка и пыли не приносит ветер.
Вот Апшерон тебя приветом встретил,
В зеленый шелк одетый и в атлас.
Да будет долголетней жизнь для вас!

Твои же руки это создавали!
Прошли года, взрослевшие с тобой.
Здесь крохотные саженцы вставляли,
Пока ты вел за будущее бой.

Земля, вода и воздух им давали
Ту силу, что накоплена тобой!

Друг! Посмотри, как радуется Каспий!
Протянут в море вышек караван.
Волна в молочной пене, в вечной пляске,
А на волне — весь звездный океан,
Весь блеск, все жемчуга арабской сказки. . .
Горят огни и, прежде чем пропасть,
На волнах отраженные, трепещут.

Нет! Это не огни на волнах блещут —
То сердца человеческого страсть
Снопам света протянулась к тучам,
То вдохновенье в поиске летучем!

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Идут года. Идет за веком век.
Всё выше вырастает человек.*

Мне приходило в голову порою:
Как узок путь у моего труда, —
Сажусь, пишу стихи, поэмы строю,
И это удается не всегда.

Язык мой костенеет и немеет,
Когда к светилам близок звездочет.
Мечта взмахнуть крылами не умеет,
Когда пространство молния сечет.
Так отчего же таинства вселенной
Я жемчугом в стихи не нанизал
И целый мир, ученому явленный,
С поэзией в единстве не связал?
Мы знаньем недостаточно блеснули,
Свидетели отцовской темноты.
Умы у нас напоминают ульи,
Где соты кое-где еще пусты.

Но ищет полноты твое сознание,
В стремленье бурном ринувшись вперед.

Простые руки строят мирозданье.
Ширь без предела за сердце берет.

И сколько завтра тем же самым людям
Высоких дел и славы предстоит,
Каких чудес мы очевидцы будем,
Что за богатство новый день таит!

Ведь каждая любовь под небосводом
Как горный склон в наряде цветников,
Где разум служит только садоводом
Прославленных мичуринских дичков!

Рабочий может скважины буравить
На промыслах иль шахтный ствол прорыть,
Но может он и в песне труд прославить,
Объятья человечеству раскрыть.

Крестьянин горд ветвистою пшеницей,
Но для него и сталь варить легко.
Стоит он перед славной вереницей
Профессий, уводящих далеко.

Он архитектор пред дворцом высотным,
Он композитор, создающий гимн,
Он тоже чувство доброе несет нам
И свой порыв передает другим.

Ученый, как поэт, в тревоге мудрой
Со звездами беседует в ночи.
Он сядет в новый самолет под утро,
Он знает столько климатов лучи!

*

Лишенный прежних почестей иль званья,
В унынье ты напрасно не впадешь.
Любить людей — вот светлое призванье.
В министрах был и в плотники уйдешь, —
От этого в унынье не впадешь.

Позволишь ты, чтобы судила совесть.
Тому, кто строже, чище и смелей,
Уступишь место и почет, готовясь
Проститься с прежней должностью своей.
Не возразишь тому, что скажет совесть.

Чем больше на земле у нас богатства,
Тем больше у людей добытых прав,
Надеть ли ситец, шелка ль домогаться, —
У каждого свой прихотливый нрав.

Намеренья благие — словно свечи,
Зажженные на свадебном пиру.
А злоба, фальшь и низость человечьи
Напоминают гниль и мишуру.

*

Идут года. . . Как воронье, в тумане
Скрывается порочащая страсть,
Рука, что шарила в чужом кармане,
Глаз завидуший, злая волчья пасть,
Вся нечисть, обожравшаяся всласть, —
Стихов моих неутолимый звон
Всех этих паразитов гонит вон!

Все, кто пролез по службе или втерся
В подвал казны, в амбар добра тайком,
Кто в пиджаке особенного ворса
Поладил с государственным пайком,
Ворюга, знаменитый мастер взятки,
Он может быть в речах умен и сладок,
Иль выглядит как сущий ангел он,
Но паразита мы прогоним вон!

Он в три дуги сгибался перед сильным,
Над слабыми нахально хохотал,
Зловредный подхалим с лицом умильным
Давно казаться силой перестал,

Давным-давно народом заклеямен,
И паразита мы прогоним вон!

Мерзавцы с тощим мозгом, толстым брюхом,
Охочие до всякой похвалы,
Внимательные к самым мутным слухам,
Они бездушны к людям или злы.
Подобно трупным и навозным мухам,
Они облипли мед со всех сторон, —
Всех паразитов мы прогоним вон!

*

И вот, когда писал я строки эти,
Спросило сердце у меня: «Поэт!
Что для тебя незыблемо на свете?
В каком огне горишь ты столько лет?
Что ты мятешься, как волна морская,
К какому солнцу тянешься всегда?
Какая правда в мире, страсть какая,
Какая мощь незыблемо тверда?»

И вот в ответ затрепетала лира:
«Проходит жизнь и возникает вновь.
Но как огонь бессмертный в сердце мира,
Как верность наших доблестных сынов,
Звучит напев «Интернационала»,
Наш первый гимн, наш благородный гимн.
Хотя бы сто столетий миновало,
Он будет нашим гимном дорогим.
Мы долетим до лунного причала,
До дальних звезд — и наше знамя ало
Заплещет поколениям другим».

И вновь, пока писал я строки эти,
Со мной заговорило сердце: «Друг!
Сбывается надежда всех столетий.
Прислушайся и оглянись вокруг!
И гимн сложи о славе всенародной,

В честь Знаменосца Века твоего:
Есть Партия. Есть голос благородный.
Несет она народам торжество,
Несет свободу, счастье несет им.
Ведет народы к будущим высотам!»

*

Она вдохновляет и песню и труд.
Под знаменем славным народы идут,
Сдвигаются горы, пустыни цветут.
Еще раз и снова — Партия наша.

Она задушевных речей красота.
Заря, что над жизнью людской разлита,
Пусть речь наша будет сложна иль проста,
В ней главное слово — Партия наша.

Чистейшей, крепчайшей любви торжество —
Любовь к человеку и вера в него,
И этого утра и века всего
И смысл и основа — Партия наша!

Мильоноголосый живой ее ритм
Революционной силой горит,
И с каждым о жизни его говорит
Светло и сурово — Партия наша.

Пусть юным волнением вздымается грудь!
Внимай ее слову и верен ей будь!
То ленинский разум, то ленинский путь.
Еще раз и снова — Партия наша!

Идет она в твердом и слитном строю,
Грядущему страсть отдавая свою.
И тысячи ленинских строк — ее разум.
И тысячи глаз открываются разом.

Я тысячи юных сердец узнаю, —
Идут они в твердом и слитном строю.

Людских поколений слились голоса.
То наше единство и мужество наше!
А песня всё шире, и выше, и краше.
С той песнею шаг миллионов слился!
И отзвук той песни везде раздался.
То наше единство и мужество наше!

(5 сентября) 1952

ДРАМЫ

123. ВАГИФ

*Драматическая хроника XVIII столетия
в трех действиях, одиннадцати картинах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вагиф (молла Панах) — поэт.	Тамара — грузинка.
Хураман — его жена.	Шалико — грузин.
Алибей — сын Вагифа от первого брака.	Брат Шалико.
Гюльнар — жена Алибея.	Эльдар — предводитель повстанцев.
Аминэ — мать Гюльнар.	Аршак
Видади — поэт.	Теймур
Тукезбан — его жена.	Муса (курд) } гачаги (повстанцы).
Ибрагим-хан — карабахский хан.	Ильяс.
Шейх Али — придворный духовник карабахского хана.	Певец.
Шут — при дворе карабахского хана.	Старуха.
Магомед Каджар — шах Ирана.	Ахмед киши
Вазир шаха.	Курбан киши } крестьяне.
Телохранитель Каджара.	Мешади киши
Страж.	Старая крестьянка.
	Старик крестьянин.
	Мурад } чабаны.
	Касум }

Крестьяне, воины Каджара, полководец, гачаги, ханская свита, шахская свита, духовные лица.

Место действия — Карабахское ханство в Азербайджане XVIII века.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Домик и сад в зеленеющей горной долине.

Видади

О боже, тяжело живется людям!
Ты видишь, какво живется людям!

Вероучений много — в чем их смысл?
Где истина? Откройся, боже, людям!
Как различить добро и зло, о боже!
Слепые зрячими когда мы будем?
Дай свет очам! Со злыми будь поостроже!
Когда мы наконец жить мирно будем?
Средь войн кровавых сердце жаждет мира,
Но темное кругом бушует море. . .
Не человек ли драгоценность мира?
Венец творенья, он лежит в позоре!
Не позволяй ему в грязи влачиться!
О боже, помоги добру учиться,
Добро привычкой человека сделай,
Вселенная пусть в рай преобразится! . .

Тукезбан

Опять за намазом слагаешь стихи, Видади?

Видади

Зачем упрекаешь и ранишь меня?

Тукезбан

Видади!

Прости. . . не сердись! Я твой каждый поступок люблю,
Я каждое слово твое — без уступок — люблю!
Наш бедный очаг, о, пускай он и беден и хрупок,
Наш домик простой, где гостей не бывает, люблю, —
Приходишь домой — и весна для меня расцветает!
Здесь лет уже тридцать любовь обитает. . . Люблю!

Видади

Подруга. . . Старуха. . . Эх, юная вечно душа!
Присядем. . . Подышим. . . По-прежнему ты хороша. . .
Душа твоя — свежая вечно листва, Тукезбан!
Там сны моей юности свили гнездо, Тукезбан!
Печаль забываю, с тобой облегченно дыша!

Тукезбан

Творец да не взыщет за это сторицею с нас!
Должницей твоей да пребуду всегда и сейчас!

Видади

Душа Тукезбан! Меньше спутников стало у нас...
Я сердцем слабею, гнетут меня горе и страх,
С тех пор как Вагиф, собеседник мой, скрылся
из глаз,
С тех пор как Вагиф из Қазаха ушел в
Қарабах...
Не слышно о нем... Как пустынно и скучно
вокруг!
Где мой собеседник, где сердца и разума друг?

Тукезбан

Старик, не грусти, разреши поговорку сказать:
Кто узел завяжет, сумеет его развязать.

Стук в дверь.

Видади

Войдите!

Входят двое послов.

Первый посол

Скажите, не вы ли поэт Видади?

Видади

Да. Что вам угодно?

Первый посол

Мы прибыли к вам из Гянджи.

Тукезбан

О, милости просим!

Видади

Войдите! Ваш путь — позади:
Здесь будьте как дома. Пожалуйста в дружеский
дом!

Посланником неба является гость...

Послы

Что ж, войдем.

Усаживаются. Тукезбан кипятит на очаге чай в чугунном кувшине.

В и д а д и

Так... Откуда вы родом, позвольте узнать?
Как позволите вас называть?

Первый посол

Мы люди Джавад-хана, поэт!
Добрые вести есть.

В и д а д и

От Вагифа?

Первый посол

Нет.

В Карабахе Вагиф, —
Вам известно, как путь далек.

В и д а д и

Путь далек... И печаль велика...
Всё мне чудится дальнего друга призыв...
Слушаю, говорите пока.

Первый посол

Поэта, вам равного, наши не знают места, —
Стихи ваши передаются из уст в уста...
Молим творца, чтобы вас он не отнял у нас,
Слишком богатым подарком не счел бы для
нас...

В и д а д и

Нет, замолчи! Дар поэзии в нашей стране
Принадлежал дорогому Вагифу, не мне!
Как поживает он в той — за горами — стране?
Сгорбился я, вся душа от разлуки в огне!

Первый посол

(перебивая)

Хан поручил нам приветствовать вас.
Он приглашает вас, просит приехать сейчас.
Будучи тонким стихов знатоком...

Видади

Что?

Первый посол

Наказ:

Хан говорит: пусть приедет сюда Видади,
Пусть возвеличится здесь навсегда Видади, —
Тонет в листве изумрудной узорный айван
Дома того, где года проведет Видади!
Сладкая будет еда Видади,
Станет безмерно богат без труда Видади!
Пусть говорят, что, у хана Джавада живя,
Пошлых забот не знал никогда Видади
В ханском дворце не коснется нужда Видади!
Вас приглашает к себе хан Джавад, Видади!

Видади

Сын мой! Свободным рожден Видади.
Взорам приятна родная земля
Скажут мне, старому: «Не уходи!»
Эти потоки, холмы и поля,
Милые горы сумею ль забыть?
Утренний воздух, вечерний туман?
Мне уж ни шахом, ни ханом не быть, —
Если приеду, обманется хан.

Первый посол

Друг мой! Упустите счастье из рук,
Счастье, удачу упустите, друг!
Случай — крылатая птица, поэт!
Выпустишь райскую птичку — и нет.

Видади

Болен я, немощен стал, — передай,
Песни слагать я устал, — передай;
Плохо — скажи ты — родятся слова;
Музыка больше не та, — передай.
В путь караван собирается мой,
Стар я, пора каравану домой.

Первый посол

Итак, будет хану передан отказ.
Не ждали такого ответа от вас. . .
О друг мой, упустите счастье из рук!
Богатство зачем упускаете, друг?

Видади

Чужое гнездо холодней. . .

Второй посол

Это вздор!

Видади

Не мне предназначенных дней я не вор!
Отрадно в неведомой хижине мне,
Не надо чужого и лишнего мне!

Второй посол

(первому послу, тихо)

Уйдем, с сумасшедшими знаться — беда!
Безумна его голова, хоть седа.

Первый посол

Действительно! Он смехотворен. . . Уйдем.

Видади

Ночуйте! Приветствует гостя мой дом!

Первый посол

Он тесен боюсь, мы хозяев стесним.

Видади

Нет, в сердце просторно гостям дорогим!

Первый посол

Запомните доброжелателя речь:
Забудется всё, что вы пишете здесь;
Вам славы дороже пустая мечта, —
Похоже, и слава-то вам не чета!

Второй посол

Запомните эти слова навсегда.

Послы хотят уйти.

В и д а д и

Всё, что я мог, я вам сказал. Прощайте.
Ошибся тот, кто вас послал. . . Прощайте!
Мирок дворца — обман, обман пустой. . .
Ваш мир хваленый слишком мал! . . Прощайте.
Луна и звезды здесь всегда со мной,
Здесь голос ночи я узнал. . . Прощайте.
Здесь целый мир мне во владенье дан!
От праздных споров я устал, — прощайте!

(Кланяется.)

Послы уходят.

Т у к е з б а н

Эй, Видади! Ну и сказал ты слово!
Ну, право же, как будто я сама
Сказала это от простого сердца!
Нет, приживальщиком супруг мой не был,
Не укрывался под чужим крылом,
Не жил еще подачкой. . . И не будет!
Тебе послушен, верен твой язык,
Впредь отвечай, как ты сейчас ответил.
А тот пусть будет обесчещен в мире,
Кто забывает родину свою!

В и д а д и

Да, Тукезбан. Дворец — очаг беды,
Гора страданий. . . Вспомни-ка Вагифа!
Он светел был — веселый человек,
Любил смеяться, радовался жизни
И радовал других. . . Теперь грустит.
Он жалуется на судьбу, он желчен,
И повестью кровавых преступлений
Звучит теперь Вагифа каждый стих. . .
А что виной? Дворец!

Неслышно появляется Вагиф.

Вагиф

(кричит, как простой поселянин)

Хозяин! Эй!

Тукезбан

О боже мой! То не Вагифа ль голос?

Видади

Он! Это он!

Вбегают крестьянин.

Крестьянин

О Видади!

Видади

Вагиф!

Глаза мои в разлуке потускнели, —
Ты белый свет вернул моим глазам,
Твое лицо мне снова ярко светит. . .
Нет, ты не вероломен! Ты пришел.

Усаживаются.

Вагиф

(обращаясь к Видади)

Прости меня, учитель. Я виновен.
Как мог я согласиться на разлуку?
Ты по ночам бывал со мной во сне,
Но утром без тебя темно бывало! . .

Тукезбан

Бесстыдник! Эх. . . скажи-ка честно мне:
Уж тетку Тукезбан забыл?

Вагиф

Нимало!

Ты, Тукезбан, мне матерью была,
Я — твой должник! . .

В и д а д и

Всё расскажи сначала,
Все новости, всех дней твоих дела!

В а г и ф

Что ж, Видади! Поэту жизнь мила, —
Не омрачу сомнением чела:
Мне сладостный напиток жизнь дала,
Тяну его, как сок цветов пчела!
В дворцовой неге провожу я дни,
Беседую с луной в ночной тени. . .
Там каждой розе посвящаю стих, —
Я мастерство природы в ней постиг,
Искусство жизни славить я готов
Над завитками влажных лепестков.
Да, Видади! Природы жизнь чиста. . .
Есть, друг, в горах заветные места,
Где сердце мира видеть нам дано . . .
Сам человек — в мир красоты окно!
Но разреши мне, друг, сказать одно:
Без наслажденья — счастья в мире нет,
Мир без любви — сухой костяк, скелет.

В и д а д и

Любовь что море. . . Широка, бурна
И глубже неба ясного она. . .
Но в эту глубь с опаскою гляди;
В глазах не потемнело бы, гляди, —
Как малый, наземь шлепнешься, поди!

В а г и ф

Нет! Я — парящим в небе птицам брат!
Огромен мир, но я пространству рад,
В широком мире для любого дня
Тысяча и одно гнездо есть у меня. . .
Но с этим миром счеты у меня,
Особые заботы у меня:
Воровка-смерть подстерегает нас, —
По капле смерть уничтожает нас,
Любой счастливый и несчастный час
К могиле древней приближает нас. . .

В и д а д и

Неверно, сын! Мираж пустых прикрас
И призрачных страстей смущает нас,
Обманывает нас мирской соблазн, —
Сон сладострастный отгони от глаз!
Пусть на земле ограблен ты судьбой —
Твори добро: получишь рай, он — твой.

В а г и ф

Вот где мираж, один мираж пустой. . .
В глаза природе, друг мой, погляди!
Ни в рай, ни в ад не верю, Видади!

В и д а д и

Поэзией ты пьян, Вагиф!

В а г и ф

Так что ж?

В и д а д и

Ужели на аллаха восстаешь?

В а г и ф

Друг, истину таить я не могу,
Ханжой и вором быть я не могу!
Плоды земные на земном пиру
Я не ворую — честно я беру.
Очей красавицы прозрачный взор
Не заменю я раем. . . Я не вор!
Выгадывать, копить — не мне под стать. . .
Пусть шейх надеется на благодать,
Ведь хитрый шейх стремится — о позор! —
Проценты с праведности собирать! . . .
Слова пустые — бог, творец, аллах. . .
Рай — на земле, пустыня — в небесах!

Т у к е з б а н

Ха-ха! Я узнаю тебя, Вагиф,
Ты с детства был таков!

В и д а д и
(пербивая)

Но чем ты жив?
Там, во дворце? В земном твоём раю
Возлюбленную любишь ли свою?

В а г и ф
(шутя)

Красавиц много в Карабахе есть, —
Одну другим я вправе ль предпочесть?
Ах, красота едина для меня —
В ней Мекка и Медина для меня!

В и д а д и

Ты позабыл... ты позабудешь нас
Для лучезарных, для лукавых глаз...

В а г и ф

О нет, клянусь! На слове не лови!
Мы по колено были бы в крови,
Когда б не я... Свои упреки брось:
Оплакивать бы наш народ пришлось,
Когда б не я!.. О друг, там столько зла!
Убийствам не было бы там числа,
Когда б не я... Там не проходит дня
Без низостей... Лишь одного меня
Стыдится хан... Я нужен там пока, —
Взбесившегося этого быка,
Одернув цепь, я сдерживаю... Да,
Я нужен там. Когда б не я... беда!

Тукезбан впускает трех крестьян. Они здороваются с Вагифом.

А х м е т к и ш и

Ну, в добрый час, Вагиф! Ну, здравствуй,
драгоценный!
От радости бросает в пот и в дрожь...

Вагиф

Гэ, дядюшка Ахмет? Как ты живешь?

Ахмет киши

Что наша жизнь, Вагиф!.. Возможны ль
перемены?

Село как было, так и есть село.
Как ночь была у нас, так ночь и длится.
Как ливень лил, так продолжает литься:
Не распогодилось, не рассвело...
Мозоли старые — как медяки в горсти,
Есть корка черствая в корыте нашем...
В чувалах ячменя вот столь не наскрести,
Хоть вытряси чувалы!..

Так и пляшем.

Вагиф

Да, знаю, знаю всё... Знакомая печаль!

Мешади киши

И детство бедное небось не позабыто?
Отца покойного небось Вагифу жаль?
Он помнит согнутую спину шерстобита!

Вагиф

Не надо горевать! Придет счастливый день.
Лишь в собственном труде найдем источник силы!

Курбан киши

Скажи-ка лучше нам, не ты ли, милый,
Был нашей радостью? Любимцем деревень,
Был украшением собраний, нашей славой?
Невестам, девушкам дарил стихи не ты ль?
Всё бросил, всё забыл... Всё отряхнул, как пыль...
Погнался наш алмаз за золотой оправой!

Вагиф

Нет, совесть у меня чиста! Чиста.
Нет, я не разлюбил родимые места.
Пускай глаза мои от ваших глаз далеко —
Летит, как молния, от сердца к сердцу путь!

И сердце чувствует, чего не видит око,
И всех друзей сердца ко мне стучатся в грудь!

Курбанкиши

Спасибо, наш Вагиф! Спасибо. Счастлив будь!

По небу проносится журавлиная стая.

Видади

Где сазы, Тукезбан? Тащи скорее сазы!

Тукезбан приносит два сазы. Один из них Видади протягивает Вагифу.

Видади

Ты узнаешь?

Вагиф

Мой саз!

Видади

Ну что, доволен им?

Я всё храню его, бесстыдник ясноглазый!
Давай-ка журавлям стихи мы посвятим!

Состязаясь, запевают и играют на сазых.

Вереницей поднявшись, летите куда, журавли?
Пронеслись в небесах, не оставив следа,

журавли...

Одинокую песню, печальную песню я слышу, —
В чужедальной стране вас не ждет ли беда,

журавли?

Вагиф

О, сдержите на миг ваших крыл быстроту, журавли,
Чтобы слово мое вам поймать на лету, журавли!
Из какой вы страны вереницей сюда прилетели?
Отвечайте певцу, проносясь в темноту, журавли!

Видади

Поглядите сюда, обернитесь назад, журавли, —
Здесь живет Видади, он печалью объят, журавли!

На свадьбу вас позвать! Мы старимся, друзья...
Он приглашает вас.

В и д а д и
Вот это новость, друг!
Подумать — женится!

В а г и ф
Ну да!

В и д а д и
Наш сын, наш внук!
Мы едем, Тукезбан!

Т у к е з б а н
Не трудновато ль будет?

В и д а д и
Что? Уж не я ль — старик? Развалиной не стал!
Я крепче, чем Вагиф, пусть нас Вагиф рассудит:
Я стою ста таких, хотя и стар!

Т у к е з б а н
Ну ладно, ладно уж, не молодись, мой милый...

В а г и ф
Не бойся, тетушка. Прекрасен Карабах.
Ну кто там думает о старости постылой?
Теперь весна, тепло, всё в зелени, в цветах,
Под каждую скалой — веселье, пляска, пенье.
Звон саза слышен там и бубна бой...
Стоит в горах олень — цветут рога оленьи, —
Он, шею вытянув, глядит перед собой...
Там прыгают ручьи, там скачут с гор потоки.
Там юность к вам опять придет — лишь позови!..
И звезды с месяцем там держат путь высокий
На поклонение к святым местам любви!

В и д а д и

Идем, идем скорей, окрасим хной ладони!
Да будет счастлив сын! Пусть будет каждый день
Звездой или цветком!

(Обнимает Вагифа.)

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Город Шуша. Ханский дворец. Покои Вагифа. Свадебный меджлис.
Танцы. Входят И б р а г и м - х а н со свитой.
Общий хохот.

Х а н

(одному из приближенных)

Есть особая прелесть в сегодняшней свадьбе...

(Музыкантам.)

Что, хорошие песни сегодня для праздника есть?

П е в е ц

(поет)

В глубине любого сада — соловей влюбленный есть,
В глубине любого сердца — жар неуголенный есть,
Душу мучит и ласкает голосок возлюбленной,
Шутит пери или плачет — символ затаенный есть!
Сын Вагифа стал Меджнуном — кто прекрасная
Лейли?

Говорят с оленем юным звезды неба и земли.
Ты, певец, ударь по струнам и гостей развесели, —
В этом умысел любовный, тайное значенье есть!

Пляшут гости, пляшет Алибей. Входит В а г и ф.

Х а н

Я счастья желаю вам, вазир,
И многих светлый дней желаю Алибею.
Пусть счастлив будет, но...
Не забывает нас!

Вагиф

(со вздохом)

Да не разрушат годы добрый мир!

Хан

Что жалуешься, друг, не разумею?
Пока я жив, продлится счастья час.

Входит шут.

Шут

Говорят — невеста ангел,
Поздравляю жениха,
Только я, пустоголовый,
Убегаю от греха!
Норовистого коня,
Да игры кахтейской, дикой,
Да жены смущенной, тихой
Берегитесь как огня,
Берегитесь как огня!

Смех. Радостные крики. Ведут невесту.

Сваха

Сестричка! Мамочка моя! Ах, ангел мой родной,
невеста!
Ах, ручки, ножки у тебя — величины одной,
невеста!
Глядите — на руку чиста и на ногу тверда
невеста!
Пройдет, любимого любя, походкою прямой
невеста!
Тебе желаю семерых, достойных мужа, сыновей
И дочь, подобную во всем тебе самой,
невеста!

Вагиф

(касается фаты, скрывающей лицо девушки)

Откинь, о дочь моя, ненужную фату,
Не надо лик луны утаивать за тучей,
Скрывать под саваном живую красоту!

Ты — радость, ты — весна! Владычицей могучей
Пусть будет молодость! Пустое говорят...
Открыто надо жить, как жили предки наши!
Небесных выдумок краса земная краше, —
Да пристыдит она безглазый шариат!

Общее удивление, ропот. Невесту уводят в другой покой.
Входит Эльдар с джейраном на плече.

Вагиф

Гей, друг Эльдар, мой брат! Салям, салям!
Родным горам привет, родным полям!
Эйлагов аромат приносишь нам...
Тебе, народ, любовь свою отдам:
Душа народа — вот Вагифа храм!

Эльдар

Поэту — благодарность и салям!

(Кланяется одному Вагифу, словно не замечая присутствующих.)

Хан

О, видели, каков подлец, мужлан?
Не кланяется нам. Осанка, стан!
Не пробовал, бродяга, нашей плети.

(Смеется.)

Шейх

(на ухо хану)

Взгляни в глаза, взгляни в глаза эти!
Огонь и кровь... Он, видимо, смутьян!
Вазир! Вагиф! Здесь, кажется, назначен
Меджлис для пастухов и для бродяг?
Скажи — мы удалимся, если так!

Вагиф

Я думал, вы поступите иначе...

Хан

А как, вазир? Зря не подумал, зря!
Не здесь ли сядет — на почетном месте —
Пастух с дубиной? Видели «царя»?

Вагиф

Эльдар — мой гость.

Хан

Что проходимцу надо?
Нас лицезреть как смеет малый сей?

Вагиф

Мой дом. Мой гость. Моя кругом ограда.
Прошу любить и жаловать гостей.

Хан

Гость гостю рознь. Кто будет столь
любезен —
Звать нищего?

Вагиф

Не нищий он. Богач.
Уста его — сокровищница песен.
Алмазы сеет. Подбери да спрячь!
Великие умы, живые души
В народе зреют. Где еще расти?
Он чист и честен — мой народ пастуший,
Да только честь у знатных не в чести!

Хан

«Народ», «народ», «народ» — пустое имя
Твердишь, твердишь, твердишь. . .

Эльдар

(Вагифу)

Не ссорьтесь, друг.

Я уйду.

Вагиф

Постой! Ведь я не с ними!

Хан

Пусть уходит в свой овечий круг
Топтать кизяк.

Общий хохот.

Э л ь д а р
(оборачиваясь)

О хан! Прошу прощенья,
Но вы, когда бы не было крестьян,
Не бесновались бы от пресыщенья.

Уходит. Слуги хана выбегают следом за ним.
Гости в замешательстве.

Х а н

Схватить! В темницу!

Ш е й х

Я сказал — смутьян.

Х а н

(Вагифу)

Вазир! Вагиф! Плоды науки вашей —
Не вы ли учите таким речам?

В а г и ф

Нет, хан, не я. Соленой, горькой чашей
Он пьян по горло. Он учился там,
Где вся земля — пожарище и рана:
В голодных селах, у кровавых рек
Учился он. . . Не только против хана,
А против бога ропщет человек!

Х а н

(уходя)

Я буду знать

Гости расходятся. Вагиф шагает по комнате. Видади в горестном изумлении.

В а г и ф

Вот дружба сильных мира. . .
Вот ханские хлеб-соль! Змеинный яд!
Кто, кто бедней, чем я — хозяин пира?
Здесь даже стены змеями кишат!

В и д а д и

Ты завтра собери меня в дорогу. . .
В свою землянку я вернусь. . . Я стар.

Там тишина. В покое внемля богу,
Там ценишь во сто крат бесценный дар
Блаженного покоя!.. Здесь — могила,
Уедем с нами. Сбрось ярмо, Вагиф!

Вагиф

Нет! Если мне борьбу судьба судила,
Останусь здесь, хотя бы я погиб!
Я — на арене. Неужели струшу?

Видади

(печально)

Я изучил тебя... Я знаю сам, —
Ты не отступишь... Знаю эту душу
И эту кровь!.. Расстаться надо нам...

Входит Алибей.

Алибей

Отец! Эльдара бросили в темницу.

Вагиф

(спокойно)

Из камня тюрьмы строил человек,
И он же их разрушит... Всё мне снится —
Без тюрем, без цепей настанет век...

Алибей

(нетерпеливо)

Но что Эльдар?

Вагиф

И он освободится.

Вагиф еще не умер. Здесь Вагиф.

(Обнимает сына.)

Иди, не забывай, твой праздник ныне —
Так радуйся! Живи, пока ты жив
И я еще не стар! Мы не в пустыне.
Так радуйся! Пускай наш век жесток...
Пускай жесток — еще прожить нам надо
И этот век... Иди, иди, сынок!

Алибей целует отца и Видади, уходит.

Видади
Храни его аллах!

Вагиф
И вновь отрада
В моей груди... О, тайна бытия!
Свободен я иль нет? Чего мне надо?
Я счастлив или нет? Не знаю я...
Кто журавлей свободных вереницы
Счастливее? Иль водяные птицы
С зелеными головками?.. Едва ль!
В незнании покоится печаль,
В познании и в разуме — надежда.

Появляется шут.

Шут
Хоть я невежда,
А вижу: предо мной дитя!
Бедняжка, он не лицемерит:
На свой аршин всех прочих мерит,
Он в благодарность сильных верит —
А шут смеется не шутя!

(Убегает.)

Вагиф
Пойми-ка, что сболтнул наш умница лукавый?
Знакомы хитрецу дворцовые забавы...
Нет, не спокойно мне...

Входит Хураман.

Хураман
Что люди говорят?
Что это значит? Хан ушел в обиде?

Вагиф
Пусть обижается. Сам виноват:
Он сам предстал в смешном и жалком виде!
Вагиф и Видади уходят.

Хураман
(одна)
Был господином первый мой супруг

Над целым родом. Сотни верных слуг
Имели мы. Свой дом и свой дворец
Имели мы. Приличия венец
Нас украшал. Обилия дары
Так и текли! Меджлисы и пиры
Устраивал покойник. . . Сладкий сон!

(Глядя на дверь, в которую вышел Вагиф.)

Мне лгали и про этого, что он —
Богатый человек, вазир! Увы,
Пустая лесть, круженье головы. . .
Я верила, надеялась. . . и вот!
Сам подневолен. Как слуга, живет.
Лицо его мутится, как вода,
Негладкое — меняется всегда. . .
И всё ж мне нравится поэта нрав:
Поэт словами славится! Он прав.
Он говорить умеет о любви
Так сладостно! . . Хоть в хижине живи
С таким красноречивым. И притом
Он верен мне. . .
Ах, что мне проку в том?

Возвращается Вагиф.

Вагиф

О чем задумалась, о кипарис?
Очаровательница, обернись!
Туман покрыл чело моей луны! . .

Хураман

Спаси аллах! Все блага мне даны, —
Как я могу печалиться? О нет!
Я всем довольна.

Вагиф

Странен твой ответ.

Струна, я слышу, в голосе твоём
Оборвалась. . . Будь проще. . . Мы вдвоем.
Всё выскажи. Смелей, правдивей будь!

Хураман

Так. . . На чужбине грустно мне чуть-чуть. . .

Вагиф

Нет... Нет, не то. Опять нечистый звук,
Не та струна. Поешь фальшиво, друг!

Хураман

Что, что еще сказать несчастной мне?!

Вагиф

Теперь ты спела правильно вполне!
Я понял. Так. Теперь без глупой лжи,
Не уклоняясь, напрямик скажи:
Чем ты несчастна?

Хураман

Люди говорят...

Вагиф

А, говорят...

Хураман

Спросил — и сам не рад?

Вагиф

Ну?

Хураман

Говорят...

Вагиф

Что говорят?

Хураман

Что ты,
Ты будешь сбит, как птица с высоты,
Как перезрелый плод!.. О, горе, стыд!
С поста вазира хан тебя сместит.

Вагиф

И только-то всего? И только?

Хураман

Да...

Вагиф

О чем же нам печалиться тогда?
О Хураман, любовь моя, взгляни:
Я здесь живу, как зверь лесной, — в тени...
Освобожденный, соколом взлечу!
И не подняться волку-палачу
За соколом. И не догонят нас...
И если в этом вся твоя беда,
Иди гуляй. Будь счастлива. Горда.

Хураман

А ты? .. А где? Как будем жить тогда?
Как нищие?

Вагиф

Не бойся! О, поверь,
Я был бы счастлив, если б никогда
Не знал дворцов... Когда б текли года
В родной деревне! Если б раньше знать
И клятве юности не изменять!

Хураман

Слова! Слова — вот всё, что ты припас.
(Уходит.)

Вагиф

(помолчав)

Глаз ювелира, знатока мой глаз.
Я испытал тебя. Ты не по мне:
Воспитана в пуху, а не в огне,
В изнеженности... Что ж! Я одинок.
Тот сильным стал, кто всё изведать мог.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дворец хана. Хан спит. К ложу подходит шут.

Шут

Спи, хан. Лишь спящий ты хорош!
Не беспокой бедняжку, вошь!

Тсс. . . не мешай ты ей ползти,
За воротник ее пусти.
Похрапывая, сладко спи,
Так — ногу вытяни, храпи.
Спи, милый, — ведь беда близка.
Спи, хан, — в литавры бьют войска,
Идет войною шах Каджар!
Спи, дорогой. Пожар! Пожар!
Удобней ляг — война близка!
Кого не сможет шах добить,
Тех приспособится доить,
Доить, как этих. . . м. . . м. . . коров,
Спи, хан, покрепче, будь здоров!

Хан просыпается в тревоге.

Х а н

Оттуда — Турция. С той стороны — Иран.
Отсюда шлет Россия свой фирман. . .
Мой трон в опасности. Я под угрозой сам.
Разрушить мой покой угодно небесам!
Враги, враги, враги! А где друзья?
Потеря ханства? Нет! Не в силах я
Об этом думать! Хуже что ни день. . .
Смутьяны, беглецы из деревень
Кишат в горах! . . Как быть?

Ш у т

Мне думать лень. . .

Входят приближенные.

Ш е й х

Привет, о господин!

Х а н

(обращается к шейху)

Иди сюда. . .

Иди сюда, я видел страшный сон.
Ты должен разгадать, что значит он,
Проникни в смысл. Где ждет меня беда?

Шейх

Мой повелитель, удостойте нас
Пересказать, что снилось вам.

Хан

Сейчас...

Мне снилась наша степь Джидыр... Она
Была в туман, в туман погружена.
Вдруг по степи Джидыр прошла волна,
И поле в море обратилось вдруг...
Всё море — кровь... густой туман вокруг.

Шейх

Так... Что потом произошло?

Хан

Потом...

Скользили лодки... Много их! С трудом
Я продвигался. Высоки, черны,
Меня теснили каики, челны...

Шейх

Так... что потом случилось?

Хан

Враг в челне

Невидимый приблизился ко мне...
Аркан железный шею мне сдавил
И поволок меня... Шейх, я забыл...
Я вспомнил, шейх! В том каике сидел
Мужик вчерашний...

Шейх

Наглости предел!

Хан

Тот, тот, Эльдар... Глядел из темноты,
Глаза огнем и кровью налиты...
Меня он в море погрузил, в туман,
И вежливо сказал: «Извольте, хан,
Напиться крови. Надо пьяным быть:
Вы пролили ее — извольте пить...»

Шейх
(льстиво)

Ха! Не печальтесь, добрый властелин.
Что сделает простой гачаг один?
Нестрашен сон — тревог вчерашних след,
В нем предзнаменований страшных нет.
Что море? Мир и благодать. А кровь? ..
Кровь... близость к женщине. Постель готовы!

Шут

Я слушал эти сладкие слова,
Но как была пустою голова,
Так не наполнилась, увы, ничуть!
Быть может, протекает где-нибудь?
(Схватившись за голову, убегает.)

Входит Вагиф, подает хану письмо.

Вагиф

Ответ Каджару. Я писал вчера.
Там ждут послы. Отправить их пора.

Хан

Вазир!

Вагиф

Я слушаю.

Хан

Тревожно мне...

Вагиф
(спокойно)

Да, хан. По вашей собственной вине.
Я повторял. Не слушали меня,
Беспечное спокойствие храня.
Хан! Безнаказанных поступков нет:
Насилие — насилию ответ.
Наш мир не пуст, свои законы есть
У всех вещей. Страшна природы месть
Тому, кто неразумно пренебрег
Народной силой! Это не упрек,

Не предсказанье, а простой расчет:
Нас не победа — поражение ждет.

Х а н

Нас... поражение? Ты болтать привык
Недоброе... Будь проклят твой язык!

В а г и ф

А как же иначе? Как не проклясть
Правдивого?

(Указывает хану на шейха.)

Послушайте-ка всласть
Льстецов и воров: те горазды лгаты!
Однако повторяю вам опять:
Превозмогите пьяных слов угар, —
Готовит наступление Каджар.
Читайте.

Х а н

(читает ответ Каджару, написанный Вагифом)

Да, великолепный слог!
Здесь каждый знак — отточенный клинок!
Любое слово — нож, кинжал и яд, —
Каджару грудь они изрешетят!
Ты искупил свою вину, Вагиф!

В а г и ф

А так ли я виновен, обратив
Твое внимание на волю тех,
Кто соль земли? Хан, величайший грех —
Презрение к земле! Обширен свет,
Но ценности ценнее жизни нет.
Того не любит жизнь, кто шутит с ней.
Ее законы — не игра страстей...
Народ и жизнь — едины...

Ш е й х

(перебивая)

Гм... опять!

(Хану.)

О хан! Не хватит ли уроки брать?

О господин! Дозволь нам слух сберечь, —
Мы царственную жаждем слушать речь!

В а г и ф

(шейху)

Не блюдолизничай: презренный труд.

(Кивает шаху на шейха.)

Гнилые пни побегов не дадут.

Х а н

Вазир! Избавь от этих споров нас:
Советоваться надо в трудный час.

В а г и ф

Я повторяю снова. Наш народ
Унижен, разорен. Из года в год
Поборы всё жесточе. Ад земной...
При нынешних законах — боже мой! —
Дитя родное станет вам чужим!
Мы лучшими людьми не дорожим,
Так можем ли Каджару дать отпор?
Герои прячутся в ущельях гор,
Пылают гневом беглецы в горах!..
Войска Каджара нас развеют в прах.

Ш е й х

(хану)

Вы видите, как любит вас вазир!
Для нищих он готов устроить пир,
Казну раскрыть и золотом сорить,
Сокровищницу вашу разорить!
Весь мир накормит, весь голодный мир!

В а г и ф

(пропуская брань мимо ушей)

Так дело обстоит, как я учил!
И если царь свой век ожесточил, —
Волк сделал время волком. Будет он
Растерзан временем. Таков закон.

Х а н
(слабея)

Вазир! Вагиф! А если мы чуть-чуть
Уменьшим подати? Хороший путь?

В а г и ф
(хитро)

Гм... как — чуть-чуть?.. Нет, хан, боюсь,
что нет.

Есть, впрочем, у меня один совет:
Довольны будут люди, если им
Свободу разума дадим! Дадим?

Х а н

А что это такое? Как понять —
Свобода разума?

В а г и ф
(надеясь и хитря)

Как? Снять печать
Со всех запретных книг! Учить начать!
Учить, повязку с глаз народа снять.
Везде открыть... — как объяснить тебе? —
Училища... Ну, скажем, мектебе
И медресе... Для каждого двора
Купить корову, чтобы детвора
Не молока просила бы, а книг!
Веселья, песен отворить родник
Для всех детей... Притом прикажешь ты
Дороги проводить, сажать цветы —
Вот так, немного, по краям дорог...
И я бы наслаждаться жизнью мог
На старости! И я, довольный всем,
Узнал бы счастье...

Ш е й х

А тебе зачем?
Тебе-то что от этих школ, цветов?

В а г и ф
(шейху)

Ты не поймешь...

(Хохоча.)

Глядите, гусь каков!
Ну впрямь плешивый гусь! Сними чалму,
Общипанный!

(Хану, кивая на шейха.)

Ну как понять ему?

Шейх

(смирненно)

От грешника хулу его приму.
Наука — грех. Чист, праведен ислам, —
О том пророк свидетельствует сам.

(Кивая на Вагифа.)

Погибнет он. Уже погиб. Уже.

Вагиф

(шейху)

Молчи. Болото у тебя в душе.
Гусь! Продавец базарный гашиша!
«Эй, опия нам дай на два гроша!»

Стекаются подслушивавшие царедворцы.

Шейх

От грешника хулу его приму!
Не ты ль, вазир, народу своему
Глаза спешишь открыть, дабы народ
Не слушался, гордился?

Хан

Шейх не врет!

Шейх прав. Народ нам пробуждать нельзя,
Нельзя народу раскрывать глаза.
Вазир ошибся.

(Прервав надоевшую ему беседу, заинтересовался палкой Вагифа.)

Э, вазир Вагиф!

Откуда этот посох? Он красив.

Вагиф

А... этот посох? Посох? Да, хорош,
Царицы русской дар.

Х а н

Ага!

В а г и ф

Ну что ж...

Простой подарок...

Х а н

Что? Довольно лжи!

Россия?.. Вы?.. Какая связь, скажи?

Не христианам ли продан ты —

Кяфирам?

Ш е й х

Русским!

В а г и ф

Сколько суеты!..

Что посох?.. Посох делала рука

Искусника... Искусству — жить века.

Волшебник дивный, мастер крепостной

Взял в руки ветвь орешника весной

И выстрогал... Бессмертная резьба

Живет по воле нищего раба, —

И золото течет, и бирюза

Горит, как русских девушек глаза!

Ш е й х

Аллах! Аллах!

Он о кяфирах говорит!

В а г и ф

В делах

Они смыслены. Много им дано.

Различие в религии? Смешно!

Ш е й х

Он сам кяфир! Он нечестивец, он

Изменник! Он неверными пленен!

Г о л о с а царедворцев

Подкуплен! Проклят! Ад ему грозит!

Он оскверняет нас! Кяфир! Езид!

Вагиф

(гневно)

Молчите! Вы! Эй, выходи вперед!
Не я изменник. Вы — продажный сброд!
Пред вами незапятнанный стою,
Спасти хочу я родину свою.
Пророков книги перечел я все
Во всей витиеватой их красе,
Достаточно, по горло сыт! Зачем
Другие книги под запретом? Нем,
И слеп, и глух наш мусульманский люд.
Насмешки терпим! Нам в глаза плюют.
Невежды мы. Учиться надо нам,
Стать сильными. Хотите — жизнь отдам
За то, чтобы потомки ваши здесь
Свободны были! Мир открытый весь
Пора познать! Пора прозреть! Пора!

Хан

А бог? А слава моего двора?

Вагиф

Мне всё равно! Я изучать привык
Любую веру и любой язык,
Но верю только в правду бытия, —
В живую правду жизни верю я!

Хан

Шайтанам русским продаешься ты?

Вагиф

История не терпит клеветы.

Хан

Ты давеча гачага превознес,
Эльдара!.. Что? Не нравится допрос?
Уж горы беглыми кишмя кишат...
Ты защищал! А нынче — русским брат?

Вагиф

Текуча жизнь... Но ты поймешь ли? Нет...
Увы, не могут слиться мрак и свет.

(Уходит.)

Х а н
(шейху)

Я знаю, как с него получим мзду!

Ш е й х
Как?

Х а н
Хураман — вечернюю звезду
Возьму себе! Стан-кипарис возьму...
Вазир завоет!

Ш е й х
Поделом ему!

Х а н
Не запоет, завоет сгоряча!
Сломается поэта кеманча.
(Встает в сердцах, собирается уходить.)

В комнату входит Ильяс.
Ильяс вернулся! Что услышим мы?

И л ь я с
Эльдар-гачаг, бежавший из тюрьмы,
Меняет лик и замечает след,
Погоню водит за нос... следу нет!
Запутывает... Сводит нас с ума:
Он между беглыми, а беглых тьма!..

Х а н
Ужель прикончить беглого нельзя?

И л ь я с
Нет. Охраняется его стезя
Всем деревенским людом... Каждый дом —
Его приют. За каждым он кустом;
Он в каждом пне, за каждым камнем он...
Как говорится с дедовских времен:
Пропал беглец — в народе растворен.

Х а н

А если мы деревни подожжем?

И л ь я с

Нет, это не поможет... Суть в другом...
Послушай, что придумал твой слуга,
Твой раб Ильяс! Наука недолга.
Один расправлюсь с ними всеми я!
Хочу я к ним примкнуть... Они — друзья.

Х а н

Что? Что такое?

И л ь я с

Да. Примкнуть не грех.
Пойду со всеми. Яростнее всех!
Скажу: повесить хан меня хотел,
А я бежал, едва остался цел.
Они поверят. Вечно буду там.
Я буду братом их. Я их предам.

Х а н

Но как предашь?

И л ь я с

Что трудного? Пустяк.
Всё визнаю в орлиных крепостях!
Эльдара стану правою рукой...
Им — гибель. А тебе и мне — покой.
Обворожу Эльдара, подольстюсь,
Уговорю: он, мол, — герой, он — князь!
Вернейшего изобразю слугу...
Потом — в затылок нож... И убегу.

Х а н

Хвала, хвала, мой добрый пахлеван!
И десять сел прибавлю к похвалам,
Когда тебе удастся провести
Моих врагов! Ты будешь жить в чести,
В богатстве жить, своих рабов иметь,
Копить ты будешь золото, не медь!

Не под уздцы прогуливать коня —
Верхом сидеть, доспехами звеня,
Как знатный будешь, только лишь сумеи
Меня избавить от беды моей!

И л ь я с

О хан, да сохранит тебя аллах!

Х а н

Иди. Будь осмотрителен в делах.

И л ь я с

Не выпустит Эльдара мой капкан, —
Капкан защелкнем. Благоденствуй, хан!

(Уходит.)

Х а н

(шейху)

А ты... Приказ тебе особый дан.
Охоту приготовь... На Хураман,
На куропатку... Ночью, при луне...
Вагифа сердце скорчится в огне!

(Уходит.)

Ш е й х

(наедине с собой)

Ликуй! Теперь твой праздник, шейх Али!
Для шейха розы счастья расцвели!
Вагиф попался в сети! Скручен, взят.
Шейх — умница, шейх праведностью свят!
Вазиром станет шейх. Вазиром — я!
Аллах! Устроена судьба моя!
А сколько гурий во дворце цветут!
Все шейха захотят, все — тут как тут!
Шелка на ложах, яства на столах...
Есть справедливость на земле, аллах!

Ш у т

(кривляясь)

Ликуй! Теперь твой праздник, шейх Али!
Репейники для шейха расцвели!

Шейх
Тьфу!
(Уходит.)

Шут
(вслед)

Эй, сводня толстопузая! Тьфу, вошь!
Что ползаешь? Зачем еще живешь?

(Опечаленный, отходит к окну.)

А ты, Вагиф... враги вокруг, Вагиф.
А время беспощадно, друг Вагиф!
Всё, всё тебе придется испытать...
Не я ль тебя пытался воспитать?..
Я говорил: — Вагиф — дитя!
...Увы, не лжет, не лицемерит,
На свой аршин всех прочих мерит, —
Он в благодарность сильных верит...
А шут смеется не шутя!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворец. Покой Вагифа. Входит Гюльнар с охапкой фиалок.

Гюльнар
(поет)

Свежа весна, светлы леса,
Цветут цветы — лесов краса...
Ужель фиалки отцветут?
Весну продлите, небеса!
Ложится тень на склон скалы,
Кричит олень, парят орлы...
Охоты рог трубит в горах,
Ложится тень на склон скалы.
О ветер гор, дыши слабей,
Там зверя травит Алибей...
Охоты рог трубит в горах...
Судьба! мне сердце не разбей!

(Говорит сама с собой.)

Есть имена прекрасные у гор,
Есть у деревьев тайный разговор,
У каждой птицы — свой особый цвет,
Лишь у любви, я вижу, меры нет!
О мой любимый, где ты? Милый, где ты?
В такую чоху чудную одет,
Так ловко в петли пуговицы вдеты!..
Где ты охотишься? В каких местах?
Ты голос мой, ты речь в моих устах!
Не поскользись над пропастью... Не встреться

С гадюками на берегу ручья!
Чтоб ветер не спустил курок ружья
Нечаянно!.. Как трудно уберечься!
Как вскакиваешь ловко на коня,
Как целишься! Что может быть чудесней?
О храбрости твоей в народе песни
Слагаются... Не слушайся меня!

Входит мать Гюльнар Аминэ.

Г ю л ь н а р

О мама!

А м и н э

Я.

Что, доченька моя?
Ягненок мой, отбившийся от стада!
Дитя родное, старости услада.
Глаза в разлуке выплакала я:
Все ожидают твоего приезда,
А ты не едешь!

Г ю л ь н а р

Мама! Каждый день
Стремлюсь к тебе!

А м и н э

Не стало в сердце места
Для матери.

Г ю л ь н а р

О мама, каждый день!

А м и н э

Брось... Ты теперь супруга — не невеста...
Что Алибей?

Г ю л ь н а р
Охотится сейчас.

А м и н э

Вот хорошо! Так, значит, ложны были
Мои предчувствия... Ведь там у нас
Бывает душно от жары и пыли...
Меня замучили плохие сны...
Будь счастлива и — тьфу! — не бойся сглазу.
Пусть будут дни твои ясны, ясны...
Пусть сыплются сюда все блага сразу,
Пусть облюбует счастье этот дом,
Пусть не обходят твой порог удачи,
Пусть рок помедлит со своим судом
И не потребует с червонца сдачи!
Пусть совмещаются цветы с плодом!

Г ю л ь н а р

Я счастлива. Зачем все эти плачи
И приговорки старые при чем?
Куда как слаще речи Алибея!

А м и н э

Ох, доченька, да он ведь сын певца!
Видать, стихами сыплет не робея,
Поет их и с начала и с конца.

Г ю л ь н а р

Да, мама, правда! Эти песни жгучи...
Сама я песни пробую слагать.

А м и н э

Нет, доченька! Сиди уж смирно лучше, —
Не сглазили бы вашу благодать!

Входит В а г и ф.

В а г и ф

О Аминэ-баджи! Какая радость
Вас видеть здесь! Имею честь просить.

А м и н э

Пошли аллах вам всяких песен сладость,
Каких вам только хочется вкусить!

В а г и ф

Располагайтесь... Алибей с охоты
Сейчас придет...

(Проходит в другие покои.)

Г ю л ь н а р

Поэт, вазир Вагиф
Мне стал отцом!

А м и н э

Ох, не было б заботы!
Он слишком добр... Не слишком ли правдив?
Вазиру должно надуваться в злобе,
Он прост... Благослови его, аллах!
Вбегает Алибей с ружьем и убитым фазаном.

А л и б е й

Гюльнар! О Аминэ-хала! Здесь обе!
Вот это гостя! Только из села?
Как я вам рад! Нет, вы скажите сами,
Какие держат вас в селе дела?
Переезжайте к нам, живите с нами...
Гюльнар! Ты мать достойно приняла?
Довольно жить в разлуке! Как нелепо!
Мы — во дворце. Вам жить в селе
пришлось.

Нам общего пора отведать хлеба.
Без дочки скучно в хижине небось?

А м и н э

Спасибо, сын. Как говоришь ты просто!
Как деревенщину принять готов!
Я думала, ты князь та-акого роста,
Когда, бывало, засылал сватов...
Спасибо, сын!.. Я к вам не перееду:
Увядший лист зеленому вредит...
Но слышит небо нашу здесь беседу,
За простоту тебя вознаградит.

А я... Нет, нет! Мои привыкли очи,
Привыкло сердце к дедовским местам.
Обидятся мой садик, домик отчий, —
Кто приголубит их? .. Останусь там...

Алибей

Жаль, тетушка! Гюльнар, зажарь фазанов!
Для матери готовь скорее плов!

Аминэ

Зима идет... Пора дождей, туманов.
Гостинец славный для тебя готов.

(Достаёт пестрые джорабы.)

Вот я джорабы для тебя связала —
Крестьянский дар, сынок, не обессудь.

Алибей

Спасибо, мать! Как славно ты сказала! ..

Аминэ

Спасибо, сын. Носи и счастлив будь!

Алибей

Пойдем же, отдохнем в опочивальне...

Входит Вагиф.

Вагиф

(тихо)

Останься, Алибей. Ты нужен мне.

Алибей возвращается.

Исполнено? Ты выполнил уроки?

Алибей

Всё хорошо. Эльдар — в той стороне.
Мы виделись. Сказал: подходят сроки.

(Хочет убежать.)

Вагиф

Останься, Алибей! Ты нужен мне.

Алибей возвращается.

Алибей

А что, отец? Твои глаза так строги...
Ведь я неплохо выполнил наказ,
Я виделся с Эльдаром... Я с дороги
Иду умыться... Там Гюльнар...

(Кричит за сцену.)

Сейчас!

Вагиф

(удерживает его)

Скажи мне правду. Ты не ведал страха,
Когда пришел в гачагский стан? Скажи,
Ты не подумал, что топор и плаха
Грозят сообщнику? Без детской лжи
Ответь отцу, как муж ответит мужу,
Что для тебя мир счастья не померк
И недовольство не закралось в душу?
Ведь я тебя опасности подверг!

Алибей

Нет, нет, отец! Мне нравятся тревоги,
Луна, в горах укромные углы...
Опасностями дышит край дороги,
И сам Эльдар похож на Кер-оглы...
Там тени между скал необычайны,
Там голос ветра к подвигам зовет...
Мне нравится скрывать от женщин тайны
Мужских походов и мужских забот...

(Снова собирается уходить.)

Вагиф

Останься, Алибей!

Алибей возвращается.

(В сторону.)

Ребенок сущий...

(Сыну.)

Прости меня, дитя мое, прости,
Что заставляю в юности цветущей
Тебя такие тяготы нести!
Бунтарь, лазутчик, обреченный воин...

Играл бы в мяч. А сколько есть забав!
Нет... Нет, не так. Ты большего достоин,
Я пред тобой не виноват — я прав!
Я у тебя не отнял радость боя!
И если б я растил тебя, сынок,
В пуху лебяжьем нежа и покоя, —
Тогда бы ты простить меня не мог!
Что стóбит жизнь, когда ее не стоим?
Кто любит жизнь — ей всё отдаст любя!
Сын, радуйся, что счастье быть героем
Родной отец не отнял у тебя!

Неслышно входит В и д а д и; с другой стороны подслушивает Х у р а -
м а н. Они не видят друг друга.

Ты любишь, сын, далекий звук свирели,
Изломанные молнии дорог
На склонах гор?.. И дух земли в апреле,
И в междугорьях солнечный дымок?..
Нет, мир не вечно будет людям тесен:
Для счастья мы живем. За далью лет
Я вижу век просторный, полный песен...
Не вечна ночь! Обязан быть рассвет.

В и д а д и
(Вагифу)

Пойдем. В саду побродим по аллее...

Алибей уходит.

К отъезду я готов...

В а г и ф
(грустно)

Уедешь, друг?

В и д а д и

Разлука — зло. Здесь оставаться — злее.

В а г и ф

Пойдем, старик...

(Задерживается на миг.)

Хорош свирели звук!

Вагиф и Видади уходят.

Х у р а м а н

(одна)

И днем и ночью всё одно и то ж —
Всё те же мысли. Проку ни на грош!
Подумает о нашем доме — кто?
Проснется нищим на соломе — кто?
Прогонят из дворца, тогда поймешь!
Тому, кто сватал, — в грудь бы нож за то!
Зря пропадает молодости цвет!
Кто взял меня? Поэт, поэт, поэт...
Да будет проклят!.. Нет, аллах... свят, свят!
Ведь плохо быть вдовою... Лучше сват
Пусть будет проклят! Да погибнут сад
И поле свахи, что сводила нас
В какой-то черный, неудачный час.
Всем, всем, аллах, пошли семь тысяч бед —
Виновникам... Ничтожество!.. Поэт?
Сначала он хоть ласков был со мной...
Какие речи в тишине ночной
Он мне шептал! Как целовал меня!
Теперь и ночь ничем не лучше дня.
Всё думает, всё ходит... Стал суров,
Не видит женских слез, не слышит слов,
Безумным стал! Стать нищим обречен!
Да будет проклят, проклят, проклят он!

Входит старуха.

Старуха

Как хороша! Ах, куропатка ты,
Ах, роза, пахнувшая сладко, — ты!
Охотников пленяешь белизной!
Причина шума, беспорядка — ты!
Кусочек царский, ханская халва,
О бладоستي твоей идет молва...
Стан — кипарис, жемчужин полон рот, —
От прелести кружится голова!

Х у р а м а н

Что, бабушка, случилось? Почему
Ты столь пристрастна к виду моему?

Старуха

Ты — перепелочка, ты — райский плод!
Точь-в-точь фисташка крошечная — рот.
Ах, брови будто вывело перо!
Кто их увидит — вскрикнет и замрет!

Хураман

Ты помешалась. . . Ой, оставь меня!

Старуха

Зачем кричишь, невинную вина?
Не я сошла с ума, — сошел с ума
Тот, кто в тебя влюбился. . . Ты сама
Людей лишаешь разума и сна!
Ты — курочка, ты — райская весна,
Ты — мед и сливки! Роза красоты!
Ты — лакомство для ханов. Вот кто ты!

Хураман

А ну-ка, бабка! Правду расскажи.

Старуха

Постой, от нетерпенья не дрожи!
Молочная овечка, о луна!
Какая весть мне для тебя дана!
Готовь скорей подарки, Хураман, —
Что мне даешь? В тебя влюбился хан.

Хураман

Что? Хан? в меня?

Старуха

В тебя. Молчи пока,
Оденешься в атлас, в парчу, в шелка,
Теперь другой походкою ходи:
Павлиньей, — две служанки впереди,
Две — сзади. . . Как луна в ночной тиши,
Неторопливо шествуй, не спеши,

Зато на ложе, ночью, будь быстра,
Нетерпелива, что огонь костра!
Свой стан и шею крепко обвивай
Руками хана... и узнаешь рай!

Хураман

Ах, ах! О чем старуха говорит!
Да правда ль это?

Старуха

Пусть мой день сгорит,
Когда я лгу! Посмею ли болтать?
Подумай — хан! О, божья благодать!
Он разве человек? Он — пахлеван.
Для умиленья нам аллахом дан —
Чернокурчавоусый, как Рустам!..
Скажи, дитя, спасибо небесам!

Хураман

Нет... нет! А грех? Коран и шариат?
Вагиф? Вагиф! Супружества обряд!..

Входит шейх.

Шейх

Ага, ага! Вот так оно и есть!
Откажешь хану — потеряешь честь.
Хан есть хозяин — люди суть рабы.
Его желание — рука судьбы.

Вбегает Гюльнар. Останавливается. Шейх, старуха, Хураман,
увлеченные разговором, не замечают ее.

Знай — хану возражать нельзя. Нельзя!
В ад скользкая тебя сведет стезя:
Сам Азраил, негодницу губя,
В аду замкнет за твой разврат тебя
И отошлет от райских врат тебя!
Согласна? Говори?

Старуха
Согласна?

Хураман
(с трудом)

Да... Но...

Шейх
Что? Вагиф?

Хураман
Вагиф...

Шейх
Его беда!
Ему не жить.

Хураман
Вагифу?

Шейх
Всё равно:
Считай — он умер. Решено давно.

Хураман
Но он не умер!

Шейх
Умер твой поэт.
Ты — честная вдова. Вагифа нет.
Будь счастлива. Я передам ответ.

Старуха
Будь счастлива!

Старуха и шейх уходят.

Хураман
Я знаю, это сон...
О, что я сделала? Что скажет он?

Вагиф, Вагиф! Он безопасен мне...
Я — ханша. Или это всё во сне?

(Плачет.)

Из-за занавески выходит Гюльнар.

Г ю л ь н а р

Нет, ты не спишь. И я не сплю. Я — здесь.
Всё правда. Правда такова, как есть.

Х у р а м а н

(отшатываясь)

Что это значит?

Г ю л ь н а р

Подлая!

Х у р а м а н

Уйди!

Г ю л ь н а р

Пусть вестником, идущим впереди,
Позор тебе сопутствует везде.

Появляются Вагиф и Видади.

В а г и ф

(шутя)

Что приключилось? Кто из вас в беде?

Г ю л ь н а р

Отец!

(Плачет.)

В а г и ф

Ты плачешь? Иль смеешься ты?

Г ю л ь н а р

Отец!

В а г и ф

Ты плачешь, чудо красоты?

Г ю л ь н а р

О, не шути!

В а г и ф

Голубка, что с тобой?

Г ю л ь н а р

О, хуже, хуже, чем ночной разбой,
Такая жизнь, где сводням нёт помех,
Где шейхи праведным считают грех,
Где ханом утверждается закон —
И ханом же в грязи растоптан он!
Уйдем отсюда!

В и д а д и

(пораженный)

Слышишь, друг? Уйдем.

В а г и ф

Не понял я...

Г ю л ь н а р

Наш опозорен дом!

Х у р а м а н

(пытаясь помешать)

Где женский стыд? Молчи!

Г ю л ь н а р

Здесь нет стыда.

От хана сводница и шейх пришли сюда.

Х у р а м а н

О, замолчи!

Г ю л ь н а р

Шейх оправдал вину.

Хан в жены взял себе твою жену!

В а г и ф

...А Хураман?

Г ю л ь н а р

Она...

В и д а д и

Беда! Беда!

В а г и ф

...А Хураман?

Г ю л ь н а р

Она сказала «да».

(Плача уходит.)

В а г и ф

Что ж! Пожелаем счастья Хураман.

Она — чужая мне...

Опять обман,

(Рассуждает, позабыв об окружающих.)

Опять всё та же мука отвращения!..

Мир преступлений — ханские дворцы.

Хан должен быть бесчестен от рожденья,

Поскольку ханов чествуют льстецы.

Что Хураман? Всё чуже, всё нелепей

Красавицы гаремов для меня...

Остыло сердце в этом ханском склепе,

В душе не стало для любви огня.

Х у р а м а н

Вернись ко мне, Вагиф! Моя корона!

Возлюбленный!

В а г и ф

Уйди, красотка, прочь.

Цвети под сенью ханского закона.

Что дать тебе могу и чем помочь?

Хураман уходит. Молчание.

А я ее любил! И что осталось?

Я радовался ей! Стихи слагал,

Обманывал гаремной страстью старость...

Иль сам себе я песнями солгал?
Да, близок он — суровый, несогретый,
Мой неподкупный, мой тяжелый час...
Не лучше ли, что, как поют поэты,
«Разбит покрытый перламутром саз»?..

Вбегает Алибей.

Алибей

Убью! Убью злодейку!

Вагиф

Мало чести —
Бесцельно убивать. Нельзя! Убей
Врага в бою, не женщину из мести.
Не пачкай руки. Выйди, Алибей.

Алибей

Я не могу терпеть!

Вагиф

Иди не споря.

Алибей уходит.

(Обращается к Видади.)

Оставь меня и ты. Среди людей
Не подобает в час мужского горя
Быть на виду...

Уходит и Видади.

Вагиф

(один)

Вагиф, себя убей!..

Ты, друг, смешон, тебя повесить мало.
Позор дворцовый для тебя не нов...
Жечь! Бить! Крушить! Уйти бы, как бывало,
На вольные эйлаги чабанов,
Где просто всё, где жизнь берет начало,
Любовь живет в изодранном шатре...
Там ветерок благоуханный веет,
Там добрый мой народ мечту лелеет

О верности, о чести, о добре! ..
Вазир Вагиф, поэт Вагиф, терпи,
Слагай стихи, гуляя на цепи,
О сладости простора и свободы:
Прославь эйлаг, пастушьих плясок пыл,
Поля, цветы. . . Пускай промчатся годы,
И люди скажут: «Он счастливым был! . . .»
О, вольный край! Горячий день в труде,
Простой ночлег. . . народные поверья,
Восхода час, луч солнца на воде. . .
Стихи текут. Спасение в беде! ..
Где перья?

*(Роется в книгах, сложенных в стенной нише.
Весело кричит на весь дом, созывая слуг.)*

Эй! Мои чернила где?

Вбегают испуганные слуги и домочадцы.

Куда, шайтан, мои девались перья?!

(Садится, пишет.)

Занавес медленно опускается

Действие второе

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Холмистая равнина. Стан. На холме шатер шаха Каджара.

Вокруг другие шатры. Конское ржанье.

Шум голосов.

Из шатра направо голос пленницы Тамары.

Т а м а р а

В разлуке с милыми сгорает сердце. . .
За что — не знаю — бог карает сердце?
Летите, журавли, в страну родную,
Скажите им, как умирает сердце!
Я — пленница, устала на чужбине,
Седой старухой стала на чужбине!
Не милой никому рабыней стала, —
Лишь смерть меня ласкала на чужбине!

С т р а ж

Мне душу терзает несчастной невольницы плач!
Не воин Каджар и не доблестный муж, а палач.
Нет больше такой, чтобы смерть пощадила,
семьи!..

Всё трупы мне снятся, безумны виденья мои...
Пустырь погорелый, кровавая рана Иран!
А шах не насытился зрелищем крови и ран!

Т а м а р а

Что пленных ожидает на чужбине?
Кто слабых ограждает на чужбине?
Лишь смерть за испытанья награждает,
Лишь смерть освобождает на чужбине!

Выходит из своего шатра К а д ж а р.

К а д ж а р

Грузинская женщина воем опять?

С т р а ж

Мой шах! Разве может щегол щебетать
За прутьями клетки, с подбитым крылом?

К а д ж а р

Жалеешь?

С т р а ж

Нет, шах!.. Суждено.

К а д ж а р

Поделом!

(Обнимает Тамару и вновь отталкивает ее со злобой.)

Болтают, что вкус поцелуя хорош!
Неверно! Людишек обычная ложь.
Мне выпала доля, глухая к любви.

(Стражу.)

Ступай и вазира ко мне призови.

Страж уходит. Каджар озирает небо.

Огнем осыпаются факелы звезд.
А там — лишь огонь! Божий замысел прост.
И солнце — костер: не щадит ничего,
И звезды помельче — лишь искры его.
Я — избранный, — боже, не призван ли жечь?
В плоть мира не я ли вонзился, как меч?
Не кровью ли всякая плоть скреплена?
Я прозван кровавым? — Кровава она!

К шатру Каджара подходит его в а з и р.

В а з и р

Мой шах! Уж весна зацветает, пьяня. . .

К а д ж а р

Слуга! С пониманием слушай меня.
Нам грустно. Владыкам привычна тоска:
Сокровища мира — шепотка песка.

В а з и р

О чем повелителю мира скорбеть?

К а д ж а р

Внимай. Для богатого золото — медь.
Допустим, Китай, и Алеппо, и Рим —
Всё будет — с востока на запад — моим,
Тем более, что Тамерлан и Чингис
Предтечами нашими были. . . Нагнись!

Вазир склоняется к шаху.

(Тише.)

Мир — призрак. Не станет меня самого —
И тотчас же мира не станет сего.
Не мира мне жаль! Жаль закончить игру:
Наследника нет. Я бездетным умру.

В а з и р

Забудьте печали свои, шахиншах!
Взгляните на степь, на ручьи в камышах!

В полях перепелки жиреют весной,
Их перья как будто окрашены хной. . .

К а д ж а р

В речах твоих смысла не видим, слуга!

В а з и р

Я думал — порадуют шаха луга?
Прогулок, охоты захочет душа. . .

Каджар смеется.

(Радостно.)

Смеетесь? Я счастлив, Каджара смеша!

К а д ж а р

Слуга! Ты себе отдаешь ли отчет?
Охота на рябчиков нас не влечет!
Луга. . . Перепелки! Стараешься зря:
Людская охота — забава царя.
Вот меч — он всегда наготове, взгляни,
На струи запекшейся крови взгляни.

В а з и р

Я жалок, лишенный величия смерд. . .
Но шах добродетелен и милосерд!

К а д ж а р

Кто? Мы милосердны? Плешивый, не лъсти!
Во мне благодетеля не обрести.
Раб! Лестью раба властелин оскорблен.
Все знают, что в детстве я был оскоплен. . .
О, да, я — калека. Для нас образец —
Тимур, Тамерлан — знаменитый Хромец.
Сторицею кровью за кровь получу,
Пусть мир палачей присягнет палачу!
Ха, мы добродетельны? Больше не лги.
Наш долг — получить со вселенной долги.

В а з и р

Шах — солнце для подданных!

К а д ж а р

То-то! Взгляни.

Что пишут, поют, издеваясь, они.
Мы нравимся подданным? Как бы не так.
Сожрали бы, если б не войско... Дурак!
Достаточно. Скучной беседа была...
Скажи-ка мне, как с Карабахом дела?
Идет ли под руку мою Карабах?
Нуждаемся в азербайджанских рабах.

В а з и р

Мой шах! Я надежду на милость храню...
Тбилиси мы только предали огню...
Зачем разрушать райский город Шушу?
Зачем Карабах сокрушать?

К а д ж а р

Сокрушу.

Послы, отряженные мной в Карабах,
Вернулись?

В а з и р

Не слышно. Всё тихо в горах.
Вестей никаких. Но проверена весть,
Что будто у хана шушинского есть
Учитель: Панах — знаменитый молла!
Вагиф — его прозвище. Песни — дела.

К а д ж а р

Поет? Это как же понять?

В а з и р

Он поэт.

Он мудр. Человека учение нет.

К а д ж а р

Вранье! Там живут в нищете племена.
В онучах, в джорабах пастушья страна —
Поэта иметь пожелала? Спроси:
Не нужен ли им, голытьбе... Фирдоуси?

В а з и р

Простите... Не нужен! Я думал, как встарь...
Вы сами ведь азербайджанец!

К а д ж а р

Мы — царь.
Я больше не тот, кем я некогда был:
Я право быть принцем персидским добыл!

(*Стражам.*)

Давайте-ка пленных грузин и армян!
Мы стравим борцов. Посмеется Иран.

Входит полководец.

П о л к о в о д е ц

Мой шах! Возвратились послы из Шуши.

К а д ж а р
(*Вазиру*)

Их вести, как я убежден, хороши.

Входят послы, вручают Каджару письмо. Шах передает его
вазиру.

Читай.

В а з и р

(*просматривая и поворачивая письмо*)

Здесь начала законного нет...
Здесь только стихи... Где почетный ответ?

К а д ж а р

Читай!

(*Саркастически.*)

В Карабахе поэты живут:
Не в том ли ты сам убеждал меня, шут?

В а з и р

(*читает, страшась и запинаясь*)

«Письмо твое читали, Магомед.
Меж соколов стервятник не на месте».

К а д ж а р

Стервятник?!

В а з и р

Шах! В глазах темнеет свет...

(Читает.)

«У деспотов нет смелости и чести.
Эй, эй, Каджар! В тебе не кровь течет,
А простокваша старая закисла!
Зачем, скажи, бесплодному почет?
Расти на иве персикам нет смысла.
Возлюбленной не может стать змея,
И скорпион в любовники не годе...
Эй, гадина! Таких, как ты, уродин
Не примет карабахская семья!»

К а д ж а р. Что, вазир, какво охотиться на перепелок?! Собрать военачальников, солдат, воинов! Надо сжечь Карабах дотла. Сжечь Карабах! Убить Карабах, убить Карабах! Карабах!..

Вводят п л е н н ы х.

В а з и р

Властитель! Вот пленники.

К а д ж а р

(овладевает собой) .

Пленники? Что ж...

(Обращается к обоим узникам.)

Ты завтра умрешь. И ты завтра умрешь,
А нынче желаем развлечься борьбой.
Деритесь... Нам хочется видеть убой.
Деритесь друг с другом, друзья, как враги.
Зато победивший — свободен. Беги!

Первый пленный

О мой государы!

К а д ж а р

Что?

Первый пленный
(указывая на другого)

Он мне не чужой.
Мы братья родные, с единой душой, —
Единая кровь и единая честь. . .

К а д ж а р

Как? Братья?

(Вазиру.)

Здесь нечто забавное есть!

В а з и р

Мой шах, ваша воля, вы — цвет бытия,
Вы — праведный и милосердный судья.

К а д ж а р

(пленным)

Эй, пленники, живо! Пора начинать!

Второй пленный

(первому)

О брат, нам придется друг друга обнять
Так крепко, чтоб треснули кости у нас
И красная кровь потекла бы из глаз!
Убей меня, брат, и не плачь надо мной:
Свободу купи ты любой ценой, —
На родине старую мать успокой:
Ты — младший, ты самый в семье дорогой!
Мать горько заплачет в объятьях твоих, —
Но лучше терять одного, чем двоих.

Пленные снимают с себя одежды.

Первый пленный

Нет, братец, я руку не в силах поднять! . .

Из шатра выбегает Т а м а р а и становится между ними.

Т а м а р а

Нельзя!

Молчанье. Смех Каджара.

К а д ж а р

Торопитесь, борцы, начинать!

Г о л о с а и з т о л п ы в о и н о в

— Довольно бесчинствовать! Мы не хотим!

— Когда возвратимся мы к детям своим?

— Мы горем людским упиваемся тут,

А малые дети от голода мрут!

— Давно ли, Каджар, человечину ешь?

К а д ж а р

(обнажая меч)

Изменник! Кто в армии сеет мятеж?

Разгорается бой. В пылу боя солдаты и Каджар убегают за холм.
На сцене остаются пленники и страж.

С т р а ж

Бегите живее. Вот выдался случай какой!

Не мешкайте. Кони оседланы. . .

Путь — за рекой.

Доскачете завтра домой. . . День и ночь впереди. . .

Т а м а р а

О брат!

С т р а ж

Поживей!

Пленные скрываются.

(Угрожая шатру Каджара.)

Погоди, грязный зверь, погоди! . .

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Лесная гора. Стан беглецов-гачагов. На вершине крепость Шуша. У подножья горы, в ущелье — стан Эльдара. Повстанцы, кто стоя, кто сидя, беседуют. Костер. На ветви дуба висит освежеванная туша. Муса поет.

Муса

Я не садовая гвоздика, я — дикий цвет!
Одну тебя я буду ждать хоть сотню лет!
Ах, чтоб сгорело одеяло твое, мой свет!
Как без меня ты можешь спать? — терпенья нет!
Ах, я — джейран; в горах скитаюсь, к тебе приду.
Я на равнину с гор спускаюсь, — к тебе приду!
С тюремной стражей рассчитаюсь, — к тебе приду!

Первый гачаг

Ай, джан! Голосу твоему пусть буду я жертвой!

Второй гачаг

Посмеши, Муса, развесели наш меджлис,
Расскажи, дорогой, что знаешь.

Муса

Что ты, что ты! Ведь я не Ходжа Насреддин!
Так и быть, я скажу вам один на один:
Дай нам, боже, душистую травку весной,
Знойным летом — глоточек воды ледяной!
Дай нам осенью, боже, сыр, хлеб да арбуз.
А зимой — теплый домик с веселой женой!

Первый гачаг

Ай, джан! Ай, джан!

Второй гачаг

Ах, чтоб тебе счастье приснилось!

Ильяс. Скучно, братцы, песенки слушать. Чтоб ему пусто было, нашему атаману Эльдару! Без дела в грязи сидим, камни задами обтираем. Даром пропадает гачагская жизнь!

Муса. Эй, приятель, что квохчешь, как курица, у которой яичко не тем боком пошло?

Ильяс. Эй, Муса, остыл я, по правде, к этому делу... Дело ли молодцу молча в грязи сидеть?

Муса

Гм...

Если я бек и ты бек,

Кто же корову будет доить, мил человек!

Ильяс. Да, шутка ли сказать! Собираемся драться с самим ханом. Да разве победим? (*Указывая на горы.*) Эти пушки да ружья ведь не снятся мне? Они не у нас в руках, — у хана в руках!

Муса

(*Ильясу*)

Спятил парень! А ну, погляди-ка мне в глаза!
Моря боясь, рыбку ловить нельзя!

Ильяс (*растерянно*). Дивлюсь я вам, друзья!

Муса (*насмешливо*). Ах, мой воробушек, моя горлинка! Пусть хан не пугает тебя, схватим его за горло. И... кррак! Забыл ты, Ильяс, поговорку: «Уж коли народ вместе соберется, то любую подпорку из-под каменных сводов вытащит».

Входит Эльдар.

Эльдар. Э-эх, дружище Муса, свет очей Муса! Что тебе возразить? Правду говоришь! Всем ты, Муса, хорош. Только подумать — от курдянки да такой сын. (*Обнимает его.*) Э-эх! Имя мое, доблесть твоя!

Муса. Еще чего... Ты тоже не шути, пожалуйста!

Эльдар. Клянусь аллахом, правду говорю: ты — тигр! Сколько раз выручал ты меня в боях, где было крови по колено!

Собираются новые гачаги. Глядя на них, радуется Эльдар.

Друзья мои! Как много нас теперь!
Вы, только вы — надежда, сила жизни!
Вы знали столько бед, обид, потерь,
Вы с близкими в разлуке...
Зубы стисни!
Верь в светлый час. Не отступай и верь!

Есть у отцов наших старая поговорка: «Кто пчел разведет, тот и пальцы свои оближет». Верно? .. Верно? Что скажешь, Муса?

Муса. Так оно и есть. А еще поговорку знаешь? «От каждой капли поток сильнее делается».

Эльдар

(снова говорит стихами)

Ах, уточки — зеленые головки,
Возлюбленные наши! Не для них
Покой и свет, наряды и обновки...
Пропали годы матерей седых.
Мы землю пашем, мы и засеваем,
Мы создаем счастливые дворцы,
Плоды садов от стужи укрываем, —
Мы, только мы — прекрасного творцы!
А чем богаты? Голодом да горем!
А что награда? Виселицы крюк!
Чума поборов косит нас под корень, —
Куда спастись от этих цепких рук?
Тюремщиков когда мы переборем? ..

Муса. И впрямь, Эльдар, эти беки что бешеные клячи! Такой кляче только ячменя подсыпь — лягаться начнет. Чуть разбогатеет захудалый бек — тоже в князья лезет, народ мучит!

Эльдар. Верно, Муса. Вот и Қаджар зубы оскалил. Удалось старому волку разгромить Иран — возомнил себя Тамерланом! Хочет и нашей крови попить!

Ружейные выстрелы. Появляются Тамара, армяне и грузины.

Идите, идите, братья! Не бойтесь. Кто вы?

Шалико. Деспот Магомед Қаджар нас разорил!..

В пламя бросил нас кровавый безумец! Долго бились грузины, но и доблесть не помогла. На этот раз победил Каджар, захватил нас в плен! В крови потопил наши долины, кровью напоил каменные горы!

Эльд ар. Не подобает храбрым грузинам терпеть поражение в бою!

Ш а л и к о. Так вышло, случай...

Эльд ар. Потом что было?

Ш а л и к о. Взяли нас в плен. Расстались мы с нашим селом, с нашим родным гнездом... Поседали, больными стали в плену... Потом вырвались, убежали от проклятых мучителей!

Эльд ар. Вот оно что!

Ш а л и к о. О главарь! Ты видишь нас слабыми и одинокими. Не пользуйся нашей слабостью, отпусти с миром! Не казни!

Эльд ар *(смеется)*. Вас? Казнить? Мы рады вам всей душой, братья наши! Знаю я хорошо ваши горы, ваши журавлиные родники... Много раз пересекал я ваши озера; по землям грузинских племен я проходил как брат! Есть у грузин честь, мужское достоинство. Разве забуду я братскую хлеб-соль? Знайте, лишь добрые дела не пропадают в этом мире! *(Кричит своим воинам.)* Эй, там, ребята! Спустите-ка эту баранью тушу! Живее зажарьте шашлык! Праздник у нас!

Т а м а р а. Спасибо... Уже вечереет. Темно. Боимся запоздать. Дни становятся к осени короче...

Эльд ар. Воля ваша. Наши горы — наш дом. Наш дом — ваш дом. Молодцы мои проводят вас до Тбилиси.

Ш а л и к о. Огромное благодеяние окажете нам!

Эльд ар. Нет, это мой долг... долг мой. (Одному из грузин.) Послушай, брат, и ответь: эта волчья сука — кровавый Каджар, — кажется, хочет пробраться в наш Азербайджан? Что он затевает?

Ш а л и к о. Сам понимаешь: может ли шах жить, не задумав новые преступления?

Эльд ар. Так... Что же делать теперь нам, бедным? Только объединившись, становятся сильными племена. О друзья, мы побратались, побратаем же и наши ружья! Тогда удастся нам разmozжить голову змее.

Ш а л и к о. Верно, брат мой. Клянусь, через три дня поспеют на помощь тебе наши дружины.

Эльд ар. Верю вам! Приходите!.. Эй, Муса!

М у с а. Я здесь.

Эльд ар. Слушай, что скажу, — возьми пятерых всадников на крылатых конях, стань во главе их и проводи гостей. И еще, Муса... Мен олюм! Гляди, милый, чтобы никакая беда в дороге не приключилась с гостями!

М у с а. Что, ребенок ты?.. Ребенок! Ужели сам не понимаю?

Ш а л и к о. Будьте здоровы, братья!

Эльд ар. С миром.

Провожает грузин. В это время к Эльдару подводят какую-то старуху.

А ты, старая, откуда?

Старуха. Ох, сын мой, Эльдар! Вот я вся перед тобой: старуха без поддержки, без помощи. От всего добра у меня коровушка одна оставалась. Она и была мне опо-

рой. Ее в эту ночь отняли у меня насильно твои люди... Ох, сынок мой! Живьем меня похоронили! *(Плачет.)*

Эльдар *(гневно)*. Кто смел отнять, бабуся?

Старуха. Кто отнял? Он. *(Указывает на Ильяса.)*

Эльдар. Низкий! Негодяй!

Аршак *(Эльдору)*. Что ж, начальник! Разреши сказать, наконец, правду: ничего хорошего не ждем мы от Ильяса. *(Смело.)* Легко ему народ обидеть, легко и нас предать!

Эльдар *(Ильясу)*. Клади на землю ружье.

Ильяс кладет ружье.

А теперь ступай. Жильем твоим да будет эта пустая пещера. Не к лицу бесчестному оружие.

Эльдар достает из кармана деньги и протягивает старухе.

Возьми, бабушка, купи себе корову. Я уж заранее даю ей имя: Марал! Судебная улика. *(Смеется.)*

Старуха. Пусть буду я тебе жертвой, о внук дорогой. Чтобы не знать тебе на этом свете нужды!

(Кланяясь, уходит.)

Эльдар *(указывая на Ильяса)*. Поглядите-ка на него, братья, полюбуйте на подлеца. А я-то верил этому сыну змеи. Я виноват.

Ильяс. Провинился я... Ошибся. Это... только ошибка. Прости, мудрый Эльдар, прости меня! Ты милосерд. Больше никогда не повторится это... Не отталкивай меня!

Эльдар *(смягчаясь)*. Дурак. Незапятанным было имя Кер-оглы. Только незапятанный может победить бесчестных. Как же ты не понимаешь? Мы против разбойников боремся, можем ли мы сами быть разбойни-

ками? Иди на этот раз, и чтобы больше никогда не повторилось... Никогда!

Вбегает Алибей.

Алибей. Эльдар, послушай, ты только послушай! На нашу землю идет Магомед Каджар! Хотя отец мой больше не вазир хана Джаваншира, но так он говорит и просит передать: да не достанется никогда наша родина чужеземцам! Стяни воедино все силы, какие у тебя есть. И еще просил передать отец: сражайся в тылу с Каджаром! А хан — он останется в наших руках. Друзья! Сейчас глаза родной земли глядят на вас, — это вы ее родные сыновья, а не ханы и не беки! Дети родины! Корни Карабаха! Не впускайте в нашу страну злодея Каджара. Защитите имущество крестьян.

Пауза. Раздумье.

Эльдар. Передай Вагифу: я согласен. Я не ослушаюсь умных советов. (*Повернувшись к своим.*) Вас зовет великий сын родной земли, царь песен! Совесть его живет и дышит любовью. Он зовет вас биться за свободу карабахской земли! Земля говорит устами певца и шаира!

Мечи, ружья, копья поднимаются вверх.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Гористая местность. Гул пушек, треск ружейных выстрелов. Из-за горы подымается зарево пожара. Пылают села, подожженные Каджаром. Издали доносятся вопли и мольбы о пощаде. Каджар, стоя на вершине горы, глядит на побоище.

К а д ж а р

Гори, орлов зеленоё гнездо!
Мне запах смерти раздувает ноздри,
И голос смерти веселит меня.
Пусть огненные вихри веют выше!

Пусть небо ниспошлет поток огня
В ответ на это пламя! В уголь черный
Пусть обратятся скалы, смрадно тлея;
Расплавятся и лавой станут горы,
Моря и реки паром изойдут,
Свистя, как змеи! Пусть могильный холод,
Меня грызущий, обратится в жар!
Мир должен пасть во прах передо мною
И подтвердить: «Да, ты царишь, Қаджар!»
Огонь и кровь — основа мирозданья,
Замешано крутое тесто жизни
Не на воде. Когда-то был и я
Рожден в потоке крови материнской, —
Лишь в этом суть! Так плавайте в крови,
Невинные голубки Қарабаха!
Голубки на земле и звезды в небе —
Всё пепел смерти. . . В мире нет любви.

(Обращается к вазиру.)

Вазир! Суть жизни — смерть.

В а з и р

Вам лучше знать.

Вы — милосердие и справедливость.

(Кланяется.)

Приближается телохранитель.

Телохранитель

Простите, милосердный шахиншах!
Вас хочет видеть человек. . . крестьянин.
Он слово хочет молвить. . .

Қ а д ж а р

(любезно)

Пусть войдет.

Телохранитель

(крестьянину)

Войди, отец, войди, старик, не бойся. . .
Вот шахиншах Қаджар Великий. Вот он —
Светило неба и земли! Войди.

Старик
(Каджару)

О государь великий! У меня
Есть слово, чтоб тебе сказать. Прости,
Я — лишь один из давних старожил
Перед тобой горящего села...
Хочу сказать о горести народной...
В огне пылают маленькие дети,
Младенцы, матери... О государь!
Когда крестьяне наши виноваты —
Казните нас! Но перестаньте жечь
Старинное село, народа гордость!
Здесь пребывали доблестные львы,
Здесь Кер-оглы и конь его крылатый...

Каджар
(перебывает)

Молчи, вонючий пес! А, Кер-оглы?
Крылатый конь? Ха-ха! Пустое мелешь...

(Уходит.)

Старик
(вслед)

О, проклят будь, бессовестный палач!
Не ты наследник миру Сулеймана.
Червей добыча ты! Всё минет в мире...
Прощай, Каджар. Недолгим будет пир...

(Уходит.)

Каджар снова на вершине скалы. К нему подходит один из его полководцев.

Полководец

Великий шах! Ты плохо защищен
От неожиданной угрозы. С тыла
Обходят нас гачагские отряды, —
Эльдар подходит... Эти мужики
Нещадно косят наших... Защищаться
Необходимо. О великий шах!
На этих скалах станем... Вот на этих...
Считались неприступными они.

К а д ж а р

Коней седлайте. Полк пошлите в тыл,
Противника сдержать необходимо,
Пока успеем отойти. . .

П о л к о в о д е ц

Все — здесь,
Все воины в готовности, великий.

Отходит к воинам. Приближается с т р а ж.

С т р а ж

Вот посетитель, о великий шах!
Шейх Карабаха.

К а д ж а р

Пусть войдет немедленно.

Входит ш е й х, с ним несколько духовных особ.

Ш е й х

О наш Каджар! Сокровище вселенной!
Мы ждали вас. Аллаху всеблагову
Мы вознесли мольбы, дабы аллах
Ускорил ваш приход, светило мира!
Наш древний Карабах для вас открыт.

К а д ж а р

А... что ж, войду, войду! А где же... этот...
Хан Ибрагим?

Ш е й х

Не думайте о нем.
Он в Дагестан бежал сегодня ночью.

К а д ж а р

А-а... бежал. Что ж, это хорошо!
Останься здесь. Вернись вместе с нами.
Ты в дебрях горных будь проводником.

Ш е й х

(кланяясь)

За счастье почту, почту за милость. . .

Шейхи уходят. На авансцену выходят два воина.

Первый воин

(второму)

Эх, дорогой! Уж кровью полон рот,
Оружие кроваво, кровь на пальцах...
Насытиться не может наш Каджар!
А с ним и мы разбойниками стали...
Клянусь! Предпочитаю умереть.

Второй воин

Брось голову свою трудить, голубчик!
Мы — воины, а больше мы никто.
Что нам прикажут, то и надо делать.
На поле битвы глупо размышлять.

Первый воин

«Мы воины, а больше мы никто»?
Дурак же ты, как погляжу... Подумай:
Погибнешь ты, безвестный, как собака,
И, как собака, ты сгниешь. А шах?
Убудет ли его кровавой славы
От жалкой смерти воина?.. Дурак!

Второй воин

Молчи, бездельник! Нас уничтожают
Какие-то гачаги, мужики,
А ты — ты сеешь смуту в войске шаха!

Первый воин

Нас мужики уничтожают? Ха!
А чья это земля? Твоя, быть может?
Нет, не твоя, разбойник! Их земля.

Второй воин

Что? Ты продался! У, изменник!

Первый воин

Пададь!

Обнажает меч. Дерутся. Сбегаются прочие воины, бьются друг с другом, защищая своих приятелей.
Из-за холмов появляется отряд Эльдара.

Эльдар

(глядит сверху на дерущихся)

Вот это зрелище! Удачный час.

(Кричит.)

Эй, кто сдаётся?

Отряд гачагов спускается, держа оружие наготове.

Один из воинов Каджара

О аллах... Гачаги!..

Часть воинов Каджара бросается навстречу гачагам, высоко подняв оружие, другие пытаются помешать им сдаться. Гачаги защищают своих пленников, выходят победителями, обезоруживают врагов. Часть воинов Каджара бежит в горы, другая — присоединяется к гачагам.

Первый воин

Хвала аллаху! Кончен наш разбой.
Достаточно в чужой крови купались,
Пришел и к нам покой.

(Протягивает руки гачагу.)

Вяжи, мужик!

Эльдар

Нет... нет. Не так. Не рабство, а свобода.
Ты — наш.

(Обращается к пленникам.)

...Вы наши. Вместе надо быть.
Я жив еще. И Карабах не умер,
Не умерла земля отцов и дедов!
Вот наши гнезда.

(Указывая на далекие горы.)

Мало было нас,
Но становилось больше с каждой ночью.
Всё прибывает нас! На месте мертвых
Живые вырастают. А теперь
Еще нас прибыло. Вы — братья наши.

(Обращается к своим главарям.)

Теперь быстрее отступаем к лесу! . .
Разделимся на группы. Каждой группе
Назначим место, где ей бить врагов,
Ни днем, ни ночью не давать покоя! . .

(Кричит.)

Еще мы посмеемся, шах Каджар!

З а н а в е с

Действие третье

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Крепость Шуша. Пир у Каджара. Придворные.

К а д ж а р
(входя)

В руках моих прекрасный Карабах.
Здесь каждый камень эту руку лижет,
Здесь учится свободный жить в рабах
У шахиншаха. Ниже! Ниже! Ниже
Склоняйся, мир! Проходит царь царей,
Завоеватель.

(Про себя.)

Почему же снова
Томит меня тревога? . . Что такое?
Я только что как будто счастлив был? . .

(Вазиру.)

Понятно ль им, что это царь царей?

(Указывает на себя.)

О, только бы разрушить край скорей,
Чтоб труп лежал на трупе ровно, плотно, . . .
Мне кажется, что этот пир уныл. . .
Иль празднуют лениво, неохотно?

В а з и р

Великий царь! Всё в доброй воле вашей!
Вы совершенство, справедливость вы.

Шейх

О шах! Мы славим за блаженной чашей
Каджаров древний род. Враги мертвы.
Святого рода вы, о шах, потомок,
Посланец бога! Вот Коран святой:
Он светит мудрым среди мирских потомков.
Благословляем вас Кораном.

Каджар

Стой!
Зовите женщин пляшущих! Зовите
Поющих женщин! Только пожирней!

Танцовщицы пляшут.

(Иронически — музыкантам.)

Еще толкуют, что всесильна песня,
Что ваши карабахские певцы
Владык как будто заставляли плакать?
Так спойте же и мне о Кер-оглы,
Коль хватит наглости у вас, кувалды!
Ха! Песня, музыка, любовь. . . Смешно!

Певец

(поет)

Нет с берегов Куры вестей. . . Тебя ежеминутно
Тебя — с головкой изумрудной, красотка-уточка,
я жду!

Пауза.

Здесь на заре во тьме ветвей целует розу соловей. . .
Невольник страсти безрассудной, тебя, красавица,
я жду!

Каджар

Газель, но чья — Вагифа?

Певец

Да, Вагифа.

К а д ж а р

Сюда его немедля привести!

(Вазиру.)

Да, он — поэт. . .

(Презрительно оглядывает свиту и гостей.)

Он этих всех богаче

И всех живей. Дар неба у него,

Великий дар. . . И, значит, может статься, —

Великая угроза нам Вагиф. . .

Поэт — не враг ли? Как предполагаешь?

А может статься по-другому. . .

В а з и р

(кланяясь)

Шах!

Вы — милосердие, вы — добродетель,

Вы — свет и справедливость, вы — закон.

Ш е й х

Великий шах! Как мудро вы сказали!

Вагиф? Конечно, он угроза всем,

Всему святому. . . Говорит Вагиф,

Что правды нет в законах шариата!

Что шариат — повязка на глазах. . .

Но чем-то он снискал любовь народа. . .

Ни на мгновение глаз нельзя спускать

С проклятого поэта! Он мятежен.

Вагифа побратим и друг — Эльдар,

Мужичий атаман, главарь гачагов. . .

Вы милосердны, шах, и потому

Вы можете Вагифа счесть поэтом.

Опаснейшая мягкость! Этот демон,

Пока он жив, угрозой будет нам.

К а д ж а р

Я это заподозрил: я расслышал. . .

По самой силе песенного звука

Я понял силу гордости его! . .

Ну, ничего! Во прахе будет ползать.

А нынче позабавиться хочу:

Подшутим, посмеемся над Вагифом,
Пусть он придет. . .

Входит ш у т, лая и визжа по-собачьи.

(Шуту.)

О чем ты лаешь, пес?

Ш у т

Что ж мне не лаять? Я небось овчарка
При этом стаде. . .

(Указывает на придворных.)

К а д ж а р

Ха-ха-ха! Ты прав!

А кто пастух?

Ш у т

Пастух, конечно, страх!

Но это стадо, о великий шах,
Особенное. . . Не совсем овечье. . .

К а д ж а р

Какое же?

Ш у т

Прости мне эти речи!

В овечьих шкурах волки пред тобой,
Им тоже нужен пес сторожевой.

Каджар смеется, царедворцы недовольны, но смеются также.

К а д ж а р

Ответь мне, шут, тебе я нравлюсь?

Ш у т

Как же!

Еще в утробе матери моей
Я был рабом, как принято в природе:
Нет ничего уютней и милей,
Чем рабство!

К а д ж а р

Так.

Ш у т

Покажем шиш свободе!
Ты нравишься мне очень потому,
Что мир ты хочешь запереть в тюрьму!

К а д ж а р

Запру.

Ш у т

Запри. Сие тебя достойно.
Хотел бы я в утробе жить всегда,
В полнейшем мраке проводить года
Хоть неприлично, да зато спокойно.

Смех. Вводят В а г и ф а.

К а д ж а р

(изумленно)

Вагиф? .. Вагиф не кланяясь вошел?

Ш е й х

Он не боится божеских законов.

К а д ж а р

(Вагифу, спокойно)

.. Поэт! Опомнись!

Ты пред лицом властителя стоишь.

В а г и ф

(так же спокойно)

Я это знаю без напоминаний.

К а д ж а р

Ты не склонился предо мной, Вагиф.

В а г и ф

Я — статуя, тяжелая, как совесть.

А статуи не кланяются, шах.

К а д ж а р

Какая совесть? Ха! К боям готовясь,
Я знал, что меч содержится в ножнах.
А совесть — в чем? На что она похожа?
Где обитает? Чем живет? Молчи.
Смирись, не рассуждая. Совесть тоже
Должна молчать, коль говорят мечи.

В а г и ф

(озабоченно, но всё еще спокойно)
Как объяснить тебе. . . такое слово?

К а д ж а р

Жду.

В а г и ф

Слово «совесть» — истина. Она
Из хаоса и мрака мирового
Была, как свет, навеки рождена.

К а д ж а р

Опять, шаир, возносишься куда-то?

В а г и ф

Мысль человека отроду крылата!

К а д ж а р

Но есть темницы, клетки. . . Эх! Земля
Сожрет равно — и шаха и солдата.
Не различая их и не деля.

Пауза.

Ха! Я ведь вас испытывал — не боле. . .
Да, мастер вы. Ведь вам крылатый дар
Природой дан В темнице и на воле —
Счастливцев вы!

В а г и ф

Вы правы, шах Каджар.
Счастливцев я. Мы счастливы — поэты!

К а д ж а р

Великолепно! Сразу, милый друг,
Мне полюбился ваших песен звук.

Вы будете отныне мной пригреты,
Вам всё богатство будет вручено:
Дворцовые красоты и забавы,
Жилище неги и одежда славы —
Всё ваше, друг! Условие — одно.

В а г и ф

Какое, шах?

К а д ж а р

Поэтами воспеты

И слава и любовь Всех выше — вы.
Но есть закон. Должны писать поэты
Не на мужичьем языке молвы,
Гогочущем, рыдающем, рычащем,
Не знающем, что значит благодать, —
А на фарси, торжественно звучащем,
Дабы царей достойно прославлять!

В а г и ф

У вас, однако, есть свои Хайямы,
Свои сладчайшие Фирдоуси. . .
А для меня родные горы — храмы,
Родная речь не хуже, чем фарси!

К а д ж а р

А! . . Я не знал, что так певцы упрямы!

Пауза.

Подумай всё же. Разум свой спроси:
Приводит ли неблагодарность к благу?

В а г и ф

Но что есть благо? Разно мыслим мы.
Самой судьбе я под ноги не лягу!
Пойми, Каджар. Позорнее сумы —
Богатство, купленное униженьем,
И в почестях таких — не честь, а стыд.

К а д ж а р

Судьбу ты искушаешь раздраженьем,
Подумай лучше. . . Выбор предстоит.

Вагиф

Нет, чужеземец. Я ведь только птица
В саду зеленом родины моей. . .

Каджар

Но здесь не мог Фирдоуси родиться! . .
Что родина? Принадлежишь не ей.
Ха-ха! Страна, обутая в чарыги,
Вся, целиком, — в одной моей горсти,
Ничтожная. . . Нужны ли нищим книги?
Ты им мешаешь баранту пасти!

Вагиф

Сдержи себя. Тебе-то не пристало
Невеждой слыть! Дала моя страна
И Низами и Физули! Что, мало?
Здесь доброй силой дышит тишина.
Пусть мал мой сад, — взгляни на ветви сада:
На каждой ветке тысяча цветов. . .

Каджар

Стар Низами. Мне Физули не надо.
Мне нужен ты. Я утверждать готов,
Что не в одном лишь Низами отрада:
Он слишком. . . умствует!

Шейх

(восторженно)

Вы правы, ах!
Он слишком умствует. . . В нем много яда. . .

Вагиф

Пусть терпеливо выслушает шах:
Когда на солнце наплывают тучи,
Пытаясь скрыть его тепло и свет,
Онó, как было, так и есть могуче,
И только снизу кажется, что нет
Его лучей! Так от речей невежды
Не потускнеют гениев слова.

К а д ж а р

Ты, видно, к солнцу обратил надежды?
Сквозь тучи видишь? Зоркость какова!

В а г и ф

Не любят солнце только сын да филин.

Ш е й х

Ох, уши вянут, слыша эту чушь!

В а г и ф

Не скромничайте. Я воспеть бессилен
Такие уши, о почтенный муж!

(Указывает на уши шейха.)

Услышав ложь, они не вянут — свежи
Что маков цвет! А правду услышав —
Заткнутся ватой. . .

В а з и р

Это брань невежи!

В а г и ф

Поет бьюль-бьюль — внимает гусь.

Смех.

В а з и р

(соседу)

Ну, право,

Не отказался б я иметь, по правде,
Его язык!

К а д ж а р

(свите)

Что ж вы замялись? Ну!

В а г и ф

(тоже свите)

Скорей неловкость, глупые, исправьте!
Ваш песий долг — полаять на луну!

К а д ж а р
(своему вазиру)

Чего ты мнешься? Что стоишь убого!
Таращишь молча глупые глаза. . .

В а г и ф
(Каджару)

Оставь беднягу. Света слишком много —
На сильный свет косым глядеть нельзя.

Ш е й х
(Каджару)

Быть острословами — поэтов дело:
Их урожай — колючки, не зерно.

В а г и ф

От острых слов, увы, не заалело
Лицо лжеца: ведь ты мертвец давно. . .

Входит страж.

С т р а ж
(шаху)

Мой шах! Сюда один старик стремится, —
Предстать пред светлым ликом разреши.

К а д ж а р

Пусть он войдет.

Входит В и д а д и, учтиво, но просто кланяется,
(Своему вазиру, указывая на вошедшего.)

Видать, он жил в глуши. . .

В и д а д и

Могущество и право властелина —
Родные братья совести его.
Из всех сокровищ мира ничего
Мы не возьмем в могилу. . . Всё едино.
Всё преходяще. Выслушай меня,
О шах могучий, взысканный судьбою!
(Указывает на Вагифа.)

Любимец наш стоит перед тобою,
С душой светлее солнечного дня. . .

Шах! Он — поэт. Как реки серебра,
В его устах возвышенные речи:
Его считаем вестником, предтечей
Счастливой жизни, вестником добра. . .
О шах! Скажи нам, что здесь происходит?

К а д ж а р

Что происходит? . . Он — ислама враг,
По правилу — заслуживает казни.

В и д а д и

Кто? Наш Вагиф?! Ты веришь в эти басни?
Он славит свет и ненавидит мрак!
Его стихи приятнее для бога,
Чем причитанья хитрого ханжи.

К а д ж а р

Итак, поэта судит бог нестрогий?
Бог милостив к Вагифу? Докажи!
Проси аллаха, вымоли пощаду!
Всё может быть. Аллах — меня добрей.

С т р а ж

(в сторону)

В уроде сколько злобы, сколько яду!

(Выходит.)

В и д а д и

(Каджару)

Вы всемогущи. Всё в руках царей.

К а д ж а р

А . . . Твой ответ мне нравится послушный.
Уразумей, что значит власть, старик.
Зови меня Каджар Великодушный:
Не поступлю, как поступать привык!

(Вагифу.)

Иди, Вагиф! Вернись, нагой и нищий,
Из нашего дворца в свой дикий край;

Забудь навеки вкус дворцовой пищи
И снизу вверх с упреком не взирай.
Язык укороти. Чуть что услышим —
Не жди, поэт, пощады нипочем!
За вольный стих, за непокорность высшим
Языкотрежем. Руку отсечем.

Вагиф

Согласен, шах. Уж мне давно постылы
Дворцовые дела. Домой пора.
Сверкающий дворец страшной могилы,
Бессмысленна кровавая игра!
Но не грози! Слова мои свободны.
Пять жизней проживу, не сделав зла.
Потомства не имеет мул бесплодный, —
Мое ж потомство — песни без числа!

(Уходит вместе с Видади.)

Каджар

(вслед)

Вернитесь, эй!

(Видади.)

Заступник благородный!
Чуть-чуть твоя защита не спасла
Разбойника. . . А чем наглец ответил?
Нет, вижу, нам не развязать узла!
Ты говоришь, он благостен и светел?
Ну что же. . . Где всего нужнее свет?
В темнице! Ха! В темнице! Там, в неволе,
Пусть светит он. . . Вернее места нет.

(Страже.)

Эй, взять его!

Вагифа хватают и уводят. Видади бросается следом.

О нем — ни слова боле. . .

Пауза.

(Всем присутствующим.)

Пошли вон, псы! Живей!

(Своему вазиру.)

Ты тоже!

Толпа придворных тает. Вазир, пяясь, покидает покои. Пауза.

(Один.)

О аллах!

Что мне сказать тебе? О милости молить?

Нет! Ты предначертал удел царей кровавый... ,

Меня Каджаром создал ты, господь!

Огонь меня снедает! Кровь горит!

Какая жажда! Голоден мой взор,

Не утоленный зрелищами казней.

Поэт смеялся над богатством мира? ..

Да! Нет богатств достаточно богатых! ..

.. Нет дворцов на свете

Достаточно роскошных! .. Нет огня

Достаточно горячего. . .

Как холодно! Я умираю, боже!

(Бессильно поникает в нише. Потом пытается овладеть собой, смеется.)

Ха, смерть? Неправда!

(Хватается за меч.)

Невинные стоят передо мною?

Неправда! Прочь! Я испугался смерти?

Неправда! Сам я — смерть.

(Остается стоять в изнеможении, опершись на меч.)

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Шуша. Чанах-кала. Темница на скалах. Утро, солнечный свет. Вагиф пишет на стене своей темницы стихи, читает вслух. Алибей слушает.

Вагиф

Много обитателей в мире есть, — истины в мире нет.

Видел я только кривое здесь, — в мире прямого нет!

Лживыми были слова друзей, правды я не нашел...
Веры и разума в мире нет, твердой опоры нет:
Лучше презреть этот бранный свет! Вот что
Вагиф нашел.

В мире таком ни добру, ни злу верного места нет!
Честь, благородство лежат в пыли, славой позор
одет.

Щедрости у богатых нет, злата у щедрых нет.
Смысла, порядка в мирских делах, права я не
нашел!

(Поворачивается к сыну.)

Мой сын злосчастный!.. О мой храбрый сын!
Ты хмур и бледен... Это я виновен,
Что постарела молодость твоя... .

Алибей

Оставь, отец. Оставь. О чем толкуешь?
О чем жалеешь? Что ты потерял?
И разве плачет гордый человек,
Когда он оскорблен злодеем?

Вагиф

Верно.

Мой смелый сын! Сокровище мое!

(Обнимает Алибея.)

Алибей

Скажи, отец, известно ли тебе?..

Вагиф

Что, Алибей?

Алибей

Нет, вижу — неизвестно... .

Вагиф

Что, Алибей?

Алибей

Вблизи от этих мест,
Совсем вблизи — твои друзья... .

Вагиф

Какие?

Алибей

Еще в горах не покорен Эльдар!
Иль ты забыл Эльдара? Быть не может,
Чтобы забыл! Вот вновь передо мной
Его лицо. . . Не ты ли из темницы
Эльдара спас? Не ты ль послал меня
Лазутчиком к Эльдару в стан гачагов?
Пиши ему скорей, что ты в беде!
Он руку братскую протянет, знаю!

Вагиф

Что ж. . . Я могу Эльдару написать. . .
Как тяжело просить!

Алибей

У друга? . .

Вагиф

У друга даже! . .

Мимо окна торопливо проходит женщина, останавливается около
тюремщика, отсыпает ему пригоршню монет и проходит дальше.
Это Гюльнар.

Гюльнар

(звет)

Мой Алибей! Мой Алибей!

Алибей

Гюльнар!

Вагиф

Твоя возлюбленная постоянна.

Гюльнар просовывает в окно узелок.

Гюльнар

Вот вам еда. Сама хочу войти —
И не могу! Обнять хочу скорее —
И не могу!

(Рыдает.)

Алибей

Не плачь, Гюльнар, не плачь!

Вагиф

За эти слезы будь благословенна.
Есть в мире верность. Есть прямые души!
Есть твердая опора. . . Погоди. . .
Я не стихи произносил. Другое
Хочу писать!

(Отрывает клочок от подкладки своей чохы, пишет на нем.)

Мгновение одно. . .

Постой, Гюльнар.

(Протягивает ей записку.)

Бери и береги.

Каким-нибудь путем доставь гачагам
Для главаря — Эльдара. В этом всё —
И жизнь и честь. Доставишь ли?

Гюльнар

Доставлю.

Я не боюсь. Ты веришь, Алибей?
До скорого свиданья. Я не плачу.

(Торопливо уходит.)

Вагиф

(Алибею)

Сокровище бесценное — Гюльнар!
Послушай, сын, что говорили деды:
На поле боя львиная порода
Не делится на самок и самцов:
Равно отважны гордый лев и львица! . .
Кто может, сын, с твоей Гюльнар сравниться?
Ее воспеть бы тысячам певцов!

Раннее солнце восходит выше, бросает лучи сквозь прутья решетки.

Лишь час тому назад я был убог.
Теперь — взгляни, — как ясен мир и ярок!
Нам в жизни утро каждое — подарок!
Над солнцем и землей не властен рок,
Источник жизни не иссякнет в мире!
А ночью, вспомни, сколько звезд горят. . .

Темницы нет. . . Вздохни вольней и шире,
Не бойся неизбежности утрат!

За окном В и д а д и. Тюремщик не выпускает его.

Т ю р е м щ и к. Эй, эй, нельзя! Кому говорят!

В и д а д и. Я должен, должен его видеть! Пусти!

Т ю р е м щ и к. Что говорю? Кому говорю? Нельзя!
Погибну из-за тебя. Эй! Ой! Семья моя погибнет. Шах
убьет! Нельзя!

В и д а д и. Проклят будешь, если не пустишь. Судь-
ба лишит тебя света очей, бог ослепит тебя! Не греши!
Пусти!

Т ю р е м щ и к (*стонет*). Ой, ой! Страшный старик,
что ты делаешь с моим сердцем? Иди, только, ради ал-
лаха, скорей! Не мешкай. . . Погибну я. Шах убьет!
(*Тихо.*) Кровь — пища Каджара, кровь — питье Каджа-
ра. . . О аллах! Иди же!

(*Вталкивает его в темницу.*)

Вагиф, Алибей и Видади.

В и д а д и
(*Обнимая Вагифа*)

Друг мой, друг мой. . .
О бедный друг! Где правда на земле?
Как я молил Каджара! Всё напрасно.
Он тверд — Каджар, он закален во зле,
Как в пламени железо. . . Безобразна
Его душа. . . Какая кривизна!
Побыв с его душою с глазу на глаз,
Очиститься я жаждал. Ночь без сна
Провел, молясь. . . Пусть это дерзость,
наглость, —
Я господу молил: «Явись! Явись!
Будь милосерд!» Я долго ждал, внимая,
Но безмятежной оставалась высь. . .
Где правда в небе? Где стезя прямая?

Вагиф

Не мучь себя, брат милый Видади!
Не мучь себя. Просить глухих не надо.
На родину, в деревню уходи!

Видади

А ты?

Вагиф

Что я? Казнят? Подсыплют яда?
Я славил жизнь — и славлю жизнь опять!
За это мне бессмертие награда.
Смерть — только миг. Что ж? Я готов принять.

Видади

Ты — умереть? Ты — мертвый? Нет! Пустое!
Нет. . . Смерть не сочетается с тобой. . .

Вагиф

Прошу тебя, молю. . . Уйди домой!

Видади

Нет, не уйду. Я не один. Нас двое,
Нас трое здесь. Я не уйду один.
Я буду ждать — там, у ворот. . . Дни, годы
Я буду ждать. Я не хочу свободы!
Я над самим собою властелин, —
Хочу с тобою умереть! . .

Входит тюремщик.

Тюремщик

Быстрее!

Видади

Хочу с тобою умереть!
Отныне
Я буду жить под стенами тюрьмы. . .

Тюремщик

Быстрее!

(Пытается увести Видади.)

В и д а д и

Как семечко в песках пустыни,
Я буду жить! Не разлучимся мы!

(Обнимается с Вагифом и Алибеем.)

В а г и ф

Иди, мой брат! Благословен навеки
Твой каждый шаг!

Т ю р е м щ и к

Скорей, скорей!

Погибну я по милости твоей!

(Силой уводит Видади.)

В а г и ф

(Алибею)

Какие силы скрыты в человеке!
Какие ангелы сравнятся с ним,
Когда он добр?

Пауза. За окном женская тень.

А л и б е е й

Кто там прошел? Гюльнар?

Гюльнар вернулась?

Входит Х у р а м а н, взволнованная и печальная.

Х у р а м а н

Я пришла к тебе. . .

Вагиф, мой государь, я вновь с тобою!
Моя корона — ты. Мой разум — ты!
Я пыли башмаков твоих не стою.

В а г и ф

А! Верная подруга! Образец
Святого постоянства? Что случилось?
На что рассчитываешь ты?

Х у р а м а н

На милость!

Вагиф
На шахскую?

Хураман
Нет, на твою, певец!
Я не Каджара, я — твоя раба.
Я зло свершила. Женщина слаба.
Прости меня!

(Падает на колени.)

Ведь я с тобою снова,
Чтоб вместе умереть. Прости меня!

Вагиф
(печально)

Ты — отзвук даром брошенного слова,
Дымок давно погасшего огня...
Ты мне приснилась... для забытой песни
Я подобрал тебя, как рифму... Ты?
Ты сном была! Теперь, как сон, исчезни...
Не возникай опять из пустоты...

Хураман
Вагиф! Мой повелитель! Я — живая,
Не призрак и не сон... Всё — наяву.
Мне лучше знать, что я живу, страдая,
Ведь я страдаю, — значит, я живу!

Вагиф
(иронически)

Но если ты жива, ты полной мерой
Должна за все поступки отвечать.
Невыгодно! Советую: уверуй,
Что ты — лишь призрак. И пора кончать,
Уйди отсюда...

Хураман
Нет! Послушай прежде,
Что я скажу. Да, я свершила зло...
О золоте, о царственной одежде
Мечтала я... Тебе не повезло,
Я испугалась бедности... На свете
Так страшно жить! Я поняла потом,

Вагиф

Венец творенья.
Венец творенья — бедный человек! . .
Что может сделать с человеком жизнь,
Какое море скорби! . . Жалко, жалко, —
Теперь ее приют — пустыня. . . Жалко!
Мы чистыми рождаемся на свет;
Частица солнца — в каждом человеке —
Невинная, но жадная душа. . .
О Хураман! Несчастлиная. . .

(Кричит.)

Тюремщик!
Верни ее! Тюремщик! Эй, верни!
Верни ее! (Сыну.) Какую песню пела,
Какую песню пела Хураман!
Что сделала со мною эта песня. . .
Несчастлиная красавица моя!
Я знаю, виновата, — ну так что же?
Порой и ангел может ошибиться,
Виною — жизнь, дворцовые соблазны. . .
Я понял всё! Сейчас она придет,
Сейчас придет. . .

Является тюремщик.

Тюремщик
Вниз головой.

Вагиф
(не понимая)

Что?

Тюремщик

Всё.

Вагиф
(не понимая)

Где Хураман?

(Кричит.)

Верни ее!

Т ю р е м щ и к
Откуда?
Со скалы бросилась Хураман.

В а г и ф
(с воплем отчаянья)
Хураман! Нас погубило время! . .

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лесистые горы. Стан Эльдара. Он многолюдней, чем прежде.
В стороне от стана, на вершине скалы, Э л ь д а р.

Э л ь д а р

Вот девичья скала — гнездо разлуки. . .
Здесь каждый камень гибелью оваян. . .
Холодный ветер скорби, серый иней,
Вот изморозь соленых слез скупая. . .
И ледяная соль, и снег соленый,
И запах ржавого железа. . . Крови запах!
Вот девичья скала — живое тело,
Исхлестанное бурями. . . Живая
Душа земли, поднявшаяся к небу:
Ей звезды собеседниками были!
По этой каменной груди священной
Текли войска и лязгали мечами —
И падали во прах. . . А ты стонала,
Веками ты стонала, снова стонешь,
Земная твердь! О горный край родимый,
Ты, как морские волны, рвешься к звездам, —
Но ты окаменел в своем порыве. . .
Какое горе!

Приближается А р ш а к — армянский воин, друг Эльдара.

А р ш а к

Что с тобой, Эльдар? Опять ты погрузился
в думы? Полно!

Эльдар

Аршак! Взгляни на черные ущелья —
Внимательней, внимательней гляди. . .

Аршак

Гляжу и вижу: камни, голыши, усохшее русло
Ручья. Всё сухо. Всё пустынно.

Эльдар. Ты видишь камни? Э, Аршак! . . А головы
людские видишь? Пальцы видишь? А ноги, плечи, лок-
ти? . . Это кости прапрадедов отважных! Великанов, что
пали в битвах против чужеземцев! Здесь воины в борьбе
окаменели. Не видишь? Э, Аршак!

Аршак. Когда б я не видел и не ведал, зачем бы
пришел сюда? Зачем слонялся б я по этим голым ска-
лам? . . Я мерзну здесь, как пес. . . Всё вижу сам!

Эльдар

Ты мерзнешь? . . Да? . . Вдохни — холодный воздух,
А кажется, что дышит он огнем!

Аршак

Да, ты не в духе, что ребенок малый. . .
Хлебни-ка, братец, огненный глоток,
Я угощаю.

Эльдар

Чем?

Аршак

Саят-Новой:
Глоточком песни крепкой.
Хочешь песню
Саят-Новы? Спою — и всё пройдет!

Эльдар

Спой, милый друг! Ашуг — душа народа. . .
Душой народа был Саят-Нова —
Армянский соловей. . . Пой, армянин!

Аршак

Пой нашу песню, брат азербайджанец!

(Поет.)

Эльдар

Как это сладко, как благоухает! . .
Создавший радость, будь благословен.

Аршак

А Магомед Каджар да будет проклят —
Убийца песен, радости палач!
Как волк, он растерзал певца в Тбилиси —
Саят-Нову, целителя души! . .
Довольно думать о своем, Эльдар!
Поговорим-ка лучше о Каджаре, —
Что делать будем? И чего нам ждать?

Эльдар

Народной крови пролита река. . .
Муса всё ищет хана Ибрагима,
Чтобы народ утешился хотя бы
Давно желанным праведным судом. . .

Аршак

О, поскорей бы покарать другого —
Проклятого!

Эльдар

Возмездие придет.
Кровавого Каджара преступлений
Сама земля не стерпит. Вся природа
Каджару враг, и нам его отдаст
Сама природа. Верю! Верю, брат!
Иначе — мир сошел с ума. . . Я знаю:
Жизнь презирать, топтать, пинать нельзя,
Нельзя ее поганить. Все грехи
Смывает время. Многие дурное,
Быть может, переплавится в огне
Земли и неба. Всё сожжет огонь!
Но даже для земли палач — не пища,

Не топливо для пламени! Каджара
Народ казнит — никто другой. Народ!
Да, так оно и будет.

Аршак

Хорошо бы —
Грузины к нам скорее подоспели
На помощь. . . Было б дело! А, Эльдар?

Эльдар

Грузины подспеют. Всѣ случится
По-нашему, — так хочет справедливость.
А наше дело — каждое мгновенье
Быть наготове. Днем и ночью. . .

Муса тащит пленника. Это Ибрагим-хан.

Муса (*Ибрагим-хану*). Иди, иди, не упираться, что баран на веревке. . . Хотя ты, правду сказать, не баран, а волк. . . вот и будешь теперь жить в пещерном логове, как тебе подобает. Вон твоё жильё, твоё пещера. . . Говорят тебе, не упираться, негодяй! (*Сбивает с пленника папаху.*) Не след тебе носить мужскую папаху — символ чести!

Эльдар (*насмешливо*). А. . . Рад видеть дорогого гостя. . . Но что это? В каком состоянии вижу я вас?

Ибрагим-хан. Пощади меня хоть ты, благородный герой! Приюти одинокого, как велит аллах! Ведь я сам, добровольно предался в твои руки! Я сам искал тебя!

Эльдар (*смеясь*). Как же мне не приютить тебя? Ведь ты государь наш! Наш защитник! Ну-ка, рассказывай правду, тогда поглядим.

Ибрагим-хан. Что рассказывать, достопочтенный? Каджар погубил меня, кровавый Каджар! Но войска мои снова бьются против него. Снова надеются спасти Карабах!

Эльдар. Бьются твои войска? . . А вы, о хан, вы тоже бьетесь?

Ибрагим-хан. Э... Что? Я? Я не имел уверенности... Я спасал свою голову, чтобы спасти ханство!

Эльдар

Вы удрали, о высокочтимый?

Ибрагим-хан

Э... я бежал. И виноваты вы!
...В горах вы скрылись с вашими орлами,
С героями! Край немощен без вас.
Откуда войско может ждать подмоги?
Ведь вы — в горах... Вас нет!

Эльдар

Ха-ха! Нас нет...

Подмога, без подмоги, на подмогу...
Га! Сколько болтовни... Итак, о хан,
Каджар проглотит Карабах? Что делать?
Каджар проглотит Карабах...

Ибрагим-хан

Эльдар!

Будь мудр, Эльдар. В тебе — моя надежда.
Будь добр, Эльдар. Всё прошлое забудь.
Да, я тебя скитальцем, нищим сделал!
Моя вина. Забудь. Аллах воздаст!
Одну хлеб-соль мы ели — ты и я.
Хлеб Карабаха, воду Карабаха
Делили мы. Забудь мою вину.
Аллах воздаст!

Эльдар

Аллах... Ужель не знаешь?

Народ Каджара может победить,
Но при одном условии...

Ибрагим-хан

Каком?

Эльдар

Сам знаешь, хан. В одном залог победы:
Чтоб не было предателей.

Ибрагим-хан молчит.

Молчишь?

Да... Мы за шиворот тебя схватили!

Ибрагим-хан

Я? В чем подозреваешь? О Эльдар!
Герой не оскорбляет побежденных!

Эльдар

И я твою не оскорбляю честь.
Нет чести у тебя.

Ибрагим-хан

Подозреваешь?

Так кто же я, по-твоему?

Эльдар

Ты — трус.

Достаточно. Трус. Только. Но для хана
Быть трусом и предателем — одно.
Предательство... Да, ежели рассудим,
Ты даже предавал... Иди, взгляни...

(Показывает ему ущелье под скалой.)

Что там белеет? Видишь? Груды, кучи...

Ибрагим-хан

Там?.. Камни...

Эльдар

Дальше! Позади камней.

Ибрагим-хан

Там? Белого не вижу... Только птицы.

Эльдар

Какого цвета?

И б р а г и м - х а н

Серого. . .

Э л ь д а р

Ты врешь.

Сидят на белом черные вороны
И коршуны. . .

И б р а г и м - х а н

Да? Почему? Зачем?

Э л ь д а р

Вон с той скалы невинно осужденных
Бросали вниз прислужники твои.
Таков обычай. Начат не тобою.
Здесь — кости поколений, Ибрагим!
Так поступали ханы Карабаха.

И б р а г и м - х а н

Так что ж ты одного меня винишь?

Э л ь д а р

Не одного тебя. Но ты виновен.
И ты — предатель.

И б р а г и м - х а н

Я-то здесь при чем?!

Э л ь д а р

При чем? При том, что лучшие сыны
Свободного народа погибали.
Не трусы, не калеки, не уроды
Здесь принимали смерть, а храбрецы!
Ты родину свою лишал отважных,
Ты руки отрубал у силачей,
Глаза выкалывал у дальнорюких.
Низкопоклонных, льстивых ты ласкал,
Ты малодушных поощрял подачкой!
Сам посуди — кто помогал врагу?
Ты помогал! Народ лишая силы,
Каджару хорошо ты услужил,
Бессовестный, бесчестный! Понял?

И б р а г и м - х а н

Понял.

Прости меня, Эльдар. . . Пусть эти души
Невинные простят меня пока. . .
Всё может измениться. Всё исправим!
Эльдар! Герой!

Э л ь д а р

Противно мне. . . Уйди! . .
Прочь, не цепляйся, не грязни мне руки,
Тебя могу я в бешенстве убить. . .
Уйди!

И б р а г и м - х а н

Эльдар! Прости! Аллах воздаст!
Ударим на Каджара. Мы спасем
Наш Карабах. . . Я снова буду ханом!
Эльдар! Герой! . .
Я вознесу тебя! . .

Э л ь д а р

Прочь! Пес!

*(Пинком сбрасывает его со скалы вниз, проводит рукой
по лбу.)*

Ну вот, конец. . . И нету хана.
А тяжело жить на свете! . . Мир — старик,
Мир — злой старик, всё помнит, всё считает, —
Он платы кровью требует за кровь.
Плати. . . Плати!

Приближаются Теймур, Аршак и Муса.

Т е й м у р

Эге, ребята! Сколько народу валит!

А р ш а к

Эльдар! Идет большой отряд!

Э л ь д а р

Что? . . Разузнай, Муса. . .

А р ш а к

Уж не Каджар ли?

Теймур

Ой, туча, туча целая... Идут...

Эльдар

Аршак, закрой немедля вход в ущелья!
Поставь бойцов, Теймур, на Кача-даг!

Аршак

Сейчас исполню.

Теймур. Сейчас — на Кача-даг... (*Задерживаясь на миг, глядит вдаль.*) Туча... Туча.

Муса (*радостно*). Эльдар! Землю благодари, герой!
Небо благодари! Не Каджар идет, — грузины идут!

Эльдар

Грузины? Наши?!

Муса

Они, Эльдар, они!

(*Бежит приплясывая.*)

Братья идут! Братья идут!

Появляется отряд грузинских повстанцев.

Эльдар

(*встречая передовых*)

Добро пожаловать! Наши горы — ваши горы!
... Уста народа вас целуют, други,
Вас обоймут всего народа руки, —
Приветствуем грузинской речи звуки,
Отважные, свободные сердца!
Прославим встречу, не боясь разлуки,
Душа поет, как струнный саз певца...
Мой старый сон о братстве, старый сон...
Ужель исполнился? Мне снилось это...
Теперь мы — сила. Мы — опора света.
Теперь Каджар на гибель осужден!

Подходят всё новые и новые грузинские повстанцы, среди них Та-
мара.

Садитесь, отдыхайте, — вы с дороги,
Вас надо накормить. . . Эй, эй, Муса!
Скорей кебаб, лаваш. . .

(Гостям.)

Не будьте строги,
Что плохо угостим. . . Кругом леса,
Леса да камни. Дичь — гачагов пища;
Бараны тощи. . .

Приносят еду.

А, уже! Скорей!
Прошу, друзья!

(Аршаку.)

А ты готовь жилища,
Побольше трав, гранит костром согрей,
Под скалами, где не достанет ветер. . .

(Гостям.)

Пируем, братья!

Эльдар замечает Тамару.

Ты? Как ты быстра!
Ты снова здесь? Ну, чудеса на свете!
Зачем вернулась, милая сестра?
Ведь ты домой, под кров родной стремилась,
Дитя свое ты вспоминала, мать!
Что привело тебя? Судьбы немилость?

Т а м а р а

Дай руку мне! Чтобы меня понять,
Вскрой грудь мою и сердце вынь наружу.
Ты слышишь, брат! Оно кричит опять. . .
Услышь, почувствуй ледяную стужу
В моей груди! . . Как ты сказал? Я — мать?
Не мать, а сирота.

Э л ь д а р

Скажи мне толком. . .

Т а м а р а

Он только научился в мяч играть. . .
Его убила пуля. . . И замолк он.
О, поклянись Каджара покарать!
Замолк навеки щебет соловьенка —
Сыночка моего!

Ш а л и к о

Всё правда, брат.
Я тоже был в Тбилиси. Мне казалось —
Промчался бешеный, весь в пене, волк,
Всех искусал, всех загубил. . . Я помню,
Горели улицы. . . Огонь! Огонь!
Сгорали дети, матери сгорали,
Прижав к груди младенцев. Ржали кони.
Так буйволы ревели, что земля
Стонала и дрожала! . . Не поверишь,
О, если б я Каджара мог убить!
Своей рукой, другим не уступая, —
Убить Каджара! Собственной рукой
Убить Каджара!

Э л ь д а р

Не печалься, брат.
Змею раздавим.

М у с а

Слушай, Шалико.
Ведь мы не умерли? Каджар. . . Каджар. . .
Зачем твердить? Не всемогущ Каджар!
Не порти кровь себе. Мы — сила, мы. . .
Погибнет враг, клянусь!

Э л ь д а р

Змею раздавим!
Повеселимся, други. Наша ночь.
Кто хочет состязаться?

М у с а

(Шалико)

Любишь сабли?

Ш а л и к о

Люблю ли я? Давай, давай, дружочек!
Надолго шрам тебя украсит! Хочешь?

Э л ь д а р
(Аршаку)

Ха-ха! Взгляни-ка на него, Аршак!
Меч обнажи, молокосос! Готово?

(Зурначам.)

Джанги играйте!

Зурначи играют. Состязаются Эльдар с Мусой, Шалико с Аршаком.

Э л ь д а р

Эй, Муса! Смелей!
Ты, видно, вскормлен мясом куропатки —
Уж больно нежен!

М у с а

А! Не погляжу,
Что ты начальник! И не буду нежен,
Всех куропаток накормлю тобой.
Ты разве воин? Ты — букашка!

Э л ь д а р

А!

За каждого вступается отдельная группа. Шалико, победив в состязании Аршака, прекращает поединок Эльдара и Мусы движением меча.

Ш а л и к о

Где мера шутке? Мера! Мера!
Опасно, братья, больно увлеклись!

Поединок прекращается. Смех. Танцуют. Играют зурначи.
Эльдар разглядывает грузинскую чонгури.

Э л ь д а р

Чонгури называется она?

Г р у з и н

Да, да! — сестрица твоего же саза.

Эльдар

Теперь на сазе надо бы сыграть!
Сольется звук грузинской сладкой песни
С азербайджанской. Начинай, грузин!
Прохладен воздух гор, приятно братство...

Играют. Танцы продолжаются. Эхо ружейной пальбы.
Вбегает Гюльнар, откидывает свой келагай, подает Эльдару письмо.

Гюльнар

Читай, Эльдар! Читай письмо Вагифа!

Эльдар

(читает)

«О, если б вздох мой камни скал растрогал!
Я стал бескрылым, а в мечтах — я сокол...
Я в тесной клетке — соловей влюбленный,
Я в бездну пал, а ты — в горах высоко...
Что я презрел уставы шариата —
Меня клеймят, — за правду вот расплата.
О брат, приди, разрушь мою темницу:
Здесь гибнет всё, что для поэта свято!
Спаси Вагифа! Я без крыльев птица,
К тебе стремится бедный голос брата!»

Крики возмущения, угрозы Каджару, брань.

Огонь в голове моей, кровь в глазах! Подобаает ли
Вагифу темница?!

Появляется толпа крестьян, впереди — древний старик.

Старик

Кто прозывается из вас Эльдар?

Эльдар

Я, дядюшка.

Крестьянин

Благословенна встреча!
Молва разносит не твое ли имя?
Тебя народ богатырем считает, —
Так позаботься о своем народе,

В беде и в горе помогай народу!
Я дар тебе несу бесценный, древний, —
Он мне на память от отца достался. . .

(Достает из-под плаща меч.)

Эльдар

Что это, дядя?

Крестьянин

Прежде чем коснуться,
Сосредоточься, укрепись душою.
Стар этот меч; ему четыре века,
А может, больше. . . Клындж-мисри зовется;
На бранной жатве Кер-оглы отважный,
Взяв благородный этот меч, трудился, —
То поднимал, то опускал, доколе
От сорняков не очищалось поле. . .
След пальца Кер-оглы — на рукоятке.
Возьми, сынок! Благословенна встреча!
И свято чти сокровище народа,
И покажи его народной рати!

Эльдар поднимает меч.

Сегодня сердце Кер-оглы, героя,
Ты в грудь свою, как правнук, принимаешь!
Душе героя, что приюта ищет,
Ты собственное сердце открываешь.
Тебя отныне хитростью и силой
Не одолеют ни паши, ни ханы.
Иди, сражайся за родную землю!
Пусть вечно будет наш народ свободным!

Эльдар

(целуя меч)

Меч Кер-оглы благородный,
В гриве Гыр-ата хранившийся,
Низких врагов покаравший,
Смертью казнивший предателей,
Тысячекратно омытый
Вражеской черною кровью,
Спасший отцовскую родину
От наглецов чужеземных,

Пахарей оберегавший,
Труд осенявший защитою,
Кованный древними дедами, —
Меч Кер-оглы, помоги мне!

(Музыкантам.)

Играйте наступление — джанги!

Торжествующие крики. Отряд стягивает силы, чтобы ударить на врага.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Крепость Шуша. Местность Джидир-дюсю. Час заката. Двое чабано в сидят, прислонившись к скале. Один из них играет на свирели.

М у р а д. Касум?

К а с у м. Что?

М у р а д. Чтоб тебе пусто было! Как пришли мы без толку в этот мир, так без толку и уйдем. До светлого дня не дожили, дела не сделали.

К а с у м. Э... Что с тобой такое? Ну, говори, говори...

М у р а д. Шайтан — вот что такое! Знаешь ли, что еще выкинул этот кровавый Каджар?

К а с у м. Что выкинул?

М у р а д. Поэта Вагифа, мудрого нашего моллу Панаха, казнит Каджар!

К а с у м. Быть не может... Как такое злодеянье совершится?

Мурад. Клянусь тобой и собой— правду говорю.

Касум. Ой, жаль его, джан. . . джан!

Мурад. Да, убивают моллу Панаха! Веселого моллу, честного моллу! Поэта!

Касум. В чем обвиняют его?

Мурад. Говорят, Каджар сказал Вагифу так: «Разве может выйти поэт из народа, обутого в чарыги?» А Вагиф, верный народу, осмелел царя-палача. Тогда вскипел Каджар, как похлебка над костром, и велел Вагифа казнить. Вот и всё. Вот и всё. . .

Пауза.

Касум. Мурад! Хороший голос у тебя. Спой хоть какую-нибудь песню Вагифа. . . Спой, Мурад, душу облегчи!

Мурад

(поет)

Блеск веселья пьяный — глаз твоих природа,
Алый цвет тюльпанный — щек твоих природа,
Вихри, ураганы — кудрей твоих природа!
Вешний ветерок не виноват,
Бедный гребешок не виноват!

Касум (с сокрушением хлопая себя по коленям).
Ах, чтоб ты ослеп, Каджар! На такого шаира посягать!
На Вагифа посягать! (Оглядевшись, изумленно кричит.)
Мурад, Мурад, смотри! Кого ведут?

Мурад также глядит, изумленный, и воздевает руки к небу.

Мурад. О алла! О рок! О мир! О кровавая чаша!
Шейх в сопровождении стражи ведет Вагифа и его сына Алибея.

Шейх. Остановитесь.

Вагиф (саркастически). Остановиться разве может время? Остановиться разве может жизнь?

Шейх (*лицемерно*). Сын мой, ты о величии божьем подумай.

Алибей. Что еще случилось? Что еще лаешь тут, пес продажный? Проглотит и тебя эта черная земля! Кончай скорее! Прикажи — пусть палачи придут!

Шейх (*в сторону*). Господи помилуй! О милостивый и милосердный, воззри на безбожника!

Вагиф

(*глядя на солнце, клонящееся к закату*)

Закатывается солнце. . . меркнет мир.
Как всё это печально, погляди.
Жизнь каждый вечер гаснет. Погляди!
Взошел и я когда-то, плыл в зенит. . .
Пленялись люди песнями моими,
Красавицы мое шептали имя. . .
Дней золотых ничто не возвратит! . .
Ладья моя разбилась об утес,
До роста своего я не дорос,
Не дожил жизнь, положенную мне, —
Я не увяну, я сгорю в огне. . .
Сгорю, испелюсь, аман! Аман!
Жизнь обманула! Смерть — второй обман!
Но если, сын, из-за меня тебя убьют в расцвете
дня, —
Пусть горы на меня падут! Пусть небо
проклянет меня!

Алибей

Отец!
Велика твоя совесть.
Мы будем тверды, как бессмертные горы.
Пока этот мир стоит, будем стоять —
На плечах своих будем держать упования народа.

Видади
(*за сценой*)

Вагиф!

Вагиф

Видади, брат мой, ты ли это? Сюда! Сюда!

В и д а д и

Да ослепнут очи мои, что я вижу?

Ва ги ф. Не плачь, брат мой, живи! Клянусь тебе —
будет на свете свободная жизнь. . .

В и д а д и

(воздев руки к небесам)

Проклятье тебе, холодный, бессмысленный рок!
Почему не из камня сделано сердце?
Преврати меня, боже, в кремень!

Ш е й х. Теперь пора молитву прочитать на смерт-
ный час.

Ва ги ф

(обнимая сына, палачу)

Кто б ни был ты, палач, ты сотворен
Из плоти, не из пепла, в жилах — кровь!
Ты можешь ничего не понимать —
Одно понятно и тебе, палач:
Чем собственное чадо, ничего
Для человека нет милей, палач!
Прошу тебя о милости одной:
Сперва убей меня, отца, палач,
Чтоб крови сына я не увидел. . .
А сильных мира не хочу молить —
Тебя молю, живая плоть, палач!

Ш е й х

Шаир любезный! Бледность, желтизна
Покрыла ваши щеки так некстати?

Ва ги ф

Увы, невежда, где тебе понять?
Всегда желтеет солнце на закате!

Ш е й х

Теперь забудьте этот бранный мир,
Лицом, душою повернитесь к Мекке. . .

(Оттаскивает Алибея. Вагиф не отпускает сына.)

К а д ж а р появляется на Джидир-дюзю, останавливается на вершине холма.

К а д ж а р

Шаир великий наш, держитесь крепче!
Из черепов я здесь построю крепость.
Вершина будет упираться в небо.
Пусть у подножия рекой струятся слезы. . .
Венчать вершину должен чей-то череп.
Вагифа череп — вот венец вершины!
Вам честь оказана, шаир великий!
Эй, эй, держитесь крепче!

В и д а д и

Государы!

На небеса, на землю поглядите,
Чернеют тучи, в траур облачась. . .
Вагиф — сын вечности, он — сын природы, —
Природа за шаира отомстит.
Поэзии святая речь бессмертна.
Молю тебя, отдай Вагифа мне,
Не обограй безвинной кровью руки!

В а г и ф
(*Видади*)

Не смей просить уroda, не проси!
Не наш обычай преклонять колени,
Народ свободный горд! Горд Карабах!

К а д ж а р

Ну, палачи, живее!

В и д а д и

Нет, государь, я выкуп дам за друга!
Пусть обезглавят палачи меня!
Таков обычай. Требую. Убей!

Видади бросается к Вагифу, заслоняет его собой. Доносятся крики, шум. Приближается отряд Эльдара.

В а з и р

Мой шах, идет Эльдар! Идут гачаги, . . .
Мой шах, бежим! Бежим!

К а д ж а р

На место, трус!
Не я ль повелеваю небесами?
Кто? Проходимец победит царя?

Палач готовится обезглавить Алибея.

М у р а д
(Касуму)

Эй, наши близко!

Ударяет палача по голове своей пастушьей дубинкой. Палач падает.
Вбегают Эльдар и Гюльнар, за ними гачаги.

К а д ж а р
(охране)

Живьем хватайте! Сам дается в руки!

Видади оттаскивает Вагифа от лобного места. Алибей бросается к Гюльнар, берет у нее ружье. Сражение. Эльдар разит мечом свиту и стражу Каджара.

К а д ж а р

Вот он. . . Подходит. . . Он сильнее нас!

Ш е й х

Нет, нет, велик и милостив аллах!
Алла, я верю! Помоги, я верю!
Пусть я не верил, я грешил, алла!
Я верю, помоги! Я — шейх!

К а д ж а р

Довольно!
Прочь, шелудивый, старый пес! Молчи.
Не надо ни аллаха, ни пророков.
Я сам вмешаюсь в бой!

Эльдар уже близко. Шейх и вазир удирают. Алибей сталкивает шейха со скалы.

Эльдар (Каджару). Эй ты, погляди-ка сюда! Не дело для мужчины сидеть в засаде и целиться из-за угла, урод! Да, впрочем, ты и не мужчина.

К а д ж а р. Молчать! Бездельник! Я шахиншах — династии Каджар, аллах земли!

Э л ь д а р. А ну-ка, подойди, царек, поближе! Не бойся, господин, ведь я мужик — бедняк в чарыгах, нищий! . . Ну-ка, ну-ка, куси, куси! Что? Да! И я, мужик, могу с царем сразиться. . . При случае. . .

Битва.

К а д ж а р

Мне как соперник нужен Кер-оглы!

Э л ь д а р

(насмешливо)

Ой, ой. . . Ты тигр, ты леопард вселенной!

Эльдар ранит Каджара, но бой продолжается.
Внезапно Эльдар роняет меч.

К а д ж а р

Ха-ха. . . Теперь конец?
Пусть мать твоя придет тебя оплакать!
Щенок мужичий! Жалкий!

Э л ь д а р

(достает из-под плаща Клындж-мисри)

Погоди!

Священный меч по праву поднимаю!

К а д ж а р

(растерявшись)

Священный меч? . . А. . . Клындж-мисри?

Эльдар вторично ранит Каджара. Меч выпадает из рук шаха, подбегает шахский страж и наносит Каджару удар в спину.

Э л ь д а р. Умна была змея, да ядовита! Размозжена проклятой голова. . . Дворец не трогать! Сокровищницу шахскую раскрыть, раздать голодным треть, а две оставить для нужд народа. . . Пусть празднует народ! Любви и дружбе всех гачагов — слава!

Появляется старец, вручивший меч Эльдару.

Старец
(труппу Каджара)

Ты, говорят, могучим львом считался прежде?
Ты землю Кер-оглы топтал, пришелец?

Ш а л и к о. Ты, дедушка, поверь мне: эта кукла — всего-то навсего Каджар, не больше! Каджары всё еще по свету ходят. Да ничего, переведутся. . . верно? Раздавим змей, раздавим, будь спокоен.

Входит ш у т. По-жеребьячи скачет вокруг тела шахиншаха.

Ш у т

Ай, шахиншах, ай, царь царей!
Чего разлегся? Прочь скорей!
Бродяге каждому нельзя
Здесь дрыхнуть, — не мозоль глаза!

Подходят Вагиф и Видади.

Э л ь д а р

Салам шаирам! Кланяйтесь поэтам!
Пока стоим ногами на земле,
Пока над головами солнце, звезды,
Всего сильнее на этом свете — мысль,
Всего на свете долговечней — песня.
Своим шаирам кланяйся, народ!

В а г и ф

На круговращенье земных судеб, о Видади,
взгляни!
Как деспот всемогущий стал слаб и слеп, сам
посуди, — взгляни!
Могучим пребудет вовек народ, и свят его
трудный хлеб. . .
Для новых боев муж в боях окреп — и жизнь
впереди — взгляни!

З а н а в е с

124. ФАРХАД И ШИРИН

Драматическая поэма в десяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Азер-баба — мудрец.
Фархад — его сын, зодчий.
Мехин-бану — царица
Азербайджана.
Ширин — ее дочь.
Фитне — ее подруга.
Топал — воин.

Хосров — шах Ирана.
Марьям — его жена.
Шируйе — его сын.
Вазир.
Шапур — советник шаха.
Озан — певец.

Воины, танцовщицы, девушки, народ.

Действие первое

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Древний Азербайджан. У стен величественной крепости собрался народ. Он приветствует строителя крепости — зодчего Фархада. Поют озаны, девушки и юноши танцуют.

Азер-баба

(обращается к народу)

Взгляните на суровые твердыни
Великих стен. Перед искусством ныне
Преклонимся, друзья. Да охранит
Страну огней незыблемый гранит.
Наш край родной — простор полей родимых!
Здесь радостен и честен мирный труд.
Не покладая рук, неутомимо,
Мы государство создавали тут.

И, прославляя радость созиданья,
Таланты наши гордо расцвели,
Их согревало ровное дыханье
Освобожденной матери-земли.
Здесь наше всё, здесь всё трудом добыто.
Да, страшен будет всенародный гнев,
Когда враждебной конницы копыта
Осмелятся топтать родной посев.

Н а р о д

Клянемся день и ночь стоять на страже, —
Мы отразим мечами натиск вражий.

В сопровождении свиты входит Мехин-бану. Народ встречает ее радостными кликами.

М е х и н - б а н у

Друзья мои! Народ любимый мой,
Нам крепость будет верною оградой.
В честь славного строителя Фархада
Мы пир начнем.

Н а р о д

Привет, Фархад, герой!
Живи, Фархад! Да здравствует Фархад!
Азербайджан тобой гордится, брат!

М е х и н - б а н у

В Стране огней пусть ярче вспыхнет пламень,
Фархада прославляя мастерство.
Гранитный он переупрямил камень,
Гудели горы под киркой его.
И, вдохновеньем творческим объят,
Построил крепость мощную Фархад.
Но где он сам?

А з е р - б а б а

С утра в горах он бродит,
Творцам несомны шум и суета.

М е х и н - б а н у

Найди его. Хочу при всем народе

Обнять его, поцеловать в уста.
Его приход пусть трубы возвестят.

Т о п а л

Идет! Идет!

Раздаются звуки труб. Входит Ф а р х а д. Он кланяется народу,
который радостно его приветствует.

М е х и н - б а н у

О, подойди, Фархад,
Дай обниму тебя, мой дорогой.
К искусству время милостиво будет:
Пока на свете существуют люди,
Ты будешь вечен в памяти людской.

Ф а р х а д

Я выполнил свой долг перед страной.
Любовь меня на подвиг вдохновляла.
Когда я, обессиленный, усталый,
Валился с ног, то в смутном полусне
Прекрасный образ появлялся мне.
И, сон забыв, опять резец я брал,
Опять ваял, лепил и высекал.

М е х и н - б а н у

Ты полюбил? Кого, скажи! . .

А з е р - б а б а

Мой сын

Всем сердцем любит дочь твою, Ширин,
Ту, что прекрасней всех на этом свете. . .

М е х и н - б а н у

Я счастлива. Благословляю, дети.
Придет пора, наследует корону
Моя Ширин.

А з е р - б а б а

О, ярче с высоты
Свети нам, солнце, в небе полуденном,
Ормузд великий, благодатен ты.

Н а р о д

Сияй, о солнце, ярче с высоты,
Ормузд великий, благодатен ты.

М е х и н - б а н у

Азер-баба, спасибо, мой мудрец,
Фархад — герой, а ты — его отец.

А з е р - б а б а

Народ наш славных воспитал детей,
И мы, отцы, теперь гордимся ими.
Кто честный сын родной страны своей —
Отчизны славной тот прославит имя.
Кто слит с народом мыслями, душой,
Тот сын народа, тот его герой.
И пусть не закружится голова
От льстивых слов, от похвалы обманной.
Запомни, сын, отцовские слова,
Стремись к вершинам знаний неустанно.
Уж лучше чабаном смотреть за стадом,
Чем быть всезнайкой, праздным верхоглядом.

Фархад подходит к Азер-баба.

Ф а р х а д

Отец, скажи, чем недоволен ты?

А з е р - б а б а

(обнимает сына)

Твое творенье чудо красоты,
Но посмотри на гневный бег потока —
Он у подножья крепости бурлит, —
Боюсь я одного, что раньше срока
Вода сумеет подточить гранит.
О правнуках нам надо думать тоже!

Ф а р х а д

Я отведу поток в другое ложе.

А з е р - б а б а

К учению всегда стремится разум,
Он в тайны мироздания проник.

Дивятся люди перлам и алмазам,
Хранимым на страницах мудрых книг.
Всё отмечай, мой сын, пытливым взором.
Невежество, Фархад, считай позором.

Ф а р х а д

Благодарю тебя, учитель строгий,
Мой лучший друг.

М е х и н - б а н у

Запел озанов хор.
Песнь огласила горные отроги.
Но где Ширин?

А з е р - б а б а

Охотится на ланей
С подругами на склонах ближних гор.
Я смех девичий слышал утром ранним. . .

М е х и н - б а н у

Окончен труд, пойдёмте веселиться.

А з е р - б а б а

Веселый праздник десять дней продлится!

Уходят. Вдали слышно пение озанов. Справа показываются вооруженные луками и стрелами Хосров, Шапур и Шируйе.

Ш а п у р

Знакомые места! Мой шах, прошу я,
Скажи, не правда ль — это рай земной?

Х о с р о в

Сперва дай осмотрюсь. Мой сын Шируйе,
Пойди сюда! Ты прав. Передо мной
Сады аллаха. Сказочное диво!

Ш а п у р

Ты погляди — как волны, ходят нивы,
Родится здесь отборное зерно.
А там, взгляни, овец бредут отары,
Там табуны коней. . . Мой шах, недаром
Спешили мы.

Хосров

Здесь золотое дно.

Шапур

Стада и пашни, замки и селенья
И яблони в чуть розовом дыму
Должны, мой шах, войти в твои владенья,
Покорны стать владыке моему.

Хосров

Решаю этот край завоевать.
Войны желаю.

Шапур

Это не годится!

Взгляни на крепость — приступом не взять.
Огнем и громом встретят нас бойницы,
Потерпим поражение мы в борьбе.
Есть лучший способ.

Хосров

Верю, друг, тебе.

Шируйе
(в сторону)

Да, крепость неприступна. Он не лжет!

Слышны голоса приближающихся девушек.

Хосров

Я слышу голоса. Кто там поет?

Шапур

Там девушки.

Хосров

Шапур! Гляди скорей!

Как хороша, прекрасна, будто пери.
Не знаешь, кто она?

Шапур

Слышал о ней.

Хосров

Я поражен, глазам своим не верю.
Красавицы такой я не видал!

Шируйе

Как хороша!

Хосров

Сын, ты бы промолчал...

Шапур

Здесь разговор мужчин...

Хосров

Походка лани...

Шапур

Ширин, мой шах, любимица страны.

Хосров

Стан — кипарис!

Шапур

Тебя пьянит желанье.

Шируйе

(в сторону)

Я тоже не хочу иной жены!

Хосров

О, если б знать, что суждено судьбою!

Шапур

Совету следуй моему, тогда
Азербайджан захватишь ты без боя,
А заодно Ширин.

Хосров

Идут сюда!

Шируйе

Эй, спрячемся скорей.

Шапур
(в сторону)

Наследник — трус!

(Хосрову.)

Ширин твоею будет — в том клянусь!

Прячутся за кустами.

Входят Ширин и Фитне. Их сопровождает толпа девушекек, вооруженных луками и стрелами.

Фитне

Ширин, устала я. Постой,
Давай-ка отдохнем.

Ширин

Ага, пощады
Ты запросила. Эх, стрелок лихой!

Фитне

Ведь я не из железа. Право, надо
Нам дух перевести.

Ширин

Чудесный вид!

Взгляни на крепость — вздыбился гранит,
Спустились скалы с непомерной кручи,
Чтоб город окружить.

Фитне

Скажи-ка лучше, —
Фархад построил крепость, милый друг!

Ширин

Насмешница, клянусь, я беспристрастна, —
Мне не давал покоя вечный стук. . .

Фитне

Вот отчего ты улыбалась — ясно!
Вы любите друг друга.

Ширин

Ох, Фитне,
Догадлива сверх меры. . .

Ф и т н е

Странно мне...
Таким гордиться нужно женихом,
А ты нахмурилась...

Ш и р и н

Фитне, быть может,
Сама ты влюблена в него тайком?

Ф и т н е

Дано мне сердце для чего-то тоже!..

Ш и р и н

Смугла ты слишком и шустра, как мышь.

Ф и т н е

Но черный слаще белого кишмиш...

Ш и р и н

Нет, значит, вкуса у мужчин, вот жалость,
Не то тебя бы съели...

Ф и т н е

Ох, Ширин,
Открой своей Фитне, что с вами случилось, —
Ты всё вздыхаешь, и Фархад один...
А я скажу — давно пора сыграть бы
В Азербайджане радостную свадьбу.

Ш и р и н

Фархад мне о любви не говорил.

Ф и т н е

Неужто у тебя не хватит сил,
Чтоб первую ему сознаться в этом?
Всё ты мудришь — попроще надо быть...
Или, страшась холодного ответа,
Свой век решила ты одна прожить?

Ш и р и н

Нет, это не причина, есть иное.
С Фархадом жили мы, как брат с сестрою,

Беспечно мы росли, играли вместе.
Вдруг обо мне твердят, как о невесте.
Мне странным это кажется порой.
Не осуждай меня за это строго.
Ах, я согласна, что Фархад — герой,
Но для меня он мальчик босоногий,
Товарищ детских игр. Нет, на коне
Другого вижу пред собой героя, —
В парче, в доспехах чудится он мне.
За ним полки идут победным строем,
Бьют барабаны. . . Солнцем светят латы.
Он, осиянный славою крылатой,
Свершает подвиги, чтоб заслужить
Мою улыбку. . .

Ф и т н е

Ох, судьбу пытаешь!
Раскаешься!

Ш и р и н

Иначе скучно жить!
Своей судьбы, Фитне, не угадаешь.
Идем, пора!

Уходят. Слышно пение озанов.

Х о р

Текут потоки дорогой длинной,
К журчащим струям приник джейран,
Восход чадрую одел долины,
Мы дети солнца, Азербайджан!

Х о с р о в

О, как Ширин умна!
Никто своей судьбы не угадает.
Да, если б знать, что нам сулит она.
Что делать мне?

Ш а п у р

(в сторону)

Рассудок он теряет.

Хосров

Нам надо хитрых сватов поскорей
В Азербайджан заслатъ, без промедленья!

Шапур

Она откажет нам. На что мы ей!
Тогда конец. Иное есть решенье.

Хосров

Ну, говори! Желаю знать его.

Шапур

Когда-то изучал я мастерство,
Был живописцем. Худо или нет,
Но всё же этим овладел искусством.
Твой, властелин, я напишу портрет,
Вложив в него всю преданность, все чувства.
Ты будешь так изображен, Хосров,
Что влюбится Ширин.

Хосров

Тогда готов
Отдать тебе полцарства.

Шапур

Нет, мой шах,
Тогда осмелюсь попросить иного, —
Хочу вазиром стать.

Хосров

Да будет так!

Шапур

Шах обещает? Шах дает мне слово?

Хосров

Мне сын свидетель и порукой честь.

Шируйе

(*кивая на Шапура*)

Из кожи вон теперь он будет лезть.

Ш а п у р

Охота наша удалась на славу.
Она идет к желанному концу.
Не правда ли — удачная облава?

Уходят. Шируйе смотрит в сторону, куда скрылась Ширин.

Ш и р у й е

Клянусь, сумею помешать отцу!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Раннее утро. Лучи солнца освещают шатер Ширин. Возле него собираются д е в у ш к и.

Ф и т н е

Так поздно, а Ширин еще не встала,
Что снится ей, кто может это знать?

Первая девушка

Не понимаю, что с царевной стало?
Она любила с птицами вставать.

Ф и т н е

Ложится поздно, до зари томится
В бессоннице.

Первая девушка

На то причина есть?

Ф и т н е

Давно пора с тобою поделиться.
Тревожную сейчас услышишь весть.

Первая девушка

Беда стряслась?

Ф и т н е

Тсс! Не болтай!

Первая девушка

О, нет...

Фитне

Куда б мы ни пошли, за нами вслед
Крадется дервиш неприметной тенью
И говорит неведомо о чем.
От слов его моя Ширин в смятенье...
Она проснулась! Девушки, споем!

Хор

Пери, пробудись скорей,
Солнце светит средь ветвей,
Птицы для тебя запели,
Встань, печаль свою развей!

Ширин выходит из шатра. Она грустно смотрит на девушек.

Ширин

Садитесь, девушки! Наполните пиалы,
Улыбкою встречайте утро дня.

Девушки

Будь счастлива, Ширин!

Ширин

А я лежала
Всю ночь без сна. Тоска гнетет меня.
И что со мной, я, право, не пойму!

Фитне

Твои печали я себе возьму.

Ширин

Спасибо, джан. Почудилось мне пенье,
А встала — тотчас замолчали вы.

Фитне

От слов твоих Фитне без головы.
Всё спутала. Начнем опять вступленье.

Первая девушка

Чаша доверху полна,
Ярче крови цвет вина.
Быстро молодость промчится,
Знай, блаженству грош цена.

Вторая девушка

Кто изведал горечь, тот
Вдвое ценит сладкий мед.
Миг блаженства стоит жизни, —
Каждый, кто вкусил, поймет.

Хор

О, ширь степная, о, гор громады,
Живи и славься красой своей,
Азербайджан, земля отрады —
Земля свободы — Страна огней!
Текут потоки дорогой длинной,
К журчащим струям приник джейран,
Восход чадрую одел долины,
Мы дети солнца, Азербайджан!

А з е р - б а б а

(появляется сзади)

Издали слышал птичий гам,
Не птицы — нет, то девушки запели!

Д е в у ш к и

Азер-баба, пожалуй в гости к нам!

А з е р - б а б а

Нет, стар я стал. Какое мне веселье!
А было время, тоже пировал,
В забавах, играх дни текли беспечно.
Всё миновало. Время быстротечно.
Пляшите, пойте. Ваш черед настал.

Ф и т н е

Азер-баба, отведай-ка шербета!

А з е р - б а б а

Ах ты, резвушка, видано ли это?
Чуть встав — шербет! Нет, милые, с утра
Великому Ормузду я молился,
Чтоб тучный колос тяжестью налился,
Чтоб урожай наш не сожгла жара
И суховея прошел бы стороной.
Пусть радостно живет моя страна,
Не обращаясь к помощи чужой.

(Внезапно замечает задумчивость Ширин.)

Ширин, голубка, почему грустна?

Ш и р и н

Так, ничего, Азер-баба, пустое.

А з е р - б а б а

А коль пустое, нечего грустить.
От глаз моих тоску, Ширин, не скроешь.

Ш и р и н

Прости, об этом трудно говорить.

А з е р - б а б а

Всё выдумки, всё девичьи мечтанья:
Бессонница, луна, потоки слез. . .
Сама себе придумала страданье.
Ведь так, дитя?

Ш и р и н

Но жизнь пуста без грез.
Не может лебедь улететь бескрылый,
Мечта все двери предо мной раскрыла.
И вот едва переступлю порог,
Всё сразу станет ярче, необычной —
Синее небо, звонче пенье птичье.

А з е р - б а б а

А вслед за этим горьких слез поток?

Ширин делает знак. Все девушки, кроме Фитне, удаляются.

Внимай, Ширин, и я в твои года,
Таинственной мечтою полоненный,
Тревожился. Казалось мне, звезда,
Сверкающая с выси небосклона,
Лишь для меня горит манящим светом, —
Себя великим возомня поэтом,
Я всё земное вздумал презирать,
Но не достиг блаженства. Всё напрасно.
И вот тогда, Ширин, мне стало ясно,
Что счастье нужно на земле искать.

Ш и р и н

Ведь к солнцу мы всегда должны стремиться?

А з е р - б а б а

Должны, Ширин! . . . Но помни наперед, —
Как бы высоко ни взлетела птица,
Гнездо себе она в ветвях совет,
А не на облаке.

Ф и т н е

И ты живи по-птичьи. . .

А з е р - б а б а

В простом труднее отыскать величье,
Но только там ведь истинно оно!

Ф и т н е

Не раз и я об этом говорила.
Люби Фархада — просто и умно!

А з е р - б а б а

Здесь, на земле, найдешь источник силы.

Ш и р и н

Благодарю, отец мой, за урок.

А з е р - б а б а

Добро, коль он тебе послужит впрок.

(Уходит.)

Ф и т н е

Вот у кого нам нужно поучиться.

Первая девушка

(вбегая)

Сюда идут!..

Ш и р и н

Где, где уединиться?

Опять пришли!

Ф и т н е

Я узнаю Фархада.

Ш и р и н

Фитне, скорей навстречу поспеши,
С почетом встретить...

Фитне и первая девушка уходят.

Не поборошь разлада

Ума и сердца, мысли и души.

Мы притворяться иногда должны.

Великого труда мне это стоит.

Что ж, улыбнись, Ширин!..

(Силится улыбнуться.)

Входят Фархад и Фитне.

Ф а р х а д

Краса страны

Меня улыбкой, взглядом удостоит?

Тебя не видел я так много дней...

Ш и р и н

Мы любовались крепостью твоей.

Фархад подходит, прижимает руку к груди и кланяется.

Ф а р х а д

Я проклиная дни, когда с прекрасной разлучен, —
Рыдает в сердце соловей, в глазах стоит туман,

Я песен не могу слагать. Один печальный стон
Слетает с горьких губ моих: о, пощади, аман!
Всё, всё, что я создал, клянусь, любви

принадлежит,

Мне силы образ твой дает, со мною вечно он.
Не зная устали, без сна, киркой круша гранит,
Я камни в розы превращал, любовью окрылен.

Фархад смолкает. Фитне незаметно вытирает слезы и с упреком
смотрит на Ширин.

Ш и р и н

Великий мастер огненной страны,
При жизни ты достоин пьедестала.
Твоей работой мы восхищены.
Но ты прости, сегодня я устала.

Фархад кланяется и уходит.

Нет, нет! Скорей, мне кажется, огня
Я вынести могу прикосновенье!
Ты видишь, бог, он полюбил меня!
Так почему же в странном ослепленьи
Ты в это сердце не вдохнул любви?
Мне жаль его!

Бессильно опускается на землю, в тоске обхватывает голову руками.
Фитне гладит ее по волосам.

Ф и т н е

Не плачь, светлей живи!
А я твердила и твержу опять:
Фархада полюби — он храбрый воин,
Собой хорош. . .

Ш и р и н

Не можешь ты понять!
Фархад хорош — Фархад любви достоин.
Меня он любит страстно и давно,
Но мне любить его не суждено!

Ф и т н е

Он нравился тебе. Еще на днях
О нем ты говорила. Вот задача, —
Не понимаю я, что это значит!

Ш и р и н

Пророчил дервиш, что грозит мне рок.

Ф и т н е

Пусть дервишу зола падет на темя!
Тьфу-тьфу, вот, право, не было забот!
Ты изведешься!

Ш и р и н

Всё изгладит время.
Мир без меня спокойно проживет.
Свершать земля всё тот же будет путь...

Появляется переодетый дервишем Ш а п у р.

Ш а п у р

Наш разговор вчерашний не забудь.

Ф и т н е

Ах, дервиш, легок на помине.

Ш а п у р

Снова

Я повторяю, как в минувший день, —
Законы мира брэнного суровы.
На черный мир покрое мечты надень,
Я научу тебя, как жить на свете.
Заблащут все...

Ш и р и н

Откуда вы, ответьте!

Ф и т н е

Зачем опять пожаловали к нам?

Ширин отсылает Фитне.

Ш а п у р

Я падаю во прах к твоим ногам,
Забыв про отдых, я бродил по свету,
Но привели меня сюда пути.

И только здесь, готов поклясться в этом,
Я ту нашел, кого хотел найти.

(Поет.)

Мой пропитала ветхий плащ пыль всех земных дорог.
Нет истин, знаю, на земле, мир не подвластен нам.
К чему завесу открывать — навис над сущим рок.
Нектар забвенья подношу я к жаждущим устам!

Ш и р и н

Но кто ты?

Ш а п у р

Я? Кудесник, маг, я тот,
Кто тайны сердца сразу узнает.

(Поет, аккомпанируя на сазе.)

Я в душу каждую проник, я сердца лучший друг.
Все в мире радости постиг, подслушал каждый стон,
Идут поминки или пир — я появляюсь вдруг.
Меня не ждали — я пришел, не зван, не приглашен.
Живу кукушкой без гнезда, где сплю, зажгу очаг,
Чтоб все скорбящие пришли и сели вокруг огня.
Печаль умчится без следа, и станет другом враг.
Сам провозвестник бытия к тебе послал меня.

Ш и р и н

Чем заслужила я такую честь?
О, если б только знать, что мне поможет!

Ш а п у р

Лекарство от любых болезней есть.
Тебя тоска неведомая гложет.
Но излечима злая грусть твоя.

Ш и р и н

Тебе ни слова не сказала я.
Не открывала истинной причины,
А ты всё знаешь...

Ш а п у р

Всё известно мне.
Все радости, сомненья и кручины.

Я телом здесь, душою в облаках,
Меня на землю отпустил аллах,
Чтоб я открыл тебе, чем ты томима:
Мечта предстанет в яви пред тобой —
Не облаком из призрачного дыма,
А во плоти трепещущей, живой.
Посланцем счастья стал я на пороге —
Иди. . . к нему.

(Показывает портрет Хосрова, затем прячет его.)

Ш и р и н

Моя мечта, о боги! . .

Ш а п у р

Его дыханье обжигает, жжет!

Ш и р и н

Но кто он, кто?

Ш а п у р

(торжественно)

Узнай, Ширин, он тот,
Чьи земли, чьи владенья безграничны.
Владыку суши, неба и морей
С самим Ормуздом сравнивать прилично.
Он шахиншах, великий царь царей,
Миры его подвластны мановенью. . .

Ш и р и н

О, шахиншах! . . Какой высокий сан! . .

Ш а п у р

Включил в свои обширные владенья
Прекрасную жемчужину — Иран.
Там ждет тебя он. . .

Ш и р и н

Не найду я слов!
Но как его зовут, скажи! . .

Шапур
Хосров!

Хосров! Ширин .

Шапур
Так солнце прозвано в Иране,
Он ярким светом озаряет нас, —
Все радостны, когда он утром встанет,
Грустят, когда он спит в полночный час.

Ширин
(вглядывается в портрет)
Теперь я знаю, — в темноте ночей
Я от него не отрывала взора,
От блеска этих царственных очей,
Подобных горным, блещущим озерам...
Но как ты здесь? Какой пришел тропой?

Шапур
Ширин, Ширин! Я послан за тобой,
Так начертал великий рок в столетьях.

Ширин
Вот почему, огнем опалена,
Была не в силах на портрет смотреть я.

Шапур
Ему была ты небом суждена!
(Вынимает из рукава розу.)

На, дочь моя, рукой цветка коснись,
Вдохни три раза аромат сладчайший! . .
Твои печали унесутся ввысь.

Ширин
(берет розу)
О, как свежа!

Ш а п у р

Пей из цветочной чаши,
Услышишь душу каждого цветка,
Качнутся рос лучистые каменья
Под трепетным дыханьем ветерка.

Ширин нюхает цветок.

Ш и р и н

О, что со мной? Я слышу птичье пенье. . .
Здесь, в самом сердце, расцвела весна.

Ш а п у р

Так! Спи, теперь настало время сна.
В своем шатре ты дремлешь на постели.

Ш и р и н

Тебе я руку поцелую дай.

Шапур играет на свирели.

Ты песнь любви играешь на свирели?

Ш а п у р

Да, дочь моя! Скорее засыпай!
У нас не жизнь, а празднества — меджлис. . .
Спи.

Ш и р и н (засыпает)

Что я вижу? Серна скачет ввысь,
Сейчас сорвется. Небо заалело.
Весенний день. С нагорной высоты
Потоком низвергаются цветы. . .
Нет, это звезды! . . Солнце душу жжет.
Пьянящий аромат, весь мир кружится.
Я сплю?

Ш а п у р

Ты спишь. Не скоро сон пройдет.
Да будет то, чему дано свершиться!
Ширин! . . Ты спишь? Ширин! . . Ответа нет.
Вот так, отлично, я сдержал обет —
Ормузд свидетель, я трудился честно.

Великий шах доволен будет мной,
Когда вернусь с наложницей прелестной,
А может быть, с шахинею — женой.
Не время рассуждать, — желанье шаха!
Как чист и горд полет ее бровей!

(Тихо свистит.)

Эй вы, сюда!.. Попрятались от страха?..
К Хосрову во дворец скачите с ней.

Входят воины и уносят Ширин. Слышен удаляющийся цокот копыт.

Неслыханный удар Азербайджану!..

(Исчезает.)

Быстро темнеет. Вдали пылают огни храма огнепоклонников.
Вбегает Фитне. Она в волнении. Следом за ней народ — мужчины, женщины. Входят Фархад и Азербабба.

Фитне

Здесь нет ее!

Азербабба

Ищите неустанно!..

Народ расходится группами. Фархад стоит в горестном раздумье.

Первая девушка

Там нет ее...

Вторая девушка

Тут нет...

Воин

Здесь тоже нет!

Азербабба простирает руки к пылающим огням храма огнепоклонников.

Азербабба

Ормузд великий, охраняй от бед
Моей страны свободное дыханье...

Здесь всё родное, близкое, свое,
Не дай ее врагам на поруганье —
Приди на помощь, защити ее!

(Обращаясь к народу.)

Здесь нет Ширин. В опасности она,
Родимая земля оскорблена.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Храм огнепоклонников. Время заката. Справа висится изваянное из камня изображение быка, на лбу у него белая звезда. В ограде храма толпится народ. А з е р - б а б а подходит к быку и падает перед ним ниц.

А з е р - б а б а

Ты поднимаешь тяжкие пласты
Родной земли, чтобы взошел, утроен,
Посев обильный. Нивы пашешь ты.
Когда дремотен мир и полдень зноен,
Напружив мышцы, голову склоня,
Соху влачишь ты, важен и спокоен.
Прошу, могучий, выслушай меня,
Ормузда ты вниманьем удостоен.
Владыка, смилуйся — ступай к нему,
Пусть отвратит от нас он смерть и тьму.

Входит М е х и н - б а н у, окруженная свитой. Народ почтительно встречает ее.

М е х и н - б а н у

Привет, друзья!

А з е р - б а б а

Привет прими, царица.

М е х и н - б а н у

Сказали мне — обрушилась беда.
Встревожены, печальны ваши лица.
У нас несчастье?

Азер-баба молчит.

Отвечай мне.

А з е р - б а б а

Да.

Но не горюй: зима — залог весны,
Дни радости придут на смену горю.
Ширина, я знаю, мы разыщем вскоре.
Крепись!

М е х и н - б а н у

Что? Как? Смертельная тревога
Пронзила сердце. Где Ширина? Что с ней?
Что с дочерью любимую моей?

А з е р - б а б а

Мехин-бану, повремени немного,
Ее Фархад поклялся отыскать.

М е х и н - б а н у

Азер-баба, перед тобою мать.
Ширин — моя опора, ясный свет.
Ведь я стара.

А з е р - б а б а

Да, тяжело, спору нет!

М е х и н - б а н у

(обратясь к храму огнепоклонников, в сильной тревоге)

Ормузд великий, в чем моя вина?
Ты сердце материнское на части
Разбил!

А з е р - б а б а

Поверь, отыщется она,
Поможет нам преодолеть несчастье
Надежда на победу, — верь и жди!

М е х и н - б а н у

Нет силы ждать измученной груди.
Входит Ф а р х а д во главе отряда воинов.
Искал? Нашел? Ну, говори скорей!

Фархад молчит.

Ширин моя! Что с дочерью моей?!

Ф а р х а д

Всё обыскал, не сумел найти,
Звал я, кричал, стонал.
Много людей встречал на пути —
Никто ее не видал.
Горы спросил я — эхо в ответ:
«Нет, мы Ширин не видали, нет...»
Родник журчал среди трав.
«Пусть будет дорога твоя светла.
Может, в далеком пути устав,
Ширин из тебя пила?»

Ты отражал ее ясный лик?»
— «Нет, не видал. . .» — прозвенел родник
Прозрачным звоном стекла.
Крылья орел надо мной простер,
Солнечный свет затемня.
«Зорок, орел, твой царственный взор.
Слушай, отец, меня.
Может, ты видел мою Ширин?»
— «Нет, — он ответил. — Не видел, сын!»
Стиснул кирку я гневной рукой.
Коль не найду — так смерть!
Скалы седые ударил киркой,
Дрогнула звездная твердь. . .
Мертвой, живой, в раю иль в аду —
Только ее всё равно найду!
Всеобщая печаль и тревога.

Мехин-бану

Ищите дочь мою повсюду. Снова
Пусть клич несется по родной стране.
Всех на ноги!

Топал

(пробравшись вперед)

Моей царице слово

Поведать должен я наедине.
Тебе открою тайну. . .

Мехин-бану

О, скорее!

Топал

Твоя Ширин. . .

Мехин-бану

Она жива? Что с нею?

(Бросается к нему.)

Топал

Я нынче на рассвете шел домой
С охоты. Помню, как сейчас. . .

Фитне

Всё вспомни!

Т о п а л

В одной руке нес зайца, а в другой
Трех уток. Подхожу к каменоломне,
И всадников иранских вижу вдруг.
Глазам не верю... Выпустил из рук
И птиц и зайца. Замер в удивленье.
Тут конники заметили меня,
Один подъехал всадник — загляденье,
Меня спросил он, осадив коня,
Где отыскать Ширин,

Ф и т не

Ты им помог?

Т о п а л

Ну да!

Ф и т не

Чтоб твой язык отсох!

Т о п а л

Я их довел до крепостной ограды.

М е х и н - б а н у

Ширин похищена!

Ф и т не

Болтливый пес!

Т о п а л

Ах, я несчастный!

Ф и т не

(дает Топалу пощечину)

Получай награду!

Ф а р х а д

Надменный шах! Тебя каменотес
На поединок смертный вызывает.
Пусть у тебя корона, сила, трон,
Но чести нет...

Мехин-бану

Лишь правда побеждает!
Хосров — предатель, будет свергнут он.
(Обнимает Фархада.)

Мать-родина к тебе взывает снова,
Нам брошен вызов — наголо мечи,
Священные огни зажечь в ночи.
Готовьтесь, люди, к подвигам суровым!

Фархад

Хосров один нанес нам оскорбленье,
Пусть на него падет вся ярость мщенья!

Мехин-бану

Он сеял бурю — грянет ураган!

Азер-баба

Сын, оскорблен родной Азербайджан.
Отважен будь, Фархад, на поле боя.

Мехин-бану

Освободи Ширин любой ценою.

Топал

Исправен ли, взгляну, мой верный щит?
(Уходит.)

Фархад
(воинам)

Нам выступать сегодня предстоит,
Едва увидим первый луч восхода.
Я верю в силу моего народа.
Пусть каждый будет яростнее льва —
Вот родины священные слова!

Азер-баба

Бесстрашны будьте, стойки и упорны,
Азербайджана гордые орлы.

Девушки

Пойдемте в лес и наберем смолы
Для факелов. Осветим путь им горный.

Уходят. На сцене Фархад. Он окидывает взглядом родные места.

Ф а р х а д

Город мой — мечты моей созданье!
Честен труд здесь, радостно дыханье.
Где б я ни был, всюду предо мной
Ты сияешь, белый город мой!
Здесь когда-то в детстве мы играли.
Чудится мне легкий стук сандалий.
Здесь мы повстречались ненароком,
И Ширин у горного потока,
Застыдившись, очи опустив,
Улыбнулась подле старых ив.

Входят А з е р - б а б а и М е х и н - б а н у. Азер-баба держит в руках чашу и хлеб.

М е х и н - б а н у

Теперь, Фархад, ты наше упованье —
Перед походом трудным отдохни!

Ф а р х а д

В последний раз отсюда на прощанье
Взгляну я на священные огни,
На свет заветный родины моей.
Прощай, Азербайджан...

А з е р - б а б а

(протягивает Фархаду чашу)

Воды испей
Из родника священного Ширвана,
Мой сын, старинный выполни обряд.
Вода живая исцеляет раны!
Благословенный хлеб вкуси, Фархад!

Фархад ест и пьет.

Отважен будь, мой сын, на поле боя.

М е х и н - б а н у

Освободи Ширин любой ценою!

З а н а в е с

Действие второе

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дворец Хосрова Ш и р и н сидит одна, обхватив голову руками. Она тоскует.

Ш и р и н

Мне тяжело здесь. Не вынесу мученья.
Всегда одна, всегда сама с собой,
От родины, от близких в отдаленье.
Умру от горя в клетке золотой.
Что делать мне? Всё, всё, что было свято,
Утрачено навеки, без возврата,
Распалось прахом...

Входит М а р ь я м.

М а р ь я м

Вот ты какова!

Дозволь взглянуть, ты вправду ль так красива,
Как прожужжала уши нам молва?
Но что ты смотришь на меня спесиво?

(Вызывающе рассматривает изумленную Ширин.)

Забыла, для чего язык нам служит?
Чтоб отвечать!..

Ш и р и н

Кто вы?

М а р ь я м

Тебя не хуже!

Совсем недавно, правду говоря,
Я первую красавицей считалась, —
Марьям, дочь византийского царя.

Ш и р и н

Но здесь Иран...

М а р ь я м

Еще не догадалась,
Что правит им законный мой супруг...
Но что с тобой — ты побледнела вдруг?

Ш и р и н

Кто ваш супруг?

М а р ь я м

Притворщица не знает?

Решила, видно, что Марьям проста.

Она на смех царицу поднимает.

Ш и р и н

Одно скажу: пред вами я чиста.

Чем рассердила вас, не знаю, право...

М а р ь я м

Велю тебя повесить за язык.

С тобою будет коротка расправа —

Разучишься смеяться в тот же миг!

Ш и р и н

Но объясните, в чем моя вина?

М а р ь я м

В том, что на свет была ты рождена, —

Барашек с виду, а шакал душою!...

Ш и р и н

Какое горе вам я принесла?

М а р ь я м

Ведь я была Хосрову не чужою,

Царица я! А ты низка и зла.

Воровка, разорительница крова,

Шахиню с шахом хочешь разлучить.

Покуда я жива — тому не быть!

Ты просчитаешься...

Ш и р и н

(изумленно)

Жена Хосрова!

Хосров женат?!

М а р ь я м

Тебе, конечно, ново,
Что у мужчины есть жена!.. Ширин,
Ты пошатнулась! Сына позову я.
Воды скорее принеси, мой сын!

Ш и р и н

Не надо мне...

Входит Ш и р у й е. Он, ухмыляясь, смотрит на Ширин.

М а р ь я м

Наследник наш Шируйе.

Ш и р и н

Пусть будет счастлив он...

Ш и р у й е

Огонь в груди.

Хочу на ней жениться...

М а р ь я м

Уходи.

(Выпроваживает его.)

Ш и р у й е

Взглянула раз — и кровь заклокотала.

(Уходит.)

М а р ь я м

Как во дворец Хосрова ты попала?
Неволей взята или добровольно?

Ш и р и н

Марьям, ты видишь, стыдно мне и больно.
Зачем расспрашивать? Клянусь, не знаю,
Как очутиться я могла у вас.
Одно скажу — в тревоге изнываю,
И днем и ночью сон бежит от глаз.
Понять ты можешь, как мне тяжело...

М а р ь я м

Прости меня, я говорила зло.

Ш и р и н

Как я унижена!..

М а р ь я м

Как роза мая,
Беспечно я цвела в стране родной.
Увидевший меня терял покой!
Я веселилась, зла не ожидая.
С Хосровом встречу мне готовил рок.
Недолог женский век. Пришел мой срок.
Я стала вянуть — мигом позабыта.
Наложницу себе искать он стал;
Безжалостно под конские копыта
Он бросил розу — сердце растоптал!

(Плачет.)

Ш и р и н

(утешает ее)

Тебе я не соперница отныне.

М а р ь я м

Не разрушай мой дом, моей святыни
Я не царица — я жена и мать.

(Целует Ширин.)

Да будет проклято Хосрова имя!
Тебя, я вижу, не в чем обвинять —
Сетями он оплел тебя своими...
Не уживешься ты среди волков!..
Зла не хочу тебе — меня послушай:
Не верь тому, что говорит Хосров, —
Он себялюбец, хитрый, слабодушный,
Тебя он не достоин.

(В волнении уходит.)

Ш и р и н

Сколько бед
Ты вынесла. Печален этот свет!

Где ты, Фархад мой, где?

(Бессильно опускается на тахту.)

Входит Шапур. Он преувеличенно низко кланяется Ширин.

Шапур

Привет, о пери.

Большую радость ниспослал аллах, —
Пожалует к тебе великий шах.

Ширин

Он мне знаком! Нет, я глазам не верю...

Шапур

Тебя, Ширин, я вижу в первый раз.

Ширин

Но мы встречались — я слыхала вас...
В каком-то сне...

Шапур

Я живописец местный,
Рисую кое-как — имсё дар,
Не знаменит, но всё же не маляр.
Тружусь я при дворе Хосрова честно.

Ширин

Он говорит — меня бросает в дрожь.
Ах, вспоминаю — злой обманщик дервиш!

Шапур

Неужто я на дервиша похож?
Шутница ты!.. Напрасно мне не веришь.

Ширин

Он лжет! Как это страшно — люди лгут.

Шапур

Ложь — яркий праздник, правда — тяжкий труд.

Ширин

Хочу я верить!

Шапур

Я слуга Хосрова...
Ширин, к приходу шаха будь готова!

(Уходит.)

Входит Хосров.

Хосров

Ширин, я рад, я счастлив видеть вас,
Привет примите от земли Ирана.

Хосров и Ширин обмениваются поклонами.

Ширин

Привет вам, шах!

Хосров

Моя звезда зажглась.
Вас воспевать готов я неустанно.
Забудем все заботы, все печали,
Да ниспошлет нам небо светлых дней!

Ширин

Вы, верно, никогда не тосковали,
И не понять вам, шах, тоски моей.

Хосров

Я, словно нищий, жалкий и больной,
Охваченный томительной тоской,
Страдаю от любви неразделенной.

Ширин

Вы любите? Кого же?

Хосров

Вас одну!

Ш и р и н

Вот почему вы бросили жену,
Мать сына вашего! Ей, оскорбленной,
Всем сердцем я внимала, кровью всей,
Она права!

Х о с р о в

Ширин, не верьте ей.

Ш и р и н

И вы могли так поступить постыдно?

Х о с р о в

Ошиблись вы, Ширин. Я слышать рад —
Вас жизнь моя задела, вам обидно.

Ш и р и н

Простите, шах, что мой нескромный взгляд
Теперь свидетель вашего несчастья...

Х о с р о в

Марьям не стоит вашего участия.
Что ж, сознаюсь — на мне лежит вина.
Но выслушай — я буду откровенным:
В опасности была моя страна, —
Везде гнездилась черная измена,
Ширин, я был врагами окружен,
Увидел я — шатается мой трон.
Иран родной обязан был спасти я.
Что ж было делать? Выход ясен вам:
Чтоб заручиться дружбой с Византией,
Я должен был жениться на Марьям,
Я не любил ее, поверь мне, нет!

Ш и р и н

Всё лживо здесь...

Х о с р о в

О, двадцать долгих лет
Мы жизнь влачим под крышею одною.

Так птица с переломанным крылом
Следит, как день уходит вслед за днем
В неволе горькой. . . Дорогой ценою
Покой Ирану я купил, Ширин! . .

Ширин

Но от Марьям у вас родился сын?

Хосров

С ней никогда я сердцем не был близок.

Стремительно входит разгневанная М а р ь я м.

М а р ь я м

О, как ты лжешь! Как ты позорно низко!
Душа червива, а язык остер.
Но ты, Хосров, игру с огнем затеял, —
Вся Византия вспыхнет, что костер,
И покарает лживого злодея.
Заплатишь жизнью ты за мой позор.
Ты б сына постыдился, наконец!

Вбегает Ш и р у й е.

Мой сын, узнай: злосчастный твой отец
Сошел с ума, его покинул разум.
Взрастила я защитника-орла.

(Ласкается к сыну.)

Ты мать свою не оскорбишь отказом,
Чтобы она в бесчестье умерла.

(Указывает на шаха.)

Узнай, Шируйе, об его обмане,
О сын, моим защитником явись,
Рази отца!

Шируйе падает к ногам Хосрова.

Хосров

Кто царствует в Иране?

Я, а не ты! Умри!

(Бросается к Марьям с обнаженным мечом.)

Ш и р и н
Остановись,
Когда твои слова не звук пустой,
Когда ты любишь, овладей собой!

Хосров роняет меч из рук.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Дворец Хосрова. В окна светит утреннее солнце. Ш и р у й е один в тронном зале, снимает со стены мечи и примеряет их перед зеркалом. Он так увлекся, что не замечает вошедшего великого в а з и р а.

Ш и р у й е
(любуясь на себя в зеркале)
А, это ты! Я ждал тебя, вазир!

В а з и р
Жду приказаний...

Ш и р у й е
Есть тайна...

В а з и р
(насторожившись)

Ну!

Ш и р у й е
Небесной красоты
Мне пери встретилась.

В а з и р

Где?

Ш и р у й е
Здесь, в Иране.
Любовь, как червь, мне внутренности точит.

Как я мечтаю к ней пробраться ночью,
Спросить: «Ширин, ты спишь, Ширин, жена...»

В а з и р

Женой Хосрова стать она должна...

Ш и р у й е

Я молод — мой отец на склоне дней;
Дай мне совет, как действовать...

В а з и р

Смелей!

Ведь ты наследник, верим, ждать не долго,
На трон отцов ты гордо вступишь сам,
Тогда любая пери-недотрога
За честь почтет припасть к твоим ногам.

Ш и р у й е

Любая, говоришь ты?

В а з и р

Без сомненья!

Мы за тебя всегда стоим горой.
И если хочешь правду знать, — терпенье
Давно иссякло. Ты у нас герой;
Тебя растил я, как родного сына,
О, заступись, шах оскорбил седины.

Ш и р у й е

Что сделал ты?

В а з и р

Я верно службу нес.

Я тридцать лет вазир, о, дни позора, —
Шапур у нас вазиром будет скоро...
Меня на свалку — убирайся, пес!

Ш и р у й е

Что говоришь ты?

В а з и р

Толковали люди...

Не вымолвить...

Ш и р у й е

Ух, не тяни, старик!..

В а з и р

Шапур погубит нас. Он всех засудит,
Тебя же... Ох, не поверну язык...

Ш и р у й е

Ну!..

В а з и р

Перед шахом оклеветает он.
Хосров умрет — Шапур взойдет на трон... .

Ш и р у й е

Шапур на трон? Нет, этому не быть.
Наследник я! Ах ты, Шапур-лисица,
Что он задумал! Сам сгниет в темнице.

В а з и р

Он друг Хосрова...

Ш и р у й е

Как мне поступить?

В а з и р

Взойди на трон! Не терпим мы тирана,
Будь шахом ты...

Ш и р у й е

Великого Ирана
Я стану шахом! Ты, вазир, со мной!
Один я стану управлять страной.
Мы завоюем мир — люблю я войны.
Сам на Ширин женюсь...

В а з и р

Ответ достойный.
Тебе мы все клянемся помогать,
О, шахиншах!

(Падает в ноги Шируйе.)

Ш и р у й е

Но где шахиня-мать?

В а з и р

Сегодня в Византию утром рано
Марьям к отцу уехала в слезах.
Царь византийский — древний враг Ирана.

Ш и р у й е

Мать предала нас! Пусть лежит в ногах, —
Предательства ей не прощу до гроба.

В а з и р

Хосров идет!

Ш и р у й е

Молчать мы будем оба!

Входит Хосров. Он глубоко опечален. Шируйе и вазир кланяются ему. Хосров обнимает и целует сына. Шируйе целует руку отца и уходит. Вазир уходит вслед за ним. Хосров садится на трон и задумывается. Входит Шапур.

Хосров

Как взор глубок, как нежен алый рот.
Я путник, умирающий от жажды...
Но говорили мне, и не однажды:
На свете есть лекарство от забот,
Что истину в вине мы познаем;
Мир — караван-сарай, мы гости в нем.

Шапур

Твой разум отуманило вино.
Я не ценю недолгое забвенье,
Тяжелое проходит опьяненье,
Обиды возвратятся всё равно, —
Нам нужен трезвый, беспощадный ум...

Хосров

Вазир мой трезв, но, как сова, угрюм...
Раз бrenно всё, к чему самообман?
Себе мы разум ловко подчиняем, —
Что нужно, то разумно! Ты тиран

Иль жалкий раб, поэт или мудрец —
Червям едино, — всем один конец!
А если так — налей мне, виночерпий!
Лей доверху! Ты, человек, умрешь.
Пью за червей! Здоровье ваше, черви!

Шапур

Он опьянел. . .

Хосров
(Шапуру)

Ты мудрецом сльвешь,
Всё думаешь. От мыслей станешь старым,
А старики не нужны никому!
Шапур, поменьше доверяй уму.
Зови танцовщиц — наполняйте чары.

Все пьют. Танцовщицы пляшут. Хосров останавливает самую красивую и целует ее. Через некоторое время входит вазир.

Хосров

Шапур, взгляни, что делает Ширин?

Шапур уходит.

Ответь, вазир, что принесла мне власть?
Я никогда не веселился всласть. . .
Глядел из-под насупленных бровей,
Я жил с печалью, спутницей моей.
Где счастье? Где? Быть может, там, в горах,
Быть может, в небе? . . . Только пыль и прах
Повсюду находил. . . Я нелюдим,
Я стал тираном, ко всему глухим.
Ты всё твердил, что счастье там, где слава.
Кто счастлив был? Кого ты назовешь?

Вазир

Царь македонский Александр.

Хосров

Всё лжешь!

Истории не знаешь, лстец лукавый, —
Его судьба мрачна, как ночь, была.
Шах счастлив? Нет! Что власть мне принесла?

Хоть раз меня ты радостным видал?
Всегда один. Я на пирах зевоту —
Не знаю, ловко или нет — скрывал,
Друзья со мной дружили по расчету.
И вот с Ширин я повстречался вдруг.
Что ей во мне? Не до моих ей мук.

В а з и р

Я угодить стараюсь властелину—
Прекраснейших наложниц приведу.
Мир должен в шахе уважать мужчину.

Х о с р о в

Нет, без Ширин утехи не найду.

В а з и р

Оставь ее, послушайся вазира...

Х о с р о в

Пресыщен всем! Всѣ скучно в этом мире!

Танец.

Входит Ш а п у р.

Х о с р о в

С тобой Ширин прислала мне ответ?
Ужель опять хранит она молчанье!
Она с тобою говорила?

Ш а п у р

Нет!..

Х о с р о в

Так безуспешны все мои старанья,
Всѣ непреклонна, всѣ горда она!..

Ш а п у р

Терпенье, шах, поспешность нам вредна!

Х о с р о в

Я достигал заоблачных вершин,
Мой меч народы мира целовали,
Но равнодушна к этому Ширин.

Шапур

Ее в Азербайджане воспитали,
И наша роскошь непривычна ей.
Ширин тоскует по Стране огней.
Боюсь, мой шах, у нас зачахнет пери!

Вазир

Творец когда-то на единый лад
Скроил всех женщин, — их слезам не верю,
Сперва поплачут, после норовят
На шею сесть. Встречал не раз мужчин,
Что перед пери таяли как свечка.
Ступай, Хосров, и припугни Ширин, —
Вмиг обернется кроткою овечкой.

Хосров

С ней мягок я — вот в чем моя беда.
Утес подточит вешняя вода.

Шапур

Насильником не может стать влюбленный.
Груб только слабый. Презираем он...
Ширин не будет вечно непреклонной,
Терпи, мой шах!..

Вазир

Не оскорбляй закон!
Не узнаю я прежнего Хосрова.
(Окидывает злобным взглядом Шапура.)
Стал мягче воска властелин суровый.

Печально, но гордо входит Ширин. Она кланяется шаху.
Шапур незаметно скрывается за занавеской. Вазир уходит.

Хосров

Твой раб, Ширин!..

Ширин

Вы можете решить
Мою судьбу.

Хосров

Мне без нее не жить!
Не причину я никогда дурного!

Ширин

Хочу я верить в искренность Хосрова...
Я умолять пришла вас. Здесь, в плену,
Изнемогаю. Всё вокруг чужое, —
Хочу домой, хочу в мою страну,
В Азербайджан...

Хосров

Не разлучусь с тобою!
К твоим ногам я положил Иран,
С женой навеки для тебя расстался.
Когда б ты захотела, отказался
От трона, от короны. До земли
Склоняюсь я, — моей любви внемли!

Ширин

Мне трудно верить.

Хосров

Я охвачен дрожью,
Ширин, как можешь ты не верить мне?
Когда язык свой оскверняю ложью,
Пускай сгорю на медленном огне,
Погаснет солнца вечное сиянье,
Луна падет с небесной высоты,
Неужто клятвам не поверишь ты?

Ширин

Как смертный приговор звучит признание,
Хосров, дворец стал для меня тюрьмой...

Хосров

Ты мне была дарована судьбой, —
Обязаны мы року покориться.
Иначе нас небесный гром убьет.
Не отпущу!

Ш и р и н

От горя мать умрет.

Х о с р о в

Здесь с матерью ты можешь поселиться,
Мы две страны соединим в одну.

Ш и р и н

Нет, шах, я не предаю свою страну.
Я не отдам ее в порабощенье.
Старинный враг — меж нами кровь и мщенье.

Х о с р о в

На горе мне ты предана отчизне.

Ш и р и н

Мне без нее ни света нет, ни жизни!
Мне кажется порой, что всё обман
И вам нужней меня Азербайджан,
Здесь душен воздух, ложью зараженный.

Х о с р о в

К твоим ногам бросаю я корону!
Я откажусь от власти, от семьи...
Не веришь мне? Тогда мой меч возьми, —
У ног твоих я умереть готов...

Ш и р и н

Мне жаль, мне жаль вас...

В а з и р

(входя)

Шахиншах, Хосров...

Х о с р о в

Не вовремя, сова!

Ш а п у р

(появляясь)

Что там случилось?

В а з и р

Преследует Иран судьбы немилости!

Ш и р и н

О чем ты?

В а з и р

О мой шах, спастись надо —
Нам угрожает армия Фархада.

Х о с р о в

Что ж ты стоишь? К оружию зови,
Готовы к бою воины Ирана.

В а з и р

Мы захлебнемся в собственной крови.
(Уходит.)

Х о с р о в

Что делать нам?

Ш а п у р

Отвечу утром рано!
Мы капли крови не прольем с тобой.
Я научу — ты выиграешь бой!

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Граница Ирана. Гористая местность. Топал сражается с иранским воином. Во время боя у Топала развязались чарыги.

Т о п а л

(*поправляя чарыги*)

Постой, не видишь, ай, шайтан слепой,
Ведь занят человек серьезным делом!

Воин целится в него.

Где совесть у тебя, э-гей, постой!

Воин

Мы на войне!..

Топал

Ха! Барс мой смелый!

Из носа каплет, поскорей утри!

«Мы на войне» — что ж, ладно: раз, два, три!

Так разве бьют?

Сражаются. Воин падает, сраженный насмерть.

На, получи, приятель!

Теперь ты понял, что Топал храбрец?!

Как чувствуешь себя?

(Наклоняется над ним.)

Пришел конец?

Ормузд великий, грех прости, создатель!

Входит Фитне. Она сражается с двумя иранскими воинами. Топал убивает одного из них, другой обращается в бегство.

Топал

Эй ты, вояка, чем ты смазал пятки!

Топал один здесь, посмотри, Фитне, —

Как зайцы убегают, без оглядки.

Фитне

Ты храбрый воин? Хвастай, да не мне.

Они меня боятся!

Топал

Вот так так!

Надуешь губки иль бровь нахмуришь, —

Враги бегут.

(Пытается обнять и поцеловать.)

Фитне

Не приставай, ишак!

Топал

Клянусь, отстану, если поцелуешь...!

Ко мне иди, мой длинноносый воин,

Ормузд свидетель — я потом женюсь!

Ф и т не

Мизинца моего ты не достоин!

(Вырывается.)

Т о п а л

Вот недотрога.

Ф и т не

С женщиной не трус,
Но не мужчина ты, скажу заранее!

Т о п а л

Я докажу!

Ф и т не

Мужчине не идет
Любовный бред нести на поле брани...
Как мне в Иран попасть?

Т о п а л

(в сторону)

Не сердце — лед!
Послушай, пери, путь туда опасен!

Ф и т не

Мой друг в Иране пропадет один.

Т о п а л

Иранца любишь ты, а я, несчастный?!

Ф и т не

С ума сошел, ведь я иду к Ширин!
Она тоскует, долго мне идти...
Прощай, Топал!

Ш а п у р появляется.

Ш а п у р

Счастливого пути!

Ф и т не

Откуда ты и что тебе здесь надо?

Ш а п у р
Я человек.
Ф и т н е
Ты на лису похож!
Ш а п у р
Красавица, где мне найти Фархада?
Ф и т н е
Зачем тебе?

Ш а п у р
Он друг мой.
Ф и т н е
(недоверчиво)
Друг? Не врешь?
Фархад иранцам раздает подарки,
Вдруг попадет тебе.
(Уходит.)

Г о л о с Ф а р х а д а
Вперед, друзья!
В атаку, всадники! Теперь в ущелье жарко!
Появляется Ф а р х а д.

Ш а п у р
Фархад, стой!
Ф а р х а д
Кто это?
Ш а п у р
Это я!
Ф а р х а д

Шапур!

Ш а п у р
Он самый.

Ф а р х а д

Сколько лет разлуки!

(Обнимаются и целуются.)

Ш а п у р

Не виделись мы долгих десять лет!
Но помнил я торжественный обет —
Друг другу в горе мы протянем руки,
И сердце говорило мне всегда, —
Друг выручит, когда придет беда.

Ф а р х а д

Вновь свидеться с тобою довелось!
Как много вместе пережито нами,
Учились вместе...

Ш а п у р

А теперь мы врозь.

Ф а р х а д

Мой лучший друг.

Ш а п у р

Да, были мы друзьями.

Ф а р х а д

Но почему же были — не пойму?
Ты так же дорог сердцу моему,
Шапур, зачем ты хмуришься, стой!
Ты отвернулся! Милый, что с тобою?

Ш а п у р

Дурная шутка сыграна судьбою.
Друг разоряет мой Иран родной!
Все, все вокруг о нашей дружбе знают,
Проклятья слышу я со всех сторон, —
На улицах в меня навоз бросают...
Из-за тебя оплеван, оскорблен...
За что, скажи, терплю судьбу такую?
Друг, пощади Иран — страну родную!

Ф а р х а д

Ирану я не причиню вреда,
Но своему народу дал я слово:
Спасу Ширин и накажу Хосрова!

Ш а п у р

Фархад, я неспроста пришел сюда.
Хосров решил пресечь кровопролитье.
Тебе он предлагает договор,
Вы полюбовно разрешите спор.

Х о с р о в

(*появляясь*)

С тобой пришел о мире говорить я.

Ш а п у р

Мой государь, Фархад перед тобой,
Учились мастерству когда-то вместе.
Фархад мне друг!

Х о с р о в

Привет прими, герой.

Ф а р х а д

Привет тебе!

Х о с р о в

Скажу, Фархад, без лести:
Повсюду похвалы тебе слышны.
Кто твой отец?

Ф а р х а д

Я сын своей страны.

Х о с р о в

Неужто смертной ты рожден женой?
Мне жаль — с тобой мы не встречались ране,
И где пришлось!.. В бою, на поле брани.
Фархад-строитель, ты противник мой.

Я видел крепость — чудо красоты.
Бессмертен ты!

Ф а р х а д

Мы смертны, я и ты!

Х о с р о в

Тогда где силы черпаешь, скажи?

Ф а р х а д

В любви, Хосров, мне без нее не жить.

Х о с р о в

Что есть любовь? Когда в ночи не спится,
Смертельный яд течет в моей крови.
Любовь болезнь — я болен от любви,
Она ручей в пустыне, но напиться
Нельзя, Фархад, — отравлена вода.
Не может людям сил придать беда!
Что любишь ты?

Ф а р х а д

Люблю я весны, зимы,
Простор полей нетронутой земли
И синь небес, где утром, еле зримы,
Дорогой ветра тянут журавли.
Любовь во всем — она источник сил.
Тот, кто не любит, словно червь бескрыл.
Да, я люблю, и нету мне преграды.
Свою любовь в деянье претворю.

Ш а п у р

Мой шах, на слове излови Фархада.

Х о с р о в

Она — Ширин?

Ф а р х а д

Да, я ее люблю!

Х о с р о в

Всем сердцем любишь? Мне в глаза гляди.

Ф а р х а д

Люблю ее, покуда жизнь в груди.

Х о с р о в

А если время тронет нежный лик?

Ф а р х а д

Храм красоты я в сердце ей воздвиг!

Х о с р о в

А если сможет разлюбить она?

Ф а р х а д

Издалека сияет нам луна.

Х о с р о в

Когда Ширин захочет взять другой?

Ф а р х а д

Его я раздроблю своей киркой.

Х о с р о в

Забудь ее! Затянет время раны.
Фархад, ты молод, ты здоров, красив.
Твоя любовь — мальчишеский порыв.

Ф а р х а д

Любовь молитва — нету в ней обмана.

Х о с р о в

Не верь, не верь! В Иране ль не житье.
Не знаешь женщин ты — они лукавы.

Ф а р х а д

Ширин нас не отвергнет ради славы.

Х о с р о в

(в сторону)

О, горе мне, достоин он ее.

Ш а п у р

Тебя прошу — не медли, властелин,
Заходит солнце, время возвращаться!

Х о с р о в

Фархад, Фархад, и я люблю Ширин,
Знай — от нее мне трудно отказаться,
Но верь, Фархад, напрасно льется кровь,
Мечом ты не докажешь ей любовь.
Пока с войсками храбро будешь биться,
Уничтожая верный мой народ,
Я на твоей Ширин могу жениться.

Ф а р х а д

От крика боли рухнет небосвод.

Х о с р о в

Я не хочу, Фархад, бесчестным стать.
Твою любовь решил я испытать.

Ф а р х а д

Что ж, испытай!

Х о с р о в

Стоим мы у подножья
Снежноголовой Бисутун-горы,
В ней прорубить киркой проход ты должен —
Дорогу к морю. Чтобы с той поры
Шли караваны прямо — не кружили.
Ответь, Фархад, в твоей ли это силе?
Пролод прорубишь, будет он готов —
Ширин твоя...

Ш а п у р

И распря позабыта.

Т о п а л

Труд на столетье!

Первый воин

Скалы из гранита.

Т о п а л

Вся жизнь пройдет. . .

Ф а р х а д

Согласен я, Хосров!

Х о с р о в

Бери кирку, дрови гранитный пласт.

Ф а р х а д

Любовь к Ширин мне силы в руки даст.

Х о с р о в

Кончай войну!

(В сторону.)

Он почестей достоин.

Титана волю я почувал в нем.

Ф а р х а д

Да будет так! Но поклянись, как воин,
Ширин оставить навсегда потом.

Х о с р о в

Пусть мне вторят грома в горах,
Трону — хлеб обратится в прах,
Пусть погибнет мой верный конь,
Прикоснусь к очагу рукой —
Пусть умрет в очаге огонь.
Я клянусь ключевой водой:
Если лгу я тебе, тогда
Станет пеплом сухим вода.
Доволен ты?

Ш а п у р

Фархад, ему поверь.

Ф а р х а д

Ширин я должен повидать теперь.

Х о с р о в

Я разрешаю!

Ф а р х а д

Прорублю проход,
Клянусь любви божественной природой,
Клянусь дыханьем моего народа,
Журчаньем струй, тобою, небосвод,
Ночною тьмой и солнечным сияньем,
Клянусь я той, которую люблю.
Не дрогну, никогда не отступлю,
Я выдержу с победой испытанье.

З а н а в е с

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Дворец Ширин. Он залит лунным сияньем. Ширин и Фитне сидят на балконе. Фитне напевает, аккомпанируя на джанге.

Ф и т н е

(поет)

Струны джанга смеются, поют под рукою моей,
Серебряные созвучья к небу полет стремят,
А в небе летят караваны друзей моих, журавлей,
И ласково светит птицам желтый, как медь, закат.
Песня моя промчится над садом твоей красоты,
Чистой росой на землю утром падет она,
Чтобы запели птицы, чтоб засмеялась ты,
Чтобы опять вернулась в сердце твое весна.

(Прерывает музыку.)

Ш и р и н

Мне надрывают сердце эти звуки.
Что пела ты?

Ф и т н е

Напев страны родной...

Ш и р и н

Мать умерла, не вынесла разлуки,
В огромном мире страшно быть одной...

Ф и т не

Ты одинока? Вымолвить могла ты?
Недолго ждать, тебя освободит
Фархад-герой.

Ш и р и н

Пред ним я виновата, —
Я сомневалась.

Ф и т не

Он тебя простит!

Ш и р и н

В глаза Фархаду я взглянуть не смею...
Тебе сознаюсь — мне Хосрова жаль.

Ф и т не

Ей жаль! Голубка пожалела змея.
Хосров женат, — жена уймет печаль.

Ш и р и н

Он с ней расстался... Мрачный, одинокий,
Он хочет слышать от меня ответ.
Мой приговор — безжалостный, жестокий —
Его сразит... Мне трудно молвить «нет»...
Зачем ребенком я не умерла —
Источник бед, носительница зла?

Ф и т не

Смелей Хосрову объяви решение,
Опасно медлить — ждет тебя Фархад!

Ширин берет джанг и начинает играть. В саду появляется Ф а р х а д.

Ф а р х а д

Любимая, желанное виденье,
Когда бы знать, что струны говорят!
Узнаю сам — подслушивать нет мочи.

Ш и р и н

Мы не одни...

Ф и т н е

Эй, кто там бродит ночью?
Сейчас его увидим при луне...
Фархад!

Ф а р х а д

Я это! Я!

Ш и р и н

Друг верный, милый!

Ф а р х а д

Любовь моя!

Ш и р и н

Фархад!.. Он снится мне.

Ф и т н е

И я твой сон чуть-чуть не задушила!

Ф а р х а д

Как счастлив я!

Ш и р и н

О, подойди поближе!

Дай руку мне!

Ф а р х а д

Ты слышишь сердца стук?

Ш и р и н

Так, значит, явь! Мой милый, честный друг!

Ф а р х а д

Я жил надеждой, что тебя увижу...

Ш и р и н

Прости меня, моя любовь, Фархад,
Прошла сквозь лед жестокого сомнения,
Но дни мои тебе принадлежат.

Ф а р х а д

Я награжден за долгое терпенье.
Весной река с течением бурным спорит.
Я знал одно — она вольется в море!

Ш и р и н

Ты благороден, ты во всем велик!

Ф а р х а д

Роса упала.

Ш и р и н

Месяц спрятал лик.

Ф а р х а д

Бледнеют звезды утреннюю ранью.
Мой срок истек!

Ш и р и н

Не уходи, стой!

Ф а р х а д

Меня противник ждет на поле брани,
Я должен биться с Бисутун-горой, —
Тебя, Ширин, освобожу я скоро!

Ш и р и н

На поединок вызываешь горы!
Я не пойму, как может это быть!

Ф а р х а д

В горе проход я должен прорубить
Вот эту железную киркою;
И в тот же час, как будет он готов,
Тебя поклялся отпустить Хосров.

Ш и р и н

Освободить меня — такой ценою!

Ф а р х а д

Мне наша встреча столько сил дала,
Что натиск мой не выдержит скала!

Ш и р и н

Всегда гордилась я, Фархад, тобою.
Пусть дрогнут скалы, задрожат хребты,
Разбуженная звонкою киркою
Земля разверзнет древние пласты.
Ты сын земли, а разве может мать
Родному сыну в просьбе отказать...

Ф а р х а д

С тобой расстаться не найду я силы!

Ш и р и н

Побудь еще!

Ф а р х а д

Нельзя, мой друг, пора!
Ширин моя!

Ш и р и н

Прощай, жених мой милый!
Фархад уходит.

Ф и т н е

Ты в первый раз к нему сейчас добра...
Зачат он, видно, от четы влюбленной.

(Кричит.)

Фархад, Топалу передай поклон мой.

Появляется Ш а п у р.

Ш а п у р

Привет тебе, раненько на ногах!..
Узнай, Ширин, что, потеряв терпенье,
К тебе решил прийти великий шах,
Он хочет услышать твое решенье,
Твое согласие...

Ф и т н е

Прочь, нас не учи!

Шапур

А ты, сорока, лучше помолчи!

Хосров входит.

Хосров

Мучительница, злая красота,
Меня томит, преследует повсюду.
Ты непорочна, ты, Ширин, свята,
Но я, богиня, святотатцем буду, —
Сорву с тебя невинности покров.
Измучен я — за это ты в ответе.
С тобой, Ширин, я ни за что на свете
Не разлучусь!

Ширин

А договор, Хосров!
Про договор священный вы забыли?
Срок не истек еще!

Хосров

Мы пошутили!
Провозится в горах он целый век,
Седой, согбенный, он тебя забудет,
Но если мысль я допущу о чуде, —
Пробьет проход он — смертен человек,
Тогда Фархада ожидает плаха:
В моих руках и сила и закон.

Ширин

Теперь во всем величье вижу шаха —
Клятвопреступник, вероломен он!
Любовь вы запятнали преступленьем...

Хосров

Не потерплю я больше промедленья,
Забыла ты, кто пред тобой стоит.
Любить заставлю!

Ш и р и н

Мне Хосров грозит?
Нет, не сломить меня — погибну вольной!

Ш а п у р

Шах пред тобою тает как свеча,
Его ты рассердила, сгоряча
Он пригрозил тебе. . .

Х о с р о в

Ну нет, довольно!
Она меня с любовником своим
Решила перед миром опозорить,
Осмелилась Хосровом пренебречь!
Любил я прежде — пусть решает меч,
Кто виноват в неравном нашем споре.
Умри любовь! Умри моя беда!

Ш а п у р

Ее ты потеряешь навсегда. . .

Х о с р о в

Безумец я, забудь мои слова!
Взгляни — смиренный, жду ответа. Снова
У ног твоих! . .

Ш и р и н

Я так скажу Хосрову:
Покуда я дышу, пока жива,
Любить я буду одного Фархада.

Х о с р о в

Творец! Я ждал — и вот твоя награда.
Я в честь любви построил в сердце храм,
Тем беспощадней я его разрушу,
Святылище любви огню предам!

Ш а п у р
(к Ш и р и н)

Одумайся!

Ш и р и н

Нет, слова не нарушу.
Мне быть женой Фархада суждено!

Х о с р о в

На сердце пепел и в глазах темно!

З а н а в е с

Последующие события этой сцены происходят на просцениуме.

В а з и р

Мой шах, беда, беда!

Х о с р о в

Сгинь, сыч полночный!

В а з и р

Судьба нас покарала...

Х о с р о в

Злобный пес!

Какие вести?

В а з и р

Прибыл к нам нарочный
Из Византии и письмо привез...

Х о с р о в

Послушаем...

В а з и р

(читает)

«Хосров, как дерзкий вор,
Ты позабыл и клятвы и обеты,
Посмел нарушить дружбы договор,
Марьям ты опозорил, но за это
Наказан будешь. Содрогнется свет,
Так ныне будем воевать с тобою.
Заплатишь жизнью — мира больше нет».

Хосров

Нет, я святой, что мог с такой женою
Так долго под одною кровлей жить!
Нетрудно ей отца уговорить, —
Тот для войны кровавой ждал предлога.
Гнездо шакалов я огню предаю...

Вазир

Мой шах, повременил бы ты немного.
Такое ль время? До войны ли нам?
Нет полководца, армия в разброде...
В стране болезни, мор и недород, —
Поддержки не найдет война в народе...

Хосров

Пусть Византия шею нам свернет?
Таков совет?

Вазир

Я свой исполнил долг,
Сказал, что думал, дальше шаха дело...

Хосров

Молчи, сова... Шапур, что ж ты умолк?

Шапур

Придется нам игру вести умело.
Здесь надобен окольный, тонкий ход...

Хосров

Но где Шируйе, что ж он не идет?

Входит Шируйе.

Ирану угрожает разоренье...

Шируйе

Что слышу я! Кто смел нам угрожать?

Хосров

Крепись, мой сын, твоя родная мать,
Кровавое замыслив преступленье,
Обоих нас решила умертвить...

Шапур

Объявлена война...

Шируйе

Не может быть!

Но это, впрочем, на нее похоже!

Я проучу ее, отец, клянусь!

Хосров

Недаром я наследником горжусь, —
В обиду сын не даст отца.

Шируйе

Ну что же,

Мать на меня решила ополчиться.

Не тут-то было, нет, ты погоди,

Узнаешь скоро, злобная волчица,

Каков твой сын!

Хосров

Шируйе, подойди.

Будь полководцем армии Ирана!

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Гора Бисутун. Фархад высекает изваяние Ширин. Входит перодевый дервишем Шапур.

Фархад

Я мрамору сердце отдал, я душу в него вложил.
Солнце, огнем полдненным камень, прошу, согрей!
В этих глазах отразитесь алмазы ночных светил,
Наполни ей грудь дыханьем, ветер родных степей!
В мраморном изваянье наша любовь слилась,
Вечно сияй над миром, вечно в веках живи.
Скалы, я к вам взываю, я заклинаю вас —
Мне покоритесь, скалы, — именем вечной любви!

Шапур

(появляясь)

Всё бренно, всё обманчиво на свете!

Ф а р х а д

Отшельник здесь, тебя я не заметил. . .

Ш а п у р

Я червь земной. . .

Ф а р х а д

Прости меня, старик,
С червями говорить я не привык.

Ш а п у р

Тебя спросить, однако, я посмею:
Иран и Византия здесь, в горах,
Вступили в битву, им судья аллах.
Кто побеждает?

Ф а р х а д

Тот, кто посильнее!

Ш а п у р

Ты мой вопрос оставил без ответа, —
Кому поможешь в трудный час, герой?
Не Византии ли?

Ф а р х а д

Ай, времени мне нету
С тобой болтать! . . Сражаюсь я с горой.

Ш а п у р

Тогда спрошу — зачем глядишь сердито?
Мой разум слаб — понять мне не дано:
Ты изваянье высек из гранита,
Но для чего в горах тебе оно?

Ф а р х а д

Мой труд тяжел, но, верю, дрогнут скалы,
Я должен победить — гора падет!
Любви изображенье высекал я,
Оно меня на подвиги зовет. . .

Шапур

Напрасен труд — всё прах, всё суета.
Придавит всех могильная плита...
Мы все умрем, от жизни пахнет тленом,
Забудут люди наши имена...

Фархад

Ширин моя, твой лик запечатленный
Переживет седые времена!

Шапур

Я не один всхожу на Бисутун,
Вдруг изваянье осквернит прохожий,
Отшельник старый...

Фархад

На тебя похожий?

(Гневно хватает кирку.)

Кто пожалеет, что умрет болтун!

Шапур

Не в мой ли сад ты камнем угодил?

Фархад

Не ты ли камень в руки мне вложил?
Сам за другим нагнись, с размаху кину...

Шапур

Ты рассердился — я с тобой шучу,
Но, впрочем, за насмешки отплачу.

(Уходит.)

Фархад

Нет — он не червь, я слышал шип змеинный!

Фархад уходит. В сопровождении воинов вбегает Шируйе.

Шируйе

Кровь так и хлещет!..

Первый воин

Жаркий бой идет!

Шируйе

Решаю я! Трубите наступленье!

Воины исчезают, за сценой поют трубы.

Марьям не знает, кто полки ведет, —

Передо мною рухнет на колени.

Я не прощу — жестоко проучу,

В Иран ее притащим на аркане.

Я молод, смел, я властвовать хочу...

(Замечает каменное изваяние Ширин.)

Ширин — в горах? Судьбы предначертанье!

С тобой, живую, буду я вдвоем,

Холодный мрамор опалю огнем.

Отец — старик, он должен отступиться,

Войду к тебе, рукой тебя коснусь,

Ты затрепещешь...

Первый воин

(вбегая)

Горе, византийцы!

Второй воин

(стремительно вбегает)

Нас окружают!

Шапур

(появляясь)

Что ты мелешь, трус!

Шируйе

Шапур, ты здесь?

Шапур

Смерть угрожает нам,

Подобно льву, сражается Марьям.

Третий воин

Враги перевалили Кара-даг!

Первый воин

Спасайтесь, эй! Марьям здесь будет скоро!

Второй воин

Всё наше войско уничтожил враг...

Шируйе

Бежим, Шапур!

Шапур

Куда? Повсюду горы, —

В ловушке мы...

Шируйе

Но ты хитер, как змей.

Спаси меня, придумай поскорей.

(Бросается к темнеющему проходу.)

Проход готов?

Шапур

Нет, невозможно чудо.

Постой, нашел!

Шируйе

Ну!

Шапур

Я к Марьям спущусь,

Ты здесь в засаде скроешься покуда.

Я ей спасеньем жизни поклянусь,

Что здесь Хосрова спрятался лазутчик, —

Фархад долбит лишь для отвода глаз

Проход в горах. Марьям — чего же лучше —

Сама казнит Фархада в тот же час...

Шируйе

А мы ее захватим без труда.

План превосходен!..

Ш а п у р

Дороги мгновенья.

Я поспешу!

(Накидывает хламиду дервиша и уходит.)

Ш и р у й е

Неслышные, как тени,
Мы притаимся... Воины, сюда!

Шируйе и воины прячутся. Через некоторое время на сцену в сопровождении телохранителей входит разгневанная М а р ь я м.

М а р ь я м

Лазутчику Хосрова нет пощады, —
Живым иль мертвым привести Фархада!

Телохранители уходят; Марьям остается одна.

Как тихо здесь, алеют гребни гор.
Что ждет меня, какой еще позор? ..
Закат зловещ... ..

(Обводит взглядом горные хребты, внезапно замечает изваяние Ширин.)

Что? Здесь Ширин? В горах
Вновь встретиться пришлось! Ты — надо мною,
Ты красотой своею неземною
С ума всех сводишь, а Марьям в слезах,
Марьям, царица Византии, плачет.
О, пожалей меня, дитя удачи,
Я так оскорблена... ..

Появляется Ф а р х а д.

Кто там?

Ф а р х а д

Перед тобой Фархад. Привет, Марьям!

М а р ь я м

Я знаю всё, — Хосровом ты подкуплен,
Пощады от меня, злодей, не жди... ..

Ф а р х а д

Я не пойму тебя...

М а р ь я м

Лжешь!

Ф а р х а д

Погоди...

М а р ь я м

Бери свой меч!

Ф а р х а д

Взгляни, мой меч затуплен.

М а р ь я м

Что делаешь? Зачем ты здесь, скажи!

Ф а р х а д

Проход я должен прорубить...

М а р ь я м

Ты лжив!

Ф а р х а д

Дай мне сказать...

М а р ь я м

Разделаюсь с тобою!

Ф а р х а д

Я с женщиной сражаться не берусь,
Одумайся, Марьям, ты старше вдвое.
Сказал я правду, в том тебе клянусь
Я именем Ширин!..

М а р ь я м

Я верю!..

Ш и р у й е вместе с воинами вбегает на сцену.

Ш и р у й е

Стой!

Мы наконец-то встретились с тобой!

М а р ь я м

Сын, сокол мой, ты матери поможешь!

Ш и р у й е

Мой слух ты оскорбляешь низкой ложью.
Я разве сын тебе? Ты разве мать?

М а р ь я м

Я молоком своим тебя вскормила!

Ш и р у й е

Я позабыл. Давненько это было.
Эй вы, веревок, гадину связать!

М а р ь я м

Одумайся, несчастный, как ты смеешь?
Безумная, гордилась я тобой!..
Злодеем вырос выродок злодея!
Нет, никогда не буду я рабой,
Будь проклят!

Ш и р у й е

Я убью тебя сначала!

(Заносит меч над головой Марьям.)

М а р ь я м

Ну что ж, рази, вонзай смелее жало!
Хосров проклятый, верно, будет рад,
Что сыном мать убита...

Ф а р х а д

(выбивает меч из рук Шируйе)

Стой! Назад!

Безумец, на кого ты поднял руку?
Где совесть у тебя?!

Марьям

(роняет меч и бессильно прислоняется к скале)

Так суждено...

Когда его на свет рождала в муках,
Я думала не так... Смешно, смешно...
Так почему же не смеетесь вы?
О, почему с небесной синевы
Не рухнет солнце? Странно — мир спокоен!
Смерть лучше плена!

(Пронзает себе сердце кинжалом и падает замертво.)

Фархад

Как сраженный воин,
Марьям погибла. Смерть кладет печать
На лик ее. Преклонимте знамена!

Над Марьям склоняются знамена.

Во имя жизни, солнцем озаренной,
Я тяжкий труд свой должен продолжать.

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Покой Хосрова. В глубине сцены ложе, скрытое балдахином.
Хосров сидит, подле него вазир.

Хосров

Пройдет ли эта ночь?

Вазир

Ляг, отдохни...

Томишься, шах?

Хосров

Нет сна на этом ложе.

Вазир

Ты оскорблен. Пройдут за днями дни,
И червь обиды злой тебя изгложет.

Хосров

Пылает сердце, кровь в висках стучит,
Груз прожитых годов согнул мне плечи.
Стал стариком я...

Вазир

Мудрено ль, — не спит
Хосров шестую ночь!

Хосров

Мне днем не легче.
А вдруг, вазир, прорубит он проход?

Вазир

Так вот забота, что тебя гнетет?
Когда Фархад приедет за наградой,
Придумаем другое что-нибудь:
Проход теперь расширить, скажем, надо, —
И так до смерти можно протянуть!
Не будет никогда проход готовым!

Хосров

Фархаду при народе дал я слово...

Вазир

Тогда они поженятся...

Хосров

Молчать!
Скорей затмится этих звезд сиянье.
Нет, не могу Ширин я потерять,
Я обреку себя на посмеянье.

Вазир

(в сторону)

Н-да, будет пища языкам тогда!

Шапур

(входит)

Мой шах, на нас обрушилась беда...

Хосров

Им счет потерян...

Шапур

Только прискакал я
От Бисутун-горы, загнал коня.
Видал я, как Фархад ломает скалы,
Работу кончит он в течение дня,
Гора упасть готова на колени...

Хосров

Он бог иль дьявол?

Шапур

Нет, мой шах, он гений!

Вазир

Созвать старейшин было бы не худо!..

Хосров

Шапур, молю тебя, подай совет,
Что делать нам?

Шапур

Тебе я лгать не буду,
Теряюсь я...

Хосров

А ты не знаешь, нет?
Что победитель гордый делать станет,
Когда в живых невесту не застанет?

Вазир

Давно бы так! Решение мужчины!

Хосров

Ширин моя, сегодня ты умрешь,
Вслед за тобой я этот мир покину.

Шапур

Себя и нас погубишь ни за грош!

Иран ты злодеяньем запятнаешь!
Одумайся, прошу я, погоди!

В а з и р

Не слушай, шах, ты время с ним теряешь!

Х о с р о в

Ты прав, вазир, иного нет пути...

Ш а п у р

Не торопись с бессмысленною мезтью.
Есть выход!

Х о с р о в

Говори!

Ш а п у р

Я на заре,
Одевши траур, к Бисутун-горе
К Фархаду поспешу с печальной вестью:
Друзья мы с ним, и он поверит мне.
Я так скажу: «Фархад, у нас в стране
Сегодня траур. Не трудись напрасно.
Ширин, бедняжка, холодна как лед:
Замолкли птицы, розы нет прекрасной...»
Услышит он — и мертвым упадет!

В а з и р

А вдруг он не умрет, что делать станем?

Ш а п у р

Умри Ширин — не проживет он дня.
Она его любовь, его дыханье!

Х о с р о в

Шапур, спасибо, обними меня!
Твой замысел окажется удачным,
Вернешься только — в тот же день и час
Вазиром главным я тебя назначу.

Шапур
(кланяется)

Я поспешу — давно заря зажглась.

Вазир

Счастливым путь, смотри, не оступись, —
Как горный тур, гляжу, ты скачешь ввысь!

Шапур

Благодарю, вазир, до скорой встречи!

(Уходит.)

Хосров

Прощай, Шапур, мой верный друг, мой брат.

Вазир

(в сторону)

Волк, хищный волк под шкурою овечьей...
Ляг отдохни.

Хосров

Прилечь я буду рад.

О, если б мог уснуть!.. Что ты глядишь так
хмуро?

Вазир

Я с нетерпеньем буду ждать Шапура.
Всю жизнь тебе я прослужил один,
Теперь Шапуру передам заботы, —
Моложе он... Ты спишь? Он впал в дремоту!
Что снится шаху? Может быть, Ширин...

Входит Шируйе.

Входи, Шируйе. Тихо, осторожно —
Шах чутко спит...

Шируйе

Так дышит он тревожно!

Вазир

Ты слышал всё, что здесь Шапур болтал?

Ш и р у й е

Не разобрал — вы тихо говорили.

В а з и р

Знай, о твоей любви отец узнал.
Сегодня свадьба, — на Ширин жениться
Решил он сам, тебя сгноят в темнице.
Палач жесток — тебе я смерти жду.

Ш и р у й е

Неслыханное в мире преступленье!

В а з и р

Тс... Тише! Шах, ты слышишь — я иду!
Он спит...

(Подталкивая Шируйе к ложу спящего Хосрова.)

Смелей!..

Ш и р у й е

Мне страшно!

В а з и р

Отступленье

Замыслил ты?

Ш и р у й е

Меня колотит дрожь,

Меня мутит.

Скорее прочь отсюда!

Как постарел отец... Совсем седой!

В а з и р

В последний раз я говорю с тобой,
Ночь на исходе... медлить мы начнем —
Проснется стража, ай, ну, будь мужчиной.
Он стар и слаб, и крови мало в нем.
Его сразит один удар. Единый
Удар мечом. Иди!..

Шируйе уходит за балдахин. Немного погодя раздается крик Хосрова. Шируйе возвращается, в руке его окровавленный меч. Вазир и Шируйе прижимаются к стене и слушают.

Хосров

Сюда, ко мне!

Злодей меня сразил.
Шируйе, сын мой, где ты? Здесь, со мною!
Я умираю... из последних сил
Хочу проститься навсегда с тобою...
Но ты в крови? Мой сын, ты залит кровью?
Скажи, ты ранен? Смилуйся, аллах,
Спаси мое дитя, с такой любовью
Его растил я... Но зачем в руках
Ты держишь меч?

Вазир подталкивает Шируйе. Тот еще раз ударяет Хосрова мечом
и в ужасе отступает.

Остановись... О боже!

Отцеубийце я оставлю трон!
Не верь, аллах, не верь! Убил не он!
Отца родного сын убить не может.

(Замечает вазира.)

Вот он убийца... Прочь его гони!
Он и тебя продаст!

Ш и р у й е

Отец, взгляни!

Меня он звал в последнее мгновенье.
Отец, прости, прижми меня к груди.

(Выталкивает вазира.)

Ты здесь, вазир, — смеешься? На, гляди,
Эй, торжествуй! Свершилось преступленье!
Смеясь подслушал ты предсмертный стон, —
Сын поразил отца — тебе не внове.
Умри, смердящий пес!

(Закалывает вазира.)

Хосров

Я отомщен!

Я на себя приму великий грех сыновний!

(Умирает.)

Занавес

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Подножье горы Бисутун. В горе темнеет проход. Водопад. Раннее утро. Фархад выходит из прохода и поднимается на вершину горы. Он стирает пот со лба и, опираясь на кирку, смотрит на просыпающуюся долину, на встающее солнце.

Фархад

Вчера был мрачен мир в часы заката...
День медленно и трудно угасал,
Как будто он от мук изнемогал.
Но улетели облака крылаты,
Оставив на граните влажный след.
И ты пришел, большого дня рассвет!
Запели птицы, встрепенулись ветви!
Мир пробудился — трепетный, живой.
В росинке каждой радуги соцветья...
Сегодня труд окончен будет мой!
Последний пласт — киркой последний взмах,
И счастье здесь — оно в моих руках!

Фархад спускается к водопаду и умывается. Издали доносится голос Азер-бабы.

Голос Азер-бабы

Фа-а-рхад! Где ты, Фархад?

Фархад

(прислушивается)

Отец! Как странно.

Голос Азер-бабы

Фархад, откликнись!

Фархад

Здесь я, оге-гей!

Азер-баба

Фархад!

Отец и сын обнимаются.

По горным тропам шли мы неустанно.
Я не один...

Входят воины, народ — они приветствуют Фархада.

А з е р - б а б а

Фархад, встречай друзей!

А з е р - б а б а

Устали все... Окончен наш поход.
Вдали от дома, от родного края
Ты здесь в трудах провел суровый год.
Нас позабыл?

Ф а р х а д

Неужто забывают
Свой отчий дом, где ты родился, рос?
Всегда живешь душой в родной долине,
Где стелется дымок молочно-синий,
Где диким тмином горный склон порос,
Где птичий свист разбудит на заре
Куст розовый в росистом серебре.

Пауза.

Недолго ждать, закончу я работу,
С Ширин мы возвратимся вместе.

А з е р - б а б а

То-то.

Хочу тебя спросить, мой сын... скажи,
Любим ли ты? Ширин не разлюбила?

Ф а р х а д

Кончать работу поскорей молила...
Я ей в глаза глядел — в них нету лжи.

А з е р - б а б а

По-прежнему мечтательна она?

Ф а р х а д

Нет, чашу горя выпила до дна...

А з е р - б а б а

Мед слаще будет!

Ф а р х а д

Я начну, пора!
Ширин тоскует... Покорись, гора!

Крошись, гранит, под сильными руками!
Кирка моя, дробь упрямый камень, —
Любовь из плена мы с тобой спасли!

Фархад поднимается на гору. Слышно, как его кирка крушит скалы.
Народ замер в благоговейном ожидании.

А з е р - б а б а

Ормузд великий, сил ему пошли,
В наш скорбный век, жестокий и кровавый,
Он счастье заслужил!

Гора раскалывается. В просвете видно море. Общий крик восторга.

Н а р о д

Фархаду слава!

Т о п а л

Саг-ол! Такую силищу бы мне,
Давно бы я женился на Фитне.

Азер-баба взбирается на вершину и обнимает Фархада.

А з е р - б а б а

Я счастлив за тебя. Я счастлив, джан!

Н а р о д

Тебя благодарит Азербайджан!
Азер-баба, ты вырастил героя!

Народ окружает Азер-бабу.

А з е р - б а б а

Пускай начнется празднество у нас.

Т о п а л

Пускай начнется празднество такое,
Чтоб Бисутун-гора пустилась в пляс!..
Завидная, Фархад, твоя судьба!

В о и н

Эй, расступитесь все перед ашугом!

А з е р - б а б а

Потешь народ, сыграй, Озан-баба.

Он саз берет.

В о и н

Т о п а л

Эй, тише, станем кругом!

О з а н

Отыщет розу соловей, в кольце блеснет алмаз,
И песню лучшую свою сыграет струнный саз
О том, кто доблестный герой под солнцем и луной.
Хранит его от всех обид народа зоркий глаз.
Играй, мой саз, звени, струна, пой, сердце саазчи.
Цветет Мугань моя весной под солнцем и луной,
На лепестках зажгли огни полдневные лучи...
Фархад, гордимся мы тобой — отчизны сын родной!

Ф а р х а д

Спасибо, друг! Так много говорят
Мне звуки этой песни...

*(Берет кирку и, взволнованный, поднимается на вершину
горы.)*

Г о л о с Ш а п у р а

Где мой брат?

Фархад, сюда!

Ф а р х а д

Шапура голос?

Ш а п у р

Брат мой!

Ф а р х а д

Так и есть!

А з е р - б а б а

Предчувствую — несет он злую весть.

Фархад и несколько человек вносят на руках Ш а п у р а и бережно
опускают его на землю.

Ф а р х а д

Он чувств лишился...

Г о л о с а

Ворот расстегните. . .

Ф а р х а д

(обрызгивает водой лицо Шапура)

Мой милый друг, ты болен? Что с тобой?
Очнулся он. . .

Ш а п у р

(слабым голосом)

Фархада позовите!

Ф а р х а д

Аман! Он на меня глядит с тоской!
Он побледнел. . .

Ш а п у р

Воды глоток единый.

Крепись, Фархад, ты должен быть мужчиной!
Я изнемог! Прости, в глазах туман. . .

Ф а р х а д

Не мучь меня!

Ш а п у р

О, рок слепой над нами!

Ф а р х а д

Ширин?!

Ш а п у р

На языке тяжелый камень.

Ф а р х а д

О, не томи!

Т о п а л

Он траурной каймою
Меч обвязал. . .

Шапур

Ох, из конца в конец
Иран облекся в траур. Тьмой ночью
Сменился ясный день. Из всех сердец
Прекраснейшее биться перестало,
В лед обратилось...

Фархад

Умерла Ширин?!

Азербаб

Аман! Всех жертв судьбе кровавой мало!
Дитя мое, о мой несчастный сын!

Фархад

Ширин мертва? Нет, как же это вдруг...
Шапур, мой брат, Шапур, мой верный друг,
Ты не ошибся? Не могу я верить,
Шапур, молю, клянись мне жизнью всей.

Шапур

На этих вот руках угасла пери,
В последнюю минуту был я с ней...
Она звала тебя! С таким укором
Нас обвела она угасшим взором...
«Ступай к Фархаду, — прошептала мне, —
Рок разлучил нас...» Затаив рыданье,
К тебе я шел, шатаюсь, как во сне...

Фархад

Довольно, не под силу испытанье.
Звезда Ширин угасла. Умерла...
Всё рухнуло. Напрасны все дела.
Любовь моя!.. Клубится прах летучий,
Затмил он солнце... Умерла она...
Уймись, ветры, не плывите, тучи, —
Пусть мертвая настанет тишина!
Прощай, моя земля, мой дом родной!
Свети всё так же, солнце, с небосвода!
Любовь моя, живи в сердцах народа!..
(Наносит себе удар и падает мертвый.)

А зер - ба ба

Мой сын! Фархад мой!

Народ в ужасе окружает труп Фархада. Издали доносится цокот подков. Ширин и Фитне спешиваются с коней. При виде их Шапур пытается скрыться. Фитне направляет на него свой лук.

Т о п а л

Ширин жива!

Ф и т н е

* С предателем расправлюсь я сперва!

Шапур падает, сраженный стрелой. Ширин бросается к трупу Фархада.

А зер - ба ба

В любви и в дружбе люди жить могли...
Нет, мало им! Обман и преступленье —
Два подлых змея — в чистый дом вползли.
Тебе отраднo друга появленье,
Спешишь обнять, целуешь, руку жмешь,
Друг, лицемерно улыбаясь, нож
Вонзает в сердце, предает разбою
Твой дом, где он за чашей пировой
Тебе поклялся верным быть навеки!..
Ормузд! Создатель! Смертный человек
К тебе взывает пред лицом потомства:
Наш род людской спаси от вероломства!

Ширин приподнимает голову Фархада и скорбно глядит ему в лицо.

Ш и р и н

Прости меня, прости! Моя вина, —
Тебе не улыбнулась я ни разу,
Всегда была с тобою холодна.
Но ты не умер, не поверит разум,
Что ты погиб! Забвенью не предам
Тебя, Фархад! Прильну к твоим губам.
Что ж ты не хочешь отвечать, жестокий?

(Обращаясь к Азер-бабе.)

Ты прокляни меня, Азер-баба.
Виновна я — твой сокол ясноокий
Из-за меня погиб.

(Закалывается кинжалом.)

А з е р - б а б а

Судьба! Судьба!

Нет больше у меня детей счастливых.

Клянись, народ! Жестоко покарай

Тех развращенных, тех несправедливых,

Кто зло принес в благословенный край!

З а н а в е с

1941

ПРИМЕЧАНИЯ

Один из основоположников азербайджанской советской поэзии — Самед Вургун оставил большое творческое наследие. На азербайджанском языке опубликовано 48 книг поэта, а также Избранные произведения в 2-х томах (Баку, 1954 и 1976) и Избранные произведения в 3-х томах (Баку, 1955). Первая книга, «Клятва поэта» («Шаирин анды»), вышла в свет в 1930 г. В 1960 — 1972 гг. по решению ЦК Компартии Азербайджана и Совета Министров Азербайджанской ССР осуществлено академическое издание Собрания сочинений в 6-ти томах (первые четыре тома охватывают большую часть поэтического наследия С. Вургуна: тт. 1—3 — стихотворения и поэмы, т. 4 — драматические произведения, в 5-й и 6-й тома вошли литературно-критические и публицистические статьи). В редакционную коллегию входили видные ученые и писатели республики: М. Ариф, Ю. Векилов, М. Ибрагимов, Г. Мехти, М. Джалал, О. Сарывелли.

Знакомство русского читателя с одним из замечательных представителей многонациональной советской поэзии началось в 1935 г., когда вышла в свет первая книга С. Вургуна на русском языке — «Стихи и поэмы» (Тифлис, 1935), в переводах Б. Серебрякова, В. Наседкина, Р. Ивнева, Б. Брика, под редакцией А. Рахмана. В 1936 г. в Москве Госиздательство по вопросам радио выпустило маленькую книжку объемом в один печатный лист, тиражом 200 экз. для радио СССР — «Стихи» (М., 1936). Более широкое ознакомление русского читателя с творчеством поэта произошло в 1939 г., во время первой декады азербайджанской литературы и искусства в Москве. В этом же году был выпущен сб. «Утренняя песня» (М., 1939). Начиная с этого времени стихи и поэмы С. Вургуна публикуются в русской периодической печати, включаются в разные поэтические альманахи и антологии, издаются отдельными книгами. На сценах русских театров ставятся его пьесы. Но многие переводы стихотворений С. Вургуна, предпринятые в 30-е годы, были еще весьма несовершенны, в них недоставало главного — учета творческой биографии поэта, национального своеобразия азербайджанской литературы; это приводило к определенным ошибкам.

После 1940 г. печатаются отдельными книгами драмы «Вагиф» (М., 1940) и «Фархад и Ширин» (М., 1943), затем сб. «Сегодня и завтра» (М., 1944) и ряд избранных изданий — Избранные произведения (М., 1948), Избранное (М., 1949; М., 1950; М., 1952; М., 1956; Баку, 1976), Избранные сочинения в 2-х томах (М., 1958). Всего на русском языке вышло 28 изданий С. Вургуна. Наиболее полное и зна-

чительное из них — посмертное издание Избранных сочинений в 2-х томах (М., 1958), составителем которого была С. Хитарова. В архиве поэта сохранились материалы, свидетельствующие об их совместной работе по составлению ряда сборников. В 1-й том этого издания вошли стихотворения и поэмы, во 2-й — драмы.

При составлении настоящего сборника в основном было использовано это двухтомное издание произведений С. Вургун.

Настоящий сборник является наиболее полным из русских изданий С. Вургун. В нем представлена большая часть его поэтического наследия в идейно-тематическом и жанровом его разнообразии. В сборник вошли многие стихи, увидевшие свет после смерти поэта, стихи эти относятся, главным образом, к раннему его творчеству и переведены они, в основном, двумя переводчиками: Т. Стрешневой и В. Кафаровым. Сборник состоит из трех разделов: «Стихотворения», «Поэмы», «Драмы», — в которых произведения располагаются в хронологическом порядке. В первом разделе собраны произведения начиная с 1926 по 1956 г. включительно, то есть от начала пути поэта до стихотворений последних лет его жизни. Это дает возможность читателю проследить за творческой эволюцией С. Вургун, определить отличительные черты его поэзии — политическую заостренность, революционный пафос, интернационализм, философскую обобщенность. Читатель познакомится с плодотворной работой С. Вургун во время Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что только с 23 по 29 июня 1941 г. он написал шесть стихотворений, призывающих воинов на ратные подвиги, утверждающих безграничную любовь к Родине.

С. Вургун перевели известные советские поэты-переводчики А. Адалис, М. Алигер, П. Антокольский, Н. Асеев, В. Луговской, Б. Пастернак, К. Симонов, Т. Стрешнева и др. Следует отметить, что сам поэт выступал и как теоретик перевода и как практик (С. Вургуну принадлежит перевод на азербайджанский язык пушкинского «Евгения Онегина», части эпической поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и др.). В статье «О теоретических и практических вопросах художественного перевода» С. Вургун писал: «Я бы хотел, чтобы мои произведения в переводе звучали с той же силой, с какой они звучат в оригинале» (С. Вургун, Собрание сочинений в 6-ти томах (на азерб. яз.), т. 5, Баку, 1972, с. 72. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно: Собр. соч., с указанием тома и страницы).

Понятие «качество перевода» С. Вургун трактовал творчески: главным требованием к переводу было соответствие духу оригинала. Количество строк, ритм, принципы рифмовки и другие формальные компоненты С. Вургун порой отодвигал на задний план, отдавая предпочтение переводам, в которых сохранен идейно-эмоциональный строй оригинала.

При подготовке настоящего издания (комментировании, датировке текстов, подготовке новых переводов и т. п.) были использованы материалы вышеуказанного Собрания сочинений, учтены книги Г. Бабаева «Поэт и время» (на азерб. яз., Баку, 1966), Б. Вагабаде «Самед Вургун» (на азерб. яз., Баку, 1969), Ф. А. Велихановой «Русские переводы поэзии Самеда Вургун» (Баку, 1968) и др.

В примечаниях сообщаются краткие сведения историко-литера-

турного характера, объясняются разного рода реалии; в случае расхождения названий в переводе и оригинале сообщаются заглавия произведений в оригинале, оговариваются ошибки в датировках, допущенные в предшествующих изданиях С. Вургуну на русском языке. Даты в текстах исправляются по Собранию сочинений в 6-ти томах (на азерб. яз.), Баку, 1960—1972. Объяснения азербайджанских слов и терминов, оставшихся без перевода, а также географических названий выделяются в специальный «Словарь».

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. На азерб. яз. опубликовано впервые после смерти поэта в журн. «Азербайджан», 1957, № 5. Это и ряд других стихотворений, напечатанных в указанном номере журнала, представил в редакцию брат С. Вургуну М. Векилов. «Это стихотворение, — вспоминал он, — Самед написал. . . , когда работал учителем в селении Шихлы Казахского р-на Азерб. ССР». Стихотворение посвящено Шарифу Багирзаде (1870—1936?), работавшему в то время учителем в Казахском районе и писавшему сатирические стихи под псевдонимом *Шикесте* в стиле Мирзы Алекпера Сабира (1862—1911), великого азербайджанского поэта-сатирика.

2. В оригинале — загл. «Путешествие». *Как зажегся огонь вечной дружбы в сердцах*. Имеется в виду установление Советской власти в Азербайджане.

3. В оригинале — загл. «Когда я увидел ее. . .». Это и последующие стихотворения («Когда? . . .», «Клятва», «Как же скоро ты забыла. . .», «Пускай цветники и луга улыбаются. . .») носят автобиографический характер.

4. Дословный перевод последнего стиха в оригинале: «Именем павшего духом Вургуну должно стать — Рустам-Зал». Рустам-Зал — один из главных героев «Шахнаме», эпической поэмы великого персидско-таджикского поэта Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030).

6. В оригинале — загл. «Мать».

7. В оригинале — загл. «Когда я буду радоваться. . .».

8. На азерб. яз. опубликовано впервые после смерти поэта в журн. «Азербайджан», 1957, № 5. См. примеч. 1.

9. *Фикрет* Тевфик (1867—1915) — турецкий поэт.

11. В оригинале — загл. «Моя клятва».

12. В оригинале — загл. «Горький смех». В рукописи с посвящением «Ей. . . той красавице. . . той мечте».

13. В оригинале — загл. «Печальные годы жизни».

14. На азерб. яз. опубликовано впервые после смерти С. Вургун в журн. «Пионер», 1957, № 4, под загл. «Малышам». В автографе — загл. «Весенняя песенка».

16. В оригинале — загл. «Река Кура». В первых азербайджанских изданиях имеется посвящение азербайджанскому советскому поэту Санылы Гаджи-Кериму (1878—1937). *Земля Казеха*. Имеется в виду Казахский район Азербайджанской ССР.

17. В оригинале — загл. «Родина революции» и посвящение «Для матери». Написано в Москве, где в эти годы С. Вургун был студентом Второго Московского университета. *Санан* — главный герой известной восточной легенды «Шейх Санан и христианская девушка». Он влюбился в христианскую девушку и ради своей любви отрекся от ислама.

20. *Мусават* — контрреволюционная буржуазно-националистическая партия в Азербайджане. В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в период иностранной военной интервенции и гражданской войны представляла собой одну из главных контрреволюционных сил Азербайджана. В 1918—1920 гг. мусаватисты провоцировали межнациональные столкновения в Закавказье. Мусаватский контрреволюционный режим был свергнут в апреле 1920 г.

23. *Назым Хикмет* (1902—1963) — выдающийся турецкий поэт, общественный деятель, член бюро Всемирного Совета мира.

24. Об этом стихотворении С. Вургун писал: «Написанные мною в 1930 году произведения «Рапорт» и «Фонарь» созданы под непосредственным влиянием Маяковского. Эти стихотворения стали переломным этапом в моем творчестве тех времен. В этих произведениях, впервые следуя за Маяковским, я выразил свою мысль ясным поэтическим языком. Стихотворение «Рапорт» написано в форме непосредственного обращения к рабочему классу, ибо я убедился, что гегемон революции, ведущей силой социального прогресса, единственным революционным классом, преобразовавшим облик не только города, но и отсталой патриархальной деревни, является рабочий класс» (Собр. соч., т. 5, с. 191).

25. *Микаил Мушфик* (1908—1939) — азербайджанский советский поэт.

28. В первой публикации в журн. «Худжум» («Атака»), 1932, № 7-8, с подзаг. «Биография ашуга», во всех последующих изданиях не повторявшимся. *Меджнун* («одержимый любовью») — главный герой поэм великих азербайджанских поэтов Низами (ок. 1141 — ок. 1209) и Физули (1494—1556) «Лейли и Меджнун». *Кер-оглу* (Кероглы) — певец и воин, восставший против феодалов, заступник народа, главный герой азербайджанского народного эпоса «Кер-оглы» (конец XVI в.).

29. В оригинале — загл. «Приключение». В русских изд. ошибочно датировано 1933—1936 гг. Первый вариант написан в 1932 г. Через

год поэт вернулся к работе над произведением и в 1933 г. напечатал его второй вариант. Первый вариант в сокращенном виде под загл. «Письмо женщине-колхознице» вошел в книгу «Фонарь» (на азерб. яз.), Баку, 1932.

30. В оригинале — загл. «Весна». С. Вургун ввел новую форму строфы в азербайджанскую поэзию — пятистишие, в котором повторяется вторая строка. В настоящем переводе эта особенность не сохранена.

32. В оригинале — загл. «Горе матери». В русских изд. ошибочно датировано 1933 г

33. В русских изд. ошибочно датировано 1933 г.

34. В русских изд. ошибочно датировано 1942 г.

36. В русских изд. ошибочно датировано 1942 г.

37. В русских изд. ошибочно датировано 1933 г.

38. В оригинале — загл. «Тоска». Об этом стихотворении П. Антокольский писал: «В стихотворении 1935 года «Память» он обращается к матери, вспоминает свое прощание с нею, вспоминает свое детство, навсегда ушедший для него в прошлое скудный сельский быт. Эти воспоминания не радостные и не легкие, а между тем даже здесь небо Самеда безоблачно, печаль не туманит его лица или туманит на секунду, как тень легкого весеннего облака, — настолько силен порыв одушевляющего его лиризма, в самом себе несущий исцеление всякой печали» (С. Вургун, Избр. соч. в 2-х томах, т. 1, М., 1958, с. 13).

39. Посвящено первой летчице-азербайджанке Лейле Мамедбековой (р. 1912, в настоящее время пенсионерка). *Физули* — см. примеч. 28. *Лейла* (по-арабски «ночь») — героиня поэмы «Лейли и Меджнун». *Позже Лейлу нашел поэт Кемаль*. Имеется в виду героиня стих. «Взгляд» турецкого поэта Яхья Кемаля (1884—1958). *Меджнун* — см. примеч. 28.

40. В русских изд. ошибочно датировано 1938 г.

41. Посвящено великому азербайджанскому поэту Молла Панаху Вагифу (1717—1797). С. Вургун в одной из своих статей отмечал: «Еще с раннего детства я находился под сильным влиянием творчества Вагифа, его прекрасные стихи, ясный и народный язык оказали на мое творчество большое влияние. Под влиянием могучего поэтического обаяния Вагифа я писал первые свои стихи» (Собр. соч., т. 5, с. 119). «*Не видать чужакам Карабах!*...» Карабах — феодальное государство в XVIII — нач. XIX в. в междуречье Аракса и Куры в Азербайджане. В годы правления Ибрагим-хана (1759—1806) стало одним из могущественных среди других ханств. Под угрозой поглощения Ираном или Турцией Ибрагим-хан обращался к России с просьбой

о покровительстве. *Каджар* (Ага Мухаммед-шах Каджар, 1742—1797) — шах Ирана, основоположник династии Каджаров. «Справедливости нет, губит лозы гроза, На изменчивый мир не глядели б глаза!» — цитата из стих. Вагифа «Не видел». *Видади* Молла Вели (1709—1809) — азербайджанский поэт, современник и друг Вагифа. *Руки кровью твоей обагрил невозбранно*. Речь идет о смерти Вагифа, убитого вместе с сыном по повелению *Джаваншира*, племянника Ибрагим-хана.

42. В первой публикации в «Эдебият газети» («Литературная газета»), 1936, 30 августа, с пометой «Пролог поэмы». С. Вургун затем переработал стихотворение и усовершенствованный вариант напечатал в газете «Коммунист» (на азерб. яз.), 1937, 1 мая. В музее С. Вургуну имеется большая тетрадь, на титульном листе которой помечено: «„Азербайджан“, историческая поэма 1934—1935». Эта поэма начинается фрагментом «Азербайджан» под загл. «Песня поэта» (в целом поэма состояла из 15 глав). 2 декабря 1943 г. на заседании национального бюро по вопросу «Теория и практика художественного перевода с языков народов СССР» о переводе на русский язык этого стихотворения С. Вургун говорил: «Аделину Ефимовну Адалис я хочу поблагодарить как самую лучшую переводчицу азербайджанской поэзии... Возьмем ее перевод «Азербайджана». Я сказал бы, что в русском переводе за советский период ни одно стихотворение так не звучит. Оно стало самым популярным стихотворением именно благодаря этому переводу. В чем секрет? Здесь также нет точности в буквальном смысле слова, но здесь есть дух моего патриотизма, огонь моей любви к Азербайджану. Есть что-то, что делает это стихотворение русским стихом... «Азербайджан» соответствует моей жизни, программе моей жизни. Сколько я буду жить и творить, вы все это найдете в тех мотивах, которые я вложил в это маленькое стихотворение «Азербайджан» еще в 1933 г.» (стихотворение написано в 1935 г. — А. Г.) (Собр. соч., т. 5, с. 272—273). *Насими* — см. примеч. 44. *Физули* — см. примеч. 28.

44. *Насими* Сеид Имадеддин (1370—1417) — великий азербайджанский поэт, основоположник традиции письменной поэзии на азербайджанском языке. *Насими* был приверженцем хуруфизма — пантеистического учения, проповедовавшего мистико-символическое толкование букв в Коране. По представлению хуруфистов, познавший это толкование становился богом. По решению ортодоксального духовенства *Насими* подвергся страшной казни за ересь — с живого содрали кожу. *Тронь мизинец моллы — завопит этот шут* и т. д. По преданию, подписывая приговор, духовенство постановило, что если во время казни хоть капля крови упадет на кого-нибудь, то ту часть тела необходимо отрубить и выбросить. Случайно кровь брызнула на палец священнослужителя. Он тут же отказался от собственного решения, боясь, что ему отрубят палец. И в этот момент залитый кровью *Насими* насмешливо экспромтом произнес следующее двустишие: «Если отрубить палец захиду, то он отречется от правды. Посмотри на этого истинно влюбленного в истину, с него сдирают кожу, но он и не стонет» (подстрочный перевод). *Физули* — см. примеч. 28. *Лейли* — см. примеч. 39. *Меджнун* — см. примеч. 28. *Вагиф* — см. примеч. 41. *От фарсидских писем, от арабских прикрас*

Он навек излечил нашу чистую речь. Имеется в виду Вагиф, писавший свои произведения на народном азербайджанском языке, борющийся за чистоту азербайджанского языка. *Орден Ленина грудь украшает мою*. В начале 1936 г. С. Вургун был награжден орденом Ленина. Байрон (1788—1824) — английский поэт, выдающийся представитель революционного романтизма в литературе. *Чайльд Гарольд* — герой поэмы Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда».

45. В оригинале — загл. «В честь великого поэта». В русских изд. ошибочно датировано 1937 г. К 100-летию со дня смерти великого русского поэта А. С. Пушкина С. Вургун перевел на азербайджанский язык «Евгения Онегина». После окончания работы над переводом он написал это стихотворение. «В 1918 г., когда я двенадцатилетним мальчиком учился в отдаленном азербайджанском селении Салахлы, — вспоминал С. Вургун, — вошел в мою жизнь А. С. Пушкин. Как и Вагиф, он стал мне не только самым близким другом, но и моим учителем. Его творчество стало для меня величайшей поэтической школой. Прошли годы детства и юности, и вот уже тридцать лет, как поэзия является для меня делом жизни. И все эти годы я оставался верен своей любви к прекрасной поэзии Пушкина, ее чудесной чистой народности» (Собр. соч., т. 6, с. 175). В статье «Слава поэту» С. Вургун писал о работе над переводом «Евгения Онегина»: «Эти годы были не только годами переводческой работы, но и годами моей творческой учебы у великого поэта. Работая над каждой онегинской строфой, восхищаясь лирическими отступлениями поэта, его философскими обобщениями и романтическими взлетами, я буквально каждый день ощущал в себе шаг вперед, шаг к творческой зрелости» («Культура и жизнь», 1949, 31 мая). *Татьяна* — героиня романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». *Умай* — героиня «Комсомольской поэмы» С. Вургун. «*Как грустно мне твоё явление, Весна, весна! Пора любви! Какое томное волнение В моей душе, в моей крови!*» — цитата из седьмой главы «Евгения Онегина».

46. Посвящено великому азербайджанскому поэту-сатирику Мирзе Алекперу *Сабиру* (1862—1911) в 25-ю годовщину со дня смерти.

47. *Кер-оглы* — см. примеч. 28. *Алескер* (1821—1926) — известный азербайджанский народный поэт-ашуг. *Саят-Нова* (1722—1795) — крупнейший представитель светской поэзии армянского средневековья, писал на армянском, грузинском и азербайджанском языках.

48. В оригинале — загл. «Букет слов». Посвящено Международному дню солидарности трудящихся 1 Мая.

49. Посвящено *Джамбулу* (1846—1945) — поэту-акыну, одному из крупнейших представителей устной народной поэзии Казахстана.

50. *Вагиф* — см. примеч. 41.

51. В «Эдебият газети» («Литературная газета»), 1938, 1 марта, с посвящением *ашугу Гусейну* Бозалганлы (1860—1949). Во всех последующих изданиях — загл. «Поговорим». Джафар Хандан в своих

воспоминаниях о С. Вургуне писал: «В 1936—1937 годах ашуг Гусейн Бозалганлы, ашуг Асад и ашуг Мирза были приняты в члены Союза писателей. В это время я работал в редакции «Эдебият газети»... По предложению Самеда я написал письмо Бозалганлы и просил его как члена союза принять активное участие в нашей газете. Через несколько дней талантливый ашуг прислал ответ в стихах... И я ответил ему стихотворением. После напечатания стихотворения поэта Османа Сарывелли по этому поводу я обратился к Самеду и просил, чтобы он принял участие в этой переписке. Стихотворение «Ашугу Гусейну» появилось в связи с этой перепиской С. Вургунa с ашугом Гусейном» («Останется вечно». Сборник воспоминаний о С. Вургуне (на азерб. яз.), Баку, 1973, с. 115—116).

52. В первой публикации «Гянджи ишчи» («Молодой рабочий»), 1937, 18 ноября, с посвящением: «Счастливой детворе нашей социалистической родины». В русских изд. ошибочно датировано 1943 г. *Нерон* Клавдий Цезарь (37—68) — римский император из династии Юлиев — Клавдиев, сын Агриппины Младшей. С крайней жестокостью расправлялся со своими политическими противниками.

53. Посвящено злодейскому расстрелу царским правительством мирной демонстрации рабочих в Петербурге 9 января 1905 г.

54. В оригинале — загл. «Мавзолей». *Татьяна* — см. примеч. 45. *Джамбул* — см. примеч. 49.

56. *Сабир* — см. примеч. 46.

57. Четверостишие после ст. 12 принадлежит ашугу Алескеру (см. примеч. 47). Помимо лирических стихотворений, им создан целый ряд ашугских мелодий.

58. В оригинале — загл. «Не годный ни для добра, ни для зла».

59. В оригинале — загл. «Жадный, скупой». Имеется второй вариант этого стихотворения под загл. «Небыль, которую поют ашуги».

60. *Низами* — см. примеч. 28.

61. В оригинале — загл. «Человек с вероломным сердцем». В некоторых изданиях на азерб. яз., как, например, в сб. «Песня о грядущем» (Баку, 1947) — загл. «Вероломный».

62. Посвящено 20-й годовщине установления Советской власти в Азербайджане. На азерб. яз. стихотворение состоит из отдельных частей с загл.: «Пролог», «Первая симфония», «Вторая симфония», «Эхо», «Эпилог». В переводе сокращена часть «Первой симфонии», полностью «Вторая симфония» и «Эхо». *Двадцать Шесть* — см. примеч. 116.

63. Эпиграф из стих. азербайджанского советского поэта Б. Адила (1925—1977).

64. *Низами* — см. примеч. 28. *Лейли* — см. примеч. 39. *Фархад* — один из героев поэмы Низами «Хосров и Ширин».

65. Стихотворение «Материнское напутствие», по словам известного азербайджанского писателя Мир Джалала, «является новаторским как для творчества самого Самеда Вургуна, так и для всей азербайджанской поэзии — новаторским не только по сюжету, но и по духу, содержанию, идее. Начиная с Физули и до Сенд-Азима Ширвани и Сабира было много поэтов — авторов родительских наставлений, обращенных к детям. Эти произведения имели большое морально-воспитательное значение. Но если исключить образцы народной поэзии, то никто еще не создавал в поэзии портрета матери, подобного героине «Материнского напутствия»... Поэт создал художественно обобщенный образ советской матери...» («Очерк истории азербайджанской советской литературы», М., 1963, с. 311). *Кер-оглы* — см. примеч. 28. *Мать, поглядев ему вослед, плеснула чистою водой*... — Народный обычай: пожелание благополучного возвращения.

66. В русских изд. ошибочно датировано 1942 г.

68. В оригинале. — загл. «Русская армия».

69. В русских изд. ошибочно датировано 1942 г.

71. В русских изд. ошибочно датировано 1942 г. Посвящено героической защите Москвы в первые месяцы Великой Отечественной войны.

72. Посвящено Герою Советского Союза *Мамедову Исрафилу Магеррам-оглы* (1919—1946), памятник которому установлен в парке им. Ленина в городе Кировабаде Азербайджанской ССР. Старый друг С. Вургун Г. Саркисов по этому случаю писал: «В 1941 году у нас на родине распространился такой слух: бесстрашный сын азербайджанского народа Исрафил Мамедов за проявленное героичество под Новгородом удостоен звания Героя Советского Союза. Когда Самед услышал об этом событии, он поехал в деревню Гапанлы Шамхорского района, где родился герой. Он посетил также родственников героя в городе Кировабаде. Я был свидетелем того, с какой охотой он изучал биографию героя, с какой теплотой он беседовал с матерью героя Гюльсум-хала и братьями. Тогда же в Кировабаде состоялся большой митинг, на котором собралось 5 тысяч человек. На митинге Самед Вургун произнес пламенную речь: „Гянджа нам дала великого Низами. И народного героя Исрафила Мамедова создала эта земля. Большое спасибо матерям, вскормившим своим молоком, вырастившим с любовью и отдавшим на служение Родине таких сыновей! Такими сынами гордятся все народы Советского Союза“» (цит. по кн.: Ф. А. Велиханова, Русские переводы поэзии Самеда Вургун, Баку, 1968, с. 118).

73. Это стихотворение, завоевавшее большую популярность, было переведено на многие языки народов СССР и зарубежных стран. И не случайно украинский поэт М. Рыльский сказал: «Как украинский поэт и гражданин я не могу забыть, что в дни Великой Отече-

ственной войны с пламенным письмом обратился к украинским партизанам гражданин и поэт Азербайджана Самед Вургун...» (цит. по кн.: Г. Бабаев, Поэт и время (на азерб. яз.), Баку, 1966, с. 104). *Кармелюк У. Я.* (1787—1835) — руководитель антикрепостнического крестьянского движения на Правобережной Украине, один из героев украинского народа. *Кер-оглы* — см. примеч. 28.

74. В оригинале — загл. «Привет, Москва». В январе 1942 г. С. Вургун с писателем Мехти Гусейном приехал в Москву на заседание президиума Союза писателей СССР. Об истории создания этого стихотворения М. Гусейн пишет: «Мы стояли перед величественным памятником Пушкину. Вместе с этим памятником в нашем воображении представляются сотни бессмертных героев, созданных гением Пушкина... С. Вургун крепко задумался. Как будто что-то тревожило его сердце. В такие моменты не может быть, чтобы вдохновение поэта молчало. Ясно, что он посвятит новое стихотворение Пушкину. Впоследствии он и создал свое произведение «Салам, Москва» («Привет, Москва»). Самые лучшие строки этого произведения посвящены гениальному поэту» (Г. Мехти, Олжям («Моя страна», на азерб. яз.), Баку, 1947, с. 229). *Грозен бронзовый Пушкин в метельной мгле.* Имеется в виду памятник А. С. Пушкину в Москве скульптора А. М. Опекушина (1841—1923).

75. На азерб. яз. написано в форме пятистиший.

76. В оригинале — загл. «Пожар». В изд. на русском яз.: Избранные произведения (М., 1948), Избранные сочинения в 2-х томах, т. 1 (М., 1958) с подзаг. «Из фронтовых воспоминаний», которого в оригинале нет. 20 октября 1942 г. С. Вургун ездил на Северо-Кавказский фронт для встречи с бойцами. Впервые увидел ужасы войны, опустошенные города и села, охваченный пожаром город Грозный.

77. В первой публикации в газ. «Коммунист» (на азерб. яз.), 1942, 27 декабря, под загл. «Для партизана Бабаша». Т. Ахмедов в своей статье «Партизан Бабаш» писал: «Это событие произошло в конце декабря 1942 г. Воин, увидев перед собой Самеда Вургуна, растерялся. Между ними началась дружеская беседа. Поэт непрерывно задавал ему вопросы: где он служит и как воюет. Этот солдат был партизан Бабаш Дадашев, геройски сражавшийся в лесах Украины. Подвиг нашего земляка давно стал известным во всех уголках нашей Родины. Настала минута расставания. У обоих на глазах навернулись слезы. Поэт заговорил: «Будь здоров, выходи из пламени боев с победами. Я сам напишу дастан про тебя». Не прошло и нескольких дней, как в печати появилось стихотворение С. Вургуна „Партизан Бабаш“» («Азербайджан гянджлери» — «Молодежь Азербайджана», 1965, 9 мая). Бабаш Дадашев в своих воспоминаниях писал: «Когда я сражался в рядах Советской Армии, переписывался с поэтом. С. Вургун в своем письме, датированном 11 июня 1943 г., мне писал: „Мой уважаемый партизан Бабаш, когда я был в Москве, от Александра Фадеева узнал, что ты, опять героически сражаешься, даже познакомился с радиogramмой, которую ты послал. Очень обрадовался. Бабаш, в нашем народе есть поговорка: когда

умирает бык — остается шкура, а когда умирает отважный — остается доброе имя. Желаю тебе успеха, жму руку. Самед Вургун“» (цит. по кн.: Б. Вагабзаде, Самед Вургун (на азерб. яз.), Баку, 1968, с. 145). *Бабаш* — Рустам-оглы Дадашев (р. 1922) — в настоящее время подполковник милиции, избран почетным гражданином города Чернигова. *Кер-оглы* — см. примеч. 28.

79. Стихотворение написано в форме «гошма», которая не сохранена в русском переводе.

80. В оригинале — загл. «Подвиг Гызханым». Посвящено колхознице Гызханым колхоза им. «Коминтерна», селения Дашсалахлы Казахского района Азербайджанской ССР. Интересно письмо сержанта Габиба Гасым-оглы об этом стихотворении: «Дорогой Самед!.. Я читал бойцам своего подразделения Ваше стихотворение «Подвиг Гызханым», опубликованное в газете «Коммунист» от 7 января. Мы только что вернулись с боя. Трудно выразить те новые чувства и ощущения, которые пробудило в нас стихотворение. Ваши стихи говорили нам: «Воин-азербайджанец, прояви героизм, достойный имени твоего народа. Будь беспощаден к врагу!» И мы в ответ Вам и Вашим собратьям по перу говорим: „Дорогие наши поэты и писатели! Заверяем вас, что с честью выполним свой долг!“» («Эдебият газети» — «Литературная газета», 1943, 2 февраля).

81. *Мустафа* Агабек-оглы *Топчибашев* (р. 1893) — действительный член Академии медицинских наук СССР, академик АН Азербайджанской ССР, Герой Социалистического Труда.

82. В оригинале — загл. «Так мне рассказали».

83. В оригинале — подзаг. «Баллада». В некоторых изданиях на русском яз. (сб. «Сегодня и завтра», М., 1944; Избранные произведения, М., 1948; Избранное, М., 1956, и др.) печ. под загл. «Встреча с Орлом».

84. В азерб. изд. с подзаг. «Воспоминание о фронте». Стихотворение написано после встречи С. Вургуня с воинами-фронтовиками вблизи Мелитополя.

85. В русских изд. ошибочно датировано 1944 г. Посвящено Мустафе Топчибашеву в день 50-летия со дня рождения (см. примеч. 81).

86. В оригинале — загл. «Свадьба — праздник грядущего». *Ахриман* (Ариман) — в религии огнепоклонников Средней Азии, Ирана и Закавказья — бог зла. *Ормузд* — в религии огнепоклонников Средней Азии, Ирана и Закавказья — бог добра. *Деде Коркуд* — главный герой азербайджанского народного эпоса (XI в.).

87. В русских изд. ошибочно датировано 1943 г.

88. В оригинале — загл. «Первая весна и я». *Логман* — легендарный философ, мудрец, врач.

89. В оригинале — загл. «Дайте лекарство».

92. Посвящено памяти Героя Советского Союза генерала Ази Асланова (1910—1945). *Бабек* (ок. 798—800 — янв. 838) — народный герой-полководец, руководил борьбой с арабскими завоевателями в IX в. *Джаваншир* (638—670) — выдающийся гардманский государь, боровшийся против Арабского халифата. Гардман — древнее феодальное княжество в раннесредневековой Кавказской Албании, располагавшейся на территории современной Азербайджанской ССР. В конце VI — начале VII в. при правителях из династии Мехранидов произошло возвышение Гардмана.

93. *Фархад* — см. примеч. 64.

96—102. С. Вургун как депутат Верховного Совета СССР в составе парламентской делегации СССР в 1947 г. посетил Лондон. По пути в Лондон делегация сделала остановку в Берлине. В 1948 г. поэт был участником Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве (Польша). Между 1947—1950 гг. было написано 12 стихотворений под общим названием «Воспоминания о Европе», из которых 7 включены в настоящий сборник.

2. В архиве С. Вургунa в маленькой записной книжке имеется описание памятника: «Статуя женщины. На коленях лежит открытая книга. Вид задумчивый. Дома вокруг нее превратились в развалины. Быть может, она вспоминает своего сына, ставшего разбойником и палачом, которого когда-то призывала к смирению, и сейчас, глядя на разрушенные дома, проклинает его, ибо в сегодняшнем виде Берлина виноваты только сами немцы. Пусть. Не раненный в собственную грудь, палач не поймет боль ран, нанесенных другим» (цит. по кн.: Ф. А. Велиханова, Русские переводы поэзии Самеда Вургунa, Баку, 1968, с. 136—137).

3. В оригинале — загл. «Эдуард Мазэ». В г. Брест (Франция) под лозунгом «Франция не станет рабом Вашингтона» началась в 1950 г. большая забастовка рабочих. В схватке с полицией был убит глава этого движения *Эдуард Мазэ*.

4. В оригинале — загл. «Последняя картина художника».

5. «Мне было очень интересно переводить из европейского цикла стихи, посвященные Англии... — отмечал П. Антокольский в одной из своих бесед. — ...И мне очень хотелось поднять живую интонацию Самеда...» (цит. по кн.: Ф. А. Велиханова, Русские переводы поэзии Самеда Вургунa, Баку, 1968, с. 141). *Двадцать Шесть* — см. примеч. 116.

6. В оригинале — загл. «Ислам». Поводом для написания баллады послужил следующий факт. «В день прибытия во Вроцлав, — писал С. Вургун, — мы посетили кладбище, на котором были погребены советские воины, освободившие Польшу и всю Европу от гнета немецких захватчиков и погибшие в бою. Я обошел кладбище. Занес в свою записную книжку имена нескольких азербайджанцев, высеченные на надгробных камнях. Меня охватило чувство глубокой скорби оттого, что их могила очень далеко от родной земли, от берегов Каспия, Куры, Аракса, подножья Шахдага, от Муганских, Мильских, Ширванских равнин, и их седовласые матери, братья и сестры,

невесты не смогли хотя бы в последние минуты проститься со своими дорогими. В то же время мое сердце забилося с гордостью, ведь и сыны моего народа — это отважные потомки Бабека и Кер-оглы, вытерпев всяческие муки и страдания, преодолев долгий путь от Моздока до Вроцлава с высоко поднятым знаменем коммунизма, спасли Европу от гнета, унижения и порабощения гитлеровцев. В историю Великой Отечественной войны советского народа они также вписали своей кровью героические страницы азербайджанского народа. Стоя у надгробия сынов Азербайджана, похороненных во Вроцлаве, я думал о том, что мы, азербайджанские писатели, в долгу перед памятью этих героев, их прекрасная жизнь, историческая борьба еще не нашли своего художественного выражения в нашей литературе» (Собр. соч., т. 6, с. 116—117). Можно предположить, что среди фамилий, которые записывал в свой блокнот С. Вургун, была и фамилия *Ислама Мамедова*, старого знакомого поэта, работавшего до войны секретарем райкома партии в Казахском районе Азербайджана.

7. В оригинале — загл. «У могилы Маркса». В составе делегации Верховного Совета СССР С. Вургун в Лондоне в 1947 г. посетил могилу Маркса. Юрий Либединский, которому Вургун показал фотографию, запечатлевшую поэта на могиле Маркса, пишет: «Могильная плита. Перед ней на коленях стоит, склонив голову, человек без шляпы, в черных волосах его заметна довольно сильная проседь. Несколько поодаль видна большая группа людей». Далее мемуарист передает слова Вургунa, сказанные им по этому поводу: «Ничем другим не мог выразить я чувств своих, когда увидел могилу Маркса. . . Я только мог стать на колени. Я даже не знал, что меня сфотографировали. А когда узнал, обрадовался — хорошо иметь на память такую фотографию! . . . У могилы Маркса я вдруг почувствовал, что он — отец мой, а я его сын. Ведь не будь его, разве мог бы я стать тем, что я есть?» (Ю. Либединский, *Поэт на родине*. — Избранное в 2-х томах, т. 2, М., 1972, с. 332).

103. В оригинале — загл. «Любовь призывает меня к вдохновению». *Идут, идут отряды комсомола*. Речь идет о комсомольских отрядах, которые по призыву Коммунистической партии шли на помощь деревне в послевоенные годы.

104. Стихотворение написано на смерть *Узеира Гаджибекова* (1885—1948) — академика АН Азербайджанской ССР, выдающегося азербайджанского композитора и общественного деятеля, народного артиста СССР. «*Кер-оглы*» — название его оперы. *Физули* — см. примеч. 28.

105. В 1950 г. С. Вургун писал: «Совсем недавно по ту сторону бурной реки Аракс — этой свидетельницы тысячелетних страданий и мучений древней азербайджанской земли, свидетельницы ее героических подвигов в борьбе против Арабского халифата и иранских шахов — я увидел печальную и трагическую картину. Опустошенная деревня по ту сторону Аракса стояла у подножья голы и скалистой горы. Долго-долго глядел я на деревню с надеждой увидеть хотя бы одного пешехода, услышать ржание коня или же собачий лай. Но

увы! Деревня стояла предо мной мертвой. Множество домов, построенных из серых и сырых кирпичей, напоминали мне надгробные камни, стоящие на огромном безмолвном кладбище. Царила жуткая тишина» (цит. по кн.: Ф. А. Велиханова, Русские переводы поэзии Самеда Вургуня, Баку, 1968, с. 22).

106. *Юсиф* (р. 1935) — старший сын С. Вургуня, писатель, автор многочисленных рассказов и киносценария «Семеро сыновей моих», редактор литературного журнала «Улдуз» («Звезда»). *Айбениз* — дочь С. Вургуня, главный хранитель фонда Дома-музея поэта. *Вагиф* (р. 1939) — сын С. Вургуня, поэт.

110. Об истории создания С. Вургунем этого стихотворения писатель Имран Касумов пишет: «Однажды в Москве после очередного матча столичных команд по футболу я с Самедом Вургунем возвращались в гостиницу. Увидев свободное такси, мы остановили машину. Шофер ехал с большой скоростью. С. Вургун, обращаясь к нему, сказал: «Я не спешу». Шофер не среагировал, тогда С. Вургун громче повторил: «Я не спешу». Шофер улыбнулся, но не уменьшил скорости, тогда С. Вургун резко повернулся к нему и сказал: «Я никуда не спешу, скоро мне исполнится 50 лет». Спустя полтора месяца мы встретились с С. Вургунем в санатории в Кисловодске, где он отдыхал. Увидев меня, он оживился, разговорились, и вдруг С. Вургун спросил: «Помнишь московский футбол и после футбола такси? Тогда слушай». И он прочел мне свое новое стихотворение: „Я не спешу“» («Останется вечно». Сборник воспоминаний о С. Вургуне (на азерб. яз.), Баку, 1973, с. 225—226).

111. В 1955 г. Самед Вургун в составе парламентской делегации ездил в Демократическую республику Вьетнам, по пути заболел и был вынужден лечь в одну из больниц в Пекине, где и написал это стихотворение.

112. *Осман Сарывелли* (р. 1905) — народный поэт Азербайджана.

113. Посвящено академику АН Азербайджанской ССР Ильясу Абдуллаеву (р. 1910).

ПОЭМЫ

С. Вургун создал 27 поэм на фольклорные, историко-героические и современные темы. Еще в середине 30-х годов в статье «Эпопея Азербайджана» поэт писал: «В последнее время мною написана большая эпопея «Азербайджан», в которой отражены важнейшие этапы 2000-летней истории моей родины, включая и советские годы, принесшие ей освобождение. В эту эпопею входит 30 поэм, внутренне связанных друг с другом. Эпопея заканчивается поэмой «Орденосный герой» об исторической заслуге нашей партии в дни освобождения азербайджанского народа» (Собр. соч., т. 5, с. 73). И в действительности у С. Вургуня была такая мысль — написать поэму «Эпопея Азербайджана» (об этом свидетельствует и то, что в первых изда-

ниях некоторых своих поэм поэт в скобках помечал: «Из эпопеи „Азербайджан“») и представить ее на литературный конкурс, объявленный по случаю 15-й годовщины установления Советской власти в Азербайджане. В настоящую книгу входит 9 поэм.

114. Поэма посвящена славной борьбе комсомола с контрреволюцией и кулачеством в первые годы установления Советской власти в Азербайджане. Поэма начата в 1931 г. Основные главы написаны до 1935 г. и напечатаны в республиканской периодической печати. В 1928 г. в связи с подготовкой празднования 11-й годовщины Октябрьской революции редакция журнала «Ингилаб ве медениет» («Революция и культура») направила группу молодых писателей, в том числе и С. Вургуну, в районы республики, чтобы они написали художественные произведения о строительстве новой жизни в Азербайджане. В 1933 г. в азербайджанской печати сообщалось, что С. Вургун был направлен в Казахский район, где он собрал материал об участии комсомола в гражданской войне 1920 г. и написал «Комсомольскую поэму» (см.: «Ингилаб ве медениет» («Революция и культура»), 1933, № 10-12, с. 44). В том же году в статье «Мой подарок» С. Вургун писал: «Воспитанник Ленинского комсомола, 13 лет как я член этой непоколебимой организации. Вдохновение, жизненные силы, полученные от этой боевой армии, обогащают меня, двигают вперед. Несмотря на то что комсомольский возраст уже позади, комсомольский дух все еще со мной. . . Полтора года, как я тружусь над большой «Комсомольской поэмой». Это мое произведение — подарок 15-летию комсомола. Поэма завершена, в ближайшие дни выйдет отдельной книгой» («Гянджи ишчи» — «Молодой рабочий», 1933, 19 октября). Это обещание поэта, к сожалению, не исполнилось своевременно. Он приступил вновь к работе над «Комсомольской поэмой» лишь в 1950 г. С этой целью снова просмотрел главы поэмы, сделал в тексте ряд исправлений и дополнений. Вместе с тем тяжелая болезнь не дала возможности поэту написать о некоторых событиях, систематизировать уже написанные главы. Экземпляр, над которым работал поэт, справедливо можно назвать черновой рукописью, на основе которой друг С. Вургуну народный поэт Азербайджана Осман Сарывелли подготовил поэму к печати. Поэма была напечатана в журнале «Азербайджан» (1958, № 10) и затем вышла отдельной книгой, по которой и осуществлен русский перевод. О. Сарывелли в предисловии к отдельному изданию «Комсомольской поэмы» писал: «При подготовке произведения к печати нами были приняты во внимание известные начало и концовка поэмы, события, изображенные в различных отрывках, взаимодействие образов, их динамика, отдельные сцены и картины, а также были учтены мысли о поэме, высказанные автором в свое время брату Мехтихану (а точнее, основываясь на них), мы старались определить сюжетную линию поэмы. Последующие главы (части), как видно из этой книги, составлены в соответствии с этой сюжетной линией. Событие, описываемое в «Кровавом шатре», случилось в летние месяцы. В разделе «На празднике новруз» Умай очень обеспокоена. Она с нетерпением ожидает исхода дела — согласия отца на свое замужество. В конце этой части мы увидим Умай радостной, очень веселой от доброго известия, услышанного у соседских дверей: «увидеть бы твою свадьбу». Однако, на

наш взгляд, после раздела поэмы «На празднике новруз» следует часть «Горькая весть», в которой Бахтияр приносит весть о гибели Джалала. Два противоречивых положения (с одной стороны, услышанные Умай добрые слова от соседей, с другой стороны, горькая весть, принесенная Бахтияром) еще более способствуют усилению психологической контрастности. Вероятно, сам поэт здесь намеренно (именно в этой части) считал нужным создание противоречивого психологического контраста. Этот отрывок автор, без сомнения, намеревался поместить в начале главы „Кровавый шатер“» (см.: С. Вургун, Комсомольская поэма (на азерб. яз.), Баку, 1958, с. 17). Такие заглавия, как «Зимняя ночь», «Перестрелка», «Смерть друга», «На берегу», «Воскресники», «Стража»; «Джалал и Умай», «Раздумья Умай», «Ожидание», «Весть», «Гибель Умай», «Возмездие», отсутствуют в оригинале и условно названы О. Сарывелли при подготовке поэмы к печати. В переводе деление на отдельные главы не соответствует оригиналу: глава «Умай» разделена на две части — «Умай» и «Размышление»; глава «Интересное происшествие» в переводе с другим загл. — «В мечети»; глава «Первый плен» — под загл. «Беглец»; глава «Красота и любовь» — под загл. «Джалал и Умай»; глава «На празднике новруз» — под загл. «Весна»; глава «Горькая весть» — под загл. «Весть»; глава «Сары Шамистан» — под загл. «Комсомолец Шамистан». Публикация некоторых глав из поэмы в периодической печати сопровождалась иногда примечаниями от редакции. Так, глава «Театр в селе» была напечатана со следующим редакционным примечанием: «В «Комсомольской поэме», создаваемой Самедом Вургун, описывается участие комсомола 1920 года в гражданской войне. В поэме показаны различные картины борьбы азербайджанских комсомольцев. Здесь, наряду с героическими, мужественными комсомольцами, изображаются также трусливые, беспринципные, избегающие опасностей. Однако, несмотря на это, комсомольцы, под руководством и при поддержке партии, показывают себя большой руководящей силой в деле установления и упрочения Советской власти в деревне. В разделе «Театр в селе» поэт, показав участие сельских комсомольцев в культурно-просветительных делах, разоблачил также сеющих национальную вражду мусаватских „героев“» («Ингилаб ве медениет» — «Революция и культура», 1932, № 10-11, с. 45—46). Глава «На празднике новруз» не была напечатана при жизни поэта. Впервые под загл. «С любовью к весне» она была напечатана в газете «Эдебият ве индженет» («Литература и искусство»), 1959, 21 марта. Поэт Осман Сарывелли, готовивший ее к печати в газете, сопроводил публикацию следующим разъяснением: «В архиве народного поэта найдена еще неопубликованная часть «Комсомольской поэмы». По-видимому, поэт здесь поставил перед собой цель показать мечту, страдания и переживания Умай и создать более прочную основу для последующих глав. Этот отрывок поэт написал в тетради по физике одного из своих детей. Эта рукопись автором не была переписана. В ней большинство четверостиший ясно, легко читается. Однако есть такие строки и четверостишия, над которыми поэт много работал, густо перечеркивая не понравившиеся ему четверостишия, вследствие чего их невозможно было прочесть. Из некоторых четверостиший будто выпали строки (двустихия остались незавершенными)... Имелись два-три, а то и три-четыре варианта строк. Мы выбирали из

этих вариантов наиболее подходящие по содержанию и соответствующие общему духу произведения». Писатель Мир Джалал писал: «„Комсомольская поэма“ Самеда Вургуна достойна особого исследования и изучения не только как наиболее крупное произведение автора, повествующее о героической борьбе комсомола, но и как одна из тех ранних советских поэм, в которых черты социалистического реализма уже нашли себе полнокровное выражение... Многочисленные авторские отступления, к которым Самед Вургун прибегает в поэме, трудно отнести к разряду обычных лирических отступлений, гораздо вернее было бы видеть в них высказывания программного характера, принять за своеобразный манифест нашей поэзии» (Мир Джалал, Манифест нашей поэзии. — «Литературный Азербайджан», 1960, № 7, с. 87, 91). *Татьяна* — см. примеч. 46. *Офелия* — героиня трагедии В. Шекспира «Гамлет». *Рустам* — см. примеч. 4. *Кер-оглы* — см. примеч. 28. *Молла Насреддин* — обобщенный фольклорный образ народного мудреца и остролова у тюркоязычных народов. Легендарная личность, о которой сложилось множество анекдотов в Азербайджане, Средней Азии, Турции и других странах мусульманского мира. *Байрон* — см. примеч. 44. *Физули* — см. примеч. 28. *Вагиф* — см. примеч. 41. *Магомед* (Мухаммед ибн Абдулла, ок. 570—632) — основатель ислама, пророк мусульманского мира. *Иса* — Иисус Христос. *Двадцать шесть комиссаров* — см. примеч. 116. *Бабек* — см. примеч. 92. *Фархад* — см. примеч. 64. *Ширин* — героиня поэмы Низами «Хорров и Ширин». *Лейли* — см. примеч. 39. *Меджнун* — см. примеч. 28.

115. В 1933 г. по провокационному обвинению в поджоге германского рейхстага был арестован выдающийся деятель болгарского и международного рабочего движения Георгий Михайлович *Димитров* (1882—1949). На организованном германскими фашистами Лейпцигском процессе (21 сентября — 23 декабря 1933) Димитров разоблачил гитлеровских провокаторов и нанес фашизму сокрушительный морально-политический удар. Провал обвинения и широкое движение протеста во всем мире заставили фашистский суд оправдать Димитрова и других обвиняемых коммунистов. По горячим следам этих событий и написана поэма С. Вургуна.

116. Поэма посвящена революционной деятельности и героической смерти 26-ти бакинских комиссаров, расстрелянных 20 сентября 1918 г. английскими интервентами и их пособниками эсерами в Закаспийских степях. Борьба рабочих и крестьян Азербайджана за победу социалистической революции протекала в очень сложной обстановке. В Закавказье развертывалась германо-турецкая интервенция, турецкие войска вторглись в Азербайджан. С другой стороны, английское командование в Иране установило контакт с бакинскими *дашнаками* (армянская буржуазно-националистическая контрреволюционная партия), эсерами и меньшевиками, рассчитывая использовать их для свержения Советской власти, установленной в Баку 31 октября (13 ноября) 1917 г., и захвата города. В создавшихся условиях большевикам не удалось удержать власть в своих руках — в результате контрреволюционного переворота она была свергнута 15 сентября 1918 г. Окончательная победа Советской власти в Азербайджане произошла 28 апреля 1920 г. *Расул-заде Мухаммед Эмин*

(1884—1955) — один из руководителей контрреволюционной националистической мусаватской партии в Азербайджане (см. примеч. 20). *Телеграмму Ленина вспомнил он*. Имеется в виду телеграмма В. И. Ленина от 14 мая 1918 г., адресованная С. Г. Шаумяну (1878—1918), где говорится: «Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предписываемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим. . .» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 50, с. 73—74). *Азизбеков Мешади* (1876—1918) — выдающийся деятель революционного движения в Азербайджане, большевик.

117. В оригинале — загл. «Басти». Посвящена знаменитому хлопкоробу республики, дважды Герою Социалистического Труда Басти Багировой (1905—1962). В последнем очерке «Министр» С. Вургун писал: «Веками изнывала женщина Востока в тисках бесправия и религиозно-фанатических предрассудков. Перед ней были закрыты все пути к общественной и культурной жизни. Она не могла заниматься наукой, ее слова ни во что не ставились, она была лишена возможности выйти замуж за любимого человека, не знала радости, смеха, веселья. Ее продавали, как товар. Женщинам грех было петь, танцевать, заниматься музыкой, вмешиваться в мужское дело. Равноправная, свободная от рабских пут женщина Советского Востока активно участвует в управлении государством, сочиняет стихи, пишет симфонии, книги, делает научные открытия, покоряет небо, землю и море. Душа радуется бесконечно за ее светлую судьбу» (Собр. соч., т. 6, с. 307—308). Известная советская поэтесса М. Алигер об этой поэме пишет: «Поэма. . . известная нам под названием «Слово о колхознице Басти», пожалуй, действительно могла бы быть точнее названа «Песни о колхознице Басти», ибо это и впрямь ряд восторженных песен, своеобразная поэтическая оратория о большой судьбе, о большой душе, изумление красотой и силой героини, любовь и глубокое восхищение. Это поэтическое объяснение в любви, построенное как обращение к одной женщине. Построение это могло бы показаться приемом, если бы не беспредельная искренность и непосредственность вещи, удивительное ее простодушие, в котором таится огромное обаяние. Все это так бесхитроно, что совершенно ясно: нет тут никакого приема, поэт действительно думает и говорит только об одной женщине, дочери своего народа, но так богат душевный мир, в котором живет поэт и в который вводит он свою героиню, и так велика магическая сила поэтического обобщения, что это «слово» об одной, рассказ об одной, обращение к одной совершенно естественно и плавно превращается во вдохновенное и многозвучное признание в любви к Родине, к ее цветущим полям и горам, к свободному и радостному труду на ее земле, к ее простым и красивым людям, и, главное, к тому, кто сделал их такими: к советскому строю жизни на земле, ко всему тому новому, что этим строем пробуждено к жизни и утверждено на века» (М. Алигер, Признание в любви. — «Дружба народов», 1957, № 11, с. 230).

118. В оригинале — загл. «Мечты негра». Поэма написана после возвращения С. Вургуня со Всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира во Вроцлаве. В основу поэмы положен реальный факт — речь негра-художника, произнесенная на конгрессе. В своей

статье о конгрессе во Вроцлаве С. Вургун писал: «Большое впечатление произвела речь негра-художника, приехавшего из Америки, на участников конгресса. Он с большим волнением, рассказывая о бесправии американских негров, сказал: «Я художник, притом американец. Если я хотел бы жить наравне с белокожим художником, то природа должна была бы создать меня не негром, а человеком с белой кожей. Хотя я и равен по своим способностям белокожему художнику, однако я лишен возможности жить нормально, и причина этого — в том, что кожа моя черная. Но я горжусь чернотой своего лица потому, что каждый настоящий человек должен гордиться своей наследственностью!..» Этот негр-художник, жалуясь, сообщил, что как живописец он нуждается в том, чтобы путешествовать по своей родине — Америке и обозревать ее, но, так как он негр, ему не предоставляют жилья в городах Америки, не пускают в места общественного питания, ибо закон запрещает ему жить в больших городах... и добавил: «Наш поезд свободы, который я веду, мчится вперед. Если моя родная мать, любимая седовласая бабушка попадут под этот поезд, я ни на миг не остановлю этого поезда свободы, буду вести его до последней станции, до конечной цели». По моему мнению, было бы преступлением считать эти пламенные слова как случайные. Негр этими словами выражал чувство ненависти, гнева и мести, воспылавшие в сердцах сотен миллионов угнетенных и бесправных людей» (Собр. соч., т. 6, с. 131).

119. Отдельные главы печатались в периодической печати республики начиная с июля 1948 г. Полностью поэма была опубликована в «Ингилаб ве медениет» («Революция и культура»), 1949, № 7. В переводе «Песнь восемнадцатая» («Баку — Мингечаур») и «Песнь девятнадцатая» («Муганские леса») объединены в одно лирическое отступление. Поэма посвящена строительству крупной Мингечаурской гидроэлектростанции. Создавая поэму, С. Вургун не ограничивался личными наблюдениями и беседами с тружениками полей и строителями Мингечаурской ГЭС. Б. Вагабзаде пишет: «В архиве поэта вместе с различными заметками, поэтическими «заготовками» и вариантами отдельных частей поэмы обнаружен проект Мингечаурской ГЭС. Изучив эти заметки и варианты, мы установили, что для написания произведения поэт не мог ограничиться своими личными наблюдениями и решил обратиться к дополнительным источникам, связанным с Мингечауром и строительством электростанции. Кроме того, С. Вургун ознакомился с найденными во время археологических раскопок различными предметами и по следам этих находок сделал своего рода историко-поэтический экскурс в прошлое Мугани» (Б. Вагабзаде, Самед Вургун, Баку, 1969, с. 191—192, на азерб. яз.). *Томрис* — правительница племени массекитов, живших на территории Азербайджана (V в. до н. э.). Она победила ахеменидского царя (522—486 до н. э.) Дария I и, по преданию, отрубив ему голову, вложила ее в бурдюк, наполненный кровью, и сказала: «Ты жаждал крови, напейся вдоволь». В ст. «Разбить и уничтожить рать Хосрова» и «Ты жаждал, царь? Напейся допьяна!» имеется в виду это предание, но вместо иранского царя Дария упоминается Хосров-Парвиз — один из древних царей Ирана, 22-й царь (591—628) из династии Сасанидов. *Шемахинские платки*. Шемаха — город в Азербайджанской

СССР, известен с V—VII вв., в период расцвета (XI—XVI вв.) был резиденцией ширваншахов. Издавна шемахинские платки славились каймой и особенным блеском. *В Багдаде было пламя, кровь и плач.* Имеются в виду провокационные действия империалистов в Багдаде после второй мировой войны (1946—1949). *Зардушт* (Заратуштра) — пророк и реформатор древнеиранской религии — зороастризма. *Умай* — см. примеч. 114. *Фархад* — см. примеч. 64. *Что бренчишь ты на сазе, пастуший поэт?* Имеется в виду начальный период творчества С. Вургуна, особенно близкий и по форме и по содержанию ашугскому стихосложению. Поэтому некоторые недоброжелатели С. Вургуна пренебрежительно называли его «пастушым поэтом». *Физули* — см. примеч. 28. *Низами* — см. примеч. 28. *Сарван* — известный экскаваторщик на строительстве Мингечаурской ГЭС, в настоящее время инженер Мингечаурской ГЭС. *Керимова Маня* Искендеркызы (р. 1919) — знатный хлопкороб, Герой Социалистического Труда, в настоящее время председатель исполкома Агамалинского сельсовета Касумисмайловского района Азербайджанской ССР. *Помпей Г.* (106—48 до н. э.) — римский полководец и политический деятель. *Лейли*, *Меджнун* — см. примеч. 39, 28. *Осман Сарывелли* — см. примеч. 112.

120. В оригинале — загл. «Книга Ленина». Поэма посвящена книге В. И. Ленина «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». *Ницше Фридрих* (1844—1900) — реакционный немецкий философ. *Сентябрь семнадцатого года.* Имеется в виду дата (август — сентябрь) написания книги «Государство и революция». *Каутский Карл* (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков II Интернационала и немецкой социал-демократической партии, в начале своей деятельности — марксист. Отступничество Каутского от марксизма было разоблачено В. И. Лениным в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский». *Шейдеман Филипп* (1865—1939) — один из лидеров правой оппортунистической группы немецкой социалистической партии. *Назым Хикмет* — см. примеч. 23.

121. В Избр. соч. в 2-х томах, т. 2, М., 1958, ошибочно датирована 1956 г. В архиве поэта имеется несколько вариантов поэмы с загл. «Невеста» и «Мать». В переводе некоторые главы азербайджанского текста объединены.

122. Отдельные части поэмы были напечатаны в «Азербайджан генджлери» («Молодежь Азербайджана»), 1952, 5 сентября. Полностью поэма была опубликована в журн. «Азербайджан» (на азерб. яз.), 1953, № 11. П. Антокольский, говоря о своей работе над этим переводом, отмечал: «Когда я переводил поэму «Знаменосец века» Вургуна, я следил за ее строфичностью, за количеством слогов и чередованием их. В оригинале большая строфа, и мне хотелось сохранить именно эти большие вургуновские строфы. Это было очень трудно, но я старался» (цит. по кн.: Ф. А. Велиханова, Русские переводы поэзии Самеда Вургуна, Баку, 1968, с. 166). *Пьер Тренго* — участник Парижской коммуны. *Варлен Луи Эжен* (1839—1871) — один из видных деятелей Парижской коммуны, французский революционер. *Делеклюз Луи Шарль* (1809—1871) — французский политический

деятель, журналист, видный участник Парижской коммуны. *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — один из представителей немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. *Беркли* Джордж (1685—1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма. *Бабушкин* Иван Васильевич (1873—1906) — профессиональный революционер, большевик. В январе 1906 г., транспортируя из Читы в Иркутск оружие для рабочих, был захвачен с пятью товарищами на ст. Слюдянка Забайкальской ж. д. карательной экспедицией генерала Меллер-Закомельского и 18 января 1906 г. на станции Мысовая без суда и следствия расстрелян. *Пять лет прошло*, — про злодеянье это С горячим гневом Ленин расказал и т. д. Имеется в виду опубликованный в «Рабочей газете» 18(31) декабря 1910 г. некролог В. И. Ленина, посвященный Бабушкину, в котором В. И. Ленин писал: «Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, с. 82). *Заботкин* — офицер царской армии. *Двадцать шесть* — см. примеч. 116. *Здесь Лениным написанная книга*. Имеется в виду книга В. И. Ленина «Государство и революция» (1917). *На Волге, в самом грозном средоточье* и т. д. В 1919 г., в период гражданской войны, С. М. Киров был организатором обороны Астрахани. *Робсон* Поль (1898—1976) — выдающийся певец, актер, видный прогрессивный политический и общественный деятель США. В 1953 г. за выдающиеся заслуги в деле борьбы за сохранение и укрепление мира Робсону была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В 1937 г. С. Вургун обратился к драматургии, написав первую пьесу — «Вагиф». В дальнейшем им созданы следующие сценические произведения: в 1939 г. — драма «Ханлар», посвященная известному бакинскому революционеру Ханлару Сафаралиеву (на русский язык переведена под загл. «Восходит солнце»), в 1941 г. — «Фархад и Ширин», в 1945 г. — «Инсан» («Человек»). Кроме того, в архиве С. Вургуну имеются незаконченные пьесы «Великая дружба», «Жизнь поэта», «Две любви».

123. Отдельные сцены были опубликованы в периодической печати республики. Полностью напечатана в кн.: С. Вургун, Драматические произведения (на азерб. яз.), Баку, 1950. 5 октября 1938 г. пьеса была поставлена на сцене Азербайджанского академического Государственного драматического театра им. М. Азизбекова, к настоящему времени сыграна около 1000 раз. Пьеса шла также на сценах ряда театров СССР и за рубежом. В 1941 г. драма «Вагиф» была удостоена Государственной премии СССР. В театральном музее Азербайджана им. Дж. Джабарлы имеется один из первых вариантов драмы «Вагиф» (подробно об этом варианте см.: М. А. Дадашзаде, Драматургия С. Вургуну (на азерб. яз.), Баку, 1964). В Азербайджан-

ском государственном литературном музее им. Низами имеется режиссерский вариант пьесы с некоторыми изменениями, внесенными самим автором. «Вагиф» — народно-героическая драма, посвященная классике азербайджанской литературы XVIII в. Молла Панаху Вагифу. С. Вургун писал: «С именем Вагифа связаны героические страницы борьбы Азербайджана за свою свободу против иноземных захватчиков. Вагиф, будучи везиром Карабахского ханства, возглавил борьбу нашего народа против иноземного нашествия, против иранского шаха Каджара. Вагиф, крупный политический и дипломатический деятель, сделал много для народа в его борьбе за счастье, за свободу. Память о нем хранится в сердцах, народ горячо любит своего великого поэта-патриота» (Собр. соч., т. 6, с. 119). Народный артист СССР Н. П. Охлопков в связи с постановкой драмы писал: «„Вагиф“ С. Вургун смело можно назвать эпическим произведением. Это спектакль больших страстей и человеческих потрясений» (цит. по кн.: «Вечная дружба азербайджанского и русского народов», кн. 2, Баку, 1964, с. 258). *Вагиф* — см. примеч. 41. *Видади* — см. примеч. 41. *Джавад-хан* Шахвердихан-оглы с 1786 по 1804 г. был Гянджинским ханом. *Ибрагим-хан* Джаваншир с 1759 по 1806 г. был ханом Карабаха. В 1805 г. принял российское подчинение. *Мухаммед Каджар* — см. примеч. 41. *Рустам* — см. примеч. 4. *Азраил* — по мусульманскому верованию, ангел смерти. *Тамерлан* (Тимур, 1336—1405) — среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир. Его государство включало в себя Мавераннахр, Хорезм, Хорасан, Закавказье, Иран и Пенджаб. *Чингис* (Темучин, 1155—1227) — монгольский хан и полководец. В 1206 г. на курултае (съезде) монгольской знати (нойонов) в долине реки Онон Темучин был провозглашен великим ханом с титулом Чингисхан (буквально этот титул, по-видимому, имеет значение «Океан-хан»). *Фирдоуси* — см. примеч. 4. *Ходжа Насреддин* (Молла Насреддин) — см. примеч. 114. *Хайям* (ок. 1048 — после 1122) — знаменитый персидско-таджикский поэт, философ, астроном. *Кер-оглы, Низами, Физули* — см. примеч. 28. *Саят-Нова* — см. примеч. 47.

124. Отдельные сцены были опубликованы в периодической печати республике. Полностью пьеса была напечатана в кн.: С. Вургун, *Драматические произведения*. (На азерб. яз.), Баку, 1950. Впервые была поставлена на сцене Азербайджанского академического государственного театра им. М. Азизбекова 7 ноября 1941 г. В 1946 г. ставилась в оперно-драматическом театре им. К. С. Станиславского в Москве, а также в разные годы — в Тбилиси, Казани, Ереване, Русском драматическом театре имени С. Вургун в Баку и других городах. Пьеса «Фархад и Ширин» была удостоена Государственной премии за 1942 г. Виднейший польский ученый Ананиаш Зайончковский в статье «Самед Вургун — певец Азербайджана» (1956 г.), говоря о своеобразии драмы «Фархад и Ширин», писал: «Эта тема была использована впервые в истории восточной литературы Низами, великим поэтом Азербайджана XII—XIII вв. Но в то время как Низами выдвинул на первый план любовь иранского властелина Хосрова к Ширин («сладкой») и Фархада сделал второстепенным, эпизодическим персонажем поэмы, то последующие творцы, которые в тюркской литературе — начиная со знаменитого Мир Алишера Навои (XV в.) — использовали многократно этот сюжет, выделяли на первый план

образ Фархада. Это нашло свое выражение в измененном заглавии поэмы: не «Хосров и Ширин», а «Фархад и Ширин». Фархад представляет собой здесь большую моральную силу, которую дает любовь к Родине. От любви к Ширин Фархад находит в себе силу на великие труды, целью которых является счастье простых людей. Этот же самый сюжет мы находим в знаменитой драме Назыма Хикмета, с которой также знакомы польские зрители — „Легенда о любви“ (цит. по кн.: Г. Бабаева, Поэт и время, Баку, 1966, с. 171—172, на азерб. яз.). *Ормузд* — см. примеч. 86. *Хосров* — Хосров II Парвиз, иранский шах (591—628) из династии Сасанидов; легенда о его любви к Ширин впервые разработана Фирдоуси в «Шахнаме», а позднее Низами в поэме «Хосров и Ширин».

СЛОВАРЬ

Абреки — см.: гачаги.

Азан — призыв к молитве.

Азери — сокращенное название азербайджанцев и Азербайджана, а также азербайджанского языка.

Айван (эйван) — открытая галерея, портик.

Айран — молочно-кислая жидкость, утоляющая жажду.

Аксакал — седобородый, старейшина.

Алеппо — современное название города Халеб в Сирии.

Аман — пощада, восклицание: «Пощади!»

Апшерон — полуостров в Каспийском море, на нем расположен Баку.

Арабистан — Аравия.

Аракс — река в Азербайджане, отделяющая Советский Азербайджан от Иранского Азербайджана.

Аскер — солдат, воин.

Астара — город в Азербайджанской ССР, на берегу Каспийского моря, в устье реки Астара.

Ахунд — священник высокого сана.

Ашуг — народный певец.

Бабá — бабушка.

Баджи — сестра.

Байрам — праздник.

Баил — местечко в городе Баку (ныне входит в район имени 26-ти бакинских комиссаров).

Бахар — весна.

Баяти (баяты) — жанр популярной азербайджанской песни — любовной, свадебной, героической, элегической и т. д. Песня состоит из четырех семисложных стихов, причем главная мысль выражается в последних стихах.

Бек — дворянин, также жених, новобрачный.

Бисутун — скала в Иране, на которой высечены надписи и барельефы в честь побед ахеменидского царя Дария I (522—486 до н. э.).
Боздаг — гора в районе Мингечаура.
Бюль-бюль — соловей.

Валла-валлах — ей-богу.

Везир (визирь, вазир) — министр, ближайший советник правителя.

Газель (газелла) — стихотворение любовно-лирического характера у тюркоязычных народов, обычно из 5—12 бейтов-двустийш. В газели рифмуются оба полустийшия первого бейта и последнее полустийшие каждого последующего бейта. Каждый бейт газели, как правило, имеет как бы самостоятельное значение с законченной мыслью. В последнем бейте должен упоминаться тахаллус (прозвище, псевдоним) автора.

Газель — см.: джейран.

Газыри — гнезда для патронов, нашитые рядами на черкеску.

Гары — старуха.

Гачаги — разбойники, беглецы, контрабандисты; в тексте драмы «Вагиф» — повстанцы.

Гейгёль — высокогорное озеро в Азербайджане.

Геокчай — районный центр в Азербайджане.

Гошгар — гора в Дашкесанском районе Азербайджана.

Гошма — строфическая форма лирического стихотворения у различных тюркоязычных народов. Гошма обычно состоит из пяти четырехстрочных строф, метрика слоговая, строка состоит из одиннадцати слогов.

Гури (гурия) — в мусульманской мифологии райская дева, красавица.

Гыр-ат — кличка легендарного коня Кер-оглы.

Гянджа — один из древних городов и культурных центров Азербайджана, где жил и творил великий азербайджанский поэт Низами. Ныне — Кировабад.

Дамджали (Дамджылы) — название родника в Казахском районе.

Дастан — эпический фольклорный жанр, состоит из стихотворных и прозаических частей. В основе содержания большинства дастанов — героические легенды и предания.

Дастархан — скатерть; здесь: праздничный стол.

Джейран — вид газели, дикая коза; поэтический символ грации, резвости.

Джидыр — поляна в Карабахе у г. Шуша.

Дикдаш — по-видимому, вымышленное географическое название.

Дилижан — курортное местечко в Армении.

Домбра — казахский народный струнный музыкальный инструмент.

Душгун — упавший духом, подавленный.

Езид — Ибн Муавия (645—683), один из халифов династии Омайядов. В 680 г. убил сына Али (пророка шиитов) Хусейна и считается поэтому среди мусульман-шиитов поклонником дьявола.

Игид (игит) — храбрый, отважный, доблестный.

Инджа-ханум — неженка (нежная барышня).

Имам — священнослужитель, под руководством которого мусульмане совершают молитву в мечети.

Казан — большой котел.

Казах — район в Азербайджане, где родился С. Вургун

Кази — судья, который в судопроизводстве руководствуется предписаниями Корана.

Каик — лодка.

Кальян — курительный прибор.

Капез — гора в Азербайджане.

Карабах — феодальное государство в XVIII — нач. XIX в. в междуречье Аракса и Куры в Азербайджане (ныне автономная область в Азербайджане).

Карабахская шикеста — популярная мелодия в азербайджанской классической музыке.

Кара-даг — гора в Иране.

Каф — мифическая гора на Кавказе; по преданию, здесь обитают саламандры (см.). В народной фантазии она иногда отождествляется с Кавказским хребтом.

Кафир (кяфир) — у мусульман: иноверец, вероотступник, богохульник.

Кара-даг — гора близ г. Шуша.

Кебаб — шашлык.

Кеклик (кяклик) — горная куропатка.

Келагай — шелковый головной платок с каймой.

Кеманча — азербайджанский народный музыкальный инструмент.

Кеса — человек с редкой бородой, фольклорно-этнографический персонаж.

Кзыл-аскер — красноармеец.

Кизяк — сухой навоз; резанный, формованный кирпич для топлива.

Кимвал — музыкальный инструмент, состоящий из двух тарелок, которыми бьют друг о дружку.

Клындж-мисри — меч Кер-оглы.

Коран — главная священная книга мусульман, содержащая поучения и проповеди пророка Мухаммеда.

Кость кидать — детская игра: ночью в темноте кидают кость и начинают ее искать, кто находит первым, тот и выигрывает.

Кочи — атаман, сорви-голова, занимающийся разбоем, вымогательством, убийством.

Кумирня — небольшая языческая молельная с идолами.

Курбан байрам — религиозный праздник, на котором мусульмане приносят богу в жертву барана.

Ленкорань — город, районный центр в Азербайджане.

Марал — олень.

Меджлис — собрание, компания.

Медина — древний город в Саудовской Аравии, место паломничества мусульман для моления у гробницы Мухаммеда.
Медресе — духовная школа.
Мекка — древний город в Саудовской Аравии, религиозный центр мусульманского мира, место паломничества мусульман.
Мен оюм — ради меня, очень прошу.
Минарет — башня в мечети, откуда муэдзин (служитель мечети) молитвой призывает к богослужению.
Минбар — кафедра в мечети для проповедника.
Молла (мулла) — священник.
Мугань — часть территории Азербайджана, объединяющая несколько хлопковых районов республики.
Мэктэб (мектебе) — начальная школа.

Намаз — обряд молитвы у мусульман, совершаемый пять раз в сутки.
Ней — музыкальный инструмент.
Новруз байрам, — праздник весны, который отмечается 21 марта, по иранскому календарю — первый день нового года.
Нукер — слуга.

Озан — см.: ашуг.

Палан — мягкая подушка, которую грузчики надевают на спину для переноса тяжестей.
Пахлава — сладкое восточное печенье.
Пахлеван (пехлеван) — герой, силач, богатырь, борец.
Паша — титул высших сановников и военачальников в старой Турции и Египте.
Пейканлы — деревня в Казахском районе Азербайджанской ССР.
Пери — нимфа, фея, ангел, красавица.
Пшат — дикорастущий высокий кустарник.

Саазчи (сазчи) — музыкант, играющий на сазе.
Саг-ол — хорошо, чудесно, спасибо, благодарю.
Саз — народный струнный щипковый музыкальный инструмент.
Салам — здравствуй, привет.
Салахлы — деревня в Казахском районе Азербайджанской ССР.
Салманлы — деревня в районе Мингечаура.
Сальяны — город в Азербайджанской ССР.
Сарбан — водитель каравана.
Сейгях — одна из популярных мелодий у народов Ближнего и Среднего Востока.
Семендар (саламандра) — мифическая птица, не сгорающая в огне; в средневековых поверьях дух стихии огня.

Тавриз — город в Иранском Азербайджане.
Тар — национальный струнный музыкальный инструмент.

Тахты — престол.

Той — свадьба.

Турач — горная куропатка, водится в Азербайджане.

Улькер — утренняя звезда.

Фарси — персидский язык.

Фирман (фарман) — указ.

Хазар — Каспийское море.

Хала — тетя.

Ханум — госпожа.

Хач-Булаг — горное плато в Дашкесанском районе.

Худаферин (созданный богом) — мост через реку Аракс, соединяющий Иранский Азербайджан с Советским Азербайджаном в районе Ордубад.

Хурджин — переметная сумка.

Чанахкала — горная местность в Карабахе в районе г. Шуша; крепость.

Чарыги — лапти из сыромятной кожи (постолы).

Чекмень — см.: чоха.

Чомах (чомаг) — дубина с круглой головкой, пастушья палка.

Чох саг-ол — большое спасибо, благодарю.

Чоха (чуха) — чекмень; верхняя длинная мужская одежда на Кавказе.

Чувал — очаг с колпаком.

Чурек — пресный хлеб, лепешка.

Шабашничать — собирать деньги на народных весельях во время танца, а также при исполнении песен ашугом.

Шаир — поэт.

Шамама — душистое огородное растение.

Шамхор — древний город, известный с V—VI вв., ныне районный центр в Азербайджане.

Шариат — свод мусульманских законов.

Шах-даг — гора в Азербайджане.

Шахсей-вахсей — религиозный обряд у мусульман.

Шейх — старец, почтенный человек; в тексте драмы «Вагиф» представитель духовенства.

Шемаха — древний город, известный с V—VII вв., в XI—XVI вв. был резиденцией ширваншахов. Сохранился ряд мавзолеев. Ныне районный центр в Азербайджане.

Шербет — сладкая фруктовая прохладительная вода.

Шикеста — мелодия азербайджанской классической музыки, имеет разные варианты.

Ширван — феодальное государство в Северном Азербайджане (до се-

редины XVI в.) со столицей г. Шемаха (см.) В настоящее время объединяет несколько районов республики.

Шуша — курортный город в Нагорно-Карабахской области Азербайджана; основан в XVIII в.

Эйван — см.: айван.

Эйлаг — летнее пастбище.

Ялы — хоровая пляска.

Яшмаг — платок, которым женщина до революции закрывала лицо.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Самед Вургун. Фотография 1954 г. Баку.
2. *Между с. 64 и 65*. Самед Вургун. Фотография 1919 г.
3. *На обороте*. Самед Вургун. Фотография 1929 г. Москва.
4. *Между с. 96 и 97*. Самед Вургун. Фотография 1930 г. Баку.
5. *На обороте*. Фотография 1934 г. Первый съезд советских писателей (первый ряд слева направо: Али Назим, Самед Вургун, Алексей Толстой, Максим Горький, Салман Мумтад. Второй ряд слева направо: Юсиф Ширван, Агагусейн Гусейнов, Микаил Рафили, Али Сабри, Аршавир Дарбни, Джафар Джабарлы).
6. *С. 189*. Обложка сб.: Самед Вургун, Сегодня и завтра, М., 1944.
7. *Между с. 256 и 257*. Самед Вургун. Фотография 1948 г.
8. *На обороте*. Самед Вургун и Аветик Исаакян. Фотография 25 сентября 1948 г. Эчмиадзин.
9. *Между с. 288 и 289*. М. Турсун-заде, Самед Вургун и М. Шолохов на Втором съезде писателей СССР. 1954 г. Москва.
10. *На обороте*. Самед Вургун и Константин Симонов на Втором съезде писателей Азербайджана. Фотография 1954 г. Баку.
11. *С. 449*. Автограф поэмы «Айгюн».

Фотографии хранятся в Азербайджанском государственном литературном музее им. Низами.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Самед Вургун. <i>Вступительная статья Бахтияра Вагабзаде (Перевод с азербайджанского С. Мамедзаде)</i>	5
Автобиография	40

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Письмо к Шикесте. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	47
2. «Здравствуй, родина-мать!..». <i>Перевод В. Кафарова</i>	48
3. «„Воспламенись!“ — я говорю душе. . .». <i>Перевод В. Кафарова</i>	48
4. «Всё! Хватит мудрым докучать, выпрашивать, что значит жизнь. . .». <i>Перевод В. Кафарова</i>	49
5. «Душа, чье волнение всегда через край. . .». <i>Перевод В. Кафарова</i>	49
6. «Меня постигла сызмала беда. . .». <i>Перевод В. Кафарова</i>	50
7. Когда?.. <i>Перевод В. Кафарова</i>	50
* 8. Цветок. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	51
* 9. Той. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	52
* 10. Красавица Сальяна. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	52
11. Клятва. <i>Перевод В. Кафарова</i>	53
12. «Как же скоро ты забыла, нежась в клетке золотой. . .». <i>Перевод В. Кафарова</i>	53
13. «Пускай цветники и луга улыбаются. . .» <i>Перевод В. Кафарова</i>	54
* 14. Весенняя песенка (<i>Мальшам</i>). <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	54
* 15. На берегу. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	55
16. Курá. <i>Перевод А. Адалис</i>	55
17. Матери. <i>Перевод Н. Сидоренко</i>	56
* 18—21. Врата Востока. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	
1. Когда пробуждается город	58
2. Вечер	58
3. Дворец культуры	59
4. Последнее слово	60

¹ Стихотворения, отмеченные знаком *, переведены впервые.

* 22.	Новый мир. Перевод Т. Стрешневой	60
* 23.	Движенья. Перевод Т. Стрешневой	61
24.	Рапорт. Перевод П. Железнова	63
25.	Голос поэта. Перевод В. Кафарова	69
* 26.	Два ребенка. Перевод Т. Стрешневой	69
27.	«Я вновь проснулся до рассвета...». Перевод В. Кафарова	70
28.	Горе ашуга. Перевод В. Кафарова	70
29.	Воспоминания. Перевод Р. Надеждиной	73
30.	О весне. Перевод А. Адалис	78
31.	Кавказ. Перевод К. Феоктистова	78
32.	Мать. Перевод К. Липскерова	80
33.	Морское катанье. Перевод А. Ойслендера	82
34.	На фронте. Перевод В. Цвелева	83
35.	Горькие воспоминания. Перевод Р. Ивнева	85
36.	Мой конь. Перевод М. Шехтера	91
37.	Песня. Перевод Р. Надеждиной	92
38.	Память. Перевод Н. Асеева	92
39.	Лейла. Перевод А. Адалис	95
40.	«Мастер пера». Перевод Л. Белова	96
41.	Смерть поэта. Перевод М. Петровых	99
42.	Азербайджан. Перевод А. Адалис	102
* 43.	Я вспомнил. Перевод Т. Стрешневой	104
44.	Свободное вдохновение. Перевод П. Антокольского	105
45.	А. С. Пушкину. Перевод С. Иванова	109
46.	В честь Сабиря. Перевод А. Шпирта	111
* 47.	Песня счастья. Перевод Т. Стрешневой	112
48.	Весна и я («Весна пришла. Как для родной сестры...»).	
	Перевод В. Кафарова	115
49.	Аксакал нашей поэзии. Перевод А. Адалис	116
50.	Фиалка. Перевод Н. Сидоренко	117
51.	Ашугу Гусейну. Перевод С. Иванова	118
52.	Спор весны и зимы. Перевод В. Цвелева	118
53.	Кровавое воскресенье. Перевод Т. Стрешневой	122
54.	Ленин жив. Перевод Вл. Гурвича	123
55.	Карьерист. Перевод В. Сикорского	125
56.	Единственное яйцо рябой курочки. Перевод А. Адалис	128
57.	Инджа-ханум. Перевод Т. Стрешневой	130
58.	Никчемный человек. Перевод В. Сикорского	133
59.	Душонка. Перевод Л. Белова	135
60.	Низами. Перевод Р. Надеждиной	136
61.	Вероломный. Перевод Л. Белова	136
62.	Двадцатая весна. Перевод И. Оратовского	136
63.	Моя мечта. Перевод Г. Регистана	140
64.	Новый год. Перевод А. Шпирта	141
65.	Материнское напутствие. Перевод П. Панченко	143
66.	Красные соколы. Перевод П. Железнова	144
67.	Песня полей. Перевод М. Шехтера	145
68.	Русской армии — Советской Армии. Перевод А. Адалис	146
69.	Пионерский марш. Перевод М. Шехтера	147
70.	Детский сад. Перевод М. Петровых	148
71.	Москва. Перевод М. Петровых	149

72. Сыну Азербайджана, Герою Советского Союза Исрафилу Мамедову. <i>Перевод П. Антокольского</i>	151
73. Партизанам Украины. <i>Перевод М. Светлова</i>	153
74. Встреча с Москвой. <i>Перевод М. Петровых</i>	154
75. Философия жизни. <i>Перевод Б. Пастернака</i>	155
76. Город в огне. <i>Перевод М. Петровых</i>	157
77. Партизану Бабашу. <i>Перевод А. Адалис</i>	159
78. Горы. <i>Перевод З. Александровой</i>	161
79. Товарищам из Дашсалахлы. <i>Перевод А. Адалис</i>	161
80. Гызханым. <i>Перевод А. Адалис</i>	163
81. Привет, мой друг! <i>Перевод А. Адалис</i>	165
82. Мне рассказали. . . <i>Перевод А. Адалис</i>	167
83. Знаменосец. <i>Перевод А. Адалис</i>	170
84. Голубь. <i>Перевод А. Плавника</i>	174
85. Сердце. <i>Перевод В. Кафарова</i>	178
86. Слово о грядущем. <i>Перевод А. Адалис</i>	185
87. Четыре слова. <i>Перевод М. Петровых</i>	188
88. Весна и я («Опять улыбкой блещет луг, в зеленый шелк одет. . .»). <i>Перевод А. Гатова</i>	191
89. «Лекарства мне, лекарства мне! Нет больше сил терпеть в огне! . .» <i>Перевод В. Кафарова</i>	194
90. Если даже вы и не придете! . . <i>Перевод В. Кафарова</i>	194
91. Новогодний подарок. <i>Перевод К. Арсенвой</i>	195
92. Смерть героя. <i>Перевод А. Плавника</i>	196
93. Мой голос. <i>Перевод П. Панченко</i>	197
94. Одинокая забытая могила. <i>Перевод Г. Асанина (Ч. Гусейнова)</i>	198
95. Мое вдохновение. <i>Перевод В. Кафарова</i>	201
96—102. Воспоминания о Европе	
1. Рейхстаг. <i>Перевод П. Антокольского</i>	202
2. Статуя матери. <i>Перевод П. Антокольского</i>	203
3. Смерть Эдуарда Мазэ. <i>Перевод А. Жарова</i>	205
4. Последняя картина. <i>Перевод П. Антокольского</i>	207
5. Банкет. <i>Перевод П. Антокольского</i>	208
6. Баллада об Исламе Мамедове. <i>Перевод А. Жарова</i>	210
7. Могила Маркса. <i>Перевод П. Антокольского</i>	214
103. Любовью продиктованные строки. <i>Перевод В. Кафарова</i>	216
104. Слава творцу! <i>Перевод А. Шпирта</i>	217
105. Тоска моста. <i>Перевод А. Адалис</i>	218
106. Радуйтесь, мои дети! <i>Перевод В. Луговского</i>	221
107. Весенние раздумья. <i>Перевод М. Петровых</i>	225
108. Есть и такие. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	226
109. Поэт, как рано постарел ты. . . <i>Вольный перевод К. Симонова</i>	227
110. Я не спешу. . . <i>Вольный перевод К. Симонова</i>	229
111. На чужбине. <i>Перевод В. Кафарова</i>	230
112. Дружеский дар. <i>Перевод В. Кафарова</i>	230
113. Телогрейка. <i>Вольный перевод К. Симонова</i>	232

ПОЭМЫ

114. Комсомольская поэма. <i>Перевод А. Адалис и В. Сергеева</i>	235
115. Скамья смерти. <i>Перевод Д. Бродского</i>	327

116. Двадцать шесть. <i>Перевод Б. Соловьева</i>	336
117. Слово о колхознице Басти (<i>Отрывки из поэмы</i>) <i>Перевод А. Адалис</i>	343
118. Негр говорит (<i>Главы из поэмы</i>) <i>Перевод М. Алигер</i>	352
119. Мугань. <i>Перевод А. Адалис</i>	360
120. Читая Ленина. <i>Перевод П. Антокольского</i>	407
121. Айгюн. <i>Перевод глав 1—23 М. Светлова, глав 24—39 А. Адалис</i>	416
122. Знаменосец века. <i>Перевод П. Антокольского</i>	492

ДРАМЫ

123. Вагиф. <i>Драматическая хроника XVIII столетия в трех действиях, одиннадцати картинах. Перевод А. Адалис</i>	525
124. Фархад и Ширин. <i>Драматическая поэма в десяти картинах. Перевод Т. Стрешневой</i>	642
Примечания	731
Словарь	756
К иллюстрациям	762

Самед Вургун

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1977, 768 стр. План выпуска 1977 г. № 377. Редактор *Л. С. Гейро*. Художник *И. С. Серов*. Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*. Техн. редакторы *Л. П. Полякова* и *М. А. Ульянова*. Корректор *И. Г. Клейнер*.

ИБ № 836

Сдано в набор 11/VIII 1977 г. Подписано к печати 30/XI 1977 г. М 11764. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Печ. л. 24,0+5 вкл. Усл. печ. л. 40,37. Уч.-изд. л. 36,02. Тираж 30 000 экз. Заказ № 828. Цена 3 р. 80 к. Изд-во «Советский писатель». Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

